к63.214(2)
П53

АЛЕКСАНДР ПОЛЫНКИН

КЛАДЕЗЬ ОРЛОВСКИХ ФАМИЛИЙ

КНИГА ВТОРАЯ. ДВОРЯНСКИЕ ЛИЦА

К63.2(2)
П53

Александр Полынкин

КЛАДЕЗЬ ОРЛОВСКИХ ФАМИЛИЙ

Книга вторая. Дворянские лица

А307692

КР2024

ИЗДАТЕЛЬСТВО КАРТУШ

Орёл – 2021

БУКОО
«Орловская областная научная универсальная публичная библиотека им. И.А. Бунина»

УДК 908+82-94+82-36
ББК 63.3
П 49

Александр Полынкин

П 49 **Кладезь орловских фамилий. / Книга вторая. Дворянские лица** / – Орёл: Издательство «Картуш», 2021. – 480 стр. с илл.

ISBN 978-5-9708-0928-0

Новое издание известного орловского краеведа Александра Полынкина – вторая из трёх книг задуманного цикла, посвящённого представителям разных сословий Орловской губернии. Во втором томе писатель продолжает вести речь о дворянах Орловской губернии. О многих из них автор рассказывал и ранее. Но в настоящем издании, благодаря найденным за последнее время новым данным, очерки значительно расширены и дополнены.

Каждая из шести глав книги проиллюстрирована большим количеством архивных фотографий и снимков, сделанных автором. В конце некоторых глав приведены документальные приложения, которые позволяют получить более полное представление о героях очерков, многие из которых оставили заметный след в истории Орловского края.

УДК 908+82-94+82-36
ББК 63.3

Автор надеется, что книгу прочтут как взрослые читатели, так и молодёжь, и благодарит администрацию Мценского района и лично его главу Ивана Александровича Грачёва за неоценимую финансовую помощь при подготовке издания к печати.

Фото на обложке

Лицевая сторона: Крейсер «Светлана» и его командир, капитан первого ранга Сергей Павлович Шеин

Оборот: Иван Николаевич Пигарёв, потомок дворян Пигарёвых, у стен разрушенного Вознесенского храма села Трубицыно (Покровский район Орловской области, 23 сентября 2017 года)

ISBN 978-5-9708-0836-8
ISBN 978-5-9708-0928-0 (Книга 2)

© А.М. Полынкин, 2021
© ООО ПФ «Картуш», 2021

Мой дорогой читатель!

Я редко делаю предисловия к своим изданиям, но здесь мне это показалось необходимым. Много лет я пишу очерки о людях Орловского края, печатая их вначале в различных газетах и журналах, а потом многим произведениям находится место и в моих книгах. Ещё в 2013-2015 годах появился трёхтомник «Орловщины родные очертанья» (лауреат областного конкурса «Орловская книга-2016»), в котором я рассказал о представителях нескольких известных орловских дворянских родов.

Отдельно печатался в областных СМИ мой цикл очерков «Орловские фамилии», в котором речь шла о выходцах из других сословий Орловской губернии. За годы занятий краеведением постепенно накапливались новые факты даже о тех моих героях, о которых я уже, вроде бы, рассказал достаточно. Тогда и возникла мысль о создании цикла из нескольких книг, в которых я рассказал бы об известных и малоизвестных личностях, уроженцах и жителях Орловского края, представляющих все слои населения нашего замечательного края.

Книга вторая, которую ты, уважаемый читатель, держишь сейчас в руках, - продолжение рассказа о дворянских родах, оставивших след в истории Орловской губернии. У одних он – отчётливо виден и сейчас, у других – почти стёрся и затерялся во времени. Но, тем не менее, многие мои герои достойны того, чтобы их имена не были забыты.

Книга вторая, во многом, появилась не только благодаря моим историческим изысканиям, но и потому, что большую помощь при сборе материалов оказали потомки моих героев, с некоторыми из них я поддерживаю тесную связь.

В конце отдельных очерков имеются документальные приложения – для тех знатоков истории, которые захотят познакомиться с первоисточниками, тем более, что это позволит читателю расширить глубину своих знаний. Иллюстративный материал делает книгу более интересной для молодых.

Если читатель найдёт в моих очерках какие-то новые, «зацепившие» его, факты, удивится новым лицам, а наш край предстанет перед ним с неожиданной стороны, я буду считать свою задачу выполненной. Главное – чтобы возник интерес к истории своей малой родины. Итак, мой любезный читатель, в путь! На страницы этой занимательной (надеюсь) книги.

Твой автор, Александр Полынкин

Глава первая.
«Дети разных народов…»

Светлые лики Корсуни: Вельяминовы-Зерновы

Каждый орловчанин, оказавшийся волею судьбы в конце XIX – начале XX века в северной части Малоархангельского уезда, непременно заезжал в большое село Корсунское, живописно расположившееся по обоим берегам небольшого ручья (притока реки Труды).

Храм, икона Корсунской Матери Божией, усадьба

Две достопримечательности села привлекали сюда гостей: храм Корсунской матери Божией и усадьба местных помещиков Вельяминовых-Зерновых. Церковь с таким именем в Орловской губернии - одна. Каменная, изящной архитектуры, окрашенная в белую и красную краски, с белой крышей и такого же цвета куполами, с красивой кованой оградой вокруг, она вызывала у всех увидевших её в первый раз чувство умиления и желание немедленно обратиться ко Всевышнему. И если православный человек делал это, зайдя в храм, да ещё постояв на коленях у знаменитой иконы Корсунской матери Божией, то благостное состояние приобщения к миру Небесному сопровождало его потом долгие часы и дни. Ведь, по преданию, Корсунская икона была писана Святым апостолом Лукой ещё при жизни Пресвятой Богородицы, а список с этого образа принёс из Корсуни в Киев Святой равноапостольный князь Владимир.

Выйдя из Корсунского храма, гость мог, наконец, переключить своё внимание на расположенную на противоположной стороне ручья помещичью усадьбу Вельяминовых-Зерновых, представителей знаменитой русской дворянской фамилии, родственников царя Бориса Годунова.

Первым владельцем села Корсунское стал Фёдор Михайлович Вельяминов-Зернов, потомок древнего дворянского рода, внесённого в Бархатную книгу и происходившего от костромского боярина **Дмитрия Александровича Зерно**. Род имел новгородские корни, служил Ивану Калите и являлся младшей ветвью Сабуровых и Годуновых.

Предводитель дворянства Верейского уезда и его семейство

Фёдор Михайлович Вельяминов-Зернов и его жена Екатерина Николаевна (урождённая Рагозина) были завидной и уважаемой супружеской парой – как среди московских, так и среди орловских помещиков. Он в конце XVIII-начале XIX века пять раз подряд избирался предводителем Верейского уездного дворянства, служил некоторое время помощником графа М.М.Сперанского, известного реформатора времён Александра I, а супруга крепкою рукой вела большое хозяйство, успевая рожать и воспитывать детей. А их у образцовых родителей было шестеро: братья Владимир, Николай, Фёдор и сёстры Анисья, Екатерина и Анна.

Герб Вельяминовых-Зерновых

Большую часть времени семейство Вельяминовых проводило в Москве, в доме на Арбате (у церкви Спаса-на-Песках), но весной всегда уезжало в деревни: сначала в подмосковное имение Жёдочи (Верейский уезд, ныне – Нарофоминский район – А.П.), а потом два месяца Вельяминовы-Зерновы проводили в Орловских владениях – селе Корсунское и селе Суворово (Малоархангельский и Мценский уезды соответственно-А.П.). Поздней же осенью всё семейство возвращалось с Орловщины сразу в московский дом.

Село Жёдочи (Жадочи, Жёдачи, Жадыч – так по-разному именовалось это село современного Наро-Фоминского района Московской области, лежащее недалеко от железнодорожной станции Апрелевка, пока не закрепилось за ним современное название – А.П.) расположено в одном из живописных мест Подмосковья. Первое упоминание о «сельце Жодочи» восходит к 1627 году. Оно было расположено на речке Жадычи.

В конце XVIII века это село значилось за Николаем Васильевичем Рагозиным, на дочери которого – Екатерине – женился дворянин, надворный советник, в 1812 году – уездный предводитель дворянства Фёдор Михайлович Вельяминов-Зернов, получивший Жодочи в приданое. Ф.М. Вельяминов-Зернов построил в селе деревянный дом с колоннами, возвёл хозяйственные постройки, разбил парк и заложил фруктовый сад. Именно при Вельяминове-Зернове Жёдочи приобрели известность.

Широко образованный Вельяминов-Зернов и его дети (о них речь впереди – А.П.) были хорошо знакомы с литературной Москвой начала XIX века. В Жёдочи приезжали Н.М. Карамзин, П.А. Вяземский, В.А.Жуковский, С.П. Жихарев, И.А. Крылов, И.И. Дмитриев и другие представители отечественной культуры. 1812 год резко изменил жизнь усадьбы.

Весной, как обычно, стали Вельяминовы готовиться к отъезду в деревни, но тут всю столицу и Россию оголоушила весть: французская армия под предводительством Наполеона пересекла русскую границу.

О том, как отреагировало на эту новость русское общество, как вторжение Бонапарта отразилось на жизни семейства Вельяминовых, рассказала в своих воспоминаниях старшая из сестёр Вельяминовых-Зерновых, Анисья (в замужестве – Кологривова – А.П.).

Её мемуарные записки были опубликованы в 1886 году в журнале «Русский архив». Процитирую оттуда самые интересные для нас моменты.

«...Вся Москва была взволнована, все негодовали на дерзость высокомерного Бонапарта; никто, однако же, не робел и не воображал, чтобы такое государство, как наше, сильное, могучее, могло быть побеждено...

Отцу моему (Фёдору Михайловичу Вельяминову-Зернову – А.П.) *надо было спешить ехать в свой уезд принимать ратников, вооружать и одевать их... Никто не сомневался в том, что мы прогоним врага и не допустим идти далее вглубь России. Безстрашие это продолжалось до тех пор, пока узнали, что неприятель подступает к Смоленску...*

Спасение - в орловских деревнях

Опасность росла уже не по дням, а по часам. Мой отец убедил матушку (Екатерину Николаевну Вельяминову-Зернову – А.П.) *ехать с детьми немедленно в орловские наши деревни. Нестерпимо тяжела была наша разлука с ним, в горьких слезах отправилась моя мать в нескольких каретах со всем своим семейством, с гувернантками и учителями для моих меньших сестёр и для меньшего брата* (Фёдора – А.П.). *Старший же* (Владимир, отец будущего учёного-академика В.В.Вельяминова-Зернова – А.П.) *был в Петербурге на службе, в собственной канцелярии Государя Императора, а второй* (Николай, поручик Брестского пехотного полка – А.П.) *находился в действующей армии. Мне шёл тогда 24-ый год* (Анисья Фёдоровна родилась в 1788-ом году – А.П.). *Мы с сестрой* (Екатериной Фёдоровной Офросимовой – А.П.) *старались всеми силами*

успокоить матушку в разлуке с отцом нашим и развеять её страх за сына, который был в действующей армии...».

Как ни удивительно, во время этого почти 400-вёрстного пути беженцы везде на почтовых станциях находили лошадей. В Туле путешественников чуть не сбили с толку их знакомые Шереметевы, которые, узнав, что Вельяминовы-Зерновы едут в орловскую деревню, пытались отговорить их от этого и вернуться в Москву, самое, по их мнению, безопасное место.

Но тульский губернатор Н.И. Богданов, сослуживец Фёдора Михайловича Вельяминова и его хороший знакомый, приказал семейству уезжать из города немедленно, потому что неприятель уже вошёл в Смоленск.

Под покровительством Корсунской иконы матери Божией

Через несколько дней *«...Мы приехали, наконец, без приключений в село наше Корсунское, где проводили бессонные дни и ночи, не отходя от матушки».*

Тем временем закончилось кровопролитное Бородинское сражение, во время которого поручик Николай Вельяминов-Зернов был тяжело ранен, и его привезли в Москву перед самым оставлением её нашими войсками. Узнавший о ранении сына, Фёдор Михайлович Вельяминов успел собрать всех верейских чиновников и сказал им*: «Кому из вас некуда деться и негде искать другого убежища, тех прошу приехать ко мне в Орловскую губернию, где и я буду».* Потом попросил офицера вывести их на безопасную дорогу, по которой на вельяминовских повозках и в сопровождении вельяминовской прислуги все чиновники отправились в направлении Орловской губернии.

Сам же Фёдор Михайлович отправился искать раненого сына и смог найти его в почти уже опустевшей Петропавловской больнице. Положив сына в карету, предводитель Верейского дворянства поспешил вслед за отправленными им чиновниками.

А далее снова предоставлю слово Анисье Кологривовой (Вельяминовой-Зерновой):

«...Восьмого сентября мы с матушкой, собираясь к обедне (напомню, что происходило это в селе Корсунское Малоархангельского уезда, и обедня предстояла в Корсунском храме – А.П.), *сидели под окном в горьких думах, как внезапно увидели выезжающий из-за флигеля дормез шестериком* (дормез – старинная дорожная карета для длительного путешествия, в которой можно спать лёжа, как в кровати, запряжённая четырьмя или шестью лошадьми – А.П.). *Матушка почти обеспамятела,*

мы все спустились на террасу встречать подъезжающий экипаж. Батюшка, показавшись в дверцах и заслоняя собой брата, увидал нашу мать и вскричал: «Благодари, моя милая, Бога; я привёз тебе сына раненого, как героя, но живого». Милого нашего брата вынули из кареты полумёртвого, красивое его лицо покрыто было смертельной бледностью, дыханье было прерывисто, рана была сквозная, так что, когда подносили при перевязке горящую свечу, то её задувало. Не трудно вообразить, что мы ощущали, видя его страдания. Тотчас послали за доктором за 70 вёрст в Мценск, он ему помог, и когда больной был уже в силах, то рассказы его были очень занимательны. По мере того, как ему становилось легче, нетерпение его возрастало, он умолял родителей моих отпустить его скорее в армию. Брату (напомню, Николаю – А.П.) *шёл в это время 21-ый год. Родители его благословили и отпустили.*

Теперь напишу о том, что происходило с нашими выходцами из Вереи, Жедочей и Москвы. В свободные минуты от ухаживанья за родным братом мы ходили на встречу к этим горьким изгнанникам с места их родины и обменивались с ними горькими слезами. Они со своими стариками и малолетними детьми прибывали кто пешком, кто на подводах со всем своим скарбом, увидев нас, бросались к нам с рыданием и рассказывали о бедствиях Москвы, которая уже горела...

Чиновников, прибывших к нам в Корсунское, поместили родители мои: тех, которые покрупнее званием и чином – с нами в большом доме, а других – во флигелях, а иных – даже в крестьянские избы. Всех их было с прислугою до 70-и человек; их снабжали всеми необходимыми жизненными припасами, а по воскресеньям и по праздникам обедали за нашим столом чиновники с их жёнами, что составляло общество до 40 человек, включительно с нашим семейством. Иные из наших гостей бывали больны от горя, и мы, старшие дети, давали им лекарства и ухаживали за ними. В такой обстановке прожили эти бесприютные четыре месяца (то есть до конца декабря 1812 года – А.П)*, после чего, снабжённые родителями моими чем можно, отправлены были в наших повозках к себе.*

Расставшись с своими печальными гостями, мы переехали в другое наше село, Суворово, чтобы быть ближе к Мценску, где был в случае нужды знаменитый доктор Филипович...».

В орловских имениях Вельяминовы-Зерновы пробыли до 1815 года, пока не были отремонтированы разгромленные французами их дом на Арбате в Москве и имение Жедочи в Верейском уезде, но и после 1815 года каждое лето, на два месяца, приезжали они на Орловщину, в Корсунское и Суворово, постоянно добром вспоминая эти сёла и их

жителей, разделивших с ними испытания в трудный год нашествия Бонапартова.

Анисья Вельяминова-Зернова и Алексей Мерзляков: история неразделённой любви

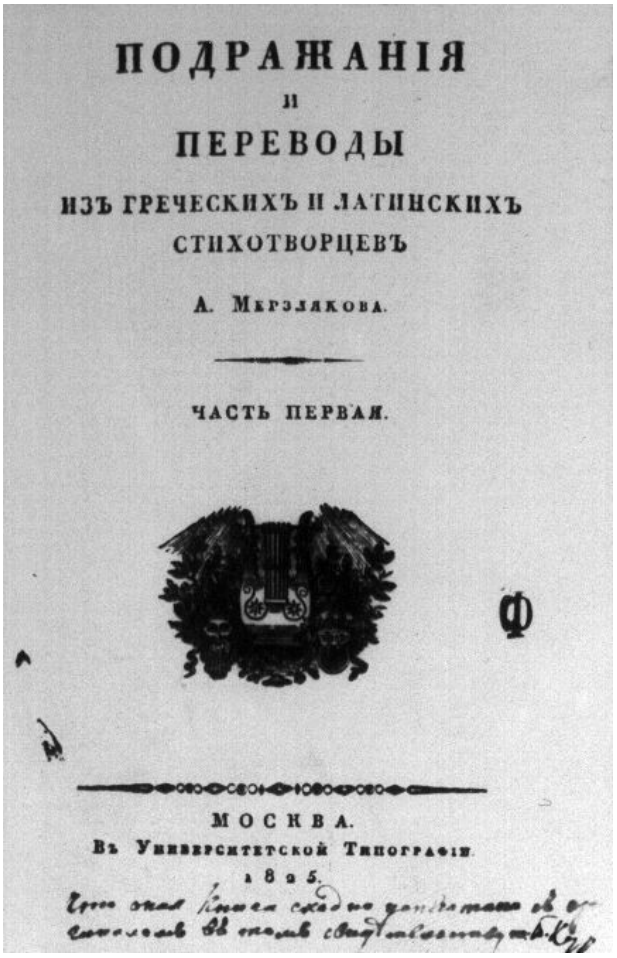
В русской поэзии есть стихотворение, написанное более 200 лет тому назад и почти сразу же ставшее песней, которую поют и до сих пор, – поистине уникальное явление в нашей культуре. Называется эта песня «Среди долины ровныя». А в русской живописи имеется ещё и известная картина художника Ивана Шишкина под точно таким же названием. Как ни удивительно, и песня, и картина своим появлением обязаны нашей землячке, орловской помещице Анисье Вельяминовой-Зерновой (в замужестве – Кологривовой), той самой, чьи воспоминания о 1812 годе я цитировал выше. Анисья была старшей дочерью в семье Фёдора Михайловича и Екатерины Николаевны Вельяминовых-Зерновых.

Алексей Фёдорович Мерзляков

Одни из самых просвещённых людей своего времени, Вельяминовы-Зерновы были хорошо знакомы с видными деятелями русской культуры первой половины XIX века. Не последней персоной среди них был и профессор Московского университета Алексей Мерзляков, приглашённый в дом Вельяминовых-Зерновых для того, чтобы давать уроки словесности старшей дочери Анисье.

Алексей Фёдорович Мерзляков, родившийся в небогатой купеческой семье, благодаря своим способностям, к 30 годам сделал блестящую карьеру. Закончив Московский университет первым учеником, с золотой медалью, он в 1804 году занял (и занимал до самой своей смерти) в этом университете кафедру российского красноречия и поэзии; с 1817 года стал деканом словесного отделения, с 1821 по 1828 год был действительным и самым деятельным членом Общества любителей российской словесности и его председателем. Не проходило ни одного собрания, в котором Алексей Фёдорович не читал бы своих стихов или прозы. Кроме того,

Мерзляков являлся также действительным членом Общества истории и древностей российских, Казанского и Ярославского обществ любителей российской словесности. Виленский университет избрал его в свои почётные члены. Публичные лекции профессора Мерзлякова имели большой успех. Их посещали не одни только молодые любители словесности, но и знатнейшие особы столицы, видные литераторы, дамы.

ПОДРАЖАНІЯ
И
ПЕРЕВОДЫ
ИЗЪ ГРЕЧЕСКИХЪ И ЛАТИНСКИХЪ
СТИХОТВОРЦЕВЪ
А. Мерзлякова.
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.
МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи.
1825.

Одна из книг Мерзлякова

Алексей Фёдорович преподавал также в Благородном пансионе при Московском университете, где в 1828–1830 годах учился Михаил Лермонтов, которому Мерзляков давал также и частные уроки на дому, оказав сильное влияние на мировоззрение будущего великого русского поэта. А среди студентов, с огромным вниманием и наслаждением слушавших лекции Мерзлякова, были Дмитрий Веневитинов, Александр Полежаев, Фёдор Тютчев и Александр Грибоедов.

Так что учитель Анисье Вельяминовой достался первостатейный. Она с первых минут знакомства с Алексеем Фёдоровичем стала обожать его как преподавателя, да, наверное, и испытала более глубокие чувства, а сам профессор Мерзляков, увидев молодую и красивую ученицу, влюбился в неё с первого взгляда.

Скромный учитель так и не смог объясниться в любви с глазу на глаз с Анисьей, но зато сделал это в большом цикле стихотворений, посвящённом ей. В большинстве из них он называет свою возлюбленную Элизой, в некоторых – Нисой (явное сокращение от имени А*нис*ья – А.П.)

О боже праведный! Последний час пошли
Сперва ко мне, не к ней!
В ком ты достойнее сияешь на земли?
В душе Элизы - в ней!

Чем лучше возмогу тебе я угождать,
Как не любовью к ней?
И там, на небесах, в обители отрад,
Моя отрада в ней!

Когда Алексею Фёдоровичу стало ясно, что чувство его безответно, то, опять-таки, он выразил это стихами:

Когда б я был любим... сокройтесь, сны златые:
Богатства, суеты, фортуна, мир забыт!
Свобода и любовь - цари мои земные!
В них счастье, а без них и счастье - ложный вид!

Но что, безумец, я - какой пленен мечтою?
Надежда, удались! Мне ль радостей искать?
Другому быть твоим, другому жить тобою!
А мне... о призраке погибшем унывать!..

РУССКІЙ АРХИВЪ
ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ
1886
1.
МОСКВА.
1886.

«Русский архив» за 1886 год

Мы не знаем до конца всей тайны взаимоотношений двух молодых людей, было ли между ними решающее объяснение или нет. Но если и было – оно оказалось печальным для поэта Мерзлякова, наверняка, сказались сословные различия, поскольку в дворянском кругу Алексей Фёдорович своим себя считать не мог.

И вот однажды в Жёдочах, по прошествии двух лет знакомства и страданий, когда, по воспоминаниям одного из родственников Мерзлякова, «*Алексей Федорович был особенно грустен, он вдруг заговорил о своем одиночестве. Потом взял мел и на ломберном столе начал писать. Ему дали перо с бумагой, и он записал все стихотворение, родившееся у него экспромтом. Это было прославившее потом Мерзлякова «Одиночество», почти сразу ставшее песней под названием «Среди долины ровныя».*

Вскоре ее подхватила и запела вся Россия. А через несколько лет песня уже считалась народной».

Я процитирую два куплета из неё (первый и последний):

Среди долины ровныя,
На гладкой высоте,
Цветет, растет высокий дуб
В могучей красоте...

Возьмите же всё золото,
Все почести назад;
Мне родину, мне милую,
Мне милой дайте взгляд!

Один из современных исследователей творчества Мерзлякова так её оценил: *«Песня потрясает простотою и печалью. Она ясна и величественна во всем – в понимании трагедийности жизни, в стойкости, с какой герой ее, подобный одинокому могучему дубу, переносит свое одиночество и тоску, эта песня о неразделенной любви... Это истинно русская песня, хотя бы потому, что автор ее не отделяет своей любви от любви к родной земле, это песня о Родине и о том особенном, щемящем душу чувстве, что и составляет, пожалуй, основу русского патриотизма».*

«Среди долины ровныя» - картина Ивана Шишкина

Эту знаменитую песню, как и почти все остальные два десятка, Алексей Фёдорович Мерзляков посвятил Анисье Вельяминовой-Зерновой.

Потом ещё целых два года поэт, критик и переводчик Мерзляков продолжал приезжать в Жёдочи – только для того, чтобы в очередной раз увидеть свою ненаглядную. С нашествием Наполеона и приближением французов к Москве, когда семейство Вельяминовых-Зерновых собиралось отъехать в орловские имения, Алексей Фёдорович провожал Анисью в дальний путь и, не выдержав, сам отправился вместе с нею на Орловщину.

Проведённые в селе Корсунском четыре месяца, когда он каждый день видел Анисью Фёдоровну, мог поговорить с нею и даже помочь ей в чём-то, остались в памяти поэта одними из самых лучших и запоминающихся в его жизни.

А потом их пути разошлись навсегда. В 1815 году профессор Мерзляков женился на женщине своего круга, Любови Васильевне Смирновой. В супружестве прожил 15 лет, был примерным супругом и отцом четверых детей. 26 июля 1830 года автор «Среди долины ровныя» скончался, заболев холерой. 29 июля признательные ученики похоронили своего профессора на Ваганьковском кладбище, где чуть позже соорудили на его могиле памятник.

Малоархангельская же помещица Анисья Фёдоровна Вельяминова-Зернова очень долго не выходила замуж, и только в 45-летнем возрасте, уже после смерти Мерзлякова, решилась связать свою судьбу с капитаном гвардии Степаном Ивановичем Кологривовым. Умерла она в Москве, на 88-ом году жизни, оставив потомству **«Записки из семейных воспоминаний».** В этих живых и колоритных мемуарах Анисья показала немалые литературные способности, над развитием которых потрудился когда-то профессор Мерзляков, но о самом Алексее Фёдоровиче автор «Записок» предпочла умолчать.

В 1883 году художник Иван Шишкин, потерявший любимую жену и жестоко страдавший от одиночества, увидел однажды огромный, отдельно стоящий, дуб, вспомнил мерзляковскую песню «Среди долины ровныя» - и написал вскоре не менее прославившуюся картину с таким же названием.

Два настоящих шедевра в разных жанрах – другой такой пример в истории русской культуры подобрать трудно. И появлению обоих своей жизнью поспособствовала наша землячка - публицистка, переводчица и мемуаристка Анисья Вельяминова-Зернова (Кологривова).

Владимир Вельяминов – первый русский учёный-правовед

В 1814-1815 годах в Санкт-Петербурге, в типографии Правительствующего Сената, двумя частями, вышла книга под названием **«Опыт начертания российского частного гражданского права»,** вызвавшая бурное обсуждение среди российских правоведов. Автором сочинения оказался коллежский асессор и член Санкт-Петербургского Вольного общества Любителей Словесности, Наук и Художеств Владимир Вельяминов-Зернов, старший сын большого и дружного семейства московско-орловских помещиков Фёдора Михайловича и Екатерины Николаевны Вельяминовых-Зерновых.

В этом двухтомном труде Владимир Фёдорович впервые дал характеристику Российского законодательства за весь период его существования и постарался сформулировать научные основы гражданского права для российских условий начала XIX века.

ОПЫТЪ
НАЧЕРТАНІЯ
РОССІЙСКАГО ЧАСТНАГО
ГРАЖДАНСКАГО ПРАВА.
Сочиненіе
В. ВЕЛЬЯМИНОВА-ЗЕРНОВА,
Кол. Ассес. и Члена С. П. бургскаго Вольнаго Общества
Любителей Словесности, Наукъ и Художествъ.
ЧАСТЬ I.
Право Лицъ.
ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,
въ Типографіи Правительствующаго Сената.
1814.

Книга В.Ф.Вельяминова-Зернова

Часть первую своей книги Вельяминов-Зернов назвал «Права лиц», и в ней он рассмотрел как теоретические проблемы данной важнейшей отрасли, так и практические моменты реализации этих прав.

Регулирование взаимоотношений помещиков и крепостных крестьян учёный рассмотрел в таких разделах, как «О власти господской над крепостными людьми», «Каким образом приобретаются крепостные люди», «Кто может, и кто не может приобретать крепостных людей и владеть оными», «О власти помещиков», «Об отпущении на волю». Важное место в книге заняли вопросы взаимоотношений родителей и детей, заключения брака, установления родства и опекунства.

В части второй книги («Право вещей») Владимир Фёдорович подробнейшим образом охарактеризовал имущественные взаимоотношения в российском обществе.

Сочинение В.Ф. Вельяминова-Зернова «Опыт начертания российского частного гражданского права», без всяких сомнений, может

быть названо первым трудом по русскому гражданскому праву, имеющим научные достоинства. Книга эта оказала несомненное влияние на составление Свода Законов Российской империи, поскольку система X тома этого Свода прямо заимствована из этого сочинения, а многие определения его буквально выписаны из труда Вельяминова-Зернова. Для императора Александра I, по его словам, книга стала настольной.

Ко времени написания своего главного сочинения Владимиру Фёдоровичу исполнилось только 30 лет, но он уже был известен среди московских и петербургских юристов как крупный знаток российских законов. После окончания в 1804 году юридического факультета Московского университета он в течение десяти лет был редактором в комиссии составления законов, потом служил старшим чиновником II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Готовясь к написанию своей книги, Вельяминов-Зернов ещё в 1810 году перевёл с французского языка известный в Европе труд Х.Шлецера "Начальные основания права римского, гражданского и законоположения уголовного".

Впрочем, Владимир Фёдорович не ограничивался только юридической сферой. Он был человеком разносторонних интересов. Зная несколько иностранных языков, занимался переводами и литературных произведений (чаще всего, - либретто итальянских опер, которые любил посещать).

Его современник, Степан Петрович Жихарев, в своих мемуарах написал*: «Вельяминов-Зернов служит по министерству юстиции... Он малый очень неглупый и со сведениями, ... удивительно легко пишет стихи: не более как в четверть часа он, для доказательства своей способности, перевел одну большую арию из оперы "Импрезарио"...*

Вот небольшой отрывок оттуда:

«Этим людям не платите:
Лишь ласкайте их, да льстите,
Все сулите, да сулите -
Вот и будет благодать.
Но уважьте дар поэта,
Заплатите вы ему;
Это нужно потому,
Что блестящая монета
Блеск придаст его уму».

Владимир Фёдорович долгое время был постоянным участником литературного общества «Беседа любителей русского слова», а в 1805 году даже издавал собственный литературный журнал **«Северный Меркурий»** (вышло пять номеров). Среди товарищей по литературному цеху Вельяминов-Зернов прославился своими афористичными

высказываниями. Сохранилось, к примеру, такое: *"Самолюбие,* - говорил он, – *есть неизлечимая слабость всех авторов и актеров и в людях талантливых также извинительно, как в бесталанных смешно и даже гадко».*

Женился первый русский учёный-правовед достаточно поздно, на четвёртом десятке. Его избранница, **Анна Яковлевна Ханыкова**, была представительницей известного семейства, внесённого в Дворянскую родословную книгу Орловской губернии. Единственный сын их, **Владимир Владимирович Вельяминов-Зернов**, стал известным русским учёным-востоковедом и общественным деятелем.

Владимир Фёдорович Вельяминов-Зернов скончался 17 января 1831 года, не дожив и до 50 лет. Похоронен он на Тихвинском кладбище Александро-Невской Лавры.

Могила В.Ф.Вельяминова-Зернова

Судьбы военные: Николай и Фёдор Вельяминовы

В судьбах Николая и Фёдора Вельяминовых-Зерновых – много общего. Средний и младший братья, они, по завершении домашнего образования под руководством француза Реми, связали свою жизнь с военной службой, хотя и в разные годы.

Николай Фёдорович Отечественную войну 1812 года встретил 21-летним подпоручиком Брестского пехотного полка. Первый бой принял

под Смоленском (за отличие получил звание поручика). В Бородинском сражении был тяжело ранен, привезён в госпиталь в Москву, откуда отец, Фёдор Михайлович, доставил Николая для излечения в село Корсунское. Здесь, на свежем воздухе, при постоянном и внимательном уходе матери и любящих родных сестёр, герой Бородинского сражения быстро поправлялся. Выздоравливая, Николай сблизился со многими соседями-помещиками и служилыми людьми. Когда у секретаря Малоархангельского земского суда Гаврилы Климонтова родился сын, крестным отцом его стал Николай Вельяминов.

В декабре 1812 года, окончательно выздоровев, поручик покинул гостеприимное село Корсунское и отправился в действующую армию, успев принять участие во многих сражениях 1813-1814 годов (под Лейпцигом, Кобленцем и Мецем). За мужество в «Битве народов» под Лейпцигом был награждён орденом Святой Анны 4 степени.

«Осада Варны 1828 года» (картина Александра Зауэрвайда, 1836 год)

По возвращении из-за границы, во время отпусков, Николай Фёдорович Вельяминов-Зернов регулярно приезжал в ставшее ему близким и родным село Корсунское. Здесь в 1818 году он ещё раз выступил в роли крёстного отца, на этот раз - при рождении сына у пономаря Корсунской церкви Михаила Алмазова.

Последствия тяжёлого ранения на Бородинском поле сказались на здоровье Н.Ф.Вельяминова-Зернова, и он ушёл в отставку в чине полковника, когда ему исполнилось 35 лет. Дата его смерти и место захоронения неизвестны.

А 307692

БУКОО
«Орловская областная научная универсальная публичная библиотека им. И.А. Бунина»

Военная судьба Фёдора, младшего из братьев Вельяминовых-Зерновых, оказалась короткой и трагической. Будучи офицером Генерального штаба русской армии, он принял участие в русско-турецкой войне 1828-1829 годов и погиб при осаде русскими войсками крепости Варна в сентябре 1828 года.

Николай и Фёдор Вельяминовы-Зерновы женаты не были, и потому единственным прямым наследником имения в селе Корсунское стал их родной племянник, Владимир Владимирович Вельяминов-Зернов, судьбе которого я посвящаю заключительную часть повествования.

Владимир Владимирович и его замечательное имение

Он родился 31 октября 1830 года в Санкт-Петербурге, окончил курс в привилегированном Императорском Александровском лицее (том самом, что назывался ранее Царскосельским – А.П.). Там же у него развилась у него страсть к восточным языкам, и Владимир стал брать уроки еврейского, арабского и персидского языков – у профессоров университета и института Восточных языков.

Владимир Владимирович Вельяминов-Зернов

По окончании в 1850 году Александровского лицея В.В.Вельяминову-Зернову был присвоен высший для выпускников чин IX класса – титулярного советника, что позволило ему самому выбрать место службы – Азиатский департамент Министерства иностранных дел. Это определило дальнейшую судьбу и карьеру Владимира Владимировича: он стал первым русским учёным-востоковедом, автором множества научных работ по восточной тематике и Почётным академиком Российской академии наук.

Однако, куда бы Вельяминова-Зернова, по долгу службы, не забрасывала судьба: в Оренбургский край, в Петербург или Киевскую губернию – он оставался верен любимому Корсунскому, приезжая в село во время отпусков или даже на время болезни.

Именно с этим селом связаны ключевые моменты жизни известного русского учёного. В апреле 1858 года в Корсунской церкви произошло венчание В.В.Вельяминова-Зернова и орловчанки Анны Семёновны Корсаковой.

Брак был почти идеальным. Но... родившаяся у молодых на следующий год дочь София скоропостижно умерла, и больше детей у Вельяминовых-Зерновых так и не появилось. Безутешный Владимир Владимирович похоронил единственную дочь рядом с Корсунской церковью, а над могилой поставил замечательной красоты часовню.

С тех пор он предпочитал свободное от службы время проводить в родном имении, рядом с жившей здесь постоянно женой и безвременно покинувшей их дочерью. А с 1879 по 1888 год Вельяминов-Зернов жил в Корсунском постоянно. В этот период жизни он исполнял обязанности Малоархангельского уездного предводителя дворянства, попутно состоя членом Орловской учёной архивной комиссии. Чтобы всё необходимое было у него, как учёного, под руками, Владимир Владимирович начал преобразовывать и благоустраивать усадьбу.

Дом в имении он превратил в настоящий музей. Стены были увешаны портретами предков, среди которых находились и последние представители рода Годуновых. Два зала Вельяминов-Зернов отвёл под выставку оружия, в том числе и восточного, собиранием которого Владимир Владимирович занимался много лет. Ещё один кабинет был занят большой коллекцией восточных монет, завещанной им впоследствии Эрмитажу (18 000 экземпляров, в том числе редких, - ни до, ни после этому музею никто не дарил – А.П.).

Но главной гордостью учёного являлась огромная библиотека, насчитывавшая 12 000 томов, значительная часть которых – по истории Востока и на восточных языках. В отдельной башне, примыкавшей к библиотеке, находился архив Вельяминова-Зернова (письма XVII-XIX веков, древние столбцы, письма М.М.Сперанского и рукописи самого учёного).

Ухоженно образцовым выглядело и всё хозяйство Вельяминова, разместившееся на более чем 3000 десятинах земли. В его же парк, засаженный разнообразными и редкими деревьями, приезжали полюбоваться многие окрестные помещики.

Тайный советник, Почётный академик и бывший попечитель Киевского учебного округа скончался после тяжёлой болезни в Киеве в январе 1904 года. По завещанию похоронили Владимира Владимировича в селе Корсунское, в той же часовне, которую он поставил для любимой дочери Софии - и рядом с ней.

По воспоминаниям Порфирия Мочульского, инспектора народных училищ Орловской губернии, Вельяминов-Зернов *«оставил о себе добрую память как учёный, археолог, коллекционер и редкой сердечной доброты человек».*

Само Корсунское имение, после смерти в 1914 году вдовы Владимира Владимировича, Анны Семёновны, перешло, по наследству, дальним родственникам – князьям Ухтомским.

К сожалению, культурное гнездо, свитое выдающимся ученым в одном из уголков Орловщины и бережно им охраняемое, после установления Советской власти было постепенно разорено. Хотя, надо сказать, что коллекциям Вельяминова-Зернова ещё повезло, поскольку ценнейшую библиотеку в 1919 году перевезли в Музей Восточного искусства. О монетах я уже говорил, а вот об остальном остались только воспоминания.

Один из князей Ухтомских, Давид Александрович, прапорщик 308 Чебоксарского полка, живший в Успенском после возвращения с фронта I Мировой войны, после приближения к Малоархангельскому уезду осенью 1919 года деникинцев, пытался пробраться к ним, но был застрелен при уходе местными представителями Советской власти. Какова судьба его брата Всеволода и матери-княгини – я пока не выяснил.

Владимир Владимирович Вельяминов-Зернов

В национализированном имении Вельяминовых-Зерновых-Ухтомских все 90 последующих лет располагалась местная Корсунская школа. Правда, от тех, родовых вельяминовских зданий давно ничего не осталось. Последнее было уничтожено во время Великой Отечественной войны: линия фронта более года проходила рядом с Корсунью, в котором всё тогда превратилось в головешки.

Нет больше старинной церкви во имя Корсунской иконы матери Божией и часовни с могилами Вельяминовых-Зерновых, вырублена большая часть парка. Казалось бы, совсем ничего не осталось от светлых ликов прошлого.

Но в 2008 году в селе Корсунь (ныне – Верховского района) воскресла из пепла новая, небольшая, деревянная церковь во имя иконы Корсунской Матери Божией. А в 2014 и 2015 годах появились здесь

женский монастырь во имя Иоанна Богослова и мужская Князь-Владимирская мужская пустынь. И вот уже свыше десятилетия в бывшей усадьбе Вельяминовых возрождается на обломках прошлого духовная жизнь православного орловского народа. Возрождается и память о замечательных представителях рода Вельяминовых-Зерновых. Хочется верить, что это уже навсегда.

Тайна последнего короля
(или зачем польский шляхтич на Орловщине поселился?)

11 января 1838 года **в селе Корсунское Малоархангельского уезда** хоронили местного помещика, подполковника в отставке, **Акима Фёдоровича Квитницкого**. Событие нерядовое для здешних мест: кавалер нескольких орденов, участник войны с Наполеоном, владелец имения в сельце Самарка, он скончался на 64-ом году жизни.

Из польской шляхты – в орловские помещики

Среди тех, кто пришёл проститься с покойным, оказался и человек, совсем для родственников и дворян-соседей незнакомый, да ещё и в генеральской форме. Всё объяснилось, когда по завершении траурной церемонии он попросил слова: «Господа, разрешите представиться, Ксенофонт Фёдорович Квитницкий, генерал-лейтенант, комендант города Вильно. Я младший брат Акима Фёдоровича».

Герб дворян Квитницких

На поминках, после третьей рюмки, генерал рассказал малоархангельским дворянам удивительную историю про двух братьев-поляков из знатного шляхетского рода, которые в конце 80-ых годов XVIII века поступили на русскую службу и за короткое время сделали себе карьеру.

Аким Квитницкий 25 лет прослужил в Изюмском легкоконном (переименованном потом в Гусарский) полку, в составе которого участвовал в русско-турецкой войне 1787–1791 годов, в русско-польской войне 1792 года и подавлении польского

восстания 1794 года, в русско-прусско-французской войне 1806-1807 годов, в Отечественной войне 1812 года и Заграничном походе русской армии 1813-1814 годов.

За проявленные отличия награждён был орденами Св. Владимира 4 степени с бантом и Св. Анны 2 класса, орденом Св. Георгия 4 класса и за участие в кампании 1812 года серебряной медалью на голубой ленте. К 1815 году получил чин майора, а ушёл в отставку в 1822 году подполковником с мундиром и пенсией.

А вот младший брат Ксенофонт, поступивший в военную службу двумя годами позже, успел обойти Акима чинами, дойдя до генералов. По этой причине или какой другой, но отношения между братьями давно были испорчены. И вот теперь смерть одного примирила их.

Побывав на следующий день на могиле старшего брата и помолившись за упокой его души в Корсунской церкви (подчеркну, что все Квитницкие приняли православие – А.П.), генерал-лейтенант отбыл в Вильно.

Раз – генерал, два – генерал, три – генерал...

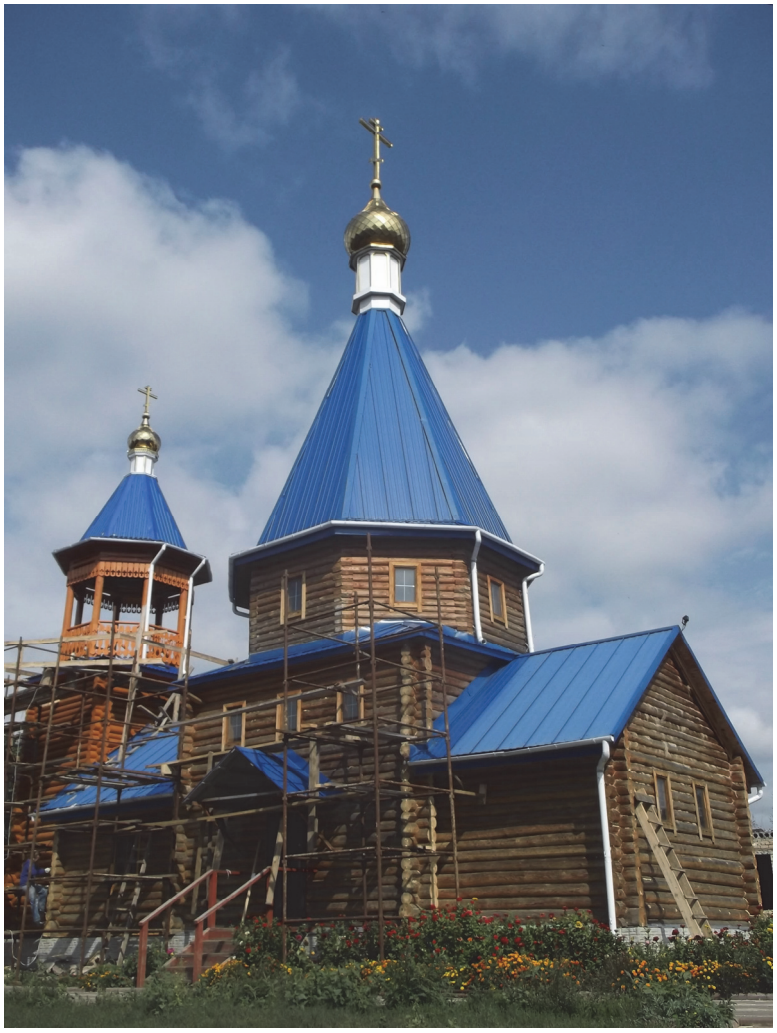
С тех пор прошло почти сорок лет, и о братьях Квитницких начали было забывать в селе Корсунском, как с конца 80-х годов сюда, за короткое время, один за другим, состоялось ещё целых три генеральских визита. Местные помещики быстро выяснили, что гостями были родные племянники похороненного у Корсунского храма подполковника, сыновья виленского коменданта – Леонид, Виктор и Эраст Ксенофонтовичи Квитницкие. Все трое – герои нескольких войн, награждённые многочисленными орденами, первые двое – генерал-лейтенанты, а последний – аж генерал от кавалерии. Каждый из них при посещении села Корсунского говорил, что хотел бы почтить память дядюшки, но вскоре среди бывших военных слух прошёл, что генералы в селе Корсунском и имении Самарке что-то искали. Искали – но не нашли.

А спустя некоторое время после визита последнего из генералов уже и орловская полиция пожаловала в Корсунское и Самарку. Оказалось, что покойный подполковник, будучи ещё корнетом, служил в Петербурге в охране последнего польского короля Станислава Августа Понятовского. Отрекшийся от престола в 1795 году, бывший король до самой смерти в феврале 1798 года жил в одном из дворцов на Каменном острове Санкт-Петербурга.

Когда при странных обстоятельствах Станислав Понятовский скончался, его торжественно похоронили в католическом костёле Святой Екатерины. Праху бывшего польского короля были отданы царские почести.

В середине XIX века при посещении родственниками короля его захоронения стало ясно, что некоторые реликвии оттуда пропали. Началось расследование, длившееся несколько десятилетий.

В числе подозреваемых оказался и покойный Аким Фёдорович Квитницкий. Ведь чем можно было объяснить, что уважаемый военный, кавалер, уйдя в отставку с мундиром и пенсией, поселяется в глуши Орловской губернии, покупая себе небольшое имение, и никуда потом не выезжает? Неужели только тем, что захотелось ему семейной жизни и хозяйства? Одиннадцать детей – это замечательно, но, опять-таки, - ещё один способ скрыть «старые грехи». Соседи-дворяне, приезжавшие к отставному подполковнику в гости, вспоминали, что в помещичьем доме были комнаты, в которых никто из них не бывал. Вывод-то напрашивался: Акиму Квитницкому было, *что скрывать*.

Корсунская церковь, у стен которой был похоронен подполковник Квитницкий

И ещё одно обстоятельство при расследовании вызвало подозрение. Польская фамилия КвИтницкие писалась по-русски через «И», и в послужном списке подполковника он везде значился именно так, но при рождении всех своих детей, крестивщихся в Корсунской церкви, Аким Фёдорович записал их как КвЕтницких. Зачем?

Однако все косвенные подозрения в отношении умершего малоархангельского помещика ничем подтвердить не удалось, да и в самом доме его наследников каких-либо реликвий польского короля найдено не было – ни племянниками-генералами, ни орловской полицией.

Подполковник Квитницкий – тайный слуга короля?

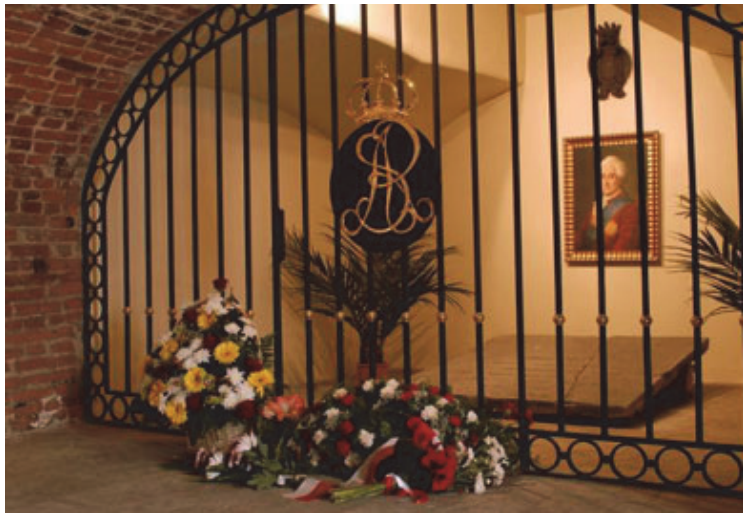
Что к настоящему времени известно точно о прахе последнего польского короля? 30 июля 1938 года его останки были вывезены в Польшу в небольшой поселок Волчин на реке Пулве в 35 км от Бреста, где ранее находилось родовое поместье Станислава Августа Понятовского. После начала Второй мировой войны и вступления советских войск в Польшу прах короля в Волчинском католическом храме, который находился на части польских земель, присоединенных к Белорусской ССР, вновь оказался на советской территории.

В октябре 1988 г. польское правительство обратилось к М.С. Горбачеву с просьбой дать возможность перезахоронить прах Станислава-Августа в Варшаве. Эта возможность была предоставлена, и то немногое, что сохранилось (фрагменты одежд с королевскими польскими гербами, и обуви царствующей особы, а также части коронационного плаща, в котором Понятовский восходил на польский престол) было возвращено польской стороне в декабре 1988 года.

А в 1989 году белорусскими учёными была предпринята попытка разыскать во внутренних развалинах костёла в Волчине доказательства присутствия здесь королевских останков. Найденные части дубового гроба поместили в саркофаг, который в 1995 году установили в Варшаве, в костёле святого Яна, где Станислав Понятовский был коронован. Было найдено также множество костей, но после оказалось, что это кости животных. Последующая экспедиция из Польши буквально просеяла всю землю в месте захоронения, но результат оказался отрицательным – человеческие останки не были обнаружены. О том, куда подевались забальзамированное тело Станислава-Августа, бронзовая корона с позолотой, два серебряных сосуда с сердцем и внутренностями короля (таковым, по описаниям современников, было содержимое гроба), можно строить только догадки.

Станислав Август Понятовский

Здесь был похоронен Понятовский

Костёл Святой Екатерины в С-Петербурге

Мемориальная плита в Волчинском костёле

Кто знает, может быть, какие-то из этих реликвий до сих пор спрятаны где-то в подземельях уничтоженного имения Акима Фёдоровича Квитницкого в исчезнувшей ныне орловской деревне Самарке?

Дорога из Корсуни на Самарку

Приложение

«Дело о внесении подполковника Акима Квитницкого и его сыновей в Дворянскую родословную книгу Орловской губернии»
(Протоколы Орловского дворянского депутатского собрания за 1835 год, ГАОО, ф.68, ед.хр.43, стр.191-194)

1835 года, июля 17 дня, слушали о внесении Малоархангельского помещика, отставного подполковника и кавалера Акима Фёдоровича Квитницкого 2-ого с сыновьями его Николаем и Петром в Дворянскую родословную книгу.

Прошение он написал 27 июня 1835 года.

Представил документы:

1) Указ об отставке от воинской службы от 1825 года, ноября 18 дня под №1454, за подписанием Главнокомандующего 1-ой армиею, что ныне Генерал-фельдмаршала и кавалер Графа Сакена;

2) Метрические свидетельства о законном рождении детей его;

3) Из Указа об отставке.

Господин Квитницкий, 48 лет, из польского шляхетства, в службу вступил кадетом 1788 года, марта 9 дня, в Изюмский легкоконный, что ныне Гусарский полк, в коем – карнетом 1794, июля 31 дня, поручиком - 1800, сентября 30 дня, штабс-ротмистром – 1805 ноября 6 дня, ротмистром – 1806 августа 14 дня, майором – 1813 сентября 30 дня, переведён в Черниговский Конноегерский полк 1815 генваря 31 дня.

Был в походах и сражениях против неприятеля и за оказанные в оных отличия награждён орденами: Св. Владимира 4 степени с бантом и Св. Анны 2 класса, имеет за 25-летнюю службу орден Св. Георгия 4 класса и за участие в кампании 1812 года серебренную медаль на голубой ленте.

В домовых отпусках, штрафах и под судом не бывал.

Женат, имеет сына Николая и дочь Екатерину, к повышению аттестован достойным; а 1822 года марта в 17 день по Высочайшему Его Императорского Величества приказу уволен от службы за болезнию подполковником, с мундиром и за свыше 30-летнюю службу пенсионом половинного жалованья.

В списках по форме, в жалованной Дворянству грамоте показал себя 61 года от роду (получается, 1774 года рождения – А.П.), *женатым, имеющим сыновей Николая и Петра, и дочерей: Екатерину, Марью, Анну, Елизавету, Софию и Наталью.*

Недвижимого имения благоприобретённого Малоархангельского уезда в сельце Самарке за ним – 22 и за женою его 18 душ. Жительство имеет в означенном сельце Самарке.

Определили: подполковника и кавалера Акима Фёдоровича Квитницкого и сыновей его Николая и Петра внести в третью часть Дворянской родословной книги Орловской губернии.

С 1859 года помещицами сельца Преображенское значатся девица София Иакимовна Кветницкая и капитанша Екатерина Иакимовна Плескачевская

Кветницкие из сельца Самарка, прихожане Корсунского храма:

Кветницкий Аким Фёдорович, *с 1820 года – помещик сельца Самарка (позже – Преображенское), с 1823 года – подполковник, (1774 – 9 января 1838 года, умер от горячки и икоты), жена – Анна Иванова дочь (1785 – 18 ноября 1840 года, умерла от чахотки).*

Оба похоронены на приходском кладбище села Корсунское.

Дети:

Екатерина (26 апреля 1833 года вышла замуж за Романа Павловича Плескачевского),

Николай (6 октября 1818 г),

Мария (1819 – 26 февраля 1841 года, от чахотки, 21 год)
Анна (5 февраля 1821г.),
Елисавета (14 января 1823г.),
Михаил (22 мая 1824г. – умер до июля 1835 года),
София (1 декабря 1825г.),
Пётр (14 января 1827 г.),
Александра (январь 1829 – 24 июля 1829г.),
Наталья (20 октября 1830 г.),
Ольга (1833 – 20 января 1834 года)

Герой Цусимского сражения

Капитан 1-го ранга
Сергей Павлович Шеин

Цусимское сражение 14–15 мая 1905 года стало позором Российской империи и трагедией русского военно-морского флота, который в течение двух дней был почти полностью уничтожен. Однако в ходе этой битвы не осрамили свою честь русские офицеры и моряки. Подавляющее большинство из них храбро сражалось, предпочитая героическую смерть позорной сдаче в плен.

Одним из героев Цусимы стал наш земляк Сергей Павлович Шеин.

На пользу России

Род его – один из древнейших и славнейших в русском дворянстве. Стоит вспомнить хотя бы воеводу Михаила Борисовича Шеина, защитившего Смоленск от поляков в ходе 18-месячной осады ими города (1609-1611 гг.), а позже несправедливо обвинённого в измене и казнённого по приказу царя Михаила Фёдоровича. Не менее героя-воеводы известен в истории первый русский генералиссимус Алексей Семёнович Шеин, удостоенный этого звания и золотого кубка от Петра I за успехи во Втором Азовском походе (1696 год).

Шеины значились в дворянских родословных книгах нескольких губерний Российской империи, в том числе, и в Тульской. Имение коллежского секретаря Павла Васильевича Шеина находилось в сельце Колпна Новосильского уезда (в 1925 году этот уезд передали из Тульской в Орловскую губернию – А.П.).

Усадьба была расположена в живописном месте, на берегу речки Колпны, притока Зуши (не путать с современным райцентром Колпной –

А.П.). Позже, по фамилии владельцев, населённый пункт получил название деревня Шеина (в настоящее время, к сожалению, полностью вымершая – А.П.).

У Павла Васильевича и Натальи Акимовны Шеиных родилось десять детей, многие из которых, воспитанные в духе русских православных традиций, всю жизнь старались принести пользу России – каждый в своей сфере деятельности. И прежде чем повести речь о некоторых из детей, скажу об их маме. Наталья Акимовна была десятым по счёту ребёнком в большой семье **Акима Фёдоровича Квитницкого, о котором я рассказал в предыдущем очерке.**

Наталья появилась на свет предпоследней, 20 октября 1830 года, но её младшая сестра Ольга, последняя из родившихся, умерла младенцем, и потому именно Наталье выпала доля оказаться самой младшей. Родители, Аким Фёдорович и Анна Ивановна Квитницкие, скончались один за другим, когда ей едва исполнилось 10 лет. Наталье пришлось испытать все «прелести» сиротской жизни, и потому, когда она, выйдя замуж за Павла Шеина, сама стала многодетной матерью (десять сыновей и дочерей), то постаралась всем детям обеспечить полноценное воспитание и обучение. И сумела сделать это, даже рано оставшись вдовой после скоропостижной кончины мужа от тяжёлого заболевания.

Капитан Шеин и его «Светлана»

Сергей, появившийся на свет 8 августа 1857 года, выбрал военно-морскую службу. Получив образование в Морском Корпусе, он довольно быстро сделал себе карьеру: адъютант управляющего Морским Министерством, капитан 2-ого ранга, старший офицер крейсера «Рюрик», морской агент во Франции, командир канонерской лодки «Храбрый», и, наконец, с 6 апреля 1903 года, уже в звании капитана 1-го ранга, Сергей Павлович Шеин был назначен командиром крейсера «Светлана».

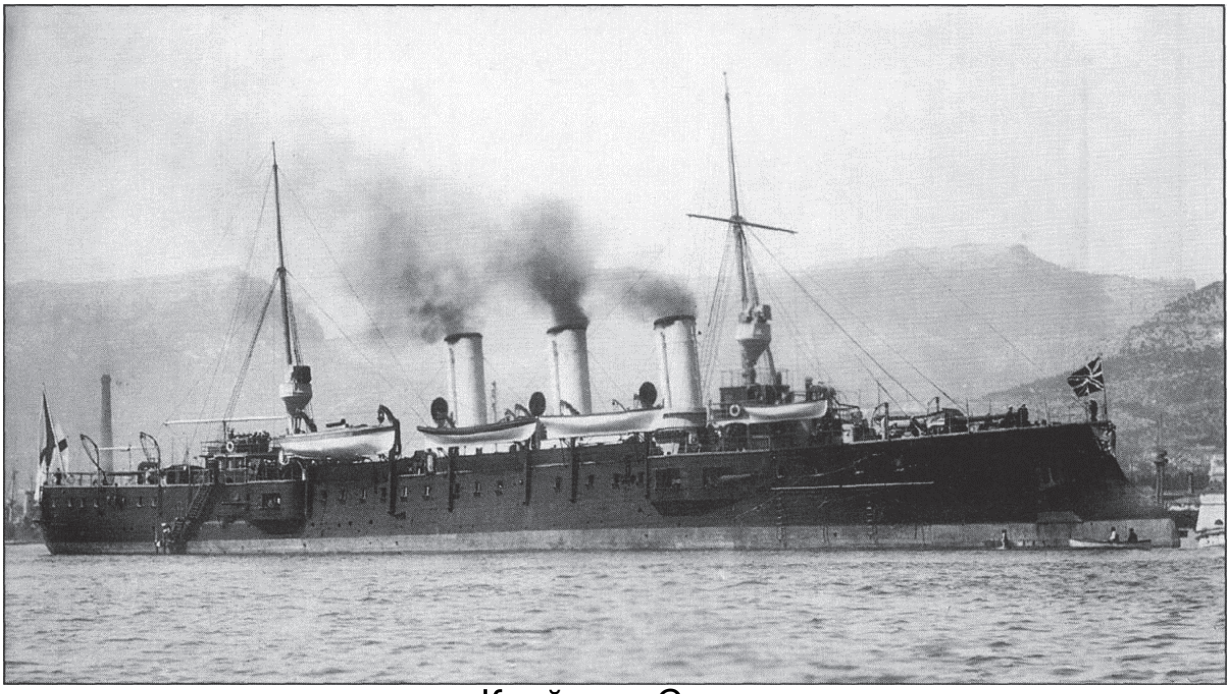
Этот корабль, спущенный на воду в декабре 1896 года, строился первоначально как яхта Великого Князя Алексея Александровича, главы Морского ведомства, но превратился в броненосный крейсер I ранга, который в ходе начавшейся русско-японской войны был включён в состав 2-й Тихоокеанской эскадры.

Сергей Павлович Шеин командовал не только «Светланой», но и одним из подразделений этой эскадры, - Разведочным отрядом (в его состав входили ещё крейсера «Алмаз» и «Урал» - А.П.).

Пройдя 18 000 миль (33.000 километров) от Кронштадта до побережья Кореи, 30 крейсеров и миноносцев 2-ой Тихоокеанской эскадры утром 14 мая 1905 года встретились со сторожившим их, гораздо большим по численности, Японским соединённым флотом (три эскадры с более чем сотнею кораблей – А.П.). Ход Цусимского сражения, катастрофического по своим последствиям для русского флота, я

описывать не буду. Расскажу лишь об эпизодах участия в нём броненосного крейсера I ранга «Светлана».

Для начала процитирую отрывок из донесения одного из оставшихся в живых офицеров «Светланы», лейтенанта Сонцова: *«Около 2-х часов дня 14 мая, сзади и слева от наших крейсеров показались японские крейсера, которые открыли огонь по разведочному отряду и по транспортам. Крейсера «Алмаз» и «Урал» немедленно прибавили ход и вышли нам на правый траверз; мы же открыли огонь и вступили с неприятелем в бой.*

Крейсер «Светлана»

Около 3-х часов дня крейсер «Светлана» получил подводную пробоину в отделении динамо-машин. Отделение это быстро наполнилось водою, которою залило находившиеся здесь два артиллерийских и минный погреб, все 4 динамо-машины и носовую 400- тонную помпу...». Погибло в первом бою тогда два человека.

Основные события для крейсера «Светлана» развернулись уже на следующий день, когда командир повреждённого корабля, капитан 1-го ранга С.П. Шеин решил подойти ближе к берегу Кореи, чтобы завести под пробоину пластырь, затем откачать воду и прорываться во Владивосток вдоль корейского берега.

Около 7 часов утра 15 мая потерявший скорость русский крейсер был настигнут двумя японскими крейсерами и миноносцем. На «Светлане» в незатопленных забортной водой погребах оставалось всего 120 снарядов. Военный офицерский совет, собранный Шеиным, постановил: "Вступить в бой. Когда будут израсходованы снаряды - затопить крейсер". Об этом решении было объявлено экипажу корабля.

Крейсер "Светлана" мужественно принял неравный бой. Он мог отвечать на огонь японских крейсеров "Нийтака" и "Отава" только из тех немногих орудий, пороховые погреба которых не были затоплены. Русский корабль получил еще несколько пробоин у ватерлинии и вскоре потерял ход – осколки вражеского снаряда повредили главные паропроводы обеих машин. Многочисленные осколки превратили все катера и шлюпки в решето. После этого крейсер превратился для японцев в неподвижную мишень.

Команда крейсера «Светлана» (в центре – капитан 1-го ранга Шеин)

Артиллеристы "Светланы" расстреливали свои последние снаряды. Не желая, чтобы врагу достались секретные документы, капитан 1-го ранга С.П. Шеин приказал выбросить их за борт в мешках с грузами. В начале одиннадцатого были открыты кингстоны и отдраены двери в водонепроницаемых переборках жилой палубы. Командир русского корабля до последней минуты находился на капитанском мостике, пока не погиб от разрыва японского снаряда. Раненых, привязанных к пробковым матрасам, осторожно спустили на воду с противоположного от врага правого борта. Команда бросалась в воду с тонущего крейсера со спасательными поясами.

Японцы вели огонь по "Светлане" до полного её погружения, и многие русские моряки погибли от взрывов вражеских снарядов уже в воде. Только спустя полтора-два часа подошедший к месту боя вспомогательный крейсер "Америка-Мару" начал спасательные работы.

Японцы спасли семь офицеров, семь кондукторов и 273 нижних чина. Погибших моряков и офицеров со «Светланы» оказалось 177 человек (некоторые скончались от переохлаждения, проведя в морской воде несколько часов – А.П.)

"Величайшее мужество и самоотвержение" экипажа "Светланы" отметила комиссия по разбору обстоятельств Цусимского боя. В память о доблести её погибших моряков имя " Светлана " получил головной корабль новой серии крейсеров – корабль, снискавший себе славу в истории отечественного флота как гвардейский крейсер "Красный Крым".

Светлая память героям Цусимы

В Петербурге через четыре года после окончания русско-японской войны было принято решение о создании храма в память о погибших русских моряках. Храм получил название в народе **«Спас-на-водах».** Активное участие в деятельности комитета по сбору средств для его постройки приняла **вдова командира крейсера «Светлана» Сергея Павловича Е.А. Шеина (урожденная Урусова) и его брат – Василий Павлович Шеин.**

Возведение храма на набережной Ново-Адмиралтейского канала велось в 1910 – 1911 годах. Деньги на строительство собирались по всей России. Иконы и лампадки были взяты с погибших кораблей. Е.А. Шеина участвовала в вышивании ковра для верхней церкви. На церемонии освящения храма, состоявшейся 31 июля 1911 года, присутствовали Император Николай II и королева Греции Ольга.

Храм «Спаса-на-водах» был взорван в 30-ые годы XX века. В наше время началось его возрождение. Пока действует часовня святителя Николая Чудотворца, в которой 25 мая 2007 года вновь установлена латунная «записка» со 177 именами моряков с погибшей 15 мая 1905 года «Светланы». И первой в этом скорбном списке – фамилия командира броненосного крейсера, капитана 1-го ранга Сергея Павловича Шеина. С тех пор местный священник поминает героев по этой вечной латунной "записке".

В Петербурге храм понемногу возрождается. Может быть, и в наших краях дело дойдёт до увековечивания памяти героя Цусимского сражения? Ведь ещё до революции в городе Новосиле действовало двухклассное училище имени капитана 1-го ранга С.П. Шеина. Почему бы имя героя-земляка не присвоить известному на Орловщине местному профтехучилищу № 20, а в его стенах не создать небольшой музей, посвящённый Цусиме и её героям?

Свой след в русской истории оставили и другие представители славного семейства Шеиных. Сначала расскажу о младшем брате героя Цусимы, Василии Павловиче Шеине, видном государственном и православном деятеле.

Священномученик архимандрит Сергий

Он родился 30 декабря (ст.ст.) 1870 года, там же, где и брат, в родовом имении Колпна Новосильского уезда Тульской губернии (ныне – вымершая деревня Шеино Новосильского района – А.П.) и был десятым по рождению ребенком в семье коллежского секретаря Павла Васильевича Шеина и его супруги Натальи Акимовны, урождённой Квитницкой.

На службе царю и Отечеству

Родители Василия воспитывали его с детства в духе русских православных традиций, и сам он незадолго до своей мученической кончины вспоминал, что *"в Церкви с детства, постоянно около Церкви вращался, с ней сроднился"*.

В отличие от старшего брата Сергея, выбравшего, как я писал, дорогу военного моряка, Василий в 1886 году поступил в Императорское Училище правоведения, одно из самых престижных учебных заведений Российской империи. В него принимались юноши от 12 до 17 лет, только из потомственных дворян, а всего воспитанников было не более 100. Шеин все годы обучения шёл в числе первых учеников, и 14 мая 1893 года был выпущен из стен Училища с золотой медалью и с чином IX класса (титулярного советника, что соответствовало военному чину штабс-капитана пехоты или штабс-ротмистра в кавалерии, давая возможность получить личное дворянство тем, кто его не имел – А.П.).

Василий Павлович Шеин – Архимандрит Сергий

Как выпускнику, окончившему учебное заведение с отличием, Василию Павловичу Шеину представилась возможность занять высокую административную должность. В течение 20 лет он работал в Правительствующем Сенате (помощник обер-секретаря) и в Государственном Совете (помощник статс-секретаря), то есть был одним из высших чиновников Российской империи.

Когда в мае 1905 года произошла Цусимская трагедия, Василий Павлович тяжело переживал случившееся, тем более, что погиб его старший и любимый брат Сергей

Шеин, командир броненосного крейсера «Светлана». Помощник обер-секретаря Правительствующего Сената Василий Шеин стал одним из самых активных членов оргкомитета по сбору средств на постройку храма в память о погибших в русско-японской войне моряках («Спас на водах» - так в народе стали называть этот храм - А.П.).

Память о родном брате Василий Шеин увековечил и лично, открыв в городе Новосиле (по другим данным – в родовом имении Колпна – А.П.) двухклассное училище имени капитана 1-го ранга С.П.Шеина. Оно действовало вплоть до революции.

В 1912 году от Тульской губернии (напомню, что Новосильский уезд входил тогда в её состав – А.П.) Шеин был избран в члены Государственной Думы IV созыва, на первом заседании которой он стал одним из пяти товарищей (помощников) секретаря Думы И.Дмитрюкова. Будучи убежденным монархистом и честным русским человеком, Василий Павлович примкнул в Думе к фракции националистов и умеренных правых, уклоняясь, впрочем, от активной политической борьбы и работая в Комиссии по церковным делам. Вот как в дореволюционном думском справочнике охарактеризовали его: *«Дворянин, националист, умеренно правый. Наделен обостренным чувством справедливости, крайне религиозен. В Думе преимущественно занимается делами церкви, морали и нравственности. Разделяет взгляды Прогрессивного блока...».*

Василий, он же – Сергий...

Февральская буржуазная и Октябрьская социалистическая революции резко изменили жизнь всей России и самого Василия Павловича Шеина.

В 1917 году он был избран членом Поместного Собора Российской Церкви и в течение двух лет нёс ответственные и хлопотные обязанности секретаря Собора. В эти смутные годы, в отличие от многих «заблудших душ», быстро отшатнувшихся от русских православных традиций, Василий Шеин входил в жизнь Церкви всё глубже и глубже.

В конце августа 1920 г. он принял монашеский постриг и был наречен в честь преподобного Сергия Радонежского. И так уж случилось, что новым своим именем Василий Шеин опять прикоснулся к памяти нежно чтимого им брата-героя. В последующих документах советского периода очень часто священнослужителя В.П. Шеина именовали Сергеем Павловичем (по его духовному имени – А.П.). Вскоре он был рукоположен во иерея и возведен в сан архимандрита.

А в апреле 1921 года отец Сергий стал настоятелем Петроградского Патриаршего Троицкого подворья на Фонтанке. Ему в то смутное время приходилось сполна нести тяготу настоятельства. О том, в каких условиях приходилось отцу Сергию проходить свое нелегкое послушание,

свидетельствует его письмо от 13 сентября 1921 года наместнику Троице-Сергиевой Лавры архимандриту Кроониду, в котором отец Сергий сообщает о том, что *"благодаря Господа Бога и за молитвы преподобного Сергия "* на подворье все благополучно. *"Не волнуйтесь,* – пишет он далее*, – многими тревогами о подворье и подворской братии. Уповаю, что преподобный пропитает негодных своих монахов. В большой комнате поставил плиту, кафельную. Надеюсь помаленьку и что-нибудь варить на ней братии"*. Тягота настоятельства усугублялась долгом семейным: отец Сергий, сам перенесший тяжёлую болезнь, оказался единственным помощником двум старшим сестрам, оставшимся без службы и средств к существованию.

«...Жалею вас и молюсь за вас...»

Зимой же 1922 года начались события, которые вскоре привели к трагическому финалу отца Сергия и некоторых его *«братьев по промыслу Божию»*.

23 февраля постановлением ВЦИК было узаконено насильственное изъятие всех драгоценных церковных предметов, не исключая священных сосудов. Узнав о том, что предстоящее изъятие ценностей все же будет, вопреки здравому смыслу, произведено в принудительном порядке, митрополит Петроградский и Гдовский Вениамин отказался благословить верующих на какое-либо содействие изъятию.

Это и послужило для гражданской власти поводом к решительным действиям. 29 мая 1922 года в помещении епархиальной канцелярии митрополит был арестован. Вместе с отцом Вениамином на скамью подсудимых было посажено еще 85 человек, которых обвинили в сопротивлении изъятию церковных ценностей. Четырнадцати из них, в том числе настоятелю Троицкого Патриаршего подворья архимандриту Сергию (В.П. Шеину – А.П.) были предъявлены обвинения по статьям 62 и 119 Уголовного кодекса, предусматривающим высшую меру наказания.

10 июня 1922 года в Петрограде начался процесс, который можно с уверенностью было назвать позором "революционного правосудия". Нелепость и недоказанность обвинений, попрание элементарных гражданских норм и многое другое видели не только отец Сергий с его уровнем образования и опытом многолетней деятельности, но и все остальные подсудимые. Можно только предполагать, какие чувства вызывал у юриста Василия Шеина происходящий на судебном заседании спектакль.

Давая показания, отец Сергий был исполнен чувства глубокого внутреннего достоинства, но без малейшего намека на высокомерие и презрение к лицам, так этого заслуживавшим. Его ответы судьям и обвинителям были спокойны и точны.

4 июля, перед вынесением приговора, подсудимым было предоставлено последнее слово. По воспоминаниям очевидцев, последнее слово отца Сергия Шеина произвело сильное впечатление. Он нарисовал картину аскетической жизни монаха и сказал, что, отрешившись от суеты мира, отдал всего себя внутреннему деланию и молитве. *"Единственная слабая физическая нить,* – говорил он*, – связывает меня с сей жизнью. Неужели же трибунал думает, что разрыв и этой последней нити может быть для меня страшен? Делайте свое дело. Я жалею вас и молюсь за вас"*.

Революционный трибунал объявил смертный приговор десяти подсудимым, среди которых был и архимандрит Сергий. 10 августа 1922 года в "Известиях" было напечатано сообщение о помиловании шести приговоренных к смертной казни. Но митрополит Вениамин, архимандрит Сергий, Ю.П. Новицкий, И.М. Ковшаров помилованы не были.

В ночь на воскресенье, 13 августа, обритых и одетых в лохмотья – чтобы их не опознали и не отбили у конвоя питерцы, приговорённых отвезли на станцию Пороховые по Ириновской железной дороге и расстреляли.

В последние минуты перед кончиной отец Сергий громко молился: *"Прости им, Боже, не ведают, что творят..."*. Так закончил земную жизнь брат героя Цусимы.

В 1992 году архимандрит Сергий (в миру – Василий Павлович Шеин – А.П.) был причислен к лику новомучеников Русской православной церкви.

О не менее трагической судьбе двух сестёр Шеиных – Ольги и Варвары Павловны – в следующем очерке.

Школа по имени «Светлана» (о сёстрах Шеиных)

Свой вклад в дело увековечения памяти героически погибшего командира «Светланы» внесли две его сестры, - Ольга Павловна (Шеина) и Варвара Павловна (в замужестве – Франк - А.П.). Первое знакомство с ними произошло у меня гораздо раньше, чем с братом-капитаном. Дело в том, что я давно знаю и ценю творчество писателя Льва Овалова, особенно выделяя цикл его произведений о первом советском сыщике, майоре Пронине, и – роман «Двадцатые годы».

Место действия – Малоархангельский уезд

Это солидное произведение, настоящее эпическое полотно почти в 800 страниц текста, повествующее о жизни орловской деревни в переломный период её существования – с 1918 по 1923 год. Основные

события романа происходят в Малоархангельском уезде, но по ходу действие перемещается в Орёл и в Москву.

Овалову удалось создать произведение, которое, будучи написанным в советские годы, не потеряло своей исторической ценности (несмотря на всю его художественность) – потому, что автор хорошо знал то, о чём писал, и тех, о ком писал, поскольку прожил в наших краях пять плодотворнейших лет своей жизни. В книге – десятки географических названий, которые оставлены автором без изменений: Орёл, Малоархангельск, Змиёвка, Верховье, сёла Успенское, Корсунское, Дросково, Покровское, Критово, Луковец, многочисленные деревни, хутора, выселки, которые не раз посещал, беседуя с людьми, комсомольский секретарь Лев Шаповалов, основатель одной из первых на Орловщине комсомольских организаций.

В память о брате

Фамилии героев романа, как сам Овалов сообщил в одном из интервью, - вымышленные. Но у всех у них есть реальные прототипы, а некоторые герои «Двадцатых годов» носят свои собственные имена. Один из таких примеров касается как раз семьи Шеиных, о которых я и рассказываю. Цитирую отрывок из романа Льва Овалова «Двадцатые годы»:

В **деревне Самарка** (тогда – Малоархангельского уезда, а ныне – деревня в Покровском районе – А.П.) *«учительствовали две сестры – Ольга Павловна и Варвара Павловна, фамилия одной – Шеина, другой – Франк, Варвара Павловна замужем за бароном Франком, и все к округе зовут сестёр баронессами. Франк, выйдя в отставку, был он военным инженером, поселился в деревне, жена и свояченица, хоть и происходили из дворянской семьи, в молодости встречались с Фигнер и Засулич, сами едва не стали народоволками и служение народу считали первейшей обязанностью всякого образованного человека. Поэтому имение было приобретено ради идеи* (это не совсем так, поскольку **Самарка** – родовое имение, доставшееся им от матери, а той – от их деда, Акима Фёдоровича Квитницкого – А.П.) *сёстры решили выстроить школу и посвятить себя просвещению крестьян. Постройка школы совпала по времени с русско-японской войной, брат Ольги и Варвары, морской офицер* (капитан I ранга Сергей Павлович Шеин – А.П.), *командовал крейсером «Светлана», потопленным японцами в Цусимском бою, он тоже был настолько предан идее долга, что так, стоя на капитанском мостике, и пошёл ко дну вместе со своим крейсером. Сёстры назвали школу в честь брата «Светланой».*

Школа располагалась в удобном и красивом месте, на краю деревни, и совсем рядом с помещичьим домом, перед которым были разбиты клумбы с цветами.

За 10 лет учительствования сестёр-народниц в Самарке стали грамотными не только жившие здесь дети, но и многие из их взрослых родителей. Ольга Павловна и Варвара Павловна выписывали все новинки литературы и многие российские и губернские газеты. Сёстрам удалось привить местным жителям культуру быта, о которой слыхом не слыхивали до их приезда сюда.

В списке 66 школ Малоархангельского уезда, курировавшихся местным земством в 1910 году, школа «Светлана» была единственной такого рода и значилась как «частное учебное заведение». Вот такой вывод сделал в своё время (уже в годы гражданской войны – А.П.) Лев Овалов, познакомившись с жителями этой деревни:

«Она выделялась среди окрестных селений, почти все её жители были грамотны, книги и мыло водились в каждой избе, а возле многих изб росли вишни и яблони…».

Пока сёстры отдавали почти всё время делу образования, бывший инженер, барон Алексей Франк, муж Варвары Павловны, разбил на земле имения большой плодовый сад, который за короткое время стал приносить доход. Как только созревали многочисленные сорта яблок в «баронском саду», со всех сторон в Самарку съезжались покупатели.

«Совесть не позволяет оставить...»

После революции почти всю землю у сестёр изъяли, оставив трудовой надел, отобрали и помещичий дом. Ольга Павловна Шеина, её сестра Варвара Павловна Франк с мужем, Алексеем Павловичем, переселились в одну комнатку при школе, которую они сами построили и в которой, несмотря на эти притеснения, продолжали учить деревенских ребятишек. И не просто учили, а заботились об улучшении, как бы сейчас сказали, материальной базы школы, добились приобретения новых парт для учеников.

Мать Льва Овалова, Софья Николаевна, преподававшая иностранные языки в Успенской школе, несколько раз обращалась за нужными книгами к сёстрам-учительницам, и они ни разу ей не отказали. А часть книг бесплатно передали для учеников Успенской школы.

К сожалению, идиллия первых месяцев Советской власти закончилась в 1919 году. Вот что случилось после изгнания деникинцев из Самарки:

«Вечером в деревню пришла какая-то воинская часть, на ночёвку солдаты расположились и в избах, и в школе, и в помещичьем доме, порядка ради, заглянули в подвал, забрали яблоки, похвалили: «Правильно поступаете, обучаете народ». Расспрашивали Алексея Павловича (Франка, мужа одной из сестёр – А.П.), *почему школа называется «Светлана», рассматривали книги: «Молодец, папаш, сколько перечитал». Утром собрались выступать, но кто-то в деревне назвал*

Алексея Павловича бароном, привыкли ведь, всегда звали бароном, а тут кто-то: «Барон!».

«Настоящий барон?!» Вернулись обратно в дом. «Папаш, ты барон?» - «Барон». «Что ж ты молчишь, в таком разе, извини, должны мы тебя взять, мы баронов истребляем по всей планете, собирайся, папаш, совесть не позволяет тебя оставить». Алексей Павлович надел бекешу: «Что поделаешь, Варенька…» Солдаты спешили, вывели за околицу и расстреляли, утром кто-то пошёл искать корову, а он тут же, за деревней, в логу…».

Ольга Павловна и Варвара Павловна обучали деревенских ребятишек после этого трагического события ещё 6 лет. И все эти годы Советская власть считала их представителями враждебного, эксплуататорского класса, который эту власть не достоин выбирать. Сёстры Шеины были лишены избирательного права. Но власти этого показалось мало.

21 ноября 1925 года в Орле состоялось 54-е заседание президиума Орловского ГИК (губисполкома, в те годы это был высший орган исполнительной власти в губернии – А.П.), на котором присутствовало 23 человека. Вёл заседание председатель президиума Орловского губисполкома Шелухин. Из стоявших в повестке дня двух вопросов главным, несомненно, было утверждение списков бывших помещиков, подлежащих выселению по Ливенскому и Малоархангельскому уездам.

Дело в том, что 20 марта этого же года вышло постановление ЦИКа и Совнаркома СССР *«О лишении бывших помещиков права на землепользование и проживание в принадлежавших им до Октябрьской революции хозяйствах»,* и теперь на местах необходимо было его выполнить.

Вот выписка из протокола №54 заседания Президиума Орловского губисполкома от 21 ноября 1925 года):

По Малоархангельскому уезду –

«На основании постановления ЦИК и Совнаркома СССР от 20 марта сего года выселить из занимаемых ими усадеб следующих бывших помещиков:

№5. Франк Варвару Павловну и Шеину Ольгу Павловну…

….выселить немедленно порядком, указанном в Инструкции о выселении помещиков…»

Сестёр Шеиных, двадцать лет своей жизни отдавших делу просвещения жителей Малоархангельского уезда, сделавших быт сельчан намного культурнее, посчитали эксплуататорами, враждебно настроенными к Советской власти, и их, в числе 25 других бывших помещиков, выселили из бывшего имения и вообще из Малоархангельского уезда.

В 1925 году Варваре Павловне исполнилось 62, Ольге Павловне – 64. С момента героической гибели их старшего брата Сергея Шеина минуло 20 лет, с даты расстрела младшего брата, священномученика, архиепископа Сергия (Василия Шеина) – пролетело три года. Заботиться о сёстрах было уже некому. И где они провели последние дни своей жизни – мне пока не ведомо.

А школа по имени «Светлана» сгорела во время Великой Отечественной войны. Её преемница в деревне Самарка была построена уже на другом месте.

P.S. Кстати, ещё одно учебное заведение в память командира «Светланы» действовало до революции в городе Новосиле (по другим данным – в родовом имении Колпна – А.П.). Это было двухклассное училище имени капитана 1-го ранга С.П.Шеина, созданное по инициативе и на средства уже упоминавшегося родного брата героя Цусимы – Василия Павловича Шеина (архимандрита Сергия – А.П.), с 1992 года причисленного к числу новомучеников Русской православной церкви.

Приложения

Списки имений Малоархангельскогоуезда и акты ликвидационной комиссии по регистрации бывших частновладельческих построек, сельскохозяйственных построек с/х назначения

30 августа - 26 ноября 1918 года

ГАОО, ф.314, оп.1, ед.хр.31

(на 156 листах)

Л.12-л.13

Акт №609 (копия с копии)

Осмотра экономических построек сельскохозяйственного назначения, произведённого ликвидационною комиссией Успенского волостного земельного отдела, состоящей из членов Малоархангельского уездного земельного Комиссариата И.А. Шелухина, членов волостного земельного отдела И. и А. Козлова, Л. Гр. Новикова и исполняющего должность комиссара по народному образованию Г.Я. Арнаутова

1918 года июля 22 дня мы, нижеподписавшиеся, приступили к осмотру построек в бывших помещичьих экономиях:

Фронк Борон *(барон здесь превратился в фамилию – А.П.)*

Вся постройка остаётся за владельцем, кроме:

1. *Жилого помещения от пасеки*
2. *Кузницы*
3. *Хаты с сенями*

4. Жилого помещения тс двумя отделениями с сенями
5. Амбара деревянного, крытого тесом.

Протоколы заседаний комиссии по выселению бывших помещиков
(Орловская губернская комиссия
по выселению бывших помещиков)
(18.09.1925-18.09.1926)
ГАОО, ф.р-1168, оп.1, ед.хр.7

Л.20

Протокол №4
Заседания губернской комиссии по выселению помещиков
от 2 октября 1925 года

Присутствовали: т.Мазуров – председатель, члены: Брылёв и Валиниек, при губернском прокуроре Шестак.

Разбор материалов о выселении бывших помещиков по Малоархангельскому уезду.

Слушали:

Франк Варвара Павловна и Шеина Ольга Павловна, из дворян. *Проживают при д. Малой Самарке Покровской волости. До революции имели 201 десятину земли по наследству. В настоящее время земли имеют на 2 души и 2 десятины под усадьбой.*

Выселить из усадьбы. Землю изъять.

Сведения об имущественном положении бывших помещиков по Малоархангельскому уезду *(дата отсутствует, но до 1925 года)*
ГАОО, ф.Р-1689, оп.1, ед.хр.5
(на 26 листах)

Покровская волость

№5. Франк В.П. и Шеина О.П.,

Д. Малая Самарка, дело №17

Дом деревянный, крыт железом, в одну комнату, 7Х7 сажен - оценён в 70 рублей

Сарай каменный, крыт железом, трёхстенный, 20Х10 - 150

Корова бурая, комолая - 1 – 12 рублей

Овец старых - 2 - 7

Семей пчёл (в рамках) - 5 - 35

Итого на сумму 274 рубля

Земли 2,68 десятины

Мейеры: немецкое семейство на Орловщине

Юрий Константинович Мейер

О дворянах с немецкой фамилией **«Мейер»,** владевших землями на территории нашего края с екатерининских времён, я долго не писал: слишком мало имелось материала о них. Но постепенно этот недостаток был исправлен кардинально, и у меня под руками оказались такие залежи ценнейших, подробнейших сведений как о самих Мейерах, так и о помещичьем быте конца XIX - начала XX века, что не написать об этом было бы просто непростительно.

Основную часть новой для меня информации я почерпнул из **воспоминаний Юрия Константиновича Мейера,** опубликованных в шестом томе альманаха «Русский архив».

Но прежде, чем перейти к ним, приведу дополнительные сведения о семействе Мейер, найденные мною в других источниках (в основном, в ГАОО – А.П.)

Предок Юрия Константиновича, **Мартин Мейер**, переселившийся в Россию из Германии во времена Екатерины Великой и дослужившийся до чина майора, получил от императрицы в конце XVIII века во владение село Спасское-Кубань (Малоархангельского уезда Орловской губернии), где семья Мейеров с того времени осела на постоянное жительство.

Сын Мартина, Николай, тоже выбрал военную карьеру и, начав службу юнкером в мае 1818 года, ушёл в отставку полковником в апреле 1848 года. За 30 лет воинского служения **Николай Мартинович Мейер** стал кавалером четырёх российских орденов (Святой Анны 4-й, 3-й и дважды – 2-й степени). У Николая Мартиновича и его жены Софии Петровны было двое сыновей, старший из которых, **Александр, родившийся 27 сентября 1834 года**, в 15-летнем возрасте был зачислен в кондукторскую роту Николаевского инженерного училища. По окончании его в 1854 году в чине военного инженер-прапорщика начал службу в армии, но, в отличие от отца, военная карьера А.Н. Мейера длилась недолго: он вышел в отставку 30 мая 1860 года в чине поручика и почти 50 лет прожил потом в своём имении.

За это время Александр Николаевич Мейер (родной дед автора воспоминаний – А.П.), добился больших успехов – как в собственном хозяйстве, так и на гражданской службе. Имение его, первое время

достаточно скромное по размерам (в 1862 году земли в нём имелось 366 десятин), постепенно прирастало земельными участками и успешно развивалось. Сам же А.Н. Мейер быстро приобрёл авторитет у малоархангельского дворянства, которое стало выдвигать его на различные выборные должности, а с 1888 года и до первой русской революции Александр Николаевич являлся уездным предводителем дворянства, и это говорило о его незаурядных личных и организаторских качествах.

Что касается семьи главного дворянина Малоархангельского уезда, то и здесь всё было в порядке: он хоть и женился, когда ему было уже за 30, но зато на верной, любящей его женщине, которая родила Александру Николаевичу трёх сыновей и трёх дочерей. Старшим из детей (1870 года рождения) был **Константин Мейер**, отец будущего автора воспоминаний. Константин Александрович получил, как бы сейчас сказали, среднее образование в Орловской мужской гимназии, а потом большую часть своей жизни жил за пределами Орловской губернии, поскольку занимал довольно высокую должность в Удельном ведомстве. Перед Первой мировой войной и революциями он стал управляющим Мургабским имением императора Николая II – одним из самых больших и экономически процветавших хозяйств императорской семьи (оно находилось а Туркестане).

Константин Александрович Мейер в 1896 году женился на Анне Фёдоровне Гончаровой, происходившей из дворян Бессарабской губернии (её отец был генерал-лейтенантом и командовал бригадой, и о нём есть очерк в данной книге – А.П.). У молодой пары в сентябре 1897 года родился первенец, которого крестили как Георгия, а уж когда и как он превратился в Юрия, - не очень существенно, тем более, что это – просто вариант крестильного имени. Проживали молодые сначала в городе Вольске Вологодской губернии, а потом в Саратове, в котором Юрий Мейер с серебряной медалью закончил Первую Самарскую мужскую гимназию.

На всех летних каникулах Константин Александрович Мейер обязательно привозил семью в родное имение на Орловщину, в милую его сердцу **Кубань (Спасское).** Эти поездки и пребывание в гостях у деда, уездного предводителя дворянства (пока он был жив), а потом у тёток и дядей запомнились мальчику Юре на всю жизнь – так, что он в своих мемуарах описал (спустя 80 лет!) Кубанское имение на нескольких страницах с мельчайшими и очень яркими подробностями (эти отрывки я и привожу ниже – А.П.)

Окрестности между селом Алексеевка и селом Кубань

Осенью 1915 года Юрий Мейер по конкурсному экзамену был принят в Императорский Александровский лицей в Петербурге, а осенью 1916-ого, отвечая на призыв студентов в войска, поступил вольноопределяющимся в лейб-гвардии Семёновский полк.

С 1 февраля по 1 сентября 1917 года Юрий Константинович обучался на ускоренных офицерских курсах при Пажеском Корпусе и был произведён Керенским в чин прапорщика общеармейской кавалерии. С конца 1917 года по начало 1918-го он находился в городе его родителей, не чужом и ему самому.

После отъезда из Орла Юрий Мейер с родителями сумел добраться до Киева, в котором осенью 1919 году вступил в Добровольческую армию. Служил командиром кавалерийского взвода 3-го эскадрона Лейб-гвардии Кирасирского Его Величества полка. Воевать ему пришлось недолго, до серьёзного ранения, после чего вместе с госпиталем он был перевезён в Турцию. После выздоровления переехал в Югославию, где поступил в немецкую торговую фирму. Позже стал хозяином собственного дела и небольшого банка.

С началом II Мировой войны Мейер присоединился к Русской Освободительной Армии генерала Власова и работал в Главном Гражданском Управлении Комитета Освобождения народов России. После разгрома фашизма обвинений в военных преступлениях союзники

ему не предъявили. Наоборот, американцы предложили Юрию Мейеру должность преподавателя русского и немецкого языков в Школе военной разведки американской армии. Юрий Константинович проработал в ней (сначала в Мюнхене, а потом в Оберамергау) 8 лет, после чего переехал в США и поселился в Вашингтоне.

Здесь, в пригороде столицы, Анакосте, он в течение 15 лет преподавал в Школе разведки американского ВМФ и, в отличие от большинства русских, принимал деятельное участие в американской политике: состоял в республиканской партии и являлся членом Президентского Республиканского клуба. В 1973 году Мейер стал одним из основателей Конгресса Русских Американцев, несколько сроков затем входя в состав Главного Правления этой организации.

Будучи глубоко верующим православным христианином, стал секретарём, а затем и Председателем финансового комитета первого прихода Русской Зарубежной церкви в Вашингтоне. В 50-ые годы XX века сумел собрать 250 тысяч долларов на постройку здесь первого православного храма. По мере сил и возможности помогал русским детям и старикам, возглавляя Русское Детское Общество и Русско-Американское Общество Помощи.

Юрий Константинович принимал деятельное участие и в эмигрантской журналистике, сотрудничая с русскоязычными газетами Парижа, Сан-Франциско, Парижа, Буэнос-Айреса, Нью-Йорка. Мемуары свои он написал уже в самом конце жизни, в 90-летнем возрасте.

Умер Ю.К.Мейер 12 декабря 1993 года, на 97-ом году жизни, похоронили его на одном из кладбищ Вашингтона. Он был последним офицером Лейб-гвардии Кирасирского Его Величества полка, именно по этой причине мемуары его и получили такое название – **«Последний кирасир».**

Рукопись мемуаров была передана дочерью Мейера в фонд Общества истории Гражданской войны в России (Москва), где сейчас и хранится.

Именно эти воспоминания (со значительными сокращениями) я и предлагаю вниманию читателей. К большим и не разделённым кускам текста я сделал тематические заголовки, чтобы было ясно, о чём идёт речь в том или ином отрывке.

Ю.К. Мейер «Записки белого кирасира»

Дорога на Кубань

Мой отец служил в Удельном Ведомстве и получал двухмесячный отпуск раз в два года. Летом, когда он служил, мы жили на даче, а на следующий год летом ездили в именье Спасское-Кубань, в Орловскую губернию.

Дорога на Кубань (это место называлось Часовенка)

Железнодорожная станция, на которой мы сходили, называлась Змиевка и была расположена на Московско-Курской железной дороге в 60 километрах от Орла… Выходим на подъезд станции, на небольшую площадь с булыжной мостовой, обсаженную чаще всего осинами или липами. Кучер Николай, высланный нас встречать, подает к подъезду тройку. Коляска небольшая. Родители помещаются на удобном, глубоком и мягком заднем сидении, а я как мальчуган сажусь на откидную скамеечку, спиной к кучеру и лицом к родителям. 28 верст от Змиевки до Кубани мы проезжаем не спеша, за три часа. Итак, переезд, в общем, в 70 верст занимает часов 8…

…Первым на пути было Куракино. Александр Борисович Куракин был в те времена губернским Предводителем дворянства. Через 7 верст мы проезжали Столбецкое, имение Михаила Михайловича Мацнева. В 12-м и 13-м году он построил на свои средства на своей земле больницу для крестьян. В двух верстах от Столбецкого было имение Емельянова. И когда мы начинали приближаться к родному гнезду, то в низине открывалась деревня Алексеевка с имением Сергея Сергеевича Олив, бывшего в конце прошлого века помощником Главноуправляющего Уделами князя Виктора Сергеевича Кочубея.

Когда коляска минует последний дом деревни и откроется широкий простор полей, то на горизонте в четырех верстах по пологому подъему мы видели две ракиты, так называемую Часовенку. Они были небольшие

со сбитыми в сторону ветвями и редкой листвой – очевидно, давно воткнутые в землю вехи-путеводители, разросшиеся и удержавшиеся, невзирая на постоянные налеты ветров. Для меня и моей матери это было не столь важно, но для отца это был первый привет родной земли. Когда мы достигали вершины возвышенности у Часовенки, то уже катились по собственной земле, и за пологим спуском длиной с версту виднелась наша усадьба, пруд, плотина с двумя рядами мощных ракит, за прудом большой амбар с красной железной крышей и дальше купы столетних дубов в так называемой верхней роще.

Об имении Мейер в селе Кубань

Проехав плотину, кучер Николай подхлестывает пристяжных, которые переходят в галоп, и мы на быстром ходу проезжаем сначала птичий двор – грязную избу под тенью ракит. Спешно разбегаются куры с выводками цыплят, крякают утки с утятами, переваливаясь и спеша к сажалке за птичником. Поясню, что такое сажалка. Это вырытый в земле бассейн величиной примерно метров 20 на 10 для водоплавающей птицы. Оттуда слышен гогот гусей. Дальше мы быстро едем по аллее из больших ракит, оставляя в стороне скотный и отдельный воловий дворы, и между двух въездных кирпичных столбов с пирамидальными верхушками. Их уже выстроил мой отец как знак, что вы въехали в самую усадьбу. Тут как раз растут девять громадных дубов, очевидно, еще с поры Смутного времени, и дальше тянется так называемый старый фруктовый сад, в отличие от нового, посаженного в самом конце прошлого века, с яблонями, грушами и сливами. Еще несколько саженей, и открывается широкий двор – луг с клумбами цветов, и мы по половине овала этой дороги подкатываем к подъезду барского дома.

Не думайте, что он очень роскошен. Он - деревянный, в два этажа, снаружи покрытый деревянным тесом, выкрашенным в темно-розовую краску. Большие окна снабжены двустворчатыми ставнями, которые повар или горничные по вечерам закрывают, для чего служат щеколды. Утром их открывают и закрепляют к стене такими же щеколдами.

На звон бубенцов нашей тройки высыпают нас встречать. В первую очередь **тетя Таля (Наталья Александровна Мейер** – А.П.), старшая из поколения моего отца, ведущая хозяйство имения, и многочисленная прислуга. Вот первое крыльцо, на нем сбоку стоит ручная пожарная машина, дальше следует вторая большая передняя с непередаваемым свежим запахом, неведомо как создающимся в старых помещичьих домах. Дом небольшой. Внизу небольшой зал, за ним гостиная, дальше столовая. Из гостиной выход на террасу в сад, защищенную от солнца крышей и густой стеной дикого винограда. Из гостиной двери в большую столовую. Кроме того, в нижнем этаже шесть спален, вытянутых вдоль коридора, проходящего посередине дома, с лестницей на верхний этаж. Там тоже

коридор и по одну сторону тоже шесть комнат – три бывшие детские, а теперь спальни для приезжей молодежи вроде меня, и три для прислуги.

Наверху, по другую сторону коридора – большие кладовые и гардеробная, в которой десятками лет хранились платья бабушек и формы дедов. Этим добром мы пользовались, устраивая живые картины.

Для освещения в гостиной, зале и столовой висели керосиновые лампы с белыми фаянсовыми абажурами. В некоторых спальнях у ночных столиков были стоячие лампы, а когда дом был переполнен, то спать в отдельные комнаты шли со свечой. В спальнях на больших деревянных или мраморных умывальниках стояли фаянсовые разукрашенные тазы и кувшины, в которые горничные с утра наливали воду. К такому ассортименту принадлежала выдержанная в том же стиле ночная посуда. Для того чтобы помыться целиком, надо было пройти по саду полтораста шагов до бани, а летом ходить за полверсты в деревянную купальню на пруду. Место удобств называлось «чу» и состояло из сиденья, под которым была глубокая асептическая яма, которую чистили два раза в год. Спускать воду можно было, так как над сиденьем был устроен металлический бак, который прислуга наполняла водой. С умилением вспоминаю металлический крючок, укрепленный на бронзовой пластинке, изображающей венецианского льва. На этот крючок тетя Таля насаживала аккуратные квадраты газетной бумаги. Пипифакса тогда, во всяком случае, в провинции, не было.

В саду перед террасой были цветники, которые по ужасной тогдашней моде украшались разноцветными стеклянными шарами, помещенными между цветами. От дома расходились аллеи лиственниц, липовая, жасминовая, кленовая. Жасминовая упиралась в густейшие заросли кустов и камыша с коричневыми бархатными головками осенью. Эти заросли спускались под обрыв, на дно бывшего большого пруда. На противоположном берегу начинался луг крестьян. Еще в конце прошлого столетия плотину прорвало, и с тех пор владельцы имения, то есть мой дед, не могли сговориться с крестьянами о восстановлении плотины. Вода из Студеного ключа, из которого привозили воду и который выходил из-под земли в низине луга в версте от сада, в микроскопическом масштабе повторяла ту же работу, которую делала река Колорадо в Гранд-Кэньоне. При паводке обрушивались подмытые берега, и овраг становился все шире и глубже. В соседней березовой роще, выросшей на торфянике, в почве образовались глубокие трещины и отдельные деревья с землей сползали вниз. Для нас, детей, эти места были идеальными для игры в индейцев. Все герои Майн Рида и Фенимора Купера побывали на откосах этого оврага. Забыл упомянуть, что острая проблема отопления при отсутствии лесов для Кубани не существовала. За садами в низине был большой торфяник. Специалисты-резчики приходили весной с лопатами, похожими на лопаточки, которыми берут кусок торта, вырезали

аккуратные кирпичи торфа, которые искусно складывали в продуваемые со всех сторон пирамиды для сушки.

Усадьба Кубани была построена по старому принципу. Ничто не должно было ускользать от глаза бдительного хозяина. Поэтому, если он сидел на скамеечке у подъезда главного дома, то перед ним по овалу располагались: баня, расхожий амбар с продуктами для рабочих, каретный сарай, большая каменная конюшня, для тепла покрытая соломой, ледник – деревянный домик срубом с глубокой ямой, которую зимой набивали глыбами льда с пруда и укрывали их соломой. Там на полках хранилось молоко. Дальше шел колодец и большая каменная людская, жилье для рабочих с кухней, где повариха Харитинья приготовляла обед и ужин для рабочих. Рядом с домом, но с другой стороны, была каменная кухня, где готовил еду хозяевам повар Николай Упатов.

За пределами этого овала находились еще одна большая кирпичная людская, в которой жил главный пастух Рязанцев, житный двор, где под навесами стояли сеялки, косилки, конные грабли, плуги и где были целые завалы всякого старья, накопившегося за десятки лет. За житным двором была псарня с собаками. Напротив житного двора был большой скотный двор. Эти постройки были – срубы, соединенные в несколько венцов, под соломенной крышей.

В отдельном стойле стоял бык-производитель. Стадо у нас было симментальской породы. Почему-то в России полагалось, чтобы бык был неукротимой злобы и представлял постоянную опасность. Поэтому нам, детям, запрещали вертеться около скотного двора, когда пастух гордо и медленно вел Снежка на цепи с кольцом, продернутым через ноздри, на водопой к сажалке. Зимой в доильне коровы стояли постоянно, и навоз с соломой из-под них не убирался. Таким образом, они к марту месяцу стояли почти у переметов крыши и должны были глубоко гнуть шеи, чтобы добраться до корма в больших яслях. Еще дальше были расположены амбары, одноэтажные деревянные срубы, с ровным дощатым полом для ссыпки зерна, под железной крышей; тут же невдалеке кузница и, наконец, рига, которая служила для молотьбы, когда барабан и веялки приводились в движение конской тягой. Восемь лошадей ходили по кругу, вращая громадное горизонтальное колесо, которое через шестерни и маховое колесо давало с помощью ременной передачи нужную скорость зубчатому барабану. Так как этим способом нельзя было молотить по мере подвоза копен с поля, то они вокруг риги складывались в скирды высотой в двухэтажный дом с искусно выведенными из уложенных снопов двускатными крышами. Такие скирды стояли правильными рядами в несколько рядов и образовали своего рода городок, в котором мы играли в прятки и догонялки, крадучись на перекрестках и осторожно выглядывая из-за угла скирды. Рига перерабатывала этот запас хлеба зимней молотьбой.

Переломными годами в поведении помещиков нужно считать годы первой революции 1905–1907. Основным чувством помещиков стал страх и стремление, невзирая на всю любовь к насиженным гнездам, покинуть их. Но помимо неуверенности в будущем, было еще одно явление, которое вело к уходу помещиков из своих имений. Это измельчание помещичьих владений. Дело в том, что, например, поколение моего отца было весьма многочисленное. Очевидно, деды были уверены в своем будущем и обзаводились большими семьями. У моего деда Мейера было шестеро детей, у деда Гончарова, отца моей матери, – девятеро. И по соседству у помещиков к концу прошлого века всюду было много детей.

Теперь, если как пример взять мою семью, складывалась такая перспектива на будущее. Как я уже сказал, у деда Кубань с хутором Ивановкой составляла 1200 десятин. После его смерти каждому из шестерых детей досталось бы по 200 десятин. Дальнейшее хозяйство могло бы вестись только сообща. Но так как эти шесть отпрысков, по всей вероятности, обзавелись бы своими семьями, то им не было бы места для жизни в прародительском доме. Поэтому среди помещиков в поколении моего отца наблюдался, если можно так выразиться, уход на отхожие промыслы, и связь с родной землей терялась, тем более, потому, что одновременно с уходом являлось желание продать свой удел. Именно это произошло с моей семьей.

После революции 1905 года повсеместным явлением была продажа помещиками своей земли Крестьянскому поземельному банку, который продавал ее на льготных условиях крестьянам. Упомянутые мною соседи по имению тоже частично продавали землю. Тут следует, однако, отметить довольно любопытный факт – нарождение нового класса в деревне.

Три моих тетки после революции 1905 года продали хутор Ивановку, то есть свои доли, в общем 600 десятин. Их примеру последовал и средний брат Леонид (продажа хутора и земель произошла после 1908 года). От всего имения осталось 400 десятин, принадлежавших моему отцу и его младшему брату Жорику. Но с таким сокращением площади менялась вся рентабельность владения таким участком земли. И это вынудило и этих двух последних владельцев уйти в город и искать источник существования на службе…

О прасолах

Издавна в ней (русской деревне – А.П.) существовали прасолы – мещане, зажиточные крестьяне. Одним из их главных деяний была скупка у помещиков хлеба, овощей, фруктов и вывоз их в города, где продукты скупались торговцами. Этот класс рос весьма быстро и богател. Конечно, была большая разница между прасолами, откупавшими, например, в Кубани урожай яблок, груш и слив и разбивавшими в так называемом

молодом саду большой шалаш, покрытый кошмами и брезентами, в котором они жили целое лето скорее как сторожа от деревенских мальчишек, и прасолом, торговавшим хлебом.

Вокруг шалаша, по мере поспевания, на рогожах лежали груды аниса, антоновки, белого и желтого налива, апорта или разного сорта груш вплоть до бергамотов и дюшесов и гарнцами сваливались сливы – ренклоды и обычная слива венгерка. С ней я через 10 лет в изобилии повстречался в Югославии, точнее Сербии, где из нее гнали «шливовицу». Конечно, обороты такого прасола, садового сторожа, были невелики. Но были прасолы другого масштаба. На своих или нанятых подводах они осенью, или, скорее, как только устанавливался санный путь, вывозили содержимое помещичьих амбаров в города. Это были целые обозы, и нажива тут была велика. Это давало возможность прасолам скупать у помещиков небольшие имения и организовывать свои хозяйства.

Мне помнится один из прасолов нашей округи, Ерохин. Прасолы были твердым консервативным народом, больше верящим слову, чем подписи на бумаге. Мой сосед В. С. Олив рассказывал мне, как Ерохин дал ему по одному слову 50 000 рублей на какое-то дело. Судьба этого простого человека была своеобразна. Он прекрасно понимал, что ждет его и его семью, когда в деревне власть перейдет к беднякам и дезертирам, и быстро устремился на юг и в эмиграцию. О торговых способностях этого человека с только начальным образованием можно судить по тому, что в 50-х годах у него во Флориде был большой супермаркет.

О сельском хозяйстве

Конечно, отнюдь не все помещики впадали в ликвидационные настроения. Были среди них и такие, которые в первые два десятилетия этого века упорно стали переходить к интенсивному сельскому хозяйству. При жизни деда все еще держались векового трехполья: озимый клин, яровой, паровой. На последнем ничего не сеялось, только с осени поднимали жнивье. Земля на нем паровала – отдыхала. Его использовали для выпаса скота. Система эта называлась трехпольем.

Мой отец и дядя Жорик сразу же перешли к многополью. К основным культурам - ржи, пшеницы и овса прибавились посевы кормовых трав – клевера и вики и корнеплодов, главным образом, картофеля. Все эти культуры благодаря длинным корням рыхлили землю и делали ее более плодородной, уходя глубже в нее. До этого периода помещики опережали крестьян только в пахоте. Они использовали плуги, главным образом трехлемешные, и не простые, а дисковые бороны, в то время как наши орловские Микулы Селяниновичи все еще ходили за сохой.

Уборка урожая тоже была различная. Крестьяне косили рожь и овес, пользуясь косами с деревянными тройными граблями, пристроенными над

косой, которые позволяли укладывать скошенную рожь в правильные рядки. Серп почти вышел из употребления. Помещики же обзаводились жнейками и косилками, главным образом системы американского изобретателя Мак-Кормика. Это было неуклюжее сооружение, в которое впрягалась пара лошадей с дышлом между ними. При движении длинные ножи, состоящие из десятков плоских конусов, проходили туда и обратно через соответствующие выступы деревянной платформы. Система действовала по принципу машинки для стрижки волос. Центром машины была так называемая голова. Она была чугунная, а бежавшие вокруг по разным рельсам четыре широкие грабли исполняли следующие функции: первая пригибала к платформе рожь, вторая клала срезанную рожь на платформу, третья и четвертая сбрасывали рожь с деревянной платформы на землю в виде валка. Для рабочего на железном косяке было сидение, соответственно выгнутое для удобства. Но так как рядом вертелись упомянутые грабли, у меня в памяти запечатлелось, что рабочий всегда сидел как-то боком, отклоняясь от грабель. То же самое делал и я, так как очень любил косить.

Вот и теперь, через много лет, передо мною стоит картина желто-серого поля ржи с редкими васильками и голубого неба с белыми облачками. Две взмыленные лошадки тянут косилку, у вас в руках вожжи, и вы должны все время следить, чтобы они шли вплотную вдоль нескошенной ржи, и таким образом можно было бы косить во всю длину ножа. На железное сиденье необходимо подложить кусок кошмы, или сложенный мешок, или другое веретье, иначе будет не работа, а пытка! Над лощадьми вьются овода, и вы кнутиком сгоняете их с крупов лошадей.

Тяжелой сельской работой была вязка. Сброшенные валки ржи надо было связать. Это делали девки. Не удивляйтесь этому термину. В деревне в нем ничего унизительного не было, это была женская рабочая сила, и термин «девки» никакого отношения не имел к их поведению. Главным образом это были девушки из Полесья, которые приходили группами на рабочий летний и осенний сезон. Даже в летнюю пору они были с головы до ног закутаны платками, кофтами, длинными до пят юбками и передниками, руки их были с ладонями завернуты в белые тряпки. Особенностью их костюма были обращавшие на себя внимание заплаты на их блузах, приходившиеся как раз на груди. Но, повторяю, вязка была каторжной работой. Сколько раз надо было согнуться, собрать граблей сжатый валок, перехватить его перевяслом, заткнуть концы перевясла под него самого! К концу дня надо было снести снопы и сложить их в крестцы.

Поясню, что такое крестец. Четыре снопа укладываются так, что колосья всех четырех кладутся друг на друга, а концы снопов торчат аккуратно в 4 стороны. Получается крест. На первый ряд укладываются

еще два ряда по четыре снопа в каждом и, наконец, наверх кладется 13-й так, чтобы он покрывал середину крестца, где колосья – временная защита от дождя. Обыкновенно 4 крестца укладываются в ряд, и они составляют копну. Это как раз то количество, которое можно уложить в деревенскую телегу и получить высокий воз. Клин, на котором идет вязка, меняется с каждым часом: одна полоса занята еще не связанными валками, потом лежат разбросанные снопы и, наконец, на другой стороне клина – ряды копен. Крестьяне судили об урожае по числу копен на десятину: 7–8 копен было недород, 18 и больше, 20 копен – считалось большим урожаем.

К началу второго десятилетия нашего века появились сноповязалки. Они не только косили, но и вязали снопы шпагатом. Первые типы этих машин были несовершенны, часто ломались, и при молотьбе всегда были жалобы подающего в барабан, так как он должен был резать шпагат ножом. Но эти сноповязалки освобождали женщин от каторжной работы.

Идя по пути интенсификации хозяйства, отец и дядя Жорик обновили инвентарь, приобрели новые плуги, новые косилки, выбросили извечные телеги с деревянными осями, которые мазались дегтем. Было построено 8 больших дрог, которые назывались фурами. Они были с железными осями, вдвое длиннее телег, вместо максимальных 30 пудов для телеги в них можно было грузить до 100 пудов.

О Кубанском винокуренном заводе

...У пруда был выстроен винокуренный завод. Неочищенный спирт гнали из картофеля с большим содержанием крахмала и в железных бочках доставляли его на ректификационный завод, где спирт очищался, и из него выпускалась водка низшего качества «красная головка». Эта попытка ввести в Кубани промышленность окончилась неудачей. Завод проработал две зимы, потом началась война, продажа водки была запрещена, и винокурение прекратилось. Единственной выгодой было то, что паровой двигатель завода был использован для работы паровой молотилки, и молотьба в риге прекратилась.

Об отношениях помещиков и крестьян

Теперь я с удивлением вспоминаю, что даже в 12–13-летнем возрасте я смутно инстинктом угадывал, что здесь что-то очень неладно. Проезжая со станции через несколько деревень, я чувствовал себя в чужом и не понятном мне мире, встречавшиеся мужики и бабы были мне не понятны, как существа с другой планеты, и я чувствовал какую-то неловкость, смотря на их телеги со скрипучими колесами, клоками соломы и сена, обтрепанной веревочной сбруей и видя спину кучера Николая в синей суконной поддевке, в шляпе с павлиньими перьями, держащего в рукавицах вожжи чистокровных холеных и крупных

лошадей. И при таком отчуждении и взаимном непонимании поведение всех членов семьи и родственников, приезжавших к нам летом, могло только раздражать коренных жителей деревни – крестьян.

О том, как отдыхали помещики

Читатель может спросить, как заполняли свой досуг помещики, подобные семье Мейер.

В первые годы взрослые часами играли в крокет. Каково было рабочим и тем же девкам, работавшим в поте лица, смотреть, как баре гоняют шары деревянными молотками! Чаще всего мы с отцом в паре играли против двух теток – Маруси и Валеры. Когда партия подходила к концу, и я видел, что у теток преимущество, я, ожидая своей очереди, сходил с площадки в липовую аллею и ревел, потом с отчаянием ударял по своему шару, который тем временем загнали на край площадки, в отчаянной попытке крокировать шар противника на другом конце площадки и, промазав, всхлипывая, опять уходил под липы. Я думаю, что у взрослых не было чувства неловкости перед рабочими. Они безмятежно веселились.

Так, в поединке между Жориком и Леоном было условлено, что проигравший в будущем не смеет входить на площадку, а, стоя за забором и сняв шапку, должен спрашивать победителя: «Разрешите посмотреть на вашу мастерскую игру!» В последние три года была устроена и теннисная площадка. Но я думаю, что и эта игра не вызывала много сочувствия у проходивших мимо рабочих.

Я с отцом ездил верхом или на дрожках по несколько часов по полям, на которых шла работа, или были на молотьбе. У моего отца была навязчивая идея обратить усадьбу с ее садами и рощами в нечто подобное английскому поместью. Для этого надо было уничтожить наследие старого времени. Дело в том, что отдельные сады и рощи были окружены рвами с целью не допускать в них свой и крестьянский скот. Эти рвы и валы выкопанной земли поросли акацией, ракитами и кустарником. По несколько часов в день мы с отцом работали на этих рвах, выкорчевывая и засыпая их.

Проезжая в 1914 году через Москву, я на Мясницкой улице в одном из немецких технических магазинов купил образцовые топоры, лопаты и пилу. Летом мы купались в пруду. Тетя Таля выстроила деревянную купальню с погруженным в воду дощатым полом. Мы ездили на ею же купленной лодке, прилаживая на ней парус из простыни; стреляли из монтекристо воробьев и лягушек на пруду. В дождливую погоду в доме играли в карты, в «короли», и много читали, сначала Майн Рида, Купера, потом Чарскую, Жюль Верна.

Были еще две вещи, которые могли раздражать рабочих и крестьян. Любимым занятием хозяев, прежде всего тети Маруси, потом моего отца,

а за ним и других членов семьи, было пойти на молотьбу, сесть на скамейку и наблюдать, как подъезжают фуры, как работает подающий в барабан, раструшивая снопы, как вязанками отвозят солому, а главное – как нагружают телеги мешками умолоченного зерна. Сначала телега шла на весы, и очень часто я сам с интересом бегал туда, взвешивал и отмечал в тетради, сколько прибавилось пудов зерна в амбарах; что касается моего отца, то он утром или после раннего обеда в полдень верхом выезжал в поля и шагом следовал или за одним из плугов, или за жнейкой, внимательно наблюдая за тем, чтобы не было огрехов, особенно на углах клина. Я думаю, что это было общим занятием помещиков-хозяев.

Потом, уже в эмиграции, мне рассказывали про одного помещика, прокурора Окружного суда и затем губернатора, который, когда был в отпуску в своем имении, ходил за плугом и аккуратно поднимал редкие камешки, попадавшиеся в новой борозде, и выносил их за межу.

Мы в Кубани по воскресеньям, когда не было работы, иногда сами запрягали две фуры (это было, конечно, во время уборки хлеба), выезжали в поле и грузили копны в повозки. При этом вырабатывалась особая техника орудования вилами-двойчатками. Конечно, мы, члены семьи, молотить сами не могли, поэтому только клали привезенные снопы в скирды. Мой отец умел очень хорошо это делать, особенно вершить, то есть укладывать верхнюю конусообразную часть. Подавать вилами тяжелые снопы наверх было нелегко, и тут необходимо было применять систему, как уравновешивать сноп на вилах и как подавать его наверх, используя инерцию первоначального рывка.

О 1917 годе

Лето 1917 года мои родители и я провели в Кубани. Наш уезд был спокойный, и там никаких самочинных действий крестьян не было. Ранней осенью имение даже принесло большой доход, если считать, что «керенки» имели реальную ценность. У нас было 90 десятин под картофелем, и один из прасолов скупил весь урожай и вывозил картофель прямо в Москву.

Насколько мы не понимали размера надвигавшейся грозы, видно по тому, что мой отец, казалось бы, разумный человек, не учитывал возможности прихода большевиков. Весной после февральской революции он подал в отставку, будучи последним управляющим Мургабским Государевым имением в Закаспийской области, и, таким образом, лишился большого жалования. И, несмотря на жизненно приобретенный опыт, он думал, что усадьбы, во всяком случае, останутся за помещиками. Поэтому в сентябре он ездил в Петроград и заказал полное машинное оборудование паровой мельницы. Он хотел установить его в здании винокуренного завода. Это оборудование пришло на станцию Змиевку в феврале 1918 года и осталось невыкупленным.

О судьбе членов семейства Мейер и их имения

…Следуя, таким образом, общему велению судьбы, и в Кубани всего через три года после смерти прародителя Александра Николаевича Мейера четыре наследника продали свои доли, и из 1200 десятин осталось всего 400 при несоразмерно большой усадьбе. Правда, нужно сказать, что три сестры моего отца, замужняя Мария и незамужние Наталия и Валерия, сохранили до конца жизни горячую любовь к родному гнезду. Наталия оставалась все время управляющей имением, и Валерия жила с ней в Кубани. Теперь я сам под конец своей жизни понял и горько ощущаю нашу общую вину, грустную судьбу моих теток.

Возьмем младшую Валерию. Все Мейеры были очень высокого роста и не особенно красивы. Валерия окончила институт в Орле, знала хорошо французский язык, имела приданое за проданную землю около 80 000 рублей, но, зарывшись в глуши деревни, так и не нашла себе жениха. Единственно, что она себе позволила, это поездку два раза в Монте-Карло, куда она ездила вместе с замужней сестрой Марусей и своим зятем, орловским присяжным поверенным Леоном Иосифовичем Кржевским, поляком, католиком. Все остальное время она безвыездно жила в Кубани. Представьте себе, примерно 10 месяцев в году жизнь вдвоем с сестрой в доме, окруженном зимой наметами снега, плохо освещенном керосиновыми лампами, без общения с другими людьми для молодой девушки! В 1909 году она стала болеть. У нее оказался абсцесс в кишечнике. Что мог в таком случае сделать земский врач, ее лечивший? Каковы должны были быть мысли у этой девушки, умиравшей в глуши! Наконец, очевидно, когда у нее начался перитонит, сестра Таля спохватилась и приняла крайние меры – везти Валеру в Москву. Был конец марта, и дороги были непроезжими ни для саней, ни для коляски. Крестьяне Кубани несли Валеру на носилках, сменяясь, 26 верст до спального вагона на станции Змиевке. На следующий день по приезде в Москву она скончалась.

Судьба тети Тали была не менее трагична. Она была болезненная, худая, всегда подтянутая. Много читала, выписывала ряд журналов и, конечно, «Русское Слово». Каждый вечер слушала доклад приказчика и намечала программу работ на следующий день. Но, конечно, в зимние месяцы и этого занятия не было. Как все помещицы, она лечила крестьян. Набор лекарств был ограниченным: хина, касторка, капли Иноземцева, йод. Отношения у нее с деревенскими были хорошие.

Наш уезд в 1917 и 18 годах был спокойным. Усадеб не жгли и помещиков не убивали. Правда, большинство из них покинули усадьбы в начале 1918 года. Когда в наш дом в Кубани вселился комитет бедноты, тете Тале оставили ее комнату. Там она и прожила до 1921 года, потеряв всякую связь с родными. Мои родители и я были уже за границей,

Кржевские пытались бежать на юг, но вернулись в Москву и притаились. Так всеми забытая тетя Таля умерла в 21 году от рака.

Хочется сказать несколько слов и о дяде Леониде. Он был ростом в сажень, охотник и любитель лошадей. Очень нравился женщинам и любил в клубе играть в «шмэн де фер»*. Его любовь к лошадям, когда он жил в Орле, дошла до того, что он из спальни своей первой жены переселился в конюшню и спал за перегородкой рядом со стойлом серого орловца-рысака и кровного англичанина под седло. Революция застала его в Самаре, он был тогда юрисконсультом Удельного округа и слыл либералом. Поэтому после февраля служащие избрали его председателем своего комитета. Но дальше этого его либерализм не пошел. Он умер в 1932 году в Самаре, но ни разу не пошел на службу к большевикам. Он развелся со своей второй женой и до конца жизни (ему было 56 лет) был частником. На своей любимой кобыле он зимой возил в город по заказу дрова. Для этого он сам пилил на берегу реки Самарки деревянные части севших на мель и брошенных барж. На общем фоне великих семейных трагедий с расстрелами, Соловками и Гулагом судьбы моей семьи могут показаться счастливыми, но я считаю своим долгом показать, как складывалась и более удачная жизнь так называемых бывших людей при большевизме.

Дядя Леон, бывший присяжный поверенный в Орле, был талантливым человеком с большим разнообразием интересов. Он был охотником, один из первых в Орле завел себе мотоциклет; у него в квартире была настоящая слесарная мастерская с рядом самых современных станков. Имея талант художника, он в Кубани долго просиживал за мольбертом, рисуя пейзажи, и очень удачные. Леон был энтузиастом фотографом и сразу же хватался за любую техническую новость. Так как то время было началом цветной фотографии, он немедленно выписал себе из Парижа аппарат и пластинки на стекле Джугла и Люмьер.

Этот способный человек последние 12 лет своей жизни прожил простым счетоводом на железной дороге в Москве. И когда я посылал им посылки через Торгсин, его жена Маруся писала нам, что перед самой кончиной он с трогательной радостью съел единственный апельсин из такой посылки, считая это большим счастьем. Мне думается, на основании того личного опыта, который я приобрел в деревне, что конфликт землевладения в России был бы целиком разрешен в течение лет 50 переходом почти всей земли в руки крестьян.

Что касается нашей Кубани, то она была превращена в совхоз и целиком уничтожена в 1943 году. Во всем том районе шли ожесточенные бои с немцами и знаменитое сражение на Белгородско-Курской дуге. Хотя, казалось бы, наш район был дальше на север, немецкие сводки не

раз упоминали о боях на реке Неручь, а это как раз в 10 верстах от Кубани.

О тех, кто служил в имении Мейеров

Говоря о судьбе помещиков в связи с революцией, необходимо задать себе вопрос, как сумели приспособиться к новым порядкам многочисленные люди, служившие у помещиков. В большинстве случаев они были из местных крестьян, не имевших земли. Для того чтобы представить себе, какое количество людей принадлежало к этому классу, перечислю персонал в нашей маленькой Кубани: повар и горничная в господском доме, повариха и ее помощница – для рабочих, два кучера, приказчик и его помощник, скотник и подпасок, садовник, птичница и 8 человек постоянных рабочих.

В связи с этим приведу несколько мелочей, сохранившихся в памяти. Еще со времен деда Александра Николаевича повар подавал каждый день к любому супу жареные пирожки с мясом. Эта традиция сохранилась до конца жизни в Кубани.

По поводу крутого нрава деда была в ходу такая легенда. В Кубань приехал в гости вице-губернатор. Дед требовал, чтобы суп всегда был очень горячим. Прислуга поставила перед бабушкой суповую миску. Вопреки доброму воспитанию, она первую тарелку всегда, даже при гостях, наливала деду. Суп оказался недостаточно горячим, и поэтому дед, откушав первую ложку, вылил содержимое своей тарелки обратно в миску с приказом нести суп греть. Мой отец приукрашивал этот рассказ, утверждая, что дед при этом плюнул в свою тарелку.

Второй кучер Сергей и мамка Соломея, ключница, кормилица моего отца, были в молодости крепостными. Садовник Александр был очень любознательным самоучкой. Мой отец, сидя в саду, спрашивает идущего мимо Александра с толстой книгой в руках, что он читает. Ответ: «Шопенгауера, Константин Александрович!» – «Ну и что же?» – спрашивает отец. – «Ничего не понимаю! Но уж очень здорово загибает».

Судьба этих верных слуг, всю жизнь зависевших от работы в имении, нам, ушедшим в эмиграцию и потерявшим связь с нашей деревней, почти неизвестна. Землей их не наделили, а главное, в 1921 году приволжская эпидемия холеры дошла в первый раз до центральных губерний. Тогда мамка Соломея и молочный брат отца Михаил умерли без всякой медицинской помощи. Нет сомнения, что не только они в Кубани были жертвами холеры»…(на этом и закончу знакомство читателя с мемуарами Ю.К.Мейера – А.П.).

Семейство Олив на Орловской земле

Михаил Сергеевич Олив

11 октября 1918 года секретарь Орловской губернской Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем получил телефонограмму из Москвы, подписанную секретарём коллегии ВЧК, в которой сообщалось, что разыскиваемый в Москве по просьбе орловских чекистов **Владимир Сергеевич Олив** в столице не найден, по этой причине дело №1615 прекращается и сдаётся в архив.

Оливы и Куракины

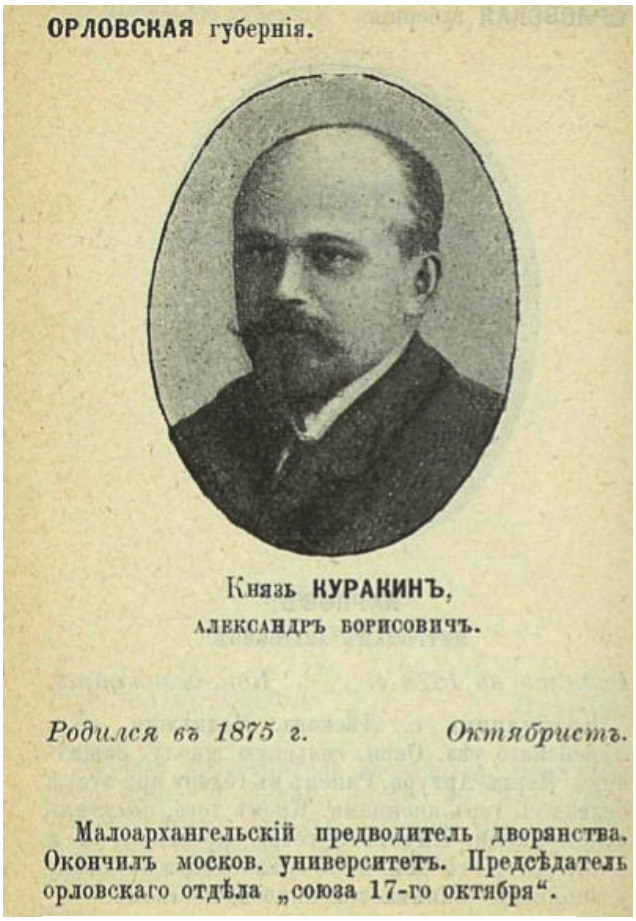
Кем же был этот человек с явно нерусской фамилией, и чем он провинился перед орловскими правоохранителями?

Оливы – дворяне французского происхождения, которые переселились в Россию в самом начале XIX века. Родной дед Владимира Сергеевича, **Вильгельм-Симон (Василий Николаевич в русском варианте** – А.П.), стал предводителем дворянства в Таврической губернии. Его сын и отец нашего героя, **Сергей Вильгельмович (Васильевич) Олив** сделал ещё более головокружительную карьеру: прошёл путь от простого офицера гвардии вначале - до флигель-адъютанта, командира 8 драгунского Астраханского Генерал-фельдмаршала Великого князя Николая Николаевича полка (в звании полковника), а потом – и до генерала – от – кавалерии, Главноуправляющего ведомством учреждений императрицы Марии Фёдоровны и члена Государственного Совета.

Будучи ещё полковником, в ноябре 1876 года Сергей Вильгельмович женился на Марии Александровне Колеминой. Брак оказался счастливым и многодетным: три дочери и два сына. Владимир Олив, 1884 года рождения, был младшим из сыновей.

Женившись, генерал Олив стал орловским помещиком, поскольку его жена владела имением в селе Алексеевка Малоархангельского уезда (ныне – Покровский район Орловской области – А.П.), доставшимся ей от помещиков Чичериных, которые, в свою очередь, получили это поместье от князей Куракиных.

Куракины в здешних местах поселились ещё во времена Петра I, и не было на Орловщине помещиков знатнее и богаче их. Но, как ни удивительно, последние из князей Куракиных подружились со своими новыми соседями, а спустя короткое время и породнились.

Александр Борисович Куракин

Старшая из детей Сергея Вильгельмовича Олив, Софья, стала женой последнего хозяина куракинского имения Преображенское, князя Александра Борисовича Куракина. Александр Борисович был одним из самых видных политических деятелей Орловской губернии. Руководитель орловского отделения партии «октябристов», депутат II Государственной Думы, он в течение двенадцати лет он занимал должность Малоархангельского предводителя дворянства, а в январе 1914 года стал последним предводителем дворянства Орловской губернии. И пока он занимал эти должности, всегда рядом с ним находился его товарищ, младший брат жены, Владимир Олив. Родственников объединяло многое: оба были юристами по образованию, имели общие политические взгляды, знали и ценили искусство.

Как предводитель дворянства орловских большевиков «обул»

Владимир Сергеевич в течение нескольких лет являлся помощником Малоархангельского предводителя дворянства Александра Куракина, а когда тот был избран Орловским губернским предводителем, то уходя на повышение, предложил депутатам-дворянам на покидаемое им место избрать Олива. Так Владимир Сергеевич стал последним малоархангельским предводителем дворянства. Проживал он в это время в своём имении, в селе Алексеевка.

За три с небольшим года Владимир Олив успел многое сделать для уездного города, особенно в развитии образования и здравоохранения. Именно ему, в значительной степени, принадлежит заслуга в «пробивании» вопроса с проведением железной дороги до Малоархангельска. Продлись ещё немного мирная жизнь, – и услышал бы

этот небольшой город стук рельсов и свистки паровозов. Но, к сожалению, началась Первая Мировая война, и царскому правительству вскоре стало не до новых дорог.

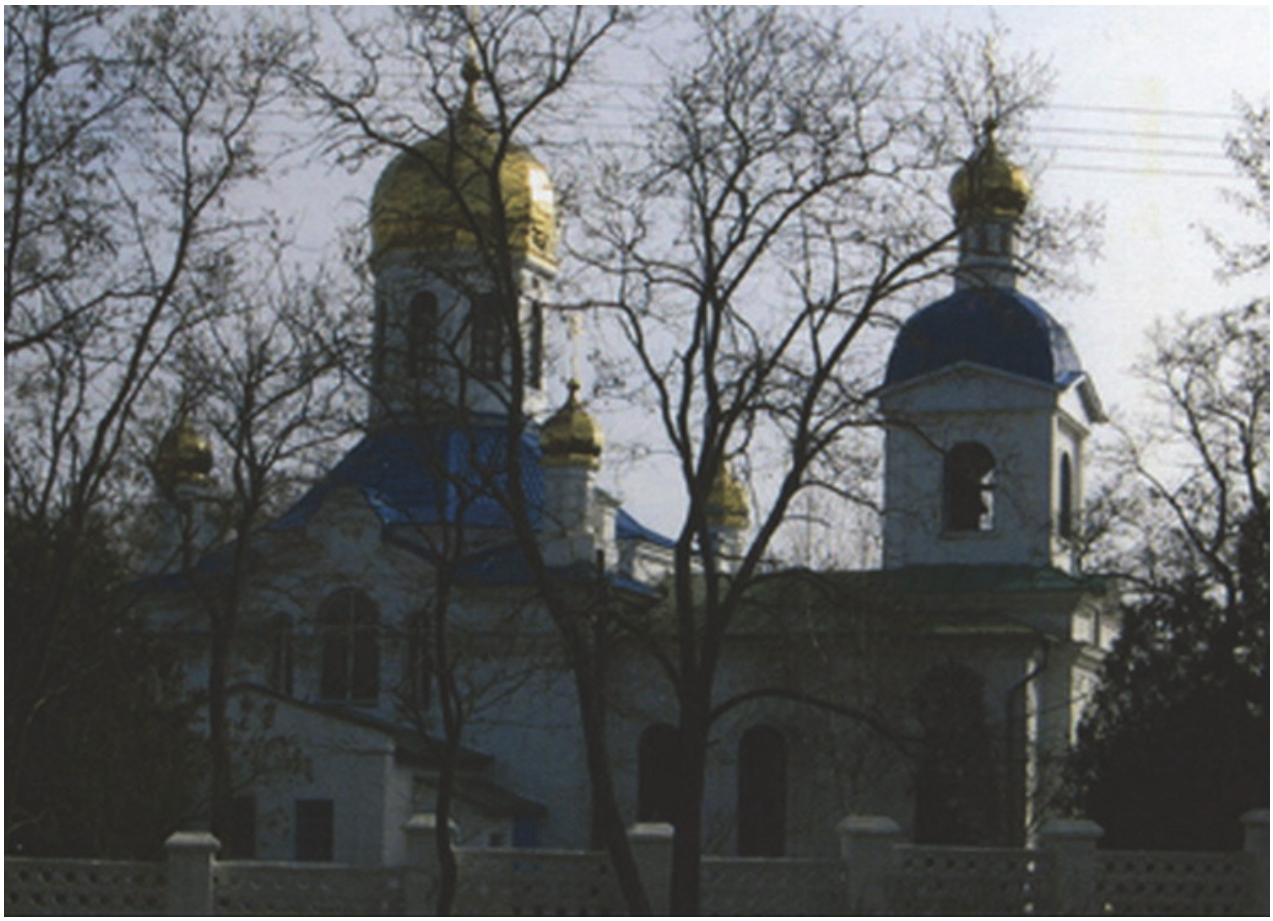
Сохранившаяся хозяйственная постройка в бывшем имении Куракиных-Олив (село Алексеевка)

А потом пришли революции, которые (особенно, Октябрьская) многими дворянами первоначально не были восприняты всерьёз. Они не понимали, чем грозит им приход к власти большевиков.

По воспоминаниям Юрия Мейера, ещё одного товарища Владимира Олива, тоже малоархангельского помещика (к тому же – внука уездного предводителя), ставшего в годы гражданской войны белогвардейским офицером и эмигрировавшего затем в 1920 году за границу, *«...беспечность и непонимание орловскими дворянами надвигавшейся грозы были непостижимы»*. В начале лета 1918 года в Орле доживали последние дни помещики Матвеевы, Талызины, Боборыкины, Левшины, Куракины, Оливы, Шамшевы, Блохины, Шепелевы-Воронович, Володимировы. А бывший малоархангельский предводитель Владимир Олив серьезно развивал мысль об организации своего рода дворянского клуба, где мы все могли бы часто встречаться».

Но мечты мечтами, а кушать было надо, тем более, что жалованья по прежнему месту службы Оливу никто не платил. В условиях весны 1918

года в Орле ещё оставались от прежней власти комитеты Объединенных земств и Союза городов.

Успенский храм г. Керчи. Первым старостой храма был А. Олив

Один из таких комитетов поддерживал отношения с большевиками в течение полугода после Октябрьской революции. И ему удалось получить от орловского исполкома заказы на изготовление френчей для Красной Армии и на латание старых солдатских сапог.

«Мастерские были в бывшей орловской пересыльной тюрьме. Перед самой войной для них было выстроено новое здание и на верхнем этаже было в большом зале установлено 56 швейных машин с электрическим погоном». Заведующим сапожной мастерской был назначен Владимир Сергеевич Олив. Его рабочий коллектив состоял из гимназистов, кадетов и вольноопределяющихся демобилизованного артиллерийского дивизиона. Работа этой мастерской продлилась чуть более месяца. Каков был результат – предсказать нетрудно, зная, что ни одного профессионального сапожника в подчинении бывшего Малоархангельского предводителя дворянства не имелось.

Заведующий и его работники успели получить жалованье только однажды. А потом, когда после первой «рекламации» качества продукции

Оливу пришлось давать «показания» губисполкому, он понял, что второго приглашения для объяснений ему ждать не надо. Владимир Сергеевич, предупредив своих работников о возможных последствиях, уехал из Орла по-английски.

Куда? Орловские чекисты, рванувшиеся было за бывшим предводителем дворянства, попытались найти его в Москве. С каким результатом – я написал это в начале рассказа.

С таким же успехом пытался и я сам найти следы Владимира Олива на необозримых просторах современного мирового интернета. Ни-че-го! Земляк-сапожник, «обувший» большевиков, растворился в огне и дыме гражданской войны.

Засохшие Оливы

А вот о ближайших родственниках Владимира Сергеевича Олива мне удалось обнаружить некоторые сведения.

Валентин Серов. Портрет Елены Павловны Олив (урождённой Харитоненко)

Константин Сомов. Портрет Елены Павловны Олив (1914)

Родной его брат **Михаил, камер-юнкер и кавалергард**, герой русско-японской войны (кавалер пяти орденов), женатый на дочери крупнейшего украинского сахарозаводчика, красавице Елене Харитоненко (её портреты писали Валентин Серов и Константин Сомов), сразу после

Октябрьской революции, оставив в Питере и имении «Качановка» большую часть своей огромной коллекции, эмигрировал в Европу вместе с женой и двумя детьми. Умер Михаил Сергеевич Олив в Мюнхене весной 1957 года.

Старшую из сестёр Олив, Софью Сергеевну Куракину, после Октябрьской революции арестовывали несколько раз вместе с мужем. После последнего из арестов, в 1933 году, и последовавшего освобождения, ей удалось вместе с Александром Борисовичем (редкое событие тех лет) уехать за границу, во Францию. А.Б.Куракин умер в Ницце в 1941 году, а вот Софье Сергеевне довелось дожить до 1975 года.

Второй сестре, Елизавете Олив, фрейлине Великой княгини Марии Павловны, пришлось испить самую горькую чашу испытаний. Не познавшая счастья в семейной жизни с мужем-гулякой Захаром Мухортовым, она после революции арестовывалась пять раз, сидела в Бутырской тюрьме и отбывала ссылку в Казахстане. На жизнь, когда в короткие периоды жила на свободе, зарабатывала вышиванием.

Валентин Серов. Портрет натурщицы (или Олив)

После последнего ареста в декабре 1937 года Елизавета Олив (Мухортова) была приговорена к высшей мере наказания и расстреляна.

От бывшей усадьбы Олив в селе Алексеевка остались только несколько хозяйственных зданий, которые были построены ещё князьями Куракиными.

А вот в Черниговской области Украины бывшее имение Михаила Сергеевича и Елены Павловны Олив сохранилось и с 1981 года является «Национальным историко-культурным заповедником «Качановка», который с удовольствием посещают туристы со всего мира.

Качановка. Имение М.С. и Е.П.Олив (Черниговская область Украины)

Уцелевшая часть центральной усадьбы имения Оливов «Камыш-Бурун». Фото 1974 г.

Знойная Мара

Осенью 1910 года в село Михайловское Новосильского уезда на постоянное жительство приехал из Москвы местный дворянин Фёдор Свербеев. Дворяне его семейства к началу XX века уже свыше 100 лет владели землями в окрестностях села и успели многое сделать для благоустройства собственного имения.

Новосильские помещики Свербеевы

Первый его владелец, статский советник и главный орловский масон Николай Яковлевич Свербеев первое время жил в Михайловском постоянно, для чего перевёз сюда из Орла просторный деревянный дом и за несколько лет разбил вокруг усадьбы роскошный парк по подобию Версальского под Парижем. Однако после его смерти наследники приезжали в имение не часто, хотя и построили здесь уже трёхэтажный каменный особняк с большим количеством хозяйственных построек.

И вот теперь, после долгого перерыва, правнук первого Свербеева, будучи сыном курляндского губернатора, решил вдруг жить в сельской глуши. Для михайловских крестьян это было удивительно, и разговоры в селе не прекращались вплоть до приезда барина.

А приехал Фёдор Дмитриевич не один, а с молодой женой и тремя детьми. Поселились они на втором этаже долго пустовавшего и только что отремонтированного особняка, уютно расположившегося прямо посреди огромного парка.

Молодой хозяин оказался очень общительным в отношениях с соседями-помещиками. Рассказал, что по окончании Морского корпуса пять лет отслужил на флоте, а потом в чине лейтенанта ушёл в отставку. Главная причина – женитьба и родившиеся дети, о которых он хотел заботиться. К тому же, у сына Николеньки оказались проблемы с лёгкими, врачи порекомендовали свежий деревенский воздух. Кроме того, Фёдор Свербеев, в разговоре с одним из новых знакомых, как-то вскользь упомянул, что в деревенской глуши он хотел бы отвлечься от навязчивых мыслей о двух своих братьях-моряках, героически погибших во время Цусимского сражения.

Спустя несколько месяцев Фёдор Дмитриевич был уже незаменим и в местном дворянском обществе, которое через год избрало его председателем Новосильской уездной земской управы.

Чары Мары

Нашла общий язык с помещичьими жёнами и супруга Свербеева. Они, правда, удивлялись её странному имени. Но Мара Костантиновна доходчиво объяснила, что в роду французских дворян Оливов, переселившихся в Россию в самом начале XIX века, часто были в ходу

имена необычные. Мара (Мэри) – это просто европейский вариант обычного русского имени Мария.

Что касается внешнего облика помещицы Свербеевой, он был достаточно интересен. Местные крестьяне не понимали, что барин в ней нашёл: высокого роста, с зелено-жёлтыми глазами, худая, плоская, – руке не за что зацепиться! Но помещичьи жёны увидели совсем другое: одевается Мара Константиновна с огромным вкусом, много времени уделяет уходу за собой. А если прибавить к этому свободную манеру общения Мары, её улыбку и искромётный юмор, то становилось понятно, почему многие новосильские помещики, даже женатые, увидев её однажды, старались теперь по делу и без дела заглянуть в имение Свербеевых. Фёдору Дмитриевичу это не слишком нравилось.

Перед Новым, 1913 годом, в Новосиле дворянское уездное собрание проводило благотворительный рождественский бал, на который съехались почти все местные помещики вместе с жёнами. Мара Константиновна Свербеева здесь была во всём блеске и в самом центре внимания. Одной из обделённых вниманием мужчин оказалась приехавшая из Москвы в гости к родственникам княгиня Хилкова. Она-то со злорадством и рассказала соседкам по балу пикантные подробности из жизни свербеевского семейства.

Анатолий Иванович Мамонтов

Иван Григорьевич Эрдели, любовник Мары

По её словам, Мара Олив в молодые годы вела богемную жизнь, общаясь с молодыми художниками, которые буквально дрались за её внимание и за согласие быть их натурой. Сразу трое, в том числе и Михаил Врубель, предлагали Маре руку и сердце. Она выбрала Юрия Мамонтова, племянника известного русского предпринимателя и мецената Саввы Ивановича Мамонтова. Но спустя всего пару лет Мара изменила ему с моряком-красавцем Фёдором Свербеевым. Они стали мужем и женой, родились дети: мальчик и две девочки. Но Мара продолжала «вертеть хвостом перед художниками». Знаменитые Валентин Серов и Илья Репин нарисовали её портреты, сделавшие «эту колдунью» ещё более известной в богемной среде.

Фёдор Дмитриевич Свербеев жену страшно ревновал, мучился сам и мучил её. Вот тогда-то, спустя несколько лет, решился он на отъезд из Москвы, надеясь в провинции зажить тихой семейной жизнью. И вот теперь слухи и сплетни добрались до Михайловского имения.

А в мае 1913 года почти три года не посещавший столиц Фёдор Свербеев был вынужден принять приглашение на бал, в честь 300-летия династии Романовых. Поехал вместе с женой – чтобы проститься со счастливой семейной жизнью уже окончательно.

На императорском бале на Мару Константиновну обратил внимание очередной поклонник – генерал Иван Эрдели. Он тоже был не свободен. Но обоим влюблённым это не помешало. Горячая кровь французских предков Мары и не менее горячая кровь венгерских дворян (предки Эрдели – из них) смешались и потекли в одном направлении. Бурный роман на некоторое время заморозила начавшаяся вскоре Первая мировая война.

Иван Георгиевич Эрдели принял в ней самое активное участие – в качестве одного из командующих - дивизией, корпусом, армией. В 1915 году заслужил за храбрость Георгиевское оружие. К концу войны, в 45 лет, Эрдели стал генералом от кавалерии.

Фёдор Дмитриевич Свербеев, в это же время, продолжая гражданскую службу, получил чин действительного статского советника (генерал-майора – по военной классификации – А.П.) и продолжал жить с Марой Константиновной и детьми в своём Михайловском имении.

Потом наступило ещё более страшное время – 1917 год. Командующий Особой армией, генерал от кавалерии Иван Эрдели принял активное участие в выступлении генерала Лавра Корнилова, был отстранён от командования, арестован и заключён в Быховскую тюрьму. По освобождении из неё в ноябре 1917 года Эрдели ушёл на Дон, где стал одним из создателей Добровольческой армии.

Здесь же, на юге, в Екатеринодаре, весной 1919 года судьба снова свела его со Свербеевыми, спасавшимися от Советской власти. Роман Ивана Эрдели с Марой Свербеевой разгорелся с новой силой. Они

встречались больше года. Генерал каждый день вёл записи, посвящённые своей возлюбленной, а потом специальным нарочным отправлял к ней свой дневник, чтобы Мара узнавала все его мысли и чувства.

А что чувствовал в этой ситуации её муж, Фёдор Свербеев – нетрудно представить. Но он большей частью был вдали от жены, добывая продовольствие для деникинской армии. Когда 13 октября 1919 года белогвардейцы заняли Орёл, то орловским губернатором Деникин назначил именно Фёдора Дмитриевича Свербеева. Без сомнения, это было самое короткое губернаторство в истории России, поскольку уже через неделю большевики возвратили губернский город под свой контроль.

В 1920 году, после поражения белогвардейских войск, Эрдели и Свербеевы эмигрировали за границу. Но каждый из них покидал Родину своим путём. Все трое жили в Париже, но друг с другом уже не встречались.

Мара Константиновна и за границей не потеряла своего магнетического обаяния: в 1922 году (ей исполнилось 52!) уже третий по счёту её портрет был написан известным русским художником Филиппом Малявиным.

Мара Олив.
Картина Валентина Серова

Мара Олив. Картина Ильи Репина

Роковая женщина пережила всех своих мужчин, скончавшись на 93-м году. Похоронили Мару Константиновну Свербееву-Олив, героиню портретов знаменитых художников Серова, Репина и Малявина, на русском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа, где нашли уже к этому времени вечный покой Иван Эрдели и Фёдор Свербеев. Здесь все трое снова встретились – теперь уже навсегда!

Мара Олив. Портрет Филиппа Малявина

Валерий Лясковский – сельский хозяин и общественный деятель

Едва ли выпускник физико-математического факультета Императорского Московского Университета, 24-летний Валерий Лясковский, купив в 1882 году под Орлом небольшое имение Дмитровское и приехав сюда летом для ознакомления с ним, подозревал, что знакомство это затянется более чем на пять десятилетий.

Отец и сын

Вряд ли молодой потомственный дворянин с польско-немецкими корнями допускал в мыслях тогда, что здесь, на Орловщине, родятся многие его дети, а сам он, горячий и увлекающийся, станет известной личностью не только в Орловском уезде, но и в самом губернском центре, да и во всей губернии.

Москвич так быстро нашёл себе друзей, знакомых и занятия по душе, словно все предыдущие годы был связан с Орловщиной теснейшими узами. И жизнь свою, достаточно продолжительную, Валерий Николаевич Лясковский тоже закончил в нашем крае, хотя до сих пор мы не знаем, где же именно находится его последний приют.

Вот об этом замечательном человеке, явно недооценённом орловскими исследователями и краеведами, я и поведу речь.

Но, прежде чем начать разговор о деятельности Лясковского на Орловской земле, необходимо сказать несколько слов о московском периоде его биографии.

Родился Валерий Николаевич 4 февраля (16 февраля – по новому стилю) 1858 года. Вместе с братом Всеволодом получил начальное домашнее образование, с детства впитывая дух и традиции московской профессуры, которая ежедневно собиралась в их университетском доме на улице Моховой.

Несомненно, огромное влияние на судьбу Валерия Лясковского оказал его отец, Николай Эрастович. Сын обедневшего польского дворянина, самообразованием и в процессе обучения в Московском университете, он превратился в одного из образованнейших людей своего времени, став фактически первым преподавателем химии как отдельного предмета в высших учебных заведениях России. Николай Эрастович был настоящим полиглотом: знал латынь, греческий, еврейский языки, не говоря уже об английском, французском и немецком. Он, выросший в деревне, на необъятных просторах в окрестностях реки Вороны (Тамбовская губерния), любил русскую природу и увлекался выращиванием цветов и собиранием гербария. Был неравнодушен профессор Московского университета к народным песням, русской поэзии, любил мастерить игрушки для своих детей и их друзей.

Очень многое из разносторонних знаний и увлечений отца перенял у него Валерий Лясковский. Желание запечатлеть родительский образ не только в памяти, для себя, но также и для других людей вдохновило Валерия Николаевича написать первое его биографическое сочинение. Спустя три года после безвременной кончины Николая Эрастовича Лясковского его сын опубликовал в журнале «Русский архив» очерк о нём.

Из Москвы – в орловскую деревню

После окончания самой известной из московских гимназий – под №4, Валерий Лясковский получил образование на физико-математическом факультете Московского университета, умудряясь попутно слушать лекции Василия Ключевского на историко-филологическом факультете.

1882 год стал знаковым для всей дальнейшей жизни Валерия Николаевича: во-первых, он закончил Университет, во-вторых, поступил на службу в Московский главный архив Министерства Иностранных дел, в-третьих, он женился на Анне Сергеевне Щегляевой, сестре своего университетского друга, в-четвёртых, купил небольшое имение Дмитровское в семи верстах Орла и впервые тогда же приехал в Орловскую губернию, с которой затем оказался связан вплоть до своего трагического ухода из жизни.

Первые два года Лясковские, пока купленный усадебный дом перестраивался и ремонтировался, жили в Дмитровском только летом, а с 1884-ого поселились здесь на постоянной основе. За очень короткий промежуток времени Валерий Николаевич, едва успев познакомиться с частью местного общества из самых разных слоёв, сумел очень быстро завоевать авторитет среди представителей орловского дворянства, чиновничества, епархиального начальства и у местных крестьян. Это, конечно, было явлением очень неординарным, но вполне заслуженным, поскольку человеческие и деловые качества молодого землевладельца Лясковского оказались на высоте, хотя его политические взгляды порой не совпадали со взглядами его новых знакомых.

Хозяин леса

О том, какой он след оставил на Орловщине, можно увидеть по результатам сразу в нескольких сферах его деятельности. В достаточно сжатом виде я постараюсь это показать. Сначала о Валерии Николаевиче Лясковском – как сельском хозяине.

Когда 1 мая 1882 года он купил в Орловском уезде у священника Фёдора Смирнова имение Дмитровское, то земельный надел в нём составлял 80 десятин (это по «Воспоминаниям» самого В.Н. Лясковского, но по документам – 77 десятин – А.П.). Усадебный дом в нём пришёл в запустение, практически развалился, и Валерию Николаевичу пришлось приложить большие усилия, чтобы его отремонтировать, хотя впоследствии он жалел, что не разобрал его полностью и не построил новое здание, потому что в отремонтированной постройке стены внутри всё равно оставались гнилыми.

Но – так или иначе – жить теперь было где, и новый хозяин приступил к ревизии сельхозугодий. Первое время Валерий Николаевич вёл своё хозяйство, как и все окрестные крестьяне. Но ему очень не хватало растительности вокруг усадьбы. Вот как он об этом сам написал в «Воспоминаниях»: *«Выросши под Москвой, то есть, в местности сравнительно лесистой, и сев на землю в область своего любимого чернозема, я сразу почувствовал недостаток в лесе, – хозяйственный и художественный, – и сразу же стал стремиться к его восполнению. Я начал сажать деревья с первых лет моего деревенского житья, а через пять лет приступил уже к посадкам в больших размерах, которые и продолжал, с промежутками по обстоятельствам, в течение всей жизни, под конец которой оказалось, что я, при небольших размерах моего землевладения, развел много лесу».* Сначала новые насаждения появились на первом земельном участке Лясковского. Увлекшись, он увеличил их число.

По соседству, рядом с речкой Сухой Орлицей, находилась земля, которая приглянулась Валерию Николаевичу. Чтобы купить этот участок у купчихи Маторовой, пришлось Лясковскому даже в Тверь съездить, где владелица проживала. Получив берег реки, новый хозяин запрудил речку и сделал Сухую Орлицу – «Мокрой», как он написал позже в мемуарах. Спустя ещё какое – то время Валерий Николаевич у купца Ивана Митина приобрёл землю и на другом берегу речки, что позволило гораздо эффективнее планировать посадку новых лесонасаждений.

После покупки Лясковским в середине 90-х годов XIX века ещё одного имения - Киреевская Слободка – у вдовы славянофила Ивана Васильевича Киреевского, Валерий Николаевич и там значительную часть земель, особенно неудобий, засадил лесом. В процессе своей деятельности Лясковский интересовался работами и других российских специалистов. Накопленный многолетний опыт лесоразведения Лясковский обобщил в выпущенной им небольшой брошюре «Посадка деревьев в средней полосе России», которая впервые вышла в 1898 году, а потом дважды переиздавалась, в том числе уже и при Советской власти (1924 год).

Когда в 1918 году имение Лясковского было национализировано, то ему самому, в знак былых заслуг, разрешили присматривать за бывшими его лесами в качестве лесничего и даже выделили лошадь (ведь площади-то были огромными – А.П.). Благодаря этому Валерию Николаевичу удалось сохранить в те годы основную часть его насаждений. Правда, после сокращения должности и отъезда Лясковского в Орёл в 1926 году, началась варварская вырубка лесов, на которые Валерий Николаевич потратил значительную часть жизни. Но, тем не менее, часть его посадок

уцелела до сих пор в посёлке Стрелецком (так теперь называется бывшее сельцо Дмитровское-Истомино – А.П.) и в окрестных населённых пунктах, особенно по оврагам и склонам речки Сухая Орлица.

«Работал я усердно…»

Вторую, такую же важную, часть деятельности В.Н.Лясковского составляла его работа в различных органах уездного и губернского земского самоуправления и в различных общественных организациях.

Стоит лишь перечислить некоторые его должности, исполнению каждой из которых он отдавался со всей душой и дисциплинированностью: гласный Орловского уездного земства, член Орловской уездной земской управы, мировой судья 2-ого уездного участка Орловского уезда (сюда входили Покровская, Плещеевская, Баклановская, Богословская, Стрелецкая и Масловская волости – А.П.), Почётный мировой судья, гласный Орловской городской думы, орловский городской судья, гласный Орловского губернского земского собрания, Орловский уездный предводитель дворянства (1908–1910 годы).

И это только основные должности. А вот ещё: директор народных училищ, попечитель церковно-приходских школ, член Орловского епархиального училищного совета, попечитель Орловской низшей сельскохозяйственной школы 1-ого разряда, член учёной губернской учёной архивной комиссии, церковный староста Димитриевской церкви.

Попечительство накладывало определённые материальные обязательства. И потому, например, Валерий Николаевич на свои средства построил отдельное новое здание для Дмитровской церковно-приходской школы. Немало было сделано по благоустройству Димитриевской церкви: *«За семь лет моей службы церковным старостой, я устроил в церкви печи, перестлал полы, поставил новые кованые, золоченые кресты, выписал новый служебный круг книг, частью обновил церковь внутри – и, тратя сравнительно очень немного своих денег, оставил их в церкви больше, чем принял: это показывает, как обыкновенно велось церковное хозяйство».*

В целом же, свою общественную деятельность Валерий Николаевич оценивал объективно и самокритично. Вот как, к примеру, он вспоминал о работе в качестве члена Орловской уездной земской управы:

«Работал я усердно, но не знаю – плодотворно ли…».

Мне представляется, что Лясковский в данном случае лукавил. Выполнять основные обязанности «спустя рукава» он не мог в силу воспитанности и характера. Но перечисленными выше делами не ограничивалась жизнь москвича, ставшего орловчанином.

Валерий Лясковский – деятель культурной и политической жизни Орловщины

Орловский период жизни В.Н. Лясковского был заполнен множеством самых разнообразных его дел, занятий и увлечений. О Валерии Николаевиче как сельском хозяине и активном общественнике я написал в предыдущем очерке. Сейчас же поведу речь о других направлениях деятельности поселившегося на Орловщине москвича.

Его герои

Начну с того, что Лясковский любил и ценил слово – прежде всего, конечно, русское. Но Валерий Николаевич был, к тому же, ещё и полиглотом. Начав в отрочестве сочинять стихи и рассказы, он, в качестве тренировки полученных знаний, писал свои произведения на английском, немецком, французском и итальянском языках, правда, из-за скромности никогда не отдавал их в печать.

Валерий Николаевич Лясковский (фото из фондов музея Тургенева)

А вот только-только поселившись на земле Орловской, Лясковский в первый же год жизни здесь (1882), опубликовал в историко-литературном журнале «Русский архив» очерк о Василии Васильевиче Варгине, знаменитом русском купце первой половины XIX века и своём родственнике по линии жены. Написанная хорошим литературным языком документальная история о том, как создавались и терялись в России многомиллионные состояния, о человеке, потратившем жизнь на службе Отчизне, но брошенном в трудный момент чиновниками на произвол судьбы, история эта произвела на читателей журнала сильное впечатление.

Через два года появилось ещё два очерка Валерия Николаевича. Об одном, посвящённом его отцу, Николаю Эрастовичу Лясковскому и продолжавшем «родственную» тематику, я уже писал в предыдущем материале. А вот второй, опубликованный в газете «Русь» (№ 6 за 1884 год) касался проблем педагогики и назывался «Сельские школы С.А. Рачинского».

Сергеем Александровичем Рачинским, российским учёным, педагогом и просветителем, Валерий Лясковский восхищался всю жизнь. И было за что. Профессор Московского университета, математик и ботаник, впервые переведший на русский язык «Происхождение видов» Чарльза Дарвина, преподаватель, которого любили за блестящие лекции все его студенты, он вдруг резко поменял судьбу и переехал в родовое имение Татево (Бельский уезд Смоленской губернии), где стал основателем и учителем первой в России сельской школы с общежитием для крестьянских детей. Многие его ученики впоследствии стали известными учёными, художниками и педагогами. Рачинский успешно практиковал излечение от заикания с помощью чтения церковно-славянских текстов и церковного пения. Кстати, в настоящее время в селе Татево на Смоленщине продолжает существовать основанная Рачинским школа, носящая теперь его имя.

Во второй половине 90-х годов XIX века были опубликованы большие очерки Лясковского, посвящённые Алексею Хомякову и братьям Киреевским, видным представителям славянофильства.

Не всё из написанного Валерием Николаевичем увидело свет: остались в рукописях два его больших произведения – «Император Александр III (опыт личной биографии)» и «Воспоминания», доведённые автором до января 1918 года.

Будучи активным членом «Общества ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III», Лясковский публиковал свои статьи в его печатных органах, а идею просвещения населения в области российской истории продвигал и на Орловщине. В 1898 году в имении Дмитровское-Истомино Валерий Николаевич открыл народную библиотеку, книги для которой ему прислало Общество ревнителей. В основном, ее читателями стали местные крестьяне.

В год 160-летия Лясковского его потомок, кандидат физико-математических наук, проживающий в Санкт-Петербурге, Андрей Лодкин решился на благое дело, которое наверняка будет интересно орловчанам. Андрей Александрович собрался издать все произведения Лясковского – как опубликованные ранее, так и находящиеся до настоящего времени в

рукописях. Их набралось на солидный двухтомник, который в настоящее время готовится к печати, а помогают инициатору в качестве редакторов житель Подмосковья, краевед Михаил Некрасов и автор данного очерка. Если всё будет идти по плану, первый том собрания сочинений В.Н. Лясковского скоро выйдет в свет. В Орле же обязательно состоится презентация издания.

Любитель театра и живописи

Валерий Николаевич увлекался не только написанием биографий знакомых личностей. Как человеку творческому, ему всегда было интересно видеть плоды своего труда (и коллег по творческому цеху) на сцене. Лясковский хорошо знал и любил театр, общался со многими известными русскими артистами, например, с Иваном Москвиным и Александром Сумбатовым-Южиным. По всей видимости, в Орле Валерий Николаевич организовывал «творческие встречи» с ними.

«Посадник» - домашний спектакль (по пьесе, не дописанной А.К.Толстым)

Среди документов Лясковского, хранящихся в его фонде в Российском Государственном архиве литературы и искусства, имеются телеграмма и записка Валерия Николаевича, обращённые к знаменитому артисту Малого театра, князю (да, читатель, среди артистов бывали и князья – А.П.) А.И. Сумбатову-Южину, из которых видно, что в 1905 году тот, по приглашению Лясковского, приезжал в Орёл на творческий вечер.

Лясковский общался со многими актерами МХАТа, ходил за кулисы после спектаклей выражать свое мнение, так как лично был знаком с К.С.Станиславским и состоял с ним в переписке.

В своём имении Дмитровском-Истомино Валерий Николаевич организовал любительский театр, известно, по крайней мере, об одной поставленной в нём пьесе – «Посадник». Это незавершённое при жизни автора произведение Алексея Константиновича Толстого Лясковский дописал, выступив ещё и в качестве режиссёра.

Кроме писательства и театра, Валерий Николаевич увлекался коллекционированием произведений русских художников (в основном, знакомых ему). В его орловском доме на улице Борисоглебской (о нём мы ещё поговорим) была собрана приличных размеров картинная галерея. Я перечислю только часть работ, находившихся в этом собрании (они названы в письмах Лясковского разным адресатам). Это, прежде всего, - живописные полотна и эскизы Василия Поленова (их более двадцати): «Видение», «Путник», «Решил идти», «Моление о чаше» и другие. 12 августа 1903 года эти картины были выставлены на открывшейся в Орле Передвижной выставке.

В числе полотен других авторов имелись работы Ильи Репина (в том числе «Портрет Великого Князя Михаила Александровича»), Виктора Васнецова, Владимира Волкова, Ивана Шишкина, Витольда Бялыницкого-Бирули, Алексея Саврасова, Николая Богданова-Бельского и других известных русских художников. Некоторые из картин коллекции Лясковского в советские годы попали в фонды Орловского музея изобразительных искусств, и, по крайней мере, одна из них, кисти академика живописи Дмитрия Мартынова («Старик из богадельни, вяжущий чулок») находится в запаснике. Судьбу же всех полотен, представленных в галерее Валерия Николаевича, ещё предстоит выяснить.

«Отношение моё к Советской власти лояльное…»

А теперь – о той стороне личности Лясковского, которая привела моего героя к трагическому финалу, - о его политических взглядах и деятельности. Валерий Николаевич был монархистом по своим убеждениям. В годы Первой русской революции, когда страну охватила эйфория демократии, были люди, открыто стоявшие за сохранение и упрочение монархии. Они создавали собственные организации в защиту «Веры, царя и Отечества» - такие, как, например, появившийся в Орле в ноябре 1905 года «Союз законности и порядка». Он насчитывал 213 человек и распространял свою деятельность на Орел и Орловский уезд. Одним из организаторов и активных членов «Союза законности и порядка» стал Валерий Николаевич Лясковский. Он, как человек пишущий, вошёл и в состав особого литературного комитета при органе ОСЗП – газете «Орловская речь». В этом издании было опубликовано

несколько статей Валерия Николаевича в защиту «Православия, самодержавия и народности» как традиционных ценностей русского народа.

Вполне возможно, что именно монархические взгляды плюс личное знакомство с братом царя, Великим Князем Михаилом Александровичем во время нахождения его в Орле в 1909-1911 годах (тогда он командовал 17-ым Черниговским гусарским полком, квартировавшим в губернском центре) стали основными моментами для предъявления обвинений В.Н.Лясковскому, когда 22 декабря 1937 года он был арестован советскими «органами» в третий и последний раз. На свободу Валерий Николаевич уже не вышел.

Сотрудник НКВД Захаров во время следствия собрал не столько факты (их просто не было), сколько слухи и показания, якобы, свидетелей. Одна из соседок сообщила: *«Из слов Лясковского мне стало известно, что он был знаком с Александром III, бывал у него на приёмах. Наследник Николая II Михаил проживал в имении Лясковского…».* Вторая свидетельница поведала: *«До 1936 года Лясковский был лишён избирательных прав и «враждебно относился к Советской власти».* В справке на арест упоминалась даже такая нелепость, что Валерий Николаевич *«…был приближён к царю Николаю, который при выездах в Орловскую губернию всегда останавливался у Лясковского».*

Не буду говорить о других подобных и «высосанных из пальца» доказательствах причастности В.Н.Лясковского к числу «врагов народа». Следователю Захарову их оказалось достаточно, и на последние слова 80-летнего заключённого: *«Отношение моё к Советской власти лояльное, и антисоветской агитацией я никогда не занимался»* нквдшник никакого внимания не обратил.

Через шесть дней после ареста, 28 декабря 1937 года «особая тройка» вынесла решение: *«Лясковского Валерия Николаевича, 1858 года рождения, помещика, приближённого к царскому двору, обвиняемого в том, что он проводил контрреволюционную агитацию против политики партии и правительства, клеветал на ВКП(б) и Советскую власть, дискредитировал Сталинскую Конституцию и советскую печать, распространял клеветнические измышления о жизни рабочих и крестьян в СССР, - расстрелять…».*

Приговор был приведён в исполнение 14 января 1938 года. Реабилитировали Валерия Николаевича Лясковского 52 года спустя. Могила его (в Орле или окрестностях) пока не найдена.

Валерий Лясковский и братья Киреевские

В восьми километрах к западу от Орла, на речке Сухая Орлица, левом притоке Орлика, расположилась большая деревня Киреевка. В настоящее время здесь, в 270 дворах, проживает более 700 человек. Но не все из них знают, что их родной населённый пункт долгие годы назывался чуть иначе – Киреевская Слободка. И ещё меньшему количеству местных жителей известна фамилия, по которой деревня когда-то получила своё название.

Фамильная Слободка, её владельцы и тараканы

А между тем, многие представители не самого знатного дворянского рода Киреевских оставили заметный след в российской истории и культуре. Обо всех говорить не буду – только о тех, кто имел отношение к упомянутому селению.

Секунд-майор Василий Иванович Киреевский был помещиком нескольких губерний Российской империи. Родовая его усадьба находилась в селе Долбино Лихвинского уезда Калужской губернии (ныне – территория Белёвского района Тульской области – А.П.). Но и на Орловщине у Киреевского тоже имелась недвижимость. После начала Отечественной войны 1812 года и приближения армии Наполеона к Москве Василий Иванович приехал в Орловскую губернию, и оба своих дома – в Орле и в Киреевской Слободке – он отдал под больницы для раненых, приютив, кроме того, многие семейства, бежавшие тогда от неприятеля со смоленской дороги.

Киреевский сам, совершенно бескорыстно, ухаживал за больными, заразился тифом и умер в Орле 1 ноября 1812 года, оставив вдовой 22-летнюю любимую жену Авдотью и трёх несовершеннолетних детей – Ивана, Петра и Дарью.

Авдотья Петровна Киреевская стойко выдержала страшный удар судьбы и сумела дать достойное образование и воспитание своим детям. Её сыновья стали известными на всю Россию личностями.

Иван (1806 года рождения) и Петр (1808 года) Васильевичи Киреевские – философы, литературные критики и публицисты, одни из лидеров славянофильства, чьи размышления, проникнутые любовью к Родине и полные глубокого значения и смысла, актуальны и по сей день. Впрочем, об их разностороннем творчестве я говорить не буду, поскольку любой желающий может узнать о нём, зайдя на соответствующие сайты.

Я поведу речь о младшем из братьев – в связи с его проживанием на Орловской земле. Дело в том, что в 1836 году Иван и Пётр Киреевские разделили доставшееся им по наследству от отца имущество. Пётр Васильевич уступил брату, как человеку женатому, родовое имение Долбино, а сам стал хозяином подгородной Киреевской Слободки.

22 января 1837 года в первый раз он приехал туда в качестве хозяина, чтобы вступить во владение, а 26-го написал брату:

«Здесь у меня очень порядочная и просторная комната, в которой я завел диван, вольтеровские кресла, стол, шесть стульев и гитару; и вообще было бы очень комфортно, если бы не тараканы, которых я, однако, вымариваю. В хозяйство надеюсь вникнуть, хоть на первый случай очень трудно сообразить при совершенном недостатке прежних бумаг и счетов».

Пётр Васильевич Киреевский

Валерий Николаевич Лясковский (фото из фондов Орловского Музея И.С. Тургенева)

С любовью им посаженные и собранные…

К осени 1837 года в Слободке, на левом берегу Сухой Орлицы, по южному склону, был построен новый деревянный дом для нового хозяина, в котором Пётр Васильевич Киреевский прожил, с недолгими отлучками, девятнадцать лет, до самой смерти. Это жилище Пётр Васильевич

полюбил всей душой и с первых же лет своей одинокой деревенской жизни принялся за разведение сада и леса, а потом – за другие хозяйственные дела, приводя их в порядок после многих лет бесконтролья.

По сохранившемуся описанию и воспоминаниям современников, Петр Васильевич был простой помещик: с усами, в венгерке, с трубкой в зубах и с неотступно следовавшим за ним всюду водолазом Кипером, которого крестьяне называли «ктитором». Киреевский любил охоту, и к нему часто приезжали московские друзья поохотиться. Крестьяне его относились к Петру Васильевичу с большим уважением.

Когда, спустя 42 года после смерти Петра Киреевского, в 1898 году это имение у наследников усопшего купил Валерий Николаевич Лясковский, то он смог собственными глазами увидеть то, что было сделано прежним владельцем: *«И теперь еще приносят плоды его яблони, и мелькают в березовых перелесках с любовью посаженные им купы елок, вблизи дома еще качает длинными ветвями один из двух выращенных им грецких орехов - другой уже отжил свой век, и цветут его любимые персидские сирени... Но не одному саду посвящал свои заботы внимательный хозяин. Сохранилась небольшая его записочка, на которой отмечен счет всех растущих в имении деревьев, дубов и берез - более двадцати тысяч - с подробным указанием, в каком логу сколько чего растет. А о хозяйственной порядочности Петра Васильевича говорят приходно-расходные книги, он сам вел до копейки и до пуда хлеба в течение двадцати лет».*

Однако только делами хозяйственными и охотничьими владелец Киреевской Слободки не ограничивался. Пётр Киреевский всю свою недолгую жизнь (он скончался в 48 лет) изучал русскую историю и народную словесность: возился с летописями, со всевозможными грамотами и актами, читал, сличал, делал выписки. И хотя сам он написал всего лишь одну небольшую историческую статью, зато собрал множество произведений устного народного творчества. Часть их была издана им при жизни, но большинство собранных былин и песен увидели свет уже после смерти Петра Васильевича.

В ходе своей исследовательской деятельности Киреевский общался с известными деятелями российской культуры. Он писал письма, ему писали, в результате образовался обширный семейный архив. Кроме того, Пётр Васильевич был страстным любителем книг. Свою библиотеку он старательно собирал в течение всей жизни. Это было огромное количество книг (на шестнадцати языках), более всего исторических, тщательно

подобранных, заботливо переплетенных, с надписью почти на каждой его бисерным почерком «П. Киреевский».

Архив и библиотека, собиравшиеся в первой половине XIX века, представляли собой огромную научную ценность, которая с течением времени превратилась ещё и в материальную.

Могилы братьев Киреевских в Оптиной пустыни

«В списке значились, но…»

Когда в 1898 году наследники умерших братьев Киреевских (вдова Ивана Васильевича и её дети) решили продать Киреевскую Слободку, то её купил ближайший сосед – Валерий Николаевич Лясковский. Он отлично знал, кто его соседи, поэтому одной из основных причин приобретения стали не 370 десятин отличного чернозёма, не замечательные культурные посадки и даже не многочисленные хозяйственные постройки, в одной из которых содержались 40 голов крупного рогатого скота, а именно архив Петра Киреевского и его ценнейшая библиотека, забрать которые их владельцы не захотели.

Лясковский стал обладателем настоящего культурного клада, которым довольно быстро воспользовался. Нет, уважаемый читатель, он не продал всё это в третьи руки, получив какой-то барыш, а, используя письма и документы Петра Киреевского, его огромную библиотеку, написал очерк **«Братья Киреевские, жизнь и труды их».** Отдельным изданием в 1899 году он был опубликован Обществом ревнителей русского исторического просвещения в память Императора Александра III. Из этого очерка, кстати, я позаимствовал некоторые факты из жизни Петра Киреевского во время его проживания в Киреевской Слободке.

Даже одна лишь публикация этой небольшой книги объёмом 99 страниц – вполне оправдала приобретение Лясковским нового имения. В 1912 году Валерий Николаевич подарил Киреевскую Слободку дочери Надежде (в замужестве – Шермазановой – А.П.). Но архив и библиотеку он оставил себе.

После национализации в 1918 году имений Лясковского и его дочери в Дмитровском-Истомино и Киреевской Слободке судьба архива и библиотеки Киреевского прослеживается только пунктирно…

Самый большой фонд документов из наследства братьев Киреевских оказался в РГАЛИ (Российском Государственном архиве литературы и искусства – А.П.). Здесь хранятся рукописи произведений братьев, письма славянофилов, их родственников, известных писателей, поэтов, философов, деятелей культуры. Но здесь нет писем Александра Пушкина, которые, по не подтверждённой информации, имелись в коллекции Петра Киреевского.

Что касается редких книг из его библиотеки, то 223 единицы хранения находятся в настоящее время в фондах Орловского объединённого государственного литературного музея И. С. Тургенева, куда они попали в 1927 г. из орловской губернской централизованной библиотеки. Несколько экземпляров книг из собрания Петра Киреевского имеются в отделе редкой книги «Бунинки» и мемориальной библиотеке в Доме-музее Т.Н.Грановского. Однако общее их число явно меньше того количества, которое имелось у владельца имения в Слободке.

Сам ли Валерий Николаевич Лясковский передал книги в хранилища, или издания попали туда в результате конфискации его имения (что вероятнее) – точных сведений нет.

И напоследок – детективная история, которую в своё время пытался расследовать известный журналист Евграф Кончин, специализировавшийся на поисках пропавших культурных ценностей. В 1995 году в первом сборнике «Краеведческих записок», выходившем к 100-летию Орловского краеведческого музея, он опубликовал статью

«История со многими неизвестными». Речь в ней шла о судьбе коллекций Орловского краеведческого музея, которые вывозились в Елец из Орла в накануне занятия его гитлеровцами. В статье было упомянуто письмо со «Списком наиболее ценных экспонатов музея» из 22 наименований.

В этом перечне значились: бумажник с документами П.В.Киреевского, книга К.С.Аксакова с посвящением П.В.Киреевскому, письма И.Репина, В.Серова, грамоты Екатерины II и Александра I. Первые четыре наименования – точно из архива Петра Киреевского, доставшегося В.Н.Лясковскому. Царские грамоты, скорее всего, из того же источника.

В Орловский краеведческий музей эти экспонаты уже не вернулись. Где, когда, при каких обстоятельствах реликвии были украдены или утрачены – нам неведомо. Это ещё одна из тайн, связанная с судьбой уже не самого Валерия Лясковского, а с судьбой вещей, с которыми он соприкасался.

Будет ли раскрыты эти тайны – время покажет…

Валерий Лясковский и дом для Великого князя

Уважаемый читатель, о том, какой след оставил на Орловщине в разных сферах деятельности Валерий Николаевич Лясковский, я достаточно подробно рассказал в предыдущих очерках.

Куплен у Хвостова

Завершить же своё повествование о нём я хочу историей одного из его домов, известного как раз под фамилией моего героя.

Итак, с момента покупки имения в селе Дмитровское Орловского уезда (1882 год) и почти до конца XIX века Лясковские жили в усадебном доме, купленном Валерием Николаевичем у прежнего владельца, священника Фёдора Смирнова, но почти полностью перестроенном новым хозяином.

По мере взросления старших дочерей *«учение их в деревне стало затруднительно»*, а старшему сыну пришла пора поступать в гимназию. Лясковские решились на зиму переехать в город и осенью 1898 года наняли там квартиру в доме губернского архитектора Тибо-Бриньоля (угол Борисоглебской и Введенской улиц).

Спустя два года они выбрали для проживания новый дом. Он находился на той же Борисоглебской улице, хотя в своих «Воспоминаниях» Валерий Николаевич говорит о Манежной площади. Принадлежал дом известному орловскому и российскому общественному

деятелю Сергею Алексеевичу Хвостову. С 1894 по 1900 год он был председателем Орловской губернской земской управы, затем ушёл на повышение: стал владимирским вице-губернатором, а вскоре – пензенским губернатором.

Погиб С.А.Хвостов 12 августа 1906 года, во время покушения эсеров-максималистов на премьер-министра Петра Столыпина. Пётр Аркадьевич тогда спасся, а вот находившийся в здании на Аптекарском острове Санкт-Петербурга пензенский губернатор стал одним из 33 погибших на месте взрыва посетителей, пришедших на приём к премьер-министру.

Покидая Орёл в 1901 году, Сергей Алексеевич Хвостов отдал дом для жилья своим хорошим знакомым: на первом этаже поселился Сергей Николаевич Маслов, который сменил Хвостова в должности председателя губернской земской управы, а второй этаж заняла большая семья Лясковских.

«…Отделали для себя»

Спустя некоторое время С.Н.Маслов переехал на другую квартиру, и Валерий Николаевич Лясковский решился на покупку всего дома. Это было крупное приобретение. Вот что сказано о нём в «Окладной книге о налогах с владельцев недвижимого имущества 3-ей части Орла за 1901 год» (ГАОО, ф.593,оп.1, ед.хр.978): *«Дом в квартале №6 под №54, каменный, в два с половиной этажа, имеется сад и службы, оценочная стоимость – 8800 рублей. Принадлежит коллежскому советнику Сергею Алексеевичу Хвостову».* Похожий по описанию и размерам дом соседа Хвостова, отставного генерал-майора Я.Т.Дудкина, оценён был в значительно меньшую сумму – 5430 рублей.

Лясковские были очень довольны покупкой. Валерий Николаевич писал в «Воспоминаниях»: *«Мы весь дом отделали для себя. Поместительный, с надворными постройками и большим садом, при близости деревни, он был очень удобен. Я перевез в него некоторые вещи с Тверской, потом с Лубянки и в тоже время стал собирать картины: получилась очень хорошая обстановка…*

...Знакомство с передвижными выставками, Третьяковскою галереею и музеем Александра III в Петербурге воспитало во мне некоторый определенный художественный вкус; чрез Алексея Дмитриевича Поленова и уполномоченного товарищества передвижных выставок Якова Даниловича Минченкова я получил доступ к В.Д. Поленову, И.Е. Репину, В.М. Васнецову и ко многим другим художникам следующего поколения, и мне за несколько лет удалось с небольшими сравнительно затратами (в общем, немного более двадцати

тысяч) собрать много хороших картин. Орловский наш дом стал производить впечатление маленькой картинной галереи, для провинции довольно внушительной».

«Мостовая замощена, фонари установлены…»

По этой причине или по какой другой, но когда в 1909 году в Орёл для командования 17 Черниговским гусарским полком должен был прибыть Великий Князь Михаил Александрович, то его адъютант Анатолий Мордвинов (тот самый, что чуть позже станет флигель-адъютантом самого царя Николая II – А.П.), посетивший губернский центр заранее, остановил свой выбор для жилья члена императорской фамилии именно на доме Лясковского.

Валерий Николаевич, кстати, в числе других гласных (депутатов) участвовал в торжественной встрече Великого Князя 7 июня 1909 года у здания Орловской городской Думы. Вопрос с местом жительства Михаила Александровича был решён, но оставались существенные моменты, которые могли омрачить пребывание Великого Князя в Орле. Читатель поймёт, в чём дело, из цитирования документа, отправленного губернатором С.С.Андреевским 25 августа 1909 года Орловской Думе и Орловской городской управе:

«…На Борисоглебской улице дом В.Н.Лясковского занят под квартиру Его Императорского Высочества Великого Князя Михаила Александровича. В настоящее время Борисоглебская улица и Зиновьевский переулок – путь следования Его Высочества в квартиру – крайне неисправны: по Борисоглебской улице мостовой вовсе нет, а по Зиновьевскому переулку хотя и имеется, но настолько плоха, что езда по ней очень затруднительна. Кроме того, на указанных улицах отсутствует надлежащее освещение. При таком положении проезд Его Высочества по указанному пути является крайне опасным, особенно в осеннюю тёмную и ненастную пору. В устранение неудобств представляется необходимость немедленно устроить мостовые и поставить дуговые фонари против дома г.Лясковского и на углу Зиновьевского переулка и Борисоглебской улицы, а также по Садовой улице перенести один фонарь на угол Садовой и Зиновьевского переулка.

Вследствие сего предлагаю Управе сообщить, будут ли управою приняты безотлагательные меры к устройству и исправлению мостовых по Зиновьевскому переулку и Борисоглебской улице и будут ли поставлены в указанных местах фонари для освещения?

Губернатор – С. Андреевский».

Орловской городской управой была очень оперативно составлена смета необходимых работ на сумму 381 рубль, а 2 сентября 1909 года последовал ответ Орловского городского головы:

«Его Превосходительству Господину Орловскому Губернатору.

Имею честь довести до сведения Вашего Превосходительства, что половинная часть мостовой против дома Дудкина на протяжении 10 сажен и против дома Лясковского и лазарета во всю длину по Борисоглебской улице с правой её стороны, идя по направлению к воинским казармам, в настоящее время замощена распоряжением Городской управы, по её же распоряжению установлены в подлежащих местах и дуговые электрические фонари.

Городской голова Гайдуков».

Борисоглебская, 34

Какое-то время дом на Борисоглебской оставался в собственности Валерия Николаевича Лясковского и после отъезда Великого Князя из Орла, а вот когда он был продан – выяснить, пока, не удалось.

Здесь я перехожу к другим тайнам, связанным с домом Лясковского на Борисоглебской. О нём слышали, его часто называют по тому или иному поводу многие орловские краеведы, иногда – именуя фамилией владельца, реже – как «Дом со львами» (на ступеньках, ведущих в здание, расположились сравнительно небольшого размера металлические львы, смотрящие друг на друга, слегка повернув свои гривастые головы - один вправо, другой влево – А.П.).

Однако до последнего времени ни у кого из краеведов я не находил привязку Дома Лясковского к конкретному адресу или месту на улице Борисоглебской (нынешней – Салтыкова-Щедрина). И вдруг совсем недавно, в разговоре со старшим научным сотрудником Орловского музея изобразительных искусств Валентиной Фёдоровной Василенко, я узнаю, что ещё 13 лет тому назад она в журнале «Мир музея» (№5 за 2008 год) опубликовала статью под названием «В тяжёлую годину революции», основанную на архивных документах. Речь в ней шла о создании музеев в Орле в первые годы Советской власти.

Валентина Фёдоровна выяснила, что когда в губернии начали спасать экспонаты из разграблявшихся дворянских усадеб, то уже в конце 1918 года под музей был занят дом на Борисоглебской улице, в котором уже находилось собрание князя Куракина. Официально губернский музей стал существовать с мая 1921 года, а его заведующим назначили Петра Сергеевича Ткачевского. Одновременно он оставался руководителем появившегося ранее историко-художественного музея.

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

В тяжелую годину революции

До октябрьского переворота 1917 года в Орле существовал Губернский музей, организованный стараниями членов Орловской ученой архивной комиссии в 1897 году, и музей Орловского церковного историко-археологического общества, учрежденного в 1900 году по инициативе епископа Орловского и Севского Никанора.

В НАЧАЛЕ СЕНТЯБРЯ 1918 года В.А. Мамуровский, сотрудник музейного отдела Наркомпроса, в докладе описывает состояние музейного дела в Орле. Он заявляет, что музей был выселен из здания Присутственных мест, имущество много раз перевозилось с места на место «без всяких ящиков», а «сейчас свалено на полу в одной из комнат Кадетского корпуса, где валяются вперемешку вещи, добытые при археологических раскопках, битый фарфор, обрывки архивов и т. п.»[1].

Из письма председателя Орловского церковного историко-археологического общества И.Ливанского и секретаря Общества и хранителя музея И.Комяхинского, которое было зарегистрировано в Отделе провинциальных музеев, видно, какая угроза нависла над собранием музея Общества[2]. Они пишут, что здания Орловского Архиерейского дома «местным красноармейским батальоном освобождены для себя», а здание Консистории, ее архива и музея «предполагается под государственную сапож-

[1] ГИМ ОПИ, ф. 54, д. 783, л. 9 — 9 (об.)
[2] Там же, д. 784, л. 33-37.

ную мастерскую». Они просят охранную грамоту на музей, опасаясь, что «претензии совершенно несведущих лиц распространяться музеем, притом же окрашенные довольно определенным желанием найти „ценности" в виде золота, представляются явлением очень опасным». Архив музея был сложен в сараи.

В октябре 1918 года в Орле была образована комиссия по охране памятников искусства и старины, в которую вошли «товарищи Ярмак, Якубовский, Орлов и Мареньков». Первой задачей комиссии было «отыскание помещения для музея»[1]. Вначале для музея было реквизировано помещение в доме Трех-

[1] Там же, д. 783, л. 36.

горного товарищества на Тургеневской улице, оказавшееся неудобным, а в конце 1918 года был занят дом на Борисоглебской улице, где уже находилось собрание А.Б. Куракина. Туда были перевезены экспонаты всех музеев.

Знаменитый декрет «О земле» отдавал бывшие дворянские усадьбы и дворцы, расположенные в сельской местности, местным Советам, которые могли делать с ними все, что угодно. 5 октября 1918 года Совнаркомом был принят декрет «О регистрации, приеме на учет и охранении памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений», по которому Музейный отдел Народного Комиссариата Просвещения становился единственным обладателем историко-художественных богатств. Но «непрекращающиеся дикие хищения на местах со стороны населения» трудно было остановить. В «Сведениях

△ П.С.Ткачевский. 1919. ГИМТ.
1. Дом № 34 по Борисоглебской улице, в котором размещался Орловский историко-художественный музей.
2. Зал европейского искусства.

ВАЛЕНТИНА ВАСИЛЕНКО

Статья В.Ф.Василенко в журнале «Мир музея»

Именно из отчётов, поданных П.С.Ткачевским в Наркомпрос, стало ясно, что историко-художественный музей располагался в бывшем доме Лясковского (или, как его ещё называли, Дворец Великого Князя Михаила Александровича – А.П.). Пётр Сергеевич в документах указывает точный адрес: улица Борисоглебская, 34.

Таким образом, точный адрес дома Лясковского известен. Есть и фотография этого дома. Ткачевский, который был очень хорошим фотографом, в одном из отчётов снимок здания музея тоже представил. Вот он.

Что касается владельцев и жильцов дома Лясковского после отъезда Великого Князя из Орла, то мне удалось установить некоторые имена в Домовой книге дома № 34 по улице Борисоглебской (ГАОО, ф.1247, оп.1, ед.хр.533). Вся усадьба в 1914 году принадлежала малоархангельскому дворянину, нотариусу, Николаю Александровичу Вениери, а дом с того же 1914-ого вплоть до 1917 года снимает у него последний предводитель Орловского губернского дворянства Александр Борисович Куракин с женой Софией Сергеевной и дочерью Анной. Этим фактом можно объяснить, как в доме по улице Борисоглебской в 1918 году оказалась куракинская коллекция предметов искусства.

Проживали здесь и некоторые другие лица, в том числе будущий директор историко-художественного и губернского музеев Пётр Сергеевич Ткачевский.

Что случилось с домом и усадьбой в годы Великой Отечественной войны, и сохранилось ли хоть что-то от знаменитого строения, связанного с несколькими знаковыми именами и событиями Орловщины – это отдельная история…

И в заключение - **информация об установке в Орле «Последнего адреса» предводителю орловского уездного дворянства Валерию Лясковскому**

28 мая (2019 года – А.П.), в 17 часов на Карачевской улице, на доме №62, состоялась установка таблички **«Последний адрес»,** посвящённой Валерию Николаевичу Лясковскому.

«Последний адрес» – всероссийская акция в память о расстрелянных политзаключенных, реабилитированных позже из-за отсутствия состава преступления. Конечная цель проекта – установить памятные знаки на домах, которые были их последним местом жительства. Идея принадлежит известному российскому журналисту, издателю Сергею Пархоменко. В Орле её подхватила журналистка Анна Дулевская. На сегодня в Орле установлено уже несколько табличек (первые из них были установлены в 2016 году – А.П.).

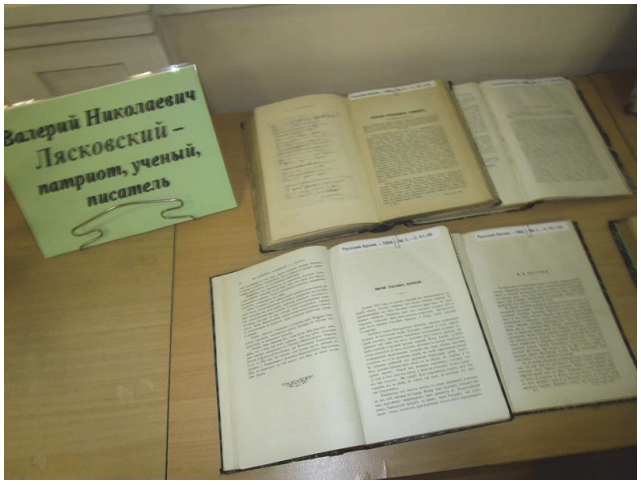
Последняя по времени появилась на фасаде дома, соседствующего с тем, в котором жил лесовод, почётный мировой судья, предводитель орловского уездного дворянства и директор народных училищ Орловской губернии Валерий Лясковский…

Заявителем в Фонд «Последний адрес» выступил внучатый правнук Лясковского, кандидат физико-математических наук Андрей Александрович Лодкин, проживающий в Санкт-Петербурге, который в данный момент продолжает работу над изданием трёхтомного собрания сочинений и мемуаров своего выдающегося предка.

Работа по согласованию установки знака с собственниками дома велась в течение двух лет. По ряду причин было принято решение установить знак на фасаде соседнего дома. На мероприятии присутствовали представители орловской культурной общественности, из Питера прибыл Андрей Александрович Лодкин (он прочными семейными корнями связан с Орловщиной – А.П.), а из Москвы – писатель и исследователь Михаил Александрович Некрасов.

После установки памятной таблички (это сделал сам Андрей Александрович Лодкин) в зале областной библиотеки им. И.А. Бунина состоялась большая и очень интересная лекция Андрея Лодкина о судьбе и жизни Валерия Лясковского. В качестве содокладчика выступил и автор этих строк, который тоже выступает в качестве одного из редакторов готовящегося трёхтомника В.Н. Лясковского.

(при написании материала использовалась информация сайта «Орёлтаймс»).

Глава вторая.
От князей – до священнических сыновей…

О «прелестной Татьяне» – племяннице Сиятельного Князя Таврического

Фамилия, о представителях которой я далее буду вести речь, - одна из самых известных в России. Даже самые неискушённые в истории наверняка слышали о Григории Александровиче Потёмкине, выдающемся политическом деятеле второй половины XVIII века, фаворите императрицы Екатерины II, в значительной степени благодаря которому Российская империя приросла Новороссией и Крымом. Да и выражение **«потёмкинские деревни»**, которым обычно называют умение пустить «пыль в глаза» несуществующими достижениями, знакомо очень многим из нас.

Свадьбу устроила Императрица

Но в этом и следующем очерках разговор пойдёт не о вышеназванном генерал-фельдмаршале, за короткое время сделавшем головокружительную карьеру и нажившему колоссальное состояние, а о его родственниках и однофамильцах, имевших прямое отношение к Орловской губернии.

И начну я, уважаемый читатель, с родной племянницы сиятельнейшего князя – Татьяны Васильевны, в девичестве – Энгельгардт. Она была младшей из пяти дочерей небогатого помещика Смоленской губернии – ротмистра Василия Андреевича Энгельгардта, женатого на родной сестре Григория Потёмкина – Елене (второе имя – Марфа).

Раннее детство Татьяны Васильевны совпало со временем наибольшего влияния ее знаменитого дяди при царском дворе, и благодаря этому родству она и её старшие сёстры сделали блестящие партии. Покровительство влиятельного родственника, исключительная красота (это подтверждают сразу несколько сохранившихся её портретов), мягкий характер - все обещало Татьяне Энгельгардт счастливое будущее.

Ей еще не исполнилось 12 лет, как императрица взяла юную провинциалку под свое покровительство, сделав фрейлиной. Оказавшись при дворе Екатерины II, Татьяна стала предметом внимания многих - как очень интересная, умная, живая и красивая девушка.

Ею была очарована, к примеру, английская герцогиня Кингстонская (одновременно – графиня Бристольская), которая на собственной роскошной яхте посетила Санкт-Петербург и была принята при дворе.

Герцогиня отнеслась к пятнадцатилетней фрейлине императрицы Татьяне Энгельгардт как к дочери и так к ней привязалась, что хотела сделать ее наследницей всего своего громадного состояния при условии отъезда Татьяны с нею в Англию.

Три портрета княгини Татьяны Васильевны Юсуповой

Но племянница светлейшего князя, подобно своим старшим сестрам, получила большое приданое, и покинуть Императорский Двор ради английского богатства не согласилась. Тем более, что в её жизни вскоре произошли большие изменения: 11 сентября 1785 года Татьяна Васильевна вышла замуж за своего дальнего родственника, генерал-поручика Михаила Сергеевича Потемкина, бывшего на 25 лет старше ее. Сама императрица устроила эту свадьбу и готовила к венцу юную невесту.

Несмотря на разницу в возрасте, брак оказался счастливым, но очень коротким – всего лишь шесть лет. По одной из версий, генерал-поручик утонул, переправляясь через реку. По другой, он не выдержал смерти своего покровителя и дальнего родственника – Григория Потёмкина, так сильно переживал, что заболел и скончался в том же, 1791 году, в дороге, выполняя одно из поручений императрицы.

Так в 22 года Татьяна Васильевна Потёмкина стала вдовой с двумя несовершеннолетними детьми на руках: дочерью Екатериной (крестницей царицы и названной в её честь) и сыном Александром.

Тяжело переживая смерть мужа, она удалилась от двора и проводила время в уединении. Только уступая настойчивым просьбам императрицы, Татьяна Васильевна, наконец, решила снова изредка появляться в придворном кругу.

«Когда бы не распутный нрав…»

Здесь вскоре она встретилась с блестящим екатерининским вельможей, богатым князем Николаем Борисовичем Юсуповым, своим будущим вторым супругом. Юсуповы – род легендарный. При царском дворе шептались, что они были богаче самих Романовых, а до того как приехали на русскую землю, правили всем Ближним Востоком. Личности в роду Юсуповых – одна другой интереснее: от казанской царицы, которая на стенах татарской столицы удерживала город от лютых стрельцов Ивана Грозного - до богемного князя, завсегдатая декадентских салонов «Серебряного века» и, по совместительству, убийцы Григория Распутина…

Генерал Михаил Сергеевич Потёмкин

Князь Николай Борисович Юсупов

Ко времени знакомства с Татьяной Потёмкиной (Энгельгардт) князь Николай Борисович Юсупов только что вернулся из-за границы, куда он ездил с чрезвычайным посольством в Италию. По отзывам современников, это был *«умница, яркая личность, эрудит, полиглот, путешественник, водил знакомство со многими знаменитыми современниками, покровительствовал наукам и искусствам, был советчиком и другом императрицы Екатерины II и ее преемников императоров Павла, Александра и Николая I».*

Семи лет его записали в лейб-гвардейский полк, в шестнадцать он стал офицером и со временем достиг высших государственных званий и регалий вплоть до алмазных эполет – принадлежности царских особ. В 1798 году Николай Юсупов получил звание командора орденов Мальтийского и Св. Иоанна Иерусалимского.

В 1793 году, снова при благосклонном согласии императрицы, состоялась свадьба Татьяны Васильевны Потёмкиной с князем Юсуповым. Сначала всё было хорошо. Через год у них родился сын Борис. Усадьбу супругов Юсуповых Архангельское посещали многие известные деятели культуры.

Близок к ним был Александр Пушкин. Князь с княгиней предоставили его родителям квартиру в своем московском доме, где поэт живал в юные годы. А летом поэт любил бывать в Архангельском, даже и сочинял там. В оде, посвященной Николаю Юсупову, Пушкин писал:

...К тебе являюся я; увижу сей дворец,
Где циркуль зодчего, палитра и резец
Ученой прихоти твоей повиновались
И, вдохновенные, в волшебстве состязались.

Княгиня Татьяна оказалась домовита, толкова и хлебосольна, вдобавок, обладала деловой сметкой. Хозяйствовала так, что и состояние умножалось, и крестьяне богатели. Была и кротка, и услужлива. *«Испытанья господни,* – говорила она, – *научают терпеть и верить».*

Что случилось потом, видно из **«Воспоминаний бабки»** (г-жи Янковой, современницы князя):

«...А что до князевой ветрености, так причиной тому его восточная горячность и любовная комплекция. В архангельской усадьбе князя – портреты любовниц его, картин более трехсот... нравом был ветрен и оттого в супружестве не слишком счастлив...

...Когда бы не распутный нрав, сильно повредивший ему во мненьи общества, он мог быть сочтен идеалом мужчины».

Скоро супруги стали жить врозь, а Татьяна Васильевна снова стала редко появляться при дворе, всецело посвятив себя воспитанию сына Александра. В ее гостиной собирался избранный круг лиц, к которому принадлежал и поэт Гавриил Державин, написавший в альбом княгини стихотворение «Спящий Эрот», внушенное ему видом лежащего в кроватке сына Татьяны Васильевны. Кроме того, Державин посвятил княгине обращенное к ней стихотворение «К матери, которая сама воспитывает детей своих». Ее дом посещали также И.А. Крылов, В.А. Жуковский и А.С. Пушкин.

Орловские драгоценности княгини

Получив большое наследство, Татьяна Васильевна сама умело управляла своими многочисленными имениями и обширными поместьями мужа, увеличивая многомиллионное состояние.

Это проявилось и в отношении орловских вотчин княгини Юсуповой. Дело в том, что к началу XIX века Татьяне Васильевне в Кромском уезде Орловской губернии принадлежало 10 крупных населённых пунктов: **сёла Воронец и Никольское (Березовец), деревни: Гнилец, Турейка, Березовец (Берёзовка), Лебедиха, Морозиха, Красавка, Каменец, Саборовка.** Общее количество проживавших в них крепостных душ княгини в 1834 году достигало почти девяти тысяч. Чтобы понять масштаб вотчин Юсуповой, скажу, что во всех 97 современных населённых пунктах Троснянского района, куда территориально в настоящее время входят вышеперечисленные сёла и деревни, насчитывается как раз девять тысяч человек.

Юсупова считалась знатоком в финансовых вопросах, и многие обращались к ней за советами в денежных делах. Татьяна Васильевна вела скромный образ жизни, привычку к простому столу и нелюбовь к роскоши многие считали скупостью, но это не препятствовало ей много тратить на благотворительность. Одно время княгиня увлекалась составлением собрания эмблем и девизов, причем, она просила своих знакомых предложить какую-нибудь эмблему и надпись и затем заказывала талантливым художникам вырезывать их на сердоликах, халцедонах, агатах, ониксах и других камнях.

Гораздо более дорогой оказалась для Юсуповой ее склонность к собиранию драгоценных камней. В этой коллекции находились известный бриллиант, по своей величине и красоте названный «Полярной звездой», серьги королевы Марии Антуанетты, алмаз «Альдебаран», большой сапфир, жемчужная и алмазная диадема королевы Неаполитанской, супруги Мюрата Каролины. Знаменитая жемчужина, известная под именем «Перегрина», которую в 1620 году купил за 200 тыс. рублей король Филипп II Испанский, также украшала коллекцию княгини.

Скончалась Татьяна Васильевна неожиданно 23 мая 1841 года в Петербурге, похоронили её 25 мая в Благовещенской церкви Александро-Невской лавры. Имения её унаследовал сын, Александр Михайлович Потёмкин, который уже при жизни матери вместе с нею управлял потёмкинскими вотчинами. О нём – в следующем очерке.

Воронец, Гнилец и Артек – от князей Потёмкиных

В 1998 и 2009 годах издательство «Вешние воды» выпустило в свет замечательный труд в двух книгах под названием «Архитектурные древности Орловщины» (он переиздан 2020 году в одном томе, но с дополнениями – А.П.).

Храм Покрова – в память о матери

Авторы издания, художник Вячеслав Ромашов и искусствовед Владимир Неделин, рассказали о пока ещё существующих и исчезнувших храмах области, а второй том они дополнили также и приложением, в котором не просто перечислили все известные церкви, когда-либо построенные на территории нашего края, но и привели данные о том, когда и кем они были возведены.

К примеру, в 3-м благочинническом округе Кромского уезда существовал 21 храм. Подавляющее их большинство было построено по инициативе и на средства местных помещиков. Деревянная церковь во имя Архангела Михаила в селе Воронец появилась, по всей видимости, во второй половине XVIII или начале XIX века благодаря княгине Татьяне Васильевне Юсуповой (Потёмкиной – в первом браке, а в девичестве – Энгельгардт), о которой я рассказал в предыдущем очерке. А в 1841 году, сразу после смерти матушки и в память о ней сын, князь Александр Михайлович Потёмкин, и его жена, Татьяна Борисовна, вложили большие средства в постройку в Воронце каменного храма во имя Покрова Пресвятой Богородицы. Он был освящён в 1846 году. Деревянное же здание старой Архангельской церкви было разобрано и перенесено в соседнюю деревню Гнилец, которая отныне превратилось в село (второе название – Михайловское).

И эта «благотворительная акция», как выразились бы в наше время, была не единственным деянием орловских помещиков, супругов Потёмкиных. О них и будет мой рассказ.

«Всё хорошее, доброе он делал из принципа…»

Александр Михайлович Потёмкин родился 135 лет тому назад, 30 января 1787 года. Ему было 4 года, когда умер отец – генерал-поручик Михаил Сергеевич Потёмкин. Мать Александра, Татьяна Васильевна, овдовев, в 1793 году вышла замуж за знаменитого богача князя Николая Борисовича Юсупова, но вскоре разошлась с ним, и одна воспитывала трёх детей от двух браков.

Первоначальное образование Александр Потёмкин получил в частном пансионе аббата Николя. В 14 лет он был зачислен в лейб-гвардии Преображенский полк, но реальную службу начал в октябре 1807 года. Принимал участие в Отечественной войне 1812 года, в Заграничных походах русской армии против наполеоновских войск в 1813–1814 годах и взятии Парижа. За отличия в сражениях с французами в 1812 году получил орден Анны 4-й степени, а в 1813 году - золотую шпагу с надписью "За храбрость" и прусский орден Железной Короны.

Князь Александр Михайлович Потёмкин

Княгиня Татьяна Борисовна Потёмкина

В феврале 1815 года, находясь в отпуске в Петербурге, Александр Михайлович женился на княжне Татьяне Борисовне Голицыной, одной из самых красивых женщин своего времени и моложе его на 10 лет. Правда, будущего мужа «доброжелатели» предупреждали о болезненности его невесты и даже о том, что у неё, возможно, не будет детей. Но Потёмкин никого не послушал, и венчание состоялось. Супруги были абсолютно разными людьми, однако брак оказался на редкость счастливым: они прожили вместе 54 года, сохранив нежное отношение друг к другу до конца жизни.

Вскоре после женитьбы, в январе 1816 года, заботясь о жене, Потёмкин вышел в отставку в чине полковника. Поселились молодые в Петербурге: сначала в нанятом, а потом купленном в 1820 году доме на Миллионной улице, 22.

Очень радовались супруги, когда родился сын, но прожил младенец лишь 10 месяцев. Потеря ребёнка так сильно потрясла Потёмкину, что врачи посоветовали ей для поправки здоровья отправиться за границу. Рядом с женою, семь лет следя за её здоровьем, жил на чужбине и Александр Михайлович.

Возвратившись в Россию, в феврале 1827 года он поступил на гражданскую службу и очень быстро сделал карьеру: с 1829 года состоял попечителем Санкт-Петербургского сиротского дома, а в 1842 году был избран петербургским губернским предводителем дворянства и избирался на эту должность четыре трехлетия подряд.

С декабря 1843 года А.М. Потёмкин - действительный статский советник, с 1853 года - тайный советник, с 1866 года – действительный тайный советник (соответствует генерал-аншефу или адмиралу на военной службе – А.П.). Будучи в высоких чинах, занимал он множество самых разных должностей, особенно запомнившийся мне – «Действительный член Императорского человеколюбивого общества» (было, оказывается, и такое в дореволюционной России – А.П.). Не обошли Александра Михайловича и высшими орденами Российской империи.

По характеристике современников, Потёмкин олицетворял собой тип старого вельможи-дворянина, носившего преображенский мундир павловского времени. По словам племянницы, *«дядя был человек очень чистый и добрый, с ним было о чём поговорить, он был приветлив и остроумен».* Но в то же время – *«Страшный педант и человек привычки, у него весь день был расписан не только по часам, но и даже по минутам. Если приходило время закончить чтение, он даже до точки не дочитывал и закрывал книгу…Говорили, что у него были часы в неделе, когда он никому не отказывал, если у него просили денег, и будто бы один из его племянников, узнав об этом, выпросил у него чуть не 100 тысяч для покрытия долгов. Он был очень хороший человек и можно было даже его назвать правдивым, но между тем, все хорошее, доброе он делал из принципа, а жена его – от потребности её души и любви к ближнему».* В этом была основная разница между супругами.

«… А она – от потребности её души и любви к ближнему»

Александр Михайлович Потёмкин занимал в течение своей долгой жизни разные высшие государственные должности, удостоившись многих

наград, а вот его жену земные почести совсем не занимали. Еще в детстве о ней говорили: *«Бог улыбнулся, сотворив этого ребенка».* С молодости же, потеряв единственного сына, жила она в большом свете только с одной целью: просить за несчастных, навещать больных, кого утешать, кого наставлять, кого обращать на путь истинный. Любовь, ровность в поступках и в обхождении с людьми были присущи княгине Потемкиной всегда. В её доме на Миллионной улице в Петербурге всегда толпился народ. За всех она неустанно хлопотала, всем старалась помочь, пользуясь своими связями и родством с министром духовных дел князем А.Н. Голицыным.

Князь А.М. Потёмкин

Обладая большим состоянием, княгиня много средств тратила на поддержание и восстановление церквей и монастырей (в самом начале очерка – орловский пример этому – А.П.), улучшение быта своих крепостных людей. Каждому, кто просил, она всегда оказывала денежную помощь.

Князья Потёмкины обладали большим состоянием, им принадлежали земли во многих губерниях Российской империи, в том числе и Орловской (Кромской уезд). Наиболее известны их имения «Святые горы» (принадлежало Григорию Потёмкину и перешло к Александру Михайловичу по наследству, это территория современной Донецкой области Украины, подконтрольной Киеву – А.П.), Гостилицы (имение было куплено А.М. Потёмкиным в 1824 году у родственников графа Разумовского после его смерти – А.П.) и Артек.

О знаменитом пионерском лагере на Южном Берегу Крыма знают все, но о том, что в первой половине XIX века в урочище под названием Артек и на берегу одноименной реки находилось имение княгини Татьяны Борисовны Потёмкиной, известно немногим.

В 1835 году, в целях поправки здоровья, супруги Потёмкины в первый раз приехали в Артек, совершенно пустынный тогда. Два года прожили они здесь, молясь Богу, читая книги религиозно-нравственного содержания и дыша целебным крымским воздухом под контролем опытного врача. Здоровье пошло на поправку, и к приезду осенью 1837 года императорской семьи князь и княгиня были уже здоровы.

Путешествуя в тот год по Крыму, Николай I с семьей (в том числе – с наследником, цесаревичем Александром) посетил имение Потёмкиных. Таким образом, можно сказать, что первым ребенком, приехавшим на отдых в Артек, был будущий Император Александр II.

Со времени приобретения крымского имения Потемкины постоянно благоустраивали его. При них здесь появился виноградник, насчитывающий более 100 тысяч кустов, где произрастал настоящий сорт винограда Мадера, был разбит прекрасный сад с множеством беседок, фонтанов, зеленых лужаек. Новые владельцы прелестного уголка, расположенного на берегу чудесного залива, построили церковь, дачи, а также винный подвал и другие хозяйственные помещения. Миниатюрная деревянная церковь во имя Рождества Христова, сооруженная в 1838 году, свободно вмещала 60 человек.

Следует сказать, что название **«Артек»** этому имению решили дать именно Потёмкины. Прежний владелец, Олизар, величал его Кардиатриконом. К сожалению, практически ни одна постройка Потемкиных в Артеке до наших дней не сохранилась. И это печально. Княжеский дом был снесен уже в 60-е годы двадцатого века при строительстве пионерского лагеря «Морской». Забыто было само имя бывшей владелицы имения, которую при жизни знали и любили все.

Татьяна Борисовна скончалась 1 июля 1869 года в Берлине, но похоронили её на родине, на кладбище Свято-Троицкой Сергиевой пустыни под Петербургом, где упокоились представители многих знатнейших дворянских родов России.

Спустя три года рядом с любимой супругой расположился и Александр Михайлович Потёмкин. К сожалению, в советские годы это кладбище подверглось уничтожению, и могилы известных российских деятелей и благотворителей не сохранились.

Стёрты были с лица земли и две церкви в орловских имениях Потёмкиных – в сёлах Воронец и Гнилец (ныне – территория Троснянского района – А.П.).

Так получилось, что детей после себя супруги не оставили, но в их бывшем имении «Артек» после возвращения Крыма в состав России – снова целая детская Республика. И это замечательно…

Московские и орловские дворяне Собакины

Об установке в Орле 14 октября 2016 года первого в России памятника царю Ивану Грозному услышали не только в нашей стране, но и за рубежом. В общем, как гласит русская народная пословица и как писал знаменитый русский поэт Сергей Есенин, теперь об этом «знает каждая собака». Но наверняка никто из читателей не подозревает, что эта самая «Собака» (с большой буквы) имеет к царю и Орловщине самое непосредственное отношение.

Иван Васильевич меняет жену. Попытка №3

Дело в том, что третью жену Ивана Васильевича Грозного звали Марфа Васильевна Собакина, и она – из рода тверского боярина Даниила Григорьевича, по прозвищу «Собака», от которого пошли известные московские бояре и окольничие, состоявшие на службе у великих князей и царей.

Марфа Васильевна Собакина – праправнучка Даниила Собаки. Когда после смерти второй жены Ивана Грозного, Марии Темрюковны, два года спустя, решено было провести конкурс царских невест, то все дворяне и знатные люди представили на смотрины своих незамужних дочерей. Процесс оказался довольно долгим, поскольку Ивану Грозному пришлось выбирать из более чем 1500 невест, свезённых в Москву отовсюду. Отбор проходил по группам, постепенно число претенденток сокращалось, и на последнем этапе Иван Васильевич остановил свой выбор на Марфе Васильевне Собакиной, очень красивой молодой брюнетке. Отца её к этому времени в живых не было, но зато всем её родственникам – дяде и братьям, даже двоюродным, царь пожаловал высокие посты при дворе.

К горькому сожалению для Ивана Грозного, Марфа Собакина за две недели до назначенной даты свадьбы (28 октября 1571 года) заболела и уже не оправилась, скончавшись 13 ноября того же года (на саркофаге дата – 14 ноября – А.П.). Её похоронили в Вознесенском соборе Кремля, рядом со второй женой царя – Марией Темрюковной. При дворе ходили упорные слухи, да и сам Грозный был в этом убеждён, что красавицу отравили её недоброжелатели.

Несмотря на такой короткий период близости к Ивану Грозному (а возможно, как раз по этой причине), Марфа Собакина оставила заметный след в русском искусстве. В 1849 году драматург Лев Мей сочинил пьесу «Царская невеста», по которой спустя 50 лет композитор Николай Римский-Корсаков написал собственный сценарий и музыку замечательнейшей оперы, первое представление которой прошло с

выдающимся успехом. Оперу ставили и ставят до настоящего времени крупнейшие российские оперные театры, в том числе, и Большой. В 1965 году сочинение Римского-Корсакова воплотилось в фильм (одну из ролей в нём, кстати, играл недавно ушедший в мир иной Владимир Зельдин, а в Ивана Грозного перевоплотился Петр Глебов – А.П.).

Марфа Собакина (реконструкция С.Никитина)

Надгробие Марфы Петровны Собакиной (урождённой Голицыной), 1782

Экранный образ Марфы Васильевны представлен также в комедии Леонида Гайдая «Иван Васильевич меняет профессию», а реальный скульптурный портрет третьей жены Ивана Грозного появился в 2003 году благодаря работе Сергея Никитина, крупного специалиста в области судебной медицины и скульптурной реконструкции внешнего облика человека по его костным останкам (саркофаг Марфы Собакиной в Вознесенском соборе Кремля был вскрыт для исследования учёными в 1929 году, а останки царицы описаны, исследованы и изучены – А.П.).

Род Собакиных, к которому принадлежала и Марфа Васильевна, был внесён в Дворянскую родословную книгу Московской губернии. Однако Собакиным принадлежали вотчины и в других губерниях Российской империи.

«Погорел» на чуме

К примеру, согласно «Ревизским сказкам помещичьих крестьян и дворовых людей Орловского уезда за 1782 год» (ГАОО, ф.760, оп.1, ед.хр.700), в селе Архангельском и деревне Рыбница этого уезда, на момент третьей ревизии 1763 года, имелись вотчины «Государственной Иностранных дел Канцелярии советника Михайлы Григорьева Собакина (Сабакина)», в которых насчитывалось, общей сложностью, 418 крепостных душ обоего пола.

О М.Г. Собакине, московском и орловском помещике, стоит обязательно сказать несколько слов, поскольку он оставил заметный след в российской истории как чиновник довольно высокого ранга и придворный поэт.

Михаил Собакин

Александр Петрович Собакин
(портрет Карла Брюллова, 1825)

Родился Михаил Собакин в 1720 году, обучался вначале на дому, а потом – в Сухопутном шляхетском корпусе (так называемой «Рыцарской академии»), где начал понемногу заниматься литературной деятельностью: участвовал в написании коллективных хвалебных од на дни рождения императрицы. После завершения учёбы три года Михаил Григорьевич отдал военной службе, выполняя ответственные поручения генерала Бисмарка и графа Ласси. С 1741 года началась гражданская служба Собакина, на которой, благодаря своему уму и знанию

иностранных языков, он сделал хорошую карьеру, завершив её тайным советником и сенатором. Продолжал писать оды, некоторые из них увидели свет. Вот, к примеру, две строчки из хвалебного стиха Собакина в честь императрицы Елизаветы Петровны:

«Ныне русская земля в полном стала цвете
Для того, что дух Петров жив в Елисавете!"

Его карьера (да и жизнь вскоре) прервались в самом начале 1770-х годов, когда в Москве вспыхнула эпидемия чумы. Михаил Григорьевич был назначен помощником П.Д. Еропкина, руководителя борьбы с эпидемией, но не снискал лавров на этом поприще. Наоборот, императрица Екатерина II именно Собакина обвинила в том, что он не предпринял никаких мер для ликвидации чумы, а спрятался от неё, закрывшись в собственном доме, в результате чего в Москве вспыхнул бунт, и разъярёнными москвичами был убит архиепископ Амвросий.

Царица 1 января 1772 года отстранила Михаила Григорьевича от службы и предала опале. Собакин захандрил, пошатнулось его и так некрепкое здоровье, и 6 февраля 1773 года он скоропостижно скончался. Всю жизнь Михаил Григорьевич оставался холостым (хотя одна из исследовательниц утверждает наличие у него в первой половине жизни супруги – Татьяны Васильевны Гагариной – А.П.) и наследников не имел.

Увековеченный Карлом Брюлловым

Поэтому его орловские вотчины – село Архангельское (Собакино тож) и деревня Рыбница достались родному племяннику – на тот момент, подпоручику лейб-гвардии Измайловского полка Петру Александровичу Собакину.

В 1774 году он пытался продать полученное наследство, разместив объявление в прибавлении к «Санкт-Петербургским новостям»: *«…продаётся недвижимое имение в Орловском уезде, в Тачуковском стану, село Архангельское и деревня Рыбница, в них мужеска полу 164 души, … желающим купить о цене спросить в Санкт-Петербурге в доме Госпожи адмиральши Прасковьи Яковлевны Митяевой,…, а в Москве – в доме его, Собакина, стоящем в Белом городе подле Пушечного двора у служителя Дмитрия Евреинова…».* Из этого любопытного объявления нам стал известен московский адрес Петра Собакина, который впоследствии дослужился до чина премьер-майора, а продажа орловских его вотчин так и не состоялась: сначала не нашлось покупателей, а потом владелец передумал расставаться с наследством, посетив однажды свои владения. Ему на берегах Рыбницы очень понравилось. И, в отличие от своего высокопоставленного дяди, который ни разу не посетил орловские

деревни, майор бывал и живал здесь теперь регулярно, благо имелся тут господский дом с садом.

Женат Пётр Александрович Собакин был на княжне Марфе Петровне Голицыной, которая, выйдя замуж, стала тёзкой третьей жены Ивана Грозного. Эта Марфа Собакина, кстати, тоже рано, в 30 лет, скончалась.

В браке у Петра Александровича и Марфы Петровны родилось двое детей: сын Александр и дочь Елизавета. Камергер Александр Петрович Собакин был женат на иностранке, представительнице древнего французского аристократического рода, виконтессе Елизавете де Полиньяк. Известен портрет Александра Собакина работы выдающегося русского художника Карла Брюллова (1825 года), а его жену нарисовал французский художник и график Анри-Пьер Данлу.

Собакина – де Полиньяк, жена А.П. Собакина

Брак супругов был счастливым, но бездетным, и после смерти Александра Петровича Собакина в 1837 году его имения в Архангельском и Рыбнице перешли к Елизавете Петровне Собакиной – его родной и незамужней сестре. Когда и она скончалась к середине 40-х годов, эта ветвь старинного дворянского рода Собакиных пресеклась. А их владения в Орловском уезде перешли к родственникам – князьям Сибирским. Впрочем, о них – отдельная история.

Но в заключение нужно несколько слов сказать о судьбе бывших владений Собакиных в наших краях. Что касается села Архангельского (Собакино тож), то при Советской власти оно превратилось вначале в деревню Собакино, которую в 1961 году переименовали в деревню Володарскую (в честь революционера). Находится она в настоящее время в составе Медведевского сельского поселения Глазуновского района.

Согласно переписи 2010 года, в ней на тот момент проживало 10 человек. Старинная церковь Михаила Архангела, которую не раз посещали помещики Собакины, и в которой крестили будущего известного русского писателя Николая Лескова (он родился в деревне Горохово, входившей в приход этого села), давно разрушена. Не осталось ни следа и от усадебного дома Собакиных.

Чуть лучше обстоит дело с деревней Рыбница, которая к 1963 году превратилась в Красную Рыбницу. В ней в настоящее время проживает более 300 человек, и это самый большой населённый пункт Кошелевского сельского поселения Свердловского района из 15, входящих в его состав…

Князья Сибирские: из Сибири в Персию – через Орловщину

Когда 6 апреля 1879 года в своём имении при сельце Рыбница Орловского уезда (ныне – д.Красная Рыбница Кошелевского сельского поселения Свердловского района, в 12 километрах от райцентра Змиёвка – А.П.) скоропостижно, после сильнейшего воспаления лёгких, скончался на 55 году жизни отставной надворный советник, князь А.А. Сибирский, то губернское и местное уездное дворянство не заметило этого печального события.

Потомок хана Кучума

В «Табели о рангах» Александр Александрович имел чин 7 класса (в переводе на армейские звания – всего лишь подполковник – А.П.), а что князь-то не из самых родовитых, так, возможно, подумали и губернские чиновники, не соизволившие присутствовать на погребении усопшего, которое прошло 10 апреля 1879 года на кладбище приходского села Приятное (Орловского уезда, ныне – в составе Кошелевского сельского поселения Свердловского района, в 15 километрах к юго-западу от Змиёвки – А.П.).

На отпевании в Николаевской церкви, которое провёл священник Георгий Гончаров, присутствовали самые близкие родственники, включая жену и 13-летнего сына, полного тёзку отца. Батюшка Георгий сказал о покойном приличествующие такому случаю слова, добавив несколько и очень душевно от себя, поскольку хорошо знал князя. А в последний путь на местное кладбище проводили Александра Александровича Сибирского и несколько его бывших крепостных, отпущенных в своё время князем на волю. Они знали своего помещика просто как «доброго барина», не

подозревая, что это крупный, даже в масштабах России, специалист в области нумизматики. Крестьяне и понятия не имели о том, что собирать монеты можно для изучения, а не только расплачиваться ими при покупке товаров.

Впрочем, о нумизматических увлечениях Александра Сибирского и о том, что он написал книгу о монетах и медалях древнего Боспорского царства, не знали и соседи-помещики. Они, несомненно, отличались от крестьян по уровню образования, но к нумизматике как занятию относились примерно так же.

Да и к родословию князя губернское и уездное дворянство выражало если не презрение, то лёгкое пренебрежение: он ведь потомок Сибирского хана Кучума, которого Ермак разгромил и в плен взял. И за какие такие заслуги перед российским престолом царь Борис Годунов этому царьку сибирскому и его сыновьям торжественный приём устроил, что 60 детей знатных бояр, в собольих шубах, с пищалями в руках, по два всадника в ряду, сопровождали их, а для дочерей и жён Кучума тогда же, в январе 1699 года, было изготовлено 12 роскошных карет?

Сыновья Кучума и его внуки первое время, поселившись в Москве, даже царевичами звались, но позже Пётр I, за участие одного из потомков в заговоре царевича Алексея, статус им понизил до княжеского титула. Крестившись, Сибирские верой и правдой служили престолу российскому. Кстати, у первого из Кучумовичей, принявшего веру православную, крёстным отцом стал сам царь Алексей Михайлович, давший своё имя крещёному царевичу Ишем-Султану (тот отныне стал Алексеем).

Под Австерлицем трижды ранен…

А теперь несколько слов о том, как проявили себя потомки «сибирского царька Кучума» на русской службе.

Князь Василий Фёдорович Сибирский участвовал в русско-турецких войнах конца XVIII века, отличился в Чесменском сражении, к концу карьеры став генералом от инфантерии и действительным тайным советником.

Его сын, Александр Васильевич Сибирский (1779–1836 гг.), проявил себя в сражениях с французами. В кампанию 1805 года, будучи командиром Апшеронского мушкетёрского полка в звании полковника, сражался с ними под Кремсом. При Аустерлице был трижды ранен пулями в левую ногу, попал в плен и до 1807 года находился в г. Люневиле в Германии. После возвращения в Россию воевал со шведами в 1808–1809 годах. Отличился при Оровайсе, за взятие Торнео 14 апреля 1809 году был произведён в генерал-майоры.

В Отечественной войне 1812 года Сибирский участвовал в боях под Свенцянами, Якубово, Клястицами. За сражение 6 августа под Полоцком был награждён 4 сентября 1812 года орденом св. Георгия 3 степени. В заграничном походе 1813 года находился в сражениях при Люцене, Бауцене, Рейхенбахе. В последнем получил рану в локоть правой руки от неразорвавшейся гранаты с раздроблением кости и был отправлен на лечение в Варшаву. После войны продолжил службу, 12 декабря 1824 года был произведён в генерал-лейтенанты. Похоронили героического генерала в Киеве при церкви в урочище Аскольдова могила.

Пострадавший от Боспорского царства

Я чуть подробнее остановился на его биографии, потому что это отец Александра Александровича Сибирского, с имени которого я начал свой очерк. Казалось, что внуку и сыну генералов сама судьба прочертила дальнейшую дорогу. Так и было в самом начале. Александр воспитание получил в Первом кадетском корпусе, окончив курс с наименованием «отличнейшим». В августе 1842 года началась его служба в лейб-гвардии Семёновском полку – прапорщиком, подпоручиком, поручиком. В декабре 1848 года князь Александр Сибирский был уволен в отставку по болезни с чином штабс-капитана, до генеральских званий деда и отца не «дотянув» достаточно много.

Александр Васильевич Сибирский, князь

Александр Александрович Сибирский, князь

Вполне возможно, что главными причинами прекращения военной карьеры послужили здесь два обстоятельства: его увлечение собирательством монет Боспорского царства и – получение наследства от скончавшейся близкой родственницы Елизаветы Петровны Собакиной, чей род пресекся. Князь Александр Сибирский получил как раз в это время имения в Орловском уезде – село Архангельское (Собакино тож) и деревню Рыбницу. Собирательство древних и потому достаточно дорогих монет требовало приличных средств, а полученное наследство (при умелом хозяйствовании) предоставляло такую возможность.

Но в деревенское наследственное имение при деревне Рыбница князь Сибирский переселился не сразу. Вначале он поступил на службу в Министерство Внутренних дел и в 1852 году сопровождал министра Льва Перовского при его поездке в Керчь. Там, как активный член Археологического общества, Александр Александрович принимал участие в раскопках, с увлечением изучая памятники древности Боспора, особенно, - свои любимые монеты.

Собранный в течение всей жизни и тщательно обработанный материал князь Сибирский решил издать одновременно на русском и французском языках и приступил к подготовке задуманного. Но вспыхнувшая Крымская война заставила отставного штабс-капитана отложить перо и снова взяться за оружие. В 1855 году Сибирский был зачислен в стрелковый полк и отправился на фронт, пробыв на нём до конца боевых действий.

В 1857 году Александр Александрович вторично (снова – «по болезни») ушёл в отставку и поселился в усадебном доме при деревне Рыбница, где стал вести жизнь помещика и учёного одновременно.

Работа над задуманной книгой шла тяжело, но в 1859 году появился французский текст задуманной книги, а в следующем году был опубликован и русский вариант: **«Каталог монет Боспора Киммерийского и исследования об истории и древностях Боспорского государства».**

К несчастью для князя Сибирского, сосредоточившись на любимом деле, он сильно подзапустил хозяйственные дела, в результате чего доходность имений резко упала, и Александр Александрович не смог сразу рассчитаться за приобретённую для печатания книг бумагу. Не спасла положение и Демидовская премия, которой Российская Академия Наук отметила Сибирского за этот научный труд. Полученных денег всё равно не хватило, и типография не отдала князю уже отпечатанные книги. Их вскоре постигла печальная участь: они почти все погибли в подвале во время наводнения. Сохранилось всего три экземпляра.

Для автора это стало настоящей трагедией. Но он не опустил руки и стал готовить к изданию второй том задуманной книги. Для этого князю пришлось заложить часть своих золотых боспорских монет. Но в самом разгаре работы, так и не закончив задуманное и не возвратив монеты, князь Сибирский скоропостижно скончался. Его ценнейшие экспонаты были выкуплены с аукциона, и, в конце концов, пополнили коллекцию Великого Князя Александра Михайловича.

Александр Васильевич Сибирский, князь

Александр Александрович Сибирский – младший, князь

Русский полковник – персидский генерал

Что касается его сына и полного тёзки, то биография князя Александра Александровича Сибирского (младшего) оказалась ещё более причудливой. Он родился в имении отца, в селе Архангельское (Собакино), в 1866 году. После получения домашнего образования закончил Елисаветградское кавалерийское училище и был направлен в Русскую военную миссию в Персии в качестве офицера-инструктора.

На одном из военных смотров правитель Персии Насер-эд-Дин-шах познакомился с молодым офицером, а затем взял его под свое покровительство. В 20 лет, за отличное командование своим подразделением, Александр Александрович Сибирский получил звание сертипа (генерала) Персидской армии и участвовал затем во многих важнейших событиях Песидского государства, способствуя, к примеру,

возведению на престол Мозафереддин-шаха, лояльного России, и разгромив отряды мятежного Саттар-хана.

Полковник Российской императорский армии, князь Сибирский очень много сделал для переустройства персидской армии. С 1905 по 1915 год он был преподавателем в Персидском высшем военном училище Музафериэ, где, кроме военных дисциплин, обучал курсантов и русскому языку.

За заслуги перед Персией он был награждён шахом орденом Льва и Солнца 4-й степени и получил в подарок имение в провинции Фарс, недалеко от Шираза. Там, вместе с женой-персиянкой Марьям Ханум Каджар (в православии – Марией Петровной) и провёл свои последние годы уроженец Орловщины. Умер князь Александр Сибирский (младший) в 1943 году, похоронили его в Ширазе. В 2021 году ему исполнилось бы 155 лет.

Малоархангельские и ливенские помещики Трубицыны

До чего бывает увлекательным чтение судейских протоколов, особенно, если им исполнилось уже 200 лет. Узнаешь часто намного больше, чем из официальной информации. То о генерале прочтёшь, который самозванца пытается обличить, то о наследстве, за которое бьются до последнего рубля. Вот об одном из таких дел и пойдёт речь сейчас речь.

Борьба за наследство

На двух заседаниях в феврале 1819 года Малоархангельский уездный суд разбирал заявление ливенского помещика Алексея, Никитина сына, Большого, Трубицына по поводу наследства его брата, малоархангельского помещика Алексея, Никитина сына, Меньшего, Трубицына, умершего в 1818 году.

Из этого заявления мне и стали известны подробности и суть рассматривавшегося дела.

Итак, в селе Александровском Малоархангельского уезда, располагавшемся на реке Труды, один за другим в начале XIX века умерли супруги Никита и Ирина Трубицыны. Детей у них, судя по имеющимся данным, было не меньше пяти, большинство – сыновья. Иван Никитович получил в наследство сельцо Неручь в том же Малоархангельском уезде (8 крестьянских дворов, 64 крепостных души). Алексей Никитович (старший) стал владельцем имения в Ливенском уезде.

Алексей же Никитович Трубицын (младший) стал хозяйничать в родовом поместье в селе Александровском. Здесь находился господский дом, с усадебными местами и различными угодьями, земельные участки в окрестностях села Ворова (в трёх полях), общей площадью 600 десятин, и водяная мельница на реке Труды. Дворовых людей (по седьмой ревизии 1816 года) в 6 дворах имелось 27 человек, а крепостных крестьян, проживавших в 16 дворах, досталось ему 126 душ. Очень приличное по размерам имение.

После ухода с военной службы в отставку Алексей Никитович Трубицын (младший) поселился в доставшемся ему поместье на постоянной основе. Ни на военной службе, ни занявшись чисто хозяйственными помещичьими делами, он так и не женился, оставшись холостым.

Ипполит Трубицин

Аксинья (Ксения Ивановна) Пожидаева

«1818 года, июня, со 2 на 3 число, в ночи», Алексей Никитович Трубицын (Меньший) скончался после тяжёлой болезни, не оставив прямых наследников. Старший Алексей рассчитывал, что и ему что-то из наследства младшего достанется. Но через некоторое время с удивлением узнал, что незадолго до смерти его младший братец успел продать всё своё недвижимое имение.

Владельцем господского дома со всеми усадебными местами и с 600 десятинами земли оказалась Аксинья Пожидаева, воспитанница умершего брата, жившая в его доме с детских лет. По документам, недвижимое имение было куплено ею за 40 000 рублей. А обладателем мукомольной

мельницы о трёх поставах, с толчеёю, принадлежащими к ней береговыми строениями и 10 десятинами земли стал сосед-помещик, князь Николай Кугушев, приобретя всё это за 14 000 рублей.

Получилось, что болевший Алексей Никитин (Меньший) Трубицын добровольно расстался со своим имуществом. Старший брат не мог с этим смириться и потому обратился с заявлением в Малоархангельский уездный суд. Он написал, что *«во дни тяжёлой болезни»* Алексей Никитин Трубицын (младший) был лишён памяти и рассудка, и потому уже на этом основании сделка по продаже должна быть признана незаконной.

Кроме того, писал заявитель, *«девица Аксинья Пожидаева, которая жила в поместье брата на воспитании с детства, – неизвестно какого рождения», не дворянка, и потому не может претендовать на наследство*.

Свои аргументы на необходимость отмены сделки Алексей Никитин Трубицын (старший) изложил подробно и витиевато на двух страницах большого формата.

Однако судья Малоархангельского уездного суда Юдин, рассматривавший заявление ливенского помещика, не нашёл законных оснований для удовлетворения поданного заявления. Аксинья Пожидаева и Николай Кугушев остались владельцами недвижимого имения по имевшимся у них купчим крепостям.

(По многим косвенным данным, получается, что эта самая «девица Аксинья Пожидаева, которая жила в поместье брата на воспитании с детства» - скорее всего, внебрачная и – по законам Российской империи – не имевшая право на наследство дочь Алексея Никитина Трубицына-младшего, который нашёл очень простой способ, всё-таки, передать своё владение родной, хотя и незаконнорожденной дочери: он просто продал его ей или сделал видимость продажи, оформив документы. Возможно, и судья об этом знал или догадывался, но признавать сделку незаконной не стал. И потому Аксинья, она же – Ксения – Пожидаева стала владелицей имения в селе Александровское – А.П.)

В годы жизни помещиков Трубицыных (сначала – Ирины и Никиты, а потом – Алексея Никитина (Меньшего), село, которым они владели, всегда именовалось Александровское. А после смерти последнего из семейства Трубицыных, владевших этим селом, у населённого пункта появляется второе название – Трубицыно. Это второе имя постепенно вытесняло первое, и к середине XX века в качестве наименования села закрепилось именно Трубицыно. Наверное, это исторически справедливо. Правда, в настоящее время вместо буквы «Ы» после «Ц» пишут теперь «И» (видимо, посчитали это более благородным – А.П.).

Аксинья же Пожидаева, став владелицей доставшегося ей богатства, спустя некоторое время вышла замуж, родила дочь Юлию, к которой после смерти родителей перешло имение в селе Александровском-Трубицыно. В качестве приданого Юлии Петровны Пожидаевой оно досталось потом её мужу, Василию Сергеевичу Пигареву. С середины 30-ых годов XIX и до начала XX века местными помещиками-землевладельцами были именно Пигаревы.

Вознесенская церковь в селе Трубицино (фото автора - 23.09.2017)

В селе Трубицино не осталось к настоящему времени жилых домов. Последняя семья, Феофиловых, несколько лет тому назад переселилась в посёлок Покровское. Так что сейчас в умершем старинном селении сохраняется лишь здание полуразрушенной Вознесенской церкви, с колокольни которой открывается замечательный вид на окрестности: на соседнюю деревню Гремячее, на реку Труды и на заросшее деревьями и кустарником местное кладбище, где покоятся с миром в заброшенных могилах помещики Трубицыны и помещики Пигаревы. Первые имя своё оставили в названии села, а вторые – те самые, что род тютчевский сохранили и свой след в российской истории и культуре оставили (о них рассказ впереди – А.П.).

Один из последних домов села Трубицыно

P.S. Эта часть рассказа о Трубицыных появилась достаточно давно и была опубликована в областной газете «Орловский комсомолец», а потом – на сайте «Малоархангельск.Ру». В 2017 году, благодаря работе с новыми документами Государственного архива Орловской области, мне удалось обнаружить любопытные дополнительные сведения, касавшиеся Трубицыных. Они дополнили картину истории этого орловского дворянского рода. Предлагаю тебе, читатель, познакомиться с ними.

Большое семейство и его вотчины

Итак, при изучении сохранившихся **«Ревизских сказок помещичьих крестьян и дворовых людей» за 1782 и 1816 годы по Ливенскому и Малоархангельскому уездам** я выяснил, что основателем рода был **Никита Леонтьевич Трубицын**. У него и его жены, **Ирины Прокофьевны Трубицыной** родилось семеро детей. Я назову их в порядке старшинства, с упоминанием званий (так – в «Ревизских сказках» - А.П.):

1. **Секунд-майор Алексей Никитич Большой Трубицын**;
2. **Невского пехотного полка капитан (к 1816 году – секунд-майор) Алексей Никитич Меньший (Меньшой) Трубицын;**
3. **Капитан Фёдор Никитич Трубицын;**
4. **Поручик (к 1816 году – капитан) Александр Никитич Трубицын;**
5. **Поручик Иван Никитич Трубицын;**
6. **Девица Анна Никитична Трубицына;**

7. **Девица Марья Никитична Трубицына** (по сведениям на 1782 год – А.П.).

У секунд-майора Алексея Никитича Большого Трубицына имелась жена, секунд-майорша Фекла Ивановна Трубицына, и дети: сын (на 1816 год – губернский секретарь – А.П.) Ипполит Алексеевич Трубицын и дочь – девица Ольга Алексеевна (на 1816 год).

У капитана (к 1816 году он умер) Александра Никитича Трубицына была жена, капитанша К-я (имя не разобрал, но необычное) Ивановна Трубицына и дети (на 1816 год): сын, прапорщик Дмитрий Александрович Трубицын, и дочь, девица Марья Александровна Трубицына.

У поручика Ивана Никитича Трубицына и его жены Прасковьи Петровны имелось двое детей: коллежский регистратор Пётр Иванович Трубицын и поручик Михаил Иванович Трубицын (его жена – поручица Авдотья Николаевна Трубицына).

У Алексея Никитича Меньшего, Фёдора Никитича и сестёр Анны Никитичны и Марии Никитичны Трубицыных дети в «Сказках» не названы.

В «сказке» упоминалась даже бабушка Фёдора Никитича Трубицына – Матрёна Матвеевна Мо? (фамилию прочесть не удалось – А.П.).

В «Ревизских сказках» названо было ещё несколько имён Трубицыных, с большой долей вероятности они – родственники данного семейства, потому что их вотчины расположены в одних местах.

Основные вотчины Трубицыных располагались в следующих местах:

село Егорьевское Ливенского уезда (там было владение и Никиты Леонтьевича Трубицына, пока не знаю, с каким современным населённым пунктом его связать – А.П.);

деревня Никитенка Ливенского уезда (однозначно названа по имени Никиты Леонтьевича Трубицына, в настоящее время так и называется, находится недалеко от Парного Колодезя, в том же Навесненском сельском поселении Ливенского района, второе название – Белая Гора, на 2017 год число жителей – 3 человека – А.П.);

у Никиты Леонтьевича имелась какое-то время вотчина в **д.Савинки (Савина) Унженского уезда** (это Костромская, но, возможно, и Архангелогородская губерния – А.П.), откуда крестьян он перевёл в деревню Никитенку Ливенского уезда;

сельцо Парное Ливенского уезда (в настоящее время – Парный Колодезь Навесненского сельского поселения Ливенского района, число жителей – 5 человек – А.П.);

сельцо Неручь прихода села Архангельского Малоархангельского уезда (в настоящее время это – деревня Трубицино Глазуновского района Орловской области – А.П.)

село Александровское Малоархангельского уезда (село Трубицино Покровского района – А.П.).

В 1780 году в семействе Трубицыных произошёл **«домовний раздел»** (после смерти Никиты Леонтьевича – А.П.): вотчины поделили между всеми братьями и сёстрами, каждому из которых достался какой-то кусочек с землями и крестьянами (вотчины названы в «Сказках» - А.П.). А с течением времени мужчин в роду Трубицыных становилось всё меньше, это и привело к тому результату, о котором я поведал в самом начале очерка.

Пигарёвы: из Черниговской губернии – на Орловщину

У великого русского поэта Фёдора Ивановича Тютчева, от двух официальных и одного гражданского брака, родилось девять детей. Но так сложилась их судьба, что спустя уже два поколения тютчевский род пресекся по мужской линии, а единственной его продолжательницей стала внучка поэта – Екатерина Ивановна, дочь члена Государственного Совета, гофмейстера, Ивана Фёдоровича Тютчева.

Василий Сергеевич Пигарёв – основатель рода

Екатерина Ивановна вышла замуж за небогатого орловского помещика Василия Евгеньевича Пигарёва, в браке с которым родила трёх детей – Ольгу, Кирилла и Николая. О них, Пигарёвых, и будет далее мой рассказ.

В первый раз незнакомую тогда мне фамилию я увидел в книге директора Брянского краеведческого музея, Заслуженного работника культуры РФ, Владимира Петровича Алексеева - «Тютчевский Овстуг».

На странице 149 этого чрезвычайно интересного сочинения я прочёл: *«Екатерина вышла замуж за Василия Евгеньевича Пигарёва, сына небогатого помещика из с.Александровки Малоархангельского уезда Орловской губернии. Все дети Фёдора Ивановича и его внуки были записаны в «Родословной книге дворянства Орловской губернии» (РГИА, ф.1343, оп.27, д.2734).*

Может быть, и не обратил бы я на это особого внимания, если бы не знал о существовании на территории современного Покровского района населённого пункта **Пигарёвка**. Официально его, правда, нет на топографических картах уже несколько десятков лет (он стал составной частью села **Трубицино** ещё в 1963 году – А.П.), но местные жители о нём помнят. Интересуясь историей населённых пунктов края, знал я с некоторых пор и второе название села Трубицино – **Александровское.** Так что здесь многое совпало (В.П.Алексеев, правда, упоминал село Александровку, но такой вариант в написании случается – и фактически, и по незнанию автора – А.П.). Об этом населённом пункте и **его первых владельцах – помещиках Трубицыных я рассказал в предыдущем очерке**.

Василий Сергеевич Пигарёв (портрет из музея-усадьбы Мураново)

Дворян же Пигарёвых я стал искать в Государственном архиве Орловской области вскоре после того, как узнал об их существовании и родственных связях с известным поэтом. Знакомая фамилия, причём, во многих документах, нашлась довольно скоро.

В фонде 68 (д.43, л.л.399-400), в протоколах Дворянского депутатского собрания от 5 декабря 1835 года обнаружил я запись о рассмотрении прошения о внесении в Дворянскую родословную книгу Орловской губернии уволенного от службы **штабс-капитана Василия Сергеевича Пигарёва** (хочу сразу заметить, что фамилия эта в разных документах писалась как через «а», так и через «о»,- во втором слоге, кроме этого, иногда в третьем слоге вместо буквы «е» использовалась «ё», и совсем недавно я выяснил, что потомки, проживающие в Москве, произносят её как **«Пигарёв»,** на этом варианте я и остановлюсь - А.П.). О просителе было сказано, что он – из дворян Черниговской губернии, где за отцом его, в Глуховском уезде, - значится родовое имение с восемью крестьянскими душами и 45 десятинами земли.

В службу Василий Пигарёв вступил рядовым 22 апреля 1822 года в Конно-Егерский Его Величества Короля Виртембергского полк, в котором

дошёл до прапорщиков. Потом был переведён в Финляндский драгунский полк, из которого 22 декабря 1829 года, по домашним обстоятельствам, уволился в звании штабс-капитана.

Из этой же записи мне стало ясно, что на момент рассмотрения дела ему исполнилось 32 года (значит, 1803 года рождения), что он был женат (венчание произошло 17 февраля 1829 года – А.П.), и у него имелось двое детей – сын Владимир и дочь Варвара. В том же Глуховском уезде Черниговской губернии за Василием Сергеевичем Пигарёвым значилось недвижимое имение с шестью душами, а за женою его, в Малоархангельском и Ливенском уездах Орловской губернии, - 40 душ мужского пола.

По итогам рассмотрения прошения В.С. Пигарёв был внесён во 2-ю часть Дворянской родословной книги Орловской губернии. Судя по всему, он к этому времени уже несколько лет проживал в имении жены, находившемся в селе Александровское (Трубицино) Малоархангельского уезда.

Исправник и мировой посредник, коннозаводчик и художник

В фонде 220 ГАОО сохранилось несколько метрических книг Вознесенской церкви этого села – за 1850, 1852, 1858, 1863,1883, 1906-1910 годы. В них до 1863 года включительно называется имя Василия Сергеевича Пигарёва как проживающего в данном населённом пункте. Кроме него, в метрических записях несколько раз упоминаются его жена Юлия (Иулия) Петровна и некоторые из детей.

Совсем недавно, благодаря моему общению с Мариной Леонидовной Пигарёвой, представительнице этого дворянского рода и автору книги **«Пигарёвы»,** удалось уточнить дату смерти Василия Сергеевича.

Марина Леонидовна нашла в фондах РГИА документ, отрывок из которого я процитирую: ***«…Усматривая из представленных документов, что доказывается из свидетельства Священно-церковных служителей Малоархангельского уезда и Александровской-Трубицыно Вознесенской церкви и свидетельства Орловской Духовной Консистории событие смерти Штабс-Капитана Василия Сергеевича Пигарева, последовавшего 23 Января 1877 года…».***

Правда, до сих пор остаётся не ясным, почему и по какой причине (при живом отце – А.П.) 29 апреля 1865 года его сын, коллежский советник **Митрофан Васильевич Пигарёв**, обратился в Дворянское Депутатское собрание с прошением о сопричастности его малолетнего брата Евгения, родившегося 3 марта 1853 года, ко дворянству (ГАОО, ф. 68, д. 41, л. 14). Прошение было удовлетворено.

Помещица, штабс-капитанша, **Юлия Петровна Пигарёва** умерла в селе Александровском 19 февраля 1883 года и, согласно записи в метрической книге (ГАОО, ф. 220, д. 630), похоронена была *«на общем мирском кладбище»,* несомненно, рядом с уже почившим ранее мужем. Отпевал Юлию Петровну настоятель Вознесенской церкви отец Афанасий (А.Ф.Тарасов).

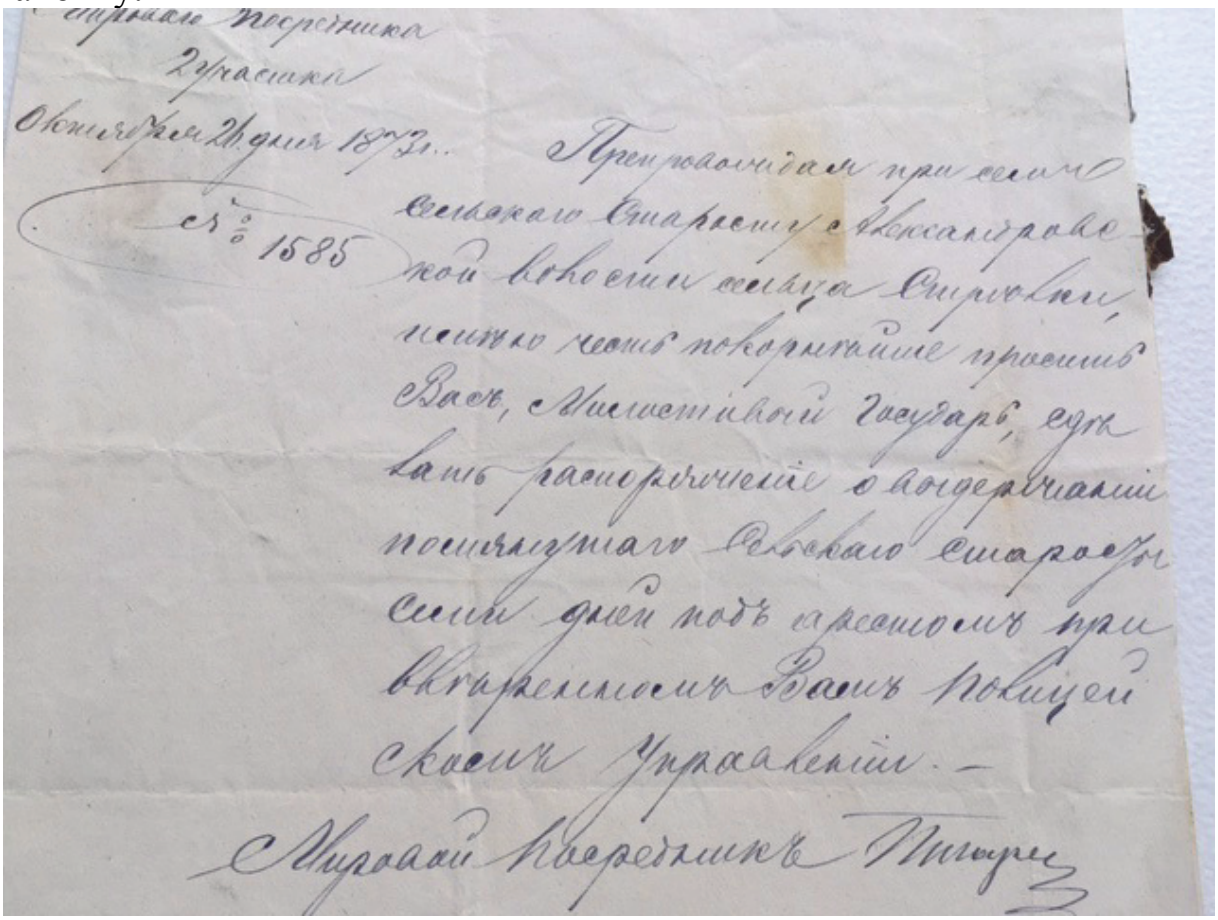
Несмотря на то, что Василий Сергеевич Пигарёв был «пришлым человеком» по отношению к малоархангельским дворянам, он сам и его жена Юлия Петровна пользовались у них большим авторитетом. В 40-ые годы XIX века штабс-капитан Пигарёв исполнял обязанности малоархангельского исправника, то есть возглавлял нижний земский суд, а должность эта была выборной – на три года. В конце 60-ых - начале 70-ых годов Василию Сергеевичу дворяне доверили быть мировым посредником, - почётнейшая и ответственная обязанность, когда

требовалось регулировать все возникавшие разногласия и споры (особенно – земельные) между помещиками и крестьянами.

Пигарёвы дружили с первыми лицами Малоархангельского уезда. К примеру, при рождении у супругов дочери Натальи в 1849 году восприемником её (крестным отцом) стал уездный судья Пётр Барсуков.

Василий Сергеевич, со времён своей военной службы в Конно-Егерском и Финляндском Драгунском полках, на всю жизнь сохранил любовь к лошадям и в новом для него малоархангельском имении завёл конный завод невиданных для Орловской губернии пород – карабахской, ширванской и персидской. Никто более из всех 103 владельцев-коннозаводчиков Орловщины не разводил таких коней. По сведениям сборника «Военно-статистическое обозрение Российской империи», изданного в Санкт-Петербурге в 1853 году (Т.6, ч.5 – по Орловской губернии), у помещика Пигарёва имелось 18 лошадей, из них – два чистопородных жеребца и 13 кобылиц-маток.

Несомненно, кроме общественных и хозяйственных талантов, обладал Василий Сергеевич и творческими способностями. Он очень прилично рисовал, и в музее-усадьбе «Мураново» хранятся некоторые из его рисунков. На одном из них он изобразил собственную тёщу, Ксению Ивановну.

Автограф В.С. Пигарёва

Митрофан и его коты

И, наконец, супруги Пигарёвы были замечательными родителями. В совместном долгом и счастливом браке родилось у них девять детей: дочери Варвара (12 ноября 1835 года), Мария (10 марта 1847 года), Наталия, Юлия (10 января 1851 года, в замужестве - Саввина) и сыновья Владимир, Сергей, Николай (1 марта 1846), Митрофан (13 ноября 1840 года) и Евгений (3 марта 1853 года). Сведения сохранились, к сожалению, не обо всех. Варвара, старшая из дочерей, вышла замуж за преподавателя Орловского Бахтина кадетского корпуса, штабс-капитана Ивана Филатова, и проживала вместе с ним то в Орле, то в родительском имении. У молодых супругов родилось несколько детей. Варвара Васильевна Филатова скончалась в возрасте 47 лет, похоронили её в Трубицино.

О жизни Митрофана Васильевича Пигарёва удалось узнать благодаря «Воспоминаниям» его внучатого племянника, Николая Васильевича, опубликованным в журнале «Москва» в ноябре 1993 года **(«Мураново: дом и музей»)**. Митрофан Васильевич управлял имением в Александровском Трубицино после смерти родителей, с 1883 года примерно до 1910-ых годов. Его жена, Мария Михайловна Могилевцева, рано умерла, детей им завести не удалось, и он жил в родительском доме один и довольно странной жизнью. Цитирую воспоминания Н.В. Пигарёва: *«…Митрофан Васильевич славился своей скупостью, он был настоящий тип Плюшкина…Митрофан Васильевич прочёл в каком-то журнале, что англичане платят баснословные деньги за трёхшерстного кота. Теперь-то мы знаем, что трёхшерстными бывают только кошки, но тогда ни англичанам, ни, тем более, Митрофану Васильевичу, об этом известно не было. Он заселил свой дом кошками, которых кормили очень плохо, и они были довольно одичавшие. Сам Митрофан Васильевич ходил по дому с бичом, разгоняя стаи кошек, среди которых, увы, трёхшерстный кот так и не появился!*

Из рассказов о Митрофане Васильевиче известны и такие эпизоды. Когда ему доводилось продавать зерно или какую-нибудь иную сельскохозяйственную продукцию, то, чтобы положить деньги в банк, в город отправлялись сам Митрофан Васильевич и управляющий имением. При этом они ехали одновременно, но разными дорогами, и неизвестно было, кто везёт деньги. Такой маневр должен был затруднить воров, если бы они хотели завладеть деньгами… Но деньги-то никто при этом не вёз, они оставались спрятанными в имении».

Воров, кажется, Митрофану Васильевичу обмануть удалось. Но судьбу-то не проведёшь. Она и отправила трубицинского владельца туда, откуда не возвращаются. Точную дату его ухода в мир иной и погребения

на трубицинском кладбище установить не удалось (после 1908-го, но до 1917-го года – А.П.).

Старинное имение на берегу реки Труды перешло по наследству к его родному племяннику, единственному сыну его рано скончавшегося младшего брата, Евгения Васильевича Пигарёва.

Василий Сергеевич Пигарёв, черниговский, а потом до конца жизни и орловский помещик, о котором я рассказал выше, был человеком незаурядным и авторитетным в среде малоархангельского дворянства. Но известность его носила, всё-таки, местечковый характер. А вот потомки Василия Сергеевича по линии младшего из сыновей, Евгения, прославились уже на всю Россию.

Секретарь Великой Княгини Елизаветы Фёдоровны и внучка великого поэта

Сам Евгений Васильевич Пигарёв жизнь прожил короткую, - всего 41 год. У него и его любимой жены, в девичестве - Марии Александровны Поволоцкой-Бережецкой-Ушколенко (очень необычная фамилия, происхождение которой пока выяснить мне не удалось – А.П.), родился 10 июля 1878 года единственный сын, Василий, названный так в честь деда, владельца имения в селе Александровское (Трубицино) Малоархангельского уезда.

Именно он, Василий Евгеньевич Пигарёв, женившись 1 июня 1910 года на Екатерине Ивановне Тютчевой, и способствовал сохранению тютчевского рода (пусть и по женской линии – А.П.).

У Василия Евгеньевича – очень интересная биография. Как и большинство дворянских детей, он вначале обучался дома, а потом поступил в Демидовский юридический лицей, находившийся в Ярославле. Во время обучения там познакомился с Николаем Ивановичем Тютчевым, который ввёл Пигарева в семью великого русского поэта и познакомил со своей младшей сестрой, Екатериной Ивановной, некоторое время состоявшей при Императорском Дворе фрейлиной. Василий Евгеньевич тоже был тесно связан с царской фамилией: с 1905 по 1910 год он работал в Управлении московского генерал-губернатора, а затем до самой революции являлся секретарём Великой княгини Елизаветы Фёдоровны, занимаясь, в основном, её многочисленными благотворительными заведениями. Причём, он не только пользовался полным доверием Елизаветы Фёдоровны, но и сумел установить с ней очень тёплые, доверительные отношения, ещё больше окрепшие после его женитьбы.

Василий Пигарёв полюбил Екатерину Тютчеву всем сердцем и очень долго, целых 10 лет, ухаживал за ней. Но, сильно привязанная к отцу,

Ивану Фёдоровичу, она никак не соглашалась выходить замуж, и лишь через год после его смерти, 1 июня 1910 года состоялась их свадьба.

31 марта 1911 года у молодой четы родился первенец – сын Кирилл, в январе 1913 года – дочь Ольга, а 27 августа 1916 года у Пигарёвых появился на свет третий ребёнок – сын Николай. Узнав о семейном событии, Великая княгиня Елизавета Фёдоровна приехала в имение Мураново, где жили молодые, и крестила новорожденного младенца в домовом храме Спаса Нерукотворного.

Василий Евгеньевич Пигарёв и Екатерина Ивановна Пигарёва (Тютчева) – фото 1910 года

Когда в феврале 1914 года Елизавета Фёдоровна составляла духовное завещание, то одним из тех лиц, кто готовил его и подписывал, был камер-юнкер Двора Его Императорского Величества Василий Пигарёв.

Вообще, семья Пигарёвых была очень близка Великой княгине. Все её члены участвовали в многочисленных благотворительных организациях, созданных Елизаветой Фёдоровной, были всегдашними её помощниками до самой революции 1917 года. Судьба сложилась так, что Василий Евгеньевич скоропостижно скончался в 1919 году, и Екатерине Ивановне пришлось одной воспитывать детей. В своё время она получила прекрасное образование: хорошо знала историю, литературу, три иностранных языка, музицировала, пела. Ей удалось многое из своих талантов передать собственным детям, которые обучались только дома.

«Одни сплошные доктора…»

Кирилл, старший из сыновей, стал вначале научным сотрудником музея-усадьбы «Мураново», той самой, где они с отцом и матерью жили. Вскоре вышли в свет его первые научные работы, посвящённые Фёдору

Ивановичу Тютчеву, прадеду. Потом К.В. Пигарёв обратился к личности Александра Васильевича Суворова, написал книгу «Солдат-полководец», выдержавшую несколько изданий и привлекшую внимание самого Сталина.

Кандидат исторических и доктор филологических наук, видный учёный в области тютчеведения, в течение 30 лет - директор музея-усадьбы «Мураново», многое сделавший для превращения его в один из лучших литературных музеев Советского Союза, - об этих заслугах Кирилла Васильевича хорошо знали его друзья, коллеги-учёные и представители общественности. Он умер в 1984 году, и похоронили Заслуженного работника культуры РСФСР там же, рядом с дедом, Иваном Фёдоровичем, и дядей, Николаем Ивановичем Тютчевыми, с восточной стороны Мурановской церкви.

Младший сын Василия Евгеньевича Пигарёва, Николай Васильевич, выбрал другую жизненную стезю: он стал доктором сельскохозяйственных наук, профессором Тимирязевской сельхозакадемии. Он оставил после себя, кроме многочисленных статей по птицеводству, ещё и воспоминания о Тютчевых и Пигарёвых (они были опубликованы в журнале «Москва» в ноябре 1993 и январе 1995 годов – А.П.). Скончался Николай Васильевич в 2005-м.

Кирилл Васильевич, Ольга Васильевна и Николай Васильевич Пигаревы (слева направо)

Дочь В.Е. Пигарёва, Ольга Васильевна Муратова (в замужестве), преподававшая в школе русский язык и литературу, была отмечена званием Заслуженного учителя Российской Федерации. Вместе с братом Кириллом Васильевичем она участвовала в подготовке к печати двухтомников «Лирики» Фёдора Тютчева (1965 и 1966 годы) и его «Сочинений» (1980 г).

У двух братьев и сестры остались наследники: у Кирилла Васильевича – дочь Анастасия (в замужестве – Бегинина), у Ольги Васильевны – сын Михаил (Муратов), а у Николая Васильевича – два сына от первой жены – Иван и Дмитрий, и дочь Екатерина – от второй жены (это - не считая ещё и приёмных детей).

Как читатель увидел, по мужской линии род Пигарёвых продлился только по линии Николая Васильевича. Его сын, Иван Николаевич – доктор биологических наук, главный научный сотрудник Лаборатории обработки сенсорной информации Института проблем передачи информации РАН. Жена Ивана Николаевича, Марина Леонидовна Пигарёва, – тоже доктор биологических наук, ведущий научный сотрудник Института высшей нервной деятельности АН СССР.

Николай Васильевич Пигарёв (сидит слева) и его семейство

Так получилось, что в ходе своей поисковой деятельности и публикаций о представителях орловских дворянских родов я познакомился заочно с Мариной Леонидовной Пигарёвой, которая, составляя родословное древо своего семейства, нашла в интернете несколько моих статей. У нас завязалась переписка, с обменом информацией по интересующим нас вопросам. Марина Леонидовна прислала мне несколько рисунков, фотографий и документов из семейного архива, которые позволили уточнить послереволюционную судьбу имений Пигарёвых в Ливенском и Малоархангельском уездах.

«Усадьба была сожжена, имущество разграблено…»

Для начала, уважаемый читатель, посмотри на усадебный дом Пигарёвых в их имении Трубицино (Александровское). Это рисунок, сделанный Василием Евгеньевичем за несколько лет до революции (видимо, дар рисования был присущ многим представителям рода – А.П.).

А на этом фото конца XIX века, в одной из комнат усадебного трубицинского дома – сам Василий Евгеньевич (он справа, в форме студента Ярославского Демидовского лицея) с мамой, Марией Александровной (она – слева). Молодая пара посередине – Надежда Николаевна Гжельская и незнакомец.

Справа налево: Василий Евгеньевич Пигарёв, незнакомец, Надежда Николаевна Гжельская (Фридман), Мария Александровна Пигарёва

Снимок со стеклянной фотопластинки из семейного архива, потратив уйму драгоценного времени, сделал Иван Николаевич Пигарёв летом 2017 года.

Примерно до 1910 года имениями в селе Трубицино и сельце Парном Колодезе Ливенского уезда (второе название – просто «Парное» - А.П.) владел Митрофан Васильевич Пигарёв, а после его смерти (не позднее 1916 года) они перешли к жене его младшего брата – Марии Александровне Пигарёвой и её сыну, Василию Евгеньевичу.

В марте (15-го числа – по старому стилю, 28-ого – по новому – А.П.) 1918 года, уже при Советской власти, проживавший в то время в Москве, в доме №9 по Малой Кисловке, бывший секретарь Великой Княгини Елизаветы Фёдоровны, Василий Евгеньевич Пигарёв, обратился с «Заявлением» в Московское Городское по подоходному налогу присутствие (это дореволюционное учреждение ещё сохранялось и действовало – А.П.), в котором объяснил чиновникам новой власти степень своего благосостояния. Цитирую с небольшими сокращениями: *«Недвижимым имением моим в Ливенском уезде пользовалась моя мать, Мария Александровна Пигарёва, ныне проживающая в Москве, при мне. Дохода с этого имения я не получал, предоставляя его матери, но в минувшем году (1917-ом – А.П.) его и не было, так как расходы на рабочие руки повысились до максимума. Доход удалось получить только от продажи оставшегося от 1916 года хлеба и от продажи части скота и лошадей. С осени 1917 года имение, как в Ливенском, так и в Малоархангельском уездах были заняты земельными комитетами, а мать моя вынуждена была покинуть жительство в деревне. 17 января сего года (1918-ого – А.П.) усадьба в Ливенском уезде (в сельце Парный Колодезь – А.П.) была сожжена, и всё имущество разграблено. В Малоархангельском уезде (в селе Трубицино – А.П.) усадьбы у меня не имеется»* (получается, что она была продана или передана до 1917 года в третьи руки – А.П.).

От усадьбы помещиков Трубициных-Пигарёвых в селе Трубицино и от самого села остались только воспоминания, да остатки полуразрушенной церкви Вознесения Господня, расположившейся почти на самом берегу живописнейшей здесь реки Труды.

23 сентября 2017 года впервые на родине предков побывал Иван Николаевич Пигарёв со своей женой Мариной Леонидовной. Двух докторов биологических наук я провёз и провёл по совсем недавно обезлюдевшим, но уже сильно заросших кустарником и деревьями, местам, где несколько десятилетий жили орловские дворяне Пигарёвы.

Полюбовались москвичи на полуразрушенную, но простоявшую уже почти 200 лет Вознесенскую церковь, побродили среди заброшенных

могил прилепившегося вплотную к храму старинного кладбища, повздыхали над дикой красотой, пожалели, что далековата родина предков от Москвы, а то бы…

Иван Николаевич Пигарёв (стоит крайний слева)
и его семейство в 2014 году

Да, ещё одним историческим местом на орловской земле становится меньше. Связывать его с живыми, как ни удивительно, будет именно кладбище, куда ещё приезжают и будут ещё какое-то время приезжать родственники упокоившихся здесь местных жителей, не только крестьян, но и нескольких поколений дворян. О двух здешних родах – Трубицыных и Пигарёвых я поведал тебе, читатель…

А теперь – легенда, связанная с ними…

Конь-огонь по имени «Карабах»

Слова «Карабах» и «война», с конца 80-х годов XX века, в сознании многих граждан Советского Союза, а потом и России слились воедино. С тех пор два кавказских народа вот уже более 30 лет никак не могут решить

проблему, кому же должна принадлежать территория, протянувшаяся от Малого Кавказского хребта до равнин у слияния Куры и Аракса.

А между тем, в Российской империи XIX века слова «Карабах и Карабахский» воспринимались с другим, гораздо более мирным содержанием. Вот об этом та история, которую я хочу рассказать.

Легенда о Карабахе

Услышал я её от ушедшего в мир иной несколько лет тому назад старожила вымирающего покровского села Трубицино. Дед Алексей прошёл войну, а возвратившись, потом всю жизнь проработал в местном колхозе конюхом. Однажды мы беседовали с фронтовиком о «боях-пожарищах, о друзьях-товарищах», а потом, когда расспросы о войне закончились, он вдруг переключился на совсем другое.

«Знаешь, сынок, почему вот эта часть нашего села Пигарёвка называется? Барин у нас тут жил – по фамилии Пигарёв, и мой дед у него конюхом служил. А лошади у барина были, каких ни у кого в округе не было. Это мне отец сказывал, а ему - дед».

Дальнейший рассказ ветерана я перескажу уже своими словами, без его эмоциональных подробностей. Итак, лет сто пятьдесят тому назад поселился в здешнем селе Александровском (так в те годы Трубицино звалось) новый помещик по фамилии Пигарёв. Женился он на местной барыне и в имение к жене переехал. Помещиком Пигарёв оказался небогатым, и единственное имущество, которое он с собой привёз, вернее, въехал на нём в поместье, - был конь невиданного в здешних краях цвета – золотой, как солнце.

Через месяц трубицинские крестьяне знали о барине всё. Что он откуда-то из Малороссии, служил в кавалерии, воевал на Кавказе. А там однажды спас от верной смерти местного хана – союзника русских, и тот в благодарность подарил Пигареву этого золотого коня из своих личных стад. Потом, будучи младшим офицером, барин воевал в горах, и этот конь теперь сам вынес его из такого пекла, из какого он уже и не чаял выбраться. С тех пор Пигарёв души в своём золотом жеребце не чаял, берёг его, лелеял и холил (злые языки в Трубицино говаривали, что коня он любит больше жены, которая ему богатство принесла).

Впрочем, новый барин оказался совсем не злым и не заставлял крестьян на своих полях горбатиться с утра до вечера. Родился вскоре у молодых хозяев сынок, а через год барыня снова беременною была. Но в этот раз трудно беременность переносила, и решил Пигарёв к ней доктора из Малоархангельска привезти.

Зима в тот год суровая и снежная была, и волки в округе лютовали. И когда помещик полпути уже преодолел и к реке Сосне подъезжал,

волчья стая за ним и конём увязалась. Ни ружья, ни пистолета в спешке Пигарев не захватил, и единственную надежду возложил он на верного Карабаха (так звали золотого красавца-жеребца). По ровной дороге, совсем было, волчья стая догонять их стала, но тут пошли спуски и подъёмы на нескольких больших оврагах, и конь показал здесь всю мощь, прыть и резвость. Удалось от волков оторваться, но, к несчастью, в бешеной той гонке надорвался Карабах.

Жену и ребёнка (девочка родилась) привезённый Пигарёвым врач спас, а вот золотой жеребец, проболев до весны, скончался тихо перед самой Пасхой. Уговорив местного священника, помещик похоронил Карабаха недалеко от границы сельского кладбища и долго потом горевал, приходя к нему на могилу.

А с началом лета уехал вдруг Пигарёв из поместья, и не было его почти полгода. Вернулся же не один, а с целым табуном лошадей таких же невиданных мастей, как и скончавшийся Карабах. Два жеребца пылали золотом, а среди десятка кобылиц были огненно-рыжие, лимонно-жёлтые и с серебристым отливом. Конюшни к моменту возвращения помещика уже были готовы, и заселились в них привезённые лошади. Оказалось, что на Кавказе побывал Пигарёв, с родственниками скончавшегося хана договорился и лошадей у них, то ли купил, то ли они ему за его заслуги подарили.

Конь Хан Карабахской породы (картина Николая Сверчкова)

Вот так в Трубицино появился конный завод лошадей с Востока, на котором стал работать конюхом дед нашего рассказчика. Одного из жеребцов Пигарёв снова назвал Карабахом.

Общаясь с приведёнными лошадьми, повеселел помещик, снова стал жизнью интересоваться, детей своих пытался к лошадям приучить. Но, к его огорчению, ни один из сыновей лошадником так и не стал.

Просуществовал завод лет двадцать, и полюбоваться на золотых скакунов приезжали помещики-соседи, некоторые из них пытались купить или выменять лошадок у Пигарева, но тот сразу и решительно отказывал.

Когда умер помещик, то спустя какое-то время к вдове приехали черноволосые и смуглые гости, поговорили с ней о чём-то и уехали спустя сутки, уводя с собой два десятка пигарёвских красавцев.

Так и закончилась история невиданных для здешних мест восточных лошадей, и никогда больше золотокожих скакунов не видали ни в Трубицино, ни во всём Малоархангельском уезде».

А совсем недавно в моих руках оказалось «Военно-статистическое обозрение Российской империи», изданное в 1853 году в Санкт-Петербурге (T.VI, ч.5 – по Орловской губернии), в котором я познакомился со списком конских заводов, имевшихся на тот период и во всей губернии, и в Малоархангельском уезде, в частности. Среди перечисленных заводов значился там и принадлежавший штабс-капитану Пигареву.

Как думаешь, читатель, лошади какой породы разводились только на его заводе, единственном из ста трёх по Орловской губернии? Да-да, карабахской, а также близких к ней ширванской и персидской пород. И всего у помещика Пигарева в 1853 году имелось 18 лошадей (из них два чистопородных жеребца и 13 кобылиц-маток).

Конь Карабахской породы Заман
(почтовая марка Азербайджана - 2006)

А начиналась история этих скакунов там, на Кавказе, в Карабахском ханстве, где правители

смотрели на своих лошадей, *«как на дар Божий, их династии дарованный, которым торговать нельзя, а можно уделять смертным в знак дружбы и признательности».*

Уверен, что вот эти строчки из лермонтовского «Демона» не раз читал себе штабс-капитан Василий Пигарев, гарцуя на любимом жеребце, доставшемся ему в подарок:

«Под ним весь в мыле конь лихой
Бесценной масти, золотой.
Питомец резвый Карабаха»…

Этот Карабах, лично мне, гораздо ближе того, что вошёл в наше сознание за последние годы.

Приложения

Ревизские сказки помещичьих крестьян и дворовых людей Ливенского уезда за 1782-1783 годы (населённые пункты на буквы Н-П)

ГАОО, ф.760, оп.1, ед.хр.295 (на 896 листах)

1782 года июля дня (подана 28 июля) господина капитана Фёдора Никитича Трубицына Орловского наместничества Ливенской округи деревни Никитенки крестьянский староста Василий Григорьев сын Андреев, он же и Фуфаев, по силе состоявшегося 1781 года ноября 16 Манифеста с ведома господина своего дал сию сказку о положении в нижеписанной деревни по последней 1763 году ревизии в подушном окладе людей и крестьян с показанием из того числа разными случаями…

В деревне Никитинке

Дворовые люди:

(2+1=3)

Назар Семёнов сын Андреев, он же и Тиханов, холост, 36 лет (1782). Оной Назар достался по разделу в 780-ом году с братцами господина моего, господами секунд-майором Алексеем Большим, капитаном Алексеем Меньшим, порутчиками Александром, Иваном Никитичами и с сестрицами девицами Анною и Марьею Никитичнами Трубицыными и написан в прежней ревизии за братцем господина моего гвардии солдатом Иваном, секунд-майором Алексеем Большим Никитинымы Трубицыными Орловского наместничества Ливенской округи в селе Архангельском.

Ревизские сказки помещичьих крестьян и дворовых людей Ливенского уезда за 1816 год

(фамилии помещиков на буквы Т-Ш, Ю-Я)

ГАОО, ф.760, оп.1, ед.хр.309

Ревизская сказка

1816 года марта дня Орловской губернии Ливенского уезда деревни Никитенки помещика секунд-майора Алексея Никитина сына Большого Трубицына о состоящих мужеска и женска пола дворовых людях и крестьянах

Дворовые – 1 семья (3 души мужского+4 женского пола=7): Рыбины;

Крестьяне – 8 семей (34+25=59) – все с фамилиями: Губаревы (2 семьи), Гурьевы (3 семьи), Парфеновы, Лосевы, Кушиновы.

Ревизская сказка

1816 года марта дня Орловской губернии Ливенского уезда сельца Парного помещика секунд-майора Алексея Никитина сына Большого Трубицына о состоящих мужеска и женска пола дворовых людях.

3 семьи дворовых: Кленчишкины, Масквиновы, Губаревы (отец Поликарп Иванов сослан) – (3+2=5).

Ревизская сказка

1816 года марта дня Орловской губернии Ливенского уезда деревни Никитенки помещицы секунд-майорши Феклы Ивановой дочери Трубицыной о состоящих мужеска и женска пола дворовых людях и крестьянах.

Дворовые – 1 двор: Капитон Иванов Брилиянтов – 28 лет (на 1812 год) -32 года (в 1816 году);

Капитона сыновья:

Евгений – 3 года (1812 год) -7 лет (на 1816 год);

Наркис – 1 год (1812 год) -5 лет (на 1816 год);

Капитона Иванова жена Праскева – 30 лет (в 1816 году);

Его дочери (все даны по сведениям 1816 года);

Марья – 11 лет;

Ироида – 9 лет;

Грипена – 1 год.

Крестьяне – 4 семьи (20+10=30) – Бирюковы, Лыгины и Андреевы (две семьи).

К сей сказке губернский секретарь Ипполит Алексеев сын Трубицын по приказанию и по неумению грамоте писать вместо матери моей, секунд-майорши Феклы Ивановной Трубицыной руку приложил, и что она верит сию сказку и в приеме ея поручительства получить дворовому ея человеку – Капитону Иванову (Брилиянтову).

Ревизская сказка

1816 года марта дня Орловской губернии Ливенского уезда деревни Никитенки помещика губернского секретаря Ипполита Алексеева сына Трубицына о состоящих мужеска и женска пола дворовых людях и крестьянах.

Дворовые – 4 семьи (12+11=23)

Крестьяне – 10 семей (29+36=65)

Все – с фамилиями: Бирюковы, Должиковы, Тагаевы, Парфеновы (3), Щегловы, Андреевы.

Ревизская сказка

1816 года марта 8 дня Орловской губернии Ливенского уезда сельца Парного помещицы поручицы Прасковьи Петровой дочери Трубицыной о состоящих мужеска и женска пола крестьянах

Крестьяне – 3 семьи (15+11=26)

Ревизская сказка

1816 года марта 8 дня Орловской губернии Ливенского уезда сельца Парного помещика коллежского регистратора Петра Ивановича Трубицына о состоящих мужеска и женска пола крестьянах

Крестьяне – 5 семей (19+20=39)

Ревизская сказка

1816 года марта 8 дня Орловской губернии Ливенского уезда сельца Парного помещика порутчика Ивана Никитина сына Трубицына о состоящих мужеска и женска пола крестьянах

Крестьяне – 7 семей (24+22=46)

Ревизская сказка

1816 года августа дня Орловской губернии Ливенского уезда деревни Никитенки помещика коллежского асессора Фёдора Никитина сына Трубицына о состоящих мужеска и женска пола дворовых людях и крестьянах

Дворовые – 1 семья (2+3=5)

Крестьяне – 13 семей (46+38=84)

Одна семья переведена из Малоархангельского уезда, две проданы в Ливенском уезде, одна семья – бежала, трое из мужчин отданы в рекруты.

«Списки имений Малоархангельского уезда и акты ликвидационной комиссии по регистрации бывших частновладельческих построек, сельскохозяйственных построек с/х назначения

30 августа - 26 ноября 1918 года
ГАОО, ф.314, оп.1, ед.хр.31
(на 156 листах)

Копия акта

Осмотра экономических построек сельскохозяйственного назначения, произведённого ликвидационной комиссией Жёрновского волостного земельного отдела, состоящей из товарища председателя земельного отдела П.С.Фураева, комиссара по народному образованию Е.А.Шушлябиной, представителя от населения М.В.Гревцева, члена Малоархангельского уездного земельного комиссариата И.А.Шелухина.

Четвертое имение Василия Евгеньевича Пигарева осматривали, и постройка вся подлежит ликвидации:

Дом 26Х16, около - хата поварская 8Х9, крыты железом

Людская из двух отделений 11Х7,5 аршин

Кухня 7Х7, крытая соломой

Баня 7,5Х8, крытая соломой

Скотный каменный двор, прилегающий к кухням, задняя стена которого имеет длину 26 сажен в ширину, 15 сажен ширину. Передняя стена длиной 20 сажен. Верх двора, раскрытый частью, завалился, осталось только 26 стропил

Ледник двухэтажный, железом крытый, 7Х7 аршин, без полов, прилегает к нему стена длиною 4 аршина

Амбары на три отделения, 7Х8, соединяющиеся сараем на 4 аршина.

Сарай 7Х8 аршин, половина верха осталась накрыта железом

Сруб без верха и полов, 7Х8 и пристройка-трёхстенник 5х7 аршин

Рига, имеет каменные стены без верха и стропила длиною общим размером 62 сажени.

Дом комиссия определила под волость и народный дом…

От Пигарёвых – к Злыгостевым и Гжельским
(история одного фото)

Приятно бывает видеть, что статьи, очерки, материалы, которые появляются на сайте «Мастера», оказываются востребованы внимательными читателями. Пример этому - продолжение истории, связанной с очерками прошлого года, посвящённых одному дворянскому роду. Вот такое письмо пришло в мой адрес 21 июня 2019 года:

«Глубокоуважаемый Александр Михайлович!

В Вашей статье " Орловские дворяне Пигаревы" (две части были опубликованы в «Орловском вестнике» и на сайте «Мастера» - А.П.) помещена фотография. У меня такая же. Молодая женщина на ней - сестра моего деда Гжельская Надежда Николаевна, в замужестве – Фридман (1889-1945 г.г.), дочь статского советника Гжельского Николая Павловича (1862-1914), старшего делопроизводителя Канцелярии Московского Генерал-губернатора и племянница Гжельского Александра Павловича (1860-1913), Управляющего Конторой Двора Её Императорского Высочества Великой Княгини Елисаветы Федоровны. Пожилая женщина – предположительно, бабушка Надежды Николаевны. Я давно занимаюсь генеалогией семьи. Очень хочется узнать, кто еще изображен на фотографии (Пигарёв в штатском?), а если возможно, и историю этого фото.

Буду благодарна за любую информацию.

Панферова Светлана Васильевна».

Я сразу же ответил: *«Добрый день, Светлана Васильевна!*

Фото я получил от семьи Пигарёвых, персонально - от Марины Леонидовны Пигарёвой, жены Ивана Николаевича (оба - доктора наук).

Я ей отправлю Ваше письмо и Вашу электронную почту. Думаю, она отзовётся, и у Вас будет, о чём поговорить.

С уважением, Полынкин Александр Михайлович».

Так началось знакомство и трёхсторонняя переписка, в результате которой выяснилось, что Светлана Панферова, занимаясь генеалогией, многое узнала об одной ветви своих предков – Злыгостевых (цитирую её данные): ***«Филипп Игнатьевич Злыгостев*** *родился 18 октября (по ст.ст.) 1797 года в городе Риге. Происходил из солдатских детей города Риги, сын отставного унтер-офицера Игната Злыгостева. Мать Филиппа, Евдокия Ильинична, урожденная Гвоздева, также происходит из солдатских детей г. Риги (к моменту венчания с Игнатом Злыгостевым 9 февраля (по ст.ст.) 1785 года её отец, сержант Илья Гвоздев, умер). Воспитывался Филипп в 1-ом Рижском уездном*

Екатерининском училище. Участник войны 1812-1815 годов. В качестве канонира и фейерверкера принимал участие в сражении под селом Красным в ноябре 1812 года в 45 км от Смоленска (ему было 15 лет!).

Воевал в Саксонии, Силезии, Баварии и Царстве Польском. После войны служил цейхвартером Рижского крепостного артиллерийского штата (дослужился до чина надворного советника). Кавалер орденов Св.Владимира и Св.Станислава 4-х степеней, награждён знаком отличия за 30 лет отлично-усердной службы и памятными медалями за военные походы 1853 и 1856 г.г. За отлично-усердную службу, помимо орденов, отмечен подарком Великого Князя Михаила Николаевича - бриллиантовым перстнем.

Имел двух сыновей: ***Ивана (1828г.р.)*** *и Леонида (1844 г.р.) и пятерых дочерей Олимпиаду (1830г.р.), Зинаиду (1831 г.р.), Глафиру (1834 г.р.), Елизавету (1837 г.р.) и Александру (1839 г.р.). В 1855 году принимал участие в военном походе англо-французских войск в составе балтийского корпуса. В связи с тем, что Рига перестала существовать как военная крепость, должен был быть переведён в 1858 году в Дербент, но заболел и перевод был отложен. Затем должен был быть переведён в Динабургский военный гарнизон, но опять заболел, и в апреле 1859 году Филиппа Игнатьевича не стало. Отпевали его в церкви Александра Невского на ул. Бривибас (Свободы). Могила Ф.И. Злыгостева сохранилась на Покровском кладбище Риги.*

Могила Филиппа Злыгостева

Сын Иван получил потомственное дворянство по заслугам отца».

А вот теперь, уважаемый читатель, о том, как Злыгостевы связаны с нашим краем. Дело в том, что **один из сыновей Филиппа Игнатьевича, Иван, волею судьбы, оказался на Орловщине**: он был (цитирую Светлану Панферову – А.П.). *«Судебным следователем Орловского окружного суда по Малоархангельскому уезду с 1868 по 1881 год (информация Госархива*

Орловской области). В первом браке состоял с Надеждой Яковлевной Евреиновой».

И теперь, дорогой читатель, возвращаемся к той самой фотографии, на которой (снова цитирую Светлану Панферову – А.П.): *«Надежда Николаевна Гжельская на фото - его внучка от дочери Лидии. Был ещё сын Владимир (1856 г.р.) Далее сведения не обнаружены. Теперь могу предполагать, что знакомство с Пигарёвыми отсюда. Могилу отца Ивана, Филиппа Игнатьевича Злыгостева, нашла в Риге ездила, сестру возила. А Ивана не могу. Канул».*

Теперь, после вступления, читатель, надеюсь, понял, в чём суть: у дворян Пигарёвых, проживавших в селе Трубицыно Малоархангельского уезда, нашлись их близкие знакомые из семейства дворян **Злыгостевых (Иван Филиппович** был судебным следователем по Малоархангельскому уезду – то есть, проживали на одной территории). Кроме того, общий круг знакомств прослеживается по Гжельским и Пигарёвым, поскольку Гжельские и Василий Евгеньевич Пигарёв служили в Управлении Московского Генерал-Губернатора и у Великой Княгини Елисаветы Фёдоровны. То есть, знакомство было достаточно близким и давним.

Возможно, по этой причине, будучи на Орловщине у кого-то из родственников (Злыгостевых или Евреиновых – А.П.), Надежда Николаевна Гжельская заехала и в Трубицыно к Пигарёвым.

И ещё один момент, уважаемый читатель, связанный с уточнением даты фотографии. В статье «Орловские дворяне Пигарёвы» я написал (по информации от Марины Леонидовны Пигарёвой), что снимок сделан в конце XIX века. Но вот какое уточнение сразу последовало от Светланы Панферовой: *«Дата фотографии Пигаревыми определена неправильно, видимо, из-за качества фотопластинки. Моя Надежда Николаевна родилась в 1889 году, а замуж вышла в 1910-м. Как видно на прилагаемой свадебной фотографии - внешние изменения незначительные.*

Царский портрет в раме с короной в интерьере гостиной – я насчитала пять детских головок. Алексей родился в 1904 году. На портрете ребенок, как минимум, годовалый. Следовательно, дата фотографии 1905-1909 года. Мне кажется, что это уточнение будет интересно и Пигаревым».

А вот одно из последних по времени писем от Светланы Панферовой: *«Огромное спасибо за знакомство с Мариной Леонидовной Пигарёвой. Совместными усилиями мы практически полностью атрибутировали фотографию…*

По биографическим данным установили дату съемки: 1907–1908 годы. Место - Трубицыно.

Не опознан только военный, но это или чиновник военного ведомства в чине титулярного советника, либо военный в чине поручика или подпоручика.

Теперь для меня открылась новая тема поиска».

И в самом конце, мой верный читатель, пару слов по поводу того, **как показана фотография.** Та, что мне была прислана от Марины Леонидовны Пигарёвой (с фотопластинки), оказалась развёрнута в другую сторону.

Вот она

Правильным будет вот этот вариант – от Светланы Панферовой, поскольку именно так выглядят «застежки на мужских мундирах».

Слева направо: Василий Евгеньевич Пигарёв, незнакомец, Надежда Николаевна Гжельская (Фридман), Мария Александровна Пигарёва

И в заключение – ещё одно фото от Светланы Панферовой, с частично повреждёнными краями, но большинство лиц на нём выглядят вполне отчётливо:

Слева направо: Александр Павлович Гжельский, дядя Надежды Николаевны Гжельской (Фридман); Надежда Николаевна Гжельская (Фридман), Агриппина Николаевна Гжельская, бабушка (сидит), Лидия Ивановна Гжельская, мама, Владимир Георгиевич Фридман, жених, Павел Николаевич Гжельский, брат.

Второй ряд: гимназист Сергей Павлович Гжельский, брат, Софья Александровна Гжельская, тетя, Николай Павлович Гжельский, отец.

Дама и двое мужчин остались неизвестными.

Село Локно и его владельцы

На Орловщине – великое множество живописных мест практически во всех районах области. Не является исключением и современный Знаменский район, главная водная артерия которого – стокилометровая река Нугрь.

На берегах реки Нугрь

Люди по её берегам начали селиться ещё во времена палеолита. А к IV-VII векам появляются здесь племена мощинской культуры, основой хозяйства которых становится пашенное земледелие, разведение крупного рогатого скота и коневодство. Значительное развитие у мощинцев получило ремесло: обработка железа, цветных металлов, косторезное мастерство и другие занятия.

От эпохи мощинской культуры (спустя 1000 с лишним лет!) сохранились на территории Знаменского района городища и погребения – курганы, расположившиеся в нескольких местах по течению Нугря.

Одно из них находится в старинном селе Локно, на левом берегу реки, которая в населённом пункте делает крутой поворот под углом почти в 90 градусов, направляясь на северо-восток в сторону райцентра Знаменское и далее – на Болхов.

Указатель у въезда в село Локно

Теперь, читатель, ты получил представление о тех местах, где будет разворачиваться действие моего рассказа, и понял, как давно здесь живут люди. Что касается письменных источников, то о селе Локно (сразу скажу, что название это варьировалось, и кроме нынешнего, устоявшегося, также использовались: Лакно – Локна – Локны – А.П.) известно со второй половины XVII века, когда в качестве владельца этого населённого пункта упомянут боярин Иван Милославский. По происхождению названия однозначного ответа нет, к тому же, оно не уникально, поскольку в Плавском районе Тульской области имеется, к примеру, небольшая речка Локна.

У жителей знаменского села есть своя версия, связанная как раз с крутым поворотом Нугря, похожим, по их мнению, на сгиб локтя (локоть – Локно – А.П.). Но такой вариант, скорее всего, просто красивая и гораздо более поздняя придумка, гораздо правдоподобнее версия о том, что происхождение названия села связано с одноимённой речкой – притоком Нугря. А вот откуда у речки название – это ещё предстоит выяснить.

В 2022 году исполняется 345 лет первому упоминанию села Локно в документах. Я поведу речь о тех, кому населённый пункт принадлежал на протяжении десятилетий и столетий. Но прежде, чем назвать конкретные имена, подчеркну многочисленность этого поселения в течение продолжительного времени. Уже в 1763 году здесь проживало 1218 человек, а в 1782 году – 1398. Во второй половине XIX века из села выделились в качестве самостоятельных отдельные деревни: Серебрянка, Нугрёвка, Хомутовка, но и после этого в самом Локно насчитывалось более 1200 человек (по сведениям 1905 года).

Боярин Иван Милославский и дворяне Ржевские

А теперь перейду к именам владельцев села Локно, остановившись подробнее на некоторых.

Приближённый царя Фёдора Алексеевича, боярин и воевода Иван Михайлович Милославский, которого я уже назвал, - первый из тех, кто известен нам: именно ему принадлежало село в 1677 году. Поскольку политическая судьба Милославского оказалась несчастливой из-за поддержки им царевны Софьи, то Пётр I вотчины у него отобрал. И на многие годы затем Локно оказалось наследственным владением дворян Ржевских (потомков смоленских князей) и их родственников.

Алексей Андреевич Ржевский

Имя Ивана Ивановича Ржевского, окольничего (второй после боярина чин в Боярской Думе – А.П.) царя Алексея Михайловича и воеводы Чигирина, погибшего при обороне этого города от турок в 1678 году, хорошо известно болховчанам, поскольку он погребён в соборной Спасо-Преображеской церкви города и увековечен памятной надписью на стене храма. А его внук, Матвей Алексеевич, комнатный стольник (придворный чин, обслуживал царя в его комнатах и даже спал неподалёку – А.П.), обучавшийся когда-то морскому делу в Италии, и стал в самом конце XVII века первым из рода Ржевских владельцем села Локно. Сыновей-наследников у него не было, и после его смерти к 1710 году вотчина досталась в качестве приданого двум дочерям – Степаниде (Стефаниде) Матвеевне и Марии Матвеевне.

Князь Багратион и Знаменская церковь

Степанида Матвеевна Ржевская замуж выходила трижды, и последним из её мужей стал Николай Семёнович Багратион-Имеретинский, внук и племянник царей Карталинских. Как уроженца Кавказа (это было ведь ещё задолго до вхождения тех земель в состав России) занесло в наши края – история умалчивает. Но князь Багратион достоин того, чтобы о нём на Орловщине узнали побольше, поскольку он имел прямое отношение к строительству Знаменского храма села Локно.

Предание, существовавшее у местных жителей, гласило, что деревянная церковь во имя Святителя Николая издавна существовала в той части села, что стала потом именоваться деревней Серебрянкой. Здесь возвышалась небольшая гора, которая вплоть до начала XX века называлась Поповой. Храмовый праздник в Локно и позже местные жители отмечали в Николин день (кстати, второе название села долгие годы – Никольское – А.П.). Но в те времена, когда частью Локно владел князь Николай Багратион, он решил на свои средства построить вместо обветшавшего деревянного храма каменный. И хоть затянулось

строительство, и сам Багратион не дождался освящения новой церкви, но через 5 лет после ухода князя в мир иной величественный храм в Локно в честь Знамения Пресвятой Богородицы открыл свои двери для верующих. В его алтаре, на деревянном подпрестольном кресте, и в церковных документах было увековечено имя Николая Семёновича Багратиона как храмосоздателя.

«Конфидент» Мусин-Пушкин и другие…

Мария Матвеевна Ржевская вышла «в замужество» за Платона Ивановича Мусина-Пушкина, известного дипломата, а потом, в 30-е годы XVIII века - губернатора сначала смоленского, позже – казанского и эстляндского. Кроме многочисленных подмосковных вотчин, Платон Иванович стал владельцем и части села Локно. За участие в кружке «конфидентов» (противников Бирона - фаворита императрицы Анны Иоанновны – А.П.) Мусин-Пушкин был арестован, лишён чинов, графского достоинства, наказан кнутом, урезанием языка и сослан в Соловецкий монастырь. Владельцем Локно он после этих событий быть перестал.

С середины XVIII века одним из владельцев Локно (137 крепостных душ мужского и женского пола – А.) становится Пётр Иванович Ржевский, флота I ранга капитан, а после его смерти – сын, капитан Фёдор Петрович и дочери Мария Петровна и Прасковья Петровна Ржевские. Неженатый и бездетный Фёдор Петрович сумел оставить свой след в истории Москвы, где у болховского дворянина имелась большая усадьба в районе современного Арбата. Существующие здесь и поныне Большой и Малый Ржевские переулки, по одной из версий, получили своё название как раз по фамилии местного домовладельца Фёдора Ржевского. Кстати, похоронили его в 1795 году на Орловщине, правда, не в Локно, а в ещё одном владении - селе Навля (в те годы – Карачевского уезда, ныне – Шаблыкинского района – А.П.).

«Наполнен век наш суетою…»

Ещё одна часть села Локно (174 крепостных души – А.П.), по данным 4-й ревизии, принадлежала действительному тайному советнику, камергеру и Государственной Медицинской коллегии Президенту Алексею Андреевичу Ржевскому. Сын мичмана, участника осады Очакова, он сделал при царском дворе головокружительную карьеру: кроме вышеперечисленных чинов, был также вице-директором Академии наук, сенатором, совестным судьёй и одним из виднейших масонов конца XVIII века.

Впрочем, в памяти потомков его имя сохранилось не благодаря высоким должностям, а потому, что Алексей Андреевич ещё при жизни прославился как очень интересный писатель и поэт, автор более 200 стихотворных произведений (стансов, элегий, рондо, притч, мадригалов, загадок, эпиграмм), которые публиковались в журналах «Полезное увеселение», «Свободные часы», «Трудолюбивая пчела», «Ежемесячные сочинения». Ржевский успешно сочетал в себе качества придворного сочинителя, мастера хвалебных од императорам, и способности замечательного лирического поэта (наиболее популярные мотивы: грусть о непостоянстве и суете всего земного, разочарование в жизни и жажда смерти, муки неудовлетворенной или обманутой любви – А.П.).

Перу Ржевского принадлежит и драма "Смердий и Прелеста" на сюжет из истории Киева. Пьеса была поставлена в придворном театре в 1769 году и имела успех. Творчество Алексея Андреевича ценили не только правители, но также обычные читатели тех лет и его друзья-поэты: Державин, Дмитриев, Сумароков.

Многочисленные произведения поэта и драматурга Ржевского так и не были напечатаны отдельной книгой. Но – удивительно, что и спустя 200 с лишним лет после его смерти (Алексей Андреевич скончался 23 апреля 1804 года и погребён на Лазаревском кладбище Александро-Невской Лавры), некоторые из философских строчек Ржевского современным читателям будут понятны и близки, ведь «вечное не устаревает». Вот, к примеру, такие:

"Наполнен век наш суетою,
Нигде блаженства в нем не зрим;
Единой только мы мечтою,
Прельстясь, от истины бежим".

Или эти:

"В одном спокойствии душевном
Блаженство наше состоит".

Генерал-фельдмаршал от флота Иван Чернышёв

Селом Локно владели на протяжении двух с лишним столетий, и очень известные дворянские семейства Российской империи, и такие, о которых слышали только специалисты.

Из старинного рода графов и князей Чернышёвых, известного с конца XV века, вышли два военных министра, два московских генерал-губернатора и два фельдмаршала.

Мой рассказ – о владельце села Локно (согласно данным 4-ой ревизии 1782 года) – «генерал-фельдмаршале от флота, Его Графском сиятельстве, Государственной коллегии вице-президенте, галерного флота и форта главном командире, действительном камергере, кавалере всех высших российских и многих иностранных орденов графе» Иване Григорьевиче Чернышёве.

Иван Григорьевич Чернышёв

Младший сын генерал-аншефа Григория Петровича Чернышёва от брака с Екатериной Ивановной Ржевской (надеюсь, читатель, ты не забыл об этих дворянах, о которых я рассказал в предыдущем очерке – А.П.), дипломат, придворный чиновник, он, несомненно, был «везунчиком» по жизни, поскольку ни разу при трёх российских правителях – Елизавете Петровне, Екатерине II и Павле I – не попадал в опалу, а при каждом из последующих императоров или императриц только повышался в чинах и званиях да умножал своё богатство.

Елизавета Петровна, к примеру, много раз награждала его за умелое выполнение своих поручений, в том числе, - и самых секретных. При Екатерине II Иван Чернышёв прошёл путь от генерал-поручика до генерала от флота и Вице-президента Адмиралтейств-коллегии, став одним из крупнейших сановников екатерининского окружения. А Павел I сделал моего героя генерал-фельдмаршалом от флота.

По словам современника, историка и публициста, князя Михаила Щербатова, *«граф Иван Григорьевич Чернышёв, человек не столь разумный, сколь быстрый, увёртливый и поворотный и, словом, вмещающий в себе все нужные качества придворного, многие примеры во всяком роде сластолюбия подал. К несчастию России, он немалое время путешествовал в чужие края, видел… сластолюбие и роскошь при других европейских дворах, он всё сие перенял, всё сие привёз в Россию и всем сим Отечество своё снабдить тщился. Одеяния его были особливого вкуса и богатства и их столь много, что он единожды вдруг 12 кафтанов*

выписал; столе его со вкусом и из дорогих вещей сделанный; экипажи его блистали златом, и самая ливрея его пажей была шитая серебром; вина у него были на столе наилучшие и наидражайшие»…

Подтверждением богатства Ивана Григорьевича Чернышёва служат и найденные мною в «Ревизских сказках» 4-ой ревизии данные по селу Локно Болховского уезда, где ему в 1872 году принадлежало 589 душ мужского и женского пола – намного больше, чем у других владельцев этого населённого пункта.

Богиня и её «Чёрный вран»

После смерти И.Г. Чернышёва в 1797 году земли вокруг села и здешние крепостные достались по наследству любимой дочери фельдмаршала – графине Анне Ивановне, вышедшей замуж за Александра Алексеевича Плещеева. Впрочем, коллежской асессорше Анне Плещеевой принадлежало не только Локно, но и ещё несколько населённых пунктов Болховского уезда: сёла Рожественское (Чернь тож), Архангельское (Столбча тож), деревни Савинки и Куликова, а общее число её крепостных достигало почти тысячи душ.

Карьера любимицы фельдмаршала Чернышёва начиналась при дворе Екатерины II, которая в 1791 году сделала Анну одной из самых доверенных фрейлин. Но уже во времена Павла I с Чернышёвой приключилась история, наделавшая много шума при дворе: она забеременела, не выходя замуж. Кто был отцом ребёнка – так и осталось тайной. Хотя слухи ходили, что причастен к этому сам император Павел. По крайней мере, лично он поспособствовал тому, чтобы найти мужа «согрешившей фрейлине». Им стал коллежский асессор Александр Плещеев – личность, интересная во многих отношениях.

Хорошо знавший его Филипп Вигель (автор знаменитых мемуарных «Записок», член кружка «Арзамас» и знакомый Александра Пушкина – А.П.) писал, что «Чёрный вран» (то есть, ворон - прозвище А.А. Плещеева, данное ему за смуглую внешность – А.П.) *«обладал необыкновенной способностью подражать голосу, приёмам и походке знакомых людей, в особенности же мастерски умел передразнивать уездных помещиков и их жён»* (да, за 200 лет до появления на сцене пародиста Максима Галкина был, оказывается ещё и «Черный вран» - А.П.). Плещеев писал русские и французские стихи, сочинял комедии, оперы, музыку к стихам Жуковского, Державина, Вяземского, а свои артистические возможности не раз демонстрировал на сцене в трагических и комических ролях.

И вот такого, несомненно, талантливого (но по чину – всего лишь коллежского асессора из не слишком знатного рода – А.П.) дворянина

женят на графине и сразу же отправляют в фактическую ссылку – в болховское имение Анны Ивановны Чернышёвой (отныне – Плещеевой – А.П.) - в село Чернь (Большая Чернь, Рожественское тож – А.П.). Неподалёку находилось и собственное имение А.А.Плещеева – село Знаменское. Бывшей фрейлине, а заодно и мужу запретили въезд в столицы, и супруги полтора следующих десятилетия безвыездно провели на Орловщине.

Анна Ивановна Плещеева (Чернышёва)

Александр Алексеевич Плещеев

Об орловском периоде жизни семейства Плещеевых подробные воспоминания оставила их соседка по имению – Екатерина Ивановна Елагина: *«Они* (супруги Плещеевы – А.П.) *поселились в Черни, и там началась жизнь, которая была беспрерывный пир. Всякий день что-нибудь праздновалось концертом, домашним театром, балом или гуляньем в рощу* (сама Анна Ивановна, дополняя таланты мужа, хорошо играла, пела, рисовала, была чувствительна до сентиментальности, но вместе с тем – практична в хозяйстве – А.П.)…

У Плещеевых было четыре сына: Александр, Алексей (оба стали декабристами – А.П.)*, Григорий и Петр и две дочери: Варвара и Мария. Анна Ивановна страстно любила мужа своего и также страстно ревновала его, хотя и не знала, до какой степени имела причины*

ревновать его. Он наружно оказывал ей всевозможные знаки обожания и обманывал изо всех сил. Все именины и день ее рождения в Черни для нее были сюрпризы на каждом шагу. Она прославлялась, как богиня; и тут же, под ее носом, он обманывал ее. Кажется, что она так дожила и до смерти своей, в блаженном неведении» (это случилось в 1817 году в Орле, а похоронили графиню на сельском кладбище, у Рождественской церкви села Чернь – А.П.).

По отзывам знакомых, Александр Плещеев, который при живой жене вёл довольно свободный образ жизни, искренне оплакивал кончину супруги. Несколько лет прожил он потом в Черни и каждый день приходил на могилу Анны (при жизни он всегда называл её Ниной – А.П.).

И лишь когда у Плещеева возникли денежные проблемы, Александр Алексеевич возвратился на службу, поступив в театральную дирекцию по особым поручениям, где заведовал русской оперой и французским театром. Потом состоял чтецом при императрице Марии Фёдоровне (он, пожалуй, был самым блестящим декламатором тех лет – А.П.), служил чиновником в Министерстве внутренних дел и в Министерстве финансов, удостоился чина статского советника. Умер Александр Алексеевич Плещеев в 1862 году, пережив свою супругу на 45 лет.

Генерал фон Лейн и барон Дольст

После смерти Анны Ивановны её владения перешли к сыновьям. Село Локно досталось коллежскому регистратору (позже – надворному советнику) Григорию Александровичу Плещееву. В 1834 году у него в Локно насчитывалась 631 крепостная душа. Казалось бы, вполне достаточно, но Григорий привык жить на широкую ногу, и влез в большие долги, из-за которых был вынужден продать своё имение. Это произошло 1 марта 1853 года на аукционном торге в Московском опекунском совете. Покупателем стал генерал-майор Карл Фёдорович фон Лейн, участник польской кампании 1830-1831 годов и кавалер шести российских орденов. Приобретя село Локно (на 1858 год в нём насчитывалось 710 душ крепостных) генерал, спустя несколько лет, стал орловским дворянином и последние годы жизни провёл в имении, где и похоронен был у стен Знаменского храма.

Недавно мне удалось найти дополнительные данные о генерале, членах его семейства и его имении.

Сначала процитирую газету «***Орловские губернские ведомости*** *(1857 год от 12 сентября), в которой в разделе* «***О купчих крепостях в ноябре 1856 года»*** *нашёл сообщение, что:*

«16 числа – от имени подполковника Сергея Владимировича Блохина, на проданное им Генерал-майору Карлу Фёдорову фон Лейну недвижимое имение Орловской губернии Болховского уезда в селе Локне, заключающееся в 79 ревизских по 9-ой ревизии мужского пола душах, с принадлежащею к ним землёю – за 12000 рублей» (это была уже вторая покупка генералом земли и крестьян в селе Локно, о первой, у Григория Плещеева, я написал выше – А.П.)

А теперь данные из ***«Протоколов Орловского Дворянского Депутатского Собрания за 1859 год» (ГАОО, ф.68, оп.1., ед.хр.58, стр.78):***

«Фон Лейн, генерал-майор, Карл Фёдорович, 62 лет.

Женат – на Виктории Ивановне, имеет детей Константина (8 лет) и Марию (7 лет.)

Недвижимого имения в Болховском уезде – 351 душа крестьян.

Карл Фёдорович фон Лейн состоял в военной службе в обер - и штаб-офицерских чинах до генерал-майора включительно. Уволен от службы тем же чином 9 августа 1856 года, Всемилостивейше пожалован Кавалером ордена Святого Георгия 4 класса, Святого Владимира 3 и 4 степени, Святой Анны 1 степени, Императорскою короною украшенный, и 3 степени с бантом и Святого Станислава 1 степени

(Из Указа об отставке, данного Г.Лейну 13 августа 1858 года за №5125 за подписанием Генерал-адъютанта Бозака).

Законный брак его с Викториею Ивановною и рождение детей их Константина (21 февраля 1851 года) и Марии (25 марта 1852 года) удостоверены свидетельствами Херсонской Духовной Консистории и Обер-священника Армии и Флота за №№ 5839 и 2306».

Определение о причислении генерала, его жены и детей к дворянству в Депутатском Собрании состоялось 2 декабря 1859 года.

Точную дату смерти Карла Фёдоровича мне выяснить не удалось. Зато обнаружил в статистическом сборнике по Болховскому уезду, выпущенном в конце 90-ых годов XIX века, сведения об **«Имении наследников генерал-майора Карла Фёдоровича Фон-Лейн»**, основные моменты которых процитирую:

«Имение наследников генерал-майора Карла Фёдоровича Фон-Лейн находится в Болховском уезде, Локонской волости, при с.Локны, в 17 верстах от г.Болхова и в 40 верстах от станции Орловско-Витебской железной дороги «Хотынец». Оно куплено у Плещеева ещё в крепостное время и расположено в двух участках: больший лежит по левую сторону от р.Нугря, а меньший – по правой, за надельною землёю крестьян с.Локны.

Хозяйством заведует управляющий, получивший образование в уездном училище.

Рабочие нанимаются на 2 срока: летний и зимний. При заключении условия практикуются рабочие книжки, и летом выдаются задатки по 10 рублей. Рабочие вербуются из окрестных селений, а из своего не нанимают. За последние 7 лет заработная плата не изменялась, причём, предложение труда превышает спрос.

Летом работа начинается с 6 часов утра и до захода солнца, зимою – с восхода до заката.

Средний месячный паёк рабочего таков:

муки – 2 пуда, круп – 30 фунтов, мяса – 1 фунт, соли – 1 фунта, сала – 2 фунта, постного масла – 2 фунта.

В большей части имения ведётся трёхпольное хозяйство, в меньшей – травяное многолетнее (ведётся уже 7 лет).

Удобрение кладётся сплошными площадями, единственным удобрением служит навоз. Уноваживают только озимое поле, причём, в глинистые земли уваливают по 350 возов, а на других – 200 возов. Всех удобренных десятин – до 360. Весь навоз вывозится весною, он сохраняется на дворах под скотом.

Выращивают: рожь, овёс, немного пшеницы, картофель; люцерна, конопляник.

В аренде – фруктовый сад, бакша, за которую, кроме денег – натурооплата (1000 кочанов капусты, 5 четвертей огурцов, 4 четверти свёклы, 1 четверть моркови и 1 четверть луку). Бакши – на низменном берегу р.Нугря.

В имении существует конный завод. Рабочие лошади – разные. Рогатый скот – местный. Свиньи – помесь беркширов с русскими породами. Откармливать свиней начинают с осени, сбывают живыми в Болхове по 30 рублей».

Вот таким было имение наследников генерал фон Лейна в селе Локно, уважаемый читатель…

Ещё одной частью села Локно с середины XIX века владел **барон Александр Павлович Дольст**, действительный статский советник, помощник Московского почт-директора и чиновник особых поручений по почтовым делам при Министерстве внутренних дел.

После смерти Карла Фёдоровича фон Лейна его имение перешло к вдове – Виктории Ивановне и детям Константину и Марии, а земельные владения Александра Павловича Дольста унаследовали сыновья, бароны Николай и Александр Дольсты. Николай Александрович Дольст в конце XIX – начале XX века играл видную роль в Болховском уездном земстве и дворянском депутатском собрании.

Вот этими именами я и закончу, уважаемый читатель, твоё знакомство с владельцами старинного болховского села Локно на протяжении двух с половиной веков его существования.

Андрей Величко: от Болховского уезда до Китая

За последние годы достаточно часто мои поиски и открытия связаны с обращением ко мне разных лиц из многих регионов России и из-за рубежа – с просьбой помочь в поиске той или иной информации об их родственниках, чьи корни «зарыты» на нашей благословенной Орловщине.

Одно из таких обращений случилось в октябре 2020 года, и связано оно было с моим давним материалом о помещиках немецкого происхождения по фамилии Дольст. О них я упоминал в предыдущем очерке, поясвящённом селу Локно Болховского уезда (ныне – территория Знаменского района – А.П.).

Ко мне обратилась москвичка Ольга Ерёмина, которая вот уже несколько лет ведёт генеалогический поиск по своей родословной. **Бароны Дольст** тоже оказались в сфере её интересов, поскольку одна из представительниц этого рода, Мария Александровна, выйдя замуж, стала супругой русского поэта, публициста и общественного деятеля **Василия Львовича Величко.** У них родилось двое детей: **Андрей и Анастасия**. Родная сестра деда Ольги Ерёминой была замужем за этим самым Андреем Величко. Поэтому Ольгу интересует всё, что его касается, в этом я и вызвался ей помочь, работая с фондом Орловской мужской гимназии, в которой обучался Андрей.

Но прежде чем я поведу речь о результатах поиска, скажу, что **Василий Львович Величко** был очень известной личностью в России в конце 19-начале 20 века. Жизнь он прожил короткую, но след оставил после себя очень заметный. Я не буду о нём рассказывать, потому что каждый желающий может прочесть статью о В.Л.Величко в Википедии или обратится к статьям Бориса Гузя на сайте «Проза.Ру», посвящённым роду Величко.

Перейду к взаимоотношениям Василия Львовича и Марии Александровны Дольст. Начну с копии присланного мне Ольгой Ерёминой документа – выписки из метрической книги домовой церкви Министерства юстиции за 1883 год.

В ней, в части второй, «О бракосочетавшихся», содержится запись под №45 от 9 ноября 1883 года, согласно которой **«Состоящий при Министерстве Юстиции Коллежский секретарь Василий Львович Величко, православного исповедания, первым браком, 23 года»,** венчался с **«Дочерью Действительного Статского Советника Мариею Александровною Дольст, девицей, православного исповедания, 25 лет».** Поручителями при венчании выступили: **«По жениху – Статский Советник, Камергер двора Его Величества Константин Александрович Бодиско и Чиновник Особых Поручений при Департаменте Министерства Юстиции, Надворный Советник Василий Иванович Маркевич; по невесте - Состоящий при Министерстве Внутренних дел Барон Павел Александрович Дольст и брат его Барон Александр Александрович Дольст»** (то есть, свидетелями невесты стали её родные братья – А.П.).

Василий Львович Величко

Как читатель видит, венчание произошло в столице, где, по всей видимости, жили какое-то время молодые. Однако брак оказался не слишком удачным, по словам Бориса Гузя (цитирую): *«Вращаясь в литературных кругах Петербурга, Василий Величко близко сошелся с Марией Георгиевной Муретовой, дочерью французского графа Георга Ла Барта, вдовой надворного советника Д.М. Муретова. Мария приходилась поэту двоюродной сестрой: Анастасия Васильевна Тарновская, мать Василия, и мать Марии, Марианна Тарновская, были родными сестрами. Мария Георгиевна, как писали, была светской, красивой, литературно образованной, "весьма эффектной" (по определению князя Э.Э.Ухтомского) дамой и увлекалась литературными опытами. Эта связь и стала роковой в жизни поэта.*

Мария Александровна Величко порвала всякие отношения с мужем и, забрав детей, уехала к матери в родовое имение Шемякино, находившееся в Болховском уезде Орловской губернии. Точно неизвестно, имел ли место официальный развод…».

А теперь, уважаемый читатель, я перехожу к документам из фонда Орловской мужской гимназии, имеющим отношение к сыну Марии

Александровны – Андрею Величко. Это его личное дело с текстом на 11 листах, который я приведу с некоторыми сокращениями (А.П.)

Величко
ГАОО, ф.64, оп.2, ед.хр.168
(на 11 листах)
03.06.1903-10.11.1904

№96
Орловская мужская гимназия
1903 год
Канцелярия
Дело №
Личное дело ученика
Величко Андрей
Начато 3 мая 1903
Окончено 18 августа 1904
Л.1
Господину Директору Орловской гимназии
Дворянки Марии Александровны Величко
Прошение

Желая дать образование сыну моему Андрею Величко во вверенном Вам учебном заведении, имею честь просить распоряжения Вашего о том, чтобы он был помещён в тот класс, в который он, по своим познаниям и возрасту, может поступить, причём, имею честь сообщить, что он приготовлялся к поступлению в 7 класс и до сего времени обучался в Орловской прогимназии.

Желаю, чтобы сын мой, в случае принятия его в заведение, обучался немецкому языку, как первому или обязательному в течение всего гимназического курса. При этом прилагаются документы о возрасте и звании и копии с них, а также свидетельство со срочного ведомства о успехах и поведении.

Адрес родителей или опекунов
определяемого в число учеников гимназии
Почтовый: г.Орёл, Садовая, д.№13
1903 года
Июня месяца 3 дня
Мария Величко

Л.1об.

Обязательство

К поданному от 3 июня прошению о приёме моего сына Андрея Величко в Орловскую гимназию имею честь присовокупить нижеследующее обязательство:

1) Означенного сына Андрея Величко я обязуюсь одевать по установленной форме, снабжать всеми учебными пособиями и вносить установленную плату за право обучения;
2) О том, чтобы все распоряжения начальства, касающиеся учеников гимназии вообще и Орловской, в частности, были им в точности исполнены, буду прилагать всевозможное старание под опасением, что в противном случае он будет уволен из заведения;
3) Жительство он будет иметь у меня в квартире, о всякой же перемене квартиры гимназическое начальство будет немедленно извещено;
4) По выбытии из гимназии обязуюсь иметь наблюдение, чтобы он не носил форменного платья, установленного для учеников гимназии.

Примечание.

Плата за обучение вносится вперёд по-полугодно - за первую половину гражданского года в течение января и февраля, а вторую - в течение августа и сентября. Поступающие среди того или другого полугодия вносят плату за полное текущее полугодие. Выбывающие из учебного заведения в течение августа и сентября, января и февраля месяца вносят плату за все текущее полугодие в то учебное заведение, из которого выбывают. При переходе из одной гимназии или прогимназии в другую, если в последней установлена большая плата за обучение, доплачивается лишь разность в плате, на остальную же сумму представляется квитанция во взнос за поступившее полугодие платы за учение в той гимназии или прогимназии, из коей ученик выбывает. Внесённая за учение плата ни в каком случае не возвращается. Не внесшие платы за учение в означенные выше сроки считаются выбывшими из заведения, но по внесении платы могут быть вновь приняты.

1903 года, 3 июня

Мария Величко.

Л.2 №96

1903 года

Величко Андрей

Метрическое свидетельство за № 15 на время получил января 16 дня 1904 года

Андрей Величко (карандашная запись)

Л.3-л.3об.

Свидетельство

Дано сие за надлежащим подписанием и приложением церковной печати и гербовой марки, в том, что **у коллежского секретаря, служащего в Министерстве Юстиции, в Санкт-Петербурге, Василия Львовича Величко, от законной жены его, Марии Александровой,** оба православного вероисповедания, **временно пребывавшей в приходе нашей Казанской церкви, села Столбчаго Болховского уезда, в сем, 1886 году, июля месяца 22 дня родился сын Андрей, крещение которого совершено было августа месяца 7 дня 1886 года.**

Событие рождения и крещения записано в метрической книге нашей церкви под №21 мужской графы. **Восприемники … при крещении были: прихода нашего отставной юнкер Драгунского Новогородского полка Николай Александрович Барон Дольст и того же сельца Шемякиной вдова действительного статского советника Любовь Яковлевна Дольст. Всё вышеписанное с метрическою книгою нашей церкви верно, в чём своим подписом и приложением церковной печати удостоверяем.**

Священно - и церковнослужители Казанской церкви села Столбчаго Болховского уезда

Священник Иоанн Никитский

Псаломщик Тимофей Казанский

(Слева от текста: В.П.И Орловской епархии, Болховского уезда, села Столбчаго, священноцерковнослужителей, ноября 13 дня, 1886 года, №15)

Л.4

Свидетельство

Предъявитель сего, бывший ученик 6 класса Орловской прогимназии Величко Андрей, по происхождению сын чиновника, вероисповедания православного, родившийся 22 июля 1886 года, находился в этом заведении с августа 1896 года по 20 мая 1903 года, был отличного поведения и в 1902/1903 учебном году, при переходе из шестого класса в седьмой, оказал следующие успехи:

В Законе Божием - удовлетворительные (3)

Русском языке - уд. (3)

Латинском - уд. (3)

Греческом - уд. (3)

Математике - уд. (3)

Физике - уд. (3)

Истории - уд. (3)

Географии - хорошие (4) (в четвёртом классе)

До поступления в Орловскую прогимназию означенный Величко Андрей обучался дома.

Выбыл из Орловской прогимназии по окончании курса.

Права его, Величко Андрея, как окончившего курса 6 класса, изложены ниже в пункте 3-ем.

В удостоверение всего вышеизложенного дано ему, Величко, сие свидетельство за надлежащей подписью и приложением казённой печати.

Г.Орёл, 3 июня 1903 года

Директор - И (Н?) Пт?

Законоучитель - Протоиерей А.Богданов

Члены Педагогического Совета - четыре подписи (Дм.Качанов, В.Берг, В.Сем.?, неразборчиво)

Секретарь педсовета

Л.4об.

П.3 Ученики, окончившие курс 6 или 7 классов:

А) при поступлении в гражданскую службу, если имеют на то право по происхождению, не подвергаются испытанию для производства в первый классный чин;

Б) при отбывании воинской повинности по жеребью они пользуются правами окончивших курс в учебных заведениях первого разряда; они же имеют право поступать в военную службу вольноопределяющимися первого разряда.

Л.5

Слева - штамп: Министерство Народного Просвещения

Московский Учебный округ

Директор Орловской прогимназии

Июня 16 дня 1903

№304

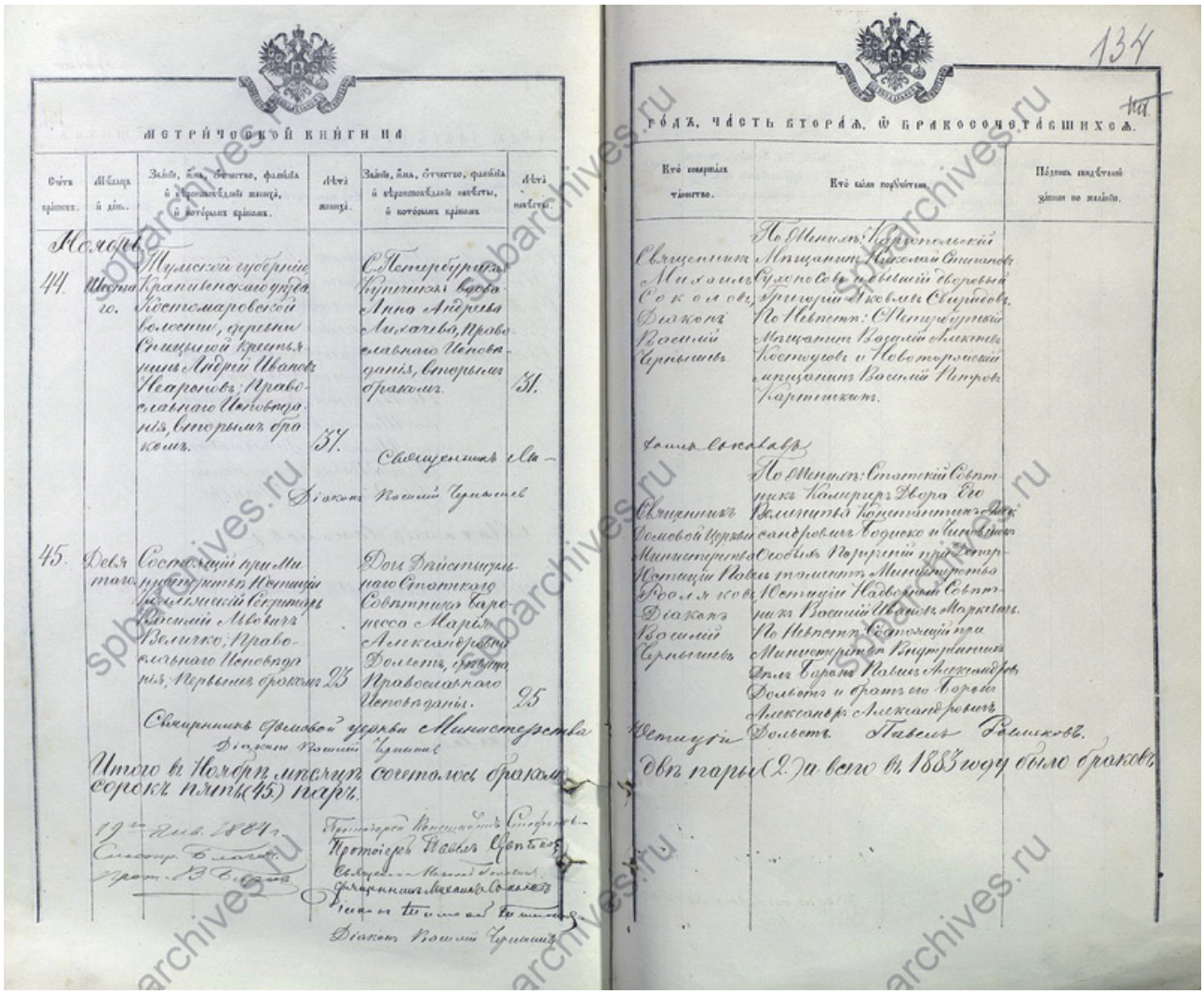
Г.Орёл

Господину Директору Орловской гимназии

(К допуску Величко)

Вследствие отношения от 12 июля сего года за №948 честь имею при сем препроводить Вашему Высокородию копию с кондуитного списка и срочную ведомость бывшего ученика вверенной мне прогимназии Андрея Величко.

И.Д. Директора Д.Мы? (неразборчиво).

Срочная ведомость

Об успехах, внимании, прилежании и поведении ученика 6 класса Орловской прогимназии за 1902/1903 учебный год

Дана по четвертям

По всем предметам - 3 (тройки), по греческому языку в 1 и 2 четвертях были «двойки», по математике в 3-ей четверти была «двойка».

Годовая отметка (общая) - 3

Внимание - 3

Прилежание - 3

Поведение - 5

Место в классе – 16-е (в 1-ой и 3-ей четверти) и 18-ое во второй четверти

Учеников в классе: 1-я четверть - 20, 2-я - 21, 3-я - 22.

Примечание: обучался два года в 5-ом классе.

Л.7а

1896/1897 учебный год

Величко до школы заметно воспитывался исключительно под женским влиянием: он нежен, конфузлив, хотя к концу года значительно

возмужал. На уроках нередко бывает рассеян, что происходит преимущественно от его впечатлительной, мечтательной натуры. Способности имеет средние. Он правдив и прямо сознаётся в своих проступках.

Кл.наставник Д.Аннинский

1897-1898 учебный год

Величко за 1897/98г. учебный год физически значительно развился. Впечатлительность его осталась та же, хотя он менее стал рассеян. Он также правдив. Способности его значительно развиваются. Иногда он шалит.

Кл. наставник Д.Аннинский

1898-1899 учебный год

В течение этого года Величко сделался сосредоточеннее, более скромным, но при этом стали появляться у него некоторые признаки эгоизма. Занимается уроками довольно усидчиво, хотя по временам ….

Кл.наставник Д.Аннинский

1899-1900 учебный год

Величко - мальчик симпатичный и прилежный, хотя не особенно даровитый, но успевает значительно, поведение - отличное.

1901-1902 учебный год

Величко достаточно прилежен, способности имеет посредственные, поведение отличное.

1902-1903 учебный год

Март

Величко - юноша средних способностей, прилежания посредственного, имеет сердце доброе, но характер вспыльчивый, могущий иногда переходить даже в строптивый, обладает хорошими манерами и в обхождении со старшими вообще учтив.

Без испытаний выдано ему свидетельство об окончании курса 6 класса прогимназии.

Кл.наставник Д.Мытцын

С подлинным верно И.Д.Директора Д.Мытцын

Л.8.л.-8об.

Слева - штамп Министерство Народного Просвещения

Московский учебный округ

Директор Орловской 2-ой гимназии

Августа 18 дня 1904

№386

Г.Орёл

Г. Директору Орловской 1-ой гимназии

Дворянка Мария Александровна Величко обратилась ко мне с прошением и приёме сына Андрея в 7 класс Орловской 2-й гимназии, ныне обучающегося в Орловской 1-ой гимназии.

Вследствие сего, предварительно удовлетворения ходатайства госпожи Величко, имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство о высылке во вверенную мне гимназию срочной ведомости и копии кондуитного списка вышеупомянутого ученика.

Директор Н.Пт…?

Л.9-Л.9об

Свидетельство

Предъявитель сего, бывший ученик 7 класса Орловской гимназии Андрей Величко, по происхождению сын надворного советника, вероисповедания православного, родившийся 22 июля 1886 года, находился в этом заведении с августа месяца 1903 года по 5 августа 1904 года, был отличного поведения и в 1902-1903 учебном году, при переходе из 6 в 7 класс оказал следующие успехи (названы те же, что и в предыдущем Свидетельстве)

До поступления в Орловскую гимназию Андрей Величко обучался в Орловской прогимназии с августа 1896 года по 20 мая 1903 года.

Из Орловской гимназии выбыл Андрей Величко для поступления в другое учебное заведение.

Права его, Андрея Величко, как окончившего курс шестого класса, изложены в пункте 3 на обороте сего.

В удостоверение всего вышеизложенного дано ему, Андрею Величко, сие свидетельство за надлежащею подписью и с приложением казённой печати.

Г.Орёл

Августа 5 дня 1904 года

Директор О. Петр…

Члены педсовета

Секретарь педсовета

Л.11

О принятии ученика 7 класса 1-й гимназии Андрея Величко в число учеников Орловской 2-ой гимназии - ноября 9 дня 1904.

Как складывалась его судьба после 9 ноября 1904 года в течение примерно полутора десятилетий – нам пока не известно. Но Ольге Ерёминой, благодаря родственникам, удалось выяснить, *«что после революции Андрей оказался в г. Верном (Алмата) и служил там в высокогорном хозяйстве «Дегерес», которое занималось разведением лошадей…*

Согласно копии из актовых записей г. Верного (ныне Алмата) 16.04.1920 г. был зарегистрирован брак *«гражданина Полтавской губернии, Прилуцкого уезда Андрея Васильевича Величко* (здесь приводятся данные по месту рождения отца – А.П.)*, 22.07.1886 года рождения, холостого, служащего в Народном Хозяйстве «Дегерес» и гражданки города Верного Наталии Александровны Гордеевой, 29.09.1902 года рождения, девицы, служащей в Семиреченском областном продовольственном отделе. Фамилия супругам присвоена Величко».*

Наталья - дочь полковника Генерального Штаба, генерал-майора Российской Империи и героя Первой Мировой войны Александра Гордеева А.Д. Это родной прадед Ольги Ерёминой, о нём довольно много информации в интернете.

О судьбе молодожёнов Ольга написала вот что: *«Происхождение, как видите, у обоих молодоженов не очень, с точки зрения всё укрепляющейся советской власти. Супруги Андрей и Наталья Величко бегут в Китай, где Андрей и погибает, от рук просоветски настроенных то ли китайцев, то ли уже большевиков, которым выдали перебежчиков, а Наталья, продав свадебный подарок - бриллиантовое ожерелье фон Дольстов, смогла избежать участи мужа и вернуться в Туркестан в 1922 году. Она прожила долгую жизнь, умерла в 1980 году. В семье сохранилась только легенда, что она была замужем за сыном богатого орловского конезаводчика, с которым убежала в Китай, и он там погиб, а она насилу спаслась, упоминание о том, что было подарено на свадьбу колье, но ни имён, ни фамилий. Сейчас эти легенды я подтверждаю или опровергаю, в общем, превращаю их из сказки в родословную историю.*

«Китайскую историю» Величко я ещё не раскрутила, к сожалению».

Так что, уважаемый читатель, рассказ об уроженце Болховского уезда Андрее Величко ещё не закончен. Не изучена часть его орловской биографии (с 1905 и по ?), не выяснено, что же случилось с ним в Китае.

Будем искать и надеяться…

Лавровы из Кривцово

В 2013 году, к северу от Орла, в районе деревни Жилиной, пока не входящей официально в городскую черту, началось строительство нового микрорайона под названием Болховский (названного так потому, что расположен он рядом с Болховским шоссе – А.П.).

Две новых улицы, появившиеся здесь, получили имена Генерала Лаврова и Графа Киселёва. В этом очерке речь пойдёт о генерал-майоре Василии Лавров и членах его семьи.

«Ваш на земле и за гробом…»

Одним из переломных событий русско-турецкой войны 1877-1878 годов стало сражение у болгарского села Горный Дубняк, турецкие позиции у которого не давали русским войскам полностью блокировать крупный вражеский гарнизон в крепости Плевна, что обеспечило бы перелом в ходе всей войны.

Для взятия вражеских укреплений был послан отряд гвардии во главе с генералом Гурко. 12 октября 1877 года, в 9 часов утра, войска его войска начали штурм. Позиция неприятеля была крайне выгодной - высота на ровной площадке, господствующая над окружающей местностью.

Лейб-гвардии Финляндскому полку под командованием генерала Лаврова, входившему в состав отряда Гурко, предстояла очень трудная задача - пересечь открытую, прекрасно простреливаемую турками поляну шириной порядка 500 шагов. Лавров принял решение сделать это бегом и сам повёл солдат в атаку. Бой был страшным. Из воспоминаний участников:

«адский, потрясающий огонь... что-то чудовищное, уничтожающее...» (участник штурма А. Пузыревский);

«Бойня... резня... ад огня...» (полковник Г. П. Шмидт, сменивший В.Н. Лаврова на посту командира лейб-гвардии Финляндского полка после тяжёлого ранения последнего).

Несколько приступов были неудачными, потери в этом жестоком бою составили, по разным оценкам, до 3 600 человек убитыми, ранеными, контуженными и пропавшими без вести.

И тогда генерал Лавров вновь решил вдохновить бойцов примером. *«Молодцы! Сейчас пойдем в атаку. Когда я взмахну саблей и крикну «ура!» – смотрите все за мной»,* – обратился он к солдатам и устремился вперёд. Не добежав 50 метров до турецкого редута, генерал упал от двух пулевых попаданий. Но полк, вдохновлённый своим командиром, задачу выполнил.

Накануне этого рокового боя, предчувствуя беду, Лавров написал письмо жене: *«Через час мы идем в дело, если мне не суждено будет остаться живым, то посылаю тебе это прощальное слово. Благодарю тебя за то счастье, которое ты мне доставила, умру, произнеся твое имя с последним вздохом, - люблю тебя, как может только любить человеческое сердце. Да хранит тебя и детей Господь Бог, да составят*

они твое счастье и утешение. – Благословляю Вас. Меня похорони в Кривцове. Ваш на земле и за гробом. Вас. Лавров».

Командир Лейб-гвардии Финляндского полка

Василий Николаевич Лавров родился 27 апреля 1837 года (в некоторых источниках назван 1838 год – А.П.) в семье служилого дворянина в Епифановском уезде Тульской губернии (орловский краевед Владимир Ильич Воробьёв писал, что местом рождения было село Кривцово Болховского уезда – но ссылки на документы не привёл – А.П.). После окончания с отличием в 1855 году школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров он поступил на службу в лейб-гвардии Конно-Гренадерский полк.

Потом были учёба в Николаевской академии Генерального штаба и служба в штабе Гвардейского корпуса. 12 января 1863 года, в чине штабс-капитана, Василий Лавров получил направление в Северо-Западный край, в распоряжение генерала Н. Ганецкого. Состоя при штабе 2-й гвардейской пехотной дивизии, молодой офицер участвовал в сражениях с польскими повстанцами при Гудишках и Шнуркишках (в последнем получил ранение), и за отличие в них был награждён золотой саблей с надписью «За храбрость» и орденом Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом.

Юнкер Василий Лавров (в школе подпрапорщиков и юнкеров)

Генерал Василий Лавров

Мария Александровна Лаврова

Елизавета Васильевна Лаврова (Болдырева)

В 1866 году Василий Лавров познакомился с Марией Александровной Погребовой – дочерью известного купца и сделал ей предложение руки и сердца. Медовый месяц после свадьбы молодые провели в сельце Кривцово - имении Лавровых в Болховском уезде – и в Париже. В 1867 году у Лавровых родился сын (он умер в младенчестве – А.П.), в 1871-м – дочь Елизавета (её известный портрет работы Ильи Репина хранится в Русском Музее – А.П.).

30 августа 1875 года Василий Николаевич был произведён в генерал-майоры, а в сентябре 1876 года назначен командиром лейб-гвардии Финляндского полка, в составе которого он уже участвовал в боях с польскими повстанцами.

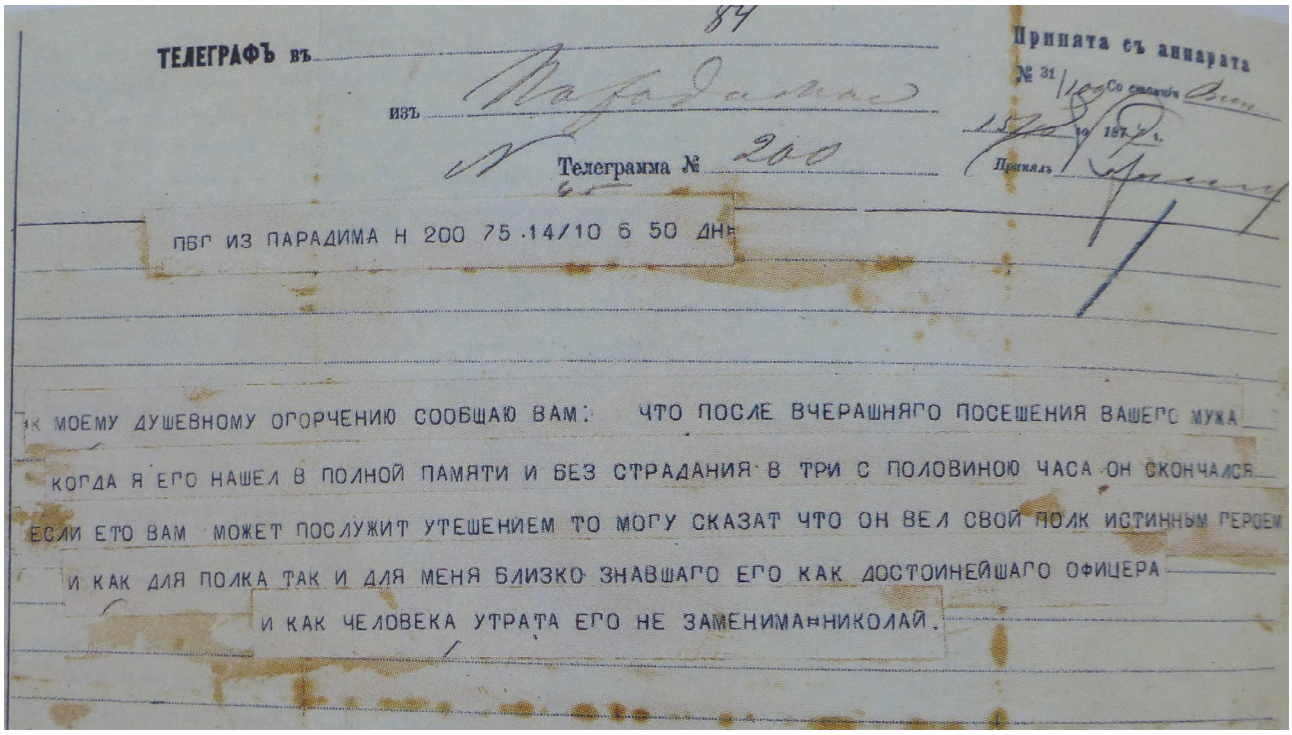
Знак участникам событий у Горного Дубняка

А 12 октября 1877 года случилось то, о чём я уже рассказал. Генерал Лавров скончался в результате тяжёлых ранений через два дня после того жестокого боя. Выполняя волю мужа, его 30-летняя вдова Мария Александровна две недели сопровождала цинковый гроб с телом героя из Болгарии в Болховский уезд, в родовое имение Лавровых.

На щите: возвращение на родину

В последних числах октября траурная процессия прибыла на станцию Мценск Московско-Курской железной дороги. На всём тридцативёрстном пути далее - от станции к месту упокоения - стояли у дороги жители ближних и дальних сёл и деревень.

Здесь мне придётся сделать некоторые уточнения. Дело в том, что во многих источниках и справочных статьях о генерале Василии Лаврове сказано, что похоронили его в склепе Кривцовской церкви. Однако это не совсем так.

ТЕЛЕГРАФЪ въ ... Принята съ аппарата

изъ ... Телеграмма № 200

ПБГ ИЗ ПАРАДИМА Н 200 75 14/10 6 50 ДН

ГК МОЕМУ ДУШЕВНОМУ ОГОРЧЕНИЮ СООБЩАЮ ВАМ: ЧТО ПОСЛЕ ВЧЕРАШНЯГО ПОСЕЩЕНИЯ ВАШЕГО МУЖА

КОГДА Я ЕГО НАШЕЛ В ПОЛНОЙ ПАМЯТИ И БЕЗ СТРАДАНИЯ В ТРИ С ПОЛОВИНОЮ ЧАСА ОН СКОНЧАЛСЯ

ЕСЛИ ЕТО ВАМ МОЖЕТ ПОСЛУЖИТ УТЕШЕНИЕМ ТО МОГУ СКАЗАТ ЧТО ОН ВЕЛ СВОЙ ПОЛК ИСТИННЫМ ГЕРОЕМ

И КАК ДЛЯ ПОЛКА ТАК И ДЛЯ МЕНЯ БЛИЗКО ЗНАВШАГО ЕГО КАК ДОСТОИНЕЙШАГО ОФИЦЕРА

И КАК ЧЕЛОВЕКА УТРАТА ЕГО НЕ ЗАМЕНИМАнникОЛАЙ.

Приходская церковь помещиков Лавровых находилась не в Кривцово, а в селе Березуй. Да, существовало в XIX-начале XX века в Болховском уезде уникальное село, причисленное к духовному ведомству и располагавшееся в 20 верстах к востоку от города Болхова на крутом берегу реки Березуя – притока Оки. Здешним строителем Введенского храма, освящённого в 1829 году, был дед павшего в сражении с турками генерала – В.И.Лавров. Вот сюда, в Березуй, к небольшой однопрестольной церкви, и привезла убитая горем вдова Мария Лаврова тело своего незабвенного мужа.

Проводить Василия Николаевича в последний путь собрались все окрестные жители. Приехали представители из Епифанского уезда Тульской губернии. Многочисленной была делегация из уездного города Болхова: городской голова Алексей Клягин, уездный предводитель дворянства Фёдор Кривцов, уездный исправник Иван Протопопов, полицмейстер Алексей Бурнашов, чиновники и жители города.

Присутствовало и губернское начальство: орловский генерал-губернатор, генерал-майор Константин Боборыкин, вице-губернатор Павел Дьяконов, начальник губернского жандармского управления полковник Яков Дудкин, губернский предводитель дворянства Павел Тютчев, столоначальники, чиновники, представители всех сословий. Духовенство на погребении возглавлял владыка Орловский и Севский епископ Ювеналий. В общем, такого скопления людей здесь не видели никогда.

В метрических книгах Введенского храма села Березуй имеется запись, что *«14 октября 1877 года скончался от ран, полученных на поле брани, командир Лейб-гвардии Финляндского полка генерал-майор Василий Николаевич Лавров, 39 лет. Похоронен 30 октября»*. Отпели генерала священник села Березуй Алексей Попов с причетником Василием Никольским.

Лаврова М.А., её дочь и Болдыревы

После прощания с покойным гроб с телом Василия Николаевича Лаврова поместили в семейный склеп, располагавшийся с правой стороны храма Введения. На могилу была положена чугунная плита с надписью*: «Командир Лейб-гвардии Финляндского полка В.Н.Лавров. Родился в 1837 году, погиб под Горным Дубняком в 1877 году».*

Мария Александровна Лаврова: на благо орловчан

Родовое имение Лавровых, сельцо Кривцово, находилось в версте от Березуя. Там с момента похорон любимого мужа поселилась на постоянное жительство его вдова Мария

Александровна Лаврова, посвятившая отныне жизнь Богу, ведению хозяйства и помощи местным жителям.

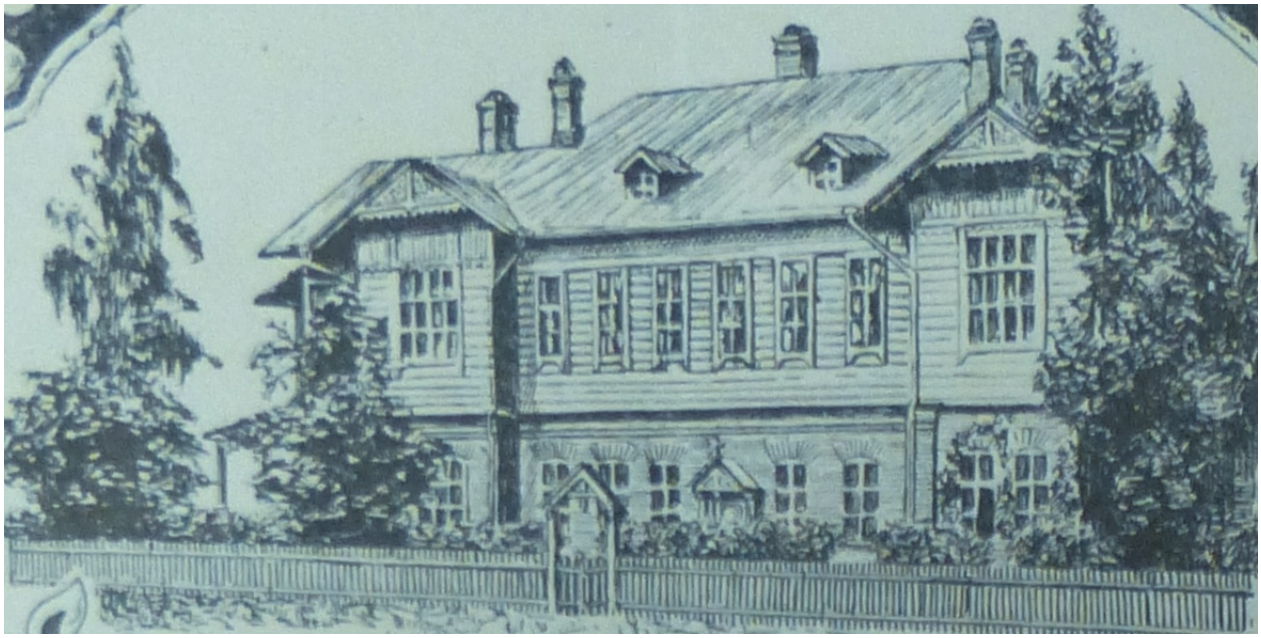
В 1880 году она выделила большую сумму денег на обновление храма в селе Березуй: стены его были оштукатурены, пол переделан, поставлен новый иконостас и построен дом для священнослужителей.

В 1901 году Мария Александровна ещё раз пожертвовала солидные средства на его повторный ремонт. И кто бы ни был настоятелем церкви – вдова генерала всегда приходила батюшкам на помощь, если они нуждались в чём-то.

В сельце же Кривцово Мария Александровна Лаврова устроила земскую больницу и начальное сельское училище, преобразованное затем в двухклассное, названное именем её мужа-генерала. Вот какие сведения об этом училище я нашёл в «Журналах заседаний 38 Болховского уездного собрания» (ГАОО, фонд 465 (Болховская уездная земская управа), опись 1, ед.хр.121, л.89об.):

«В селе Кривцово – образцовое двухклассное училище, содержимое на совместные средства Министерства народного просвещения и вдовы генерал-майора Марии Александровны Лавровой, в котором обучалось 68 мальчиков и 30 девочек (1902-1903 учебный год)».

Просветительская деятельность Марии Александровны способствовала тому, что местные крестьяне были «расположены к грамотности без всяких предубеждений».

Лавровское училище в селе Кривцово Болховского уезда

В фонде 492 Государственного архива Орловской области мне удалось найти свидетельство, выданное мещанской дочери Анне Додоновой по завершении её обучения в Лавровском двухклассном

сельском училище Министерства Народного Просвещения 11 мая 1913 года, в котором есть подпись Почётной блюстительницы Лавровой. Почти 30 лет Мария Александровна содержала это учебное заведение, в основном, на свои средства, - в память о погибшем на войне муже-герое. Судя по найденному мною рисунку, это было приличных размеров деревянное двухэтажное здание, окружённое деревянным же забором.

После революции имение Лавровой было национализировано, и вдове-генеральше пришлось покинуть дорогие ей места и уехать в Петроград, к дочери Елизавете и внуку, известному потом учёному-востоковеду А.Н.Болдыреву.

Свидетельство об окончании Лавровского училища

Вот как сам Александр Николаевич вспоминал о своём детстве, проведённом с бабушкой-генеральшей: *«…Я хорошо помню годы, проведённые мной в селе Кривцово и в Петербурге, в доме на Загородном проспекте. Бабушка моя, Мария Александровна, была женщина статная и очень красивая, даже уже в пожилом возрасте. В Петербурге бывала только наездами. Кривцово она очень любила: здесь прошли её молодые годы, здесь она пережила гибель мужа, моего деда. Бабушка была хорошей хозяйкой, имение содержала в образцовом порядке. Местные жители к ней относились хорошо. Бабушка всегда*

откликалась на просьбы местных жителей: то кирпичом, то лесом, то ещё чем помогала кривцовцам, за это они её уважали и добро старались оплатить добром.

А вот с местными властями почти постоянно бывали конфликты. Она укрывала революционеров, их нелегальную литературу и даже оружие. После революции 17-го года я находился при ней, а в 1918 году мы с бабушкой переехали в Петроград…» (цитирую по книге В.И. Воробьёва «Ваш на земле и за гробом…» - Литературно-краеведческое приложение к Орловской районной газете «Наша жизнь». Орёл, 1994,стр.13 – А.П.)

Мария Александровна Лаврова
с внуком Александром

После переезда в Петроград М.А. Лаврова с внуком и другими родственниками жила в принадлежавшем ей доходном доме по Загородному проспекту, 28. Дом тоже был национализирован после революции, но бывшим хозяевам оставили в нём несколько комнат. В одной из них 13 января 1922 года Мария Александровна Лаврова и скончалась. Похоронили её на Смоленском кладбище северной столицы. Могила вдовы героя-генерала и активной общественной деятельницы Орловщины, к сожалению, не сохранилась.

Вместе с другими героями

В конце 20-х - начале 30-х годов XX века церковь во имя Введения во храм Пресвятой Богородицы в Березуе была закрыта и подверглась безжалостному грабежу. Посягнули мародёры и на склеп генерала Лаврова. В результате прах Василия Николаевича был перенесён тогда в другое захоронение – в нескольких десятках метров от церкви.

В период Великой Отечественной войны в здешних местах весь 1942 год и первую половину 1943 года шли кровопролитные бои. От многих деревень остались только воспоминания да головешки от домов. Маленькое село Березуй перестало существовать, а вскоре не осталось ничего и от его Введенской церкви.

Затерянное в зарослях бурьяна вторичное захоронение генерал-майора Василия Лаврова, благодаря усилиям замечательного болховского журналиста и краеведа Александра Егоровича Венедиктова и орловского архитектора Сергея Ивановича Фёдорова было найдено, и прах героя русско-турецкой войны 7 сентября 1978 года был перенесён в третий раз. Теперь могила Василия Николаевича Лаврова с установленным на ней бюстом работы скульптора В.Н. Басарева и архитектора С.И. Федорова находится рядом с Кривцовским воинским мемориалом. Герой освобождения Болгарии, наконец, нашёл последний покой здесь – рядом с героями Великой Отечественной.

Могила Василия Лаврова на Кривцовском мемориале

Приложения

Письма генерала Василия Лаврова жене

Из письма №15

(Богот под Плевною, 9 октября 1877 года)

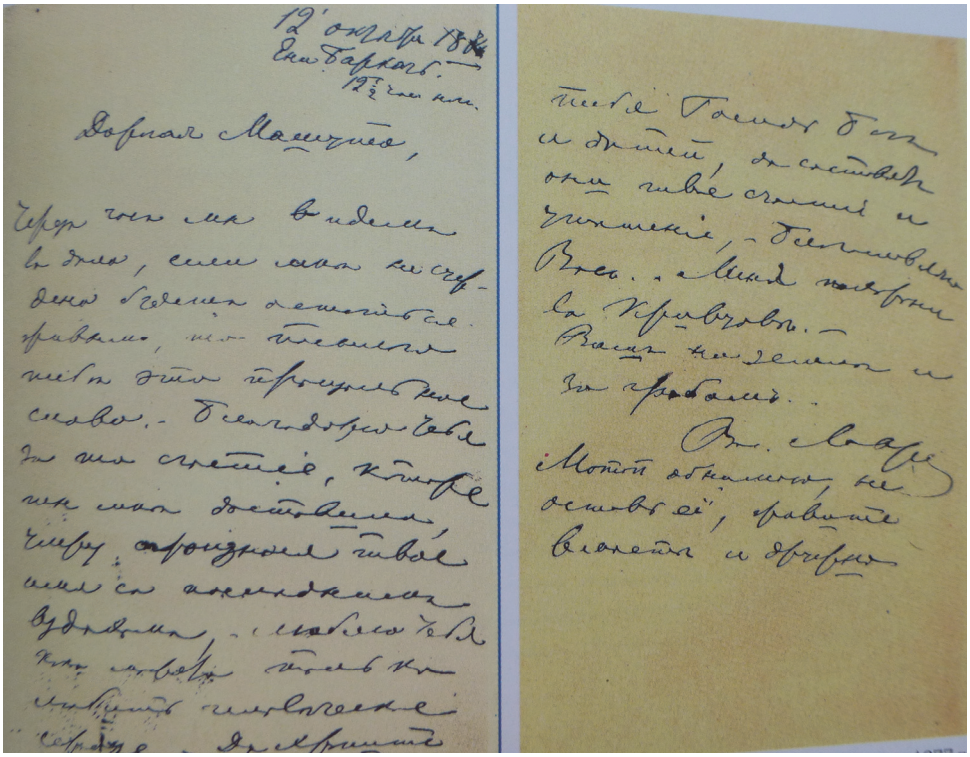
«Давно не писал тебе, моя дорогая и ненаглядная Машута, и всё потому, что блуждали и не были близко от почты…

…Что детки? Часто ли вы вспоминаете о вашем Папульке, - такое желание на вас посмотреть, - прошло два месяца, как мы расстались, а, кажется, прошёл чуть ли не год – я ожидаю, что Коля и Лялинька напишут мне несколько слов. – До нас теперь доносятся выстрелы, вчера была сильная пальба, это румыны атаковали 2-ой Гривицкий редут, взяли его, но потом должны были отдать туркам. – Впереди нас в двух верстах стоит Скобелев, со своей храброй дивизией. – В моём хозяйстве расстройство – один из старых коней оканчивает своё существование, он не вынес всех трудностей походных и лежит, едва дыша, - через несколько времени он околеет. Следующее письмо уже и не знаю, откуда буду писать, - сейчас получено известие, может быть, впрочем, и ложное, что Осман-Паша уходит из Плевны, если мы за ним будет гнаться, то нас не скоро остановят. Много и крепко целую вас, мои родные.

Ваш П.».

Письмо №16

(12 октября 1877. Ени-Баркач, 12 ½ часа ночи)

«Дорогая Машута!

Через час мы идем в дело, если мне не суждено будет остаться живым, то посылаю тебе это прощальное слово. Благодарю тебя за то счастье, которое ты мне доставила, умру, произнеся твое имя с последним вздохом, - люблю тебя, как может только любить человеческое сердце. Да хранит тебя и детей Господь Бог, да составят они твое счастье и утешение. – Благословляю Вас. Меня похорони в Кривцове.

Ваш на земле и за гробом. Вас. Лавров.

Обнимаю, не оставьте её. Живите вместе и дружно»

(Цитаты по книге В.И. Воробьёва «Ваш на земле и за гробом…» - Литературно-краеведческое приложение к Орловской районной газете «Наша жизнь». Орёл, 1994,стр.12-13 – А.П.)

Лавровы из Дросково

Лавровы – фамилия очень популярная как в России, так и на Орловщине. К примеру, героем Отечественной войны 1812 года, сподвижником Михаила Илларионовича Кутузова и родственником Ивана Сергеевича Тургенева был генерал-лейтенант Николай Иванович Лавров. А героем русско-турецкой войны 1877-1878 годов стал генерал-майор Василий Николаевич Лавров, командир лейб-гвардии Финляндского полка (о нём я рассказал в предыдущем очерке – А.П.). Оба военачальника упокоились на орловской земле, в своих поместьях - в Кромском и Болховском уездах.

Сын священника

Но мой рассказ будет о других Лавровых, менее известных, не дворянского роду-племени, но тоже оставивших заметный след в истории Орловщины и России. Они – из священнического сословия.

Василий Семёнович Лавров в 40-50-ые годы XIX века был одним из трёх священников большого прихода Христорождественской церкви села Дросково (Малоархангельский уезд). Здесь он оказался после окончания Орловской духовной семинарии, и под руководством двух опытных батюшек – протоиереев Фёдора Полидорова и Григория Скуридина - быстро приобрёл авторитет как у них, так и у прихожан-дросковчан.

8 января 1852 года у Василия Семёновича Лаврова и его жены Елизаветы Яковлевны родился сын, названный при крещении Филиппом. Восприемниками (крёстными) младенца стали диакон Дросковской

церкви Дмитрий Рябинцев и дочь протоиерея Фёдора Полидорова, девица Мария.

А крестил новорожденного сам протоиерей Полидоров, известный потом в губернском Орле священнослужитель.

Филипп Лавров, как водилось в те годы, получил основы образования в домашних условиях, но его отец, в отличие от большинства служителей Божиих, выбрал затем сыну не духовную, а светскую дорогу, направив его для обучения в Орловскую мужскую гимназию. В аттестате зрелости, который Филипп Лавров получил по окончании учебного заведения 15 июня 1873 года, указывалось, что *«… он обучался в гимназии 8 лет и пробыл в 7 классе два года. За всё время обучения поведение его вообще было отличное, исправность в посещении и приготовлении уроков, а также в исполнении письменных работ удовлетворительно, прилежание достаточное и любознательность достаточная».*

Оценки выпускника гимназии в аттестате оказались, в основном, удовлетворительными, а по Закону Божию, латинскому и греческому языкам, истории и естествоведению – хорошими.

Студент Медико-хирургической академии

Отец Филиппа, Василий Семёнович, не смог порадоваться успехам сына: он к этому времени скоропостижно скончался. И Филипп Лавров самостоятельно выбрал для себя дорогу в жизни: 12 августа 1873 года он подал прошение ректору Санкт-Петербургской Медико-хирургической академии о приёме в число студентов. Зачислили сына священника на основании только аттестата – без экзаменов.

Годы обучения в академии были трудными для Филиппа Лаврова не из-за проблем с разнообразными предметами, поскольку он благополучно успевал по всем, а по причинам сугубо материальным. Ему систематически не хватало средств даже на пропитание, поскольку мать получала небольшую пенсию и помочь сыну не могла, а каких-то других источников дохода у семьи не имелось. Филипп был вынужден обратиться к ректору академии с прошением о назначении ему академической стипендии или замены её стипендией Туркестанской области.

Честно говоря, не знаю, почему именно Туркестанская область оказалась спасительницей Филиппа, но так случилось. Лавров с 1876 года и до выпуска из академии получал стипендию, но с обязательным условием после завершения учёбы приехать в Среднюю Азию на работу в качестве дипломированного специалиста. Туркестанская материальная помощь выручила Филиппа Лаврова вдвойне, поскольку он на пятом курсе женился и с молодой женой стал снимать вольнонаёмную квартиру

в доме №37 по Нижегородской улице (Выборгская сторона Санкт-Петербурга – А.П.).

Как ни удивительно, избранницей сына священника стала Агафья Кугушева - представительница княжеского семейства, чьё имение Князево (Княжее, Княжово тож) находилось в Малоархангельском уезде не очень далеко от села Дросково, и – по всей видимости – просто случилась любовь, которой не смогли помешать сословные ограничения.

В борьбе с жарой, скорпионами и «чёрной смертью»

В самом конце декабря 1879 года Филипп Васильевич Лавров, успешно сдавший экзамены и прошедший практику по специальности в госпитальных клиниках, получил диплом со званием «лекаря» и отбыл в Среднюю Азию.

Здесь 20 января 1880 года началась его служба, которая продлилась более 30 лет. Начав с должности лекаря в 1-й Туркестанской артиллерийской бригаде, Филипп Лавров был уволен в отставку Высочайшим приказом от 10 марта 1913 года с должности бригадного врача 3-ей Туркестанской стрелковой бригады. По увольнении Филипп Васильевич получил чин действительного статского советника (то есть, генерал-майора – в сравнении с военными чинами – А.М.), догнав в званиях своего однофамильца – героя русско-турецкой войны 1877-1878 годов, о котором он читал и на которого всю жизнь равнялся. Удостоился Филипп Васильевич и личного дворянства.

Три с лишним десятилетия службы и жизни в Туркестане, походов, в условиях жары, безводья и песков, заставляли врача Лаврова быть в постоянной готовности к любым неожиданностям – от теплового удара или укуса скорпиона – до внезапной встречи с «чёрной смертью» - чумой, что и случилось в октябре 1898 года в Эскандеровской волости Самаркандского уезда. Кстати, за успешную ликвидацию эпидемии заразного и страшного заболевания приказом по войскам Туркестанского военного округа от 24 сентября 1899 года временно заведующему (тогда) санитарной частью 8 Туркестанского линейного батальона Филиппу Лаврову было предоставлено право пожизненного ношения серебряного знака за борьбу с чумой.

Но – кроме него - за тридцатилетнюю беспорочную службу, *«за исполнение своих обязанностей и честное отношение к ним, а также за постоянное внимание и заботливость к нижним чинам и офицерам, вследствие чего болезненность между ними уменьшается»*, бригадный врач Ф.В.Лавров был награждён орденами Св.Станислава 3 и 2 степени, Св.Анны 3 степени и Св.Равноапостольного князя Владимира 4 степени.

Филипп Васильевич был одним из очень немногих военных врачей того времени, кто начал и закончил службу в одном и том же месте. Конечно, за это время он сумел как-то наладить свой быт, обосновавшись в красивейшем и стариннейшем городе Средней Азии – Самарканде. Здесь Лавровы жили в собственном домике, рядом с которым на небольшом земельном участке был разбит сад с самыми разнообразными плодовыми деревьями и кустарниками. В этом доме родились и почти все дети Филиппа Васильевича и Агафьи Павловны – два сына и две дочки.

К сожалению, среднеазиатский климат не очень подходил здоровью Агафьи Павловны, и она ушла в мир иной, не дожив до 60 лет. А спустя некоторое время, когда все дети Филиппа Васильевича уже выросли и обрели семьи, он сам, поработав ещё некоторое время, решился на продажу дома в Самарканде и переехал на родную Орловщину. По семейным рассказам, он купил здесь то ли дом, то ли небольшое имение, в котором и скончался. К сожалению, ни места, ни даты установить пока не удалось. Не сохранилось и ни одной фотографии действительного статского советника Филиппа Лаврова. Вот так!

«Социально-опасный элемент» и художник

Что касается его детей, то более-менее известна судьба самого младшего – сына Фёдора, родившегося в Самарканде в 1896 году.

Фёдор Лавров принимал участие в Первой мировой и гражданской войнах (скорее всего, сражался в составе казачьих войск, с которыми он был хорошо знаком по службе отца в Туркестане – А.П.). В самом начале 20-ых годов XX века он оказался в Пинске (нынешняя Белоруссия), служил хорунжим в армии генерала Перемыкина, которая формировалась на территории Польши для борьбы с Советской Россией.

После окончания Варшавской художественной школы (учился он так же и в Академии художеств в Загребе) Фёдор Лавров стал довольно известным художником. Он занимался графикой, скульптурой, резьбой по дереву, металлопластикой. Лавров известен как создатель витражей Федоровского собора – главного православного храма Пинска, а также скульптуры «Полещук», ставшей своеобразным символом популярных в Восточной Польше Полесских ярмарок (1936-1939 годы). Часто в белорусских изданиях и на открытках печатались его карикатуры и шаржи на злободневные события тех дней.

После вхождения Западной Белоруссии в состав Советского Союза Фёдор Филиппович работал руководителем кружка изостудии в Пинском Доме пионеров. А 20 июня 1941 года как «социально-опасный элемент» он был арестован и осуждён по 58 статье УК РСФСР. 29 декабря 1941 года его доставили в качестве «следственно-заключенного» в Вятский

исправительно-трудовой лагерь (Вятлаг) НКВД СССР (Кировская область). В Вятлаге Лавров трудился сначала на «общих работах», а с декабря 1943 года стал художником-постановщиком «центральной культбригады» («музыкально-драматического театра») и руководителем художественно-промышленных мастерских этого лагеря.

Поставил Лавров и несколько ярких спектаклей Вятлаговского театра («Сильва», «Марица», «Цыганский барон», «Запорожец за Дунаем», «Русалка», «Свадьба в Малиновке», «Баядера», «Без вины виноватые», «Нашествие», «Хозяйка гостиницы», «На дне», «Василий Теркин» и др.). Кроме театра, он успевал заниматься скульптурными работами: стал автором памятника В.И. Ленину в поселке Лесном (1944 год). 20 июня 1946 года заключённого Фёдора Лаврова освободили из-под стражи, а позднее и полностью реабилитировали.

После освобождения некоторое время он работал в городе Тавда (Свердловская область) художником офицерской школы МВД. Потом переехал в подмосковное Архангельское, где до самой смерти в 1971 году жил у своего сына, Дмитрия Фёдоровича.

Именно Дмитрий Фёдорович Лавров в 90-е годы начал поиски сведений по истории своей семьи, и по его запросу были присланы копии документов из Российского Государственного Военно-исторического архива. После ухода из жизни Дмитрия Фёдоровича его дело продолжила дочь - Ольга Грачёва (Лаврова). Она вышла на некоторые мои статьи, касавшиеся Дросковской церкви и семьи Кугушевых, а потом прислала и имевшиеся у неё документы. Результатом стал очерк о Лавровых – отце-священнике, сыне-военном враче, дослужившемся до генеральского звания, и внуке-художнике, оставивших о себе добрую память у тех, кто их знал. Теперь, читатель, о них знаешь и ты.

Болдыревы

Так причудливо порой бывает устроена жизнь, что даже в самых изощрённых фантазиях ты сам никогда бы не такого не додумался. Я расскажу тебе, читатель, историю одного семейства, а выводы насчёт выкрутас судьбы-индейки будут уже за тобой.

Два Василия: генерал и поручик

Итак, поручик Василий Болдырев, выходец из Потомственных Почётных граждан Орловской губернии, назначенный командиром 1-ой роты Лейб-гвардии Финляндского полка, в августе 1877 года отправился вместе со своими боевыми товарищами на фронт очередной русско-турецкой войны.

Василий Ксенофонтович Болдырев

12 октября состоялось первое и единственное сражение, в котором принимал участие поручик Болдырев. Оно произошло у болгарской деревни Горный Дубняк (Горни-Дубник). Здесь турецкие войска прикрывали подступы к мощной крепости Плевна. Кровопролитное сражение, длившееся несколько часов, закончилось взятием турецких оборонительных позиций. Однако русские войска понесло большие потери: выбыло из строя 127 офицеров и 3406 нижних чинов.

В том жестоком бою получил смертельное ранение и скончался двое суток спустя командир Лейб-гвардии Финляндского полка, генерал-майор Василий Лавров. Один из его офицеров и тёзка, поручик Василий Болдырев, ведя в атаку свою 1-ую роту на самом опасном участке, на так называемой «поляне смерти», был ранен сразу четырьмя пулями.

Генерала Василия Лаврова его вдова, Мария Александровна, увезла на родину, в Болховский уезд Орловской губернии, где 30 октября 1877 года героя погребли в семейном склепе в церкви села Березуй.

Поручика Василия Болдырева отправили в госпиталь, и там врачи сумели спасти ему жизнь. Однако служба в войсках для Василия Ксенофонтовича с тех пор закончилась. Он, поступив и успешно закончив Военно-юридическую академию, продолжил карьеру уже по правовой части: военным судьёй Казанского и Санкт-Петербургского военно-окружных судов.

Первый почётный гражданин Барнаула – орловчанин

В июле 1892 года успешного борца за соблюдением законности (уже в чине полковника) назначили на новое и необычное место – начальником Алтайского горного округа (с центром в городе Барнауле). Восемь лет, проведённых здесь Болдыревым, стали поистине звёздными и чрезвычайно плодотворными в его карьере.

Василий Ксенофонтович сумел наладить жизнь в округе в трудный период его существования, когда один за другим стали закрываться

ставшие вдруг убыточными сереброплавильные заводы. Сюда хлынули волны переселенцев, для исследования жизни которых, по инициативе Болдырева, было создано статистическое бюро. Следом появилось Общество любителей исследования Алтая, почётным председателем которого избрали Василия Ксенофонтовича.

Особенно велики оказались заслуги генерала Болдырева в деле развития народного образования на Алтае. Он помог преобразовать Барнаульское окружное училище в реальное, способствовал строительству 30 юбилейных школ в переселенческих поселках (средства на их строительство в связи со 150-летием округа выделил Кабинет Его Величества – А.П.).

Василий Ксенофонтович и Ольга Васильевна Болдыревы с детьми. Стоят слева направо: Николай, Дмитрий. Нижний ряд слева направо: Вася, Леля, Аня, Саша, Наташа. 1900 год

17 марта 1900 г. генерал-майор Болдырев был назначен заведующим земельно-заводским отделом Кабинета и выехал в Петербург. Городская дума присвоила ему звание Почетного гражданина Барнаула (первого в истории города – А.П.), его именем назвали улицу. Такой чести не удостаивался ни один из деятелей, служивших на Алтае. Мало того: были учреждены две стипендии его имени для учащихся реального училища, а в июне 1917 г. - третья, для механико-технического училища.

В дополнение к этому, служащие округа собрали по подписке 3639 руб., на проценты с них была учреждена стипендия имени В.К. Болдырева для казенной женской гимназии. В 1901 г. директор реального училища обратился к профессору Академии художеств И. Е. Репину с просьбой поручить одному из своих учеников написать портрет Болдырева,

"оказавшего важные услуги училищу". Портрет был написан в том же году художником Д.Ф. Богословским и вывешен в актовом зале училища. Вот так – ещё при жизни - барнаульцы постарались увековечить заслуги полюбившегося им руководителя края.

Семья Болдыревых.
1910-е годы

Вся дальнейшая жизнь и деятельность В.К. Болдырева оказались связаны с Петербургом, где он и скончался. В газете "Жизнь Алтая" появилось тогда печальное сообщение:

"8 декабря 1916 г. умер генерал-лейтенант Василий Ксенофонтович Болдырев... Период его службы на Алтае ознаменовался усиленной колонизацией края переселенческой волной, статистическими и научными обследованиями экономического и культурного положения населения, природы и почв. Край жил надеждами на близкий культурный расцвет. Ни до, ни после Болдыревского периода Барнаул так не пульсировал общественной жизнью".

И в завершение рассказа о Василии Ксенофонтовиче, уважаемый читатель. В самом начале этого очерка я привёл данные, что Болдырев – **«выходец из Потомственных Почётных граждан Орловской губернии».** Это записано во всех его официальных биографиях. Но мне, во время работы в Государственном архиве Орловской области, посчастливилось обнаружить подлинную запись о его рождении – в «Метрической книге Христорождественской церкви села Дросково

Малоархангельского уезда Орловской губернии за 1850 год» (ГАОО, ф.220, оп.2 ед.хр. 715). Вот она – цитирую:

«23 апреля 1850 года родился, 24 апреля - крещён Василий.

Родители:

Деревни Драчёвой 14 класса Ксенофонт Яковлев Болдырев и законная его жена Анна Феодорова.

Восприемники: села Дросково диакон Филипп Филиппов Богоявленский и деревни Драчёвой отставного Его императорского Величества лейб-кучера Фёдора Яковлева Рыбина жена Татьяна Феодорова».

Таким образом, теперь мы знаем, что герой сражения под Горным Дубняком и будущий генерал и общественный деятель, оставивший заметный след на Алтае, **Василий Ксенофонтович Болдырев** – не просто «из орловских Почётных граждан», а **родился в Покровском районе Орловской области.**

Роман генеральских детей

А теперь перейду к семейной жизни генерала-созидателя. Он был счастливо и по любви женат на Ольге Васильевне Немчиновой, от брака с которой родилось семеро детей: четыре сына и три дочери. У всех было достаточно безоблачное детство, жизнь в большой квартире Аничкова дворца на Фонтанке, 31 в Петербурге, учёба в престижных учебных заведениях, а вот после революции всем Болдыревым вдоволь пришлось испить горечи из чаши испытаний.

В полной мере рассказать обо всех её братьях и сёстрах – трудно: это долгий разговор, достойный целой книги. Но коснуться хотя бы основных моментов жизни братьев и сестёр Болдыревых я попробую. А начну - с Николая Васильевича Болдырева, поскольку его жизнь напрямую связана с Орловщиной, хоть и родился он в Петербурге. Но, наверное, судьба незримо вела его в родные места отца – через судьбу избранницы, Елизаветы Васильевны Лавровой.

Когда, где, при каких обстоятельствах сын действующего придворного генерала познакомился с дочерью героя русско-турецкой войны 1877-1878 годов, мне выяснить не удалось. Известно лишь, что безоглядно влюбившись в замужнюю к этому времени Елизавету (к тому же – старше его на 10 лет), Николай Болдырев сумел вдохнуть те же чувства в ответившую ему взаимностью красавицу, чей портрет в 1890 году написал знаменитый Илья Репин.

Николай Васильевич Болдырев

Болдырева Е.В. (Лаврова)
с сыном Александром

Елизавета Васильевна (в то время – Попова) занималась литературной деятельностью и сотрудничала – в качестве переводчицы - с известным журналом «Детский отдых». Она расторгла свой брак с первым мужем и в 1905 году стала женой Николая Васильевича Болдырева, выпускника юридического факультета Императорского Петербургского университета.

Поскольку мать Елизаветы Васильевны, Мария Александровна Лаврова, вплоть до революционных событий 1917 года, проживала в своём болховском имении Кривцово, то молодожёны, возможно, скрываясь от светских пересудов, переселились на некоторое время на Орловщину.

Здесь скромному чиновнику, коллежскому секретарю (X чин в «Табели о рангах»), Николаю Васильевичу Болдыреву, удалось занять должность начальника станции Куракино на Московско-Курской железной дороге. Ну а поскольку значительную часть времени супруги Болдыревы проводили у любимой тёщи, в Кривцово, то Болховское уездное земское собрание, испытывая острый дефицит в знатоках-юристах, предложило Николаю Васильевичу стать гласным, и он, после

избрания, в течение трёхлетнего срока исправно решал вопросы местного значения.

За несколько лет до революционных событий Болдыревы переехали в Петроград, где обосновались на Загородном проспекте, в доме №28. Николай Васильевич стал преподавать на кафедре философии права своего родного университета, заняв должность приват-доцента (внештатного преподавателя). Для души печатал статьи по вопросам образования в «Журнале Министерства народного просвещения».

Умер вовремя

Вскоре после революции, когда кривцовское имение Лавровых было национализировано органами Советской власти, вдова генерала Лаврова переехала в Питер, где поселилась в своём доме на Загородном проспекте, 28. Правда, жизнь Марии Александровны из-за последних переживаний и обострившихся болезней вскоре оборвалась. И это несчастье не стало последним в семействе Болдыревых.

За сотрудничество с Колчаком был арестован и посажен в тюрьму самый младший из братьев – Дмитрий. Просидев в ожидании суда несколько недель, он скончался от тифа. За тремя остальными братьями, преподававшими в советских высших учебных заведениях, началась слежка.

Николай Васильевич Болдырев был вынужден покинуть кафедру в Университете. Зарабатывая на хлеб, он занимал невысокие должности в различных учреждениях. Умер от тяжёлой болезни 25 сентября 1929 года, не дожив и до 50 лет. По воспоминаниям его единственного сына, Александра Николаевича, на следующий день после смерти отца в их дом пришли работники ОГПУ. У них был ордер на арест и обыск, но по причине печальных событий (ведь и среди чекистов тех лет встречались нормальные люди), никаких репрессий в отношении семьи Болдыревых они производить не стали. Можно сказать, повезло: вовремя умер глава семейства. После него осталось два до сих пор неопубликованных сочинения – «Формальный метод» и «Правда о большевистской России – голос из гроба».

Одну из цитат философа Болдырева (для кого-то, наверняка, - спорную) я здесь приведу: *«Все эти Грузинские республики, Кубани, независимые Украины, Азербайджаны, Таврии, Сибоблдумы и рады – загнивающие лужицы, оставшиеся после революционной стихии. Будучи разложением народного тела, они, естественно, не имеют под собой никакой опоры в народе. Личное честолюбие – единственный газ, которым они надуваются. Поэтому они не более прочны, чем мыльный пузырь, хотя и переливаются радугой всяких пышных титулов и одежд».*

Николай Васильевич Болдырев с сыном Александром

Александр Николаевич Болдырев

Вдова Николая Васильевича, Елизавета Васильевна Болдырева (Лаврова) умерла во время блокады Ленинграда, в 1942 году. Единственный их сын и внук двух русских генералов, Александр Николаевич Болдырев, стал известнейшим советским учёным-востоковедом, профессором, преподававшим, как ты, читатель, догадываешься, в том же Университете (только под названием «Ленинградский»).

Во время блокады Ленинграда он вёл подробный дневник, который в 1998 году был опубликован и является ценнейшим документальным свидетельством того, как жилось ленинградцам 900 страшных дней и ночей. **«Осадная запись»** (таково название изданной книги – А.П.) полна не только детальных описаний страданий и борьбы ленинградцев, но и тончайших психологических наблюдений за переживаниями умирающего с голоду, а затем терзающегося недоеданием человека, обремененного бесконечными заботами о семье.

Александр Николаевич Болдырев на фоне Невки

В дневнике упоминаются деятели науки и культуры тех лет, рассказывается о героических усилиях по сохранению сокровищ Эрмитажа, Публичной библиотеки, рукописных собраний Азиатского Музея и Пушкинского Дома, хранителем которых служил А.Н. Болдырев и его товарищи. Интересен и язык записей - лаконичный, высокоинтеллектуальный, изобилующий яркими образами и меткими новыми словообразованиями, отличающийся юмором и блестящим повествовательным стилем. К сожалению, сам автор не увидел вышедшей в свет книги. Александр Николаевич Болдырев скончался в 1993 году, и похоронили доктора филологических наук на Серафимовском кладбище Санкт-Петербурга.

«Рыцарь Святого Креста»

Так назвала небольшую книгу воспоминаний о своём брате Дмитрии Анна Васильевна Казакова (Болдырева). Издание увидело свет в китайском Харбине в 1935 году, спустя 15 лет после скоропостижной кончины Дмитрия Васильевича Болдырева.

Русский философ и публицист, развивавший идеи известных философов Лосского и Франка о единстве субъекта и объекта, он родился в 1885 году в Санкт-Петербурге. Окончив в 1903 году Первый кадетский корпус, поступил в 1905 году в Санкт-Петербургский университет на

физико-математический факультет, но завершил обучение в нём в 1912 году по историко-филологическому факультету.

Стажировался в Германии, в Гейдельбергском и Марбургском университетах.

Дмитрий Васильевич Болдырев

По окончании учёбы был оставлен на кафедре философии и с этого же года начал заниматься педагогической деятельностью, преподавая историю, русский язык и философские предметы в средних учебных заведениях в Петрограде. С 1916 года Дмитрий Болдырев состоял преподавателем по кафедре филологии на Петроградских высших женских курсах. С 1917 года преподавал историю в Первом Кадетском корпусе, поступив одновременно на службу в книжную палату. В том же 1917 году, вместе с несколькими другими философами, основал в Петрограде «Братство Святой Софии» (что-то вроде философского кружка или общества).

Представив в сентябре 1918 года две своих работы («Созерцание у Платона» и «Понятие психического») на историко-филологический факультет Пермского университета, Дмитрий Болдырев в ноябре 1918 года был назначен там же преподавателем по кафедре филологии. Кроме того, читал ещё и курс «Философское введение в психологию».

С приходом к власти в Сибири Колчака в 1919 году Дмитрий Болдырев был назначен директором пресс-бюро Русского бюро печати при его правительстве. Был активным борцом с большевиками *(в основном, словом, хотя сумел организовать также несколько так называемых «дружин Святого Креста» общей численностью около 6 тысяч человек – А.П.).* После разгрома войск Колчака был арестован вместе с ним. Содержался Дмитрий Болдырев в Иркутской тюрьме, в которой и скончался от сыпного тифа 12 мая 1920 года.

После его смерти, кроме нескольких философских статей, опубликованных в журналах «Русская свобода» и «Русская мысль» в 1915-1917 годах, осталось единственное крупное и незавершенное сочинение - "Знание и бытие». Оно было издано отдельной книгой в

Харбине, опять-таки, усилиями младшей сестры – Анны Васильевны Казаковой (Болдыревой).

Жена Дмитрия Васильевича, Евгения Арефьевна Болдырева, выпускница физико-математического отделения Платоновского института в Санкт-Петербурге, с малолетним сыном Василием эмигрировала в 1920 году в Китай. Работала в центральной библиотеке КВЖД (город Харбин), подготовила к печати и выпустила несколько книг своего мужа («Огненная купель», «Школа Св.Софии» и другие). Спустя четверть века Евгения Арефьевна и Василий Дмитриевич Болдыревы возвратились на родину. Жили в Кемерово, где в начале 60-ых годов XX века и умерла Е.Ф.Болдырева. О судьбе её сына Василия Дмитриевича Болдырева сведений нет.

Из Ленинграда – на Соловки – и обратно

Третий из братьев Болдыревых, Александр Васильевич, родился в 1886 году, закончил Санкт-Петербургский университет, в котором впоследствии преподавал (филолог-античник, доцент кафедры классической филологии). Знал несколько европейских и античные языки, написал популярный и до сих пор учебник латыни (совместно с Я.Боровским).

В 20-е годы он стал организатором и активным членом литературного кружка АБДЕМ (название – от первых букв фамилий членов, и только у Александра Болдырева были взяты сразу две буквы – А и Б.). Молодые литераторы занимались переводами известных античных произведений, успели общими усилиями перевести романы Ахилла Татия и Гелиодора.

Но в 1928 году Александр Васильевич был арестован и обвинён в антисоветской деятельности (ст. 58 – 11 УК РСФСР) как раз за участие в деятельности кружка АБДЕМ. И практически одновременно он оказался в числе обвиняемых по другому следственному делу – «подпольной контрреволюционной организации правой интеллигенции под названием «Воскресенье». Оба решения выносились в 1929 году. По второму следственному делу №108 Александра Васильевича, вместе с ещё 62 обвиняемыми, приговорили в трёхлетней ссылке в отдалённые районы СССР. В обвинительном заключении была дана короткая характеристика Болдырева Александра Васильевича:

«32 года, бывший дворянин г.Ленинграда (отец был генералом, прикомандированным при Министерстве двора), окончил Университет, преподаватель греческого и немецкого языков Университета, женат, кроме этой организации состоял членом еще одной антисоветской группировки, возглавлявшейся бывшим адъютантом Керенского, не

судился, по убеждениям монархист, проживает - Загородный пр. д.28, кв.14».

Но приговор по кружку АБДЕМа для него оказался суровее: 5 лет концлагеря. Естественно, Болдырев их и получил. Однако знатоку языков очень повезло: только два года он провёл на Соловках, оставшийся срок отбывал уже просто как ссыльный в городе Котласе. Мало того, после освобождения ему разрешили вернуться в Ленинград и работать в родном университете, на кафедре классической филологии, одним из основателей которой он являлся.

В 1937 году последовал ещё один арест – и опять освободили, всё-таки, судьба благоволила любителю античности. Александр Васильевич за несколько лет, остававшихся до начала войны, успел сделать несколько переводов из Платона и других античных авторов, перевёл также с немецкого «Удивительную историю Петера Шлемиля», сказку франко-немецкого писателя и естествоиспытателя Адельберта фон Шамиссо (книга была издана в Ленинграде в 1936 году). К сожалению, первый год блокады Ленинграда стал последним годом жизни Александра Васильевича Болдырева.

И несколько слов о его семье. Александр Васильевич был женат на Марианне Фёдоровне Граменицкой, известной пианистке Мариинского театра (семьи Болдыревых и Граменицких жили в одном доме №28 по Загородному проспекту – А.П.). Когда Болдырев сидел в страшном Соловецком концлагере, Марианна Фёдоровна всеми силами вытаскивала его оттуда.

Она ездила на Соловки на свидание к мужу с маленькой дочкой Соней (1929 года рождения – А.П). После прибытия на острова им ответили, что связаться с Александром Васильевичем нет никакой возможности. Но недалеко стояла баржа, и прибежавший откуда-то запыхавшийся человек прокричал в её сторону, что если там Болдырев, срочно верните его на берег, поскольку нужен переводчик с латинского. С баржи ответили что есть, и вернули его. Как потом оказалось, именно эта баржа, загруженная заключёнными, была затоплена в море. Так Болдырев остался жив. Эту судьбоносную историю рассказала уже повзрослевшей дочери Софье Марианна Фёдоровна.

Софья Александровна Болдырева (Маретина - в замужестве – А.П.), продолжая семейную традицию, стала известным учёным, доктором исторических наук, этнографом, специалистом по этнографии народов Северной Индии и Андаманских островов. Совсем недавно Софья Александровна, к сожалению, ушла из жизни.

«Болдырев – неподражаем…»

Единственным «технарём» из всех братьев Болдыревых стал самый младший – Василий Васильевич. Может быть, сыграло роль то обстоятельство, что он родился в паре с сестрой - «близняшкой», Ольгой Васильевной (Карповой). Случилось это знаменательное событие в Санкт-Петербурге 20 февраля 1891 года. Но образование младшенький получил в том же Санкт-Петербургском университете, на математическом факультете.

В годы гражданской войны некоторое время Василий Васильевич преподавал в Пермском университете. Ольга Васильевна Карпова всю свою жизнь помнила и благодарила брата, который её буквально спас в начале 30-х годов, после ареста мужа. Василий Васильевич работал тогда уже в Ленинграде, преподавал высшую математику в Институте инженеров железнодорожного транспорта, в который он устроил и сестру. Пусть просто лаборантом – но ведь она была «женой врага народа», и брат-близнец сильно рисковал собственной репутацией и даже свободой. Но не побоялся – и обошлось: сестра и племянница получили тогда средства к существованию.

Как и многие ленинградцы, математик Болдырев оказался в блокадном городе, выжил страшной зимой 1941-1942 года и в апреле 1942-ого был эвакуирован с Военно-механическим институтом на Северный Кавказ. Готовясь к отъезду и зная сроки, он, опять-таки, умудрился помочь любимой сестричке Ольге, договорившись о её эвакуации с его институтом (вместо уже выписанной лаборанту Карповой спецкомандировки в районы Новосибирска с ЛИИЖТом – А.П.).

Сестру он, в очередной раз, выручил, но собственное здоровье Василия Васильевича уже было непоправимо подорвано, и в мае 1942 года, в Пятигорске, математик Болдырев скоропостижно скончался, едва перейдя 50-летний рубеж. Женат он не был, и весь его немудрящий скарб передали сестре, Ольге Васильевне Карповой, которая присутствовала при последних минутах жизни благороднейшего человека.

Об одном из братьев (не буду говорить, о ком именно) один из его близких друзей сочинил экспромт-двустишие:

«Все мы прекрасно знаем,
Что Болдырев неподражаем!».

Эти слова с чистой совестью можно отнести к каждому из четверых – Николаю, Дмитрию, Александру и Василию Васильевичам – чистым, искренним, принципиальным личностям, которые никогда не забывали о своих близких и по мере сил и возможностей помогали друг другу.

От Прибалтики – до Китая и Австралии

О Наталье Васильевне Болдыревой (Секавиной в замужестве) могу сказать одно: верная, любящая жена и хозяйка. Её муж, Александр Николаевич Секавин был довольно известным человеком, юристом. В 20-ые годы, в Сухуми, при меньшевиках, он работал в судебных органах, вынес несколько приговоров большевикам. Потом жил в Сочи, откуда в 1927 году был выслан в Краснокошайск (современная Йошкар-Ола – А.П.). Отбыв ссылку, сумел даже сделать скромную карьеру там же, став начальником отдела в Марийском облпотребсоюзе. Но в 1938 году был арестован и 10 октября приговорён к расстрелу как враг народа.

Болдыревы Анна и Наталья Васильевны

Болдыревы Николай Васильевич и Наталья Васильевна

Наталья Васильевна Секавина, пока муж отбывал ссылку, с маленьким сыном Дмитрием приехала к нему добровольно, как декабристка. А когда Александра Секавина в 1938 году расстреляли, то начались скитания «жены врага народа».

Правда, сын, Дмитрий Александрович Секавин (он – 1919 года рождения), сумел выбиться в люди, получил высшее образование (закончил ветеринарный институт). С началом войны ушёл в армию,

служил начальником химической службы в 126 гаубичном артполку 44 гвардейской стрелковой дивизии в звании гвардии лейтенанта, с боями дошёл до Польши, заслужив медаль «За отвагу» и орден Красной Звезды.

Наталья Васильевна Секавина

Дмитрий Александрович Секавин

После Победы Дмитрий Секавин нашёл свою маму, Наталью Васильевну, в эстонском городке Раквере. Дмитрий Александрович решил и сам «бросить якорь» здесь же. Работал вначале на мебельной фабрике. Когда узнал о неустроенности своих родственников Карповых, то пригласил их на жительство в Эстонию. По словам Аркадия Николаевича Карпова, Дмитрий Александрович Секавин стал ему вместо родного отца.

После ухода с мебельной фабрики фронтовик много лет проработал по основной своей специальности - зоотехником в колхозе «Вяйке-Маарья».

В последние годы Дмитрий Александрович был председателем общества ветеранов агро-промышленного объединения «Пандивере» (в прошлом – колхоза «Вяйке-Маарья»).

Когда Наталья Васильевна Секавина в 1976 году умерла, то сын похоронил её на местном ракверском кладбище, рядом с сестрой, Ольгой Васильевной Карповой, упокоившейся одиннадцатью годами ранее. После того, как в 1991 году слава перешла к другим «героям», носившим во Вторую Мировую войну форму СС, капитан в отставке Секавин сильно

переживал, что в одночасье стал оккупантом, как и все другие русскоязычные жители Эстонии.

Что касается Анны Васильевны Казаковой (Болдыревой), написавшей книгу воспоминаний о брате Дмитрии, то её могила – в австралийском Сиднее, куда она с мужем Леонидом Казаковым эмигрировала из Харбина в 1939 году. Вскоре (27 ноября того же года) в газете «The Sydney Morning Herald» была опубликована большая статья о супругах Казаковых и помещена их фотография. Известный австралийский художник Том Олбан написал портрет "Капитан Казаков". Эта и ещё несколько картин Олбана стали призёрами художественной выставки в Сиднее. Однако, к сожалению, в вышедшем совсем недавно четырёхтомнике «Русская иммиграция в Австралии» сведений о Казаковых нет.

Могила Анны и Леонида Казаковых на кладбище Руквуд в Сиднее

Леонид Аркадьевич Казаков, уроженец города Николаева и выпускник Николаевского кавалерийского училища (Санкт-Петербург) стал создателем первой австралийской школы по дрессуре лошадей. Он и умер в 1966 году на своей небольшой конюшне Kia Ora возле любимой лошади. Спустя три года, 8 мая 1969 года, ушла в мир иной его верная жена Анна Васильевна Казакова (Болдырева). Вечный покой супруги нашли на русском православном кладбище Rookwood в Сиднее.

P.S. Как ни удивительно и ни печально, но в первой декаде декабря 2014 года это кладбище попало в сводки мировых новостей, поскольку именно на нём, в ночь с 8 на 9 декабря неизвестными вандалами оказались разрушены 76 надгробий и множество крестов на русских и сербских могилах. Местные журналисты подчеркнули странное совпадение, что произошло это событие как раз за сутки до визита в Австралию

украинского президента Петра Порошенко. Таковы вот гримасы современной политики. До могил русских эмигрантов докатилась волна событий на Украине – через моря и океаны… Кто знает, может, и могила Казаковых попала в число пострадавших?

Спустя несколько дней ТАСС передало, что Забайкальское казачье войско, по словам его атамана Геннадия Чупина, готово оказать содействие в восстановлении православных могил. Православные своих в беде не бросают…

Приложения

Письмо Николая Васильевича Болдырева Евгении Арефьевне Болдыревой (вдове его брата Дмитрия) (письмо адресовано в Харбин)

28 мая 1921 года.

Дорогая Женя, мы все были очень рады Вашему письму ко мне, ведь письмо из Харбина - это целое событие. Письма же, которые Вы писали мне в Саратов летом, я совсем не получил; но получил Ваши письма С.Л.Франк (Семён Людвигович Франк, профессор философии, - А.П.). Надо перетерпеть злую разлуку и лишения, ведь у Вас прекрасная задача в жизни; воспитать и вырастить Василька, чтобы он был похож на его папу. Только бы нам соединиться, дожить до встречи. Пусть душа Ваша будет покойна и уверенна. Мар.Дм. сама напишет Вам и сообщит всё, что знает о Ваших друзьях. О смерти Мити я знаю очень мало. Напишите в Пермь профессору Александру Иосафатовичу Коссовскому (А.И.Коссовский (1886-?) - ученый, славист, - А.П.), напишите на университет, он был при Митином конце, он хоронил его и вообще, больше других сделал для Мити.

Евгения Арефьевна Болдырева

Встречаюсь со многими, кто знал и видел Митю, у всех о нём светлая память. Виделся с Горовцевым, (Горовцев Александр Михайлович - (1878-27.10.1933) -правовед, издатель - А.П.), он среди других присутствовал на похоронах и указывал, где и как найти могилу Мити. Митя похоронен на

кладбище военного госпиталя в Знаменском предместье. На могиле крест с именем. Вещи, бывшие на нём, обручальное кольцо, письма Ваши с Васильком, фотографии и открытки, по сведениям, дошедшим до меня, находятся у Коссовского; я писал ему несколько раз, но не получил ответа. Напишите на счастье, Вы. По словам одного санитара, Митя молился перед смертью Богородице, прося сохранить его для сына, жены и неоконченного труда, ("Знание и бытиё", книга издана вдовой, Евгенией Арефьевной, в Харбине в 1935 году - А.П.), говорил, что молод и хочет жить. Оперировал его доктор Черниевский. Умирал он, истощённый болезнями и частыми операциями, перед кончиной впал в длительное забытьё, и только стал молиться перед самым концом. Боже, как всё мучительно и как свято всё, что связано с ним.

Женя, нужно жить, ведь у Вас есть живое наследие его, Василёк. После страшных испытаний мы будем ближе друг с другом и всё только, что есть у нас, будет Ваше и Василька.

Целую Вас и Лёля целует (Лёля - уменьшительное домашнее имя, Ольга Васильевна Болдырева - Карпова, родная сестра автора письма, Николая Васильевича Болдырева, - А.П.), её жизнь полна усталости и тяготы. Но все крепимся.

Коля.

Писал маме (мама - Ольга Васильевна Болдырева (Немчинова) - А.П.) по адресу, Садовая 8.

Письмо Николая Васильевича Болдырева
Евгении Арефьевне Болдыревой (вдове его брата Дмитрия)
(письмо адресовано в Харбин)

1 августа 1921 года. г.Саратов.

Дорогая сестра Женя!

Может, мне первому суждено открыть Вам страшную правду о смерти Мити. Пусть он живёт для нас в Васильке, в сыне Вашем. Черпайте силы для дальнейшей жизни. Сейчас, скажу Вам только, что семья наша духовно неразрывна, и Вы в ней родной человек навсегда. Всё наше принадлежит Вам и Васильку, и наш священный долг чести, долг перед святой памятью Мити, быть для Вас и его сына родными и своими людьми. Дай Бог жизни увидеться с Вами.

Ваш брат Коля.

(из семейного архива Карповых)

Орловский банкир Владимир Татищев

Владимир Сергеевич Татищев

После полудня 15 июля 1892 года в просторный дом графа Владимира Сергеевича Татищева, что уютно расположился чуть в стороне от болховского села Воиново, на правом берегу речки Орс, начали съезжаться гости. У хозяина имения и его жены, красавицы Александры (в девичестве – Володимеровой) повод был более чем подходящий: утром во Введенском храме соседнего села Коноплянки состоялось крещение младенца Наталии – уже третьего ребёнка у молодых супругов.

Званый обед в Воиново

Появилась на свет дочка ещё 22 июня, но из-за разного рода проблем с отъездами-переездами таинство крещения пришлось перенести аж на три недели. Но – слава Богу – всё осталось позади. И потому радостные Татищевы сами встречали гостей у ворот усадьбы.

Первыми, как и положено, приехали восприемники (крестные), благо, они же и близкие родственники – штаб-ротмистр Николай Григорьевич Мещеринов (шурин, муж Серафимы Сергеевны, родной сестры Владимира Татищева), и Юлия Александровна Володимерова, сестра супруги хозяина. Потом пожаловали Апухтины, Лавровы и другие соседи-помещики.

Обед по случаю такого события был дан графом знатный, хотя и постный. И до застолья, и после него все поздравляли супругов Татищевых с праздничным событием, вручали подарки для младенца Наталии, желали ей здоровья и Божьего благословения.

За столом и по завершении обеда гости интересовались, правда ли, что граф покидает Орловщину, землевладельцы которой успели оценить деловые качества коллежского секретаря Владимира Татищева, уже три года исполнявшего обязанности депутата Болховского уездного дворянства. Здешние помещики вначале по-разному отнеслись к факту

переезда из Москвы в своё имение Воиново потомка (пусть и дальнего) известного русского историка и географа Василия Татищева.

Из кавалерийского училища – на «гражданку»

Многим казалось, что это чистой воды блажь, поскольку сыну действительного статского советника (то есть, генерал-майора на гражданской службе – А.П.) и генеральской дочери не составило бы труда устроиться на «тёплое местечко» в одной из столиц. Однако болховские чиновники быстро выяснили, что Владимир Сергеевич Татищев – не из тех, кто ищет удобства. Он, к примеру, мог легко устроиться на учёбу в привилегированный Пажеский корпус, во главе которого стоял дед его матери, генерал от инфантерии Владимир Желтухин. Но Татищев выбрал другую дорогу и поступил в Николаевское кавалерийское училище, откуда, впрочем, выпустился не в войска, а на гражданскую службу – по 1-ому разряду, в чине губернского секретаря (12-ая ступенька в «Табели о рангах» - А.П.).

Служил Владимир Сергеевич в Департаменте Уделов, был помощником делопроизводителя Санкт-Петербургской военной конторы, женился в феврале 1886 года, родил сына Николая, а в 1889 году вдруг переехал в Воиново, где появились на свет одна за другой две дочки. И вот теперь, по слухам, Татищев уезжает на край империи – то ли в Царство Польское, то ли к «полехам».

Владимир Сергеевич не стал уклоняться от ответа и признался, что Минское уездное дворянство избрало его своим предводителем. Он считает это большой честью (ему ведь 27 лет от роду!) и потому уже через два дня отправляется к новому месту службы. И этот обед по случаю крещения дочки – как бы и прощальное застолье, на котором он хочет всех коллег и соседей поблагодарить за понимание и дружбу.

Вот так и тогда – у нас, на Орловщине, начиналась блестящая и стремительная карьера человека, которого посчитали потом одним из выдающихся финансистов России.

Три года Владимир Сергеевич прослужил в Минске – уездным предводителем дворянства, председателем местных уездных, по крестьянским делам и по воинской повинности присутствий и членом правления Минского отделения Крестьянского земельного банка.

В 1895 году Татищев – уже чиновник особых поручений Министра внутренних дел, а ещё через три года он становится заведующим особым делопроизводством Хозяйственного Департамента МВД. В 1899 году Владимир Сергеевич получает от императора первый орден – Святого Станислава 3-ей степени.

И, наконец, с конца 1908 года начинается пик карьеры орловского дворянина Владимира Татищева, правда, проходил он уже со второй женой, поскольку с Александрой Александровной Володимеровой (Татищевой) граф развёлся, увлёкшись иностранкой Маргарет Чартрон.

Финансовый гений России

13 декабря 1908 года император Николай II санкционировал учреждение Соединённого банка, созданного на основе трёх почти обанкротившихся (уже несостоятельных) банков: Южно-Русского промышленного, Московского международного и – ты удивишься, читатель, - Орловского коммерческого. Эти банки на общем собрании приняли решение об объединении (на основе устава Южно-Русского промышленного), а председателем правления и директором-распорядителем Соединённого банка стал Владимир Сергеевич Татищев.

Дальнейшие события показали, что этот выбор (акционеров и императора) был правильным, хотя начинать новому руководителю пришлось в очень нелёгких условиях: общий уставной капитал трёх слившихся банков сократился с 20 до 7,5 миллионов рублей. Но Владимир Сергеевич сумел в 1910 году привлечь в качестве нового акционера банка французский Banque de L'Union Parisienne, результатом чего стало увеличение основного капитала Соединённого банка до 15 миллионов рублей. А к 1917 году (за 8 лет) этот капитал составлял уже 40 миллионов.

Основным направлением деятельности Соединенного банка было финансирование промышленности. Банк имел 92 отделения, 3 из которых располагались за границей. По объёму операций он занимал 9-е место в России среди частных финансовых учреждений. Правление размещалось в собственном здании в Москве на углу Кузнецкого Моста и Рождественки.

Владимир Сергеевич Татищев, кроме того, что успешно руководил Соединённым банком, стоял во главе правлений: Московского общества подъездных путей, Общества производства и торговли резиновыми изделиями «Богатырь», Товарищества для торговли и промышленности в Персии и Средней Азии, Московского домовладельческого и строительного общества, Московского лесопромышленного товарищества. Он также был директором Русского страхового общества и членом правления Санкт-Петербургского общества электрических сооружений. Всё это большое хозяйство требовало немалых физических и умственных усилий, но граф Татищев умудрялся успевать везде, а его блестящие аналитические способности финансиста в большинстве случаев вели к успеху руководимые им банки и общества.

Владимир Сергеевич стал одним из богатейших людей России, что не мешало ему выступать против казнокрадства и алчности некоторых приближённых к царскому двору проходимцев. Одним из таких был Иван Манасевич-Мануйлов из окружения Григория Распутина. Он настолько уверовал в свою безнаказанность, что почти открыто требовал взятки со всех банков и банкиров – за, якобы, позволение им той или иной деятельности.

В 1916 году Татищев, согласовав свои действия с министром внутренних дел Александром Хвостовым, выдал Манасевичу-Мануйлову требуемую им взятку помеченными купюрами, что привело к взятию с поличным и аресту последнего. Правда, пострадал и Хвостов, которого конкуренты сместили с министерской должности.

Но авторитет графа Татищева не пострадал, и император Николай II даже рассматривал его кандидатуру на пост премьер-министра. Однако трезвые, проницательные и честные политики в преддверии революций уже были не востребованы.

Встретились после смерти

Разложение царского окружения дошло до того, что когда в декабре 1916 года дело Манасевича-Мануйлова слушалось в суде с участием присяжных заседателей, оно, по высочайшему повелению, было неожиданно прекращено министром юстиции Добровольским, что явилось небывалым случаем в судебной практике того времени.

С приходом революций и Советской власти карьера графа Татищева на территории России приказала «долго жить». Вначале Соединённый банк, а затем и другие руководимые им финансовые учреждения были национализированы, а Владимиру Сергеевичу пришлось искать другое применение своим способностям.

С конца июня до середины ноября 1918 года Татищев исполнял обязанности министра финансов в Крымском краевом правительстве. В этот период полуостров был оккупирован немцами, и Крым объявил себя автономной областью. Но призрачная независимость быстро закончилась, и Владимир Сергеевич Татищев, не дожидаясь прихода большевиков на Крымский полуостров, решил эмигрировать. Зафрахтовав целый пароход (благо деньги у банкира имелись), граф пригласил на него около сотни своих родственников и знакомых и навсегда покинул Россию.

Финансовой деятельностью за рубежом Владимир Сергеевич Татищев не занимался. Скончался он в 1928 году, во время путешествия по Красному морю, на борту корабля «Дамби». Тело покойного было

доставлено во Францию, где его погребли на русском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа под Парижем.

Спустя семь лет на это место упокоения прибыл и крёстный отец дочери Татищева Наталии - уже не штаб-ротмистр, а полковник лейб-гвардии Преображенского полка, Николай Григорьевич Мещеринов. Родственники вновь встретились – теперь уже навечно.

P.S. Кстати, в одном из особняков графа Татищева в Москве (по улице Новокузнецкой, 12-14) в настоящее время размещается посольство Индонезии. Что касается имения в болховском селе Воиново, то от него не осталось и следа.

Казины

Фамилия **Казиных**, во многом, знаковая для Покровского района Орловской области. На этой территории имелись до недавнего времени два населённых пункта под названием **«Казинка»** (просто Казинка и Малая Казинка), названные по фамилии этих помещиков. Имя-отчество одного из них, штабс-капитана, мне стало известно лет 20 тому назад, когда один из моих учеников, Виктор Ланин, рядом с кладбищем села Вязовое обнаружил надгробную плиту с его могилы.

Я долгое время считал, что Казины проживали только в бывшем Малоархангельском уезде, однако спустя много лет убедился, что это не так. Один из представителей этой фамилии был хорошо известен в губернском Орле. Познакомься, читатель, вот с этой историей…

От адъютанта генерала – до генерал-губернатора Восточной Сибири

Когда поздней осенью 1803 года в Орёл, проездом на Кавказ, прибыл на несколько часов 17-летний прапорщик Семён Броневский, только что выпущенный из Первого Московского кадетского корпуса, этого события в губернском городе почти никто не заметил: военных здесь в те годы хватало, тем более, такого незначительного чина. Но был в Орле человек, который искренне обрадовался визиту родного племянника: звали его Александр Степанович Казин, и о нём наша речь впереди.

Броневский же, погостив у дяди, отправился к месту службы, в город Георгиевск, где находился штаб Нижегородского драгунского полка. В его составе молодой офицер провёл пять боевых лет на Кавказе. В 1804-1805 годах году Семён Броневский принял участие в походах за реку Баксан, в Кабарду, в 1806 году совершил поход в Персию, участвуя во взятии Дербента, Кубы и Баку.

Семён Богданович Броневский

В мае 1807 года в составе отряда генерал-майора Капцевича он ходил за Кубань для отражения набегов закубанских народов.

Удостоившись за боевые отличия звания подпоручика, Броневский стал аъютантом генерала Г.И. Глазенаппа, и когда император Александр I назначил генерала инспектором сибирских войск, тот, уезжая с Кавказа, взял с собой в Омск и Семёна Броневского.

Почти 30 лет Семён Богданович провёл в полюбившемся ему сибирском крае, пройдя путь от обычного адъютанта до генерал-губернатора Восточной Сибири и командующего здешними войсками (в звании генерал-лейтенанта). А сделал он себе карьеру не по знакомству, как это часто бывало, а исключительно благодаря деловым качествам.

Заслуги Броневского за годы его деятельности в Сибири выразились в целом ряде мер и учреждений, сделавших памятным его имя в истории этого огромного края. Ему удалось отразить нападения мятежных соседей (ташкентцев и киргизов), он первый учредил русские колонии в сибирской степи, образовал регулярные военные силы в Восточной Сибири и устроил Сибирское линейное казачье войско, содействовал введению усовершенствованного сельского хозяйства в поселениях сибирских линейных казаков, развивал оседлость и хлебопашество среди киргизов, построил первое в крае казачье войсковое училище и создал первый в здешних местах военный духовой оркестр. Губернатора оценило местное общество и за его чисто человеческие качества.

Имелись у Броневского такие передовые идеи, которые тогда не были воплощены в жизнь, например, строительство железной дороги вокруг озера Байкал.

Удостоенный многих государственных наград и почестей императора, в звании генерал-лейтенанта, в 1837 году он был переведён в столицу, на должность сенатора по межевому департаменту. Скончался Кавалер орденов Святой Анны 2-го класса, Святого Равноапостольного князя Владимира 4 степени и Святого Георгия 4 степени С.Б.Броневский 14 февраля 1858 года, похоронили сенатора на Митрофаниевском кладбище Санкт-Петербурга.

Теперь, когда я перечислил основные заслуги генерал-губернатора Восточной Сибири, стоит назвать ещё одну, благодаря которой мы узнали очень многое как о самом Броневском и его семействе, так и о событиях, людях и местах, где за годы службы побывал и в которых жил Семён Богданович.

Книга о Броневском

Имелось у С.Б.Броневского ценнейшее для потомков качество: обладая хорошим литературным языком, он оставил после себя рукописные ***«Заметки из моей жизни, собственноручно мною записываемые на память многочисленному семейству"*** (в журнале «Исторический вестник» за 1889 год отрывок из них был опубликован под названием ***«Записки из моей жизни»*** - А.П.), которые фактически представляют собой подробную автобиографию.

В этих мемуарах Семён Богданович Броневский предстаёт перед нами как образованный, прогрессивный для своего времени, энергичный и целеустремлённый человек с незаурядными организаторскими способностями, высокими человеческими качествами, художественным вкусом и наблюдательностью путешественника.

Написаны «Заметки» живым, образным языком, в чём ты, читатель, сможешь убедиться, прочитав отрывок из них, посвящённый родному дяде генерал-губернатора Броневского – **Александру Степановичу Казину**, о котором я упомянул в самом начале рассказа.

Итак, цитата... из «Записок Броневского»:

«Лошадей убивал кулаком с одного раза…»

«В 1803 году 23-го октября я, наконец, был произведен в прапорщики в Нижегородский драгунский полк. Я отравился на Кавказ, в Георгиевск, где был штаб полка. Заезжая по дороге к некоторым родным, я не могу не упомянуть о дядюшке моем, Александре Степановиче Казине, орловском и тульском помещике, отличавшемся необычайной силой: он поднимал одной рукою 12 пудов (192 кг. – А.П.). *Росту он был 2 аршин и*

13 вершков (2 метра – А.П.), *толщины необъятной. Он был кавалергардом и как-то раз попал в Гатчину к Наследнику. При восшествии на престол Павла I от всех сверстников моего дядюшки велено было отобрать отзывы, куда они пожелают быть определены. Некоторые записались в армейские полки и были отправлены туда с повышением; другие, посмышленнее, употребили фразу, что желают вечно служить при государе в гвардии (года через полтора редкий из них не был уже генералом; например, Капцевич через 6 лет после корпуса был генерал-лейтенантом). А мой дядя написал на листке, что государю известно, что он по своей тяжести в кавалерии служить не способен потому, что никакая лошадь его не выдержит, а в пехоте потому, что не может ходить в строю; потому он просит службы гражданской на родине. Его произвели в коллежские ассесоры с назначением в Орел городничим. Предание гласит, что он имел право писать государю лично и даже получал ответы. На всех наводил страх такой голиаф-городничий. В досаде он поднимал купцов за бороды выше своей головы и перебрасывал через забор; лошадей убивал кулаком с одного раза. Одного мещанина, в чем-то провинившегося, городничий не хотел ударить рукою, а толкнул пальцем в бок и переломил ему ребро. Много таких проделок сходило ему с рук...».*

Разве орловский городничий Александр Казин в описании Броневского менее живописен, чем некоторые из персонажей Николая Лескова или Леонида Андреева? Да, *были люди в оно время,* как говаривал Михаил Юрьевич, современник Семёна Богдановича. *Были!*

А теперь – продолжение истории о покровских Казиных

Когда создавалась уличная экспозиция Покровского районного краеведческого музея, этот памятник мы перевезли (было тяжело, но получилось) из Вязового в Покровское, и вот уже более двадцати лет он находится на Памятной Дворянской аллее (теперь – у одного из зданий Покровского техникума по улице Советской, д.20).

Но долгое время имя штабс-капитана Ивана Ивановича Казина у меня никак не связывалось больше ни с какими другими именами, пока, наконец, я не заглянул в Алфавитный Указатель Дворянских родов Орловской губернии.

Там обнаружил я семейство, родоначальником которого был Иван Яковлевич Казин, (правда, без даты рождения), фамилию которого продолжили два сына – Михаил и Иван. У Михаила тоже дата рождения оказалась не зафиксирована в Алфавитном Указателе, а вот у Ивана она имелась – 7 января 1801 года.

Спустя несколько лет (если быть точным, то в 2010 году) в Государственном архиве Орловской области я работал с протоколами Малоархангельского уездного суда за 1811 год и совершенно неожиданно наткнулся на знакомые фамилии.

Цитирую выписку из этого дела:

«1811 года, сентября, 11 дня.

Слушали прошение малоархангельского помещика, порутчика, Ивана, Яковлева сына, Казина, при коем, представляя на отданное им детям своим, сыновьям: регистраторам – коллежскому Михайле, губернскому Николаю, недорослю Ивану, и дочери – девице Любви в вечное их владение из движимого и недвижимого своего имения, как-то, крестьян, написанных по скаскам пятой ревизии – Малоархангельской округи, в селе Верхососенье, дошедших ему по наследству после смерти родителя его, помещика Якова Григорьева сына Казина...».

Согласно этому документу, выяснилось, что помещик Иван Яковлевич Казин имел имение и крестьян в селе Верхососенье, а досталось ему «движимое и недвижимое» имущество от его отца – Якова Григорьевича Казина. Получается, что Казины были помещиками села Верхососенье уже в середине XVIII века, а может, и раньше.

Кроме того, из дела выяснилось, что кроме известных мне уже сыновей Михаила и Ивана у Ивана Яковлевича имелось ещё двое детей – Николай и Любовь.

Всем четверым своим детям Иван Яковлевич Казин судебным путём выделил движимое имущество – крепостных своих крестьян, проживавших в селе Верхососенье: Михайле – Семёна Филиппова с женою его Федосьей (перечень включал ещё несколько имён); Николаю – Авериана, Михайлова сына; Ивану – Тимофея, Сергеева сына с женой. Дочери Любови были выделены крестьяне, имевшиеся у родителя в Орловской округе. Суд определил всем детям просителя дать копии документов и ввести их во владение.

Так на нашей Покровской земле стало шириться и ветвиться семейство помещиков Казиных. Но корни их владений остались в селе Верхососенье, где они продолжали жить весь XIX и начало XX века. Однако, кроме помещиков Казиных в том же селе Верхососенье проживали ещё и однодворцы с такой же фамилией.

В протоколах Малоархангельского уездного суда содержатся документы о земельном споре, который был рассмотрен судом весной 1819 года.

Цитирую отрывок:

«14 мая Малоархангельской округи, однодворец Никифор Васильев Казин предоставил в суд данное ему и брату его, однодворцу Ивану

Казину духовное завещание их дяди, мценского помещика поручика Григория Тихонова сына Казина (завещание 1801 года, июня 20 дня – при отце духовном, села Верхососенье священнике Федосее Иванове и свидетелях, прапорщике Иване Филиппове, неслужащем дворянине Якове и Иване Самойловых и канцеляристе Семёне Алексееве сыне Бахматском)».

Впрочем, возможно, чтобы отличать многочисленное и разветвлённое семейство, некоторые из Казиных стали писаться как **«Козины»** (кстати, потомки их живут в селе Верхососенье до сих пор – А.П.).

Но вернёмся к основной теме и нашему основному роду помещиков Казиных. Имя Михаила Казина (как наследника) мне встретилось ещё раз позже в Протоколах Малоархангельского уездного суда за 1819 год. Имя просто упомянуто – для ориентира, но зато в этом отрывке названы известные нам и до сих пор верхососенские фамилии:

Итак, 28 июня 1819 года суд рассмотрел *«Дело села Верхососенье однодворцев Михайлы, Григория Ивановых, Ивана Казмина, Ивана, Тимофея Ивановых, Василья и Ананья Жестовских, при коем, представляя на покупную ими деревни Готовища у однодворцев Петра, Матвея, Карпа, Анисима и Петра Авсянниковых, состоящую в дачах села Верхососенье, в урочищах Верховья Сосны и близ Верха Щипаного, против владения помещика Михаила Казина**, пять четвертей, или что в тех урочищах на их часть сыщется всю без остатку, с лесы, с сенными покосы и со всеми угодьи купчую, просят учинить на оной законную явку, возвратив им...».*

Что касается Михаила Казина, то больше его имя мне не встречалось, но, по всей видимости, именно ему отец отдал земельные владения в самом селе Верхососенье и вокруг него.

Надгробная плита И.И. Казина

А вот Иван получил участки чуть дальше – в селе Вязовое, куда и вернулся хозяйствовать после ухода в отставку в чине штабс-капитана. Женился Иван Иванович, скорее всего, опять-таки, по уходу в отставку, поскольку первый ребёнок у него, Николай, родился в январе 1835 года, когда штабс-капитану было уже три с половиной десятка. За первым ребёнком последовали ещё шестеро, поэтому, когда Иван Иванович

скончался в мае 1870 года, чуть менее года не дожив до своего 70-летия, то умер он, вполне удовлетворённый сделанным.

Наследником Вязовского имения стал младший из сыновей – Леонид (1848 года), а родившийся уже у него 5 июля 1873 года сын Сергей стал последним из Казиных, живших в наших краях в усадьбе в селе Вязовом.

В 1908 году ему принадлежало 80 десятин 1200 сажен земли при этом селе персонально, а ещё нераздельно, вместе с сестрой, Зинаидой Леонидовной Скропшевой, он владел 227 десятинами 1200 саженями. Как ни удивительно, последний из владельцев Вязовского имения тоже был штабс-капитаном, как и его дед, Иван Иванович. Сергей Леонидович считался у соседей-дворян авторитетным помещиком, исполнял обязанности земского начальника, а с началом Первой мировой войны ушёл на фронт.

Нет сведений, где он был в годы гражданской войны, но в 1924 году С.Л. Казин продолжал проживать в своём вязовском доме, и его, как представителя эксплуататорских классов, лишили тогда избирательного права. В 1925 году, когда началось выселение всё ещё проживавших в имениях помещиков, Сергея Казина уже в Вязовом не было. Какова его судьба – выяснить мне не удалось. С последним из Казиных исчезла и фамилия, оставшись только в названии двух деревень, принадлежавшим им когда-то. Одна из двух Казинок уже тоже ушла в историю, другая вот-вот последует за нею следом. Печально, но уже, наверное, ничего не сделаешь.

Глава третья.
Под сенью храма Покрова

София из рода Арнольди и её предки

О представителях многих дворянских родов, имевших отношение к Покровскому краю, я написал за годы своих занятий краеведением. Но до фамилии Арнольди всё никак не мог добраться, хотя и знал, что была такая помещица в селе Покровское, проживавшая в нём и в первые годы Советской власти. Некоторые из старожилов называли её «Арнольдиха», но никаких подробностей о ней они мне не сообщили, и найти что-то дополнительное не удавалось.

«Дело о выселении…»

Единственная информация о помещице Арнольди появилась только в 1994 году, когда вышел в свет первый том «Реквиема» («Книги памяти жертв политических репрессий на Орловщине»). В нём, на странице 121-122, было опубликовано три строчки, которые я процитирую:

«АРНОЛЬДИ-ШЕПТУНОВА София Константиновна, 1878 г. р., уроженка и жительница дер. Кучерово Покровского р-на Орловской обл., машинистка. Арестована в 1937 г. Осуждена на 10 лет ИТЛ».

После этого снова наступила долгая пауза, и вот совсем недавно, в Государственном архиве Орловской области, в фонде Р-1689, я обнаружил

«Дело о выселении Арнольди Софьи Константиновны (№2/29)
2 января - 19 августа 1925 (*ГАОО, ф.Р-1689, оп.1, ед.хр.13).*

В нём оказались документы, позволившие очень многое узнать не только о самой Софии Константиновне Арнольди (Шептуновой), но и близких ей людях. Я постараюсь максимально использовать эти написанные карандашом или чернилами свидетельства, чтобы читатель проникся духом того непростого времени. Цитирую **первый документ**

Малоархангельской уездной комиссии по выселению бывших помещиков (А.П.):

О выселении Арнольди Софьи Константиновны
С. Покровское
Опись

Имущества, находящегося в пользовании бывшего владельца Арнольди Софии Константиновны при деревни Хорошей Покровской волости Малоархангельского уезда (ошибки, которые читатель заметил или заметит, - содержатся в тексте документа – А.П.).

Наименование имущества - количество - сумма в рублях - примечание

Дом кирпичный, крыт железом*, 22Х25 аршин, с оконными просветами - 12, штукатуренный - 1 - 500 рублей*

Амбар пятистенный, крытый железом*, 20Х12 - 150 рублей*

Кладовая кирпичная, без верха, *15Х15, с подвалом одной меры - 75, ветхая*

Сельхозинвентарь:

Плуг двухлемешный - 1 - 20

Телега деревянная - 1- 10, неисправная

Хомут возовый с шлеёй и седёлкой - 1 - 9

Сани деревянные - 1 - 10

Скот:

Лошадь - 4 лет, вороной жеребец - 100

Жеребёнок-сосун, гнедой - 5

Корова рябая - 25

Тёлка зеленчук - 1 - 15

Овец - 2 - 6

Хлеб и хлебофураж

Ржи - 40 пудов - 40

Овёс - 9 пудов - 10 руб 80 копеек

Картофель - 30 пудов - 9 рублей

Мука - 4 пуда - 4 рубля 80 копеек

Кормовой фураж:

Солома ржаная - 70 пудов - 21

Овсяная солома - 15 пудов - 4 рубля 50

Мебель и прочая домовая утварь:

Стол кухонный - 1 - 4 рубля - ветхий

Стол письменный - 1 - 3 - негодный

Шкаф посудный - 1 - 20

Гардероб - 1 - 20

Комод - 1 - 15

Кровать двухспальная, железная - 1 - 25

Самовар - 1 - 4

Кадушка 12 ведерная - 1 - 4

Чугунов разных размеров - 2 - 3

Одежда

Тулуп нагольный - 1 - 15

Семья: сама, её муж и двое маленьких детей

1924 декабря 31 дня

Опись производил ПредВик Сопин Василий Иванович и член РКП(б) Духовников С.Я. в присутствии уполномоченного Зубковского общества Зубкова Ивана Васильевича и двух окольных граждан деревни Зубковой - Зубкова И.Е. и гражданина дер.Хорошей Филимона Ивановича Плахотнюк.

Подписи всех названных.

Описанное и оценённое имущество правильно, которое впредь до особого распоряжения Покровского волисполкома принимаю под свою охрану, в случае расхищения таковой отвечаю по 185 ст. уголовного кодекса.

К сему бывший владелец – Арнольди.

ПредВик Сопин.

Настоящую опись имущества Покровский ВИК свидетельствует - 2 января 1925 года.

Пред. ВИК Сопин.

Секретарь.

Как читатель увидел, опись имущества бывшей помещицы Арнольди была составлена в последний день 1924 года, и она должна была предшествовать процедуре выселения Софьи Константиновны вместе с семейством из её бывшей усадьбы.

«Принадлежала к дворянскому пролетариату…»

Однако Софья Константиновна не стала ждать, пока её выгонят из дома, и попыталась воздействовать на власти, обратившись к ним с заявлением (оно без даты, но по входящему номеру видно, что это произошло не позднее 27 марта 1925 года – А.П.). Цитирую **документ №2:**

В Покровский Райсельсовет
Гражданки села Покровское-Липовица Орловской губернии
Малоархангельского уезда Софии Константиновны Шептуновой

Заявление.

Убедительно прошу местную власть вычеркнуть меня из списков помещиц, так как я занесена в эти списки совершенно ошибочно.

Происходя из бедной дворянской семьи, я со школьной скамьи поступила на железнодорожную службу, жила своим собственным трудом, получая скромное вознаграждение и не только какой-либо земельной собственности, но и вообще крупной движимости не имела и принадлежала к дворянскому пролетариату.

Накануне революции, захворав суставным ревматизмом, я вынуждена была оставить службу, после чего и вышла замуж за работника моего брата.

Имение же, бывшее Арнольди при селе Покровское-Липовица, ***принадлежало брату моему Михаилу Константиновичу Арнольди****, которым он и пользовался до революции. На основании вышеизложенного прошу местную власть снять с учёта мои вещи, то есть, необходимую комнатную и хозяйственную утварь, так как она нажита продолжительным тяжёлым трудом, как моим, так и моего мужа, служившего 12 лет у моего брата, М.К.Арнольди, в качестве эксплуатируемого лица. Обрабатывает землю собственноручным трудом.*

С. Шептунова».

На этом заявлении председатель Покровского сельсовета Азаров 27 марта 1925 года написал свою резолюцию: *«В Покровский ВИК на Распоряжение».*

Председатель Покровского волостного исполкома Василий Сопин не стал торопить события, а начал разбираться. Разбирательство растянулось на несколько месяцев. За это время выяснилось, что (согласно «Справке от 8 августа 1925 года», цитирую **документ №3** - А.П.) *«…имение бывшее Арнольди Софии Константиновны, находящееся в Покровской волости Малоархангельского уезда, действительно было национализировано в 1918 году. Актов и документов национализации в УЗУ не имеется в виду гибели архива при эвакуации в 1919 году. Настоящая справка выдана комиссии по выселению бывших помещиков…».*

После этой национализации семью Арнольди в первый раз пытались выселить из их дома как раз в 1918 году. Была проведена первая «Опись имущества имения гр.Арнольди Софии Константиновны - от 1 ноября 1918 года», в которой значились (**документ №4** – А.П.) *«пианино - 1, комодов - 2, лошадей - 2, коров - 2, овец - 8, свиней - 1, курей - 12, уток - 4, ламп - 2, диванов – 2».* Часть описанных вещей отобрали.

И уже тогда София Константиновна впервые обратилась за помощью в Покровский волостной земельный отдел (цитирую **документ №5** – А.П.):

«Прошение

12 октября сего года (1918 – А.П.) мы получили повестку о выселении нас из дома, но ввиду преклонного возраста, болезненного состояния (двух душ больных), отсутствия средств, просим отменить наше выселение до более благоприятного времени года, до весны, когда мы будем в состоянии построить избу на деревне, тем более, что мы

занимаем в доме одну комнату, а остальные заняты другими семействами.

К сему считаю нужным добавить, что я, София Арнольди, никогда не принадлежала к буржуазному сословию, 15 лет работала на Николаевской железной дороге и в настоящий момент состою женою крестьянина и имею маленького ребёнка.

С.Арнольди
А.Арнольди
О.Оберман».

В каких родственных связях находились с Софией Константиновной А.Арнольди и О.Оберман, проживавшие вместе с ней, я пока не выяснил.

Тогда же (27.11.1918 года) это прошение Покровский Волостной земельный отдел предоставил в Малоархангельский земельный комиссариат, и, по всей видимости, уездные власти дали добро на то, чтобы семью Арнольди в 1918 году оставили в покое. София Константиновна и её близкие более-менее спокойно прожили 6 с лишним лет. За это время у неё родился второй ребёнок.

Не подлежит выселению, но….

А в 1924 году в стране и на Орловщине началась очередная компания по борьбе с бывшими помещиками, была создана Малоархангельская уездная комиссия по выселению помещиков из их бывших усадеб, которая составила списки кандидатов на выселение и стала готовить документы, оправдывавшие эту акцию. София Константиновна Арнольди (Шептунова) стала одной из её жертв. Но не бессловесной. Её заявление я процитировал выше. Выполняя распоряжение председателя Покровского сельсовета П.Г.Азарова, председатель Покровского волисполкома В.И.Сопин вместе с ним 19 августа 1925 года явились в дом к Софии Арнольди, чтобы выяснить подробности того, когда и как семья была наделена землёй. Результатом посещения стал **документ под №6** (цитирую – А.П.):

Акт от 19 августа 1925 года

Председатель Покровского ВИК Сопин Василий Иванович, председатель Покровского сельсовета Азаров Павел Григорьевич и делопроизводитель ВИК Тимофей Григорьевич Свистов провели опрос семейства Арнольди-Шептунова и выяснили следующее.

Землёй семью наделили весной 1918 года в присутствии всего Хорошевского общества и с его согласия. Земля выделена на Шептунова Ивана Петровича, а не Арнольди.

Арнольди София Константиновна является женой Шептунова, от которого имеет двух детей - 9 и 6 лет, первый из них рождён ещё до революции.

Земли выделено на 6 душ из земли имения Арнольди Михаила Константиновича.

Муж Арнольди, Иван Петрович Шептунов, не имел и не имеет собственной постройки, ему выделили одну комнату в доме имения.

Земля, ранее принадлежавшая брату Софии Константиновны, Арнольди Михаилу Константиновичу в количестве 180 десятин, досталась ему по наследству от помещика Рошток Александра Ивановича. Арнольди София Константиновна к упомянутому имению никакого отношения не имеет. В доказательство о принадлежности земли М.К.Арнольди прилагается при сем платежный лист Государственного Дворянского земельного банка.

Сословие бывших владельцев Арнольди, а равно и София Арнольди - дворяне, звание, заслуженное их дедом в Севастопольской компании. Документы отсутствуют.

Отец владельца, Константин Павлович Арнольди, будучи основателем сельскохозяйственной школы в Курской губернии Суджанского уезда, был членом социал-демократии, в то же время был основателем-учредителем низших сельскохозяйственных школ и культурно-технических курсов, что видно из копии документа, имеющейся здесь от 23 декабря 1917 года.

С 19 февраля 1918 года и по сие время приобретено Шептуновым Иваном Петровичем: лошадь, корова, плуг и другое необходимое для хозяйства имущество.

Всё вышеписанное записано со слов Арнольди С.К. и записанное признано ею правильным, в ответственности за несправедливое показание по ст.178 УК

Подпись бывшей владелицы и членов комиссии».

К акту опроса были приложены оригинал платёжного счёта для оплаты кредита в Государственном Дворянском земельном банке на имя Михаила Арнольди и копия отзыва о Константине Павловиче Арнольди (отце С.К. Арнольди) от Суджанского уездного земства (от 23 декабря 1917 года).

По всей видимости, всех этих документов, собранных в течение нескольких месяцев 1925 года оказалось достаточно для положительного решения по судьбе С.К.Арнольди-Шептуновой. 3 октября того же года состоялось очередное заседание Малоарх.уездной комиссии по выселению бывших помещиков (под председательством председателя Малоархангельского уездного исполкома Синицина), на котором

рассматривался вопрос «О выселении Арнольди Софьи Константиновны, проживающей в селе Покровское».

Комиссия, приняв во внимание все обстоятельства: то, что имение уже было национализировано, что землёй был наделён её муж, бывший батрак И.П. Шептунов, что они самостоятельно ведут хозяйство, ещё с дореволюционных времён, что у них двое малолетних детей, признала Арнольди Софию Константиновну *«не подлежащей выселению»*.

Но спустя 12 лет, в 1937 году, бывшая дворянка, ставшая женой батрака, в третий раз подверглась преследованиям со стороны властей. На этот раз её арестовали, и никакие аргументы предыдущих разбирательств роли уже не сыграли: София Константиновна Арнольди была осуждена к 10 годам исправительно-трудовых лагерей. О последних днях её жизни пока ничего не известно.

А вот о происхождении Софии Константиновны и дворянском роде Арнольди, о котором она только упомянула при опросе волостного начальства, стоит сказать далее.

Арнольди: основатель сельскохозяйственной школы и несколько генералов

Начну с Константина Павловича, отца Софии Константиновны. Вот какую информацию я нашёл о нём на одном из курских сайтов:

«…Землевладелец, специалист по сельскому хозяйству и общественный деятель, предводитель дворянства Суджанского уезда, гласный губернской думы 1893 – 1896 от Суджанского уезда. Родился в 1842 году в семье генерала в имении «Кучеров хутор» Суджанского уезда Курской губернии (ныне – с. Кучеров Беловского р-на Курской области). Исключенный из Пажеского корпуса за пропаганду «Марсельезы», Константин Павлович окончил Московскую сельскохозяйственную академию, где у него родилась мысль о создании сельскохозяйственной школы для обучения сельскохозяйственным специальностям детей дворян и чиновников. 20 марта 1884 в имении «Кучеров хутор» на свои личные средства и на пособие правительства Арнольди учредил низшую сельскохозяйственную школу 1-го разряда им. кн. А.И. Васильчикова (ныне - Кучеровский сельскохозяйственный техникум), став попечителем данного учебного заведения. Много сил и средств Константин Павлович вложил в создание и развитие учебно-материальной базы, в формирование инженерно-педагогического коллектива школы. Обучение в школе было бесплатным. Вместе с первым управляющим школой, приглашенным из С.-Петербурга известным теоретиком и практиком сельскохозяйственного образования П.М. Дубровским, Арнольди добился такого уровня обучения в школе, что в правительственных кругах ее называли «крестьянским университетом». В 1892 он открыл при своей школе культурно-технические курсы, имевшие целью «...подготовить молодых людей в качестве младших техников для работ сельского инженерного искусства – дорожных, строительных и в особенности гидротехнических (устройство плотин, колодцев, орошение, осушение, укрепление оврагов)». Умер и похоронен на Хуторе Кучеров.

Здесь до наших дней хорошо сохранилась усадьба Арнольди, объявленная памятником архитектуры конца 19 в. В состав усадьбы входит главный усадебный дом, здание низшей сельскохозяйственной школы, мельница и парк. В Кучеровском сельскохозяйственном техникуме есть музей учебного заведения, в котором, прямо у входа, висит портрет Константина Павловича Арнольди, открывшего 8 марта 1884 года в своем имении низшую сельскохозяйственную школу 1-го разряда им. кн. А. И. Васильчикова. Имеются в музее и другие фотографии и материалы, рассказывающие об отце-основателе школы, в том числе – семейные снимки».

Парк в усадьбе Хутор Кучеров, где родилась София Арнольди

Фото Константина Павловича Арнольди в музее техникума

У Константина Павловича Арнольди было 9 детей: 3 сына и 6 дочерей. Один из сыновей, Михаил Константинович, получив в наследство от умершего родственника, Александра Ивановича Рошток, имение со 180 десятинами земли в селе Покровское Малоархангельского уезда, переселился туда. К Михаилу переехала незадолго до революции его сестра София, которая здесь вышла замуж за батрака брата, а о дальнейшем я рассказал в первой части. Кстати, в биографических данных С.К.Арнольди-Шептуновой сказано, что родилась она в деревне Кучерово Покровского района, но это ошибка, поскольку, как читатель понял, речь идёт об имении Кучеров Хутор Суджанского уезда Курской губернии, а уже оттуда она переехала в село Покровское.

Теперь о деде Софии Константиновны, **Павле Карловиче Арнольди**. Я нашёл о нём информацию небольшую, но очень существенную: *«Офицер с 1814. Служил по полевой конной артиллерии. Подполковник с 1833, полковник с 1842, генерал-майор с 1852 года. Участник кампании 1814 года и польской кампании 1830–1831. Начальник первых четырех кавалерийских округов Украинского военного поселения. На службе по 1860. Золотое оружие (1832). Кавалер ордена Святого Георгия 4-й степени».* Здесь нет данных о его участии в Крымской войне,

но, вполне возможно, Павел Карлович Арнольди участвовал и в ней. Однако совершенно точно, что не он первым получил дворянство в этом роду, поскольку о его отце, Карле Федоровиче Арнольди, известно, что он был родом из курляндских дворян, лютеранином и генерал-майором. У него и его жены Устиньи Андреевны, также лютеранки, было не менее 7 сыновей, трое из которых стали тоже генералами: Иван Карлович, генерал от артиллерии, герой войн с Наполеоном, Петр Карлович и Павел Карлович, генерал-майоры, кавалеры ордена Святого Георгия 4-й степени.

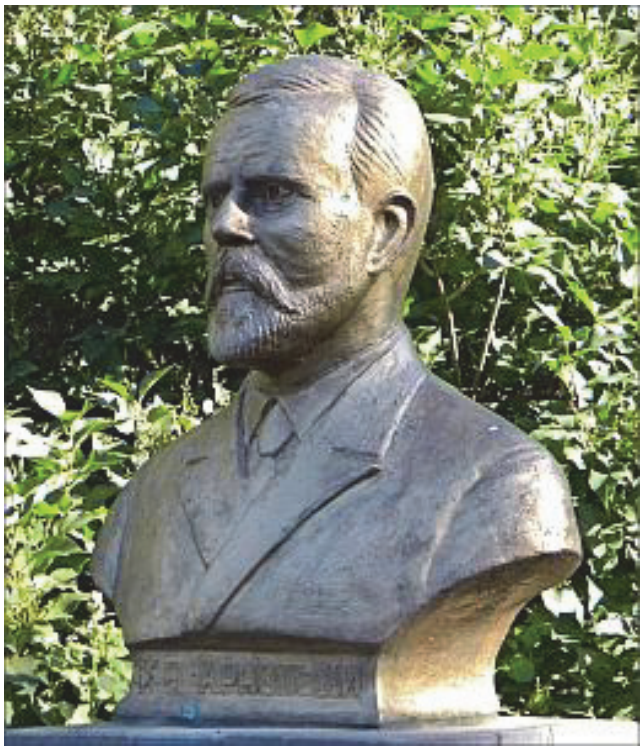
Одно из сохранившихся зданий в усадьбе Хутор Кучеров

Вот такая «крутая» семейка была у скромной помещицы из села Покровское, но София Константиновна Арнольди предпочла об этом промолчать. Впрочем, всё равно это ей не помогло: «десятка» лагерей её настигла.

Осталось узнать, а какая же судьба выпала на долю её мужа-батрака и её детей? Будем искать…

Могила Константина Павловича Арнольди

Бюст К.П. Арнольди в усадьбе

Одинцовы: от Подмосковья – до Орловщины, от литературы – к жизни

Есть в 24 километрах от Москвы, уважаемый читатель, город и железнодорожная станция Одинцово, через которую следуют с Белорусского вокзала столицы все поезда западного направления. По сведениям 2021 года, численность населения районного центра Одинцово превышает 135 тысяч человек.

Одинец, боярин Дмитрия Донского

А в 80 километрах от Орла в сторону Ливен, почти вплотную к федеральной автомагистрали, прилепилась деревня Одинцовка (Даниловского сельского поселения Покровского района). В 40 домах обитают здесь в настоящее время 130 жителей.

Как ни удивительно, два населённых пункта, разделённые почти пятью сотнями километров, объединены общностью их названий, которые произошли от одной и той же фамилии.

Согласно исследованию кандидата исторических наук, орловчанки Ирины Проваленковой, *«известно о существовании нескольких дворянских родов Одинцовых. Один из них, происходящий от киевского выходца Андрея Ивановича Одинца, бывшего боярином Дмитрия*

Донского, внесен в VI часть родословной книги Вологодской губернии». Именно от Андрея Ивановича, которому в последней четверти XIV века было пожаловано поместье в 19 верстах к западу от Москвы, и получил своё имя подмосковный город. Род Одинцовых внесен также в родословные книги Рязанской и Тверской губерний.

Героиня романа Тургенева

Но далее я поведу речь только об орловских его представителях. Фамилия Одинцовых в XIX веке на Орловщине была не из самых известных. Богатством и знатностью они не отличались. Но Иван Сергеевич Тургенев в романе «Отцы и дети» почему-то именно представительницу этого семейства, Анну Сергеевну, сделал одной из героинь своего произведения и увековечил Одинцовых не только в России, но и в мире.

Я думаю, что образ женщины, которую полюбил всем сердцем Евгений Базаров, в наши дни, как никогда, актуален. Сколько их, современных искательниц счастья, пытаясь добиться обеспеченности и богатства, выходит замуж не по любви, а по расчёту? А потом вдруг, если «любовь их, всё-таки, настигнет», они пугаются внезапного «сквозняка» в жизни и предпочитают выбирать, как Анна Сергеевна Одинцова, не любовь, а спокойствие и сытость.

Приданое для дочери

А теперь, дорогой читатель, от литературы перейду к реальным персонажам. Представители рода Одинцовых появились на территории будущей Орловской губернии в первой трети XVII века. За Харитоном Григорьевичем Одинцовым (согласно сведениям упомянутой Ирины Проваленковой – А.П.) по писцовым книгам Новосильского уезда 7136 (1628), 7134 (1626) годов, числилось поместье в д. Михалевой. Оно было оставлено сыну, Семену Одинцову. А от него переходило по наследству потомкам, пока не оказалось в руках канцеляриста Бориса Степановича Одинцова.

Его сын, коллежский секретарь Алексей Борисович, служил делопроизводителем в Орловской палате государственных имуществ и был счастливо женат на дочери титулярного советника Софье Воиновой.

В «Орловских губернских ведомостях» от 4 декабря 1856 года мне удалось найти любопытную запись о том, что *«9 октября 1856 года в Орловской Палате Гражданского суда Малоархангельская помещица… Настасья Петрова Воинова подарила своей дочери, жене титулярного советника Софье Ивановне Одинцовой, благоприобретённое имение, в Малоархангельском уезде, в деревне, что ныне сельцо Тетерье,*

заключающееся в 71 ревизской по 9 ревизии мужского пола душе, за исключением 3-ёх ревизских дворовых людей, оставленных за нею, Воиновою, без земли, со всею принадлежащею к сельцу Тетерью землёю, и в даче сельца Липовца, Перехожее тож, оценённого в 10000 рублей серебром». Число десятин земли в данной дарственной записи не названо, но, судя по стоимости сделки, оно было достаточно приличным. По всей вероятности, мать сделала дочери подарок или в день, или вскоре после свадьбы – в качестве её приданого.

Вид на Одинцовку

Деревня на берегах Тетерки и Медвежки

Алексей Борисович Одинцов, получив от тёщи такое щедрое дополнение к своему очень небольшому состоянию, расчувствовался. В новом имении в сельце Тетерье он построил усадебный дом, и стали молодые в нём «жить-поживать да добра наживать». Один за другим, ежегодно, появлялись у любящих супругов дети: Ольга, Любовь, Николай, Юлия, Сергей. Хозяевами Алексей Борисович и Софья Ивановна были неплохими, да и с крестьянами поддерживали вполне добрососедские отношения.

Когда прошло уже больше десятка лет, сначала все деревенские бабы и мужики, а потом и официальные документы ту часть Тетерья, где жили новые хозяева, стали называть деревней Одинцовой. Находилась новопоименованная деревня на крутом берегу, в месте слияния речек Тетерка и Медвежка.

Шли годы. Дети у Одинцовых выросли: дочери замуж повыходили, а сыновья подались на службу государственную. Старший, Николай Алексеевич, в конце 90-ых годов XX века был назначен земским начальником 3-ого участка Малоархангельского уезда, в который входило три волости (Успенская, Воровуцкая и Покровская). Занимая пост и обладая солидной административной и судебной властью, старший Одинцов никогда ею не злоупотреблял. Потому и авторитет у него среди местного населения был высокий, в земские гласные его избирали не раз.

Ловелас и крестьянка

Что касается младшего брата, Сергея Алексеевича Одинцова, то о нём – отдельная история. Служил он, как и старший брат, по статской части, но особых успехов на службе у него не было. Поскольку в Одинцовой после смерти отца наследником имения стал Николай Алексеевич, то Сергей Алексеевич уехал в Ливны. Поступил в кассу мелкого кредита инструктором и без особого энтузиазма «тянул служебную лямку». Энтузиазм у него просыпался в общении с женщинами. Красивый, статный, с щегольскими усиками, он пользовался у слабой половины ливенского дворянского общества большой популярностью. Впрочем, Сергей Одинцов не злоупотреблял женским доверием, действуя, как Казанова: новой избраннице никогда не обещал жениться, да та и не требовала, очарованная галантным обхождением и подарками.

Минуло Сергею 40, а он всё ещё ходил холостой. Тут уж старший брат, и сам поздно, в 37 лет связавший себя узами брака, заволновался: «Братец, не пора ли о семье подумать?»

Но Сергей Алексеевич только отшучивался. А вот окончательно «дошутился» он уже весной 1904 года. Тогда, на пасхальной неделе, гостил он у брата в деревне, и ненароком встретился однажды с молодой крестьянкой, дочкой соседа, Тимофея Ильичёва. Звали девушку Васса, и ей исполнилось недавно 18 лет.

Как пишут в таких случаях романисты, сердце опытного ловеласа «пронзила молния». Но ронять достоинство Сергей Алексеевич не стал, не предпринимая никаких действий, уехал в Ливны. Там, к своему удивлению, обнаружил, что всякий интерес к другим женщинам он потерял, а в голове постоянно звенело: «Увидеть Вассу, увидеть Вассу!»

В начале лета 1904 года титулярный советник Одинцов вновь приехал в Одинцово, но долго не мог встретиться с соседкой: работ в деревне много, и Васса была постоянно где-то и чем-то занята. Встреча случилась там, где Сергей Алексеевич меньше всего ожидал – на речке Медвежке. Я забыл упомянуть, что имелась у дворянина Одинцова ещё одна страсть – рыбалка с удочкой. Пришёл он в четвёртом часу утра на любимое место,

глядь, а оно – занято, и не кем-нибудь, а девушкой-крестьянкой. Повернулась она на шаги, улыбнулась барину, и того снова «молния пронзила». Даже весь свой обычный репертуар Сергей Одинцов подзабыл, впрочем, в такой ситуации он бы ему и не помог.

Краснея, бледнея, заикаясь, с пересохшим ртом и губами, он, всё-таки, нашёл в себе силы начать разговор. Васса его поддержала, и даже её неправильная крестьянская речь ничуть не покоробила рафинированного дворянина: столько в ней было милой непосредственности.

В общем, дальше была совместная рыбалка, а спустя короткое время начались их тайные встречи. Тимофей Ильичёв, когда дочь не послушалась его запретов, пару раз отстегал Вассу вожжами, но это не помогло. Пытался остановить брата Николай Алексеевич, говоря, что сказалась в «младшеньком» горячая польская кровь предков, - тоже без результатов.

О бурном романе 41-летнего барина и 18-летней крестьянки скоро заговорили не только в деревне, но и в уездных Малоархангельске и Ливнах. Летом следующего года Васса Ильичёва родила дочь, а вскоре дворянин Сергей Одинцов официально узаконил свой брак и признал девочку своей. В общем, как говорится, полный «happy end».

«Определением суда младенец сей… узаконен»…

Эту историю, уважаемый читатель, рассказала мне лет 10 тому назад как свою семейную старушка из деревни Одинцовка, чья бабушка была родной сестрой Вассы Ильичёвой. Честно признаюсь, я воспринял её как красивую легенду.

Но, работая однажды в Государственном архиве Орловской области с метрическими книгами Покровской церкви села Покровское Малоархангельского уезда (ныне – посёлок Покровское – А.П.), нашёл я вдруг в записях о рождении за 1905 год следующее (цитирую):

«21 июня 1905 года родилась, 28 июня – крещена Мария, незаконнорожденная. Родители – деревни Тетерья-Одинцова крестьянка – девица Васса Тимофеева Ильичёва, православная.

Восприемники (то есть крестные отец и мать – А.П.) – *дворянин Сергей Николаев Оловеников и дворянина Николая Алексеева Одинцова жена Антонина Иоаннова».* То есть, родной брат не только признал племянницу, но и свою жену направил на крестины.

А дальше – ещё любопытнее. Рядышком с записью о рождении девочки Марии – ещё одна запись, сделанная на полях: *«Определением Орловского окружного суда от 9 сентября 1914 года младенец сей внебрачный узаконен дворянину Сергею Алексеевичу и жене его Вассе*

Тимофеевой Одинцовым». По всей видимости, в том год родители определяли дочь в какое-то учебное заведение в Орле.

Та старушка из рода Ильичёвых, что рассказывала мне семейную историю, сказала, что барин с женой и дочерью после революции покинули родные края, и какова их судьба – ей не известно. Мне, к сожалению, тоже.

Одинцовых в наших краях сейчас нет вообще, а вот деревня (её название чуть исковеркали, превратив в Одинцовку – А.П.) с таким именем стоит, напоминая о романтической истории начала XX века.

Оловениковы: история рода и одной семьи

В один из теплых майских дней 1990 года несколько рабочих Опытно-производственного хозяйства «Покровское» разбирали на кирпич стены заброшенной конефермы. И в самом низу уже полностью разобранного здания увидели они большую черную гранитную плиту с надписью, запорошенной красной кирпичной крошкой. Когда мозолистые, натруженные от лома, руки первого рабочего осторожно смахнули эту крошку, надпись открылась полностью: *«Здесь погребено тело генерал-майора Александра Дмитриевича Оловеникова, скончавшегося 1873 года, 29 января».*

Находка на заброшенной конеферме

Как эта надгробная плита оказалась в основании конефермы, выяснить удалось достаточно быстро. Во время гитлеровской оккупации Покровского района летом 1942 года фашисты почти все гранитные плиты со старого кладбища стащили на дорогу (делали ее проходимой для своих танков в любую погоду). После освобождения села большинство плит позаимствовали для своих нужд местные жители. Надгробие же с могилы генерала Оловеникова решили использовать как строительный материал на заложенной в конце 40-х годов XX века колхозной конеферме. Председатель колхоза им. Ленина приказал – и на целых 40 лет плита оказалась скрытой от людских глаз.

Конеферма строилась в 300 метрах от кладбища, и найти старую могилу, с которой силой выдрали надгробную плиту, не составило бы тогда труда. Но Бога в то время основательно подзабыли, и потому использование надгробия не по своему прямому назначению ничьих возражений не вызвало.

После того, как плита вновь явилась взору окружающих, члены туристско-краеведческого кружка Покровской средней школы, используя свою и наемную рабочую силу, перевезли ее на старое кладбище.

На верхней части плиты не сохранилось креста, который когда-то там имелся, боковые грани надгробного камня пострадали от многих испытаний, но он осталась цел – вопреки всем испытаниям, выпавшим на его долю.

Мария Николаевна Ошанина

Фамилию Оловенниковых (фамилия здесь - с двумя буквами «н» - А.П.) в поселке Покровское и Покровском районе хорошо знали с давних времён. На здании ООО «Покровское» к этому времени уже имелась мемориальная доска с надписью: *«На этом месте стоял дом, в котором родились и выросли активные деятельницы организации «Народная воля» сестры-революционерки Ошанина М.Н., Оловенникова Е.Н., Оловенникова Н.Н.».*

Покровчане, таким образом, увековечили память о своих землячках, которых считали настоящими героинями – ведь они не жалели себя и своих жизней во имя народа.

1 марта 1881 года

Вспомним некоторые моменты российской истории.

В 1878 году в Санкт-Петербурге была создана новая организация революционеров – «Земля и воля», выступавшая за крестьянскую революцию, национализацию земли и уничтожение самодержавия. Основной метод борьбы, избранный землевольцами, заключался в пропаганде будущей революции среди крестьян. За год деятельности часть революционеров разочаровалась в эффективности и целесообразности пропагандистской деятельности, и потому в 1879 году в «Земле и воле» произошел раскол: она разделилась на две самостоятельные группы – «Черный передел», выступавший за продолжение пропаганды среди крестьян, и «Народную волю», считавшую главным средством начала крестьянской революции убийство царя.

Сестры Оловенниковы (их фамилию буду писать с двумя «Н» - А.П.), бывшие вначале активными пропагандистками, после раскола «Земли и воли» в 1879 году стали убежденными сторонницами террора.

Наталья и Елизавета замуж не выходили и сохранили до конца жизни родительскую фамилию. Мария Николаевна в истории осталась под фамилией своего первого, рано умершего от туберкулёза мужа – Николая Дмитриевича Ошанина (имея чин губернского секретаря, он трудился на должности старшего ревизора Орловской контрольной палаты – А.П.).

Елизавета Николаевна Оловенникова

Наталья Николаевна Оловенникова

Вот что писал Лев Тихомиров, одно время близкий друг Марии: *«Очень красивая в молодости, с огромным темпераментом, с большим стремлением к чему-то великому, пышному, красивому, очень умная и с упорнейшим характером, с прекрасным светским воспитанием, известная и способная очаровать. Это личность весьма выдающаяся и игравшая довольно видную роль в нашей революции».*

А вот воспоминание Сергея Иванова о Елизавете Оловенниковой: *«У меня сохранилось самое светлое воспоминание об этой милой, симпатичной девушке, отдавшейся тогда всецело революционной работе…».*

Елизавета, в числе других (их было всего 12 человек, шесть «двоек»), по заданию ЦК « Народной Воли», следила за передвижениями Александра II по Петербургу с целью выбора самого удачного места для покушения. И задание это ею было выполнено.

1 марта 1881 года второй бомбой, брошенной Игнатием Гриневицким, Царь-Освободитель был смертельно ранен.

«Невозможно воспроизвести во всех подробностях ужасную, потрясающую картину, которая представилась присутствующим, когда поднятый взрывом столб рассеялся. Двадцать человек, более или менее тяжело раненных, лежали у тротуара и на мостовой, некоторым из них удалось подняться, другие ползли, иные делали крайние усилия, чтобы высвободиться из-под налегших на них при падении других лиц. Среди снега, мусора и крови виднелись остатки изорванной одежды, сабель и кровавые куски человеческого мяса. Адская сила, произведшая эти опустошения, не пощадила и Венценосца!..

Вследствие раздробления обеих ног Государь опустился на землю таким образом, что скорее присел, чем упал, откинувшись корпусом назад… от шинели Государя остался воротник и не более полуаршина верха ее. С головы фуражка упала; разорванная в клочья шинель свалилась с плеч; размозженные ноги были голы, из них лилась кровь струями; на бледном лице следы крови и подтеки».

Процитированный отрывок взят мной из «Дневника событий с 1 марта по 1 сентября 1881 года СП, 1882».

Сёстры-революционерки

После покушения на царя большинство народовольцев, в том числе и Елизавета Оловенникова, вскоре было арестовано (хотя аресты начались еще и до 1 марта).

Суд Особого Присутствия Правительствующего Сената под председательством сенатора Дрейера, рассматривая дела о государственных преступлениях, в числе других обвиняемых начал допрашивать в феврале 1882 года и дворянку ***Елизавету Николаевну Оловенникову.*** В марте Санкт-Петербургский окружной суд (по заключению врачей-экспертов) признал, что Оловенникова страдает *«неподлежащей сомнению формой сумасшествия»,* и потому прекратил в отношении нее дальнейшее судебное преследование. В апреле того же года Елизавету Николаевну поместили в лечебницу, где вскоре врачи сделали вывод, что никакой надежды на выздоровление нет, так как речь ее остается сбивчивой и бессмысленной, она постоянно разговаривает сама с собой и страдает к тому же упорными галлюцинациями слуха.

Такой была расплата за революционную деятельность, за насилие над человеческой природой, за террор.

В 1891 году, после нескольких прошений матери, Любови Даниловны, в адрес Сената, Елизавете Оловенниковой было разрешено вернуться на родину, в село Покровское, где под надзором местной

полиции она прожила до 1917 года. Вместе с родными находилась здесь же и средняя сестра, ***Наталья Николаевна,*** которая сравнительно короткое время также участвовала в революционной деятельности «Народной воли». Однако соприкосновение с изнанкой революции для Натальи оказалось таким страшным, что здоровье ее быстро расстроилось, она переехала из Санкт-Петербурга в Орел, а потом и в Покровское, где в родовом имении Оловениковых хозяйничал младший ее брат Сергей.

На природе, под присмотром брата и матери, нервы обеих сестер успокоились, здоровье восстановилось настолько, что Наталья и Елизавета стали помогать Сергею Николаевичу в его просветительской деятельности.

С.Н. Оловеников в своем имении создал публичную библиотеку, которую посещали местные крестьяне, а Наталья и Елизавета обучали грамоте местных ребятишек (один из них, Стефан Мухалов, будучи глубоким стариком, в 80-е годы XX века вспоминал двух седых интеллигентных барынь, которые учили его читать и писать – А.П.).

Наталья и Елизавета Оловенниковы умерли уже после Октябрьской революции, пользуясь покровительством Советской власти, которая с уважением относилась к народовольцам (по словам В.И. Ленина, пусть не теми методами, но они, все-таки, боролись с царизмом). Наталья Оловенникова скончалась на хуторе, рядом с с.Покровское, в 1924 году, а Елизавету Оловенникову похоронили в 1932 году на Троицком кладбище г.Орла. Могилы обеих сестер, к сожалению, утрачены.

Более трагическая судьба выпала на долю старшей из дочерей большого семейства – **Марии Ошаниной**. Как одну из руководительниц «Народной воли», ее после 1 марта 1881 года активно искала полиция. Сумев избежать ареста, Мария уехала за границу, где вместе со Львом Тихомировым возглавила организацию «Старых народовольцев».

За границей до нее дошла весть о смерти ее второго мужа, соратника по борьбе с царизмом, с которым она была официально повенчана в 1879 году в селе Покровское. **Александр Иванович Баранников** (партийная фамилия – Ипполит Кошурников), приговоренный по «Процессу 20-и народовольцев» к бессрочным каторжным работам, замененным потом тюремным заключением, скончался от скоротечной чахотки в Шлиссельбургской крепости 25 лет от роду.

На родине, в Орловской губернии, Марию Ошанину помнили – но только как государственную преступницу по делу «Народной воли». Полиция время от времени проверяла изредка появлявшиеся слухи о возвращении Марии Николаевны в Россию. Сама же Ошанина (за границей ее знали как Кошурникову, Баранникову, Марину Полонскую

или «Мадам Якобсон») тосковала по родным, новых друзей не завела. Здоровье ее, как и сестер, было расстроено.

Болезнь выражалась в сильнейших головных болях. 20 сентября 1898 года, не вынеся страданий, она покончила жизнь самоубийством, написав в завещании: *«Желая оставить моим друзьям память о человеке, а не о трупе, и в то же время, полагая, что последние почести (нелепый обычай), которые они сочтут себя обязанными воздать моему телу, лишь бесполезно обострят их горе по поводу моей смерти, я прошу их предоставить иностранцам заботы о моих останках и воздержаться от присутствия при моем смертном одре и похоронах… Я не хочу ни речей, ни венков, ни приглашений на похороны и, само собой разумеется, я не хочу биографий… Составлено и подписано моею рукою в Париже 22 июня 1898 года. Марина Полонская».*

Однако есть и другие сведения о последних годах Марии Николаевны. Процитирую информацию с сайта, посвящённого фамилии «Ошанины»: *«С 1896 г. здоровье М. Н. Ошаниной резко ухудшилось: участились мигрени, развились хронический катар желудка и малокровие. М. Н. Ошаниной овладела навязчивая идея, что если ее товарищи находятся "взаперти" в своих камерах в Шлиссельбургской крепости, то и ей нельзя оставаться на свободе, а тоже надо быть "взаперти". Все это привело к тяжелому нервному расстройству, и М. Н. Ошанина оказалась в лечебнице для душевнобольных. Там она заболела острым воспалением легких и 8(20) сентября 1898 г. умерла».*

Так закончили свой земной путь сестры-революционерки.

Служилые люди Оловениковы на Покровской земле

А теперь несколько слов о роде **Оловениковых**, корни которого уходят в глубину далекого прошлого.

В XVII веке, когда территория нашего края входила в состав Ливенского уезда, Оловениковы уже жили здесь, а по мере все большего заселения местности они стали владельцами нескольких населенных пунктов с крепостными крестьянами в них. В Приправочной и Переписной книгах по Ливенскому уезду Оловениковы значатся как одни из пионеров, заселявших бассейн реки Сосны в ее верховье.

Кстати, фамилия эта, в силу ее многобуквенности, в XVII-XIX веках писалась то как ***Оловяниковы, то как Оловениковы*** (с одной «н»)***, то как Оловенниковы*** (с двумя «н» - А.П.). Далее я буду использовать написание фамилии с одной буквой «Н».

Местные крестьяне выговорить правильно трудную фамилию никак не могли, и хозяева превратились у них в ***Волныковых.***

Волныковка – так до сих пор по-местному зовут жители Кунача часть своей деревни. Так называли и часть села Покровское, расположенную рядом с помещичьей усадьбой Оловениковых (в районе теперешней улицы Куйбышева).

Трудно сказать, сколько именно Оловениковых начинало трудную жизнь первопоселенцев в нашем крае в XVII-XVIII веках. Но уже к середине XIX века это было достаточно многочисленное дворянское семейство, занесенное в алфавитный указатель дворянских родов и внесенное в Дворянскую родословную книгу Орловской губернии.

В ревизских «сказках» по Малоархангельскому уезду (данные 4-й ревизии 1782 года) содержатся следующие сведения: *«Вотчина вдовы майорши Матрены Ивановны Оловениковой – сельцо Васильевское, что на Липовице (что было прежде село Покровское), вотчина недоросля Николая Николаева сына Оловеникова – сельцо Васильевское, что на Липовице (что было прежде село Покровское*)».

Это владение с 39 крепостными крестьянами досталось Матрене Ивановне и ее сыну от деда - майора Ивана Кузьмича Мацнева.

От Николая Николаевича имение перешло после его смерти сыну – Дмитрию Оловеникову. В Государственном архиве Орловской области (фонд 744, оп.1, ед. хр.4) сохранился любопытный документ – купчая на землю: *«Лета 1819 в 9-й день (*месяц в документе не назван – А.П.*) Малоархангельский помещик капитан Дмитрий Николаев сын Оловеников, продал ливенскому мещанину Максиму Харитонову сыну Зерцалову крепостной своей благоприобретенной земли, состоящей Малоархангельского уезда в дачах села Покровского, что на Липовицы в урочище на каменном верху подле Ливенской большой дороги, - полудесятину, а взял я, Дмитрий, с него, Максима, денег государственными ассигнациями сто рублей».*

Конечно, продажа полудесятины земли сильно не могла изменить материальное положение Дмитрия Оловеникова, потому что сыну, тоже военному, дослужившемуся до звания генерал-майора, владение он оставил в полном порядке.

Генерал-майор Александр Оловеников

Прежде чем рассказать о хозяйственных наклонностях Александра Оловеникова, несколько слов посвятим его военной жизни. Сведения эти мы почерпнули в редкой книге, изданной в начале XX века - «Сборнике биографий кавалергардов».

Итак, Александр Дмитриевич Оловеников (в книге фамилия написана как **«Оловянников»-** А.П.) – из дворян Орловской губернии,

родился в 1802 году и уже с юных лет начал военную карьеру. Она оказалась связанной с российской кавалерией.

11 марта 1820 года Александр поступил юнкером в Екатеринославский кирасирский полк, но уже 22 июня был переведён в Глуховский кирасирский полк, в котором в августе того же года стал корнетом. Этот полк несколько раз менял названия - был кирасирским, драгунским, снова кирасирским, но всегда отличался воинской доблестью, в сражениях 1812 года особенно, когда он удостоился Георгиевского штандарта.

В Глуховском полку Оловеников прослужил почти 13 лет, постепенно поднимаясь по служебной лестнице: в 1823 году он - поручик, в 1824 – полковой адъютант, в 1829-ом - штаб-ротмистр, в 1830-ом - командир третьего эскадрона.

В 1833 году Александра Дмитриевича перевели в **Лубенский гусарский полк, который принимал активное участие в Отечественной войне 1812 года и в заграничных походах русской армии 1813-1814 годов. В этом знаменитом полку Оловеникову довелось служить дважды - в 1833-1834 и в 1840-1845 годах.**

С 14 августа 1834 года и до 26 ноября 1840-го Александр Дмитриевич находился в одном из самых элитных полков русской армии-Кавалергардском, созданном в 1799 году (кавалергарды исполняли обязанности телохранителей и почётной стражи русских царей - А.П.).

Здесь Оловеников вначале командовал седьмым запасным эскадроном, а после произведения в полковники был утверждён командиром 3-его дивизиона.

Последний период службы Оловеникова оказался связан с Мариупольским гусарским полком, откуда 7 апреля 1847 года он был уволен в запас генерал- майором.

Так получилось, что единственная война, в которой генерал принимал участие - это польская кампания 1831 года. Тогда поляки, уже более 30 лет не имевшие собственного государства, подняли восстание, пытаясь вернуть свободу и независимость. Николай I бросил на Польшу регулярную армию, но поляки отчаянно и храбро защищались, прежде чем - уже после взятия Варшавы - наконец-то их сопротивление было сломлено.

В составе Глуховского кирасирского полка тогда ещё ротмистр Оловеников отличился в нескольких битвах с поляками, особенно в двухдневном сражении при местечке Сокочине (17 и 18 июня 1831 года).

Вышедший в запас и поселившийся в своем доме в селе Покровское генерал-майор Александр Дмитриевич Оловеников увлекся делами хозяйственными и немало в этом преуспел.

В 1856 году он купил кусок земли в 10 десятин, смежный с его участком, у учителя Орловского училища для девиц Константина Богучарова за 200 рублей серебром. На следующий год, в октябре 1857 года, генерал-майор приобрел у сестер Варвары Юрьевны, Елены Юрьевны и Матрены Юрьевны Шушлябиных (в замужестве – Коньковой, Плещеевой и Рудневой) принадлежавшие им части водяной мукомольной мельницы с берегом реки, к ней прилежащим, в селе Покровском, на реке Липовице – за общую сумму в 900 рублей. Части мукомольной мельницы достались сестрам после смерти их брата - дворянина Сергея Юрьевича Шушлябина, который и владел мельницей, на паях с генерал-майором Оловениковым. Теперь, после завершения выкупной сделки, мельница сделалась единоличным владением генерала.

Кстати, остатки этой мельницы (части фундамента) до сих пор сохранились и находятся у перехода через реку Липовец, напротив старого кладбища.

Александр Дмитриевич Оловеников умер в своем имении в селе Покровское 29 января 1873 года и похоронен был с почетом на местном кладбище. Могила его, как и многих других, была разграблена и разрушена, надгробный камень в 50-е годы XX века положен в основание строившейся фермы. Сейчас эта надгробная плита находится на территории небольшого мемориала у одного из зданий Покровского техникума (ранее – здание районного краеведческого музея – А.П.). Каждый приходящий сюда может прочитать надпись: ***«Здесь погребено тело генерал-майора Александра Дмитриевича Оловеникова…».***

Могила А.Д. Оловеникова

Долгое время считалось**, что А.Д. Оловеников – дед сестер Марии, Натальи и Елизаветы Оловениковых**, революционерок, активных деятельниц «Народной воли», о которых я говорил в самом начале этого очерка.

Однако обнаруженные мной в Госархиве Орловской области документы позволяют сделать вывод, что **генерал-майор Оловеников – лишь родственник, но никак не родной дед революционерок**. Одна родственная ветвь помещиков Оловениковых генералом и закончилась. Вот эта ветвь: **Николай Оловеников (умерший в 1782 году) – Николай Николаевич Оловеников – Дмитрий Николаевич Оловеников (капитан) - Александр Дмитриевич Оловеников (генерал-майор).** О наследниках генерала ничего нам пока узнать не удалось. Но зато совсем недавно в посёлке Покровское произошло любопытное событие.

Учитель и поисковик Анатолий Цуканов 30 ноября 2019 года нашёл одну очень любопытную пуговицу, с выбитой на ней чёткой цифрой «4». Сам он затруднился определить, кому и когда она принадлежала, и обратился к специалистам. В социальной сети «В контакте» существует большая группа (5400 участников) любителей и коллекционеров форменных и простых пуговиц. Это увлечение называется «Филобутонистика».

Анатолий обратился к членам этой группы. Отозвался Дмитрий Волков, ответивший, что это это *«Пуговица офицера Лубенского гусарского полка 1829-1855 годов, с боковых рядов доломана (ментика) - называют полусферами».*

Анатолий просил уточнить, *«…а почему именно офицера Лубенского гусарского полка? Есть какие-то отличия?»*

И Дмитрий так же оперативно ответил: *«Анатолий, покрытие (серебрение). У гусаров, как во всей Российской Императорской армии, у офицеров были пуговицы с покрытием, а у нижних чинов цвет прибора определялся цветом металла, из которого изготавливали пуговицы (медь, латунь - желтый прибор, олово или сплавы с ним - белый прибор… Именно Любенскому полку был присвоен № 4 и белый прибор».*

Эту обобщённую информацию Анатолий Цуканов прислал мне, а я сразу же вспомнил биографию генерал-майора Александра Дмитриевича Оловеникова. Именно поэтому в приведённом рассказе о нём чёрным шрифтом выделен тот кусок его биографии, который связан с Лубенским гусарским полком. Так что найденная 30 ноября 2019 года пуговица – с очень большой долей вероятности, принадлежала нашему земляку-генералу.

Как Николай, Анна и Варвара Оловениковы наследство делили

Рассказ о других Оловенниковых мы начнем с документа из фондов ГАОО (фонд 744, оп.1, ед.хр.4). Это ***раздельный акт,*** по которому 30 апреля 1854 года Николай Александрович Оловеников (писец 1 разряда), Анна Александровна Оловеникова (дворянская девица), Варвара Александровна Щеголева (урожденная Оловеникова, поручица) в Орловской палате гражданского суда произвели раздел имущества, доставшегося им после их родителей и дядей.

Николай Александрович Оловеников, писец 1 разряда, губернский секретарь – это отец сестер-революционерок, а Анна и Варвара Александровны – его родные сестры. Но из документа становится ясно, что их родители – Александр Александрович и Екатерина Осиповна. Значит, родного деда сестер, поручика, звали Александр Александрович, а не Александр Дмитриевич, как мы долгое время думали. Он умер в самом начале 50-х годов XIX века, а вовсе не в 1873 году, то есть еще до рождения Марии, Натальи и Елизаветы Оловениковых. Своего родного деда они, получается, не знали вовсе.

Но возвратимся к документу. В самом начале 50-х годов XIX века один за другим умерли в Малоархангельском уезде три брата: Александр, Василий и Николай Александровичи Оловениковы. У Василия и Николая Александровичей своих детей не было, и потому их наследниками стали племянник Николай и племянницы Анна и Варвара, дети Александра Александровича.

Дворянской девице Анне Оловениковой при разделе имений родственников досталась деревня Александровка (Тетерье тож) с 35 крепостными крестьянами мужского пола.

Ее сестра, поручица Варвара Александровна Щеголева, получила деревню Варварино (Возобновленное тож), с 30 крепостными мужиками и 139 десятинами земли.

Остальную часть владений – в селе Липовице, Покровское тож, и деревне Нижнем Куначе со 192 душами крепостных крестьян мужского пола получил Николай Александрович Оловеников («*со всеми детьми крепостных крестьян, имуществом, скотом, птицею, хлебом и всею землею прилегающей»,* как гласит раздельный акт – А.П.).

Таким образом, писец 1 разряда, губернский секретарь Николай Александрович Оловеников стал достаточно состоятельным помещиком. А если прибавить сюда еще земли, доставшиеся ему после смерти рано умершей сестры Варвары, то и он сам, и дети его могли считать себя людьми, обеспеченными до конца жизни.

Родители и дети одного семейства

Детей же у Николая Александровича и его жены Любови Даниловны (кстати, она была одной из дочерей малоархангельского помещика Данилы Бучневского, имевшего имение в соседнем сельце Петровском – А.П.) было шестеро – сестры Мария, Наталья, Елизавета, братья Михаил, Сергей и Андрей.

Если я написал шестеро, то это значит, что речь идёт о выживших, поскольку у супругов Оловениковых в 1859 году родился ещё один сын – Александр, который скончался в том же году в возрасте 4-ёх месяцев (это мне удалось выяснить с помощью метрических книг Покровской церкви села Покровское – А.П.).

Кстати, глава семейства, Николай Александрович, скончался 8 августа 1869 года в возрасте 45 лет от чахотки, оставив Любовь Даниловну одну с шестью несовершеннолетними детьми. Вдова сумела всем детям дать образование и заботилась обо всех, даже «непутёвых» дочерях-революционерках. Именно благодаря ей страдавшие душевным расстройством Наталья и Елизавета, в домашних условиях почти полностью выздоровели. Сама Любовь Даниловна умерла в 1899 году.

Долгое время во многих публикациях и книгах, посвящённых истории народовольчества, даты рождения сестер Оловенниковых назывались неточно. Благодаря обнаруженному мной в 1981 году архивному документу (ГАОО, фонд 68, дело 28, лист 47*)* удалось установить документально, что **Мария родилась 15 мая 1852 года, Наталья – 6 декабря 1855, а Елизавета – 28 августа 1857 года.**

О сестрах-революционерках написано много (я о них в этом очерке уже рассказал - А.П.)*,* гораздо меньше - о братьях.

Об Андрее Николаевиче, старшем из них, известно мало. Он умер совсем молодым.

Средний, Михаил Николаевич, окончил курс в Орловской Бахтина военной гимназии. В 90-ые годы XIX века служил земским начальником в Севском уезде Орловской губернии. 22 января 1901-ого года он был назначен на должность советника Орловского губернского правления и редактора неофициальной части газеты «Орловские губернские ведомости». В 1903 году Михаила Николаевича причислили к Министерству Внутренних Дел. По отзывам всех, кто его знал, М.Н.Оловеников *«заботливым и сердечным участием к подчинённым приобрёл глубокое и искреннее уважение последних».* Будучи владельцем небольшого имения в деревне Черёмуховая Плота (29 десятин земли), заботился об образовании крестьян, на свои средства построил школу, входил в число членов Орловской ученой архивной комиссии.

У Надежды Владимировны Оловениковой, жены Михаила Николаевича, при той же деревне Черёмухова Плота, Малоархангельского уезда, числилось земли (на 1-ое января 1908-ого года - А.П.) 257 десятин, и она являлась одной из самых богатых помещиц Владимировской волости. Оловеникова, в отличие от мужа, постоянно проживала в своём имении. Она была попечительницей школы, которую построил супруг, на её деньги школа и содержалась.

Наследником же имения Оловениковых в самом селе Покровское стал младший из сыновей – Сергей Николаевич. 27 апреля 1897 года он венчался в Покровской церкви с девицей Верой Дмитриевной Гороховой, учительницей из села Липовец. В 1899 году у них родился сын Лев, а в 1901 году – дочь Анна. Именно к этому, 1901 году, относится первое упоминание о библиотеке в имении С.Н. Оловенникова. Вот что сказано в отчёте №4, который представила Малоархангельская Земская Управа 38-ому Земскому Собранию 1902-ого года: *«…в текущем году* (1901-ом-А.П.), *согласно постановлению 35-ого и 36-ого Земских Собраний открыты три библиотеки имени Ф.Ф.Павленкова при имении С.Н.Оловеникова и при Луковском и Алексеевском волостных правлениях…».*

Помещичий дом Сергея Оловеникова и его детей был сравнительно скромным – одноэтажным, в семь комнат, одна из которых и была определена под размещение книг библиотеки.

В последующих отчётах земского правления датой основания её, по каким-то причинам, стал считаться 1903 год. В 1907 году в библиотеке С.Н.Оловеникова насчитывалась 221 книга и 31 читатель (5 взрослых и 26 детей). Всеми книжными делами занималась жена Сергея Николаевича - Вера Дмитриевна, имя которой в настоящее время носит главная достопримечательность посёлка Покровское - Верочкина роща. После революции дом Оловениковых одно время занимали агропункт и ветпункт, частично он использовался под жильё, а в 30-е годы XX века в нём размещалась контора Покровской МТС. При оставлении нашими войсками Покровского района здание было сожжено. В настоящее время на этом месте расположено административное здание местной агрофирмы. На нем помещена мемориальная доска в память о сестрах-народоволках. Обширный сад Оловениковых в 30 – 40-е годы XX века был вырублен и исчез.

У Марии Николаевны Ошаниной (Оловенниковой) была дочь от первого мужа - Елена Ошанина, также некоторое время занимавшаяся революционной деятельностью, но уже в более поздний период. В 20-е годы прошлого века она работала фельдшерицей в селе Покровское и деревне Кунач.

У Натальи и Елизаветы Оловенниковых детей не было. А вот у брата, Михаила Николаевича, их родилось пятеро – Надежда, Борис, Михаил, Георгий, Любовь.

Некоторые подробности о жизни сыновей М.Н. Оловеникова нам удалось узнать от уроженца деревни Юрьево, ветерана труда, к сожалению, недавно умершего, Александра Андреевича Горохова (а ему об этом рассказывал его отец, Андрей Егорович).

Старший из детей, Борис Михайлович (1884 года рождения), закончил Орловскую мужскую гимназию, работал в Малоархангельске, откуда на собственном экипаже регулярно приезжал к матери в Юрьево.

Средний сын, Михаил Михайлович (1888 года рождения), после окончания мужской гимназии в Орле и военного училища, приезжая в гости к матери, любил с юрьевскими ребятишками проводить учения, одним из которых был *«переход Суворова через Чёртов мост».* В качестве *Чёртова* выступал мост через глубокий и страшный для местных детей овраг. Под умелым руководством офицера деревенские мальчишки каждый год удачно повторяли Суворовский переход. В I Мировую войну М.М.Оловеников дослужился до полковника, в гражданскую войну сражался в Белой гвардии, был взят красными в плен и расстрелян ими где-то в Белоруссии.

Младший из сыновей, Георгий (Юрий) Михайлович, тоже, будучи военным, сумел после окончания гражданской войны эмигрировать - сначала в Румынию, а потом в Германию, где и затерялись его следы.

О судьбе последнего владельца имения Оловениковых в селе Покровское, Льве Сергеевиче, - я расскажу в следующем очерке.

«Золотой» гимназист из 1917 года

1 мая 1908 года в приёмную директора Орловской мужской 1-й гимназии Осипа Антоновича Петрученко, в известное почти всем орловчанам старинное двухэтажное каменное здание в Воскресенском переулке, пришли молодая симпатичная женщина и хорошо одетый мальчик лет девяти.

«…Подвергнуть надлежащему испытанию…»

Его Превосходительства на месте не оказалось и, подождав некоторое время и не дождавшись начальства, дама оставила для него заранее подготовленное обращение:

«Господину Директору Орловской 1-й гимназии
жены Дворянина Веры Дмитриевны Оловениковой

Прошение.

Желая дать образование сыну моему Льву Оловеникову во вверенном Вам учебном заведении, имею честь просить распоряжения Вашего о том, чтобы подвергнуть надлежащему испытанию и медицинскому освидетельствованию и поместить его в тот класс, в который он, по своим познаниям и возрасту, может поступить, при чём имею честь сообщить, что он приготовлялся к поступлению в приготовительный класс и до сего времени обучался дома.

При этом прилагаются документы о возрасте и звании и копии с них.

Вера Дмитриевна Оловеникова. 1908 года мая 1 дня».

В дополнение к прошению мама будущего гимназиста подписала обязательства: одевать сына по установленной форме, снабжать всеми учебными пособиями, вносить установленную плату за обучение и выполнять все распоряжения начальства. Эти и некоторые другие требования администрация гимназии предъявляла ко всем родителям, которые отдавали своих детей для обучения.

Старейшее из всех губернских средних образовательных учреждений, Орловская мужская (классическая) гимназия долгие годы оставалась самой авторитетной и популярной даже по сравнению с более молодыми и новомодными учебными заведениями. Именно сюда привозили своих детей дворяне из всех 12 уездов Орловской губернии, но учились в гимназии и представители других сословий Российской империи.

Из рода дворян Оловениковых

Лев Оловеников был сыном помещика Малоархангельского уезда, губернского секретаря Сергея Николаевича и его законной жены Веры Дмитриевны Оловениковых. Родился Лёва 11 июля 1899 года в селе Покровское на Липовице, центре одноименной волости Малоархангельского уезда. До 9 лет его воспитывали и обучали дома, а потом родители, как и было заведено, решили дать сыну классическое образование. Орловскую мужскую гимназию заканчивал в своё время отец Льва, Сергей Николаевич Оловеников.

Вообще этот дворянский род, хоть и не относился к числу самых знатных на Орловщине, но был достаточно многочислен и известен как на губернском, так и на уездном уровне (в Болховском, Малоархангельском Мценском, Орловском уездах находились многочисленные имения нескольких помещичьих семей из рода Оловениковых – А.П.). О предках и родственниках Льва Оловеникова я рассказал в предыдущем очерке.

Его отец, Сергей Николаевич, избирался гласным Малоархангельского уездного земства, а в его имении в селе Покровское была открыта одна из первых в Малоархангельском уезде бесплатных публичных библиотек (павленковских). Наверняка Лев Оловеников был знаком с двумя из трёх своих родных тёток-революционерок. К моменту его поступления в Орловскую мужскую 1-ую гимназию, старшей из них – Марии Николаевны (Ошаниной – по первому мужу) – уже 10 лет как не было в живых. Она скончалась в эмиграции, в Париже, и была похоронена на одном из городских кладбищ. Младшие же тётки – Наталья и Елизавета Оловенниковы (замуж они не выходили и сохранили родовую фамилию – А.П.) от революционной деятельности отошли и жили в родовом имении – с матерью и братом Сергеем.

Вера Дмитриевна Оловеникова, мама Льва, будучи женщиной доброй и сердечной, сблизилась с золовками, помогала им по мере сил и возможностей (у сестёр имелись большие проблемы со здоровьем – А.П.).

«Отличное поведение и отличные успехи в науках…»

При подаче прошения в Орловскую гимназию мама будущего гимназиста, честно говоря, опасалась вопросов о революционной деятельности своих родственников. Но гимназическое начальство (по крайней мере, документально) не захотело «копаться в прошлом», и с нового, 1908/1909 учебного года Лев Оловеников стал учеником подготовительного класса Орловской мужской 1-ой гимназии.

Вере Дмитриевне пришлось вскоре волноваться совсем по другому поводу: только-только начав учиться, Лёва часто вдруг стал страдать головными болями. Пришлось Оловениковым обратиться к знакомому земскому врачу, заведующему Дросковской больницей, Фёдору Васильевичу Софронову (он 20 лет занимал свою должность и приобрёл огромный авторитет у окрестного населения и как врач, и как общественный деятель – А.П.).

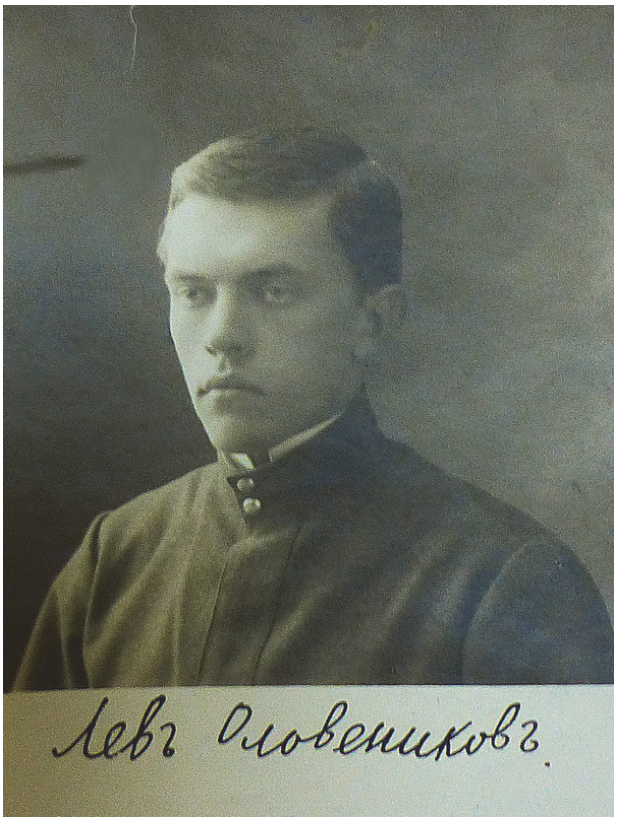
Фёдор Васильевич нашёл у Лёвы «малокровие и слабосилие», прописал ему усиленное домашнее питание и освободил на несколько месяцев от занятий. Но на уровне познаний Льва Оловеникова это не сказалось, он благополучно выдержал вступительные испытания и с нового, 1909/1910 учебного года был зачислен в 1-й класс Орловской мужской 1-й гимназии.

Со здоровьем после волнений вступительного периода серьёзных проблем у новоиспечённого гимназиста больше не было. Учился Лев Оловеников не просто легко, а блестяще. В его личном деле, хранящемся в фонде 64 Государственного Архива Орловской области (фонд Орловской мужской гимназии), имеется копия «Аттестата зрелости»,

выданного дворянину Льву Сергеевичу Оловеникову 1 мая 1917 года и подписанного директором гимназии О.А.Петрученко. По всем двенадцати предметам (перечислю их: Закон Божий, русский язык с церковно-славянским и словесность, латинский язык, французский язык, немецкий язык, математика, философская пропедевтика, законоведение, математическая география, физика, история, география – А.П.) – только «пятёрки».

И потому педагогический совет гимназии, *«во внимание к постоянному отличному поведению и прилежанию и к отличным успехам в науках, в особенности же, в математике, физике и русском языке»,* постановил наградить Льва Оловеникова золотой медалью и выдал ему аттестат особого образца. Под решением подписались директор гимназии, инспектор и 13 членов педсовета.

За 110 лет существования Орловской мужской гимназии из её стен вышло немало выдающихся личностей (около сотни имён называет всезнающая Википедия – А.П.), но золотых медалистов среди них – можно «перечислить по пальцам». Лев Сергеевич Оловеников был, по всей видимости, последним из них, поскольку закончил учебное заведение в том самом, роковом революционном году.

Лев Сергеевич Оловеников
(фото из личного дела)

А в 1918-ом Орловская мужская гимназия прекратила своё существование, будучи преобразованной в единую трудовую школу 2-й ступени под №8.

На последней странице копии «Аттестата зрелости», хранящего в фонде 64 ГАОО, «золотой» медалист оставил последнюю запись о себе: *«Предполагаю поступить в Московский университет на математический факультет. Подлинные документы: аттестат зрелости за № 643, метрическое свидетельство за № 7636, метрическую выпись за № 81, копию со свидетельства о звании за № 89/20 получил – Лев Оловеников».*

У меня нет сведений, поступил ли он в том же или следующем году туда, куда собирался. И сумел ли Лев Сергеевич Оловеников, последний «золотой» гимназист Орла, получить высшее образование уже при Советской власти – не знаю. С большой долей вероятности могу сказать, что в Белой Армии он не воевал (судя по косвенным документам и воспоминаниям покровских старожилов – А.П.), а вот в Красной Армии – да (по крайней мере, какое-то время – А.П.).

Что касается имения его родителей в селе Покровское Малоархангельского уезда (ныне – райцентр Покровское – А.П.), то оно в 1918 году было национализировано, а сами хозяева бесследно растворились в бушующем революционном океане. Какова судьба Сергея Николаевича и Веры Дмитриевны Оловениковых – выяснить до настоящего времени не удалось.

По воспоминаниям старожилов села Покровское, Лев Сергеевич Оловеников женился в годы гражданской войны на уроженке Малоархангельского уезда (её девичья фамилия осталась неизвестной – А.П.), проживал с молодой женой в начале 20-ых годов в Орле. Работал он в комиссии по беженцам при губернском или уездном исполкоме. Жизнь последнего «золотого» гимназиста оказалась очень короткой: Лев Сергеевич Оловеников скоропостижно скончался от тифа осенью 1923 года. Ему шёл 25-й год…

Посмотри, читатель, на фото из того самого личного гимназического дела. На снимке – Лев Оловеников в возрасте 18 лет. Под фото – его личная подпись.

Совсем недавно мне удалось, с помощью документов из фонда Р-1689 Государственного архива Орловской области, уточнить имя и отчество жены Льва Сергеевича. В конце 1924 года во всём Малоархангельском уезде началось выселение бывших помещиков из их усадеб, если они продолжали в них жить. Было заведено и отдельное дело под №76 о выселении Варвары Алексеевны Оловениковой. Но выяснилось, что имение её мужа национализировано, его самого уже в живых нет, а сама **Варвара Алексеевна** живёт не в бывшем помещичьем доме, а при Покровской больнице, в которой работает сиделкой. Кстати, в деле упомянуто, что муж служил в Красной Армии. Вот так ещё два момента биографии последних владельцев покровского имения Оловениковых стали известны.

А совсем недавно, благодаря сведениям от москвички Светланы Мамчур, выяснилась дальнейшая судьба Варвары Алексеевны. Она вышла замуж за уроженца села Ворово Евгения Михайловича Меркулова, 1897 года рождения, проживавшего в 30-ые годы в селе Покровское.

Он с началом Великой Отечественной войны был призван в Красную Армию и воевал в составе 62 отдельной стрелковой бригады рядовым стрелком. Погиб 7 сентября 1942 года под деревней Нижне-Бековичи Моздокского района Чечено-Ингушской АССР. На момент его гибели Варвара Алексеевна Оловеникова (она фамилию при втором замужестве не меняла) проживала в городе Магнитогорске Челябинской области (16 участок, д.19, кв.1).

В Покровском районе эту знаковую дворянскую фамилию знают и помнят очень хорошо: кроме мемориальной доски в честь сестёр - революционерок и Верочкиной рощи есть в посёлке Покровское ещё и улица Оловенниковых, есть книги и статьи о них, революционрах и общественных деятелях нашего края, многое сделавших для его развития и процветания.

Покатиловы – знакомые художника Максимова

О малоархангельских дворянах Покатиловых я узнал достаточно давно, и вот уже на протяжении многих лет эта фамилия постоянно у меня на слуху. Ещё в 2011 году я написал о них очерк, выставленный на сайте «Малоархангельск.Ру». В 2013 году для книги **«Покровское. История и люди»** (стр.39-42) я его расширил и дополнил. С тех пор прошло 7 лет, в течение которых мне удалось обнаружить новые данные об этом интересном семействе, что позволило довести историю семейства Покатиловых до первых лет Советской власти. Поэтому я решил свести все сведения о них в один большой очерк, добавляя найденное и уточняя некоторые факты (А.П.)

1811 год: первые сведения

За последние годы заметно разросся посёлок Покровское: количество улиц райцентра уже превысило цифру пятьдесят. Новые улицы появились и в том микрорайоне, что расположился на крутом, обрывистом склоне, метрах в ста от речки Липовец. Однако и по настоящее время, вот уже свыше 100 лет, эту часть Покровского все местные жители называют не иначе, как Покатилово.

Кто же такой Покатилов или кто такие Покатиловы, что в их честь народ наименовал целый микрорайон большого посёлка?

Эту помещичью фамилию хорошо знали в Малоархангельском уезде во второй половине XIX – начале XX века. В «Алфавитном Указателе дворянских родов Орловской губернии» значились сразу три семейства Покатиловых.

Коллежский асессор Петр Павлович Покатилов и его жена Анна Саввишна владели небольшим имением в сельце Нижнее Хмелевое Малоархангельского уезда (44 души крепостных крестьян и дворовых людей мужского пола, по сведениям «Окладной ведомости 1858 года» - А.П.). А вот другие два семейства – это как раз наши, покровские, родственные между собой.

Самые первые сведения о них мне удалось обнаружить в «Протоколах Малоархангельского уездного суда за 1811 год», когда в нём на судебных заседаниях дважды рассматривалось прошение **городовой секретарши Анфисы Осиповой дочери Покатиловой**. Суть дела – в том, что в 1810 году умер её отец, Осип Мавольский, по завещанию которого она должна была получить наследство – движимое и недвижимое имение в сельце Хорошем (Малоархангельского уезда).

Движимое имущество, перечисленное в протоколах суда, составляли *«образ Святаго Великомученика Пантелеймона в серебряном окладе и 20 душ дворовых людей и крестьян со всем их имуществом»*. Эту часть наследства дочь покойного принять согласилась сразу, и Малоархангельский уездный суд ввёл её во владение этим имуществом. Но вот то, что касается недвижимого владения, возникли проблемы.

Анфиса Осиповна просила суд, чтобы полагавшиеся ей по наследству 100 четвертей земли в даче села Покровского были переданы ей только после того, как уездный землемер произведёт все предварительные измерения. И с этим, по какой-то причине, возникли трудности.

Но, судя по всему, спустя короткое время землемер своё дело сделал, и городовая секретарша Покатилова была введена в наследование уже всем имуществом.

Получается, что сельцо Хорошее (составная часть нынешнего райцентра Покровское) досталось Покатиловым от их деда, Осипа Мавольского, и потом это владение они уже не теряли.

Штабс-ротмистр Василий Покатилов и его семья

Василий Петрович Покатилов, после 15 лет военной службы, в марте 1848 года в чине штабс-ротмистра ушёл в отставку. Женившись, он поселился в своём имении в Малоархангельском уезде (это сельцо Васильевское, Ракитино тож, неподалёку от волостного села Дросково, где ему принадлежало 550 десятин земли и свыше 100 душ крестьян и дворовых людей мужского пола – А.П.), и зажил обычной помещичьей жизнью: занимался хозяйством и семьёй. У Василия Петровича и Анны Николаевны Покатиловых, одна за другой, родилось пять дочерей: Елизавета, Екатерина, София, Александра, Надежда. И когда помещичья

семья уже отчаялась ждать наследника, родился, наконец-то, 15 июля 1859 года, долгожданный сын, Владимир.

На радостное событие по случаю крещения младенца Василий Петрович Покатилов пригласил многих своих родственников и, в первую очередь, родного брата Николая, имение которого располагалось неподалёку, в сельце Хорошем того же Малоархангельского уезда.

Василий Петрович среди малоархангельских дворян считался знатоком в делах искусства, и когда дворянское сообщество уезда решило отблагодарить бывшего предводителя Дмитрия Яковлевича Скарятина за его труды, то именно Покатилову дворяне доверили сделать заказ на изготовление кубка и подноса в качестве памятного подарка Скарятину. Василий Петрович договорился с профессором Петербургской Академии Шарльманом, тот сделал замечательные рисунки, украсившие произведения искусства, вручённые предводителю дворянства (об этом событии сообщил журналист П. Акимов из газеты «Современная летопись», воскресного прибавления к «Московским ведомостям», в номере от 22 декабря 1868 года – А.П.).

Как художник Максимов у отставного майора гостил

Николай Петрович Покатилов, оставя службу военную в чине майора, в своей родовой усадьбе занялся, как бы мы сейчас сказали, предпринимательством.

Вот какое объявление нашёл я в газете «Орловские губернские ведомости» за 1 марта 1847 года:

«Орловской губернии, Малоархангельского уезда, на 72 версте от Орла по тракту в Ливны, не почтовою, а столбовою дорогой, в Липовице, Покровское тож, в имении Г.Покотилова (здесь фамилия помещика написана через «о» - А.П.), делают вновь и переделывают старые экипажи, как-то: кареты, коляски, фаэтоны, тарантасы, пролётки и всякие зимние экипажи – за сходную цену и весьма хорошей работы, отвечая за новые два года починкою. Желающие заказывать какой-либо новый экипаж могут адресоваться в означенное имение прямо к Г.Покотилову, или к главному мастеру. Заказать новый экипаж или переделать старый можно письмом, адресуя Николаю Петровичу Покотилову, в село Дросково Малоархангельского уезда»…

Кроме имения в сельце Хорошем (ныне – составная часть посёлка Покровское), Николаю Петровичу принадлежала также деревня Волкова (именовавшаяся также хутор Крутой, или просто Хутор, сейчас это деревня Крутое Даниловского сельского поселения – А.П.). В этих двух имениях у отставного майора имелось более 200 десятин земли и 157 душ крепостных и дворовых людей мужского пола. Судя по всему, как хозяин

и человек, Н.П Покатилов, пользовался авторитетом у соседей-помещиков. Когда у одного из них, штабс-ротмистра Ф.А. Мухортова, владельца имения Липовица, 5 декабря 1859 года родился сын Виктор, то в качестве восприемника (крестного отца – А.П.) счастливый отец пригласил именно Николая Петровича. Стал Н.П. Покатилов крёстным отцом и сына приходского священника из села Покровского Николая Первозванского (это событие случилось 10 лет спустя, в январе 1869 года).

В 50-е годы Н.П. Покатилов продолжил службу, но только на гражданском поприще – в Ельце окружным начальником. Интересно, что если его родной старший брат, Василий Петрович, считался знатоком искусства, то Николай Петрович не отставал от него в плане знакомств с видными деятелями русской культуры.

В мае 1882 года известный художник-передвижник Василий Максимов, будучи корреспондентом петербургских иллюстрированных газет, посетил Покровскую волость Малоархангельского уезда Орловской губернии. Здесь он гостил две недели у Николая Петровича Покатилова в его имении в сельце Хорошее. Как и когда художник Максимов познакомился с ним – не известно, но что Николай Петрович и Василий Максимович тесно и дружески общались – не вызывает сомнения.

«Дом с мезонином» помещика Н.П.Покатилова (рисунок В.Максимова)

Пребывание Максимова в сельце Хорошем было не праздным времяпровождением, а усердной работой профессионала.

С 10 по 22 мая Василий Максимович сделал 40 восхитительных бытовых зарисовок крестьян нескольких населённых пунктов Покровской волости Малоархангельского уезда: села Покровское-Липовица, села Перехожая Липовица, сельца Хорошее и деревни Волковой (она же - деревня Крутое, второе имение Н.П. Покатилова – А.П.). На одном из рисунков Максимова оказался запечателён и **«Дом с мезонином»** - это, почти стопроцентно, усадебный дом Николая Петровича Покатилова (на рисунке есть дата и расшифровка места: 10 мая 1882 года, Хорошее – А.П.).

Что же касается семьи, то по количеству детей, майор заметно отстал от старшего брата: у него родилось их только двое, сыновья Константин и Владимир.

Земский врач Константин Николаевич Покатилов

О судьбе старшего из сыновей, Константина Николаевича, многие из старожилов села Покровского и окрестных деревень вспоминали и много лет спустя с большим уважением: «Настоящий доктор был!»

Константин Николаевич Покатилов родился в 1845 году в селе Покровское, обучался вначале на дому, а потом – в Орловской мужской гимназии, по окончании которой поступил в Императорскую Медико-хирургическую академию, окончил которую в 1871 году со званием лекаря и был приписан к Клиническому военному госпиталю. В 1874 году служил в 34-м Севском пехотном полку.

20 февраля 1874 года он защитил диссертацию на степень доктора медицины, в 1879 году был уволен в отставку и вернулся в Малоархангельский уезд. Первое время был вольнопрактикующим врачом, а в 1897 году стал главным помощником врача Малоархангельской городской земской больницы Нила Ивановича Воблого. У этого легендарного для Малоархангельска доктора медицины Константин Покатилов получил бесценный опыт практической работы, который ему пригодился уже на следующий год, когда его направили в родное село Покровское. Вполне возможно, что именно Константин после смерти отца, Николая Петровича, пожертвовал в 1883 году участок земли для строительства в селе Покровское земской больницы, которой он потом 15 лет заведовал, будучи единственным врачом на пять больших волостей.

С утра до вечера, часто и без перерывов, он то принимал приехавших на приём больных, внимательно обследуя их и прописывая курс лечения, то выезжал к тяжёлобольным на дом.

Заботясь о качестве лечения, Покатилов добился от земского начальства ремонта больницы, после которого лечебное учреждение

заметно похорошело и стало в бытовом плане удобнее для всех, кто его посещал или был вынужден лежать в его стенах.

Работая в Покровской больнице, жил Константин Николаевич в родовом доме, который унаследовал после смерти отца. К сожалению, до настоящего времени он не сохранился.

Доживший до преклонного возраста, врач К.Н.Покатилов в начале 20-х годов XX века переехал в город Малоархангельск, где ещё некоторое время работал терапевтом Малоархангельской уездной больницы. Уисполком выделил ему дом с садом в центре города.

Даже уйдя на пенсию, Константин Николаевич не бросил любимое дело: принимал на дому тех больных, кто приходил к нему, консультировал молодых специалистов. Это был замечательный и высококвалифицированный врач, к тому же, писал и научные статьи по медицине.

Когда в 1928 году доктор Покатилов скончался, то проводить его в последний путь вышли многие жители Малоархангельска. Приехали на похороны и земляки из Покровского.

Владимир Николаевич Покатилов и его семейство

О младшем из братьев, Владимире Николаевиче Покатилове, удалось выяснить, что он родился в сельце Хорошем 29 июля 1846 года и что у него и его жены Анны Ивановны было четверо детей – Николай (1869 года), Сергей (1870 года), Юрий (1884 года рождения) и Михаил (год рождения неизвестен).

В метрических книгах Покровской церкви за 1905 год мне удалось найти две записи по семейству Владимира Николаевича.

В первой говорится, что 23 октября 1905 года у дворянина Сергея Владимировича Покотилло и его законной жены Марии Георгиевны родилась дочь Наталия. При её крещении 29 октября одним из восприемников стал Владимир Николаевич Покотилло, родной дед. Почему так странно стала выглядеть исконная русская фамилия – точно сказать не могу, но одна из версий, что сын Сергей был помешан на итальянцах, отсюда и переделка фамилии. Нравилось ему – вот и всё.

Но когда пришло время отправлять дочь в гимназию, там при приёме документов сразу встал вопрос, а откуда этот самый Покатилло взялся? И пришлось родителю судебным порядком решать вопрос о том, что *«подлинная фамилия отца младенца Наталии – Покатилов».* Определение суда было сделано 4 сентября 1914 года, и об этом есть запись в той самой метрической книге.

Вторая запись касается брака другого из сыновей – Николая.

25 июля 1905 года в Покровской церкви села Покровское, что на Липовице, венчались – капитан второго стрелкового полка Николай Владимирович Покатилов, 30 лет, православный, первым браком, и учительница Плоцкой женской гимназии Анна Дмитриевна Нестеренко, урождённая Примо, состоявшая в разводе определением Святейшего Синода, сообщенном Указом из Холмско-Варшавской духовной консистории от 14 марта 1905 года за № 1486, 31 года, православная.

Поручителями при венчании стали: со стороны жениха – священник села Покровского Пётр Могилевский и дворянин Сергей Владимирович Покатилов. Поручителями со стороны невесты были – дворяне Михаил Владимирович и Юрий Владимирович Покатиловы (то есть трое из поручителей – родные братья жениха, видно, у невесты в Покровском из родственников никого не оказалось – А.П.).

После революции и в первые годы Советской власти

А теперь, уважаемый читатель, я перехожу к документам, найденным мною в фондах ГАОО, до недавнего времени закрытых для изучения. Итак,

Дело о выселении Покатилова Юрия Владимировича
2 января - 18 августа 1925 года

ГАОО, ф.Р-1689, оп.1, ед.хр.83 (на 25 листах).

В нём, на этих 25 листах – судьба бывшего помещичьего семейства в послереволюционные годы (1918-1925). Если в сельце Хорошее у врача Константина Николаевича Покатилова всё было более-менее нормально, то у его племянников в деревне Крутой обстановка складывалась совсем не радужно, особенно, когда в 1924 году началась массовая компания выселения бывших помещиков из их усадеб, если они ещё в них проживали.

31 декабря 1924 года в усадьбу Покатиловых в деревню Крутое прибыл председатель Покровского волисполкома Василий Иванович Сопин и понятые, чтобы произвести перед решением судьбы бывших помещиков опись имевшегося у них имущества. Я процитирую этот документ (А.П.):

Опись
имущества, находящегося у бывшего владельца
Покатилова Юрия Владимировича при деревне Крутое
Покровской волости Малоархангельского уезда

Наименование имущества - количество - сумма - примечание
***Дом деревянный**, крытый железом, штукатуренный, 36Х13 аршин, с 18 оконными просветами - 1000 рублей - ветхий*

***Амбар деревянный**, крытый железом, 8Х7 аршин - 50 - исправный*
***Конюшня деревянная** крытая соломой, 40Х13 - 300 - новая*
***Каретный сарай** из трёх стен, крытый соломой, 13Х8 - 50 - новый*
***Ледник деревянный**, крытый соломой, 7Х8, дубовый - 40*
Мёртвый сельхозинвентарь:
Веялка - 1 - 10 - неисправная
Сортировка - 1 - 20 - исправная
Плуг двухлемешный - 1 - 15
Борона с деревянной рамкой - 1 - 5
Телега на деревянном ходу - 1 - 12
Пролётка - 1 - 100
Сани троичные - 1 - 25
Сани розвальни - 1 - 5
Соломорезка - 1 - 15
Навозник - 1 - 8
Хомутов возовых со шлеёй - 2 - 15
Гужами и седёлками - 2 - 2
Хомут пахотный - 2 - 3
Скот
Лошадей рабочих - 2 – 175 рублей
Коровы - 2 – 50 рублей
Тёлки 1,5 года - 1 - 15
Овец - 5 - 15
Поросёнок 5-месячный - 1 - 5
Гусей - 3 - 3
Курей - 12 - 3
Хлеб и хлебофураж
Ржи - 30 - 30
Муки - 15 - 20
Овса - 30 - 32
Вики - 2,5 - 2
Пшеницы - 3 – 4
Фураж
Сено луговое - 60 пудов - 30
Солома ржаная - 80 - 30
Солома овсяная - 70 - 30
***Мебель и домашняя утварь** –*
от столов и кроватей
до неисправного самовара, бокалов и лампы стоячей
Итого на сумму 2323-50
1924 декабря 31 дня

Опись производил Пред. ВИК Сопин В.И, подписи понятых, самого владельца.

Названы проживавшие в доме: Ю.В.Покатилов, холост, сестра, девица взрослая, невестка, вдова, племянник…

2 января 1925 года.

Сразу после произведения описи, поняв, что скоро последуют другие меры, Юрий Покатилов решил обратиться к властям. Цитирую его заявление:

В Малоархангельский Уездный Исполнительный Комитет
гр. дер.Крутое Покровской волости
Юрия Владимировича Покотило (резолюция на заявлении от 5.04.25 - «На заседание комитета»)

Заявление.

Я, Ю.В.Покотило, 40 лет, из дворян. Семья моя состоит из меня, брата моего, Николая Владимировича Покотило, 55 лет, состоявшего в Красной Армии со дня её основания по день демобилизации 15.05.24 года (в данное время - инвалид второй группы), жены его Анны Дмитриевны, 46 лет, сына их Олега, племянника моего, круглого сироты Николая Михайловича, шести лет (от брата моего, Михаила Владимировича Покотило, красноармейца, от которого с 1919 года нет известий). Мать племянника Николая, Мария Константиновна, умерла в 1920 году, будучи народной учительницей; бабки племянника Николая по матери, Анны Афанасьевны Москвитиной, 60 лет, а всего в семье 7 душ, пользующихся чересполосным наделом земли по общественной норме 1,35 десятины на душу, которую обрабатывал и обрабатываю личным трудом.

***После смерти своей (1907 год) отец, Владимир Николаевич Покотило, оставил нам, 4 братьям, 150 десятин**, заложенной в банке земли. Вследствие большой задолженности на имение доходами со своей части я не пользовался, добывая средства к существованию личным трудом. По выходе из реального училища в 1905 году отбывал воинскую повинность до 1908 года, после каковой служил в Белорусском отделении Соединённого банка, счетоводом. С февраля 1912 года и по день мобилизации в 1914 году - в Московской Уездной Земской управе в должности с/х старосты, на что имелись документы, отобранные при взятии в германский плен в конце 1914 года, в котором находился до августа 1918 года.*

По возвращении из плена был принят на службу Московским уездным Совдепом сельхозтехника, в коей прослужил до июля 1919 году и уволился по болезни на родину.

По прибытии в деревню был принят на службу Малоархангельским УЗО на должность сельхозтехника, с февраля 1920 по ноябрь 1923 года, и был уволен при сокращении.

На основании вышеизложенного, не являясь крупным землевладельцем, не пользовавшимся доходами, с своей части до Революции, а ***также прошу принять во внимание заслуги братьев моих: Михаила как красноармейца, о котором с 1919 года нет известий, и от которого остался сирота, и Николая, прослужившего 7 лет в Красной Армии и ныне инвалида 2-ой группы, и мою службу в учреждениях, предоставить мне льготы, оставив меня на месте, не лишая землепользования в Крутовском обществе, дома и надворных построек, каковые предоставлены в наше пользование комиссией по распределению построек, которые были не национализированы и в списках УЗО не состояли,*** *о чём говорит утерянная справка, выданная УЗО в 1922 или 1923 году, и на заявление моё в УЗУ от 12.07.192? за №2729 о выдаче новой справки было отказано. Что же касается сада, то таковой находится в норме и передан в моё пользование, о чём говорят документы за №№1055 и 58?.*

Кроме того, являюсь единственным работником, и на моём иждивении находятся: брат-инвалид, племянник - сирота и его бабка - нетрудоспособная.

Из вышесказанного видно, что всё время находился на службе и чужого труда не эксплуатировал, а посему прошу УИК предоставить мне просимые льготы, причислить к трудовому элементу.

Ю.В.Покотило,

Крутое Покровской волости

31.03.1925 года.

К заявлению Юрий Покатилов приложил несколько справок, в подтверждение написанного в заявлении и для его убедительности (я их тоже приведу – А.П.):

№1.

Удостоверение

Настоящее удостоверение выдано Юрию Владимировичу Покотило в том, что он действительно уволен со службы по болезни из Сельско-хозяйственного подотдела Московского уездного Совдепа и должен уехать на Родину, в Орловскую губернию.

Заведующий Земотделом А. Баш….

Июня 3, 1919 года

Москва, Сухарев.-Садовая, №17

№2.

Правление Малоархангельского Райсоюза Единых Рабоче-крестьянских Потребительских обществ

Апреля 28 дня 1921

№1055

Удостоверение

Выдано настоящее гр.д.Крутое Покровской волости т.Покатилову в том, что согласно Постановления коллегии Райсовхоза от 28 января 1921 года сад Покатилова с учёта снят и передан в пользование владельца.

Что и удостоверяется.

Председатель Вр.Правления Кошелев

№3.

Удостоверение

от 16 июля 1924 года Хлоповского сельсовета Покровской волости за №582, что сад площадью 2200 кв.сажен находится в пользовании Покатилова и находится в его нормовой земле.

Председатель сельсовета Строев

Секретарь Семенихин.

№4.

Удостоверение

от того же сельсовета от июля 19 дня 1924 года - гр.деревни Крутое Покотилову Николаю Михайловичу в том, что он является сыном красноармейца, о котором с 1919 года нет сведений, а также и нет матери, находится на иждивении дяди Покотилова Юрия Владимировича.

№5.

Управление начальника военных сообщений

Московского Военного округа

Канцелярия

От мая 11 дня 1923 года

Удостоверение

(одно напечано, другое - от руки, карандашом - от июля 4 дня 1924)

Дано сие т.Покотилло Николаю Владимировичу в том, что он семейный и состоит на службе Красной Армии в Управлении Военных сообщений МВО, что подписью с приложением печати удостоверяется.

Начальник - Д.Никулин

Вр.комиссар - Боруздин

№6.

В другом удостоверении от апреля 4 дня 1924 года названа его должность - старший дежурный по воинским перевозкам управления Военных сообщений МВО, заверенная нотариально.

С двумя заявлениями обратилась в Малоархангельский уездный исполком гражданка д.Крутое Анна Афанасьевна Москвитина, опекунша сироты Николая Покотилова - не оставлять её без средств и земли, которую она обрабатывала совместно с Покатиловыми.

Не знаю, ответили ли что-то Покатиловым из Малоархангельского исполкома (в «Деле» нет таких документов – А.П.), но комиссия во главе с председателем Малоархангельского ВИКА В.И.Сопиным, прибывшая в деревню Крутое 18 августа 1925 года, очень быстро задала несколько вопросов бывшим помещикам, составила коротенький «Акт» и отбыла в город Малоархангельск, где 16 октября 1925 года решилась судьба Покатиловых. Цитирую (А.П.):

Протоколы заседания Малоархангельской уездной комиссии по выселению бывших помещиков
16 октября 1925 - 8 апреля 1927

ГАОО, Р-1689, оп.1, ед.хр.1 (на 72 листах)

№13

О выселении Покатилова Юрия Владимировича, живущего в д.Крутое

А) по происхождению Покатилов - дворянин

Б) до революции имел 150 десятин земли по наследству

В) с момента революции Покатилов проживает в своём имении и прав закономерности пользования имуществом по постановлению земорганов ему не предоставлено и, как подтверждается актом опроса самого владельца от 18 августа 1925 года, что наделение землёй произведено Крутовским обществом, причём, данных о принадлежности к обществу нет; что, хотя владелец и указывает за основание на справку УЗУ от 1922 года за №1184, но таковой к делу не представлено; обработка земли велась до революции исключительно наемным трудом; что справка райсельсекции от 1921 года за №1055 не может быть признана за доказательство о снятии имения с учёта национализированных имений, как касающаяся лишь его сада, каковой мог быть передан лишь по постановлению УЗО, чего в деле не имеется, а равно и отсутствие последнего свидетельствует о том, что Циркуляр отдела текущей политики НКЗ от 1918 года №13 и постановление ВЦИК РСФСР от 15 ноября 1919 года к данному владению не применялись;

Г) ссылка бывшего владельца на пребывание в рядах Красной Армии члена его семьи, а равно и об активности его борьбы в рядах Армии документально не подтверждено.

На основании Постановления ЦИК и СНК СССР от 20 марта 1925 года, ст.1, признать Покатилова подлежащим выселению, с изъятием всего земельного надела и имущества, перечисленного в описи от 2 января 1925 года под №№ с 1 по 20 включительно (до тёлок включительно), зачислив таковые в состав госимущества.

Губернская комиссия решение уездной утвердила, и бывшие дворяне, и помещики Покатиловы, даже имея заслуги перед Советской властью, были выселены из собственного дома, с изъятием у них всей земли и большей части имущества. Куда отправились изгнанники, какой стала их судьба – предстоит выяснить.

Пока же сих пор часть посёлка Покровское, где жили свыше ста лет помещики Покатиловы и самый их известный для покровчан представитель, мы называем – Покатилово! Было бы правильно память народную официально увековечить в названии одной из новых улиц посёлка: улица доктора Покатилова.

Троицкие: от фотографии – к радио

Так уж получилось исторически, что сравнительно небольшой населённый пункт, каким оставалось село Покровское Малоархангельского уезда (ныне – райцентр Покровское – А.П.) на протяжении почти трёхсот лет, знал многих помещиков. В самом начале XX века, к примеру, имения здесь имели: **Сергей Николаевич Оловеников, Сергей Владимирович, Михаил Владимирович и Елизавета Александровна Покатиловы, Михаил Константинович Арнольди и Василий Зиновьевич Троицкий.**

Наш рассказ пойдёт о последнем из перечисленных помещиков, который в наследство от отца, Зиновия Васильевича, получил 60 десятин земли в окрестностях села Покровского.

Имение Василия Зиновьевича Троицкого находилось в той части современного посёлка Покровское, которая расположена на возвышенном, правом берегу речки Липовец, в почти полностью заросшем к настоящему времени пространстве вокруг старой школы и туберкулёзной больницы. Тогда этот небольшой деревянный дом был виден издалека.

Зиновий Васильевич был человеком прогрессивных взглядов, увлекающимся, и потому разбил сразу же вокруг усадебного дома большой плодовый сад, в котором росли самые разные культурные

деревья. Кроме того, он, один из немногих в Малоархангельском уезде, начал заниматься фотографией и достиг в этом деле приличных результатов.

Фотографировал он, в основном, свою усадьбу, сад, сельскохозяйственные работы и покровские окрестности. Все фотографии собирались в альбомы (их скопилось несколько) и бережно хранились в семье.

Строящийся дом в Покровском
(фото В.З. Троицкого, дата не определена)

О судьбе Василия Зиновьевича мне известно только то, что он скончался в Подмосковье в середине 30-х годов, не дожив и до 60 лет. Бывший помещик оказался дальновиден в отношении своей собственности: в 1916 году продал дом и 61 десятину земли зажиточным крестьянам Беликовым и навсегда покинул родные края. Сын В.З. Троицкого, Леонид Васильевич, родившийся 31 декабря 1908 года в селе Покровское, закончив школу, в 17-летнем возрасте начал трудовую деятельность.

Вероятно, от отца ему достались в наследство не только фотоальбомы, но и склонность к технике. Правда, Леонид Васильевич посвятил всю свою дальнейшую жизнь не фотографии, а радио, поскольку ещё в школе проявил к нему склонность.

Окончив в Москве радиокурсы, с 1926 по 1930 год Троицкий руководил радиокружком в школе ФЗУ Октябрьской железной дороги. Потом работал ответственным секретарём секции КВ (коротких волн)

Московского общества друзей радио, старшим техником и заведующим отделом коротких волн Центральной радиолаборатории Общества друзей радио.

Переселившись в Москву, в 1938 году Леонид Васильевич пришёл в редакцию журнала «Радиофронт» в качестве заведующего отделом коротких волн и проработал в журнале до начала Великой Отечественной войны.

Дом Троицких в селе Покровское (фото В.З. Троицкого, дата неизвестна)

Леонид Васильевич Троицкий

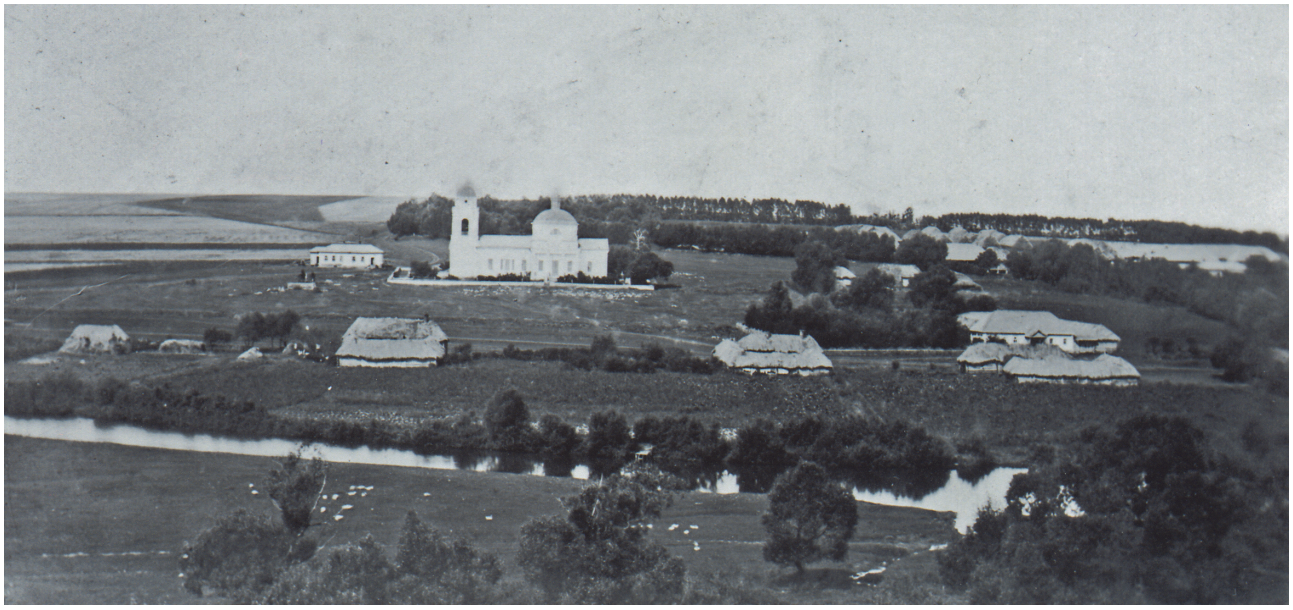
В первые же дни войны, несмотря на плохое зрение, Троицкий попросился добровольцем на фронт и в качестве связиста роты связи 4-й дивизии народного ополчения принял участие в обороне Москвы. Потом Леонида Васильевича направили старшим мастером в радиомастерские 49-й армии, сражавшейся на Западном фронте. Его рации здорово послужили нашей Победе как на передовой, так и в глубоком фашистском тылу, когда ими пользовались советские разведчики. Медали «За оборону Москвы» и

«За победу в Великой Отечественной войне 1941-1945гг.» стали военными наградами Троицкого за его вклад в победу над фашизмом.

С 1946 года, после возобновления выхода журнала «Радио», Леонид Васильевич снова пришёл на работу в редакцию, где проработал ещё 20 лет. Все свои знания Троицкий отдал делу пропаганды радиотехнических знаний, став одним из лучших журналистов СССР этого направления.

В 50-60-е годы вышли в свет несколько брошюр, подготовленных Л.В. Троицким, которые приобрели большую популярность у радиолюбителей. У товарищей по работе и друзей Леонид Васильевич всегда пользовался большим авторитетом.

До конца своей жизни он во всех анкетах писал, что происходит – «из служащих», нигде не упоминал о дворянском происхождении, но фотоальбомы отца бережно хранил. Когда 19 декабря 1966 года, не дожив двух недель до своего 58-летия, Леонид Васильевич Троицкий скончался после долгой и тяжёлой болезни (рак костей), эти альбомы оказались у Ольги Леонидовны Столяровой – давней знакомой и землячки Троицких. А благодаря моему знакомству с Ольгой Леонидовной, несколько фотографий Василия Зиновьевича Троицкого стали некоторое время назад известны и покровчанам. Самая знаковая из них – фотография Покровской церкви.

Покровская церковь (фото В.З. Троицкого, 1908 г)

Кусочек истории и культуры нашего края оказался сохранён благодаря бескорыстному труду и энтузиазму представителей одного семейства, жившего в наших местах свыше ста лет назад.

Посмотри, читатель, на эти фотографии, почувствуй вкус, цвет и запах времени.

Макет старого Покровского храма, изготовленный А.Н. Цукановым по фото В.З. Троицкого

Вид на Покровское с западной стороны, на дальнем плане – Покровская церковь

Глава четвёртая.
Защитники Отечества

Герой Очакова и его последняя битва

В Орловской области до недавнего времени было три населённых пункта под названием «Сабурово» – в Орловском, Глазуновском и Покровском районах. О селе Сабурово под Орлом (15 километров от центра города), наверняка, слышали очень многие, поскольку оно связано с именем крупных орловских землевладельцев, графов Каменских. Один из них, генерал-фельдмаршал Михаил Федотович, известный полководец второй половины XVIII века, был основателем Сабуровской крепости, остатки величественных сооружений которой сохранились до настоящего времени.

Сабуровы – родственники царей

Однако мало кто знает, что своим названием село обязано первому владельцу – орловскому воеводе (90-е годы XVI века) Михаилу Богдановичу Сабурову, отличившемуся в битве 1591 года с крымскими татарами.

Сабуровы – один из известнейших дворянских (и боярских) родов России. Когда Великий князь Иван III выбирал жену для сына Василия, тоже в будущем Великого князя, то лично просмотрел 500 претенденток (на Руси ещё раньше Запада до их кастингов додумались! – А.П.) и остановился на красавице Соломонии Сабуровой. А первой женой сына Ивана Грозного, Ивана, была снова Сабурова – только Евдокия. Сабуровы являлись близкими родственниками царя Бориса Годунова, и при нём на высших должностях в Московском государстве находилось аж 13 человек с такой фамилией.

Представители этого известнейшего рода были записаны в дворянские родословные книги сразу нескольких губерний Российской империи. Значатся Сабуровы и среди коренных орловских дворян, начиная с XVI века. Значит, недаром эта фамилия представлена на географической карте Орловщины. А теперь я поведу речь об одном из Сабуровых, имя которого совсем не упоминалось среди славных деятелей нашего края.

Генерал Иван Сабуров – герой «времён Очаковских и покоренья Крыма»

Иван Фёдорович Сабуров, сын бригадира (это промежуточное воинское звание между полковником и генерал-майором, введённое Петром I и отменённое Павлом I – А.П.) Фёдора Васильевича, родился 22 мая 1752 года. Военную карьеру начал в 17-летнем возрасте, рядовым Конной Гвардии, в которой прослужил 13 лет, после чего, получив звание подполковника, был выпущен в армию и определён в Ахтырский легкоконный полк (впоследствии – 12-й Гусарский генерала Дениса Давыдова, Её императорского высочества, Великой княгини Ольги Александровны полк – А.П.).

Почти вся дальнейшая служба Ивана Фёдоровича, его участие в сражениях и подвиги оказались связаны с этим известнейшим воинским соединением Русской императорской армии.

С 1782 года, в составе Ахтырского полка, Сабуров находится на самом юге рубежей России: первое время – в Крыму, а с началом сражений последней русско-турецкой войны XVIII века (1787–1791), в самом её эпицентре.

Когда турки развязали эту войну, пытаясь вернуть себе Крымский полуостров, то первым их действием стала высадка 1 октября 1787 года многотысячного десанта, под прикрытием одиннадцати кораблей, на Кинбурнской косе, находившейся на подступах к Очакову и Херсону. Небольшим отрядом, защищавшим Кинбурнскую крепость, командовал Александр Васильевич Суворов. Двумя стремительными ударами, не дав туркам опомниться, Суворов часть войск противника уничтожил, а остальных сбросил в море. Сам полководец при этом получил два серьёзных ранения и едва не погиб. Но суворовские чудо-богатыри не подкачали, спасли генерала. Храбро сражался на Кинбурнской косе и подполковник Сабуров, командовавший одним из батальонов Ахтырского полка.

14 июля 1788 года Сабуров был произведён в полковники и назначен командиром этого полка. Вместе с ним он участвовал в двух крупных сражениях второй русско-турецкой войны – осаде и штурме Очакова (1788 год) и взятии крепости Килия (1790).

Особо следует отметить очаковскую эпопею. Сильная турецкая крепость Очаков в июле 1788 года была осаждена 80-тысячной армией под командованием Г. Потёмкина. Но командующий действовал нерешительно, и осада затянулась на 5 месяцев. Наступавшая зима и просьбы самих солдат вынудили Потёмкина назначить на 6 декабря штурм крепости. В 23-градусный мороз передовой 15-тысячный ударный отряд двинулся на приступ очаковских укреплений. Обе стороны

сражались с крайним ожесточением, и даже когда русские солдаты ворвались на улицы города, турки не сдались. В сражении погибло две трети турецкого гарнизона, а оставшиеся 4,5 тысячи были взяты в плен. Русские потеряли убитыми свыше трёх тысяч человек.

Среди тех, кто храбро прорывался в Очаковскую крепость, а потом бился насмерть на её улицах, был и полковник Сабуров со своими ахтырцами. Как и все офицеры – участники осады и штурма крепости, Иван Фёдорович был награждён специальным золотым крестом «За службу и храбрость». Солдат удостоили серебряных медалей с надписью «За храбрость, оказанную при взятии Очакова».

Турецкая крепость Килия, располагавшаяся на правом берегу Дуная, была взята русскими войсками в октябре 1790 года за гораздо более короткое время, но снова при отчаянном сопротивлении турок.

Штурм Очакова. Гравюра Берга, 1792 г.

И опять отличились в бою гусары-ахтырцы и их командир Иван Сабуров. За отличия во второй русско-турецкой войне он был удостоен ордена Святого Владимира 4-ой степени.

Почти сразу после окончания этой войны Ахтырский полк был отправлен в Польшу, где участвовал в сражениях с восставшими поляками, которыми руководил Тадеуш Костюшко. За два года военных действий (1792–1794) Сабуров проявил себя способным и храбрым

командиром, особенно отличившимся в октябре 1794 года во время штурма пригорода Варшавы – Праги, где он командовал резервной кавалерийской колонной. Наградами за мужество ему стали Золотой крест на георгиевской ленте и Золотая шпага с надписью «За храбрость».

Взошедший на престол новый император Павел I в феврале 1797 года произвёл Ивана Сабурова в генерал-майоры и назначил его шефом Рижского кирасирского полка. Однако после повышения служба 45-летнего генерала продолжалась недолго: уже в сентябре того же года он был уволен в отставку.

Все дальнейшие сведения о жизни Ивана Фёдоровича Сабурова крайне скупы. В немногих энциклопедиях сообщается, что он, кроме русского, знал ещё и французский язык, а на 1797 год в Московском уезде, как землевладелец, имел 500 душ крестьян мужского пола. Даже дата его смерти остаётся нам неизвестной – *«после 1797 года»,* как сообщают те же справочные издания.

Последняя битва генерала

Однако в Государственном архиве Орловской области мне посчастливилось найти документы, которые позволили уточнить и расширить скупые сведения о генерале Сабурове.

Оказывается (и это самое главное! – А.П.) он был орловским (а если совсем точно, - малоархангельским) помещиком, дела которого несколько раз разбирал Малоархангельский уездный суд.

Согласно протоколам этого суда, генерал-майору Ивану Фёдоровичу Сабурову в 1810 году в сельце Юдинка Малоархангельского уезда (ныне – Малоархангельский район) принадлежало 550 десятин 2160 саженей земли. Всеми хозяйственными делами генерала в его имении занимался бурмистр Афанасий Агафонов. Именно он представлял интересы Сабурова в суде по очень любопытному делу. Сосед генерала, владелец поместья в соседнем селе Алисове (Никольское тож), подпоручик Василий Савенков захватил у генерала несколько десятин его земли.

Сабуров обратился с жалобой в Орловскую Палату Гражданского суда, потом – в Правительствующий Сенат на незаконные действия Савенкова, но пока эти бумаги шли по инстанциям, сосед-помещик скоропостижно скончался. И когда пришли, наконец, ответы, что «за насильное завладение» генеральской земли Василий Савенков должен заплатить 4740 рублей 40 копеек (большие деньги по тем временам! – А.П.), то разбираться пришлось Ивану Фёдоровичу заново – уже с женой соседа, подпоручицей Катериной Яковлевной Савенковой.

Не буду описывать всех перипетий, скажу только, что денег генерал так и не получил, поскольку Катерина Яковлевна заявила – *«Денег*

наличных не имею, а имение моё принадлежит не только мне, но и детям – сыновьям Владимиру, Семёну и дочери Марии». Пока искали сыновей (они были на военной службе), пока брали с них объяснительные, прошло 6 лет. За это время Катерина Савенкова умудрилась не только добиться отмены решения по выплате ею генералу почти 5000 рублей, но и – наоборот – *доказала*, что не муж её захватил 45 десятин генеральской земли, а генерал Сабуров незаконно владел несколько лет наследственной савенковской землёй.

Прислан был в Орловскую Палату Гражданского суда Указ Правительствующего Сената по этому поводу. Но теперь, когда 5 августа 1818 года Малоархангельский уездный суд снова обратился к земельному спору генерала Сабурова с помещиками Савенковыми, уже сам генерал не дождался его рассмотрения – скончался незадолго до этого.

Так генерал-майор Сабуров, герой «времён Очаковских», не раз бивший турок и поляков, проиграл войну из-за земли. И кому? Женщине - помещице, подпоручице, Катерине Савенковой. И не только проиграл, но и умер. Не могу сказать, что именно из-за этого, но что и из-за этого тоже – уверен.

А многолетний земельный спор был вынужден продолжать сын генерала – капитан Иван Иванович Сабуров. Но это уже совсем другая история.

Апухтины:
«В сраженьях мы не на постели...»

Когда орловчане где-либо слышат или читают: «Апухтин», то реакция следует незамедлительно: «А, сочинял чего-то!». Да, именно такую фамилию носил известный русский поэт второй половины XIX века, автор стихов, многие из которых стали романсами, а некоторые его строчки давно превратились в крылатые выражения.

Но среди Апухтиных, дворян Орловской губернии, было множество других любопытных личностей. Одних только генералов насчитывается около десятка человек. Мой рассказ – о нескольких представителях этого славного рода, верой и правдой служивших России на военном поприще.

В боях с литовцами, турками, поляками и с тушинским вором

11 октября 1833 года Орловское Дворянское Депутатское собрание рассматривало прошение генерал-майора Александра Петровича Апухтина о внесении в Дворянскую родословную книгу губернии его сыновей Николая и Александра. Для доказательства древности своего

дворянского происхождения проситель представил документы из Вотчинного департамента.

Оказалось, что прапращур генерала, Дмитрий Тимофеевич Апухтин, ещё в 1585 году владел недвижимым имением в Карачевском уезде. Пращур, Константин Дмитриевич, отличился в Московском осадном сидении, когда Василий Шуйский, последний русский царь из династии Рюриковичей, запертый в Москве тушинским вором Лжедмитрием II, два года (1608-1610) отбивался от него. Верному своему стороннику К.Д. Апухтину царь Василий пожаловал поместье в Рословском стану, в том же Карачевском уезде.

Прапрадед генерала, Климентий Константинович Апухтин, отличился в борьбе с литовцами, прадед, стольник Иван Климентьевич, – в сражениях с турками и поляками, за что каждый из них получил добавку к апухтинским вотчинам не только в Карачевском, но также в Орловском и Болховском уездах.

Количество владений Апухтиных за 100 лет значительно увеличилось, но одновременно они дробились между наследниками, так что у Петра Захаровича Апухтина, отца генерала, вотчинные земли с 240 крепостными душами имелись только в Болховском уезде.

Четверо сыновей Петра Захаровича (Андрей, Александр, Владимир и Гавриил) разделили их полюбовно после смерти отца между собой.

А теперь подробнее о трёх из перечисленных братьев: Гаврииле Петровиче, уже несколько раз называвшемся генерал-майоре Александре Петровиче и самом младшем – Андрее Петровиче Апухтиных. О четвёртом, Владимире, каких-либо сведений найти, пока, не удалось.

Гавриил Апухтин: военный, предводитель, сенатор, переводчик

Самым старшим из братьев (1774 года рождения) был Гавриил Петрович Апухтин. Он же добился и наибольшей известности, причём, в различных сферах. Начиналась его биография, как и у остальных братьев, - с армии. До своей отставки в чине майора Гавриил Апухтин успел отличиться в русско-персидской войне 1795-1796 годов. Очень молодым, в 32 года, он получил доверие от орловского дворянства, которое в течение двух сроков избирало его губернским предводителем (1806-1813 годы.).

Активную деятельность орловского руководителя дворян во время Отечественной войны 1812 года заметили в столице, и Гавриил Петрович продолжил карьеру в Военном министерстве и Сенате. Последний его чин на гражданской службе – действительный статский советник (генерал-майор – в переводе на военный язык – А.П.). Апухтин также активно участвовал в деятельности Московского общества сельского хозяйства

(был там казначеем) и занимался благотворительностью. И, наконец, в молодые годы он успешно перевёл с французского языка несколько книг для юношества, опубликованных в конце XVIII века. Умер Г.П. Апухтин в Москве на 61 году жизни.

Александр Апухтин: инженер-генерал-майор и кавалер

Как ни удивительно, об Александре Петровиче информации не очень много. Во-первых, он получил инженерное образование в Артиллерийском и инженерном шляхетном корпусе. По окончании его служил в войсках, принимал участие в Отечественной войне 1812 года, закончив её инженер-полковником, был награждён орденом.

С 1817 по 1824 год многодетное семейство генерала Александра Апухтина (жена и пятеро сыновей) проживало в Москве, в районе современного Арбата, в доме №7, на так называемой «Собачьей площадке». Генерал провёл реконструкцию главного дома усадьбы, сделав его двухэтажным с антресолями и мезонином на каменном фундаменте. Александр Петрович заменил также вокруг жилого здания все деревянные хозяйственные постройки на каменные. Дом Апухтиных впоследствии стал известен как один из центров культурной жизни Москвы, его посещали многие знаменитости, в том числе и наши земляки: Тимофей Грановский и братья Киреевские. Точная дата смерти генерал-майора нам не известна.

Андрей Апухтин: из офицеров – в рядовые и обратно

Если Гавриил и Александр Петровичи Апухтины, дослужившиеся до генеральских чинов, поселились на постоянное жительство в Москве, то самый младший из братьев – Андрей (он – 1787 года рождения), стал хозяином родовой отцовской усадьбы в Болховском уезде, где ему принадлежало 105 душ крепостных крестьян мужского пола.

Он рано вступил в военную службу и уже в 18 лет был поручиком. Перед молодым офицером открывалась возможность сделать блестящую военную карьеру, но Андрей Апухтин сам себе всё испортил: будучи в трёхмесячном отпуску, он в срок в свою часть не явился. Последовало долгое разбирательство, суд – и разжалование в рядовые. Это стало сильным ударом по самолюбию гордого дворянина. Правда, он не стал сидеть, сложа руки, и в марте 1809 года вступил рядовым в Уфимский пехотный полк, в котором прослужил ещё семь лет.

Полк был боевым, и в его составе в том же году, с 22 сентября по 9 декабря, Андрей Апухтин участвовал в походе в австрийскую Галицию, дойдя до города Лемберга (современного Львова).

А с началом Отечественной войны 1812 года Уфимский пехотный полк несколько раз оказывался в самом пекле сражений: 6 августа при обороне Смоленска, а 26 августа – защищая Курганную высоту Бородинского поля, где находилась знаменитая батарея генерала Раевского.

Курганная высота и памятник на ней

Во время второй атаки на батарею французы сумели захватить её. Начальник штаба I Западной армии Алексей Ермолов, видя отступление русских, обнажил саблю и повёл в штыковую атаку на батарею 3-й батальон Уфимского пехотного полка. Отчаянный натиск поддержали три егерских полка, стоявших в резерве. Французы были сметены с батареи и бросились к лесу. Прапорщик Уфимского пехотного полка Андрей Апухтин вместе со своими товарищами оказался среди тех, кого вёл в атаку генерал Ермолов. При преследовании врага он был ранен пулею *«в икру левой ноги близ колена».*

По излечении прапорщик принял участие в Заграничных походах русской армии, дойдя до Герцогства Варшавского.

Когда в январе 1815 года командующий 1-й бригады 24-й пехотной дивизии генерал-майор Иван Цыбульский увольнял прапорщика Апухтина в отставку, в приказе он отметил, что тот *«в службе был усерден, отличил себя храбро».* И, тем не менее, на «гражданку» Андрей

Петрович ушёл в самом младшем офицерском звании, не имея ни единой награды.

Памятник 24-й пехотной дивизии и Уфимскому пехотномк полку на Бородинском поле

Поселившись на родовой усадьбе в Болховском уезде, Андрей Апухтин вскоре женился, рождались один за другим дети (два мальчика, две девочки). Но когда старшей из дочерей не исполнилось ещё и 12 лет, скоропостижно умерла жена. Пришлось бывшему прапорщику одному поднимать на ноги несовершеннолетних детей.

В довершение всех несчастий в одном из документов Андрей Апухтин подписался как *подпоручик* (видно, так и не смирился он мысленно со своим чином – А.П.), и его снова судили, на это раз, - *«за самозванство».* Правда, судьи простили отца четырёх детей и вдовца, потому что он *«наименовал себя подпоручиком по превратному понятию и вреда от этого никому не произошло».*

Как сложилась дальнейшая судьба героя-несчастливца, выяснить мне не удалось. Знаю лишь, что о детях своих он позаботиться успел: они получили и дворянство, и наследство.

Вот такой разной оказалась судьба трёх родных братьев Апухтиных, не жалевших жизней своих *«за Веру, Царя и Отечество».*

Кульмский крест Афанасия Дубровина

В Год российской истории и – одновременно – год 200-летия Отечественной войны 1812 года орловчане, благодаря средствам массовой информации и памятным мероприятиям, вспомнили или узнали о многих своих замечательных земляках – героях. Я хочу представить читателям ещё одного, о котором до этого события нигде не сообщалось.

Афанасий Дубровин – личность для Орловщины уникальная. Офицер Морского Гвардейского Экипажа, два с половиной года героически воевавший с французами на суше, – это ли не удивительно?

Римский-Корсаков, но не композитор

А теперь обо всём по порядку.

Книга об участии Морского гвардейского экипажа в Отечественной войне 1812 года

15 марта 1835 года Орловское Дворянское Депутатское собрание рассматривало *прошение Гвардейского Экипажа капитан-лейтенанта и кавалера Афанасия Ивановича Дубровина* о причислении к дворянству его детей – Прасковьи, Николая, Василия и Владимира. К прошению, как обычно в таких случаях, были приложены и документы, подтверждающие обоснованность заявления.

Но когда дело в заседании дошло до заслушивания просителя, вместо него неожиданно встал незнакомец в военно-морской форме:

«Господа, будьте любезны выслушать, я попросил уже об этом и Вашего предводителя». Такого рода отступления от сложившегося порядка заседаний случались в Собрании не часто, и потому дворяне-депутаты с любопытством предоставили гостю слово.

«Капитан I ранга Николай Римский-Корсаков», - свою речь незнакомец начал с представления, а потом очень коротко сказал о себе: *«Участник Отечественной войны 1812 года, русско-турецкой войны 1828–1829 года, польской кампании, кавалер нескольких орденов и Золотого оружия «За храбрость», был капитаном нескольких кораблей, о числе плаваний уже не говорю, их много, в том числе – трёхлетнее кругосветное вместе с Коцебу, в настоящее время я – флигель-адъютант Его Величества Императора Николая I и капитан корабля «Кацбах». Хожу по Балтике. В Орле – проездом, навестил старого товарища Афанасия Дубровина. Ну а раз так вышло, и мне выпала возможность сказать об этом герое, я это сделаю.*

Да, господа, капитан-лейтенант Дубровин – настоящий герой. В этом я мог убедиться за те два с половиной года, пока мы вместе

воевали в Отечественную войну в составе Морского Гвардейского Экипажа. На всякий случай скажу, что наше элитное подразделение Российского флота ведет свое начало от "царских гребцов" эпохи Петра Великого, потом оно называлось "Придворной гребецкой командой", а в 1810 году Его Величество Александр I повелел переформировать её, причислить к гвардии и назвать "Морским Гвардейским Экипажем". Наша часть стяжала себе славу в Отечественной войне 1812 года и Заграничном походе русской армии 1813-1814 годов».

Кульмская битва

Друзья-поджигатели

Некоторые из орловских дворян, присутствовавшие на заседании, сами участвовали в Отечественной войне, и их трудно было удивить рассказами о ней, но моряков среди них не было, и потому рассказ капитана I ранга они слушали с огромных вниманием.

Оказалось, что Николай Римский-Корсаков и Афанасий Дубровин познакомились в самом конце 1811 года, когда оба оказались в составе Морского Гвардейского Экипажа, Николай был моложе на два года и потому имел мичманское звание, а Афанасий только-только стал лейтенантом. Дружба свежеиспечённых офицеров началась сразу, потому

что молодых людей объединяло многое: учёба в Морском Кадетском корпусе, начало службы гардемаринами, плавание на яхте «Паллада» по Балтийскому и Немецкому морям, увлечение музыкой.

Когда началась Отечественная война, командование приняло решение большую часть Морского Гвардейского Экипажа, как наиболее подготовленную в инженерном отношении, использовать на суше, – при разрушении мостов перед наступавшей французской армией. Друзья тогда оказались вместе, и уже 8 августа 1812 года после переправы русской армии через Днепр лейтенанты Дубровин, Чихачев, Хмелев и мичман Римский-Корсаков уничтожили постоянные мосты через реку, затруднив продвижение французов.

Монумент русским офицерам, погибшим в Кульмском сражении

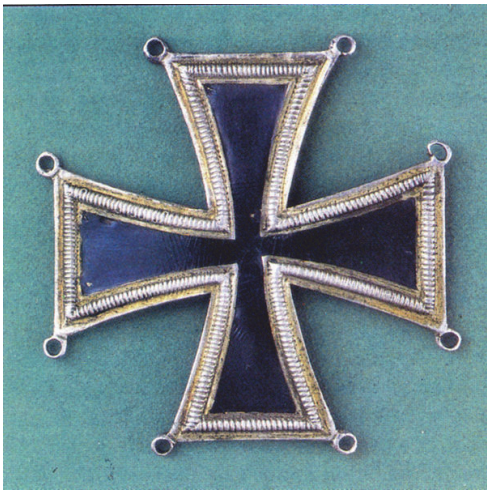
4 сентября, когда русские войска покидали Москву, лейтенант Афанасий Дубровин и мичман Николай Римский–Корсаков, на виду у французских кавалеристов и под их сильным огнём, подожгли мосты через Москву-реку и Яузу, не дав французам организовать преследование.

Согласно указу Императора Александра I *«за понесённые труды в течение 1812 года»* были награждены все офицеры Морского Гвардейского Экипажа, в том числе – орденом Святой Анны 3 степени – лейтенант Афанасий Дубровин и мичман Николай Римский-Корсаков.

Как Вандам получил по мордАм

Отличились гвардейцы Морского Экипажа и во время Заграничного похода русской армии – особенно при Бауцене и Кульме.

«Знаете, господа, – с волнением в голосе продолжал рассказ капитан I ранга, – *Кульмское сражение я не забуду никогда, а память о нём – всегда во мне, вот она: рана в бедре, которая ноет при изменении погоды, Кульмский крест на груди и друг Афанасий»* (при этих словах Николай Петрович подошёл к Дубровину и порывисто обнял его).

Кульмский крест

Справившись с волнением, капитан I ранга продолжил: *«К Кульму, городку в Богемии, в 40 километрах от Дрездена, наш Морской Экипаж подошёл вместе с другими гвардейскими полками в составе 1 гвардейской дивизии генерала Ермолова, а нашим сводным отрядом в количестве 10 тысяч человек командовал граф Остерман-Толстой. А на нас навалился французский генерал Вандам с 35-ю тысячами. Я уже лейтенантом был, командовал охотниками-стрелками* (так тогда называли добровольцев – А.П.).

Бой шёл целый день 17 августа 1813 года, мы расставились в две линии и прикрывали дорогу на выходе из ущелья. Если бы французы прорвались – остальным войскам, не успевавшим к месту сражения, грозила полная гибель. Утром отбили первую атаку Вандама, в полдень французы предприняли второй ожесточённый штурм.

Сражение развернулось на горных склонах вдоль дороги Кульм-Теплиц. Генерал Остерман-Толстой был ранен, ему перебило ядром руку. Вместо Остермана командование принял генерал Ермолов.

Ближе к 5 часам дня Вандам атаковал в третий раз, уже на нашем левом фланге, двумя колоннами, и чуть было не прорвался. Но наши гвардейские полки, как писал потом генерал Ермолов, «с невероятным стремлением ударили на французские колонны. Одна из них скрылась в лес, другая ... легла мертвая рядами на равнине». Французы отступили и больше не предпринимали атак.

Потери у нас в гвардии были страшные – почти три тысячи человек, в Гвардейском Экипаже выбыли из строя 75 процентов офицеров и 40 процентов рядовых. Меня тяжело ранило в бедро, Дубровина – в плечо, и как он тогда меня вытащил одной рукой из-под огня – не понимаю. А на следующий день к нам подошло подкрепление, и Вандам был не только разбит, но и в плен попал ещё с двумя своими генералами. Вот такая история, господа», – закончил своё повествование Римский-Корсаков.

Орловские дворяне после такого рассказа не стали заморачиваться на отсутствии у капитан-лейтенанта Афанасия Дубровина недвижимого имения и крепостных крестьян, а дружно проголосовали за то, чтобы все дети кавалера трёх русских орденов и Кульмского креста получили дворянство.

P.S. Спустя несколько лет после описываемых событий Николай Петрович Римский-Корсаков дослужился до чина вице-адмирала, состоял

при Государе Императоре и ежегодно посылался по Высочайшему повелению с различными поручениями. В марте 1842 года он был назначен помощником директора Морского Кадетского Корпуса (того самого, в котором учились он сам и Дубровин), а через год занял пост директора Корпуса и оставался в этой должности по день смерти в 1848 году.

Кстати, великий русский композитор, Николай Андреевич Римский-Корсаков, родившийся за четыре года до его кончины, приходился герою-моряку родным племянником и был назван в его честь.

Дальнейшая судьба капитан-лейтенанта Афанасия Дубровина прослеживается только пунктирно. Он жил в одном из своих малоархангельских имений, избирался Малоархангельским уездным предводителем дворянства. Дату и место смерти героя-моряка выяснить, пока, не удалось.

Один день Ивана Михайловича (как орловский прапорщик Козаков Париж брал)

18 ноября 2012 года в селе Луковец Малоархангельского района прибавилось достопримечательностей: после 67-летнего изгнания на своё место, туда, где стояла когда-то красивейшая Покровская церковь, усилиями местных энтузиастов, возвратился надгробный камень с могилы генерал-майора и кавалера Петра Ивановича Козакова.

Память возвращается...

Когда весной 1955 года в этом населённом пункте прогремел сильный взрыв, многим жителям на короткое время показалось, что в их ещё не успевшее восстановиться селение вновь пришла война. Однако вскоре выяснилось, что здесь по чьему-то изуверскому решению просто уничтожали храм Божий – чтобы не напоминал он о «проклятом прошлом».

Вместе с Покровской церковью разрушены были тогда и расположенные с нею рядом старинные фамильные склепы, в одном из которых хоронили своих родственников местные помещики Козаковы. Надгробная плита одного из них, генерал-майора Петра Козакова, оказалась потом на долгие годы заброшенной и заваленной мусором на задворках Луковецкого гражданского кладбища. Куда же исчезло надгробие его отца, выяснить до сих пор не удалось. А очень хотелось бы, поскольку Иван Михайлович Козаков был личностью воистину легендарной. О нём даже спустя 100 с лишним лет после его смерти с

восторгом говорят местные жители как об участнике Отечественной войны 1812 года и знаменитом орловском охотнике.

Впрочем, их живописные и красочные воспоминания, как ни удивительно, подтвердил сам герой с помощью опубликованных когда-то в журнале «Русская старина» собственных записок под названием **«Поход во Францию 1814 года»**. Из них, дополненных биографическими заметками его внука, генерала Александра Безгина, и материалами Государственного архива Орловской области, я и почерпнул я сведения, о которых сейчас поведаю читателю.

Иван Козаков – настоящий гвардеец

Иван Михайлович Козаков родился в сельце Котельном Новосильского уезда 27 апреля 1797 года в семье, которую хорошо знали многие орловские и тульские дворяне, да и при царском дворе она была известна. Отец его, Михаил Андреевич, был на короткой ноге с самим генералом Ермоловым.

В 12-летнем возрасте Иван Козаков поступил в Пажеский корпус и быстро стал в этом привилегированном учебном заведении одним из лучших учеников, которому доверили обслуживать лично Императора Александра I и его семью.

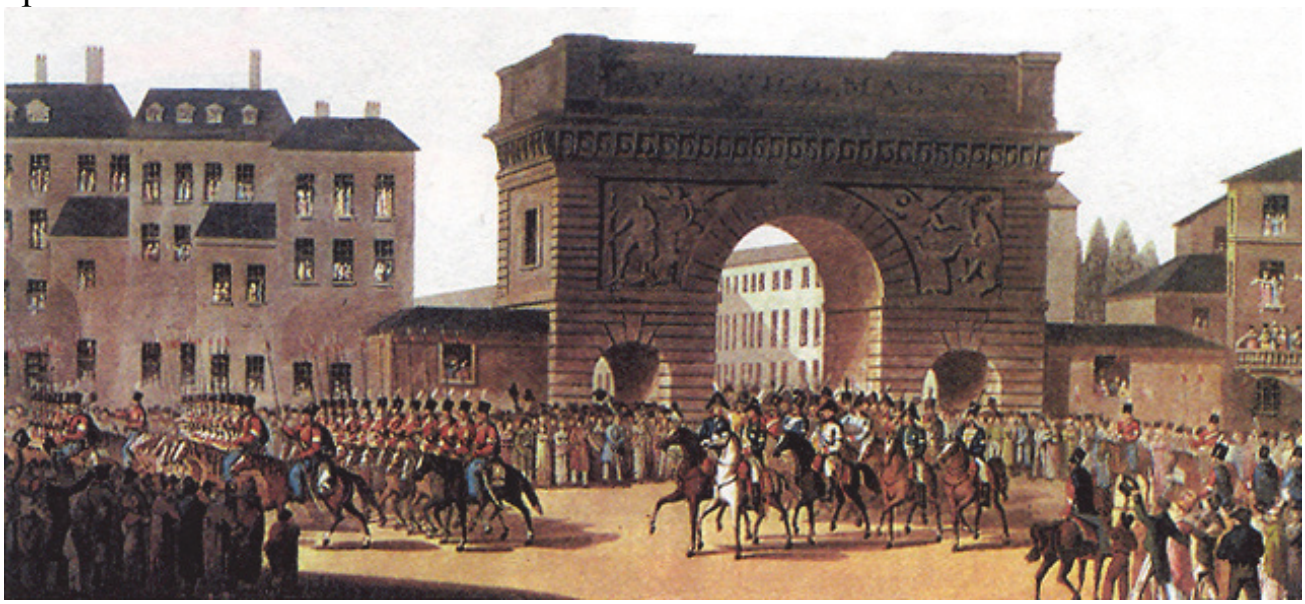
Этой медалью был награждён Иван Козаков

По окончании учёбы в июне 1813 года камер-паж Козаков был произведен в прапорщики гвардии и назначен в прославленный лейб-гвардии Семеновский полк. Через Орёл, Чернигов, Бобруйск и Гродно 16-летний прапорщик добирался до назначенного места. То, что молодой офицер – не из робкого десятка, Иван Козаков доказал уже на пути к действующей армии.

Между Черниговом и Бобруйском, где почти вся дорога шла лесами, его пытались ограбить местные разбойники. Вот как вспоминал об этом Иван Михайлович: *«Стало темнеть, лес сделался гуще, как вдруг из кустов выскочила темная фигура и схватила за повод коренную лошадь, которая уперлась и стала пятиться назад. Выхватив пистолет, я закричал: пусти или убью. Разбойник начал свистать, из чащи*

послышался шум; тогда я выстрелил, фигура отшмыгнула в лес; я выскочил из повозки с саблей и другим пистолетом, бросился за ней; однако оклик сопровождающего дядьки: – куда вы, в лесу вас убьют, садитесь скорее – меня образумил – и то, правда, – ускачем!».

К началу сентября 1814 года из резерва было создано две сильные роты для пополнения убыли, понесенной русской армией в Кульмском сражении. Командиром одной из рот численностью 350 человек назначили прапорщика Козакова. 16-летний офицер благополучно, не потеряв ни единого человека, за два месяца довёл свою часть через Польшу и Германию до Рейна, где и присоединился к действующей армии.

Русская армия вступает в Париж (19 марта 1814 года)

Шампанское от генерала Ермолова

Первое сражение для прапорщика состоялось уже на территории Франции, под городом Бриеном 17 (29) января 1814 года. А следующей битвы Ивану Козакову пришлось дожидаться два месяца. Вечером 17 марта 1814 года он получил приказ явиться на следующее утро в распоряжение генерала Ермолова. Вот как об этом вспоминал прапорщик в своих записках:

«18 марта рано утром явился я к Ермолову: – К вашему превосходительству от лейб-гвардии Семеновского полка на ординарцы прислан. ,,Как ваша фамилия"? – Прапорщик Казаков. ,,А, любезный, ты из камер-пажей, да я и с отцом твоим знаком – смотри – будем нынче хлопотать и трудиться, а завтра, может быть, и отдых – и в Париже побываем". – Да, ваше превосходительство, если не убьют. ,,Ну, это кому что придется".

Исторический день взятия Парижа врезался в память Козакова до мельчайших подробностей, которые и много лет спустя вспоминал он как ярчайшие моменты в своей долгой жизни.

Русско-прусские полки быстро продвигались от окраин французской столицы к центру, тесня наполеоновские войска, а прапорщик на коне, десять часов беспрерывно, под сильным обстрелом противника, мотался между Императором Александром I и генералом Ермоловым к переднему краю наступления, доводя до командиров полков полученные им от начальства приказы и распоряжения.

Трижды в течение дня прапорщик Козаков был на волосок от гибели. Вначале он вместе со своим конём чуть не попал под колёса французской пушки, которую, спасаясь бегством, тащила бешено мчавшаяся четвёрка лошадей. Во второй раз Козакова спас генерал Ермолов, когда ординарец в очередной раз докладывал о выполнении задания. Алексей Петрович, из-за оглушительной стрельбы не слыша доклада, приказал прапорщику подъехать поближе, и в это время вражеское ядро разорвалось на том месте, где несколько секунд назад находился Козаков. При этом были убиты трое гвардейцев.

Третий эпизод случился в самом конце сражения, около 16 часов пополудни, когда стрельба уже почти затихла, и вот-вот должна была состояться сдача города. С высокой трёхъярусной башни неожиданно началась прицельная оружейная пальба, под которую угодил уже не только Козаков, но и сам генерал Ермолов с охранением. Один казак был ранен, но к счастью, стрельба быстро прекратилась. Победу прапорщик Козаков отметил стаканом французского шампанского, которым угостил его генерал Ермолов *(правда, осилил Иван Михайлович только половину – не пил он к этому времени ещё совсем – А.П.).*

«Не знаю, как другие, но я был очень рад, что остался жив и не ранен и что буду в Париже», - так написал Иван Михайлович об итогах дня 18 марта 1814 года.

Из Парижа – в Малоархангельск

В Париже Козаков побывал на следующий день, когда русские войска торжественно вступили во французскую столицу, а вечером исполнял обязанности начальника караула во время спектакля «Триумф Траяна» в театре Гранд-Опера, на котором присутствовал Александр I. А потом ещё почти три месяца бывший ординарец Ермолова наслаждался заграничной жизнью, квартируя у одного приветливого парижанина по фамилии Дюпюитрен.

Летом 1814 года прапорщик Козаков морем возвратился с полком на родину и продолжил военную службу. Выйдя в отставку в 1827 году в

чине подполковника, он поселился в малоархангельском имении Алексеевка (Козаковка). С 1830 по 1842 год Иван Михайлович четырежды избирался малоархангельским уездным предводителем дворянства. В 1855 году И.М. Козаков, избранный начальником малоархангельского ополчения, сформировал дружину из местных ратников и привел ее в Крым.

Иван Михайлович среди малоархангельских дворян и обывателей пользовался огромным авторитетом – как за свои деловые и человеческие качества, так и за познания в охотничьем деле. Скончался автор записок о взятии Парижа 7 октября 1883 года, простудившись на охоте с борзыми, с которыми он вскачь только что лично загнал волка. Шёл Ивану Михайловичу Козакову тогда 87-ой год.

Надгробие генерала Петра Ивановича Козакова

Надпись на могильной плите

Упокоившийся во Мценске (генерал Павлищев)

11 февраля 1899 года ежедневная губернская газета «Орловский вестник» сообщила, что 10 февраля в Орле умерла вдова генерал-лейтенанта Анна Феодоровна Павлищева. В короткой информации говорилось также, что прощание с покойной состоится на её квартире, в доме Офросимовой по улице Садовой. Вынос тела состоялся 13 февраля, после чего усопшую доставили на железнодорожный вокзал, откуда поездом её привезли в Мценск. А 14 февраля она была похоронена на территории Мценского мужского монастыря.

Когда я прочитал эту короткую информацию, то подумал: *«А почему именно во Мценске нашла Анна Фёдоровна свой последний приют? Почему не в Орле, где жила и умерла?»* Но после того, как я познакомился с биографией её известного мужа-генерала, всё стало на свои места.

«Павел Иванович Павлищев родился в 1795 году в селе Метлинцах Подольской губернии в небогатой дворянской семье. Его отец, ротмистр Иван Васильевич Павлищев, командовал эскадроном в Мариупольском гусарском полку, в составе которого участвовал в кампаниях против Наполеона в 1805, 1807 годах, отличившись в кровавых битвах под Аустерлицем, Прейсиш-Эйлау, Фридланде. Именно в этот полк 14 мая 1810 года и поступил Павел по окончании домашнего образования.

12 декабря 1811 г. он был произведён в корнеты, а уже в следующем же 1812 году принял участие в отражении нашествия Наполеона в Россию и затем в Заграничных походах 1813–1814 гг.. Участвуя в разных делах, Павел Павлищев явил личную храбрость: 14 августа 1813 года – в генеральном сражении на берегах Кацбаха, 23 числа того же месяца при Гохкирхе, 16 сентября под Мейсеном, и, наконец, с 4 по 7 октября в знаменитой Лейпцигской битве, за что 14 декабря того же года получил орден св. Анны 3-й степени.

Переведённый 25 апреля 1814 г. в лейб-гвардии конно-егерский (впоследствии драгунский) полк, Павлищев произведён был 10 июля в поручики за оказанное мужество в сражениях 17 января под Бриеном и 20-го под Ла-Ротьером; участие же его в разгроме французской пехоты 13 марта под Фер-Шампенуазом доставило ему на другой день Высочайшее благоволение.

Возвратившийся в Россию по заключении мира полк расположился в Новгороде, где и простоял до 1828 г., и в этот период времени Павлищев дошёл в последовательном порядке до чина подполковника.

Турецкая кампания 1828 г. вновь вызвала Павлищева на поле брани. Переправясь через Дунай, он находился 11 сентября при блокаде Варны, 29 сентября - при её покорении, а с 30 сентября по 4 октября при преследовании турок от этой крепости до Камчика, и, наконец, 24-го октября переправился через Дунай для обратного похода в Россию.

Затем, 2 января 1831 г., уже в чине полковника, он был направлен со своими сослуживцами против восставших поляков. Этот год доставил ему новые отличия за дела: под Кусковом, Тыкочином, Тополовом, при Остроленке (где за участие в разбитии у реки Нарев польской пехотной колонны получил 22 августа золотую саблю с надписью «За храбрость») и за штурм Варшавы (польский знак отличия за военное достоинство «Virtuti militari»).

Назначенный 6 декабря 1833 г. командиром Каргопольского драгунского полка, Павлищев прослужил на этом посту до 1838 г., а 15 апреля того года получил должность командующего 1-й бригадой 1-й драгунской дивизии, и 6 декабря 1836 года пожалован был орденом св. Георгия 4-й степени за беспорочную выслугу 25 лет в офицерских чинах. 1

января 1839 г. он был произведён в генерал-майоры с утверждением в должности командира вышеупомянутой бригады.

С наступлением Венгерской кампании 1849 г. Павлищев перешёл 11 июля границу Царства Польского у Томашева, следовал в Галиции до Дрогобыча, и был в боях в Трансильвании, а оттуда вернулся обратно в пределы России 7 сентября через местечко Радзивилов, и за этот поход получил 1850 г. два ордена: 17 февраля – св. Анны 1-й степени с императорской короной и 27 ноября – св. Владимира 2-й степени.

Определённый 16 февраля 1851 г. командующим 5-й лёгкой кавалерийской дивизией, Павлищев, с производством его 8 апреля в генерал-лейтенанты, получил 25 декабря 1852 г. должность инспектора гвардейских запасных эскадронов; с 27 декабря 1853 г. был командующим помянутыми эскадронами и с 18 января 1855 г. – 1-й гвардейской резервной кавалерийской дивизией, а с 26 августа 1856 г. по 24 декабря 1861 г. – помощником командующего резервами гвардейской кавалерии.

24 декабря 1861 г. он по болезни был зачислен по армейской кавалерии и в запасные войска, а в 1863 г. уехал за границу для излечения от постигшей его мучительной нервной болезни. Но лечение не помогло, и 14 августа он скончался на водах в Ахене. ***Тело его перевезено было в Россию и предано земле во Мценском уезде Орловской губернии****.*

Павел Иванович Павлищев женат был на А. Ф. Афросимовой, имел двух сыновей и четырёх дочерей».

Мценский Петропавловский мужской монастырь
(фото начала XX века)

Эту сведения о генерал-лейтенанте Павлищеве я почерпнул из интернетской «Википедии». Правда, фамилия жены там написана через «А», но этот известный орловский дворянский род во многих документах именовался и через *«О»,* и через *«А».* Во всяком случае, это именно она, Анна Фёдоровна, названа женой (в биографии) и вдовой генерал-лейтенанта (в газетном некрологе). Именно она завещала похоронить себя рядом с мужем, на территории Мценского Петропавловского мужского монастыря. Что и было сделано в середине февраля 1899 года.

В описании кладбища этого монастыря в разных источниках названы представители известных мценских дворянских родов, похороненные здесь: Шеншины, Протасовы, Шеины, Кривцовы. Назван среди упокоившихся и один генерал – Н.А.Белый. Однако упоминаний о том, что у стен монастырского Покровского собора покоятся генерал-лейтенант П.И.Павлищев и его жена, нигде до настоящего времени не было. Но, получается, с историей славного города Мценска связана биография (наверное, какая-то часть жизни и, по крайней мере, смерть) известного русского полководца XIX века, кавалера орденов Святой Анны 1-ой и 3-ей степени, **ордена Святого Георгия 4-ой степени**, ордена Святого Владимира 2-ой степени и Золотого оружия «За храбрость».

К сожалению, от былого величия Петропавловского мужского монастыря мало что сохранилось. Нет сейчас монастырского кладбища, утрачены могилы. И только память напоминает нам о прошлом и о людях, которые когда-то *жили.*

Сохранившиеся строения Мценского Петропавловского мужского монастыря

P.S. И, в дополнение к рассказу о самом генерале.

Брат Павла Ивановича, Николай Иванович Павлищев, был тайным советником и известным историческим писателем, мужем родной сестры А.С. Пушкина Ольги Сергеевны. Мемуары их сына и племянника П.И. Павлищева Льва Николаевича являются ценным источником для биографии и истории творчества А. С. Пушкина и его окружения.

Приложение
ГАОО, ф. 68, оп. 1, ед. хр. 58, л. 101
Протоколы Дворянского Депутатского Собрания

Павлищев Павел Иванович, генерал-майор и кавалер

Женат на Анне Фёдоровне, имеет детей: Николая, Фёдора, Наталью, Елизавету, Екатерину, Ольгу и Лидию.

Все определены во дворянстве Дворянским Депутатским Собранием 1 августа 1847 года в 3 часть родословной книги и Указом Герольдии 14 мая 1856 года за №2970. Утверждены в дворянстве с перенесением из 3-ей в 1-ую часть (журнал с перенесением 31 мая 1856 года)

Николай Воейков – адъютант генерала Ермолова

Для начала, читатель, - отрывок из «Завещания»: *«Во имя Отца и Сына, и Святаго Духа. По неизречённому милосердию Божию, сохраняя рассудок и память в здравом их состоянии, я, нижеподписавшийся Генерал от артиллерии Алексей Петрович Ермолов, духовное это завещание моё написал и подписал собственною моею рукою.*

Почитаю благотворением согласившихся быть исполнителями завещания моего Господ, уволенных от службы: Гвардии Полковника Ивана Васильевича Лихачёва, Гвардии Капитана Николая Павловича Воейкова и надворного Советника Николая Павловича Шимановского…».

На службе России: воеводы, послы, стряпчие, стольники

Алексей Петрович Ермолов, выдающийся военный деятель России, наш земляк, написавший эти слова за несколько лет до ухода из мира земного в мир небесный, своими душеприказчиками определил трёх людей совершенно разных чинов и званий. Но всех названных персон объединяло одно: генерал их давно и хорошо знал, ценил и – конечно же, не сомневался в их исключительной порядочности.

Мой рассказ – об одном из представителей этой замечательной троицы, гвардии капитане Николае Павловиче Воейкове.

Русский дворянский род Воейковых происходит, по преданию, от приехавшего в Москву (возможно, из Польши – А.П.) в 1384 году Воейко Войцеховича из Тернова, в крещении - Прокопия, у которого родилось два сына: Михаил и Степан. Оба они, как и отец, были боярами при московских великих князьях в XVI и XVII веках.

В дальнейшем Воейковы служили воеводами, думными дворянами, послами, стряпчими, стольниками. Многочисленный этот род (к концу XIX века только представителей мужского пола насчитывалось уже более 500 человек – А.П.) был записан в Дворянские родословные книги Владимирской, Вологодской, Калужской, Курской, Московской, **Орловской**, Рязанской, Тамбовской, Тверской, Тульской и Смоленской губерний.

В Орловской губернии Воейковы имели поместья в Орловском (село Архангельское на Сычах и сельцо Юшино) и Карачевском уездах (село Хотынец).

Выпускник училища колонновожатых

Что же касается биографии моего героя, Николая Павловича Воейкова, то в ней – множество тайн и тёмных пятен. Начну с того, что место его рождения историкам пока не известно. Относительно даты рождения у исследователей нет единства: называют 1797 и 1800 годы.

В большинстве источников написано, что Николай Воейков – из дворян Медынского уезда Калужской губернии. Но это не совсем так, поскольку до подачи прошения в 1844 году в Орловское Дворянское депутатское собрание сам он сообщал, что происходит из дворян Московской губернии (об этом заявлении – речь впереди – А.П.).

Что касается службы Н.П.Воейкова, то в его формуляре записано, что он вступил в неё *«колонновожатым 1815 года июля 15 в Свиту Его Императорского Величества по Квартирмейстерской части, произведён прапорщиком 1816 августа 30».*

И как раз в этот момент в судьбе Николая Воейкова начинаются крутые перемены. Генерал-лейтенант Ермолов, назначенный императором Александром I в 1816 году командиром отдельного Грузинского корпуса и управляющим по гражданской части на Кавказе, попросил одного из своих помощников, Николая Муравьёва, выбрать в созданном его отцом московском училище колонновожатых двух грамотных воспитанников.

Ермолов всесторонне готовил сопровождение для своего посольства, направляемое в Персию.

Будучи в Осташеве (ныне – Волоколамский район Московской области – А.П.), где проводились летние занятия колонновожатых, Муравьев остановил свой выбор на Николае Воейкове и Евдокиме Лачинове. Юноши эти были хорошо образованы, прилежны, расторопны, отличались свободомыслием и веселым нравом. Предложение о поездке они приняли с радостью и на Кавказ прибыли одновременно с Николаем Муравьевым в первых числах октября 1816 года. Здесь и произошло знакомство двух выпускников училища колонновожатых (на всякий случай скажу, что оно готовило будущих офицеров Генерального штаба Русской императорской армии – А.П.) с прославленным героем Отечественной войны 1812 года.

«Ермолов на Кавказе» - картина Валерия Выборжанина

Кавалер ордена Льва и Солнца

В это время Ермолов получил известие о том, будто турки усиленно вооружаются и сговариваются о чем-то с персиянами; можно было ожидать внезапных нападений. Отправка посольства в Персию задержалась, и командир Грузинского корпуса решил, чтобы подчинённые не сидели без дела, отправить их для производства первой инструментальной съемки местности от Моздока до Тифлиса, чего никто

еще не делал. Экспедицию возглавил штабс-капитан Николай Муравьёв, а в числе трёх других её членов оказался Николай Воейков.

Работа по съемке была сопряжена с опасностью, воинственные горцы поджидали всюду, поэтому экспедицию сопровождал отряд из ста человек пехоты и тридцати казаков при двух орудиях. Тем не менее, вдали от высшего начальства, в окружении величественной красоты Кавказа, молодые люди не только успевали работать, но и общались, не скованные никакими уставами. Именно здесь, по-видимому, Николай Воейков оказался вовлечённым в свободолюбивые разговоры, которые привели его затем в тайную организацию будущих декабристов.

Следом за первой съёмкой местности последовала вторая – уже в пограничных, ещё более опасных районах. Но и с этим заданием молодые офицеры справились блестяще.

Генерал Ермолов оказался доволен проделанной работой, и особенно понравившегося ему прапорщика Воейкова он сделал своим адъютантом. И ни разу потом Алексей Петрович не пожалел о своём решении.

Когда, после долгих проволочек, русское посольство под руководством Ермолова, наконец-то, 17 апреля 1817 года отправилось в Персию, то в составе 200 человек посольских работников, обслуживающего персонала и охраны не последнюю роль играл адъютант Ермолова Николай Воейков.

19 мая в Тавризе состоялась встреча Ермолова с наследником персидского престола Аббас-Мирзой, а в июле – переговоры с самим шахом Фетх-Али в его летней резиденции. Миссия завершилась успешно: были решены спорные пограничные и территориальные вопросы, установлены дипломатические отношения с Персией. Довольный император Александр I по возвращении Ермолова на родину удостоил его звания генерала от инфантерии. Адъютанта же Воейкова отметил сам шах, пожаловав прапорщику орден Льва и Солнца III степени с алмазами.

«Не был, не знал, не слыхивал…»

За почти три последующих года службы на Кавказе Николай Воейков зарекомендовал себя умным, храбрым, исполнительным и инициативным офицером. Впрочем, одна из инициатив могла, в конечном счёте, стоить ему карьеры и даже жизни. Прапорщик Воейков стал активным членом Тифлисской офицерской артели, которая поддерживала тесные связи с тайными декабристскими обществами, был лично знаком со многими будущими участниками восстания на Сенатской площади.

Впрочем, эта сторона его деятельности была скрыта для начальства, которое в феврале 1820 года за отличия в службе перевело его в Гвардейский генеральный штаб. Там Николай Воейков тоже не затерялся,

но ему очень хотелось вернуться к Ермолову, который тоже скучал по своему расторопному и умному адъютанту. В результате, в конце августа 1821 года подпоручик Воейков был переведён в Лейб-гвардии Московский полк, с назначением вновь адъютантом своего любимого генерала.

В этой должности Николай Павлович оставался до конца службы, хотя в чинах вырос к маю 1825 года до штабс-капитана. Но генерал Ермолов не хотел менять своего надёжного и преданного адъютанта на кого-то другого.

В декабрьские дни 1825 года штабс-капитан Воейков находился в отпуске в столице и непосредственного участия в событиях на Сенатской площади не принимал. Однако после арестов и допросов первых декабристов, 9 января 1826 года его тоже отправили в крепость: фамилию Воейкова как участника тайного общества назвал Павел Пестель.

По мнению историка Павла Ильина, автора исследования «Новое о декабристах» (СПб, 2004 год), в котором он подробно останавливается на судьбе штабс-капитана Воейкова, прямых доказательств его членства в тайных организациях у Следственного комитета имелось более, чем достаточно, но случилось невероятное. Следователи, по каким-то, неведомым нам причинам, рассматривали только возможность участия Воейкова в тайной организации, созданной на Кавказе, в Грузинском корпусе Ермолова. А поскольку быстро стало ясно, что такой организации просто не существует в природе, то уже 20 февраля 1826 года штабс-капитан Николай Воейков был освобождён с «оправдательным аттестатом».

Наверняка сыграла здесь роль собственная позиция штабс-капитана, который на следствии твёрдо заявил: *«В тесных связях со членами тайного общества я не был ни с кем, а что же касается до существования тайного общества, я никогда не знал и никогда ни от кого об этом не слыхивал, в чём по чистой совести имею честь уверить».*

Честь для себя – сохранил, память о себе - оставил

И больше никаких претензий властей к нему не было. Кто или какие обстоятельства так направили ход расследования, чтобы «обелить» невысокого по чину и должности офицера – до сих пор является тайной. Остаётся осторожно предположить, что такой персоной мог быть генерал Ермолов, который после оправдания своего адъютанта лично поздравил его.

Впрочем, тем не менее, военную карьеру Николай Воейков продолжать не стал (и это тоже кажется странным – ведь оправдан же?). 7 ноября 1826 года он был *«уволен от службы по болезни с мундиром».*

Но отношения отставника с действовавшим генералом от инфантерии (а потом и кавалерии) ничуть не испортились. Воейков и Ермолов продолжали общаться и встречаться. Когда вскоре после смерти своего отца Алексей Петрович Ермолов задумал продать родовое имение Лукъянчиково, то он предложил эту сделку своему верному адъютанту, зная, что с его стороны никаких подвохов не будет.

Кстати, именно вскоре после приобретения Лукъянчиково отставной штабс-капитан обратился с прошением в Орловское Дворянское депутатское собрание зачислить его в Дворянскую родословную книгу Орловской губернии, и в декабре 1844 года Николай Павлович Воейков стал орловским дворянином. Кроме Лукъянчиково (95 душ крепостных крестьян), у него было имение и во Мценском уезде (107 душ).

И отправляться в последний путь генерал Ермолов решился только тогда, когда доверил все подробности своих похорон верным людям, одним из которых стал отставной штабс-капитан Воейков. У меня нет сомнения, что Николай Павлович всё сделал, как надо, и проводил полководца с почестями.

Умер штабс-капитан Воейков спустя 10 лет после своего командира, до конца жизни сохранив честь мундира, оставив после себя мемуары и добрую память у сослуживцев, жены и детей.

Орловский приют генерала Гончарова

Губернская газета «Орловский вестник» 6 марта 1902 (в №62) на первой странице поместила короткую информацию - некролог: *«Жена и дети извещают о кончине генерал-лейтенанта Феодора Осиповича Гончарова, последовавшей 5 сего марта»*. На следующий день в газете появилось дополнительное извещение, подписанное вдовой покойного, Марией Адамовной, что *«Вынос тела в Петропавловский собор состоится в пятницу, 8 марта, а погребение будет на Троицком кладбище».*

Родом из Одессы

В последний путь проводить своего бывшего командира пришли все офицеры из квартировавших в Орле 141-го Можайского пехотного и 142-го Звенигородского пехотного полков. И не надо было вышестоящему начальству отдавать по этому поводу приказ, поскольку за годы командования 1-й бригадой 36-й пехотной дивизии Фёдор Осипович Гончаров заслужил не просто непререкаемый авторитет, но также искреннее уважение подчинённых. И было за что!

Фёдор Гончаров родился в 1830 году в Одессе, в семье столоначальника Карантинной конторы, которая в первой половине XIX века контролировала черноморское побережье от проникновения на него чумы и холеры с турецких торговых судов. Титулярный советник Осип Гончаров, женился по большой любви на 18-летней Елизавете Гинкуловой, дочери настоятеля Свято-Николаевского собора в Овидиополе (что рядом с крепостью Аккерман). Красавица-молдаванка, «брюнетка с чёрными глазами», она подарила мужу двух детей и скончалась в возрасте 22 лет, когда младшему из сыновей, Степану, не исполнилось ещё и года.

На смерть супруги безутешный Осип Гончаров сочинил стихи:

«Твой – в небесах бессмертный дух,
а прах сей камень покрывает.
Кто ж без тебя, мой милый друг,
меня в сей жизни утешает?
Одни тобой рожденные сыны –
твой образ драгоценный».

Детей с младенчества воспитывали дедушка и бабушка, а после их смерти – одесский родственник, тем более, что вскоре ушёл из жизни сам отец, так и не смирившийся с потерей любимой жены.

Ранен под Чолоком

Учились братья Гончаровы в Одессе, в престижном Ришельевском лицее. Фёдор Осипович, закончив его по юридическому отделению в 1851 году, сразу же поступил на военную службу в Литовский пехотный полк. В его составе Фёдор Гончаров стал участником Восточной (Крымской) войны, отличившись летом 1854 года в сражении с турками под Чолоком.

Чолок – это река в Закавказье, впадающая в Черное море. В мае 1854 года значительный турецкий отряд (около 12 тысяч – А.П.) двинулся от Батума на Озургеты, имея в виду конечной целью Кутаис. Навстречу им направились русские войска (10 тысяч штыков при 18 орудиях) под начальством князя Андронникова. 2 июня они беспрепятственно заняли город Озургеты, откуда турки отошли на сильную оборонительную позицию за рекой Чолок. Их силы, с прибывшими подкреплениями, возросли к 4 июня до 30 тысяч человек. И, несмотря на это, князь Андронников решился атаковать неприятельскую позицию. Оборона турок была упорна, они переходили в контратаки, при отражении которых важную роль сыграли два батальона стрелков Литовского полка. В одном из них храбро дрался с турками и был ранен подпоручик Фёдор Гончаров.

Противник уступил отчаянному натиску наших войск и обратился в бегство, бросив свой лагерь, всю артиллерию (13 орудий с зарядными ящиками), вьючный транспорт из 500 мулов и казну.

Ришельевский лицей (дом Вагнера) в Одессе

Командир можайцев и звенигородцев

После окончания Крымской войны Фёдор Гончаров продолжил службу на Кавказе, к окончанию которой был отмечен серебряной медалью «За покорение Кавказа 1859-1864» и Черным крестом с мечами «За службу на Кавказе» (1864 год).

К 1870 году он дослужился до чина полковника и стал командиром Воронежского резервного батальона. Спустя несколько лет такую же должность Гончаров занимал в Полтаве, а в конце 80-х годов XIX века, получив генеральское звание, Фёдор Осипович был назначен командиром 1-й бригады 36-й пехотной дивизии. Эта воинская часть Российской Императорской армии, входившая в 13-й армейский корпус, базировалась на территории Орловской губернии. Её 2-я бригада (143-й Дорогобужский пехотный и 144-й Каширский пехотный полки) квартировала в Брянске, а штаб 1-й бригады (141-й Можайский пехотный и 142-й Звенигородский пехотный полки) находился в губернском Орле.

Вот здесь и провёл последние годы жизни Фёдор Гончаров – вначале командуя 1-й бригадой, а последние три года находясь в запасе. Несмотря на приличный возраст (под 70 лет – А.П.), Фёдор Осипович, ни в чём не уступал более молодым подчинённым. К тому же, он умел с ними

обращаться, поэтому авторитет генерал-лейтенанта был непререкаем. Этому, конечно, способствовали его боевой опыт и награды (шесть российских орденов). Живя в Орле, Фёдор Осипович стал орловским дворянином.

Жена и дети генерала

А теперь пришла пора поговорить о семейной жизни храброго генерала. 30 апреля 1865 года в Симферопольском кафедральном соборе он венчался с дочерью командира Селенгинского пехотного полка Марией Адамовной Сабашинской. Брак по любви оказался очень крепким и многодетным: 11 сыновей и дочерей родилось у супругов в течение 17 лет. Трое детей – Фёдор, Мария и Евгения – умерли в детстве или в молодые годы. Младшая из дочерей, Евгения Фёдоровна, скончалась 27 августа 1897 года (в 19 лет) и стала первой из Гончаровых, похороненных в Орле на Троицком кладбище.

Пятеро сыновей – Михаил, Александр, Николай, Степан, Митрофан, следуя отцу, стали профессиональными военными, а четверо из них, как и батюшка, начинали служить в Литовском полку.

Самый младший, Митрофан Фёдорович Гончаров, закончив кавалерийское училище, в чине корнета, в составе 51 Драгунского Черниговского полка, отправился на русско-японскую войну. Во время разведки, при переправе через р. Тайдзыхе под Ляояном (29 июля 1904 года), он погиб геройской смертью. **1 июля 1908 года его прах перевезли в Орел и захоронили рядом с матерью (Мария Адамовна пережила мужа всего на два года – А.П.), отцом и сестрой на Троицком кладбище**. Где именно их могилы – отыскать теперь едва ли возможно.

Непосредственно с Орлом оказалась связана жизнь ещё двух дочерей генерал-лейтенанта. **Анна Фёдоровна Гончарова («брюнетка с чёрными глазами») вышла замуж за сына предводителя Малоархангельского уездного дворянства – Константина Александровича Мейера. Венчание их проходило 5 мая 1895 года в церкви Бахтина кадетского корпуса**. А потом молодые уехали по месту службы мужа в Самарскую губернию. Там у них родился единственный сын – Георгий (Юрий) Константинович Мейер, ставший, кстати, первым внуком генерала Гончарова. Он тоже впоследствии избрал военную карьеру, участвовал в гражданской войне на стороне белых и в 1920 году эмигрировал за границу. Прожил там долгую жизнь, оставив после себя мемуары, в которых большое место уделил Орлу и Орловщине.

Юлия Фёдоровна Гончарова («светлая блондинка с голубыми глазами») училась в Смольном и Екатерининском институтах благородных девиц. Она стала женой Петра Африкановича Сафонова,

потомственного орловского дворянина, младшего сына «старинного приятеля» И.С.Тургенева Африкана Васильевича Сафонова, того самого, кому принадлежал одно время знаменитый дом Лизы Калитиной на Верхне-Дворянской улице (ныне – улица Октябрьская, д.1 – А.П.). Юлия Фёдоровна Сафонова служила классной дамой в Николаевской женской гимназии, начальницей которой была старшая сестра её мужа, Зинаида Африкановна. У П.А. и Ю.Ф. Сафоновых было трое детей, первый сын, Кирилл, умер в младенчестве в 1907 году, и его похоронили там же, где уже покоились его дедушка и бабушка, - на Троицком кладбище Орла.

О Михаиле Фёдоровиче Гончарове, старшем из всех детей генерала, стоит сказать отдельно. Он дослужился до полковника, а потом вышел в отставку. Увлекался археологией и писанием «Семейной хроники» Гончаровых, благодаря которой и стали известны многие подробности, о которых ты, читатель, узнал.

Я же выражу слова признательности члену Историко-родословного общества (Москва) Г.В. Ровенскому, исследование которого по родословию дворян Гончаровых было использовано мной при написании данного очерка.

P.S. И напоследок. Как ни удивительно, хотя генерал-лейтенант Фёдор Осипович Гончаров никакого отношения не имел к Наталье Николаевне Гончаровой, жене Александра Сергеевича Пушкина, но именно в архиве генерала оказались стихи великого поэта «Я жил тогда в Одессе пыльной». Советую прочесть их, читатель. Пушкинский образ грязного, но мирного города, где

«…ходит гордый славянин,
Француз, испанец, армянин
И грек, и молдаван тяжелый,
И сын египетской земли,
Корсар в отставке Морали»,

поневоле заставит нас вспомнить Одессу сегодняшнего дня. И сравнение это будет не в пользу современной…

Капитан I ранга Дмитрий Ильинский – герой обороны Севастополя

Одно из самых известных и величественных сооружений в центральной части Севастополя – Собор Святого равноапостольного князя Владимира. В нём, в склепе нижнего храма, находятся могилы четырёх прославленных русских адмиралов – Михаила Лазарева, Владимира

Корнилова, Владимира Истомина и Павла Нахимова. А на мемориальных плитах, на стенах верхней церкви собора, увековечены имена 72 офицеров Морского ведомства, отличившихся во время обороны Севастополя в 1854-1855 годах.

Из села Ломиполоз

Назван среди них и капитан I ранга Дмитрий Ильинский. Его фамилия значится также во всех биографических морских словарях и энциклопедиях, его фото размещены на стендах Севастопольского военно-морского музея и Военно-морского музея Петербурга. О нем в 2008 году вышла в свет книга краеведов-историков М. Макареева и Б. Никольского. Статьи самого Д.В. Ильинского **«Из воспоминаний и заметок севастопольца»,** напечатанные в журнале «Русский архив» (1892, № 12, 1893, №№ 1, 2, 3, 4) часто используют историки, изучающие Крымскую войну. Однако вплоть до последнего времени подавляющему большинству орловчан имя Ильинского знакомо не было. Главным образом потому, что Дмитрий Васильевич и при жизни, и после неё числился тульским и нижегородским дворянином и к Орловщине как бы отношения не имел.

Д.В.Ильинский. *С литографии 1862 г.*

Дмитрий Васильевич Ильинский

Между тем, его родовое имение, село Ломиполоз (Ламиполоз) Тульской губернии (сейчас – Ломи-Полозово), в котором герой обороны Севастополя родился и в котором был похоронен, уже свыше 90 лет находится в составе Орловской области (в Алябьевском сельском поселении Мценского района – А.П.), и по всем основаниям получается, что Дмитрий Васильевич Ильинский – наш земляк.

Появился на свет он в семье отставного ротмистра Владимирского Уланского полка, участника Заграничных походов Русской армии 1813-1814 годов, Василия Петровича Ильинского. Получив первоначальное домашнее обучение, Дмитрий Ильинский поступил в Тульскую мужскую гимназию. По окончании её он выбрал не совсем обычный путь: не имея

за спиной, как бывало у других дворянских детей, военного образования, Дмитрий, тем не менее, решил связать свою жизнь с морем и в 1838 году стал вольноопределяющимся Черноморского флота (нижний чин в царской армии, который давал возможность, поступив добровольцем и отслужив несколько лет, получить офицерское звание – А.П.).

«Святая Анна» - за спасение моряка

На следующий год Дмитрий Ильинский был произведён в гардемарины, то есть, приравнен по статусу с обычными воспитанниками морских учебных заведений, и с 1839 года он практикуется на Чёрном море, крейсируя на корабле «Силистрия» у абхазских берегов.

В 1842 году, получив первое офицерское звание мичмана, Дмитрий Ильинский был переведён служить на Балтику, но через три года возвратился вновь на Чёрное море, на линейный корабль «Двенадцать апостолов», которым командовал тогда капитан I ранга Владимир Корнилов. Это был замечательный командир, у которого молодой флотский офицер не только набирался необходимого опыта, но и быстро стал одним из наиболее перспективных его учеников. Корнилов взял Ильинского к себе в адъютанты и даже допустил в свой семейный круг, пригласив в качестве восприемника (крестного отца) одного из сыновей.

С 1845 по 1850 год Ильинский успешно служил на Чёрном море, удостоившись за это время первой своей награды – ордена Святой Анны III степени, – когда спас упавшего за борт матроса (повторив, таким образом, поступок знаменитого адмирала Фёдора Ушакова – А.П.), и был произведён в лейтенанты.

А с 1853 года начинается пик карьеры Дмитрия Ильинского, вполне заслуженный его исполнительностью, расторопностью и храбростью. Будучи адъютантом адмирала М.Берха, главного командира Черноморского флота и портов, он участвовал в бою русского пароходо-фрегата «Владимир» с турецким кораблём «Перваз-Бахри» 5 ноября 1853 года.

Ожесточённая схватка продолжалась более трех часов и завершилась капитуляцией турок. Лейтенант Ильинский, умело действовавший в ходе боя, был немедленно послан на лодке с комплектом вооруженных гребцов, чтобы завладеть призом и поднять русский флаг на сдавшемся корабле. За отличия в этом сражении Дмитрий Васильевич 18 ноября 1853 года был произведен в капитан-лейтенанты.

Первая бомбардировка, вылазка и орден Святого Георгия

В самом начале 1854 года уже в новом чине Ильинский был назначен адъютантом вице-адмирала Корнилова, а вскоре получил под

своё командование и персональный корабль – 16-пушечный бриг «Эней». С момента вступления в войну Англии и Франции это боевое судно получило задание по охране Севастопольского рейда. Но, в принципе, в первых числах сентября 1854 года, собственно морская служба для Дмитрия Ильинского заканчивается, поскольку он вместе с экипажем «Энея» высаживается на сушу, на которой отныне ему придётся в течение года защищать славный город Севастополь, к которому подступила объединённая англо-франко-турецкая армия.

Да, так уж вышло, что моряк Ильинский главные свои подвиги совершил на берегу. А началось всё для него с первого полевого сражения Крымской войны, - под Альмой, 8 сентября 1854 года, в котором капитан-лейтенант был начальником морского отряда, состоявшего из полутора батальонов сводных команд бригов «Эней» и «Язон».

А с 13 сентября 1854 по 29 августа 1855 года Дмитрий Ильинский состоял в гарнизоне Севастополя, блестяще и мужественно выполняя обязанности на разных участках оборонительных линий города. В самом начале Дмитрий Васильевич, по приказу вице-адмирала Корнилова, вместе с командой брига «Эней», строил укрепления правофланговых батарей на Северной стороне города. Накануне же первой бомбардировки Севастополя союзниками (всего их было шесть – А.П.) капитан-лейтенант Ильинский был назначен командиром им же построенного 5-го бастиона.

В половине 7-го утра 5 октября 1854 года неприятельские батареи единовременно открыли жестокий огонь по русским оборонительным позициям. Наши артиллеристы, естественно, ответили.

Начальный этап первой бомбардировки Севастополя продолжался более трёх часов. Процитирую отрывок из воспоминаний Дмитрия Ильинского: *«Сосредоточенным огнём французских батарей каменный парапет казармы 5-го бастиона был совершенно разрушен, стоявшие за ним 5 орудий приведены в бездействие, а из 39 человек прислуги 19 выбыло из строя; нижняя часть стены также была значительно повреждена и местами даже пробита насквозь».*

Однако орудия (и это было удивительно) не пострадали, а одним из последних выстрелов с центральной батареи удалось взорвать неприятельский погреб. Дым от нашего залпа несколько рассеялся, и над французской траншеей можно было видеть огромный столб густого черного дыма. Воспользовавшись ослаблением огня вражеских батарей, Ильинский приказал выносить раненых, убитых и восстанавливать разрушения.

Ни здесь, на 5-м бастионе, ни на других участках обороны французам и англичанам не удалось полностью сбить артиллерийские

позиции русских войск, чтобы пойти на решительный штурм Севастополя, как они планировали.

Защитники 5-го бастиона выстояли, отремонтировали разрушенные бомбардировкой позиции и не только снова были готовы к отражению атак противника, но и постарались действовать на опережение, совершив ночную вылазку на вражеские позиции.

212 охотников (добровольцев – А.П.) от Минского и Углицкого полков, 5-го резервного батальона Белостокского полка и 33-го флотского экипажа составили два отряда под общим командованием Дмитрия Ильинского. Захватив врасплох часовых, наши охотники ворвались в траншеи французов, взошли на батареи № 3 и № 4, перекололи сонных солдат противника и заклепали 7 (по другим сведениям –- 14 орудий). Уже при возвращении на свой бастион Ильинский был контужен в голову.

6 декабря 1854 года, *«В воздаяние отменной храбрости и мужества, оказанных во время 1-го бомбардирования»*, капитан-лейтенант Ильинский был награждён Орденом Святого Георгия IV степени.

За почти год героической обороны Севастополя наш земляк отличился много раз: строя и вооружая 6-ю батарею, руководя 1-й оборонительной линией и организуя вылазки с неё на неприятельские позиции, командуя Ростиславским редутом и выполняя многочисленные особые поручения генералов А.Зарина и С.Хрулёва.

Последний подвиг

В сентябре 1855 года, *«За распорядительность и отвагу, оказанные при последнем штурме Севастополя неприятелем»,* Дмитрию Ильинскому было пожаловано золотое оружие с надписью «За храбрость».

И, наконец, стоит обязательно сказать о том, что самый последний подвиг в Севастополе совершил, опять-таки, наш земляк. Дело в том, что в спешке эвакуации войск с Южной стороны города на Северную остался не взорванным форт на Павловском мысу, который, будучи захваченным противником, мог принести массу неприятностей русским войскам.

И утром 29 августа 1855 года (именно в этот день, по воспоминаниям самого участника событий, а не 28 августа, как пишет большинство исследователей – А.П.), получив «добро» от командования, Ильинский с небольшим отрядом моряков на двадцативесельном баркасе с пароходо-фрегата «Владимир», переправился через Большую бухту и высадился на Павловском мысу, рискуя в любой момент быть атакованным неприятелем.

При обследовании форта им было обнаружено порядка двадцати трупов и восемь раненых. Используя взятые с собой принадлежности и подручные средства, матросы под руководством Ильинского подготовили форт к взрыву, и в расчетное время он взлетел на воздух. В это время отважные моряки уже находились в безопасности на Северной стороне, а баркас с ранеными был отправлен к борту парохода «Владимир».

24 ноября 1855 года – за вывоз раненых с Павловского форта, когда город уже находился во власти неприятеля, и за разрушение потом самой батареи капитан Ильинский был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с мечами.

А теперь, уважаемый читатель, несколько слов о специфике участия моряков в обороне Севастополя. Дело в том, что они оставались на защите своего любимого города и флота с первого и до последнего дня обороны. Из числа защитников моряк выбывал либо по причине смерти, либо по увечью, не совместимому с дальнейшей боевой деятельностью. Это положение существенно отличалось от участия в боях по защите Севастополя армейских подразделений. Полки и батареи направлялись в Севастополь на определенный срок (два – три месяца – А.П.), а потом выводились из смертоносного кольца на переформирование и отдых. Моряки же, находившиеся на бастионах, редутах и кораблях, позволить себе подобной роскоши не могли, поэтому в процентном отношении потери моряков значительно превышали средние по гарнизону.

Дмитрий Ильинский не составил исключения в мужественном морском братстве и с первого до последнего дня обороны Севастополя оставался в рядах его защитников, дважды был контужен и трижды награждён: орденами Святого Георгия IV степени, Святого Владимира IV степени с мечами и золотым оружием с надписью «За храбрость».

Но вот дальнейшая его военная служба продолжалась недолго – всего пять лет, в течение которых он исполнял обязанности инспектора казённых училищ Московского учебного округа и инспектора студентов Московского университета. 18 апреля 1860 год Дмитрий Васильевич Ильинский был уволен от службы чином капитана I ранга.

«Похоронен соборне…»

Незадолго до отставки герой обороны Севастополя устроил, наконец-то, личную жизнь, на которую до этого времени совершенно не оставалось: он женился на Марии Мусиной-Пушкиной, дочери ярославского помещика, отставного инженера Иллариона Мусина-Пушкина. Их венчание состоялось 26 апреля 1856 года в Александровской церкви Демидовского лицея г. Ярославля. Жениху исполнилось 35 лет, невесте – 16.

По уходу в отставку Дмитрий Ильинский получил пенсию в размере полного оклада жалования Инспектора студентов (одна тысяча двести восемьдесят шесть рублей в год из государственного Казначейства – А.П.). Если добавить сюда доходы, получаемые от имений жены в Нижегородской губернии (село Успенское, деревни Крутец и Грачёвка Ардатовского уезда) и своих – в Новосильском уезде Тульской губернии (село Ломиполоз), в которых имелось более 600 душ крестьян, то средств семьи вполне хватало на существование и воспитание пятерых детей (сыновья Александр и Николай, дочери Мария, Елена и Вера).

Живя постоянно в Успенском, в имении жены, Дмитрий Васильевич заботится об образовании своих детей. В архивных документах имеется прошение в тульское дворянское собрание: *«Имею честь просить оное собрание внести сыновей моих Александра 10-ти лет и Николая 3-х месяцев родословную книгу, а так же и дочерей моих Марию. Елену и Веру и о высылке мне копии с протокола, на основании которого сын мой Александр мог бы быть определен в Нижегородскую Военную Гимназию в августе сего. 1876 года».*

Но, к сожалению, о каких-то других подробностях более чем 30-летнего помещичьего периода в судьбе героя обороны Севастополя известно мало. Только то, что он хозяйствовал, не забывая посещать родовую усадьбу в Ломиполозе, изредка выезжая в Москву и Севастополь. Вышел на широкую аудиторию Дмитрий Васильевич Ильинский только в самом конце жизни, когда написал и опубликовал в журнале «Русский архив» свои замечательные, очень живые, с собственной оценкой событий, мемуары **«Из воспоминаний и заметок севастопольца» (1892-1893 годы).**

Когда же георгиевский кавалер скончался, то в Москве, Санкт-Петербурге и Севастополе узнали об этом не сразу, да и информация, как выясняется, оказалась не точной: на мемориальной доске Владимирского собора в Севастополе напротив фамилии капитана I ранга Дмитрия Ильинского выбили 1892 год как дату его смерти.

В других источниках (по сведениям тульского исследователя дворянских родов В. Чернопятова и согласившейся с ним потомка героя обороны Севастополя, Елены Сорокоумовой, написано, что Дмитрий Васильевич Ильинский скончался 12 ноября 1893 года в селе Ломиполоз, где и был погребён.

Но вот тут мне придётся не совсем с этим согласиться, потому что при изучении в Государственном архиве Орловской области метрических книг Богоявленской церкви города Орла я обнаружил следующую запись:

«**8 декабря 1893 года скончался отставной капитан 1 ранга и кавалер Дмитрий Васильевич Ильинский, 72 года, от престарелости,**

похоронен соборне (то есть, со многими священниками – А.П.), 10 декабря на кладбище села Подтатарского, Ламиполоз тож, Новосильского уезда Тульской губернии».

Село Ломи-Полозово, Спасская церковь (наши дни)

Надгробная плита из Ломи-Полозово

Как и почему в декабре 1893 года оказался в Орле герой обороны Севастополя – можно лишь предполагать, вряд ли случайно, к тому же от Ломиполоза до Орла гораздо ближе, чем до Тулы или Москвы. Но, так или иначе, те, кто хоронил Дмитрия Васильевича, наверняка выполняли его последнюю волю и отвезли тело покойного именно в родовое имение. Ильинский был погребён внутри церковной ограды каменного трёхпрестольного храма Нерукотворного Образа Спасителя.

Кстати, благодаря найденной мною записи о смерти героя обороны Севастополя, можно с уверенностью сказать, что год его рождения – 1821, а не 1822 или 1823, называемые в ряде публикаций. Хотя, конечно, для стопроцентной точности надо отыскать метрические записи, а они за этот период не сохранились.

К сожалению, само село Ломи-Полозово Алябьевского сельского поселения Мценского района почти вымерло к настоящему времени, от церкви остались только руины, а могила героя Севастополя утеряна.

Но есть его портрет – с литографии 1862 года, где капитан I ранга, георгиевский кавалер, обладатель золотого оружия с надписью «За храбрость», Дмитрий Васильевич Ильинский – молодой, 41-летний, запечатлён уже навсегда. Для истории и для нас, его земляков.

Чтобы помнили!

Владимир Цуриков: забытый герой

Цуриков В.А, генерал-лейтенант

В конце апреля 1877 года к карачевскому помещику Андрею Цурикову, постоянно проживавшему и хозяйничавшему в своём имении Девять Дубов (ныне – село в Хотынецком районе) приехал в отпуск сын Николай, служивший сапёрным офицером.

«Отец, благословите, невесту себе я нашёл, добрая, красивая и из хорошей семьи».

Вместо ответа жениху Андрей Афанасьевич отправил телеграмму на имя главнокомандующего русской армией, Великого Князя Николая Николаевича, прося его, как милости, в виду того, что три его сына-офицера уже выступают на театр военных действий с Турцией, перевести и четвёртого в ряды действующей армии. И вместо венца, младший из

четырёх братьев поехал за Дунай. Вот так глава рода Цуриков, бывший поручик Лубенского гусарского полка, понимал патриотизм в действии, и этому пониманию следовали его сыновья-офицеры: трое старших, кавалеристы, и младший, сапёр.

Спортсмен-кавалерист

Все четверо отличились, храбро сражаясь в русско-турецкую войну 1877–1878 годов, но наш рассказ – об одном из них, – Владимире Андреевиче.

Генерал В.А.Цуриков в конце XIX века был известен широкому кругу русских кавалеристов как фанат скакового спорта, которому он посвящал всё своё свободное время. Наследственная любовь к лошадям и его увлеченность ими превратила Владимира Андреевича в большого знатока, способного лишь по беглому осмотру лошади, по первому её движению определить все её настоящие достоинства и всё, что можно ожидать от неё в будущем.

Цуриков умел купить, подготовить и воспитать настоящего скакуна, а из его собственной конюшни вышли знаменитые чемпионы Чатартон, Авлиар, Гитан и другие. Владимир Андреевич, кроме теории, был силён и в практике: неоднократно выигрывал призы на соревнованиях по стипль-чезу как наездник. Причём, на скаковом кругу, как и в обычной жизни, отличался благородством.

На одном из соревнований лошадь его соперника «закинулась» перед канавой. Цуриков, бывший далеко впереди, вернулся, перевёл товарища через препятствие и потом всё же выиграл скачку.

Другой чертой генерала была его удивительная скромность. Мало кто знал об участии Владимира Андреевича в русско-турецкой войне, и ещё меньшему числу знакомых были известны подробности героизма молодого улана на той войне. А они таковы.

«Содействовал уничтожению армии Сулеймана…»

За полгода военных действий (август 1877 – январь 1878 года) штабс-ротмистр лейб-гвардии Уланского Его Величества полка успел побывать в делах против турок под Горным Дубняком, перешёл с полком в суровых зимних условиях через Балканы, принял участие в боях по взятию Филиппополя и дальнейшем марше отряда генерала Гурко к Адрианополю. Наградами Владимира Цурикова за отличия в этих сражениях стали ордена Святого Станислава 3-й степени (с мечом и бантами), Святой Анны 4-й степени и Святого Станислава 2-й степени (с мечами).

Однако за самый выдающийся свой подвиг штабс-ротмистр не только не был награждён, но этот эпизод войны даже не попал в послужной список нашего героя.

Теперь обо всём по порядку.

1 января 1878 года (по старому стилю) второй полуэскадрон 3-го эскадрона лейб-гвардии Уланского полка, под командованием штабс-ротмистра Владимира Цурикова, будучи прикомандирован к отряду графа Шувалова, присоединился к стрелковой бригаде, которая должна была атаковать Татар-Базарджик. У этого небольшого болгарского города (население – 16 тысяч человек, в том числе более 1500 из них – татары), расположившегося на берегу речки Марицы, сосредоточилось до 50 тысяч турецких войск под командованием Сулеймана-паши. Войска генерал-адъютанта Гурко охватили Татар-Базарджик с трёх сторон, но не успели преградить неприятелю путь отступления. Находившиеся на аванпостах русские разведчики донесли, что турки начали выход из города.

Приказ о наступлении стрелковой бригады был отменён, а для проверки сообщения разведки граф Шувалов направил полуэскадрон штабс-капитана Цурикова в Татар-Базарджик. На рассвете полуэскадрон был уже около города, завязав перестрелку с оставшимся там драгунским турецким арьергардом. Энергично наседая на турок, уланы взяли в плен около 40 человек.

Отобрав у них оружие и оставив пленных в городе под небольшой охраной, Цуриков со своим полуэскадроном (в нём оставалось менее 40 человек) пронёсся по Татар-Базарджику по пятам отступавших турецких драгун. Когда уланы вылетели галопом на берег реки Марицы, то на другой стороне они увидели весь 50-тысячный отряд Сулейман-паши, с арьергардом около трёх полков кавалерии, один эскадрон которой готовился к тому, чтобы поджечь мост на реке. Он оставался единственным уцелевшим средством переправы через Марицу, и от его захвата зависел теперь успех или неуспех всей операции графа Шувалова.

Верно оценив ситуацию, штабс-капитан Цуриков решился на отважное дело: на виду у всей армии Сулейман-паши вырвать этот мост из рук неприятеля. Приказав уланам спешиться и оставив с лошадьми одного из них, частым огнём он очистил мост от собирающих горючие материалы турок. Затем, используя в качестве прикрытия дома и заборы садов по реке Марице, отбил несколько атак противника, пытавшегося вернуть мост в свои руки, чтобы его, всё-таки, сжечь.

Когда патроны уже были на исходе, В.А. Цуриков приказал своим воинам вооружиться отнятыми у пленных турок ружьями Пибоди и так, в горячей перестрелке, с помощью турецкого оружия и патронов, сумел

продержаться в Татар-Базарджике до подхода туда пехоты графа Шувалова и генерала Вельяминова.

Склеп Цуриковых

Таким образом, с 40 уланами штабс-ротмистр Цуриков взял город, выбил неприятельский арьергард, взял в плен 40 турок, завязал бой с бригадой кавалерии Сулейман-паши и отбил единственный уцелевший мост, оказавший большую услугу отряду генерала Вельяминова, преследовавшего неприятеля к подножию Родопских гор.

Граф Шувалов, командир Гвардейского корпуса, пришедшего на помощь Цурикову, высоко оценил подвиг его полуэскадрона. Во время смотра Гвардейской кавалерийской дивизии под городом Родосто, он вызвал Владимира Андреевича перед фронтом и поблагодарил за *«лихое дело, в котором Вы с доблестными уланами содействовали мне уничтожению армии Сулеймана».*

Поблагодарить-то граф поблагодарил, а вот сообщить о подвиге прикомандированного к его корпусу штабс-ротмистра командиру лейб-гвардии Уланского полка, который находился на другом участке фронта, Шувалов забыл. По этой причине Владимир Цуриков и не получил за это дело никакой награды.

В жизни так часто бывает, не правда ли, читатель?

Генерал с родины Соловья-разбойника

Есть в Хотынецком районе, у самой границы с Карачевским районом Брянской области, легендарное село Девять Дубов, одно из самых древних в здешних, когда-то лесных и почти непроходимых, а ныне основательно поредевших, местах. Именно тут, по преданиям, русский богатырь Илья Муромец, едучи в Киев-град, победил Соловья-разбойника, который никому проходу-проезду не давал.

Илья Муромец, как показали исследования историков, был реально существовавшим историческим персонажем. Закончив ратный труд, он посвятил свою дальнейшую жизнь служению Богу, постригшись в монахи Феодосиева монастыря. В 1643 году Илья Муромец был причислен к лику святых. Русское воинство считает богатыря одним из своих покровителей.

Под покровительством Ильи Муромца

Генерал Цуриков А.А. (слева от женщины) во время проводов в 24-й корпус

Наверняка Илью Муромца считал своим святым покровителем и поручик Андрей Цуриков, один из многочисленных представителей старинного и достаточно многочисленного дворянского рода, владевшего вотчинами в Орловской, Курской и Воронежской губерниях. Только в Орловской губернии Цуриковы имели земли в Севском, Мценском, Орловском, Малоархангельском и Карачевском уездах.

Андрею Афанасьевичу Цурикову принадлежало имение при карачевском селе Девять Дубов и близлежащем сельце Юрьево. Закончив службу военную, он жил здесь обычной помещичьей жизнью. У него и жены его Федосьи Николаевны родилось пятеро детей: Мария, Сергей, Владимир, Николай, Афанасий и Алексей. После смерти Андрея Афанасьевича в начале 80-ых годов XIX века вдова и дети унаследовали это имение.

Именно Цуриковы из Девяти Дубов, вдохновляемые легендой о покровительстве Ильи Муромца, и прославили свой род на воинской службе. Трое из детей Андрея Афанасьевича – Сергей, Владимир и Афанасий Андреевичи, - дослужились до генеральских званий.

Генерал от кавалерии Афанасий Цуриков обогнал в чинах и званиях всех своих однофамильцев и родственников. О нём и будет наш рассказ.

Командир 51-го Черниговского драгунского полка

Родился будущий генерал 1 июня 1858 года. Обучался вначале дома, а потом – в Орловской Бахтина военной гимназии. В службу вступил в августе 1874 года. Окончил Николаевское кавалерийское училище (1876 год) и поступил в лейб-гвардии Уланский Его Величества полк. В апреле 1877 года был переведён командиром эскадрона в лейб-гвардии Гродненский гусарский полк, в составе которого стал участником русско-турецкой войны 1877–1878 годов. Воевал храбро, о чём свидетельствует

первая, полученная им в 20-летнем возрасте награда, – орден Святой Анны 4-ой степени.

После присвоения в 1881 году звания поручика Афанасий Цуриков поступил в Николаевскую академию Генерального штаба, которую закончил в 1883 году по первому разряду. За 10 последующих лет службы он вырос до полковника.

Генерал Афанасий Андреевич Цуриков

Когда в конце XIX века приказом императора Николая II был возрождён расформированный в 1826 году за участие в восстании декабристов 51 Черниговский драгунский полк, первым его командиром стал Афанасий Цуриков. Он командовал полком, который базировался в Орле, с 1896 по 1901 год. Шефом Черниговского полка была Великая Княгиня Елизавета Фёдоровна.

18 мая 1899 года она впервые посетила наш город с целью знакомства с подшефным полком. Вместе с нею прибыл её муж, Великий князь Сергей Александрович, в то время – командующий войсками Московского военного округа, и многочисленное высокое начальство.

Почётный караул полка достойно встретил гостей на вокзале, а потом и все черниговцы показали свои умения во время смотра на учебном плацу. По окончании смотра Великая княгиня выразила офицерам полка благодарность.

На завтраке в офицерском собрании, где подводились неофициальные итоги визита, Афанасий Андреевич Цуриков, сидевший рядом с Великой княгиней (по правую руку от неё), произнося второй тост, предложил всем присутствующим выпить за здоровье Елизаветы Фёдоровны. В общем и целом, за всё время визита, командир полка не ударил в грязь лицом перед членами императорской семьи.

Русско-японскую войну Афанасий Цуриков встретил генерал-майором, начальником штаба 10-го армейского корпуса, который принимал самое непосредственное участие в военных действиях (оборона д. Сахепу и оборонительные бои у д. Падавязе – 2, 3 и 4 октября 1904 года). В конце войны, *«за отличия в делах против японцев»,* генерал Цуриков был удостоен сразу двух орденов – Святой Анны 1-й степени с мечами и Святого Станислава 1-й степени с мечами. А вскоре – ещё и золотым оружием «За храбрость».

Брусилов, Цуриков, Корнилов

В январе 1914 года Афанасий Андреевич Цуриков был назначен командиром 24-го армейского корпуса, а через три месяца удостоился и нового чина - генерала от кавалерии.

С началом Первой мировой войны корпус генерала Цурикова вошёл в состав 8-й армии генерала Брусилова, принимал участие в сражениях на реках Золотой и Гнилой Липе. 22 августа (4 сентября) войска 24-го корпуса овладели Галичем. Командир корпуса Цуриков доносил Брусилову, что противник бежит, что взято до 40 орудий, что сильные форты оставлены без выстрела. В ночь с 23 на 24 августа был взят Миколаев. Так блестяще завершилась Галич-Львовская операция русских войск, ставшая значительным этапом в Галицийской битве в самом начале Первой мировой войны.

Удачное наступление армии Брусилова чуть позже было подкреплено умелой обороной позиций южнее Перемышля, а в октябре 1914 года началось новое наступление 8-й армии – на карпатском направлении. К 7 ноября именно 24-му корпусу генерала Цурикова удалось сбить австро-венгерские войска с главного хребта. За бои в Карпатах он был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени.

В составе корпуса А.А. Цурикова воевала 48-я пехотная дивизия под командованием генерала Лавра Корнилова (да, того самого, организатора будущего мятежа – А.П.). Сам Лавр Георгиевич, обладая несомненной личной храбростью, проявил во время наступлений недисциплинированность, нарушая приказы командира корпуса. В результате этого 48-я дивизия дважды попадала в окружение и несла тяжёлые потери. Во время второго окружения дивизия почти полностью была уничтожена, а сам Корнилов попал в плен (откуда впоследствии бежал – А.П.). Брусилов собирался отдать Корнилова под суд за невыполнение приказов, но Цуриков умолил его этого не делать – *«не наказывать за храбрость, хотя бы и бессмысленную».* В результате Брусилов объявил в приказе выговор и Цурикову, и Корнилову.

В конце 1916 года генерал Цуриков пошёл на повышение – стал командующим вначале 10-й, а потом – 6-й армией (на Румынском фронте). После Февральской революции одним из первых командующих Афанасий Андреевич ввёл полковые комитеты, с которыми сумел наладить сотрудничество, и его армия даже после свержения самодержавия сохраняла свою боеспособность.

Во время выступления генерала Л.Г. Корнилова Цуриков не стал, как когда-то, защищать своего бывшего подчинённого, – он занял позицию поддержки Временного правительства и на совещании 28 августа 1917 года вместе с представителями комитетов подписал резолюцию,

объявлявшую Корнилова изменником и требовавшую предания его суду. После Октябрьской революции генерал Цуриков оставался некоторое время на своем посту.

В декабре 1917 года он ушёл в отставку. Жил в Одессе, крайне нуждался, зарабатывая на жизнь шитьем сапог. В 1920 году, в числе нескольких бывших генералов царской армии, поступил на службу в РККА, был членом Особого совещания при Главнокомандующем всеми вооруженными силами республики. С марта 1921 года стал инспектором кавалерии РККА. Умер в Москве 23 мая 1923 года.

P.S. От имения Цуриковых в селе Девять Дубов и сельце Юрьево мало что сохранилось. Сама помещичья усадьба была ещё в 20-е годы XX века уничтожена полностью. Остался только фамильный склеп Цуриковых, который в советское время использовался как склад инвентаря. Потолок его ещё совсем недавно украшала светлая Богородичная звезда на темно-синем небе. Но её уничтожили мародёры во время длительных поисков несуществующего клада. Гробы, по одной версии, просто выкинули, по второй, – где-то перезахоронили, но где - неизвестно.

До настоящего времени два населённых пункта Орловской области (во Мценском и Малоархангельском районах) носят фамилию ушедшего в историю известного дворянского рода, когда-то владевшего здесь многими имениями и землями.

Командир эскадренного броненосца «Петропавловск» Николай Яковлев

Вначале, уважаемый читатель, несколько слов об одном из самых трагических эпизодов русско-японской войны 1904-1905 годов.

31 марта 1904 года, в 9.43, на рейде крепости Порт-Артур, при попытке флагмана 1-й Тихоокеанской эскадры, эскадренного броненосца «Петропавловск», зайти в гавань, в носовой части корабля с правого борта раздался взрыв, пришедшийся на район носовой башни главного калибра. Сработали установленные японскими миноносцами мины. Боезапас на «Петропавловске» сдетонировал. Силой взрыва были сброшены за борт носовая 305-мм орудийная башня, дымовые трубы и кожухи. Обрушившаяся фок-мачта разворотила командирский и ходовой мостики. Через минуту броненосец погрузился в воду носовой частью. Затем последовал взрыв котлов, после которого «Петропавловск», разломившись на две части, ушёл под воду.

Эскадренный броненосец «Петропавловск»

При взрыве и почти мгновенном погружении корабля погибло от 620 до 652 матросов (данные о числе погибших в разных источниках отличаются), 17 или 18 корабельных офицеров, включая вице-адмирала С.О. Макарова, начальника штаба контр-адмирала М.П. Моласа и известного художника-баталиста В. В. Верещагина.

Шлюпки с других кораблей бросились подбирать плававших в воде людей. Удалось спасти 80 человек (7 офицеров и 73 низших чина), включая начальника военно-морского отдела штаба командующего флотом на Тихом океане капитана II ранга Великого Князя Кирилла Владимировича (двоюродного брата императора Николая II) и командира корабля капитана 1-го ранга Н. М. Яковлева.

О последнем из названных и будет далее мой рассказ. 31 марта (13 апреля – по новому стилю – А.П.) могло стать последним днём его жизни. Но этого не случилось. Однако спустя 15 лет произойдёт другая трагедия, которой и завершится биография одного из известных российских моряков конца XIX – начала XX века.

Николай Матвеевич Яковлев родился 23 марта 1856 года в городе Николаеве Херсонской губернии в семье орловского дворянина, одно из имений которого находилось в селе Яковлево Орловского уезда (в настоящее время – территория Свердловского района – А.П.). Получив первоначальное домашнее образование, Николай в 1873 году поступил в Николаевское юнкерское училище Черноморского флота, в 1876 году стал

Адмирал Николай Матвеевич Яковлев

гардемарином, спустя год участвовал в русско-турецкой войне и был награждён медалью «В память русско-турецкой войны 1877–1878». Получив мичманское звание, служил Яковлев на яхте «Пицунда», которая курсировала по акватории Черного моря, заходя в такие города как Николаев, Сухум и Адлер.

В 1882 году он окончил Николаевскую Морскую Академию по механическому отделению и, по присвоении лейтенантского звания, был приписан к корабельному флотскому экипажу Черноморского флота. С 10 октября 1884 года Яковлев исполнял обязанности старшего штурмана на фрегате «Светлана», а с 24 октября 1884 года – на броненосном фрегате «Герцог Эдинбургский», в этот периоды фрегаты курсировали по акваториям Атлантического океана, ходили в кругосветные путешествия, были одними из самых активных кораблей Российского флота.

С мая 1887 года Николай Яковлев становится флотским офицером, приближенным к императорской фамилии. Сначала он – старший штурман императорской яхты «Держава», которая во время службы совершала походы по Балтийскому и Северному морям.

В сентябре 1889 года Николай Матвеевич прибыл в порт Смирна на крейсер «Память Азова» и вступил в обязанности флаг-штурмана. На этом корабле в 1890-1891 годах цесаревич Николай Александрович, будущий Николай II, совершил плавание на Дальний Восток: из Триесты, пройдя Суэцкий канал, крейсер направился к острову Цейлон, далее плавание проходило так: Сингапур – Батавия – Бангкок – Сайгон – Гонконг – Шанхай – Нагасаки – Владивосток, в каждом порту цесаревича торжественно встречали, готовили обширную программу приемов, чествований, экскурсий и других развлечений, например на Бомбейском рейде кораблям предстояло простоять 42 дня. Это долгое плавание Николай Яковлев сумел сделать безопасным для цесаревича.

23 сентября 1893 года, возможно, в награду за предыдущее плавание, Николай Матвеевич был назначен старшим офицером

императорской яхты «Полярная звезда», на которой царская семья совершала визиты в столицы государств Европы, принимала участие в смотрах Балтийского флота и торжественных встречах глав иностранных государств.

Став 1 января 1894 года капитаном II ранга, Яковлев продолжил служить рядом с членами императорской фамилии – заведующим на императорском катере «Дагмар», командиром императорской яхты «Марево». Эти суда перевозили императорскую семью на маршрутах по Черному и Балтийскому морям.

Но в 1898 году судьба Н.М. Яковлева делает крутой поворот – в восточную сторону Российской империи: его переводят в Сибирский флотский экипаж командиром канонерской лодки «Манджур», на которой Николай Матвеевич участвовал в походах Сибирской флотилии. Базируясь во Владивостоке, он нес службу, находясь в распоряжении дипломатических представительств России на Дальнем Востоке, а во время походов над «Манджуром» нередко был флаг начальников и флагманов эскадры Тихого океана.

В 1901 году Яковлев окончил курс Военно-Морских наук Николаевской Морской Академии, получил 6 декабря того же года звание капитана 1-го ранга и был назначен командиром эскадренного броненосца «Петропавловск», совсем недавно вошедшего в состав 1-й Тихоокеанской эскадры. С началом русско-японской войны корабль под командованием Н.М. Яковлева участвовал в обороне Порт-Артура, ходя под флагом вице-адмирала Макарова.

А 31 марта (13 апреля) 1904 года случилось то, о чём я поведал в самом начале. 19 апреля, приказом адмирала Алексеева, капитан первого ранга Яковлев был уволен в отпуск в Европейскую Россию по болезни. Но уже 25 октября 1904 года он снова на флоте – как командир 8-го флотского экипажа и строившегося эскадренного броненосца «Император Павел I».

В последующие годы Николай Матвеевич прошёл путь до полного адмирала (30 июля 1915 года), побывав на должностях начальника штаба Кронштадского порта, начальника Главного морского штаба, члена Адмиратейств-совета и председателя комиссии по расследованию причин гибели линкора «Императрица Мария».

С приходом Временного правительства 28 апреля 1917 года адмирал Яковлев был уволен от службы, а после событий Октябрьской революции уехал с семьёй в своё имение, в село Яковлево Орловского уезда.

Дворяне из рода Яковлевых владели им с давних пор и вплоть до событий 1917 года. Мне в **метрической книге Казанской (Преображенской) церкви села Сергиевское (Яковлево) Орловского**

уезда за 1892 год (ГАОО, ф.101, оп.1, ед.хр.4414, на 56 листах – А.П.), в части первой **«О родившихся»,** удалось найти запись под №47 (цитирую – А.П.):

«5 ноября 1892 года родился, 10 ноября крещён младенец Лев.

Родители: села Яковлева помещик, гвардии корнет и кавалер орденов Лев Львович Яковлев и законная жена его Екатерина Парменовна, оба православные.

Восприемники: болховский помещик, действительный статский советник Петр Алексеев Арбузов и болховская помещица, жена статского советника Софья Алексеева Шеньшина».

Этот Лев Львович Яковлев, гвардии корнет и кавалер орденов, как и его сын, тоже Лев Львович, - родственники командира броненосца «Петропавловск» и совладельцы имения в селе Яковлево. Проживал ли кто из них в послереволюционные годы в населённом пункте – мне пока выяснить не удалось. А вот самому Николаю Матвеевичу довелось обитать здесь вместе с семейством почти два года – до второй половины сентября 1919-ого.

В период приближения деникинских войск к Орлу несколько десятков «ненадёжных элементов» из числа эксплуататорских классов Орловской губернской ЧК были взяты в качестве заложников и 2 октября 1919 года расстреляны. В их числе оказался и адмирал Николай Матвеевич Яковлев – герой русско-турецкой и русско-японской войн. Где случилась казнь – не известно, могила до настоящего времени не обнаружена.

Адмирал Яковлев был женат на Анне Михайловне Бодиско, представительнице известного орловского дворянского рода. Она умерла в Орле в 1920 году. Судьба единственной дочери супругов Яковлевых – Анны, остаётся не известной до настоящего времени.

Память адмирала Николая Яковлева пока никак на Орловщине не увековечена. Если проявят инициативу власти Свердловского района, - это будет замечательно: Николай Матвеевич – единственный адмирал-земляк, участник двух войн, кавалер множества российских и иностранных орденов, награждённый золотой саблей с надписью «За храбрость».

Поляк из Орла Андрей Зайончковский

150-летний юбилей генерала и выдающегося военного историка Андрея Медардовича Зайончковского, случившийся в декабре 2012 года, никак не был отмечен на его родине, как, впрочем, и где-либо в России. Лично мне это кажется чрезвычайно несправедливым, поскольку капитальные труды известного учёного, посвящённые Крымской и Первой Мировой войнам, до сих пор не потеряли своей актуальности. А генерал Брусилов, его командир и почти земляк, ставил Андрея Медардовича в ряд лучших военачальников начала XX века.

Командир 85-го Выборгского пехотного полка

Один из пяти детей начальника Орловской телеграфной станции, Андрей Зайончковский родился в Орле 8 (20 – по новому стилю – А.П.) декабря 1862 года, но по происхождению принадлежал к старинному польскому дворянскому роду Зайончек, известному еще с пятнадцатого века и оказавшемуся в России в самом конце века XVIII-ого в связи с разделами Речи Посполитой.

Андрей Медардович Зайончковский

Здесь мне придётся сказать пару слов о фамилии будущего военачальника и военного историка. Во всей доступной литературе о нём она произносится через «й» после первого слога «За», но вот в Алфавитном Указателе Дворянских родов Орловской губернии, написание это выглядит несколько иначе: «Заіончковскій», то есть, в современном виде должна произноситься как «ЗаИончковский». Конечно, это не очень существенно, поскольку звук слышится тот же, но, тем не менее…

Андрей получил начальное военное образование в Орловском Бахтина кадетском корпусе, а потом закончил Николаевское инженерное училище, из которого был выпущен подпоручиком в 5-й сапёрный батальон Российской Императорской армии.

Уже в 26 лет Зайочковский – выпускник Академии Генерального штаба, служил, в основном, по гвардии и был вхож ко двору императора

Николая II (в разное время был помощником двух Великих Князей – Михаила Николаевича и Александра Михайловича – А.П).

Начало русско-японской войны он встретил в чине полковника, командуя 85-м Выборгским пехотным полком, и отличился с ним в сражениях на реке Шахэ и под Мукденом.

Три ордена, Золотое оружие «За храбрость», звание генерал-майора и назначение командиром бригады в 3-ю Сибирскую пехотную дивизию стали наградами храброго выпускника Академии Генштаба. После окончания русско-японской войны Андрей Зайончковский был назначен командиром элитного лейб-гвардии Егерского полка, а с 1908 по 1912 год командовал 1-й гвардейской (Петровской) бригадой 1-й гвардейской пехотной дивизии.

«Один из наших лучших военачальников…»

В конце июля 1912 года генерал-лейтенант Зайончковский стал начальником 37-й пехотной дивизии, с которой и вступил в Первую Мировую войну. С марта 1915 года Андрей Медардович – командир 30-го армейского корпуса, который в конце августа того же года вошёл в состав 8-й армии генерала А.А. Брусилова.

Вот что написал сам Брусилов в мемуарах «Мои воспоминания»:

«Я был очень рад этому назначению, так как знал Зайончковского уже давно и считал его отличным и умным генералом. У него была масса недругов, в особенности среди его товарищей по службе в генеральном штабе. Хотя вообще офицеры генерального штаба друг друга поддерживают и тащат кверху во все нелёгкие, но Зайончковский в этом отношении составлял исключение, и я редко видел, чтобы так нападали на кого-либо, как на него. Объясняю я это себе тем, что по складу и свойству его ума, очень едкого и часто злого, он своим ехидством обижал штабных соратников. К этой характеристике можно ещё прибавить, что это был человек очень ловкий и на ногу не давал себе наступить, товар же лицом показать умел. Что касается меня, то я его очень ценил и считал одним из наших лучших военачальников, невзирая на его недостатки. Но у кого их нет? Его достоинства значительно превышали его недочёты».

В составе 8-й армии 30-й армейский корпус Зайончковского летом 1916 года участвовал в наступлении войск Юго-Западного фронта, где действовал на Ковельском направлении.

26–27 мая (8–9 июня) он форсировал реку Стырь, а во время контрнаступления армии 22-26 июня (5-9 июля) в боях у Гусятина разбил 2-й австро-венгерский корпус и форсировал реку Стоход.

После вступления в войну Румынии, в июле 1916 года, Зайончковский был назначен командиром 47-го армейского корпуса (61-я пехотная дивизия генерал-майора П.Н. Симанского и 1-я сербская добровольческая дивизия полковника С. Хацича), предназначенного для помощи союзнику. 22 августа 1916 года Зайончковский при поддержке 19-й румынской дивизии перешел в наступление на Базарджик и 24 августа заставил болгарские войска отступить.

После разгрома румынских войск и сдачи 27 августа Силистрии корпус вобрал в себя остатки отступавшей 3-й румынской армии и образовал Добруджанскую армию, командующим которой был назначен Зайончковский. 1 сентября встречным ударом у Кокаджи он остановил продвижение 3-й болгарской армии, а 4 сентября отбил контратаку противника. На этом активная роль генерала Зайончковского в Первой Мировой войне закончилась.

22 октября 1916 он был назначен командиром 18-го армейского корпуса, 2 апреля 1917 года переведен в резерв чинов при штабе Петроградского Военного округа, а 7 мая А.М. Зайончковского увольняют от службы с мундиром и пенсией.

Рядом с Брусиловым

Казалось, с военной карьерой он распростился навсегда. Но вскоре произошла Октябрьская революция, и Андрей Медардович Зайончковский стал одним из очень немногих высших офицеров старой русской армии, кто принял новую власть и вступил вскоре в Красную Армию. Большую роль сыграл его профессионализм во время нахождения в должности начальника штаба 13-й армии, той самой, которая одержала победу над деникинцами во время Орловско-Кромского сражения в октябре 1919 года.

В 1922 году Андрей Медардович Зайочковский перешёл на преподавательскую работу в Военную Академию имени Фрунзе и проработал в ней до самой кончины.

Теперь следует сказать ещё об одной странице его биографии. Советская разведка 20-ых годов представила Зайончковского перед зарубежной эмиграцией как руководителя подпольной Монархической Организации Центральной России (МОЦР), созданной, на самом деле, с целью ликвидации активных врагов Советской власти. О том, «стучал» ли он на своих коллег и друзей – история умалчивает. Об этих событиях был снят популярный в 80-е годы XX века фильм под названием «Операция «Трест».

Могила А.М. Зайончковского на Новодевичьем кладбище

И, наконец, стоит сказать о научной деятельности Андрея Медардовича. Начиная с конца XIX века, Зайончковский начал публиковать свои историко-военные сочинения. Первым, ещё в конце XIX века, стал «Учебник прикладной тактики» (1899 – 1900 годы). За ним последовали труды, посвящённые истории Крыма: «Оборона Севастополя» и «Исторический путеводитель по Севастополю» (1904 и 1907 годы). Потом появились и главные произведения в жизни полководца и военного историка: «Восточная война 1853–1856 годов в связи с современной ей политической обстановкой» (ТТ. 1-2, 1908 – 1913 годы) и сразу несколько монографий, посвящённых Первой Мировой войне. Они неоднократно переиздавались, в том числе, и в наше время, поскольку исторической своей ценности не потеряли.

Андрей Медардович Зайончковский скончался 22 марта 1926 года в Москве. Похоронили его на кладбище Новодевичьего монастыря, рядом с его командиром, генералом Алексеем Брусиловым.

Род Зайончковских дал России много известных людей, но мой персонаж, генерал от инфантерии и военный историк, превзошёл их всех.

Александр Бахтин и его «Пантера»
(рассказ о первом орловском подводнике)

Есть много книг, в которых сплошь
От А до ижицы - все ложь...
Но я хочу, должны вы знать,
Одну лишь правду рассказать.

Из рода Бахтиных

Строчки, которые ты, читатель, только что прочёл, принадлежат перу выдающегося шотландского поэта Роберта Бёрнса. Перевёл их впервые для русского читателя Николай Бахтин, практически неизвестный сейчас, но популярный в первой половине XX века переводчик, педагог,

поэт, библиограф и театральный деятель. Все перечисленные мною его ипостаси были вначале только хобби профессионального военного Николая Бахтина, выходца из хорошо известного на Орловщине дворянского рода и родственника основателя Орловского кадетского корпуса.

Александр Бахтин – командир «Волка»

В этом учебном заведении, которому в 2018 году исполнилось бы 175 лет, Бахтин получил начальное военное образование, а с 1891 по 1909 год (18 лет!) служил в нём офицером-воспитателем. Николай Николаевич вышел в отставку в 1910 году в чине полковника, успев заложить твёрдые нравственные основы в душах многих кадетов, в том числе и у родного сына Александра. О нём и будет наш дальнейший рассказ.

Герой «Моонзунда»

Александр Бахтин родился 4 июня 1894 года в сельце Малые Бобрики Малоархангельского уезда *(ныне – Глазуновский район – А.П.)*. В 10 лет поступил в Орловский кадетский корпус. Отец-воспитатель поблажки сыну не давал. Жил кадет вместе с остальными воспитанниками, хотя у Бахтиных имелась при корпусе служебная квартира.

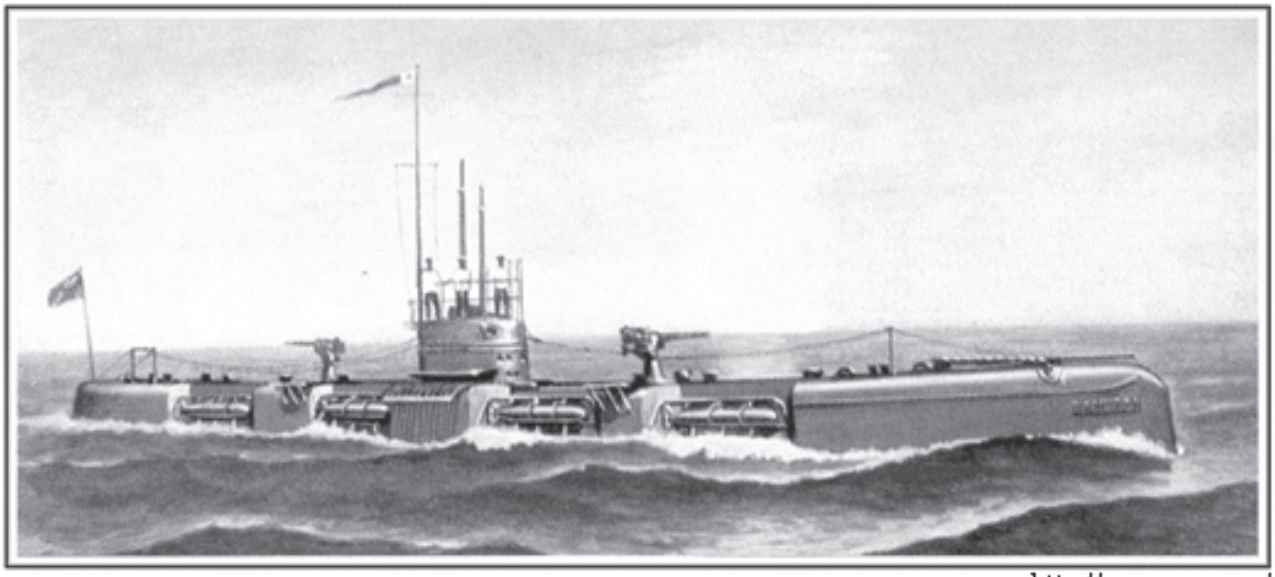
Первоначальные военные зания Александр в ОБКК получил прочные и поступил в Морской кадетский корпус, который окончил в 1914 году с присвоением первого офицерского звания на царском флоте – мичмана. В 1916 году, после окончания подводного офицерского класса, начал службу старшим офицером подводной лодки «Волк», а затем стал ее командиром.

Валентин Пикуль в романе «Моонзунд» посвятил Бахтину несколько тёплых строк: *«Волк» качался под сенью пирса, готовый сняться со швартов. ...Лодку уводил старший офицер Бахтин… Саше Бахтину был тогда 21 год – недалеко от юнги ушел. Отличный возраст! У лейтенанта железная воля, острейший разум, реакция в риске стремительная. И потому солидные, все в крестах и шевронах кондукторы, которым уже на пятый десяток, тянутся перед юношей в нитку… От этого лейтенанта с детскими пухлыми щеками зависит их жизнь, их судьба».*

На подлодке «Волк» Бахтин совершил восемь боевых походов, в результате которых было потоплено четыре транспорта противника. За

эти походы на Балтике Александр Бахтин получил три ордена: Святого Станислава 3-й степени с мечами и бантом (23.11.1915), «Святой Анны» III степени и Святой Анны 4-й степени "За храбрость" (31.3.1916).

Вскоре после революции Бахтин уволился с флота по собственному желанию, ходил капитаном торгового судна. Но в ноябре 1918 года возвратился на военную службу и получил под командование подводную лодку «Пантера».

http://www.navy.su/

Подводная лодка "Пантера"

(С картины художника В.М. Иванова)

Водоизмещение 650 /780 т, длина 68 м, скорость 10/8,5 уз. Вооружение: 4 торпедных аппарата и 8 аппаратов системы Джевецкого, 2 орудия. Экипаж 33 человека.

Прыжок «Пантеры»

В то время лишь немногие надводные боевые корабли и подводные лодки Балтийского флота оставались боеспособными, и англичане вели себя в Финском заливе как хозяева. «Пантера» их самоуверенность сильно поколебала. 24 июля 1919 года в Копорском заливе советская подлодка четырьмя торпедами пыталась поразить две подводных английские лодки, но противник уклонился. Это была первая, пусть и неудачная, торпедная атака советских подводников.

А ранним утром 31 августа 1919 года Бахтин вновь вывел свою субмарину из базы и направился на патрулирование в район Копорской губы. Около 18 часов были обнаружены два эсминца противника. Бахтин маневрировал около трех часов, пока не занял наиболее удобную позицию для стрельбы торпедами.

В 21 час 16 минут командир отдал команду, и с дистанции 4-5 кабельтовых (кабельтов – 185,2 метра. – А.П.) лодка произвела залп,

поразив двумя торпедами один из новейших эскадренных миноносцев Англии «Виттория». Через несколько минут он был уже на дне.

Девять вражеских кораблей и несколько гидросамолетов начали преследовать «Пантеру», сбрасывая глубинные бомбы и производя стрельбу ныряющими снарядами. Уклоняясь от огня, лодка ударилась о грунт и получила повреждения. Но Бахтин, продолжая искусно маневрировать, все же, сумел оторваться от преследователей и, пройдя под водой почти 80 миль, благополучно возвратился в Кронштадт. Субмарина находилась в подводном положении, без регенерации воздуха, более 28 часов (в рассказе самого Бахтина говорится о 30 часах и 10 минутах – А.П.) – случай до этого невиданный. А потопление английского эсминца «Виттория» оказалось не только первой, но и единственной за годы гражданской войны победой советского подводного флота.

Практически любое издание, посвященное истории Советского ВМФ упоминает атаку «Виттория». Об этом писали не только у нас, но и на Западе: журналы «Часовой» и «Морской журнал» во Франции, «Всеобщая Франкфуртская газета» в Германии. Имя командира «Пантеры» Бахтина внесено в «Книгу почетных моряков», хранящуюся в Лондоне, как единственного представителя России.

18 участников потопления эсминца противника были награждены от имени Петроградского Совета именными часами, а командир подводной лодки Александр Бахтин первым из советских подводников стал в 1923 году кавалером ордена Красного Знамени. А годом ранее, за восстановление Балтийского флота, Александр Николаевич был удостоен учрежденного на Балтике звания «Герой труда».

Севастополь – Соловки – Ленинград – Смоленское кладбище

После знаменитой атаки жизнь и служба у Бахтина складывались успешно: до мая 1921 года он продолжал командовать «Пантерой», затем - подлодками «Форель» и «Тур», возглавлял дивизион подводных лодок, находился на преподавательской работе, выпустил учебник и написал несколько статей.

В 1926 году Александр Николаевич окончил Военно-морскую академию и был назначен командиром отдельного дивизиона подводных Морских сил Черного моря, базировавшегося в Севастополе.

Там его и арестовали, - вместе с 22 другими бывшими офицерами российского императорского флота. Всем им вменили в вину занятия контрреволюционной деятельностью в период в 1918 по 1926 год. Бахтин на допросах категорически отверг все предъявленные ему обвинения и – получил пять лет лагерей с конфискацией имущества, лишением званий и наград (орден Красного Знамени № 14533 был изъят при обыске – А.П.)

Семь месяцев заслуженный моряк провел в Соловецком лагере, а в декабре 1927 года его дело пересмотрели и заключение заменили ссылкой в село Березово Тобольской губернии.

Постановлением коллегии ОГПУ от 30 апреля 1929 года он был досрочно от отбытия наказания освобожден. Из заключения Бахтин возвратился с подорванным здоровьем, некоторое время работал капитаном малого плавания, а 15 июня 1931 года умер от заработанного в заключении туберкулёза и был похоронен на Смоленском кладбище в Ленинграде.

Забытое на долгие годы имя прославленного подводника стало возвращаться из небытия благодаря его жене, Ольге Петровне Бахтиной. Поданные ею жалобы в центральные органы власти возымели действие.

Определением Военной коллегии от 29 сентября 1956 года дело в отношении А.Н. Бахтина и других осужденных было прекращено за отсутствием в их действиях состава преступления.

Памятная доска Бахтину

20 октября 2007 года на Смоленском Православном кладбище состоялось открытие памятника Александру Николаевичу Бахтину на его могиле. В том же году на доме № 24 по 11-й линии Васильевского острова, где несколько лет прожил Александр Николаевич, была установлена мемориальная доска.

Не мешало бы и нам, орловчанам, землякам знаменитого подводника, увековечить его память на родине.

«А.Н. Бахтин был выдающимся моряком, убежденным и талантливым подводником, очень умным и образованным человеком высоких качеств. Он много читал, отлично знал историю флота, морскую технику, был хорошим организатором. Команда любила его за честность и прямоту, правдивость и смелость. Он всегда был совершенно спокоен и внушал к себе доверие подчиненных. Это был один из наиболее преданных и образованных советских офицеров того времени».

(Бывший подчиненный Бахтина, академик и адмирал Аксель Иванович Берг).

Глава пятая.
Творцы

Болотовы из Гнилого Болота

Наверное, никогда так точно не выражала свой смысл известная русская пословица *«Яблоко от яблони недалеко падает»,* как в случае с историей известнейшего в России в XVIII – XIX веках семейства Болотовых. О нескольких представителях этого славного рода, Андрее Тимофеевиче, его сыне Павле Алексеевиче и их потомках, я и поведу далее речь.

О первом русском агрономе и его сыне

Андрей Тимофеевич Болотов, – личность воистину уникальная. Он преуспел во многих сферах деятельности, особенно в том, что касалось отношения человека с природой. Первый русский УЧЁНЫЙ АГРОНОМ – только за одно это коллежскому асессору Андрею Болотову можно поставить памятник от благодарных российских земледельцев. Он оставил после себя «Книжку метеорологических замечаний» за 52 года наблюдений в средней полосе России – титанический труд, на который много позже стали способны только научные метеостанции в составе нескольких сотрудников. И, наконец, Андрей Тимофеевич Болотов оказался первым российским помологом (специалистом по изучению и выращиванию яблок – А.П.), написав для потомков большой труд в семь томов, под заглавием, *«Изображения и описания разных пород яблоков и груш...».*

Андрей Болотов (автопортрет)

Сады Болотова, разведённые им на нескольких десятинах в усадьбе Дворениново (тогда – Алексинский уезд Тульской губернии, ныне – Заокский район Тульской области – А.П.), стали не только украшением округи, но и приносили владельцу ощутимый доход.

Единственный наследник Андрея Тимофеевича, его надежда и опора, Павел Андреевич, не подвёл отца. Ещё живя с родителями, он

помогал отцу набело переписывать статьи по сельскому хозяйству, делал рисунки к отцовским книгам. С землёй Павел Болотов тоже был на «ты».

Женившись на орловской помещице Марии Ошаниной и поселившись в конце 90-ых годов XVIII века в её имении (сельцо Гнилое Болото Кромского уезда Орловской губернии – А.П.), титулярный советник превратился в орловского землевладельца и тут же начал разводить яблоневые и грушовые сады, привезя семена и саженцы из отцовского имения Дворениново. Через несколько лет нему в усадьбу стали приезжать окрестные помещики – и не только весной, чтобы полюбоваться цветущими яблонями и грушами члена Российского Общества Любителей Садоводства, но и за саженцами для своих поместий. Заразил соседей Павел Андреевич своей любовью к замечательным деревьям. За те годы, что Болотов жил в кромском имении (с конца 90-х годов XVIII века по 1826 год, а потом с 1836 до своей смерти в июле 1850 года – А.П.), он успел засадить плодовыми деревьями почти столько же, сколько и отец в Дворениново.

Памятник А. Болотову у его дома-музея в имении Дворениново

Вот как раз об этом последнем периоде жизни орловского помещика Павла Андреевича Болотова оставил свои воспоминания известный православный писатель Михаил Толстой, оказавшийся его соседом по имению:

«Из числа масонов, живших в провинции, я ближе всех знал Павла Андреевича Болотова. Сын известного писателя прошедшего столетия, автора любопытных «Записок» и 40 томов Экономического Магазина, Андрея Тимофеевича Болотова, П.А. жил постоянно в деревне своей Кромского уезда, почти рядом с селом Сосковым (современный райцентр Орловской области – А.П.), *в котором четвёртая часть досталась отцу моему после его матери, и по доброму расположению к нам, заведовал этим небольшим нашим имением.*

Там был я у него однажды и видел ту электрическую машину, с разными применениями для лечения больных, которую отец его, скончавшийся почти столетним старцем, устроил своими руками. Об этом старце один из потомков его выражался так:

«В детстве я помню наш садик старинный
Дедушка сам разводил;
С палкой, с аршином, с верёвкою длинной,
Он вокруг дома ходил...
Был головою – и в доме, и в поле
Всё хлопотал и бродил;
Век не знавал он ни скуки, ни боли,
Вечно смеялся, шутил
«Ну, говорит он мне, маленький внучек,
Деду теперь помогай,
Ты не жалей своих беленьких ручек,
Ямки со мною копай».

В Москву Болотов приезжал иногда по делам. Я любил и уважал этого почтенного человека, необыкновенно доброго, радушного, услужливого, искренне-благочестивого и деятельного, несмотря на старость... Последние годы своей жизни, ослабев от старости, Павел Андреевич уже не выезжал из деревни, и я не видал его, а потому не могу припомнить время его кончины».

Пофилософствовал – и к земле

Любовь к земле и к культурным деревьям Павел Андреевич старался воспитать в своих детях. Все шестеро (три сына и три дочери) родились в сельце Гнилое Болото. Двое из сыновей – Алексей и Михаил – стали известными в России людьми.

Сначала скажу несколько слов о младшем, Михаиле, появившемся на свет в 1810 году. На его крещение приехал из Тульской губернии знаменитый дедушка Андрей Тимофеевич (кстати, он описал это своё путешествие по орловским местам до Гнилого Болота, жаль только, что записи оказались утерянными – А.П.).

Получив крепкое домашнее образование, основой которого были экономические и сельскохозяйственные знания, Михаил Болотов, тем не менее, после гимназии продолжил обучение на философско-юридическом факультете Императорского Санкт-Петербургского Университета. Но после смерти дедушки, Андрея Тимофеевича, отец, возвратившийся в своё кромское имение, убедил сына заняться хозяйством деда. Несколько лет

Михаил Павлович пытался «держать семейную марку», но природа и стихийные бедствия были против него.

О том, почему не получился из него садовод, Михаил Болотов рассказал в записках, опубликованных журналом «Русская старина» 145 лет тому назад, в декабре 1873 года. Но главной целью опубликованного материала было желание поведать о знаменитом деде, Андрее Тимофеевиче, о последних годах его жизни. Очерк получился живой, полнокровный, и жаль, что он не был продолжен повествованием об отце, Павле Андреевиче, и самом себе.

После продажи Дворениновского имения Михаил Болотов уделил большое внимание другому имению – в селе Огарёво Богородицкого уезда Тульской губернии. Там с 40-ых годов XIX века он был избран посредником полюбовного земли размежевания, исполнял обязанности попечителя хлебных запасных магазинов Богородицкого уезда и участвовал в проектах освобождения крестьян, вплоть до начала 60-х годов. Умер Михаил Павлович Болотов в 1880 году.

Генерал и первый русский профессор геодезии

А теперь несколько слов о старшем сыне Павла Андреевича Болотова – Алексее Павловиче. Он родился 17 марта 1803 года (то есть, в 2018 году мы отметили 215 лет со дня его рождения – А.П.).

Алексей Павлович Болотов

Уже в детстве, в имении деда, когда Андрей Тимофеевич сам проводил межевание своих земель (а это требовало соответствующих навыков – А.П.), Алексей Болотов впервые познакомился с астролябией и геодезией. А по окончании курса в Муравьевском училище колонновожатых он затем близко ознакомился со своим предметом на государственных съемках. С 1820 года Алексей Болотов состоял на действительной военной службе: колонновожатый, прапорщик, подпоручик Свиты Его Императорского Величества, поручик Генерального штаба. В 1828-1829 годах он участвовал в русско-турецкой войне (за переход через Балканы отмечен орденом Святого Владимира 3-ей степени – А.П.).

С 1830 по 1849 год Алексей Болотов прошёл путь от штабс-капитана до генерал-майора Генерального штаба Русской Императорской армии. Одновременно, начиная с 1832 года, он стал преподавать в Императорской военной академии, в которой в 1843 году утвержден был

первым в её истории профессором геодезии и топографии. Не оставляя военной службы и преподавания, Болотов в течение 20 лет постоянно заботился об усовершенствовании и возможно более популярном изложении своего курса.

Им были подготовлены и выпущены из печати "Руководство к геодезии" (1836 год, удостоено академиею наук демидовской премии, вскоре стало общенациональным учебником по геодезии, которым и сегодня пользуются курсанты военных топографических училищ. – А.П.), "Курс высшей и низшей геодезии" (два издания 1837 и 1845 годов – А.П.) и "Руководство к производству хозяйственной съемки, межевания и нивелирования" (два издания 1842 и 1856 годов – А.П.). Последнее сочинение заслужило почетный отзыв Академии наук. Кроме того, Болотов предложил для выражения крутостей местности шкалу по своей системе (впоследствии шкала была названа его именем – А.П.). Все перечисленные капитальные труды профессора и писателя сыграли большую роль в подготовке геодезистов и топографов и в развитии методов геодезических работ в России.

За свою более чем 30-летнюю службу на благо России и её армии Алексей Павлович Болотов был награждён орденами: Св. Георгия 4-й ст., Св. Владимира 3-й ст., Св. Анны 2-й, 3-й и 4-й ст., Св. Станислава 2-й, 3-й ст., Прусского Красного Орла 2-й ст.

С 1830 по 1853 год генерал проживал в купленном им у сенатора П.А. Баратынского имении Горка под Санкт-Петербургом (ныне оно оказалось в черте города Любань Тосненского района Ленинградской области – А.П.). Болотов перестроил дом, разбил парк по обеим сторонам реки Тигоды и сделал свою усадьбу одной из красивейших в округе.

Нелегкие военные походы, совершенные в молодости, большая напряженная творческая работа подорвали здоровье Алексея Павловича. По совету врачей он отправился лечиться на юг Франции. Однако эта поездка не улучшила его здоровье.

6 марта 1853 года выдающийся русский геодезист и топограф, генерал-майор Алексей Болотов скончался в Марселе. Прах покойного был перевезен в Россию, в его имение, и похоронен в некрополе, который сохранился до наших дней у железнодорожного вокзала города Любань (предположительно, на территории храма).

К сожалению, от имения Болотовых в селе Гнилое Болото (оно стало селом уже во второй половине XIX века – А.П.) ничего не сохранилось. Но – уверен – где-то в окрестностях его до сих пор плодоносят яблони, культуру посадки которых заложил здесь сын Первого русского агронома, дети которого тоже оставили заметный след на Земле.

Дмитрий Демидов – участник открытия Антарктиды

Поздней осенью 1833 года курский гражданский губернатор Павел Демидов возвращался в родные пенаты из Орла от своего коллеги Аркадия Кочубея. Затяжные ноябрьские дожди привели приличный ранее тракт в непригодное состояние, и даже шестёрка лошадей с трудом вытаскивала тяжёлый дормез (комфортная карета, в которой во время путешествия можно спать, как в обычной кровати – А.П.) из очередной колдобины.

Раз Демидов, два – Демидов...

В одну из больших ям экипаж ухнул так, что губернатор чуть не вывалился из кареты. Оказалось, не выдержала экстремальной дороги передняя ось дормеза, лопнула, и правое колесо соскочило, закатившись в огромную лужу.

Кучер и один из помощников Демидова, отправившиеся в ближайшее село, возвратились уже в сумерках, когда губернатор основательно продрог и совсем потерял терпение. Но слуги вернулись не одни - в экипаже, запряжённом четвёркой лошадей. Молодцевато выпрыгнувший из него среднего роста крепыш в цивильном платье представился: *«Ваше превосходительство, честь имею: капитан II ранга Дмитрий Демидов».*

А далее всё происходило очень оперативно. Губернатор пересел в подъехавшую карету, которая доставила его в небольшой, но уютный помещичий дом, разместившийся чуть в стороне от большого села. Здесь Павла Николаевича Демидова отогрели, накормили и напоили замечательными домашними винами.

Статский советник полностью пришёл в себя, и ему захотелось узнать о своём спасителе - однофамильце. Бывший моряк охотно удовлетворил любопытство губернатора, поведав о себе и о событиях недавних, но во многом удивительных.

На «Востоке» - на юг, к Антарктиде

Орловские помещики Демидовы хоть и уступали по известности и богатству знаменитым горнозаводчикам и оружейникам Демидовым, но тоже оказались не из последних дворян в империи Российской. Василий Иванович, прадед рассказчика, был советником императрицы Екатерины II и по её указанию боролся с проституцией в Санкт-Петербурге. Дед, Иван Васильевич, и отец, Алексей Иванович Демидовы, до генеральских чинов дослужились.

Самому же Дмитрию Демидову судьба уже в детстве приготовила испытания. Его матушка умерла сразу после родов, в 1800 году. Отец отдал сына на обучение в Морской корпус. И уже с 15-летнего возраста Дмитрий начал плавать на кораблях Балтийского флота, став вначале гардемарином, а в 18 лет - мичманом. Когда готовилась в 1819 году к отправке первая Антарктическая экспедиция под руководством Фаддея Беллинсгаузена, то сам адмирал Максим Петрович Коробка рекомендовал молодого офицера в состав экипажа шлюпа «Восток».

Выйдя 4 июня 1819 года из Кронштадта, экспедиция прибыла 2 ноября в Рио-де-Жанейро. Оттуда шлюпы «Восток» и «Мирный» сперва направились прямо на юг и, достигнув 69° южной широты 16 января 1820 года, участники экспедиции открыли Антарктиду. 21 января Беллинсгаузен и его товарищи вторично видели берег, а 5 и 6 февраля экспедиция подходила к нему почти вплотную.

Дмитрий Алексеевич, дойдя до этого момента в своём рассказе, пригласил гостя в библиотеку, не уступавшую лучшим столичным, отыскал в одном из шкафов нужную книгу и подал её курскому губернатору.

«Двукратные изыскания в Южном Ледовитом океане и плавание вокруг света в продолжение 1819, 20 и 21 годов, совершенные на шлюпах «Востоке» и «Мирном» - прочёл Павел Демидов. А открыв обложку, увидел губернатор рукописный текст: *«Господину лейтенанту, офицеру на шлюпе «Восток», Дмитрию Алексеевичу Демидову – на добрую память от автора и командира. Фаддей Беллинсгаузен».* Подписан был подарок 25 декабря 1831 года.

Капитан II ранга показал несколько мест в книге, где Беллинсгаузен упоминал его по тому или иному случаю, в основном, как меткого стрелка и переводчика.

«Счастливое избавление от великой опасности»

Но лейтенанту (звание он получил уже во время экспедиции – А.П.) Дмитрию Демидову больше всего запомнился один случай, зафиксированный начальником экспедиции:

***«25 декабря 1820 года** мы шли при тех же обстоятельствах и при снежных тучах. Льдяные острова беспрестанно вновь открывались и умножались к восточной стороне, а с западной были ниже и скрывались.*

Сегодня праздник Рождества Христова, все оделись в парадные мундиры и, невзирая на неприятную погоду, я посредством телеграфа пригласил на шлюп священника, который прибыл в 11 часов. Все вообще слушали молитву, кроме вахтенных. Во время благодарственной молитвы

за избавление любезного отечества нашего от нашествия врагов, вдруг почувствовали сильный удар судна...

Лейтенант Демидов, управлявший тогда шлюпом,... избегая одной льдины, коснулся правой стороны другой, которая казалась ему небольшой, но льдина сия, напитавшись водою, от тяжести погрузилась и потому-то надводная часть ее была мала. Удар последовал весьма сильный, и ежели бы при тогдашней качке не ослаблен был якорным штоком и подъякорными нижними досками, то проломил бы судно... Из сего видно, что одному счастливому случаю обязаны мы избавлением от великой опасности, а может быть, и от самой потери шлюпа. Удар последовал, когда судно спускалось носом вниз, а ежели бы сие случилось, когда нос приподнимался, удар последовал бы прямо в подводную часть, защищенную одною только настоящею обшивкою, и немедленно раздробил бы сию обшивку, которую исправить не было ни места, ни возможности; в таком гибельном положении для спасения людей осталось бы одно средство -- перевести всех или кого успели на шлюп "Мирный".

Во время этого плавания был открыт и назван в честь Дмитрия Алексеевича Демидова мыс (54*08`ю.ш., 37*43`з.д.) у острова Южная Георгия на карте Антарктиды.

В 6 часов утра 24 июля 1821 года, под салют пушек Кронштадтской крепости, шлюпы «Восток» и «Мирный», стали на якорь на том самом месте, с которого отправились в путь.

Экспедиция продолжалась 751 день; пройдено всего было 86475 вёрст, открыто двадцать девять островов и – последний из земных материков, Антарктида!

Участников многодневного плавания наградили, Дмитрий Демидов был удостоен ордена Святого Владимира 4-ой степени.

В память о Демидовых

«В 1823 году я командовал фрегатом «Помощный», в 1824 год - бригом «Кетти» при описи и промере глубин в Белом море. В 1830 году был произведён в капитан-лейтенанты, а в 1832 году был уволен со службы с чином капитана 2 ранга. Батюшка мой умер к этому времени, и я был вынужден заняться устройством домашних дел, по причине этой и нахожусь здесь, в Демидове, в отцовском имении», - закончил свой долгий рассказ офицер морского флота.

Вот так завершилась тогда нечаянная встреча двух Демидовых. Павел Николаевич, завершив трёхлетний губернаторский срок и оставив о себе добрую память у курян постоянной и обширной благотворительностью, покинул вскоре губернию. А Дмитрий Алексеевич

поселился на постоянное место жительство в своём Малоархангельском имении (рядом с селом Столбецкое - А.П.). В 50-ые годы XIX века местные дворяне избирали его уездным предводителем. К сожалению, пока не удалось выяснить дату смерти участника открытия Антарктиды. А вот место упокоения нашего земляка – скорее всего, в том самом отцовском имении в селе Демидово, рядом с Покровской церковью.

Покровская церковь в селе Демидово

В Ливенском районе в настоящее время в списке населённых пунктов не значится село с таким названием, однако проживающие в стоящей на трассе Орёл – Ливны деревне Покровка 2-ая и близлежащем селе Покровка 1-ая жители гораздо чаще называют их по старинке, как и сто лет назад – Демидово.

На карте мира имеются и официальные названия в честь нашего земляка: кроме мыса Демидова у побережья Антарктиды, есть ещё острова Демидова у южного побережья южного острова Новой Земли. Названы они были так в год описанной нами встречи двух Демидовых.

Любимый поэт Екатерины II

Мало кто из наших современников знает имя поэта XVIII века Василия Петрова. Ещё меньше найдётся тех, кто читал его стихи. Тем более, что три тома сочинений Петрова появились в печати в последний раз аж в 1811 году и после этого – 210 лет! – ни разу не переиздавались.

Пишите оды, господа!

А между тем, во времена Екатерины II это был популярнейший стихотворец, произведения которого очень любила сама царица, наградившая его за первую же оду золотой табакеркой и двумя сотнями червонцев. Нам, орловчанам, стоит вспомнить личность этого забытого поэта, тем более, что последние 20 лет жизни он провёл на Орловщине, да и умер здесь же – в селе Троицкое Ливенского уезда.

Современники Василия Петрова часто сравнивали его с Ломоносовым и Державиным. Пятнадцатилетний Пушкин упоминал его в «Воспоминаниях в Царском Селе»:

Их смелым подвигам страшась, дивился мир;
Державин и ***Петров*** *героям песнь бряцали*
Струнами громозвучных лир.

Василий Петров

И хотя Василия Петровича много критиковали ещё при жизни - Сумароков, Майков, Новиков, считая его старомодным и «карманным» поэтом императрицы Екатерины, некоторые из сегодняшних исследователей поэзии XVIII века заявляют, что Петров устарел не более, чем Шекспир, а орловский краевед Владимир Власов хвалил описание Петровым картин природы и батальных сцен.

Впрочем, я не буду, как литературовед, разбирать достоинства и недостатки стихов Василия Петрова – читатель, в наш век интернета, может со многими из них познакомиться и оценить – в меру своих литературных пристрастий. Лично мне, к примеру, кажется, что некоторые из его сочинений 200-летней давности написаны с большим чувством – и воспринимать их нисколько не мешают устаревшие слова. Прочти, читатель, начало стихотворения Василия Петрова ***«Смерть моего сына» (марта 1795 года)*** - и ты убедишься в этом:

Так нет тебя, дитя любезно!
Сомкнул ты очи навсегда
И лег, всем зрелище преслезно,
О, скорбь! о, лютая беда!

Страдалец, мук не заслуживший,
За что ты горьку чашу пил?
Меж человеков ангел живший,
Чем тако небо оскорбил?...

Василия Петровича Петрова, с точки зрения современной терминологии, мы бы назвали сейчас человеком, «сделавшим самого себя». Сын бедного священника, рано оставшийся сиротой, он усердно стремился к знаниям.

После обучения в Московской Славяно-греко-латинской академии Василий был потом в ней учителем поэзии и риторики. Большим успехом здесь стали пользоваться его проповеди.

30 лет Петров дружил с фаворитом императрицы Екатерины II Григорием Потемкиным и историком Николаем Бантыш-Каменским. Написанная по совету последнего в 1766 году «Ода на карусель» чрезвычайно понравилась Екатерине II. Петров был щедро награжден, вызван ко двору и назначен переводчиком при кабинете ее императорского величества, личным чтецом императрицы и библиотекарем придворной библиотеки.

Кроме многочисленных хвалебных сочинений поэт писал сатирические стихи и дидактические послания, занимался переводами (Вергилий, Мильтон). Сам он главным своим трудом считал стихотворный перевод «Энеиды».

«Сомкнул ты очи навсегда»...

В 1780 году Василий Петрович по болезни вышел в отставку с чином надворного советника и сохранением получаемого жалованья. Вместе с супругой Елизаветой Петровной и детьми он обосновался в селе Троицком, Городилово тож, Ливенского уезда Орловской губернии, в купленном им имении, расположенном на берегу реки Чернавы.

Живя в деревне, Петров не оставлял литературного творчества (в 1783 году был избран за литературные заслуги членом Российской Академии – А.П.), но значительную часть времени посвятил воспитанию своих детей, ведению сельского хозяйства и – земельным тяжбам с соседями-помещиками.

А соседи, прямо скажем, у него были известные – Петр Шереметьев, из знаменитого рода фельдмаршала, соратника Петра I, и Василий Ростопчин, отец будущего военного губернатора Москвы в Отечественную войну 1812 года.

В начале 90-ых годов XVIII века надворный советник Василий Петров подал исковую жалобу в Ливенский уездный суд на Шереметьева и Ростопчина, обвинив их в захвате 607 десятин его земли. Жалоба прошла несколько судебных инстанций – Орловский Верхний Земский суд, Гражданскую Палату и Правительствующий сенат, из которого снова возвратилась в Ливенский уездный суд с резолюцией: *«О новом межевании искуемого количества земли истцу – отказать».*

Фёдор Васильевич Ростопчин

Не знаю, успел ли прочитать Василий Петрович этот ответ, а может, он и вызвал то, что случилось далее: 4 декабря 1799 года известный поэт и статский советник (да, уже статский – А.П.) Петров скончался в возрасте 63 лет. Похоронили его у Троицкой церкви одноименного села. Почти одновременно с ним покинули бренный мир и ответчики – Василий Ростопчин и Петр Шереметьев.

Тень Ясной Поляны

Казалось бы, судебное разбирательство плавно завершилось само собой – по естественным причинам. Ан нет. Эстафету от покойного супруга-поэта приняла его жена, Елизавета Петровна Петрова, которая 27 ноября 1803 года подала новое исковое заявление в Ливенский суд, требуя уже от наследников умерших соседей-помещиков возвратить ей всё те же 607 десятин земли.

В Государственном Архиве Орловской области (фонд 4, опись 1, единица хранения 2127), хранится 127-страничное дело, в котором подробно расписаны события, развернувшиеся в Ливенском уезде, Орле и Санкт-Петербурге по этому земельному спору в последующие 20 лет.

Основным ответчиком по делу стал генерал от инфантерии, действительный тайный советник, кавалер многих российских и иностранных орденов, граф Фёдор Васильевич Ростопчин, которого в

самом начале XIX века знала в России каждая собака. А уж после пожара, учинённого в Москве по его распоряжению (а может, это были только слухи), во время занятия её французами в 1812 году, популярность военного губернатора второй российской столицы достигла небес.

Впрочем, эта известность была как со знаком «плюс», так и со знаком «минус». Одни считали Фёдора Ростопчина патриотом и героем, другие кляли его почём зря.

Но, в любом случае, не каждый военный или гражданский чиновник, даже равный *по чину Ростопчину*, рискнул бы в те годы тягаться с ним.

Однако ливенская помещица Елизавета Петрова, вдова умершего поэта Василия Петрова, не побоялась любимца Павла I, кстати, нашего земляка. Фёдор Васильевич Ростопчин родился в отцовском имении, в селе Козьмодемьяновское Ливенского уезда, и провёл там всё детство. Сюда же, в молодые годы, будущий военный губернатор и писатель иногда заглядывал к отцу в гости – или во время своей очередной опалы.

После подачи исковой жалобы соседки Фёдору Ростопчину пришлось (правда, не самому лично, а с помощью своего доверенного лица – А.П.) отбиваться от её претензий на земельный участок вокруг деревни Ясная Поляна (Затруцкого стана – А.П.).

Могила Ф.В.Ростопчина

Ливенские судебные чиновники приняли дело к рассмотрению, и это вызвало большое недовольство графа Ростопчина. 21 октября 1804 года он подал прошение императору Александру I с жалобой на действия ливенских судей. Фёдор Васильевич подробно расписал в прошении суть земельных претензий соседки, показав, как оказались во владении его отца 1672 десятины земли у деревни Ясная Поляна. Ростопчин перечислил, когда и от каких владельцев, по каким купчим, достались земли его отцу, начиная с 1754 и до 1796 года. По его словам, большая часть спорных, якобы, земель, находилась в обработке ростопчинскими крестьянами уже 40 лет – и споров это не вызывало.

Но решительных действий, как ожидал граф, не последовало, продолжилось вялотекущее разбирательство, и 4 сентября 1805 года Фёдор Васильевич подал второе прошение императору, в котором заявил уже о незаконности действий Ливенского уездного суда, а потом,

4 февраля 1807 года, было и третье обращение. Однако конкретных ответов от царя Ростопчин не дождался.

Помещица же Петрова, в ответ на эти попытки давления, не стушевалась и предприняла контрмеры, обратившись 13 ноября 1811 года к Государю с просьбой об отстранении от выполнения своих обязанностей ливенского уездного судью Мишина, поскольку *«он был воспитан графом Ростопчиным»*, а заодно, заявила о необходимости замены секретаря суда Соломина.

Действительный тайный советник Ростопчин тогда, в свою очередь, обвинил Елизавету Петрову в клеветничестве. И такого рода словесные дуэли между истицей и ответчиками (Шереметьевы спустя некоторое время тоже вмешались в дело – А.П.) продолжались почти 20 лет. Последняя запись на деле судейских чиновников – от апреля 1824 года. Граф Ростопчин, наверное, мог быть доволен: вдове поэта добиться удовлетворения иска не удалось.

Зато, впрочем, несколько лет спустя, могли, в какой-то мере, порадоваться, её дети: наследники Фёдора Васильевича Ростопчина *«проиграли в карты, отдали за долги, спустили с молотка всё до последней серебряной ложки из его несметного богатства».* И, получается, зря граф бился за эти 607 десятин. Зря!

«Ужель та самая Татьяна?»

Уверен, очень трудно отыскать в нашей стране студента, не знающего о существовании праздника в собственную честь. Ещё со времён императрицы Елизаветы Петровны российские студенты ежегодно в День Святой Татьяны устраивали шумные народные гулянья, в которых принимали участие не только они, но и многие жители Москвы.

Иван Шувалов – «очень, очень, очень...»

А с 25 января 2005 года, Указом Президента Российской Федерации, Татьянин день стал уже официально *«Днём российских студентов».*

Однако едва ли кто из наших земляков, обучающихся в высших учебных заведениях, догадывается, что та самая Татьяна, в День ангела которой императрица Елизавета подписала Указ «Об учреждении Московского университета», имеет прямое отношение к Орловщине.

Однако прежде, чем повести речь о ней, скажу несколько слов об Иване Шувалове – фаворите Елизаветы Петровны, друге Михаила Ломоносова и авторе вышеупомянутого Указа.

Иван Иванович Шувалов родился 1 ноября 1727 в Москве, в небогатой дворянской семье. Отец его, тяжело раненный в Очаковскую кампанию, умер, когда мальчику было 10 лет. Воспитывала его мать. Юноша получил приличное домашнее образование: владел несколькими иностранными языками, имел хорошие познания в математике.

Двоюродные братья Ивана Шувалова - камер-юнкеры Петр и Александр Шуваловы, жившие в Петербурге, сыграли заметную роль в дворцовом перевороте, приведшем в ноябре 1741 года на престол дочь Петра Великого Елизавету. В 1742 году новая императрица несколько месяцев провела в Москве. Сопровождавшие ее Шуваловы заметили, что их двоюродный брат, пятнадцатилетний Иван, отличается не только *«благонравием и прилежанием к учению»*, но и особой миловидностью. Иван Шувалов был определен пажом к царскому двору в Петербурге. В 1749 году он был произведен в камер-юнкеры и получил особое помещение во дворце.

Шувалов И.И. (портрет кисти Фёдора Рокотова)

На него тогда обратила внимание Великая княгиня Екатерина Алексеевна, будущая императрица Екатерина II. Она писала, что *«вечно находила Шувалова в передней с книгой в руке.., этот юноша показался мне умным и с большим желанием учиться.., он был очень недурен лицом, очень услужлив, очень вежлив, очень внимателен и казался от природы очень кроткого нрава».*

К этому времени сорокалетняя императрица Елизавета охладела к прежнему фавориту, Алексею Разумовскому, и в конце 1749 года выбрала себе нового, – Ивана Ивановича Шувалова, двадцати двух лет от роду.

В 1750-х годах новый фаворит имел заметное влияние на внутреннюю и внешнюю политику России, содействовал развитию русской науки и искусства, оказывал покровительство учёным, писателям и художникам.

В своем доме Шувалов создал первый литературный салон в России. За обеденным столом собирались его близкие друзья: поэты Гавриил Державин, Иван Дмитриев, Ипполит Богданович, адмирал и филолог Александр Шишков, переводчик Гомера Ермил Костров. Вместе с княгиней Е. Дашковой Шувалов начинал издавать один из первых русских ежемесячных журналов «Собеседник любителей российского слова». Слава умнейшего и образованнейшего человека сопутствовала ему до конца жизни.

Иван Иванович дружил с Михаилом Ломоносовым и поддерживал многие начинания выдающегося русского энциклопедиста. Создание Московского Университета в 1755 году – заслуга их обоих: Ломоносов предложил идею, а Шувалов умело преподнёс её императрице.

Здание МГУ

Елизавета Петровна согласилась с планами своего фаворита. Мало того, чтобы доставить приятное Шувалову, императрица подписала Указ в день Ангела его матери – ***Татьяны Родионовны,*** которую Иван очень любил и всегда был внимателен по отношению к ней. Шувалов стал также и первым куратором Московского университета.

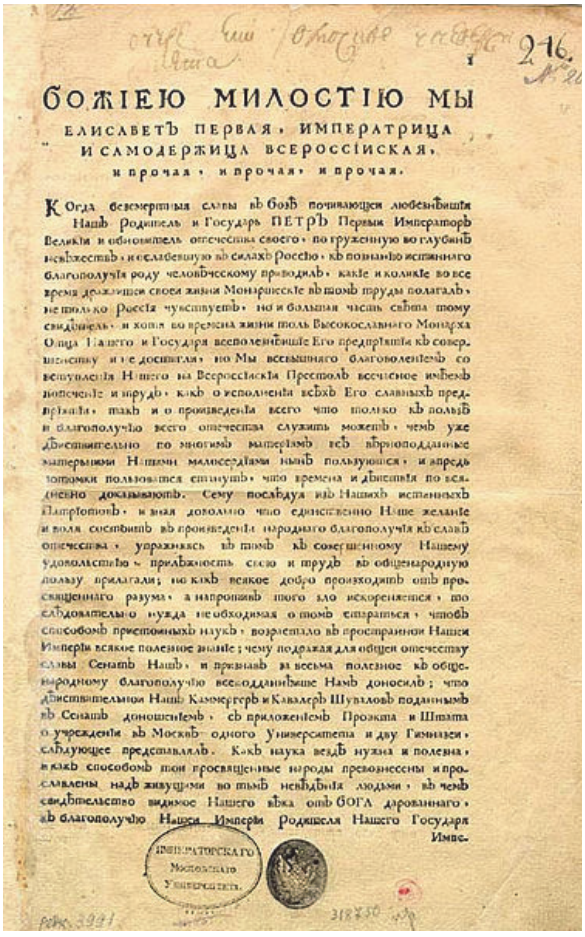
Татьяна и её мужья

А вот теперь пришла пора рассказать о Татьяне Родионовне Шуваловой, матери, воспитавшей благодарного и любящего сына. Сведения о ней мне пришлось выискивать буквально по крупицам.

По недавним историческим изысканиям можно предположить, что Татьяна Родионовна Ратиславская (такова её девичья фамилия – А.П.) , скорее всего, родилась (дата появления на свет не выяснена – А.П.) в Москве. Её отец, Родион Макарьевич, кроме земельных владений в Нижегородского уезде, имел и *«двор в Москве, в Земляном городе за Покровскими воротами, в Барашской слободе, в приходе церкви Воскресения Христова, «что в Барашах».*

Ну а дальше в судьбе Татьяны Ратиславской начинаются сплошные загадки. Известно, что замужем она была дважды. Первым её супругом стал контр-адмирал и кавалер Софрон Фёдорович Хитрово, представитель древнего дворянского рода, известного со второй половины XIV века и внесённого в родословные книги нескольких губерний Российской империи, в том числе и Орловской.

Софрон Фёдорович – личность в XVIII веке известная: кавалер ордена Св. Анны I степени, участник Второй Камчатской экспедиции, открывшей Северо-Западную Америку. Именно Хитрово по распоряжению Витуса Беринга стал первым из членов этой экспедиции, кто с разведывательной целью 20 июля 1741 года высадился на берег американского острова Каяк. Впоследствии, возвратившись домой, он, совместно с С. Вакселем, сочинил *«Карту видимой земли американской и с островами вновь сысканными…»*. Именем Софрона Хитрово на карте мира названы мысы на побережье Камчатки, Командорских островах и на острове Беринга. Скончался он в 1756 году, но место захоронения неизвестно.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ МЫ
ЕЛИСАВЕТЪ ПЕРВАЯ, ИМПЕРАТРИЦА
И САМОДЕРЖИЦА ВСЕРОССІЙСКАЯ,
и прочая, и прочая, и прочая.

Когда всевечныя славы въ Богѣ почивающей любезнѣйшія Нашъ Родитель и Государь ПЕТРЪ Первый Императоръ Великій и обновитель отечества своего, по груженную во глубинѣ невѣжествъ, и ослабевшую въ силахъ Россію, къ познанію истиннаго благополучія роду человѣческому приводилъ, какіе и коликіе во все время долголѣтія своея жизни Монаршескіе въ томъ труды полагалъ, не только Россія чувствуетъ, но и большая часть свѣта тому свидѣтель, и хотя во время жизни толь Высокославнаго Монарха Отца Нашего и Государя всепоспѣшествіе Его предпріятія къ совершенству и не достигли, но Мы всевышняго благоволеніемъ со вступленія Нашего на Всероссійскій Престолъ всечасное имѣемъ попеченіе и трудъ, какъ о исполненіи всѣхъ Его славныхъ предпріятій, такъ и о произведеніи всего что только къ пользѣ и благополучію всего отечества служить можетъ, чемъ уже дѣйствительно по многимъ вышеписанные всѣ вѣрноподданные имперіями Нашими милосердіями нынѣ пользуются, и впредь потомки пользоваться спѣшутъ, что времена и дѣйствія по всѣдневно доказываютъ. Сему послѣдуя въ Нашихъ истинныхъ Патріотовъ, и зная довольно что единственно Наше желаніе и воля состоитъ въ произведеніи народнаго благополучія къ славѣ отечества, упражняясь въ томъ къ совершенному Нашему удовольствію, прилѣжность свою и трудъ въ общенародную пользу прилагали; но какъ всякое добро происходитъ отъ просвѣщеннаго разума, а напротивъ того зло искореняется, по слѣдовательно нужда необходимая о томъ стараться, чтобъ способомъ приспѣшныхъ наукъ, возрастало въ пространіи Нашея Имперіи всякое полезное знаніе; чему подражая для общей отечеству славы Сенатъ Нашъ, и признавъ за весьма полезное къ общенародному благополучію всеподданѣйше Намъ доносилъ; что дѣйствительной Нашъ Камергеръ и Кавалеръ Шуваловъ поданнымъ въ Сенатъ доношеніемъ, съ приложеніемъ Проэкта и Штата о учрежденіи въ Москвѣ одного Университета и двухъ Гимназій, слѣдующее представлялъ. Какъ наука всѣхъ нужна и полезна, и какъ способомъ тѣхъ просвѣщенные народы превознесены и прославлены надъ живущими во тьмѣ невѣдѣнія людьми, въ чемъ свидѣтельство видимое Нашего вѣка онъ БОГА дарованнаго, къ благополучію Нашея Имперіи Родителя Нашего Государя Импе-

ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Университета.

Указ

Когда женился Софрон Хитрово на Татьяне Ратиславской, имелись ли у них дети, когда и по каким причинам брак был расторгнут – тоже неизвестно. Но ясно, что расставание мореплавателя с женой произошло до начала 1727 года, поскольку Иван Шувалов, сын от второго брака Татьяны Родионовны, родился 1 ноября названного года. Новое супружество, кажется, было счастливым, но продлилось оно чуть более 10 лет – Иван Максимович Шувалов скоропостижно скончался, оставив вдову с двумя малолетними детьми.

Татьяна Родионовна сама занималась воспитанием и образованием дочери и сына, который к четырнадцати годам знал четыре (!) языка.

Сыновняя любовь, почтение и благодарность Ивана Шувалова к родительнице не знали границ. Вот почему он несказанно обрадовался, когда имя матери, благодаря императрице, было увековечено в празднике для всех студентов России.

Орловские корни Дня российских студентов

Недавно в Государственном архиве Орловской области мне посчастливилось найти дело (ГАОО, фонд 4, опись 1, единица хранения 2187), в котором упомянуты почти все перечисленные мною лица.

Граф Фёдор Васильевич Ростопчин, военный губернатор Москвы в 1812 году и – одновременно – орловский помещик (смотри, читатель, предыдущий очерк «Любимый поэт императрицы» - А.П.), ведя земельные тяжбы с соседями и приводя аргументы в свою пользу, сослался в прошении в Ливенский уездный суд на одну купчую, совершённую его отцом 14 марта 1765 года.

Итак, *«...генерал-поручик, что потом был генерал-аншеф, действительный камергер и разных орденов кавалер Иван Иванович Шувалов продал родителю моему доставшееся ему после матери, Татьяны Родионовны Шуваловой, по первому мужу, супруги контр-адмирала и кавалера Софрона Фёдоровича Хитрово, землю* (69 четвертей – А.П.) *с поселёнными на ней крестьянами, - в Ливенском уезде, в Затруцком стану, в селе Егорьевском и деревне Хмелевой».* Судя по этому документу, получается, что на момент написания Указа *«Об учреждении Московского университета»*, Татьяна Родионовна Ратиславская, она же – Хитрово и Шувалова – являлась орловской помещицей. Был орловским помещиком и её знаменитый сын. А значит, что к появлению Татьянина дня как праздника всех российских студентов мы, орловчане, имеем самое непосредственное отношение, и нам не грех вспомнить слова старинной студенческой песни:

Да здравствует Татьяна, Татьяна, Татьяна!
Вся наша братия пьянА, вся пьЯна, вся пьЯна!

Орловский граф Григорий из рода Чернышёвых

Для начала, уважаемый читатель, я объясню тебе, кто такой обер-шенк. В «Табели о рангах», существовавшей в Российской империи, это был придворный чин II класса (военные бы сказали – генеральская должность – А.П.). В переводе с немецкого это – «хранитель вин». Казалось бы, просто «кладовщик». Но какого уровня! Обер-шенк распоряжался всеми дворцовыми запасами вин, у него в подчинении находились многочисленные мундшенки (заведующие винными погребами), кофишенки (ответственные за приготовление кофе и чая), тафельдекеры (ответственные за сервировку царских столов), келлермейстеры (смотрители погребов, ключники) и кондитеры (это слово перевода не требует).

В деньгах себя не ограничивал…

Граф Григорий Иванович Чернышёв (я буду писать эту фамилию именно так, не вдаваясь в дискуссии по поводу двух других вариантов – Чернышев и Чернышов – А.П.), сын генерал-фельдмаршала Ивана Григорьевича Чернышёва от его второго брака и единственный наследник известного и очень богатого рода, с 1816 года, во времена царствования императора Александра I, занимал как раз престижнейшую должность обер-шенка.

Григорий Иванович Чернышёв

Историки советского времени его личности уделяли очень немного внимания, в основном, как отцу декабриста Захара Чернышёва и тестю другого декабриста – Никиты Муравьёва, мужу его дочери Александры (Александрины). Но, между тем, Григорий Иванович – персонаж вполне самодостаточный и чрезвычайно колоритный, оставивший след в истории русской культуры и в воспоминаниях многих его современников.

От отца и дяди ему досталось огромное состояние с несколькими крупными владениями в Московской, Орловской, Саратовской, Тульской и Тамбовской губерниях, и потому службой себя Г.И.Чернышёв особо не обременял, хотя и успел отличиться, как на военном, так и на статском поприще. Участвовал Григорий Иванович, к примеру, в штурме турецкой крепости Измаил в 1790 году, а чуть позже выполнил несколько деликатных поручений князя Александра Безбородко, во время его переговоров с турецкими дипломатами по поводу заключения Ясского мирного договора в конце декабря 1791 года.

В последующие годы Григорий Чернышёв проживал за границей, где, возможно, и «заразился» склонностью к роскошному образу жизни.

Возвратившись в родные пенаты, при наличии огромного состояния, граф умудрился залезть в такие долги, что над его имениями была учреждена опека, во время которой, правда, Григорию Ивановичу платили 75 тысяч годового содержания, что вполне позволяло ему вести праздный образ жизни. А когда, благодаря разным льготам правительства и усилиям поэта Гавриила Державина, симпатизировавшего Чернышёву, опека была снята, то за короткое время освобождённый от денежных ограничений

«страдалец» тут же набрал новых долгов на ещё большую сумму, не задумываясь о том, как их будет возвращать (пришлось ему вскоре продать часть отцовского и дядиного наследства – А.П.).

«В гробу я вас видел…»

Современники по-разному относились к Григорию Ивановичу. Кто-то видел в нём *«любезного, умного и остроумного человека»,* заботливого мужа и отца семерых детей, воспитанных им (вместе с верной женой) в духе благородства и любви друг к другу. Но часть высшего света считала Чернышёва *бонвиваном* (живущим в своё удовольствие, кутилой, мотом – А.П.) и чудаком. И для этого были серьёзные основания.

В юношеские годы, увлёкшись оперой, Григорий Чернышёв принимал самое активное участие в любительских театральных постановках при дворе великого князя Павла Петровича в Гатчине и Павловске. Он стал первым исполнителем партий Педрилло и Карильо в операх Дмитрия Бортнянского «Сокол» и «Сын-соперник» в 1786 и 1787 годах. Как Чернышёв пел в этих спектаклях, мы уже никогда не узнаем, но если сам выдающийся композитор ему доверил исполнение своих произведений, значит, у него были на это основания.

Несколько лет (во времена царствования Павла I – А.П.) Григорий Иванович, будучи помощником директора императорских театров А.Л. Нарышкина, заведовал гастролировавшими в России иностранными труппами.

Любовь к театральным эффектам сопровождала графа всю его жизнь. Если вдруг не хватало настоящей сцены и спектакля, Григорий Иванович играючи создавал собственную пьесу.

Так, в 1819 году на приёме для соседей-помещиков в орловском имении Тагино (в настоящее время – Глазуновского района – А.П.), где Чернышёв жил на склоне лет вдали от столичных соблазнов, гости после обеда отправились в графский сад и обнаружили там деревянную хижину, покрытую берестой. На вывеске были изображены три красавицы и надпись «Aux bons gourmans», а навстречу гостям вышел прислужник в бланжевой куртке и панталонах, фартуке, с колпаком, с картой кушаний и вин. Слугой оказался сам граф.

Со времён масонской молодости Чернышёв любил разные мистические сюрпризы, как, например, проваливающийся перед гостями пол и появление неизвестно откуда скелета с надписями. Среди жителей села Тагино долгое время, уже спустя годы после смерти графа, ходили слухи, что незадолго до ухода в мир иной Чернышёв велел выстроить каменный склеп с гробом, качавшимся на цепях. И, будучи ещё вполне

здоровым, граф по вечерам ложился в гроб, где зажигал свечу и читал книгу.

Французские пьесы русского графа

По отзыву современника, граф Чернышёв «*олицетворял собой офранцуженных екатерининских вельмож, он был очень любезен в обществе, свободно писал французские вирши и довольно плохо знал русский язык», был человеком «весьма мягким, любящим общество и развлечения».*

Он всей душой любил представления и, отличаясь красноречием, для гатчинского придворного театра княгини Марии Фёдоровны написал несколько комедий на французском языке под названием "Theatre de l'ars'cnal de Gatchina". Перу Чернышёва принадлежат также веселые, остроумные стихи а-ля Грессе и Бифлеро (французские поэты и драматурги XVIII века – А.П.), конечно, тоже на французском языке.

В «Альбоме стихов, прозаических отрывков, афоризмов и рисунков», принадлежавшем Екатерине Фёдоровне Кривцовой, урождённой Вадковской, наряду с шедеврами Жуковского и Пушкина, можно встретить стихотворения Григория Чернышёва.

В ответ на одно из его дружеских посланий Пётр Вяземский написал своё – «К графу Чернышёву в деревню», которое декабрист поместил в первой книжке альманаха «Мнемозина»:

В стихах твоих, почтенный граф,
Вольтера ученик счастливый,
Как он, насмешник часто льстивый,
Как он, всегда пред Музой прав, -
Есть истина...

Григорий Иванович слыл большим знатоком книги и со вкусом пополнял свою библиотеку. Так, в списке лиц, подписавшихся на получение книги «Стихотворения Анны Буниной», вышедшей в Петербурге в 1821 году, встречается: *«В Орле – действительный тайный советник, граф Григорий Иванович Чернышёв, 2 экземпляра».*

К сожалению, о переводах на русский язык произведений Григория Чернышёва мне не известно…

Последние годы жизни графа были омрачены событиями, последовавшими за восстанием декабристов. Его сын Захар и зять Муравьев были лишены всех прав и сосланы в Сибирь, а супругу разбил паралич. Граф отошёл от всяких дел и отстранился от управления делами. Управлял имением и заведовал домом давний приятель Чернышёвых,

владелец поместий в Малоархангельском уезде, Яков Фёдорович Скарятин. В 1828 году граф Чернышёв овдовел, и здоровье его начало ухудшаться. Он скончался 2 января (по старому стилю – А.П.) 1831 года в Орле, похоронили графа в мужском монастыре на кладбище у архиерейского дома.

В советские годы все могилы на территории монастыря, включая захоронения графа Г.И. Чернышёва и героя Отечественной войны 1812 года генерала Ф.Ф. Корфа, были осквернены и разграблены.

В сентябре 1997 года на стене дома № 11а по улице Ермолова, расположенного на монастырской территории, установили парные мемориальные доски в честь упомянутых исторических деятелей. Под барельефом графа Григория Ивановича Чернышёва была размещена доска со следующей надписью: *«Здесь, на архиерейском кладбище, погребён писатель, театральный деятель, участник штурма Измаила, отец декабриста, Г.И. Чернышов».*

Общий вид досок

Мемориальная доска графа Г.Чернышёва

Когда и при каких обстоятельствах исчезла (была украдена и сдана на металл?) эта мемориальная плита – не знаю. Сам же барельеф пока цел. Вот он, на снимке…

В декабре 2020 года исполнилось 195 лет восстанию декабристов. Ты можешь, читатель, сам сделать вывод, о причастности к нему героя этого очерка…

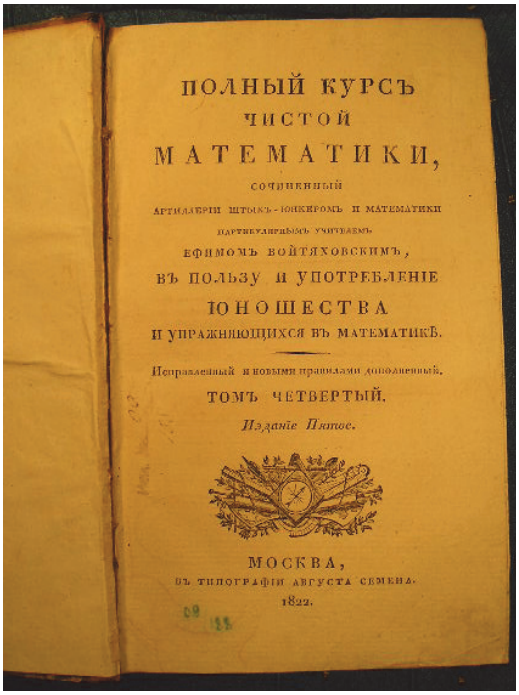
Учитель Каменского и Ермолова

На северо-западе Орловской области, близ её границы с Калужской, расположилась самая дальняя из деревень Болховского района – Павлодарь. Когда-то, в XIX веке, она называлась чуть иначе – Павлодар - и принадлежала отцу известного русского поэта Алексея Апухтина.

Апухтин, Чайковский, Войтяховский... Кто ещё?

Алексей Николаевич провёл здесь, в родовой усадьбе, детские годы, а в 1862-1865 годах, числясь старшим чиновником особых поручений при орловском губернаторе, он жил в отцовском имении почти постоянно. В Павлодаре в 1863 году гостил у Апухтина его лучший друг, выдающийся русский композитор, Пётр Ильич Чайковский, написавший несколько знаменитых романсов на стихи нашего земляка. Только этого достаточно, чтобы увековечить имя деревни в перечне самых известных населённых пунктов Орловщины.

Однако сама история появления Павлодара на свет связана с ещё одной неординарной личностью, основательно подзабытой как в России, так и в нашем крае уже к началу XX века, но такой интересной, что не вспомнить о ней было бы грешно.

ПОЛНЫЙ КУРСЪ
ЧИСТОЙ
МАТЕМАТИКИ,
сочиненный
ЕФИМОМЪ ВОЙТЯХОВСКИМЪ,
ВЪ ПОЛЬЗУ И УПОТРЕБЛЕНІЕ
ЮНОШЕСТВА
ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.
Изданіе Пятое.
МОСКВА,
1822.

Курс математики Войтяховского

Что известно нам о Ефиме Дмитриевиче Войтяховском из биографических словарей? То, что он *«22 года прослужил в артиллерии, а его «Теоретический и Практический курс чистой математики...» (1786–1790 годы) выдержал несколько изданий. Благодаря полноте и удачному расположению материала, а также значительному количеству интересных и занимательных задач, этот курс был одним из самых распространенных пособий для русской средней школы на протяжении почти 40 лет».* И это всё.

Однако герой войн с французами Николай Гаврилович Левшин, с которым я познакомлю читателей в очерке *«Как на Орловщине на медведей охотились»,* оставил для нас в своих воспоминаниях живой образ человека, обучавшего точным наукам не только его самого, но и

многих других известных личностей. Вот отрывок из «Домашнего памятника» Н.Г. Левшина, посвящённый забытому учёному.

Из бедных шляхтичей – в профессора

«В продолжение пребывания моего дома, то есть до конца 1803 года, брал я вместе с покойным братом Петром Гавриловичем уроки математики у известного ученого – господина штык-юнкера Ефима Дмитриевича Войтяховского.

Нередко вспоминаю я о сем почтенном человеке, а участь его в старости не была завидная. Ефим Дмитриевич был бедный белорусский шляхтич; необыкновенным своим прилежанием к высоким наукам, в особенности, к математике, открыл себе путь пространный по части глубокого ученья и сделался в царствование императора Павла I известнейшим математиком, занимал кафедру профессорскую, был учителем их императорских высочеств и всех знатных господ, в числе коих были его ученики граф Николай Михайлович Каменский (да, тот самый, один из трёх наших Каменских-генералов – А.П.)*, кажется, и Ермолов* (Алексей Петрович), *также и граф Кутайсов* (два последних – герои войны 1812 года, граф Александр Иванович Кутайсов, генерал-майор, к тому же, героически погиб на Бородинском поле – А.П.).

Милостями государя императора Ефим Дмитриевич был осыпан, подарки были у него дорогие: перстни, табакерки с портретами императорской фамилии, между коими одна была осыпана бриллиантами, с видом дворца села Павловска, стоющая более 5 000 рублей. Сими подарками Войтяховский всегда гордился и с величайшим удовольствием, показывая их, рассказывал случаи, по которым подарки получал, именно тогда, как царственные юноши экзамены выдерживали при самом императоре в науках математических.

Основатель хутора «Павлодар»

Помнится, что в 1802 году Ефим Дмитриевич купил сельцо Кудиново (на границе уездов Болховского и Козельского – А.П.), *близ которого пожалована была ему государем дача* (в настоящее время – деревня Боровского сельского поселения Болховского района – А.П.). *Земли лесные, рядом с казенной Дубенской засекой: тут он выстроил себе хутора, которые назвал:* ***«Павлодаром».***

(Здесь я немного дополню автора воспоминаний, не назвавшего причины такого имени. Всю жизнь Ефим Дмитриевич Войтяховский считал себя обязанным императору Павлу I, естественно, поэтому и отблагодарил, таким образом, царя – А.П.)

Сельцо «Павлодар» и до сего времени существует, также на границе Козельского и Болховского уездов. Оно принадлежит в настоящее время господам Апухтиным и досталось им по наследству от их матери, Марии Андреевны Желябужской, к которой перешло по дарственной от её деда Алексея Ивановича Желябужского, приобревшего его куплей от господина Чернавского, к которому также перешло по купле от господина Войтяховского-сына (тут автор воспоминаний проследил всю цепочку перехода имения Павлодар из одних рук в другие – А.П.).

В селе Кудинове Ефим Дмитриевич выстроил себе дом, развел сад и воду провел чистую.

Сад теперь значительно вырос, а план его все тот же и не изменился до сего времени; но садовые беседки, гроты и вообще затеи прошлого века от времени разрушились. Дом находится все на том же месте, и хотя несколько изменил свой наружный вид, но его главный корпус, все-таки, постройки Ефима Дмитриевича Войтяховского.

Дом же наполнен был предметами учености его: моделями, инструментами, машинами, хорошими гравюрами и картинами дорогими.

«Кончил жизнь, тоскуя сильно о несчастии своём...»

Около двадцати лет наслаждался Войтяховский плодами своих полезных трудов, был жизни весьма скромной и в 70 лет кончил жизнь, тоскуя сильно о несчастии своем: единственный сын его, Федор Ефимович, не был к нему почтителен, находился всегда в отлучке в столицах и мотал шибко, – а старик Войтяховский был скупенек и сие его столь сильно огорчало его всегда, что он открыто говорил, что хочет сына своего лишить наследства; но батюшка мой (Г.Ф. Левшин – А.П.) *отсоветовал ему. По праву наследства, сын завладел имением как недвижимым, так и движимым, и года в два промотал и умер в бедности.*

Как сейчас гляжу, Ефим Дмитриевич всегда одевался по-старинному: в немецкие разноцветные кафтаны, с стеклянными и бронзовыми пуговицами, напудрен, с буклями и длинной косой; перстень бриллиантовый на пальце, жалованная табакерка в глазетовом жилете и часы жалованные, с бриллиантовыми брелоками; шуба и шапка соболья, верх бархатный. Бывши детьми, я с братьями и сестрами каждый праздник, бывало, ждем приезда Войтяховского, как великой радости, чтобы насмотреться на его блестящий наряд; он бывал в доме нашем (в селе Введенском, Коноплянка тож – Болховского уезда – А.П.) *весьма часто.*

Я уже был в гвардии, в службе, когда Войтяховский скончался (это произошло около 1812 года, точная дата неизвестна – А.П.); *он погребен на общем кладбище, Болховского уезда, в селе Луневе* (ныне – Боровского сельского поселения Болховского района – А.П.). *Исчезло все, как большей частию все изчезает, как дым: о Войтяховском все забыли, а его «Курс чистой математики, содержащий арифметику, геометрию и алгебру, с прибавлением фортификации», впервые опубликованный в Москве в 1786 году и выдержавший несколько изданий, оставлен; редко кто о нем что знает* (кстати, это сочинение артиллерии штык-юнкера и партикулярного в Москве благородного юношества учителя математики Ефима Войтяховского выставлено недавно на одном из аукционов за 50 тысяч рублей в качестве начальной цены – А.П.). *Имение его разошлось по рукам наследников, - не осталось ничего теперь и помянуть некому!*

Учитель Ефим Дмитриевич был строгий; бывало, едешь к нему с заданным уроком каждую среду и субботу, и, подъезжая к дому, дрожь берет, если не умел без него задачу решить. Я очень мало понимал глубокую науку, и мне сильно доставалось терпеть брань неумолкаемую; покойный же брат Петр Гаврилович учился очень хорошо и свободно проходил все правила арифметики. Недолго я надоедал учителю своему, однако же, года полтора ездил два раза в неделю, ибо недоученного меня по всем наукам, даже и по русской грамоте, родители решили скорее отдать в военную службу, примолвив, как сейчас помню: «военная служба – душа всему, там всему выучат». Сказано и сделано».

Вот так, уроками у известнейшего русского математика закончилось обучение будущего героя войн с французами.

Что касается имения Ефима Дмитриевича Войтяховского в деревне Кудиновой, перешедшего тоже к другим владельцам, то от всего прошлого великолепия остались лишь воспоминания Николая Левшина – **«Домашний памятник»** известнейшему русскому учёному, математику и педагогу, научившему делать точные расчёты при артиллерийской стрельбе наших генералов Николая Каменского и Алексея Ермолова. Своё умение они не раз потом в сражениях подтверждали. Так что, ученики-читатели – не смейте забывать учителей!

Масон Иван Лопухин

При чтении в Государственном архиве Орловской области подшивок губернской газеты «Орловский вестник» натолкнулся я на большой материал под названием «Благотворители». Публиковался он несколько

номеров подряд, с 27 января по 17 февраля 1882 года, и подписан был псевдонимом **«Старожил».** Кто скрывался под этой маской – выяснить мне пока не удалось. Но писавший был явно неравнодушен к истории Орла и его замечательным людям. Несколько страниц своего живописного повествования он посвятил орловским масонам.

Вольные каменщики Орла и их тайные собрания

Прежде чем говорить о них, приведу короткие справочные данные:

«Масонство – движение, возникшее в XVIII веке в виде закрытой организации, берущей своё начало из малоизвестных истоков в конце XVI – начале XVII века, предположительно – корпоративных цехов каменщиков. Название «масон» или «франкмасон» происходит от фр. franc-maçon (в старофранцузском masson, англ. freemason), употребляется также буквальный перевод этого названия – вольный каменщик. Масонство административно организовано в независимые великие ложи.

Иван Владимирович Лопухин (1756-1816)

Основной версией происхождения масонства считается версия о происхождении от средневековых корпораций строителей-каменщиков, однако существуют теории о более древнем происхождении масонства, начало которого выводится от орденов тамплиеров, или – в других версиях – от Ордена Розенкрейцеров...».

Начало активного распространения масонства в России относится к 80-ым годам XVIII века. И вот что писал об этом в «Орловском вестнике» **Старожил:**

«В то время в Орле уже существовала масонская ложа в духе московских мартинистов, под председательством вице-губернатора Захара Яковлевича Карнеева (он занимал эту должность с 1785 по 1796 год – А.П.). *В ней были членами: губернатор Неплюев, статский советник Свербеев, члены губернских палат Нелединский и Ржевский, асессоры – Милонов и Карнееев-младший. Кроме того, много других знатных лиц. Где собиралась ложа, - достоверных сведений не сохранилось; однако, есть предание, что собрания происходили близ Никитской церкви, в так называемой мацневской усадьбе, где теперь духовное училище.*

Там, будто бы, при перестройке дома для учебного заведения, находили подземные павильоны и ходы в другой дом, бывший на два квартала левее, тоже с громадным садом.

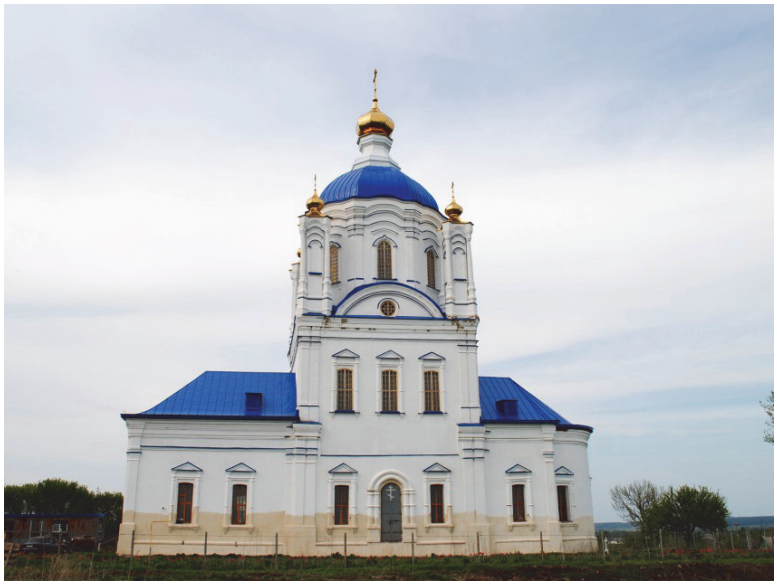
Едва ли есть основание допустить там собрание ложи. Во-первых, подземные ходы и павильоны не есть необходимая принадлежность масонских лож: это, скорее, напоминает хлыстовщину. ...Масоны не имели необходимости прятаться.

Не больше заслуживает доверия и другое предание – о собрании лож близ теперешней военной гимназии, где будто бы был дом члена ложи Свербеева. Правда, улица, ведущая от театра к Троицкому кладбищу, называется Свербеевским переулком (неизвестно, по отношению к какой улице этот переулок!), но, по всей вероятности, это название усвоено гораздо позже, когда в Орле уже не существовали ложи, а, может, была усадьба Свербеева, более видная и известная, нежели другие...».

«Делать удовольствие людям...»

Старожил, перечисляя фамилии орловских масонов, не назвал ещё одно имя, гораздо более известное в общероссийском масштабе, - Ивана Владимировича Лопухина, философа, публициста, мемуариста, издателя, действительного тайного советника и сенатора.

В **"Записках из некоторых обстоятельств жизни и службы..."** Ивана Лопухина, опубликованных в 1860 году в Лондоне, он писал, что родился 24 февраля 1756 года. Случилось это знаменательное событие в селе Ретяжи (Воскресенское) Кромского уезда, в имении его отца, генерал-поручика, Владимира Ивановича Лопухина.

Воскресенская церковь с .Ретяжи

Владимир Иванович, проживший долгую жизнь (94 года), приобрёл село Ретяжи в царствование императрицы Анны Иоанновны на деньги, вырученные от продажи изумрудов, доставшихся в приданое его жене, Евдокии Ильиничне Исаевой. Детство свое Иван Лопухин провел частью в Ретяжах, частью в Киеве, где Владимир Иванович был губернатором.

И хоть учили генеральского сына не самые лучшие учителя, да и здоровьем он всю жизнь был некрепок, но благодаря самообразованию и нравственным наставлениям родителей, получился из Ивана Лопухина человек, редкий в дворянской среде. "Делать удовольствие людям всегда было его страстью"; *"будучи еще ребенком*, – писал он в мемуарах, – *я нарочно проигрывал мальчику, служившему при мне, деньги, какие у меня случались, и любовался его о том радостью"*. *"Расположение к милостыне"* он считал не добродетелью своей, а *"природной склонностью, как в иных бывает к разным охотам"*. *"Природной склонностью"* была в нем и любовь к справедливости.

Начав свою карьеру с военной службы, он ушёл в отставку в 1782 году в полковничьем чине. Переход к гражданской службе был связан, в значительной степени, с начавшимся его отходом от «вольтерьянства» и увлечением масонскими идеями.

«Блистающая звезда» Ивана Лопухина

С конца 1782 года Лопухин стал старшим советником, а затем председателем Московской уголовной палаты, где всячески стремился облегчить участь обвиняемых. Вступив в связи с этим в конфликт с московским главнокомандующим Я.А. Брюсом, в мае 1785 вышел в отставку с чином статского советника. С начала 1780-х гг. Лопухин сблизился с Н.И. Новиковым, а в 1782 году вступил в масонский орден розенкрейцеров. Стал «мастером стула» ложи «Латона», получил масонское имя Филус. В 1783 году Иван Владимирович основал свою типографию, в которой печатался масонский журнал «Магазин свободнокаменщический». 31 мая 1784 года под управлением Лопухина открылась масонская ложа «Блистающей звезды». Иван Владимирович часто выступал с речами в масонских собраниях, ведал несколькими ложами в Петербурге, Орле, Вологде, Кременчуге. Способствовал распространению книг в Курске, Орле. Вместе с масонами Н.И. Новиковым, И.П. Тургеневым и другими много занимался филантропической деятельностью.

Активная деятельность масонов вызвала неудовольствие императрицы Екатерины II. Последовали ограничения в выпуске масонской литературы, потом дело дошло до разгрома их типографий и, наконец, завершилось арестом Н.И. Новикова и заключением его в крепость. Другие масоны, в том числе и Иван Лопухин, почти не пострадали, но были вынуждены объясняться и просить прощения у императрицы.

При Павле I Лопухин становится тайным советником и сенатором Московского департамента, решительно выступая против чрезмерно

суровых приговоров по уголовным делам, например, в отношении раскольников и духоборов.

Последние годы своей жизни, с декабря 1812 по лето 1816 года Иван Владимирович провёл в родовом имении Ретяжи Кромского уезда, в котором имелся двухэтажный деревянный помещичий дом с усадьбой вокруг него. Почти сотня дворовых людей и около 900 крепостных крестьян принадлежали здесь Лопухину.

«Тайный советник и многих орденов кавалер», проведя в Ретяжах три с половиной года, постоянно болел, активно лечился (в том числе исконно русским средством – жаркой баней с нырянием в снег), заботился о племяннике, писал письма, принимал гостей, часто посещал Воскресенский храм и внимательно следил за тем, как русская армия в Европе добивала Наполеона, отзываясь на эти события очень экзотически.

Вот что Лопухин писал в одном из писем: *«Здесь у нас на берегу пруда по сторонам дерева кладутся два больших камня диких. Один на месте отдыха, в виде кресел, с надписью: “19 марта 1814 года взят Париж”; а другой совсем необделанный и как бы на могиле положен, с надписью: “и память вражия погибе с шумом”. Дорожка от них ведет к довольно огромному для деревни, из нескольких больших гранитных же камней, стоящему монументу с надписью: “”Благочестию Александра I и Славе доблестей Русских в 1812 году”"*. Это был фактически первый памятник победы России над Наполеоном.

Умер Иван Владимирович Лопухин 22 июня 1816 года, едва перейдя 60-летний рубеж. Похоронили сенатора рядом с Воскресенской церковью села Ретяжи, построенной его отцом-генералом.

Пророк Александр Ковальков

Александр Ковальков

Кто такой Нострадамус - слышали очень многие. И пусть эти многие даже не подозревают, что Мишель де Нострдам (его настоящее имя – А.П.), вообще-то, был астрологом, врачом, фармацевтом и алхимиком, жившим в XVI веке, но о его предсказаниях на много лет вперёд в отношении природных катаклизмов, войн и революций хоть раз, да где-то читали.

Однако зачем нам Нострадамус, если жил в наших орловских краях человек, которого в первой половине XIX века *близко*

знавшие его люди считали пророком. Звали этого человека Александр Иванович Ковальков.

Родная кровь: племянник или сын?

Я узнал о его существовании, когда изучал в Государственном архиве Орловской области документы по Воскресенской церкви села Ретяжи Кромского уезда, имевшие отношение к известнейшему русскому масону Ивану Владимировичу Лопухину (смотри, читатель, очерк «Масон Иван Лопухин» – А.П.). Метрических книг начала XIX века по Воскресенскому храму, к сожалению, не сохранилось, зато имеются «Исповедные росписи» за 1812-й, 1813-й, 1814-й и 1816 годы – как раз за тот временной промежуток, который меня интересовал.

На всякий случай объясню, что такие «исповедки» в XVIII – начале XX века велись при всех православных храмах и были своеобразной переписью населения. Все прихожане храма являлись в «святую и великую четыредесятницу» (во время Великого поста, перед Пасхой – А.П.) к священнику для исповеди и святого причастия. А батюшка их записывал в специальную ведомость, называя имена, возраст и социальное положение.

В «Исповедной росписи Воскресенской церкви» села Ретяжи (Воскресенское) за 1813 год оказались внесены:

«Помещик села Воскресенского, действительный тайный советник, сенатор и разных орденов кавалер Иван Владимирович Лопухин, 58 лет, супруга его, Матрёна Евфимова Лопухина, 48 лет, племянник их, губернский секретарь Александр Иванов Ковальков, 19 лет, и купеческий сын греческого исповедания Александр Осипов сын Якоби, 12 лет».

Четверо перечисленных лиц названы отдельно, семьёй, а уже потом в росписи пошли дворовые люди помещика Лопухина (88 человек) и его крепостные крестьяне (более 900 душ обоего пола). Вот так в поле моего зрения и попал впервые Александр Ковальков, названный в исповедной росписи племянником действительного тайного советника Ивана Лопухина.

Но вот кем (в родственном плане) приходился Ковальков Лопухину на самом деле – современники отвечали по-разному. Некоторые считали этого молодого человека с блестящими способностями всамделишним племянником по линии жены, другие говорили о том, что Александр Ковальков – незаконнорожденный сын Лопухина, которому Иван Владимирович дал образование и способствовал его карьере. Мне кажется очень вероятной вторая точка зрения. Почему?

А как можно объяснить, что постоянно жалующийся на здоровье, ушедщий по этой причине со службы, действительный тайный советник и

масон, Лопухин, приехав к себе в имение Ретяжи перед самым Рождеством 1812 года, вдруг, скоропалительно, 9 февраля 1813 года женится - то ли на крепостной крестьянке, то ли на немолодой (48 лет) девушке из московского купечества? Сам Лопухин в письме императору Александру I сообщил, что *«обвенчался он по самым добрым резонам,... отдав справедливость многолетним опытам простодушной ко мне привязанности, строгой честности нравов и бескорыстия, и таких примеров немало было и в прежние, и в нынешние времена...».*

Из письма становится понятно, что его жена, ретяжская жительница Матрёна Ефимовна Никитина, знакома ему очень давно. Тут следует добавить ещё одно обстоятельство. От современников нам известно, что до 15-летнего возраста Александр Ковальков жил в одной комнате с будущей женой И.В.Лопухина, а потом был взят в его ретяжский дом и *«воспитывался в масонской обстановке и масонском учении».* Тут уж волей-неволей напрашивается вывод, что Александр Ковальков – действительно, незаконнорожденный сын действительного тайного советника от его связи с Матрёной Никитиной, с которой в январе 1813 года он просто узаконил отношения. Но признать официально, после 16-летнего молчания, родного сына Иван Владимирович, всё-таки, не решился. Однако Лопухин сделал всё, чтобы его чадо не знало недостатка ни в чём.

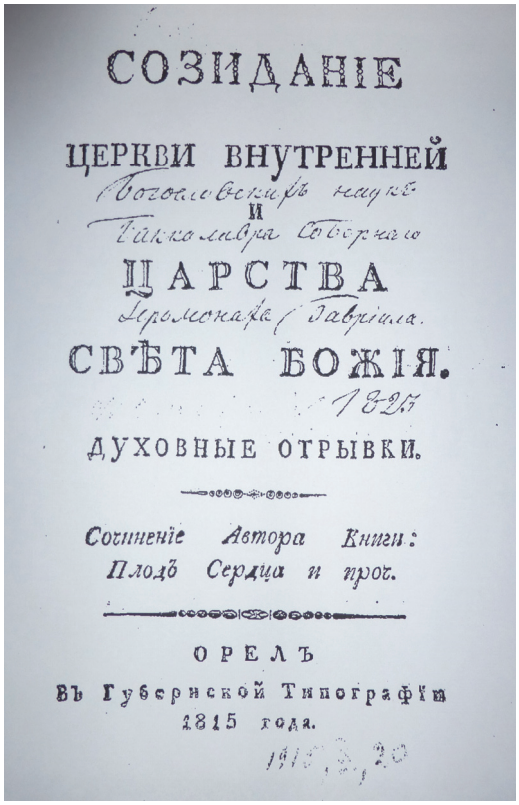
Полюбивший истину

Лучшие учителя обучали и воспитывали Александра Ковалькова, поскольку Иван Владимирович хотел развить способности своего «племянника», полагая, что тот продолжит его масонское дело. Однако, до поры-до времени, талант юноши никак не проявлялся. Но однажды Александр Ковальков тяжело заболел и уже находился при смерти. А потом вдруг, по воспоминаниям Лопухина, юноша *«на короткое время вышел из беспамятства, исповедался и причастился Святых тайн».* Затем Ковальков снова потерял сознание и сутки не приходил в себя. Проснулся он уже здоровым – и сразу же начал писать свою первую книгу: так, чудесным образом, появился у молодого человека блестящий литературный дар.

Иван Лопухин помогал Александру гранить его талант – вначале направив его на переводы полезных для «благонравия» иностранных пьес для журнала «Друг юношества». А вскоре, в 1811 году, появилось и первое собственное сочинение А.Ковалькова, изданное в Москве, - **"Плод сердца, полюбившего истину".**

А 1815 год стал прорывным для молодого автора: в Орле (да, читатель, уже исполнилось 200 лет первому массовому изданию книг

Ковалькова – А.П.) появились на свет сразу четыре новых книги «продолжателя дел Лопухина»: *«Созидание церкви внутренней и Царства Божия», «Иисус пастырь добрый своего стада, свет и камень, глава, жрец и жертва своея церкви», «Мысли о мистике и писателях её»* и *«Мистические творения Александра Ковалькова»* (общее название первых трёх названных сочинений – А.П.).

СОЗИДАНІЕ
ЦЕРКВИ ВНУТРЕННЕЙ
Богословскія науке
И
Таинствахъ Соборнаго
ЦАРСТВА
Іеромонаха Гавріила.
СВѢТА БОЖІЯ.
1825
ДУХОВНЫЕ ОТРЫВКИ.
Сочиненіе Автора Книги:
Плодъ Сердца и проч.
ОРЕЛЪ
Въ Губернской Типографіи
1815 года.

Издана в Орле

В принципе, изданием этих книг (при моральной и финансовой поддержке Ивана Лопухина – А.П.) и ограничивается литературная карьера Александра Ковалькова. В 1815 году ему исполнился 21 год, а в дальнейшем, хоть у него и накопилось со временем ещё 10 рукописных томов, ни одно сочинение так и не было опубликовано отдельным изданием. В 1817 и 1818 году появились последние публикации А.И. Ковалькова. Он разместил их на страницах журнала «Сионский вестник».

Не все принимали и понимали то, о чём писал Ковальков. Но некоторые современники ценили этого молодого автора очень высоко. За что? Возможно, за то, что в его сочинениях обнаруживалась скрытая критика официальной церкви. Автор обрушивался на людей, считавшихся христианами лишь по имени, а на деле не имевших веры. Из фрагментов сочинений А.И.Ковалькова видно, что у него существовала сложившаяся религиозная концепция, суть которой заключалась в том, что между верующим христианином и Богом не нужны посредники в лице церкви и церковного клира. Особо избранный христианин, по мнению Ковалькова, может сам – напрямую – общаться с Богом и получать от него информацию, а потом выступать перед остальными в роли проповедника. В статьях Ковалькова «Взгляд на самого себя» (1817 год) и «Вздохи сердца к воплощенному слову» (1818 год) видно, что их автор уже в совершенстве овладел ремеслом проповедника и пророка.

Талант в жертву карьере

Впрочем, во всех своих сочинениях Александр Иванович, чтобы не прослыть еретиком в глазах православной церкви, был вынужден

высказываться очень осторожно. И потому о его даре было известно очень немногим даже из числа близких ему людей. Всю же вторую половину жизни (а умер он в 52 года) Ковальков посвятил карьере, принеся в жертву ей свой литературный и философский талант.

Иван Лопухин, перед уходом в мир иной летом 1816 года, успел побеспокоиться о «племяннике» - воспитаннике. Он обратился с просьбой к своему другу, обер-прокурору Святейшего Синода, князю А.Н. Голицыну, который ведал ещё и Министерством народного просвещения. Голицын, знакомый с сочинениями Ковалькова, принял Александра в Санкт-Петербурге как родного сына, стал его покровителем и провёл за несколько лет от помощника начальника стола в Главном правлении училищ до должности руководителя Главного управления почт в чине тайного советника. Много других способностей открылось на службе у Ковалькова (он, к примеру, оказался хорошим рисовальщиком). Но о славе пророка и литератора Александру Ивановичу пришлось забыть сначала самому, а потом забыли об этом славном периоде его биографии многие современники.

И лишь совсем недавно вспомнил об орловском пророке Юрий Кондаков, российский историк, специализирующийся на духовной жизни XVIII – XIX веков и истории масонства. В своей книге **«Либеральное и консервативное направления в религиозных движениях в России первой четверти XIX века»,** изданной в Санкт-Петербурге в 2005 году, он посвятил Александру Ковалькову целую главу (кстати, в интернете в настоящее время выставлены все опубликованные произведения нашего земляка, и любой желающий может с ними познакомиться – А.П.).

Сергей Соболевский – мажор XIX века.

Часть первая. Друг Пушкина

В самом начале, мой дорогой читатель, познакомься вот с этим стихотворением, написанным 150 лет тому назад. У него достаточно странное название, да ещё с французским подзаголовком:

Орёл с его уездами, или Лёлькин плач
(Exercice de mnemonique, methode Odoewski 1)

Ах, папаша, ах, мамаша!
С мужем что у нас за каша!!
Как-то речь я завела,
Что милее нет Орла.

Ну, как взъестся мой Сережа!
Говорит: "Ты, Лёлька, – рожа!
Хоть стоит он над Окой,
Ваш Орел - такой-сякой,

Брянск, Малоархангельск, Ливны
И Карачев мне противны.
Пресловутый ваш Елец -
Мерзок из конца в конец.

Мценск ваш, Болхов да и Кромы
Мне по гадостям знакомы,
Точно так же, как Трубчевск.
Сносны только Дмитровск, Севск..."

На уезд все метит Севский
Муженек мой Соболевский!..
Знать, попался он, пострел,
Там в амурный передел!!

Да не жить ему в нем! С Лёлькой
Жить ему в Орле - и только.
У папа казенный дом:
Не платить нам за наём.

Ах, папаша, ах, мамаша!
С мужем что у нас за каша!!

«Архивный юноша»

Это пародийное произведение достаточно хорошо было известно многим современникам, впрочем, как и сам автор, – Сергей Александрович Соболевский. Но о его процитированном выше стихотворении и о том, кто такие Лёлька с её папашей и мамашей, - я расскажу чуть позже, а пока поведу речь об авторе.

На Орловщине имя Сергея Соболевского краеведами упоминалось (да и упоминается до сих пор) очень редко – просто потому, что он - не нащ земляк (родился в Риге 10 сентября 1803 года), а о посещении им территории Орловской губернии практически ничего не известно. Но, оказывается, с нашими краями Сергея Александровича связывает не

только упомянутое выше стихотворение, в котором перечислены почти все орловские города, но и некоторые другие моменты.

Начну с того, что Соболевский – его не настоящая фамилия, поскольку отца звали Александр Николаевич Соймонов, и он был богатым помещиком, вельможей и - родным племянником статс-секретаря Екатерины II Петра Александровича Соймонова. Оба представляли старинный дворянский род, известный с конца XVI века в нескольких губерниях России, в том числе и Орловской.

Сергей Соболевский – портрет работы Брюллова

Сергей Соболевский был внебрачным сыном Александра Николаевича от вдовы бригадира Анны Ивановны Лобковой, внучки санкт-петербургского обер-коменданта С.Л. Игнатьева. Впрочем, незаконнорожденность Соболевского была относительной, так как его отец вступил в официальный брак с М.А. Левашовой уже после рождения младенца. Сергею купили польское дворянство, приписав его к вымершей фамилии герба Slepowron («Слепой ворон»).

В 1817 году он был отдан на учебу в элитное заведение - Благородный пансион при Главном педагогическом институте в Петербурге, в первый же его набор.

Выпускники пансиона после четырехлетнего курса обучения получали знания по многим предметам, овладевали греческим, латинским, французским, английским, персидским языками и изучали различные искусства.

В общем, образование Сергей Соболевский получил первоклассное, после чего, при поддержке родителей, устроился в апреле 1822 года на службу в Московский архив Коллегии иностранных дел. Такая служба в ту пору влекла разного рода молодежь: и карьеристов-бюрократов, стремившихся отличиться и быстро перепрыгнуть на выгодные должности, и лиц, избегающих военной деятельности.

Но «архивные юноши» (это словосочетание придумал для себя и своих товарищей как раз Сергей Соболевский – А.П.) работой себя не обременяли. Впрочем, и начальство их не особенно «доставало». А чем молодые архивисты занимались, рассказал спустя много лет один из них, А.И. Кошелев: *«…Сперва беседы стояли у нас на первом плане; но затем мы вздумали писать сказки так, чтобы каждая из них писалась всеми нами…Как между нами были люди даровитые, то эти сочинения выходили очень забавными, и мы усердно являлись в Архив в положенные дни - по понедельникам и четвергам. Архив прослыл сборищем блестящей московской молодежи, и звание «архивного юноши» сделалось весьма почетным…».*

Светский жуир и «путеводитель для поэта»

Мало того, что молодые люди лишь два дня в неделю «являлись в архив», так фактически работа там превратилась для них в развлечение. Впрочем, представители тогдашней «золотой молодёжи» не только сказки сочиняли. Сергей Соболевский, к примеру, живя в доме отца в Москве, на Малой Дмитровке, вёл жизнь светского жуира: блистал на балах, устраивал дружеские попойки и быстро прославился многочисленными любовными приключениями. Я уже не говорю о его страсти к путешествиям, во время которых он объехал почти всю Европу, отдавая особое предпочтение итальянским городам.

Однако подобные развлечения не мешали Соболевскому посещать философские и литературные кружки, бывать в литературных салонах Авдотьи Елагиной (матери братьев-славянофилов Киреевских – А.П.) и Зинаиды Волконской, где он познакомился с многими известными писателями и поэтами тех лет.

Особенно заметный след в жизни Сергея Александровича и в русском обществе 20-30-ых годов XIX века оставила его дружба с Александром Сергеевичем Пушкиным. Ещё во время учёбы в Благородном пансионе Соболевский сблизился с однокурсниками, занимавшимися литературой, в особенности, – стихотворством. Дружеские отношения установились у него тогда с младшим братом будущего великого русского поэта - Львом Пушкиным.

Приятельство Соболевского с Львом Сергеевичем постепенно перешло и на его старшего брата. Личное их знакомство произошло в 1818 году, и, несмотря на четырёхлетнюю разницу в возрасте, между Александром Сергеевичем и Сергеем Александровичем установились сразу же доверительно-дружеские отношения. Поэт стал поручать младшему брату и его товарищу ведение своих литературных дел (так,

в 1820 г. Пушкин попросил их подготовить к изданию «Руслана и Людмилу»).

Соболевский стал «путеводителем Пушкина по Москве», в начале октября 1826 года познакомил его на своей квартире с Мицкевичем, устроил у себя дома первое авторское чтение «Бориса Годунова». В начале ноября того же года Пушкин уехал в Михайловское завершить ряд дел, но 20 декабря опять возвратился в Москву и прожил у Соболевского до 19 мая 1827 г.

Портрет для друга

Сергей Александрович очень любил своего старшего друга, неоднократно выручал его в житейских передрягах, давал, например, для заклада свое столовое и чайное серебро. Вспоминая об отношениях с Пушкиным, он признавался: *«Александр Сергеевич был ко мне весьма расположен и, как другу, поверял свои задушевные мысли. Его стихотворение «Братья разбойники» было издано мною, да и в издании «Руслана и Людмилы» я также принимал большое участие, вместе с Львом Сергеевичем. В знак особого ко мне расположения Пушкин напечатал один экземпляр своей поэмы «Цыганы» на пергаменте и преподнес его мне».*

По свидетельству одного из современников, Пушкин *«полюбил Соболевского преимущественно за неистощимое остроумие, живые экспромты, щеголявшие оригинальными рифмами, неизменную веселость и готовность кутить и играть в карты когда угодно».* Великий поэт ценил отменный литературный вкус и тонкое критическое чутье приятеля, читал ему свои произведения и советовался с ним; ценил благородство натуры, его особую щепетильность, поверяя порой ему весьма щекотливые детали своей личной жизни.

Александр Пушкин - портрет, заказанный для Соболевского у Тропинина

Вообще, отношения друзей были самыми доверительными, что отмечалось многими современниками, в том числе и сестрой поэта Ольгой Павлищевой, благоволившей к этому приятелю брата.

Александр Сергеевич в начале 1827 года даже заказал художнику Василию Тропинину свой портрет и подарил его Соболевскому, потом этот подарок пропал, видимо, его украли, но во всех поездках возил с собой Соболевский уменьшенную копию портрета, выполненную Авдотьей Елагиной.

В общем, отношения друзей были настолько прочными, что Соболевский мог себе позволить написать на Александра Сергеевича эпиграмму, не рискуя вызвать гнев горячего поэта или его вызов на дуэль. Вот такое четырёхстишие появилось в 1834 году:

Здорово, новый камер-юнкер!
Уж как же ты теперь хорош:
И раззолочен ты, как клюнкер,
И весел ты, как медный грош

(здесь придётся объяснить устаревшее словечко «клюнкер» – так называлась тогда позолоченная кисть или кисточка в обмундировании, в частности, гусаров и... лошадей – А.П.).

И, наконец, чтобы показать особую роль Соболевского в жизни Пушкина, я обращу внимание читателей на свидетельство графа Владимира Соллогуба, который, вспоминая подробности последней, трагической дуэли поэта, отметил: *«Я твердо убежден, что если бы Соболевский был тогда в Петербурге, то он, по влиянию его на Пушкина, один мог бы удержать его. Прочие были не в силах».*

Соллогуб знал, что говорил, поскольку в 20-е годы Сергей Александрович предотвратил две дуэли поэта: с графом Ф.И. Толстым-«Американцем» и с В.Д. Соломирским, а чуть позже – с С.С. Хлюстиным.

Любопытно, что уже в наши дни (в 1977 году) Андрей Дементьев написал стихотворение, первые три строчки которого я процитирую:

«А мне приснился сон,
Что Пушкин был спасен
Сергеем Соболевским...».

После трагической гибели Пушкина его верный друг многое сделал для сохранения доброй памяти о поэте, хотя собственных воспоминаний Соболевский после себя не оставил. Он считал, *«чтобы не пересказать лишнего или не недосказать нужного – каждый друг Пушкина должен молчать... Пусть пишут о нём не знавшие его...».* За этими словами –

убеждение Соболевского, что современникам трудно дать истинную оценку гению поэта, они могут перемешать главное и второстепенное. Однако Соболевский оказал неоценимые услуги пушкинским биографам, в частности, Михаилу Лонгинову. Это имя известно исследователям орловского края, и оно имеет прямое отношение к тому стихотворению, с которым я познакомил читателей в самом начале очерка.

Часть вторая.
Знакомый губернатора Лонгинова

Имя Михаила Николаевича Лонгинова достаточно хорошо известно исследователям Орловского края. Ему посвящён отдельный очерк в книге «Орловские губернаторы», подготовленной к печати работниками Государственного архива Орловской области и вышедшей в издательстве «Вешние воды» в 1998 году.

«Добрый малый» или «сквернейший во всей Руси…»?

В течение четырёх с половиной лет (апрель 1867-ноябрь 1871) Михаил Николаевич был орловским губернатором и в этой должности оставил о себе разные мнения современников. Пожалуй, самым запомнившимся из его деяний стало возрождение «из совершенного запустения» Орловского городского сада. На работы по его благоустройству по инициативе губернатора была увеличена сумма из городского бюджета – с 300 до 1000 рублей в год. К заботам о саде Лонгинов сумел привлечь многих городских чиновников и орловских помещиков.

Горожане были благодарны Михаилу Николаевичу за устройство водопроводов на Кромской и Воздвиженской площадях и улучшение пожарной части, за прощение долгов и уменьшение ссуд на постройку домов жителям, пострадавшим после знаменитого и страшного пожара 1848 года. По ходатайству орловчан губернатор Лонгинов в декабре 1870 года стал Почётным гражданином Орла (а за год до этого – ещё и Почётным гражданином Карачева – А.П.).

Иван Сергеевич Тургенев в начале своего знакомства считал Михаила Николаевича *«хорошим приятелем» и «добрым малым»,* но спустя несколько лет называл его не иначе, как *«сквернейшим во всей Руси губернатором».* Так ли это было на самом деле – сказать сейчас затруднительно. Однако юрист по образованию, Лонгинов до назначения в Орёл успел побывать на нескольких чиновничьих должностях, где зарекомендовал себя как исполнительный и успешный подчинённый и удостоился нескольких российских орденов.

А после губернаторства в Орле Михаил Николаевич стал начальником Главного управления по делам печати, и в этой должности, в 51 год, он скончался, оставив о последнем периоде своей жизни и деятельности очень критические отзывы подавляющего большинства русских писателей и журналистов.

Однако у крупного российского чиновника, действительного статского советника Лонгинова первая половина его жизни, кроме службы, была наполнена одним искренним и серьёзным увлечением – литературой, писательством. Он переводил и переделывал для театра драмы и водевили, писал повести, но при жизни прославился не ими, а своими порнографическими стихами и поэмами (их, без ведома автора, издали в 1863 году за границей, в Карсруэ, и этот эпизод творчества всегда потом «аукался» Михаилу Николаевичу - А.П.).

В 50-е - 60-е годы XIX века Лонгинов много сил затратил на изучение творчества других, часто малоизвестных писателей, став одним из первых российских литературоведов, библиографов и историков литературы. Именно с этим направлением творчества Михаила Николаевича связано было его желание собрать с помощью друзей А.С. Пушкина все возможные материалы о выдающемся русском поэте и его неопубликованные произведения. Круг знакомства среди «пишущей братии» у Лонгинова был необычайно широк, и одним из его хороших знакомых на несколько лет стал Сергей Соболевский.

Михаил Лонгинов

Сергей Соболевский

Их свела вместе память о Пушкине

Как раз в эти годы Сергей Александрович, тоже мечтавший сохранить для потомков память об Александре Сергеевиче Пушкине,

доверился Михаилу Лонгинову и многое ему рассказал о дружбе с великим поэтом – как при личных встречах, так и в письмах. Вот одно из них, датированное 1855 годом:

«По приезде Пушкина в Москву, он жил в трактире «Европа», дом бывший тогда Часовникова, на Тверской. Тогда читал он у меня, жившего на Собачьей площадке, в доме Ринкевича (что ныне Левенталя) «Бориса Годунова» в первый раз при М. Ю. Виельгорском, П. Я. Чаадаеве, Дмитрии Веневитинове и Шевыреве. Наверное, не помню, не было ли еще тут Ивана В.Киреевского. (Потом читан «Борис» у Вяземского и Волконской или Веневитиновых?) По возвращении из деревни (куда он ездил на короткое время) он приехал прямо ко мне и жил в том же доме Ринкевича, который, как сказано, на Собачьей площадке стоит лицом, а задом выходит на Молчановку, из чего и вышли у Анненкова две местности» (то есть, два разных варианта адреса пушкинского дома – А.П.).

А в **«Письме редактору»,** адресованном писателю, журналисту и издателю Михаилу Погодину, Соболевский добавил некоторые подробности о своей экскурсии вместе с Михаилом Лонгиновым на бывшую ***«Квартиру Пушкина в Москве».*** Цитирую с некоторыми сокращениями:

«…Мы ехали с Лонгиновым через Собачью площадку; сравнявшись с углом её, я показал товарищу дом Ринкевича (ныне Левенталя), в котором жил я, а у меня Пушкин; сравнялись с прорубленною мною дверью в переулок - видим на ней вывеску: продажа вина и прочее. - Sic tranzit gloria mundi!!! («Так проходит мирская слава», лат.) Стой, кучер! Вылезли из возка и пошли туда. Дом совершенно не изменился в расположении: вот моя спальня, мой кабинет, та общая гостиная, в которую мы сходились из своих половин и где заседал Александр Сергеевич….Кабатчик, принявший нас с почтением, очень был удивлён нашему хождению по комнатам заведения. На вопрос мой: слыхал ли он о Пушкине? он сказал утвердительно, но что-то заикаясь. Мы растолковали, кто был Пушкин; мне кажется, что он не понял.

Советую газетчику обратить внимание публики на этот кабак. В другой стране, у бусурманов, и на дверях сделали бы надпись: здесь жил Пушкин! - и в углу бы написали: здесь спал Пушкин! - и так далее".

Соболевский в этом небольшом письме остался верен себе, не удержавшись от язвительных замечаний и злой иронии, но сохранил главное: позаботился о чистоте и точности сведений о Пушкине, адресованных потомкам.

«…Как-то речь я завела, что милее нет Орла…»

На почве бесед с Лонгиновым, посвящённых воспоминаниях о великом поэте, Сергей Александрович и Михаил Николаевич регулярно и тесно общались достаточно продолжительное время. Соболевский бывал в доме у Лонгиновых в Москве, познакомился с его маленькой дочерью Лёлей (так её звали в семье, а вообще-то, её имя – Елена – А.П.), любил и умел с нею разговаривать.

Когда же весной 1867 года император Александр II вдруг своим указом сделал Михаила Лонгинова орловским губернатором, Сергей Соболевский был немало озадачен таким поворотом в судьбе своего знакомого, который вместе с семейством переехал в Орёл на долгих четыре с половиной года. Виделись ли они потом, в период до скоропостижной (от «разрыва сердца») смерти Соболевского, случившейся 6 октября 1870 года, - нам неизвестно.

Но 14 ноября 1869 года, за 11 месяцев до этого печального события *«неизвестный сочинитель всем известных эпиграмм…»* сочинил ещё одну, как раз в отношении своего давнего знакомого Михаила Лонгинова и его дочери. С полным вариантом этого стихотворения («Орёл с его уездами или Лёлькин плач») я познакомил читателей выше, пообещав раскрыть нюансы.

Написано было произведение от лица Лёльки (Елены), той самой девочки, дочери Михаила Николаевича Лонгинова, которая (по содержанию стихотворения) вместе с отцом переехала в Орёл (где «У папа – казённый дом» – А.П.) и ждёт туда же приезда своего мужа (опять-таки, по смыслу написанного – А.П.) – Сергея Соболевского. А он этого не хочет, обзывая Орёл и его уездные города всякими нехорошими словами.

Лёльке это очень обидно, и она жалуется папе и маме, что муж её не понимает. С жалобы начинается стихотворение и жалобой заканчивается…

Прочитал ли данное сочинение орловский губернатор М.Н.Лонгинов, и как он на это отреагировал, - нам не известно. Но в печати оно впервые появилось только в 1912 году, в первой и уже посмертной книге Сергея Соболевского «Эпиграммы и экспромты».

В советские годы стихотворения этого почти забытого автора публиковались тоже единожды – в 1990 году. Сергей Александрович Соболевский скоропостижно скончался от инфаркта (как раньше выражались - от «разрыва сердца») 6 октября 1870 года, и был обнаружен слугой похолодевшим в кресле у письменного стола. Похоронили его на кладбище Донского монастыря, рядом с матерью. Могила Сергея Александровича, серая плита с лаконичной надписью, - справа от Малого

Собора, недалеко от могилы ещё одного друга А.С. Пушкина – П.Я. Чаадаева. И здесь часто можно увидеть живые цветы...

В заключение стоит сказать, что после смерти, кроме эпиграмм и воспоминаний современников, у Соболевского осталась огромная и буквально драгоценная библиотека, которую он собирал 35 лет, и которая состояла из редчайших изданий (в основном, описаний путешествий) на всех европейских языках. Она досталась, по завещанию, вдове генерал-майора Софье Николаевне Львовой, на которой он как будто собирался жениться, а скорее всего, опекал ее больную дочь, - человеку, в общем-то, случайному и не понимавшему ценности книжного собрания.

Позже библиотека в 25 тысяч томов была продана на аукционе в Лейпциге и распылилась (купили её у наследницы всего за 25 тысяч талеров). Многие издания ушли в Британский музей, русская и славянская части были куплены профессором Лескином для Лейпцигского университета, а архив с рукописями бывшего владельца и письмами Пушкина приобрёл князь С. Д. Шереметев за 300 талеров и на долгие годы укрыл в своей коллекции (слава Богу, что в России).

Вот такая судьба выпала на долю русского мажора XIX Сергея Соболевского. Его стихотворению «Об Орле и его уездах» исполнилось уже полтора века.

От отца к сыну: два «Дела» Сухово-Кобылиных
(орловские связи известного русского драматурга)

О **«Свадьбе Кречинского»** слышали если не все, то очень многие. Эта знаменитая пьеса Александра Сухово-Кобылина остаётся популярной вот уже более полутора столетий, не уступая грибоедовской комедии «Горе от ума», гоголевскому «Ревизору» и лучшим пьесам Островского. Пьесу неоднократно экранизировали. Последней по счёту была постановка режиссёра Михаила Козакова (фильм 2002 года под названием «Джокер»).

Будьте осторожны с женщинами

Зритель наших дней, смотря эту остроумную, зажигательную комедию, вряд ли подозревает, что автор начал писать её, сидя в тюрьме, где оказался по подозрению в убийстве собственной любовницы.

«Свадьба Кречинского» вообще была первым литературным произведением Александра Васильевича Сухово-Кобылина, выходца из древнего дворянского рода (родственного царской династии Романовых)

и, по воспоминаниям современников, типичного представителя "золотой молодежи".

На портрете Василия Тропинина, датированном 1847 годом, Сухово-Кобылин запечатлен тридцатилетним красавцем с выразительным, запоминающимся лицом: умные, проницательные глаза, хотя взгляд их мягок и даже нежен, высокий лоб, четкая, прямая линия носа, не по-мужски плавное очертание подбородка. Да, он действительно был на удивление красив той красотой, которая не связана с определенным временем, и сегодня лицо его притягивает, завораживает.

Александр Васильевич Сухово-Кобылин (портрет В. Тропинина)

Если же добавить к этому портрету его изысканные манеры, знание нескольких языков, блестящие познания в точных науках, философии, литературе, искусство обращаться с лошадьми, увлечение новомодной тогда гимнастикой, то можно понять, почему он сводил с ума женщин и пользовался необычайным успехом в свете. Но вот в остальном Александр Васильевич очень отличался от своего окружения: не кутил, не пил, ни во что не бросался сломя голову - это влюбленные в него женщины безумствовали, он же оставался внешне бесстрастным.

Впрочем, это не спасло «светского льва» от тяжелейших испытаний, связанных, опять-таки, с одной из его поклонниц. Как и при каких обстоятельствах познакомились русский аристократ Александр Сухово-Кобылин и Луиза Симон-Деманш, молодая красивая француженка из простой семьи, современники рассказывали по-разному. Но зато об их восьмилетней связи, которую они не скрывали, судачили в Москве многие.

Сухово-Кобылин снял для Симон-Деманш хорошую квартиру из пяти комнат (зал, гостиная, кабинет, приемная и спальня), обставил ее красивой мебелью, вручил 60 тысяч рублей ассигнациями на заведение винно-торгового магазина и стал открыто жить с ней, вызывая завистливые пересуды. Были у Александра Васильевича и побочные интрижки, пока через семь лет он серьезно не увлекся графиней Надеждой

Ивановной Нарышкиной, урожденной Кноринг (будущей женой Александра Дюма-сына). Дело шло к браку.

Луиза же, получив отставку, готовилась к возвращению в Париж, но не успела – ее труп обнаружили 9 ноября 1850 года близ Ваганьковского кладбища. Светская молва связала ее смерть с Сухово-Кобылиным. Следствие также решило, что француженку по наущению помещика, желавшего избавиться от любовницы, убили его крепостные. Сухово-Кобылина тут же арестовали и заперли *"в секретный чулан, обстену с ворами, пьяною чернью и безнравственными женщинами"*. Ему пришлось хлебнуть прелестей следствия по полной программе: непрерывный одиннадцатичасовой допрос, шантаж арестом всех родных, открытая полицейская слежка за домом, распространение клеветы о том, что он убийца. Следствие (так и не представившее никаких доказательств его вины) длилось с перерывами семь лет. Для чиновников Сухово-Кобылин стал «дойной коровой». Им он ничего не мог доказать, мог лишь откупаться.

Обвиняемый написал письмо на имя Николая I, последовали резолюции и переадресовки, но лишь в 1857 году Госсовет с подтверждающей резолюцией Александра II снял с Сухово-Кобылина обвинение в убийстве и приговорил к церковному покаянию за любовную связь. Но это "дело" и по сей день висит на нем как проклятие, хотя невиновность драматурга была точно установлена в прошлом веке с помощью найденных архивных документов.

Софья Сухово-Кобылина

Дважды находясь в тюрьме во время этого долгого следствия, Сухово-Кобылин, от скуки и чтобы немного отвлечься от мрачных мыслей, и написал свою первую и самую популярную пьесу. **«Свадьба Кречинского»** возбудила всеобщий восторг при чтении в московских литературных кружках, в 1856 году она была поставлена на сцене Малого театра и стала одною из самых репертуарных пьес русского театра за всю его историю.

Молва же вокруг убийства Луизы Симон-Деманш и невезение в отношениях с женщинами сопровождали потом драматурга всю его долгую жизнь.

Как прапорщик с подполковником сражался

Возможно, Александр Васильевич Сухово-Кобылин был бы поосторожнее в своих любовных связях и задумывался бы почаще о последствиях, если бы знал об истории, которая случилась с его отцом во время Отечественной войны – неподалёку от Орла, в сельце Мезино Орловского уезда.

Сухово-Кобылин А.В.

Судьба занесла сюда подполковника Василия Сухово-Кобылина 20 сентября 1812 года, когда 48 батарейная рота конно-артиллерийского полка, командиром которой он был, стала на постой в имении местного помещика Николая Апухтина.

Василий Александрович Сухово-Кобылин родился в 1782 году, в 17 лет произведен был в подпоручики Гвардейской конной артиллерии и с тех пор в течение шестнадцати лет вел боевую жизнь, принимая участие в походах и генеральных сражениях русской армии в 1805, 1807, 1810, 1812 годах. Под Аустерлицем он потерял глаз, но военную службу не оставил и в чине подполковника, неоднократно раненный в бою, продолжал командовать конно-артиллерийской ротой. Вот с нею-то подполковник и остановился на квартиры в сельце Мезине.

Знал бы Василий Александрович, что его здесь ждёт сражение почище Бородинского, подыскал бы для своих артиллеристов другое место. Владелец Мезинского имения, отставной прапорщик Апухтин, оказался редкостным мерзавцем. Это подполковник Сухово-Кобылин понял сразу, когда помещик категорически отказался бесплатно предоставить сено и овёс для артиллерийских лошадей. И никакие уговоры командира роты на помещика не подействовали.

О жадности и дурном характере Николая Апухтина вскоре рассказали подполковнику местные крестьяне и священник. Оказалось, что всего за четыре года своего хозяйствования в сельце Мезине (Апухтин купил имение у генерал-майорши Раевской) он довёл своих крепостных до почти полного разорения, проявляя в этом деле редкую изобретательность. Крестьяне, у которых он отбирал всё, включая дома, вынуждены были скитаться по соседним сёлам и просить милостыню, убегать и просто умирать с голоду. Апухтин же, чтобы держать крепостных в страхе и подчинении, использовал по отношению к ним физические средства – избивал их сам или поручал это своему приказчику.

Командир роты понял, что с таким помещиком договориться нельзя, и потому поступил так, как считал необходимым в условиях военного времени: реквизировал сено и овёс в усадьбе Апухтина, оставив ему расписку о количестве взятого фуража.

Через пять дней 48-я батарейная рота конно-артиллерийского полка покинула сельцо Мезино, и Сухово-Кобылин был уверен, что об Апухине он забудет, как о дурном сне.

Участвовали потом артиллеристы в изгнании французов из России, в Заграничном походе русской армии. За мужество и находчивость в битве народов под Лейпцигом подполковник Сухово-Кобылин был удостоен орден Святого Георгия четвёртой степени. Обстреливала его рота Париж, а 19 марта 1814 года Сухово-Кобылин вступил со своими артиллеристами в столицу Франции в авангарде русской армии под начальством графа Палена.

В 1816 году, в чине полковника, «за ранами», бравый артиллерист ушёл в отставку, женился, – и в этом же году узнал, что старый враг Апухтин в суд на него подал и требует компенсации нанесённого его имению ущерба больше чем в 121 тысячу рублей.

Посмеяться хотел, было, Василий Александрович, да не до смеха вскоре ему оказалось. Все инстанции завалил жалобами отставной прапорщик Апухтин. Отобьётся полковник Сухово-Кобылин от одной – по другой вскоре приходится объясняться: и то он взял в апухтинской усадьбе, и это, и вообще выгнал, якобы, командир роты самого хозяина из дома, и тот был вынужден в Орёл уехать.

Всем орловским чиновникам – от уездных судей до прокурора и губернатора успел за семь лет нажаловаться отставной прапорщик Апухтин, а потом до Правительствующего Сената и до Министерства Юстиции добрался.

Всех «достал», но у самого-то «рыльце в пушку» ведь было. И потому после очередной его жалобы в Орловскую уголовную Палату,

решением Орловского уездного суда и Орловского губернского правления имение у Николая Апухтина было отобрано и отдано в опеку – «за злоупотребление помещичьей властью», а самого его 31 января 1824 года отправили под арест сроком на три месяца - *«за неприличное дворянину жестокое обращение его с крестьянами, за распродажу их всех в многие руки и поодиночке...».* После этого жалобы на полковника Сухово-Кобылина однофамилец известного поэта прекратил.

Об этой истории я узнал из документов, хранящихся в Орловском государственном архиве (ГАОО, ф.31, оп.2, ед.хр.23). А судьба великого русского драматурга Александра Сухово-Кобылина (24 марта 2013 года исполнилось 110 лет со дня его смерти – А.П.) повторилась потом в другой истории, – только гораздо более трагичной...

«Россия и Европа» Николая Данилевского

Николай Яковлевич Данилевский

В первом номере начавшего выходить в Петербурге в 1869 году ежемесячного литературного и политического журнала «Заря» были опубликованы начальные главы книги, вызвавшей в России большой общественный резонанс и ставшей главным произведением её автора – Николая Яковлевича Данилевского.

«Россия и Европа» (так называлось сочинение) вызвала бурю откликов – от полного неприятия взглядов писателя и обвинения его в панславизме, национализме и шовинизме – до восторженных отзывов по поводу новизны идей в оценке роли России на международной арене.

Оберец – Русский Брод - Россия

Главы книги публиковались в журнале «Заря» почти весь 1869 год, а в 1871-ом «Россия и Европа» вышла отдельным изданием. Возникший у читателей интерес вынудил издателей за несколько последующих лет переиздавать фундаментальный труд ещё четыре раза. А потом книгу, как и самого автора, забыли почти на 100 лет, и к идеям Данилевского в

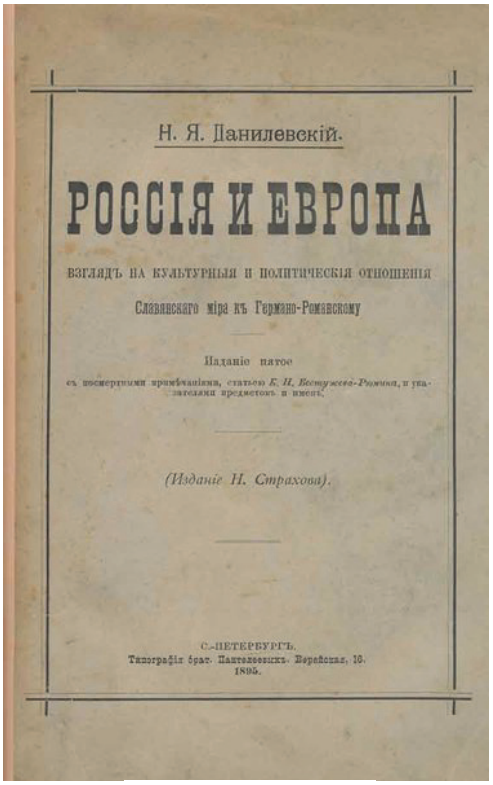
позитивном отношении не обращался ни один из социологов, историков или философов.

Лишь в 1991 году вышло шестое (и первое в XX веке) издание этой главной книги Николая Яковлевича – с предисловием и биографической статьей о нем его друга, единомышленника и издателя Н. Страхова.

И тогда, наконец–то, вспомнили *многие* в России и за её пределами о выдающемся русском естествоиспытателе, публицисте, социологе, философе Николае Яковлевиче Данилевском.

Он родился 28 ноября 1822 года в селе Оберец Ливенского уезда Орловской губернии (ныне этот населённый пункт входит в состав Измалковского района Липецкой области – А.П.), в родовом имении своей матери, Дарьи Ивановны, в девичестве – Мишиной. Отец Николая Данилевского, Яков Иванович, профессиональный военный, участник Отечественной войны и Заграничных походов русской армии, дослужился к концу карьеры до чина кавалерийского генерала. Вместе с полком отца, который часто менял место службы, начал в детстве путешествовать и Николай (может быть, тогда уже зародилась у него любовь к странствиям – А.П.).

Своё базовое образование он получал в частных пансионах, в Царскосельском лицее и на естественном факультете Петербургского университета.

Н. Я. Данилевскій.

РОССІЯ И ЕВРОПА

ВЗГЛЯДЪ НА КУЛЬТУРНЫЯ И ПОЛИТИЧЕСКІЯ ОТНОШЕНІЯ

Славянскаго міра къ Германо-Романскому

Изданіе пятое

съ посмертными примѣчаніями, статьею Н. Н. Бестужева-Рюмина, и указателями предметовъ и именъ.

(Изданіе Н. Страхова).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія брат. Пантелеевыхъ. Вересейская, 10.

1895.

Издание книги «Россия и Европа» – последнее в 19 веке

В 1844 году Данилевский защитил степень кандидата, а в 1845-ом сдал экзамен на магистра ботаники. Для магистерской диссертации Николай Яковлевич изучал флору и фауну Орловской губернии и составил ее описание. Завершить дело до конца, однако, не удалось. В 1849 году Данилевский был арестован по делу петрашевцев и 100 дней просидел в заключении. В это время исчезла куда – то рукопись «Орловской флоры», и судьба ее до сих пор не выявлена, но Николай Яковлевич остался в истории Орловского краеведения как первый исследователь флоры Орловщины.

В 40-е и 50-е годы XIX века Данилевский подолгу гостил в селе Русский Брод Ливенского уезда (ныне – Верховский район), где жила Вера Николаевна Беклемишева, урожденная Лаврова, вдова генерал – майора. В

течение нескольких лет ухаживал за нею Николай Яковлевич, успевая (попутно) при посещениях Русского Брода проводить ботанические и геологические изыскания.

В 1852 году взаимная любовь закончилась женитьбой, но счастье молодых оказалось коротким – менее чем через год Вера Николаевна умерла от холеры. Это было, как сам Данилевский говорил, самое жестокое горе в его жизни, и целый год он тяжело боролся с отчаянием, от которого Николаю Яковлевичу удалось, в конце концов, излечиться новой работой и путешествиями.

С 1853 года и до конца своей жизни он ездил в ученые экспедиции для исследования состояния рыболовства в Европейской части России – вначале в качестве статистика, а потом – начальника. Все последующие постановления и инструкции, касавшиеся российского рыболовства, были составлены Данилевским, а его огромные заслуги и на этом поприще оценили царь и правительство (Николай Яковлевич имел чин тайного советника и являлся членом совета Министерства государственных имуществ).

В промежутках между своими экспедициями (а их было более десятка, и длились некоторые по нескольку лет) Данилевский успел написать более полусотни произведений естественно-научного, политико-экономического и исторического характера. Основные из них – «Россия и Европа», «О низком курсе наших денег» и «Дарвинизм» (последнее сочинение осталось незаконченным).

Крым. Мшатка

С 1864 года Николай Яковлевич с семьей (в 1861 году он женился во второй раз, на дочери своего друга, Ольге Межаковой – А.П.) поселился на южном берегу Крыма, где им было куплено имение Мшатка (недалеко от ныне известного всем Фороса – А.П.).

Здесь тогда имелись развалины сожженного французами в Крымскую войну барского дома и огромный сад. За 20 лет жизни в имении Данилевский создал парк, в котором посадил более трехсот редких видов растений. В Крыму, в полюбившейся ему Мшатке, Данилевский и создавал главный труд своей жизни - «Россия и Европа».

Спустя короткое время Мшатка стала местом паломничества многих представителей русской интеллигенции, увлечённых идеями Николая Яковлевича. Сюда в 1885 году пешком из Симеиза пришел лично познакомиться и поклониться Данилевскому Лев Толстой, уже известный к тому времени писатель.

Умер автор «России и Европы» от сердечного приступа, во время очередной экспедиции, трёх недель не дожив до своего 63-летия, а

похоронили его в Мшатке, в окружении посаженных им кипарисов. Вот как его товарищ Страхов описал место захоронения:

«В саду... есть, недалеко от берега моря, узкая дорожка, которая как будто ведет с открытого места в глухую чащу. Но в конце этой дорожки вдруг открывается большая гладкая поляна, со всех сторон окруженная, как стеною, высокими деревьями и крутыми склонами. Поляна так ровна и ее ограда так правильна, что это место назвали кипарисным залом. Теперь оно напоминает храм: посредине его – могила, и над нею стоит крест, на который приходят молиться не одни свои, но иногда и разный простой люд, далеко вокруг Мшатки знающий о покойном и почитающий его память».

«Соль земли Русской...»

Николай Яковлевич Данилевский умер, многое из задуманного им не успев сделать, оставив после себя жену и пятерых детей – и такую книгу, как «Россия и Европа».

Уверен, сейчас ее стоит читать, перечитывать и думать, думать, думать – так ли живем?

А. А. Галактионов, автор вступительной статьи к новому изданию книги Данилевского 1995 года, отметил, что *"Все содержание книги (концепция, фактура, выводы) построены на русском материале в русском видении; такая книга могла появиться только в России...*

А вот, уважаемый читатель, только заголовки из главного труда Николая Данилевского. Глава II носит название – **«Почему Европа враждебна России?», а отдельные её части звучат так: «Россия не есть завоевательное государство», «Россия не есть гасительница света и свободы», «Либерализм России не уменьшает вражды к ней», «Невежество Европы относительно России», «Европа не признает нас своими».**

А общий вывод, который Николай Яковлевич делает, звучит в современных условиях очень актуально: ***«Европа не только нечто нам чуждое, но даже враждебное, её интересы не только не могут быть нашими интересами, но в большинстве случаев прямо им противоположны».***

А о тех же «двойных стандартах» Данилевский в своей книге написал так: ***«Откуда меряние разными мерами?».***

Николай Страхов, писатель, издатель, единомышленник и друг Николая Яковлевича, написал в своих воспоминаниях:

«По личным своим качествам Николай Яковлевич представлял высокое явление. Это был человек огромных сил, крепкий телом и душою,

и притом такой ясный, чистый, чуждый зла и малейшей фальши, что не любить его было не возможно… Он принадлежал к числу тех, кого можно назвать солью земли русской, к тем известным праведникам, которыми спасается наше Отечество».

Вряд ли, правда, публицист, социолог, философ, историк Данилевский мог предвидеть, что через 70 лет после его смерти любимый его Крым и Мшатку вместе с ним какой-то Никита Хрущёв подарит Украине, а ещё через шесть десятилетий какие-то Яценюки и Турчиновы попробуют запретить в Крыму и сам русский язык.

Могила Данилевского в Мшатке

Но, кажется, наступили тот день и час, когда Россия показала Европе, что она, в ответ на её враждебность, хочет и способна защитить свои интересы и своих сограждан.

P.S. Среди многих книг моей библиотеки есть одна, особенно дорогая. В 1997 году ее подарила мне правнучка Данилевского – Валентина Яковлевна Данильченко, ехавшая в родные места своего прадеда, в село Оберец (второе название – Покровское) и оказавшаяся в моём райцентре Покровское. Я помог ей уточнить некоторые детали местонахождения родины её прадеда, и в благодарность через пару месяцев получил по почте солидный том Санкт-Петербургского издательства «Глаголъ» – **«Россия и Европа».**

Я открыл эту книгу – и открыл заново для себя и Россию, и Европу. Николай Яковлевич Данилевский, спустя почти полторы сотни лет снова постучался в двери – я здесь, читатель!

Николай Соловцов – основатель театра в Киеве

Знаешь ли ты, читатель, кто был самой известной личностью в Киеве в конце XIX - начале XX века? Не догадываешься? Впрочем, до недавнего времени и я не знал. Оказывается, это наш земляк – актёр, режиссёр, антрепренер, драматург и переводчик Николай Соловцов.

Первым поставил пьесу Чехова

На Орловщине родилось достаточно много известных артистов, имена которых у нас постоянно на слуху. Назову лишь несколько известных служителей Мельпомены прошлого и настоящего: Пров Садовский, Гликерия Федотова, Анна Орловская, Иван Переверзев, Анастасия Георгиевская, Валерий Баринов. К перечисленным можно добавить и ещё несколько фамилий.

Однако Николая Соловцова в данном перечне нет, и вообще, эту исключительную в театральных кругах России второй половины XIX века фигуру современные орловчане как-то обошли стороной. А зря!

Простой перечень его достижений и заслуг впечатляет. К 25 годам Соловцов - известный провинциальный артист, особенно прославившийся ролями Скупого в одноименной пьесе Мольера, Несчастливцева в «Лесе» Островского, городничего в гоголевском «Ревизоре», Расплюева – в «Свадьбе Кречинского» и многими ролями в пьесах Островского. По отзывам театралов-современников - *«Судьба дала ему представительную внешность, сильный голос, мощный темперамент и проницательный ум. Как актёр, он был неподражаемо хорош даже в ничтожных ролях бытового репертуара, создавая цельный, вполне законченный тип».*

Николай Николаевич Соловцов

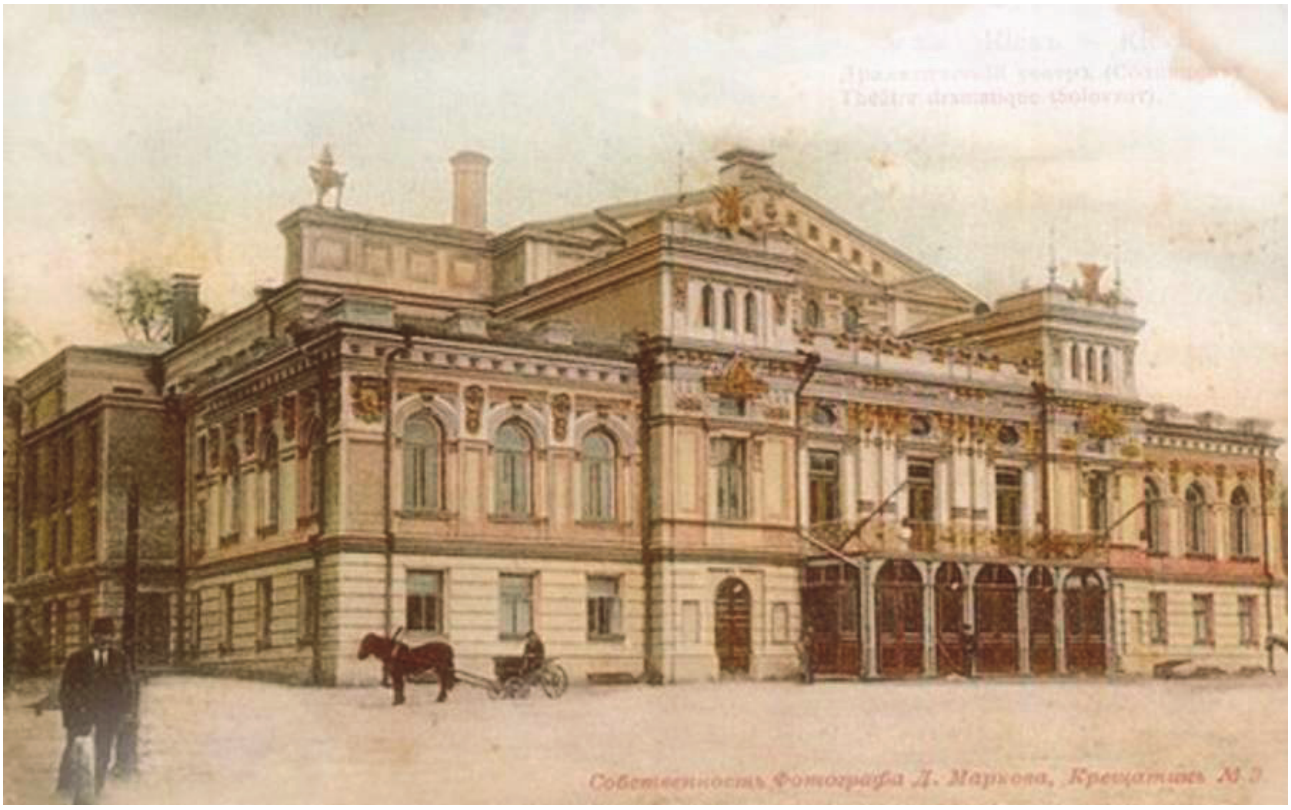
В 27 лет Соловцов – успешный режиссёр, первый, кто поставил дебютную пьесу Антона Павловича Чехова (это был «Иванов»), а позже продолжил сотрудничество и дружбу с замечательным русским писателем и драматургом, представив зрителям Москвы, Питера и провинции чеховского «Лешего», его же «Свадьбу», «Чайку», «Дядю Ваню» и «Три сестры».

Антон Павлович так высоко ценил режиссёрское искусство Соловцова, что свою пьесу-шутку «Медведь» посвятил именно ему.

В 29 лет Николай Николаевич добавляет к первым двум занятиям ещё и антрепренерство (сейчас это назвали бы продюсированием - А.П.), организуя поездки в провинциальные города постоянных театральных трупп с таким составом и репертуаром, что неудач у него практически не бывало.

«Самый богатый русский частный театр»

Популярность спектаклей соловцовских артистов была так велика, что режиссёр решился на создание в Киеве (здешние зрители особенно тепло принимали его труппу – А.П.) первого постоянно действующего театра, который начал свою жизнь 1 сентября 1891 года с блестящей постановки спектакля Гоголя «Ревизор» (в роли Городничего выступил сам Соловцов – А.П.). Произошло это знаменательное для Киева событие на Фундуклеевской улице, в старом здании театра Бергонье. Через два года антреприза Соловцова получила его имя, а в 1898 году для театра «Соловцов» на Николаевской площади было построено специальное здание (то, в котором сейчас находится театр имени Ивана Франко – А.П.).

Театр Соловцова на Николаевской площади (с открытки 1900 года)

По словам современников, *«основная черта соловцовского товарищества в Киеве проявилась сразу: оно было лишено «беспорядочного метания», «велось бойко и уверенно», «выглядело солидно и заключало в себе все элементы не только для прочного существования в течение одного сезона, но и для успешного развития в будущем». Постановочная культура театра представляла значительное художественное явление, по словам исследователя, «едва ли не чрезвычайное в условиях провинции». Постоянный актерский состав,*

тщательная подготовка спектаклей, серьезная работа режиссера с исполнителями (Соловцов первым в российских театрах отказался от суфлёров – А.П.), *лучший отечественный и зарубежный репертуар, безусловный талант и смелость Соловцова-администратора, не боявшегося огромных материальных затрат, – все это превратило антрепризу в крупнейший театр провинции и в самый богатый русский частный театр».*

Одновременно (в 1898 году), Николай Николаевич, успел создать постоянно действующий театр в Одессе (где, кроме драмы, ставились ещё и оперные постановки – А.П.) и выпускал в течение нескольких лет «Киевскую газету».

Если же в общий список его занятий добавить две им самим написанные и поставленные пьесы, а также две переведённые с польского – то остаётся удивляться – когда он всё успевал?

Кумир Киева

Для Киева Николай Николаевич Соловцов стал настоящим кумиром. Мало того, что он сам был блестящим артистом, так он сумел в свой театр привлечь таких звёзд XIX века, как И.М.Шувалов, М.М.Глебова, И.П.Киселевский, Н.П.Рощин-Инсаров, М.И.Велизарий, А.А.Пасхалова, В.И.Немирович-Данченко, А.Я.Глама-Мещерская, Л.М.Леонидов. От их действа на сцене киевляне или плакали прямо в зале, или буквально лежали от смеха, или сидели, затаив дыхание – в зависимости от жанра пьесы.

Вот что писала городская пресса тех лет: *«Киев сжился с Соловцовской драмой. Соловцов не только создал драматический театр, но и сумел слить его с обществом, придать ему большое общественное значение. Артисты Соловцовской труппы всегда были очень популярны в Киеве, а сам уважаемый Н.Н. – положительно, самый популярный человек в городе».*

Во многих своих начинаниях Соловцов был первым в Киеве (а порой и в России – А.П.). К примеру, в его театре ставились не только собственные спектакли со своими артистами, но в Киев, по приглашению Николая Николаевича, приезжали такие российские суперзвёзды тех лет, как Комиссаржевская и Савина, Южин и Дальский, Сальвини и Росси. В театре шли не только драматические произведения, но также оперные и балетные спектакли. Киевляне, благодаря Соловцову, впервые живьём увидели и услышали Фёдора Шаляпина, Леонида Собинова, Анну Павлову.

Соловцов первым систематически стал давать бесплатные спектакли для учащихся, и на его постановках воспитывались целые поколения.

Здесь можно было встретить молодых киевлян Сашу Вертинского, Мишу Булгакова, Костю Паустовского – будущих знаменитостей, получивших в популярном театре основы культуры и нравственности. Кстати, инициативу Соловцова оценили власти: по представлению учебного округа Николай Николаевич удостоился правительственных наград.

Даже появление в Киеве кино связано с именем Николая Николаевича, поскольку первые сеансы синематографа Люмьера прошли в театре Соловцова.

«Впервые выступил в Орле…»

Осенью 1901 года в Киеве с большим размахом отметили 10-летие соловцовского театра, ставшего важнейшей составляющей городской жизни. А в конце года Николай Николаевич уже ставил очередные спектакли в Одессе, во втором своём театральном детище. Там и настигла его внезапная болезнь. Врачи не смогли помочь 45-летнему Соловцову.

Вот какое сообщение появилось в губернской газете «Орловский вестник» 15 января 1902 год: *«В ночь на 12 января сего года в Одессе* (в большинстве других источников местом смерти артиста назван Киев – А.П.), *после непродолжительной, но тяжёлой болезни (тиф, осложнённый кровоизлияниями и проч.) скончался, как уже известили телеграммы, известный и выдающийся драматический артист и антрепренер киевских и одесских театров Николай Николаевич Фёдоров – по сцене Соловцов».*

Да, уважаемый читатель, Соловцов – это псевдоним, но именно под ним Россия и Киев узнали этого гения театра. Цитирую сообщение из «Орловского вестника» далее:

«Н.Н. происходил из орловских дворян, родился в 1856 году (в большинстве современных источников датой рождения Соловцова названо 3 (15) мая 1857 года – А.П.). *Образование получил в Орловской классической гимназии* (встречается информация, что обучение в ней не было закончено – А.П.).

С юных лет обнаружил большое влечение к сцене и, будучи ещё гимназистом, принимал участие в гимназических и домашних спектаклях. Среди заправских актёров впервые выступил в 1875 году, в конце зимнего сезона в Орле, в труппе Сервье. Н.Н. сыграл тогда роль Рутли в старинной оперетке-водевиле «Кетли» и небольшую роль в «Записках демона». Летом в Орле он играл в труппе Черкасова (водевильно-комедийные роли)».

Киевляне помнят, а мы?

Ну а о дальнейшей звёздной и так безжалостно рано прервавшейся карьере нашего земляка я уже рассказал.

Похоронили Николая Николаевича Соловцова в монументальном склепе на Аскольдовой могиле, в историческом центре Киева. Рядом с ним в 1919 году упокоилась и его жена, замечательная артистка Мария Глебова. К сожалению, в последующие годы кладбище и склеп были уничтожены. Но прах Соловцова и его супруги, верной сподвижницы по театру, перенесли на центральную аллею Байкова кладбища, установив общий надгробный памятник.

В 1962 году одна из улиц Печерского района Киева была названа именем Николая Соловцова, а в 2007 году киевская театральная общественность отметила 150-летие со дня его рождения.

Могила Соловцова и Глебовой на Байковом кладбище в Киеве

Что касается театра Соловцова, то после его смерти некоторое время им руководила Мария Глебова. В 1919 году театр был национализирован, а его труппа положила начало современному театру имени Леси Украинки.

Как тебе, читатель, масштаб сделанного нашим земляком? Впечатляет? Да, деятелей такого масштаба на Орловщине можно пересчитать по пальцам.

Жаль только, что имя Николая Соловцова (Фёдорова) пока не увековечено в его родном городе.

Фон Рутцен, он же – Руцын, он же – Рудин
(о герое романа Тургенева и его орловском прообразе)

Иван Сергеевич Тургенев написал только один роман, названный именем главного героя, – «Рудин». Но большинство земляков великого писателя даже не догадывается, что человек, послуживший Тургеневу прообразом этого интересного, мечущегося в поисках смысла жизни и чревычайно неудачливого персонажа, - родился в Орле, долгое время жил в Орловской губернии и был связан со многими орловцами прочными нитями дружбы и сотрудничества.

Немец с русской душой

Николай Карлович фон Рутцен – так звали этого человека с немецкой фамилией, но совершенно русской душой.

Николай Карлович Рутцен

Получив хорошее домашнее образование и закончив Орловскую мужскую гимназию, 16-летний Николай поступил в Московский Университет, на математический факультет. Учился усердно, успевая заниматься не только математикой, но и вникая в общественные проблемы России. Этому в немалой степени способствовало близкое знакомство студента Рутцена с земляком, профессором Тимофеем Грановским, у которого все годы учёбы жил Николай Карлович. Влияние известного русского историка отразилось потом на характере и идеях Рутцена.

Вскоре после окончания Московского Университета молодой кандидат потерял свою мать, и на его руках остались две молоденькие сестры, брат, о которых предстояло позаботиться материально. На доставшихся же по наследству от матери имениях в Орловской губернии лежали такие огромные и просроченные долги казне и частным лицам, которые почти равнялись стоимости имения.

Начав заниматься приведением в порядок полученного хозяйства, спустя короткое время Николай Рутцен вполне в этом преуспел, попутно успевая готовить своего брата в Университет и ездить с сестрами для их уроков и разъяснениями в Москву и в Петербург. Младшие члены

семейства, окружённые любовью и заботой старшего брата, отвечали ему безграничной привязанностью и преданностью.

Александра Карловна Рутцен (сидит)

Стал известен Николай Карлович и своей активной общественной деятельностью – на ниве образования и оказывая помощь крестьянам в земельных вопросах, во множестве появившихся после отмены крепостного права. В должности мирового посредника по Малоархангельскому уезду Рутцен сумел найти золотую середину в урегулировании взаимоотношений помещиков-землевладельцев и крестьян, получавших землю. Николай Карлович получил полный карт-бланш от орловского губернатора Н.Левашова и ни разу его не подвёл.

Столь же плодотворно работал Руцен потом на аналогичных должностях в Царстве Польском и в Курской губернии, где проживал в последние годы жизни.

Но я хочу рассказать чуть больше о той деятельности Николая Карловича, из-за которой многие современники (да и сегодняшние исследователи) считали его «прожектёром и мечтателем», между тем как...

«Изобретение Рутцена повергло меня в недоумение...»

Впрочем, слово Ивану Сергеевичу Тургеневу. Получив письмо от писательницы Марко Вовчок с известием о том, что Рутцен заказал за границей свою машину для перевозки тяжестей зимою, Тургенев ответил ей 10 июля 1859 года следующее: *«Изобретение Рутцена повергло меня в недоумение… После этого найдётся человек, который придумает машину, которая будет час нести ложку ко рту»*. Как видно, великий писатель с большим скепсисом отнёсся к инженерному проекту своего давнего знакомого.

Механика, машины были страстью Николая Карловича всю жизнь, но посвящал он им только свободное время, хотя и в эти короткие промежутки успел многое.

Рутцена занимал один проект, которому он придавал огромное общественное значение, – *"проект перевозки грузов по снегу и по льду посредством парового двигателя";* его увлекала и простота исполнения; он рассчитывал, что это доставит России неисчислимые выгоды, сделав общедоступными все лесные и другие богатства северо-восточной России, казенные и частные.

Проект этот был им вполне разработан дома и за границей и был напечатан в "Промышленном Листке" и издан отдельными брошюрами в Москве и Париже – в "Génie Industriel". Рутцен имел патент на этот способ перевозки, это была его идея-фикс почти до конца жизни.

Долгое время считалось, что проект Рутцена остался неосуществленным, но вот что до сих пор рассказывают жители деревни Костюрино, той самой, где когда-то находилось имение Рутценов (Малоархангельский район – А.П.). Историю эту передают там уже в четвёртом поколении.

«Санный паровоз» и судьба его изобретателя

Конец 1859 года. Канун Рождества Христова. Помещик сельца Костюрина Малоархангельского уезда Николай Рутцен (барин Руцын – так его зовут местные жители – А.П.) устраивает праздничные катания для своих крестьян. На замёрзшем пруду, что сооружён был помещиком несколько лет назад на ручье Белом, с раннего утра, несмотря на сильный мороз – невиданное столпотворение. Собралось взрослое и мужское население не только из Костюрина и близлежащих деревень, но и из уездного города Малоархангельска. Пришли, чтобы полюбоваться невиданным зрелищем: по льду реки будут пущены Руцыным самоходные паровые сани. Идут жаркие споры. Кое-кто недоверчиво качает головой – где это видано, чтобы сани ехали без лошади, ничего у изобретателя не выйдет.

Для испытаний на пруду очищен участок длиною около полуверсты. В самом начале ледовой трассы, у берега, стоит «санный паровоз» с одной парой передних зубчатых колес и двумя парами полозьев. К нему прицеплен поезд из двух саней. «Паровозом» управляют двое: машинист и водитель, направляющий передние полозья.

Рутцен подаёт сигнал выстрелом из ружья, и под восторженные крики публики диковинное траспортное средство сдвигается с места. Из-под зубьев передних колёс летит крошеный лёд, «санный паровоз» немного потряхивает, но он всё увереннее набирает ход. Мальчишки, сопровождая его, сначала бегут рядом, но потом быстро отстают.

Полверсты ледовая машина преодолела меньше, чем за две минуты. После остановки пришлось, правда, помучиться, чтобы развернуть «санный поезд». Тут уж все подбежавшие мужики постарались.

Николай Карлович, отправляя «ледовый паровоз» во второй рейс, сам сел в первые сани и пригласил всех желающих. Храбрых мужиков не нашлось, зато мальчишек набилось более 50 человек. Когда транспорт стартовал, визг едущих слышался за версту.

На третий рейс сели в сани уже и несколько мужиков. Пролетели, с перерывами, два часа, после чего верхний слой льда на пруду превратился в крошево, и рождественское развлечение малоархангельцев закончилось.

Вот так в сельце Костюрине 24 декабря 1859 года прошло испытания транспортное средство Николая Рутцена. Сам он на следующий день стал готовить письмо в столичные газеты и в Российскую Академию Наук, но закончить отчёт не успел. «Санный паровоз», стоявший в специально построенном для него ангаре, сгорел в результате внезапного и сильного пожара через три дня после публичного представления. Разговоров по этому поводу тогда в Малоархангельском уезде было много, но следов злоумышленников так и не нашли.

Рутцен слёг с нервным расстройством, и здоровье его после этой трагедии сильно пошатнулось. На вторую попытку создания самодвижущейся ледовой машины сил у изобретателя не осталось. Немного оправившись, он полностью переключился на общественную деятельность.

Пруд на речке Белой у деревни Костюрино
(фото с сайта Малоархангельск.ру)

Николай Карлович фон Рутцен скончался 6-го декабря 1880 года в селе Покровском Фатежского уезда Курской губернии. Земское собрание этого уезда почтило его память и заслуги, учредив стипендию имени Рутцена для лучшего воспитанника Курской Земской Учительской Школы и поместив его портрет в зале этой школы, которую он же основал и поддерживал материально до последнего времени.

По Николаю Карловичу прошла в Курской Земской Учительской школе панихида, а его вдова получила письменное соболезнование от Курского Губернского Земского собрания.

«Прожектёр и фантазёр», каким представлялся подвижник Рутцен некоторым из современников, едва ли был бы так оценён земцами-практиками.

На Орловской же земле заслуги общественного деятеля и изобретателя Николая Рутцена пока никак не отмечены.

Панорама жизни Павла Пясецкого

Одним из важнейших событий, подводивших итоги уходящего в историю XIX века, стала Всемирная выставка 1900 года, которая проходила в Париже с 15 апреля по 12 ноября. Приняла в ней участие и Россия. И не просто выступила в качестве статиста, а поразила парижскую публику и других участников своими экспозициями.

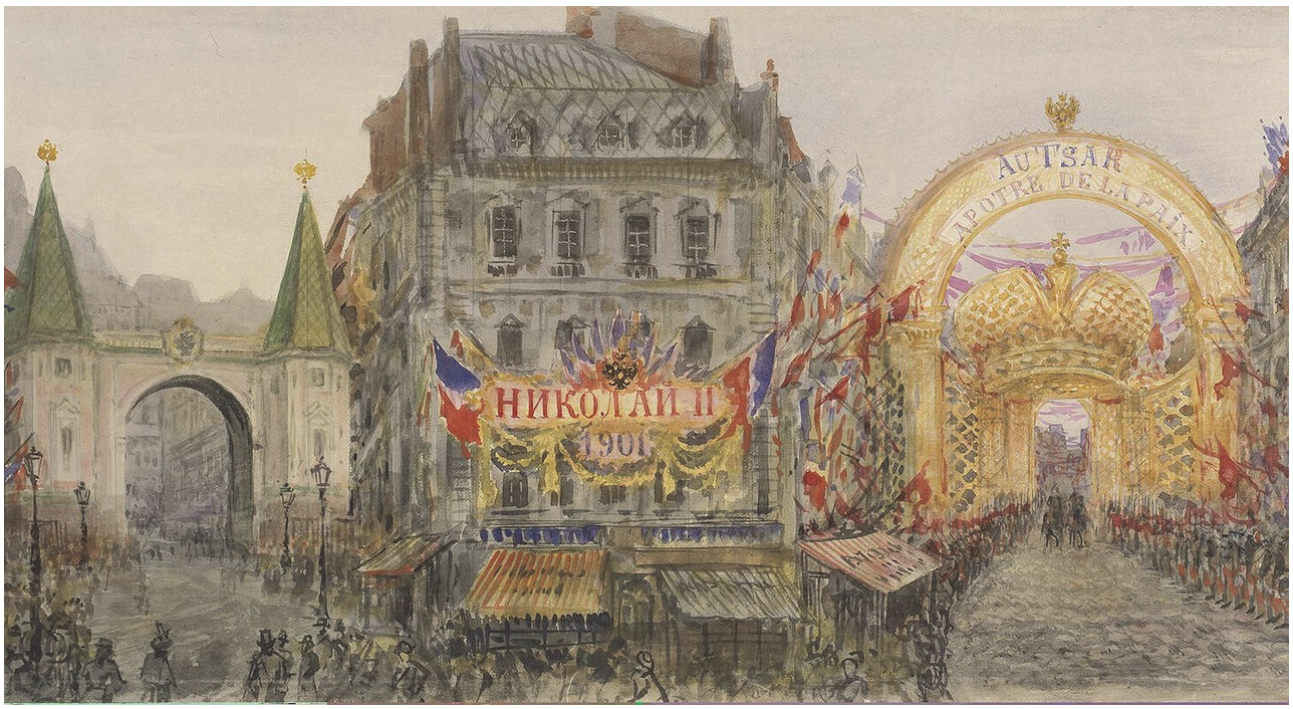
Золотая медаль и орден Почётного легиона – за картину

Вот что писала французская газета «Либертэ» по итогам грандиозного события: *«Мы находимся ещё под влиянием чувств удивления и восхищения, испытанных нами при посещении русского отдела. В течение многих лет русская промышленность и торговля приняли такое развитие, которое поражает всех тех, кто имеет возможность составить себе понятие о пути, пройденном в столь короткий срок. Развитие это до такой степени крупное, что наводит на размышление».*

В числе десятков русских промышленников, торговцев, инженеров и специалистов разных профилей свой – и очень заметный – вклад в успех России на Парижской выставке внёс и Павел Яковлевич Пясецкий, чья картина-панорама **«Великий Сибирский путь»** пользовалась у публики бешеным успехом. Это акварельное полотно длиной 1285 вершков (914 метров) было удостоено Большой Золотой медали, а самого художника наградили орденом Почетного легиона Франции (очень редкое отличие тех лет для иностранцев – А.П.). Но было – за что!

Вот как проходила демонстрация картины, для которой построили специальный павильон с тремя вагонами, включавшими в себя салон, спальные места и столовую. Посетители-«пассажиры» заходили, рассаживались по местам и просматривали панораму через окна. Специальные установки имитировали тряску вагонов и движение поезда. Двигавшаяся панорама состояла из нескольких слоёв объектов и картин. Ближайшими были песок, камни и валуны на горизонтальной полосе, перемещавшейся со скоростью 300 метров в минуту. Далее на низком экране, шедшем со скоростью 120 метров в минуту, были нарисованы кусты.

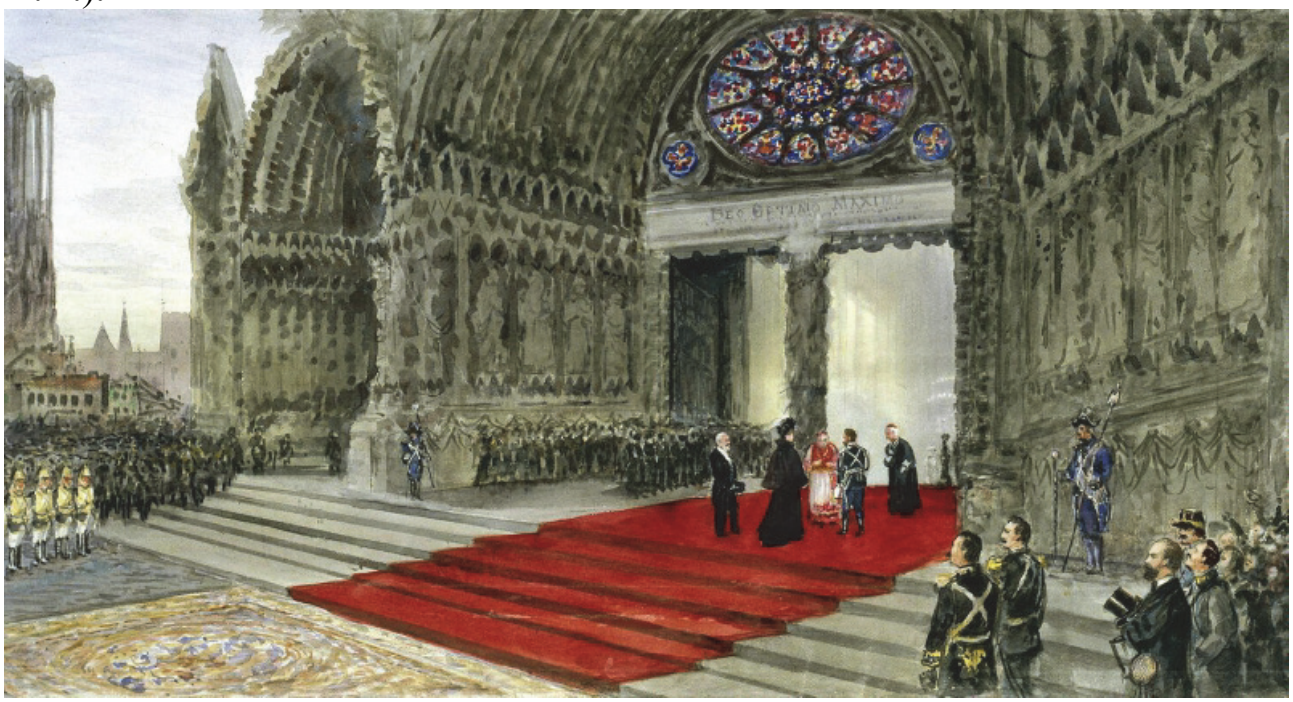
На последнем экране, размерами 7 на 105 метров, представали перед зрителями станции Петропавловск, Омск, Курган, Красноярск, Иркутск, Чита, Маньчжурия, Владивосток, таежные просторы и дикие степи, горы, строившиеся поселки, вокзалы, мосты через крупные сибирские реки Тобол, Иртыш, Обь, Енисей, сами эти могучие реки и тоннели.

Этот экран двигался со скоростью 5 метров в минуту. В итоге, с помощью четырёх экранов создавалась полная иллюзия поездки пассажиров по только что построенному Транссибу протяжённостью почти 6000 вёрст. А в конце «пути» посетители выходили в двери с обратной стороны и попадали в Китайский павильон.

Работа Павла Пясецкого над грандиозным панорамным полотном (это самая большая картина в России и до настоящего времени – А.П.) продолжалась почти 6 лет, и, в значительной мере, своему успеху художник обязан не только заказчикам-железнодорожникам, но и

личному участию в процессе императора Николая II, которому картина очень понравилась и который выделил необходимые средства для её завершения (59 тысяч рублей – очень приличная сумма для того времени – А.П.).

Так, благодаря Всемирной выставке в Париже, имя Павла Яковлевича Пясецкого стало известным не только в России, где его уже хорошо знали – и не только как художника, но, прежде всего, как доктора медицины, путешественника и писателя.

Одна из частей панорамы Павла Пясецкого

«Проявил незаурядные способности…»

А теперь – несколько слов о биографии нашего земляка. Да, автор «Великого Сибирского пути» родился в Орле 26 октября 1843 года в семье чиновника Орловской казённой палаты Якова Игнатьевича Пясецкого и его супруги Марьи Степановны. Учился Павел, как и его братья Игнат и Николай, в Орловской губернской гимназии. Учился, прямо скажем, «средне». В 6 классе, к примеру, его годовой оценкой по математике была «двойка». И даже по географии будущий известный любитель путешествий имел только «удовлетворительно». Но очень хорошие результаты были у Павла по рисованию, черчению, Закону Божьему.

В 1861 году Павел Пясецкий окончил гимназию и поступил на медицинский факультет Московского университета. В студенческие годы его страсть к рисованию позволила лучше изучить отдельные предметы. Пясецкий выполнил для себя, а потом подарил университету несколько сот рисунков по анатомии, гистологии, судебной медицине, акушерству, хирургии.

По окончании университета в 1866 году Павел Яковлевич некоторое время работал на кафедре анатомии, а потом поступил ординатором в московскую Екатерининскую больницу «для чернорабочих». Врачебную практику Пясецкий сочетал с большой исследовательской работой,

результатом которой стала публикация 18 научных работ. Особенный интерес коллег-врачей вызвала работа о пересадке кожи как способе лечения язв. Разработанная Павлом Яковлевичем операция получила впоследствии известность как «метод Пясецкого».

В 1871 году он получил степень «доктора медицины» за диссертацию по теме «О возрождении эпителия». Казалось бы, двигайся по медицинскому пути и дальше. Но Павлу Яковлевичу только врачевания оказалось мало. Страсть к рисованию заставила его переехать в Санкт-Петербург и поступить вольнослушателем в Академию Художеств. За полтора года занятий под руководством известного художника П.П. Чистякова он «проявил незаурядные способности».

И вдруг ему последовало предложение, от которого Павел Яковлевич не мог отказаться: принять участие в «учёно-торговой экспедиции» в Китай в качестве врача и натуралиста. Возглавлял экспедицию полковник русского Генштаба Юрий Сосновский. Так начался для нашего земляка новый этап в жизни, который сделал его художником и писателем.

Китай, Балканы, Дальний Восток – и далее по списку…

Итогом двухлетнего путешествия Пясецкого в Китай стали приобретённый богатейший опыт врачевания и привезённые им около трёх тысяч этнографических экспонатов и более двухсот путевых рисунков. Они послужили основой для издания в 1880 году двухтомного сочинения **«Путешествие по Китаю в 1874-1875 годах»** и написания первой из его картин-панорам – **«От середины Китая до Западной Сибири»** (в 72 метра длиной).

Двухтомник «Путешествие по Китаю» имел большой успех и вызвал шквал рецензий, авторы которых отдавали дань художественному мастерству Пясецкого и красочности его изложения. Русское Императорское географическое общество наградило Павла Яковлевича большой золотой медалью и приняло его в свои действительные члены. Книгу вскоре переиздали в России, а потом появились её переводы на французский, английский и немецкий языки.

Во время русско-турецкой войны 1877–1878 годов Пясецкий работал в качестве военного врача в Шипкинском отряде. Здесь он подхватил тиф, умирая от которого, написал воспоминания **«Два месяца в Габрове»**, опубликованные в журнале «Вестник Европы» в 1878 году (№№ 9-10) и вызвавшие большой общественный резонанс. Пясецкому повезло – он выздоровел и продолжил свою интересную для публики жизнь путешественника и художника.

Во время русско-турецкой войны Павел Яковлевич вылечил тяжело раненного участника перехода через Балканы, офицера для особых поручений при штабе армии, А.Н.Куропаткина. Почти ровесники, они крепко подружились, и с тех пор, по мере роста Куропаткина в чинах и должностях (он в начале XX века стал военным министром России, а потом – главнокомандующим Русской армией на Дальнем Востоке - А.П.), Пясецкий сопровождал его во многих поездках. А результатом таких путешествий становились новые грандиозные полотна художника. Всего их – 11 (по другим источникам – 9). К сожалению, судьба многих из них неизвестна.

Но "Великий Сибирский путь" П.Я. Пясецкого сохранился до настоящего времени, он находится в Эрмитаже. Впечатляющая своим размахом, отмеченная высоким мастерством, панорама в целом дает возможность видеть, как выглядела Сибирь более века назад. После Всемирной выставки в Париже картина была передана в Русский музей императора Александра III, а затем перешла в запасники Эрмитажа. В 2004 году РЖД и Эрмитаж договорились о начале реставрации картины, законченной в 2008 году.

В 2015 году вниманию русской и зарубежной публики на выставке в Эрмитаже «Культура и искусство Ирана» была предложена ещё одна восстановленная большая картина Павла Пясецкого – «Панорама Персии» (59,6 метра), а по итогам выставки выпущена книга.

Два Пясецких. Путать не рекомендуется…

Точная дата смерти действительного статского советника, доктора медицины, путешественника, писателя, выдающегося художника Павла Яковлевича Пясецкого неизвестна. Начало 1919 года, Петербург – это всё.

Земляки-орловчане часто путают его с другим Пясецким – Гавриилом Михайловичем, краеведом, преподавателем Орловской духовной семинарии. Путаница дошла в своё время до того, что у здания бывшей Орловской губернской гимназии был установлен бюст не её выпускника Павла Пясецкого, а не имевшего к гимназии никакого отношения Гавриила Пясецкого. Когда 5 августа 2005 года «Орловская правда» опубликовала очерк томского писателя Валерия Привалихина «Герой его картины – Великий сибирский путь», посвящённый Павлу Пясецкому, то на фотографии снова был Гавриил.

В Орле имя Гавриила Пясецкого носит с недавнего времени школа № 11, но существующая в Железнодорожном районе улица Пясецкого названа в честь героя этого очерка – Павла Яковлевича.

Бюст Гавриила Пясецкого у здания исторического факультета ОГУ

И в заключение – небольшой отрывок из книги П.Я. Пясецкого «Путешествие по Китаю в 1874-1875 годах», посвящённый оценке чая, который, как напиток, Павел Яковлевич не уважал:

«Если даже мы допустим, как факт, не подлежащий сомнению, что теин, принимаемый в чайном настое, возбуждает умственные способности и помогает пищеварению, если допустить также, что наш народ очень нуждается в возбуждении умственных способностей и в содействии пищеварению посредством теина, то и тогда, говорю, громадное большинство потребителей чая, лишенное этого возбудителя ума и деятельности желудка, ничего не потеряет, потому что первое действие можно легко заменить другими, гораздо более действенными средствами, не говоря уже об «образовательном теине»; во втором же отношении, мне кажется, лучше человеку доставлять себе то, что может служить здоровой и питательной пищей, чем сначала портить себе желудок разною дрянью и потом поправлять свое расстроенное пищеварение. А как напиток, неужели наш сбитень, хороший квас и брага хуже плохого чая?!»

Впрочем, соглашаться ли с земляком – каждый читатель решит сам…

А теперь – портрет Павла Яковлевича (но не Гавриила Михайловича) Пясецкого.

Пясецкий Павел Яковлевич

Как орловчанин сокровища Зимнего дворца спас

О штурме Зимнего дворца 25 октября 1917 года в нашей стране слышали все: кто-то больше, кто-то – меньше. В советские годы это событие подробно было отражено в учебниках, в документальных и художественных фильмах.

Из Грузии – в Орёл

Но мало кто на Орловщине знает, что во время тех переломных для нашей истории событий в Зимнем дворце хранилось огромное количество бесценных сокровищ Российской империи. И, уверен почти стопроцентно, никому из орловчан ничего не известно о человеке, который спас все эти сокровища от разграбления. А между тем, им был уроженец Орла, да ещё и князь грузинского происхождения - Иван Ратиев.

Да, уважаемый читатель, такие вот выкрутасы судьбы. Теперь - подробности. Начну с находки, сделанной мною в Государственном архиве Орловской области. В «Книге записи брачных обысков Успенской (Михаило-Архангельской) церкви города Орла за 1864-1872 годы» (ГАОО, ф.101, оп.1, ед.хр.3429), обнаружил я на листе 81 запись о том, что 29 июня 1866 года в этом храме венчались: *«Жених, артиллерии поручик Дмитрий Иосифов князь Ратиев, 25 лет, и невеста – дочь орловского помещика Михаила Ивановича Маслова, Ольга Михайлова Маслова, 17 лет».*

Каким ветром грузинского князя занесло в Орёл? Для этого придётся вспомнить некоторые события российской и не только истории. 24 июля (4 августа – по новому стилю – А.П.) 1783 года в северокавказской крепости Георгиевск (ныне - город в Ставропольском крае) от имени царя Грузии Ираклия II был подписан исторический "Георгиевский трактат" - договор о покровительстве и верховной власти Российской империи с объединённым грузинским царством Картли-Кахети (иначе - Картлийско-Кахетинским царством, Восточная Грузия – А.П.). С тех пор православная Грузия была защищена от её воинственных соседей – Турции и Персии.

Договор уравнивал в правах грузинских и русских дворян, духовенство и купечество. Грузинские дворяне, в частности, могли теперь получать образование в российских учебных заведениях и служить в Российской императорской армии.

Вот так в середине 60-х годов XIX века оказался в Орле артиллерии поручик Дмитрий Ратиев (грузинскую фамилию Ратишвили он писал уже с русским окончанием – А.П.). Его 36-я пехотная дивизия была расквартирована в губернии, и Дмитрий ничем не отличался от своих друзей-офицеров: так же посещал балы и приёмы, организуемые

местными помещиками, и ухаживал за красивыми помещичьими дочками. Одна из них, Ольга Маслова, стала его судьбой.

17 июля 1868 года у молодых супругов родился в Орле первенец: Иван Дмитриевич Ратиев – потомок грузинских князей, - это и есть главный герой моего повествования.

Любитель изящных искусств и полицмейстер

Он, как и отец, выбрал для себя военную карьеру: закончил вначале Орловский кадетский корпус, а затем – Николаевское кавалерийское училище. В 1890 году Иван Ратиев поступил на службу в 44-й Нижегородский драгунский полк, расквартированный на родине предков, - в Грузии. Полтора десятилетия благополучно и дисциплинированно служил, продвигаясь в чинах. В 1893 году Иван Дмитриевич женился на светлейшей княжне Екатерине Грузинской, правнучке грузинского царя Ираклия II и фрейлине российской императрицы Александры Фёдоровны.

Иван Дмитриевич Ратиев, князь

Княжна Екатерина Грузинская

Военная карьера Ратиева прервалась из-за травмы, полученной во время скачек в Тбилиси. 18 марта 1907 года князь был уволен от службы, в чине подполковника и с пенсией. Просто так сидеть в отставке он не мог, кроме скачек, у Ивана Дмитриевича были и другие любимые занятия.

Иван Дмитриевич Ратиев с семьёй

В Академии изящных искусств в Париже князь прослушал курс лекций, а после своего возвращения из Франции в Россию поступил на службу в Министерство императорского двора: 24 октября 1913 года отставной подполковник князь Ратиев был назначен на должность исправляющего обязанности полицеймейстера Императорского Зимнего Дворца.

Спустя три года, 6 декабря 1916 года, за отличие по службе, он был произведён в полковники, с утверждением в занимаемой должности, а 14 августа 1917 года Иван Дмитриевич стал помощником начальника Петроградского дворцового управления. В этой должности князь Ратиев и встретил Октябрьскую революцию.

«Посланник вечности»

Вот что рассказала о нём тбилисская газета «Заря Востока» в номере от 24 октября 1957 года. Цитирую:

«В 1917 году И.Д. Ратишвили (газета грузинская, и фамилию князя журналист написал именно так – А.П.) *занимал пост помощника начальника дворцового управления Зимнего дворца. 25 октября, когда все руководители министерства двора в панике бежали, он единственный своего поста не бросил, понимая, что надо сохранить для народа, для потомства огромные ценности, сосредоточенные во дворце. Под его руководством гренадеры охраны снесли все наиболее ценное в сейфы подвального помещения. У сокровищницы, о местонахождении которой во дворце мало кому было известно, и где хранились, среди прочего, атрибуты царской власти - скипетр со знаменитым бриллиантом Орлова в 185 карат, императорские корона и держава, он поставил для охраны своего 16-летнего сына и двоих самых надежных гренадеров. Когда во дворец ворвались штурмующие отряды, Иван Дмитриевич*

установил контакт с Антоновым-Овсеенко. Солдаты и матросы с удивлением посматривали на статного полковника, осмелившегося здесь остаться, свободно ориентировавшегося в бесконечных залах и коридорах. Участники штурма и гренадеры рассказали о благородных и патриотических действиях полковника...".

Первый народный комиссар просвещения в советском правительстве, Анатолий Луначарский, своим распоряжением от 4 ноября 1917 г. № 2488 выразил *«…искреннюю благодарность помощнику начальника дворцового управления князю И.Д. Ратиеву за самоотверженную защиту и охранение народных сокровищ Зимнего дворца в ночь с 25 на 26 октября 1917 года»* и возложил на него внутреннюю охрану Зимнего дворца, дав ему полномочия *«главного коменданта Зимнего дворца и всех государственных дворцов и музеев Петроградского района».* Полный текст распоряжения Луначарского был опубликован на страницах газеты «Известия» 5 ноября 1917 года.

После этих событий Ратиев получил личную благодарность от В.И. Ленина, который при встрече с главным комендантом Зимнего Дворца называл его «Товарищ князь». При переезде первого советского правительства в Москву именно Ивану Дмитриевичу распоряжением В.И. Ленина было поручено руководить транспортировкой и охраной «Золотого эшелона». Было непросто. Князя шантажировали и требовали по пути остановиться и «сдать» поезд. В Твери эшелон обстреляли, но Ратиев задание выполнил.

Спустя некоторое время бывший князь вышел в отставку с государственный службы и в течение нескольких лет работал переводчиком в различных организациях Москвы. В марте 1924 года Иван Ратиев, его дочь Ольга и сестра Софья были арестованы по обвинению в принадлежности к «контрреволюционной монархической организации». Первоначально бывший комендант Зимнего Дворца был приговорен к пяти годам ГУЛАГа, затем наказание заменили тремя годами ссылки в Екатеринбург.

Благодаря обращению к властям его сына и участию самого Ратиева в сохранении сокровищ в 1917 году, бывший комендант Зимнего был освобожден. В 1931 году он переехал в Тбилиси, где получал персональную пенсию за «государственные услуги» и скончался в апреле 1958 года, трёх месяцев не дожив до своего 90-летия.

История спасения сокровищ Зимнего дворца в нескольких вариантах была обыграна в кино, наиболее полно - в художественном фильме 1971 года «Посланники вечности», где роль Дмитрия Оленского (прототип Ивана Ратиева) сыграл замечательный артист Иван Лапиков.

Если кто-то из читателей бывал на экскурсии в Оружейной Палате Кремля и посещал на первом этаже её Алмазный фонд, то наверняка увидел Императорский скипетр – одну из главных регалий монархов Российской империи. Этот ценнейший экспонат, увенчанный бриллиантом «Орлов», как и сотни других сокровищ, был спасён в 1917 году орловчанином Иваном Ратиевым. Будем гордиться и помнить имя ещё одного замечательного нашего земляка!

Две тайны академика Христиановича

«Вчера умер гений…» – именно так начинался один из некрологов, опубликованный в конце апреля 2000 года и посвящённый этому выдающемуся советскому и русскому учёному.

Академик С.А. Христианович

Выдающийся учёный-механик современности

Трудно перечислить все его достижения, но мы всё-таки попробуем назвать хотя бы некоторые:

– создание сверхзвуковой авиации Советского Союза и России базируется на комплексе его фундаментальных работ по аэродинамике, разработанных и опубликованных в то время, когда он был научным руководителем Центрального Аэродинамического института (ЦАГИ);

– создание Московского физико-технического института, учебного заведения нового типа, идея которого принадлежит ему;

– создание Сибирского отделения Академии наук СССР – комплексного научного центра, сочетающего науку, производство и подготовку кадров (а он был одним из авторов создания Центра и его первым вице-президентом);

– разработка теории фильтрации, позволяющей существенно повысить эффективность использования залежей нефти;

– разработка теории горных выбросов, позволившая при её использовании спасти жизни тысяч горняков;

– разработка теории развития облака ядерного взрыва, приведшая к созданию теории «ядерной зимы»;

– создание ряда фундаментальных работ в области механики жидкости и газа;

– решение многих практических задач в интересах авиации, ракетной техники, военно-морского флота и других отраслей науки и техники.

Даже из этого неполного перечня видно, как широк был круг интересов Сергея Алексеевича Христиановича – Учёного милостью Божией.

Сергей Алексеевич Христианович

Взлёт его научной карьеры потрясает воображение: доктор физико-математических и доктор технических наук в 30 лет (одновременно защитил две докторские диссертации, что и до сих пор является непревзойдённым рекордом), член-корреспондент Академии Наук СССР в 31 год, руководитель ЦАГИ – в 32 (в этот институт, отвечавший за развитие авиапромышленности в стране, его назначил лично Сталин); действительный член АН (академик) – в 35, академик-секретарь отделения технических наук АН СССР – в 45 лет.

Кроме основной работы, Сергей Алексеевич успевал вести и важные параллельные исследования. Так, осенью 1941 года (шла война) им и его коллегами была выполнена работа, внесшая большой вклад в Победу,- решена проблема увеличения кучности стрельбы «Катюш». Он же разработал форму советской атомной бомбы и теорию её безопасного сброса. Велика заслуга Христиановича и в разработке аэродинамических свойств зенитной управляемой ракеты «С-25», той самой, которой сбили американского шпиона Пауэрса.

И, пожалуй, достаточно о вкладе в науку этого выдающегося Механика современности, чьи работы широко используются во многих отраслях современного производства. Для тех, кто хочет узнать больше,

отсылаю к многочисленным интернетским материалам, посвящённым ему.

Я же хочу поговорить о детстве и юности Героя Социалистического Труда, кавалера шести орденов Ленина и лауреата трёх Сталинских премий Сергея Алексеевича Христиановича.

Орловские корни Христиановича

Как ни удивительно, этот выдающийся учёный имеет самое непосредственное отношение к Орловщине, хотя Христианович, казалось бы, совсем не орловская и даже не очень русская фамилия, но… В «Памятных книжках Орловской губернии» за первое десятилетие XX века она встречается достаточно часто. К примеру, командиром 6-й батареи базировавшейся в Орле 36-й артиллерийской бригады назван Александр Иванович Христианович, а секретарём отделения Государственного банка являлся Александр Сергеевич Христианович. Были ли они какими-то родственниками нашего героя – сказать не могу.

А вот о его родном деде, Николае Филипповиче, оставил нам воспоминания известный орловский литератор Леонид Егорович Оболенский («Исторический вестник», 1902, № 2):

«С А.А. Фетом я встретился в 1877 году в Орле… куда, чаще всего, он приезжал, чтобы пофилософствовать и послушать игру на фортепьяно ***выдающегося музыканта Николая Филипповича Христиановича,*** *бывшего в то время товарищем председателя окружного суда. Христианович был не только выдающийся пианист, но и автор очень изящных статей о Шопене, Шуберте, Шумане…статей страстного музыканта и в то же время замечательного юриста… Это были его любимые композиторы. Так вот, к этому Христиановичу и любил изредка приезжать Фет».*

В дополнение к воспоминаниям Оболенского можно сказать, что Николай Филиппович закончил в 1848 году в Петербурге Училище правоведения, в 1856 году учился в Лейпцигской консерватории, а потом работал в судах Орла и Полтавы. Такой вот был у Сергея Алексеевича неординарный дед, скончавшийся в 1890 году.

Что касается отца учёного, Алексея Николаевича Христиановича, то он тоже по образованию был юрист. Однако, кроме основной работы, Алексей Николаевич успевал заниматься активной общественной деятельностью: был гласным Орловского уездного земства, почётным мировым судьёй 5-го участка Орловского уезда, членом уездной землеустроительной комиссии и заведующим Талызинским военно-конским участком.

18 февраля 1905 года А.Н. Христианович женился на Александре Николаевне Высоцкой. Поселились молодые в собственном имении в сельце Юшино, находившемся в 8 верстах от станции Нарышкино.

Алексей Николаевич оказался не только хорошим правоведом и общественным деятелем, но и замечательным хозяином. 700 десятин его земли были засеяны зерновыми и техническими культурами (коноплёй), на 32 двух десятинах он разбил регулярный парк и развёл огород, а 18 десятин отдал под садовые культуры (в основном, разнообразные сорта яблонь). Имелся у Христиановича и рассадник породистого рогатого скота. А вот наёмных рабочих в этом большом хозяйстве трудилось немного – всего 8 человек.

Всё это образцовое хозяйство после Октября 1917 года местными органами Советской власти вначале было принято на учёт, а позже полностью национализировано.

Тайны академика

Сергей Христианович в детстве

Вот в этом замечательном имении и жил с момента своего рождения дворянский сын и будущий знаменитый академик, Герой Социалистического Труда, Сергей Христианович. В их небольшой семье, кроме него, была ещё старшая сестра – Ксения. От того времени чудом сохранилась одна фотография, на которой сняты мама, Александра Николаевна Христианович, бонна-учительница (обучавшая детей французскому и немецкому языку) и дети: Сергей, Ксения и её подруга (смотри фото, читатель).

То, что произошло с семейством Христиановичей после Октябрьской революции, Сергей Алексеевич описывал несколько раз в своих

воспоминаниях и интервью: *«Родители переехали в Орёл, и мы там прожили до прихода белой армии Деникина. Армия Деникина была в Орле всего полтора месяца, потом её погнали, с Деникиным было покончено через несколько месяцев. Мои родители бежали из Орла. Мы очутились в Ростове-на-Дону, и там и отец, и мать, и моя старшая сестра заболели сыпным тифом. Как раз к моменту прихода Красной Армии они умерли, и остался я там один…».*

Несколько месяцев Сергей Христианович беспризорничал и, вполне возможно, кончил бы плохо, если бы не помощь родной тётки по матери, М.Н. Бек, и хорошего знакомого родителей, профессора Д.И. Илловайского, которые не только спасли его от голода, но и предоставили возможность учиться. Вот так тогда и началась карьера будущего учёного.

Академики Троян и Христианович во время обсуждения очередной научной проблемы

А теперь, собственно, о тайнах.

Во всех документах учёного, включая паспорт, автобиографии и воспоминания значится, что Сергей Алексеевич Христианович родился 27 ноября 1908 года в Ленинграде (Санкт-Петербурге). Но, оказывается, это совсем не так.

Работая с метрическими книгами Михаило-Архангельской церкви села Архангельское (на Сычах) Орловского уезда, я несколько раз натолкнулся на фамилию Алексея Николаевича и Александры Николаевны Христианович, помещиков сельца Юшино (этот населённый пункт входил в приход Архангельской церкви - А. П.) Одну из записей метрической книги за 1908 год (ГАОО, ф.101, опись 2, ед.хр. 4538, стр.31) я процитирую: *«14 сентября 1908 года родилась, 25 сентября крещена Ксения. Родители – помещик сельца Юшина, отставной коллежский асессор, потомственный дворянин Алексей Николаевич Христианович и законная жена его, Александра Николаевна, оба – православные. Восприемники – сенатор, член Государственного Совета, Александр Алексеевич Нарышкин и вдова действительного статского советника Елизавета Николаевна Христианович».*

Судя по этой записи, в 1908 году родился вовсе не Сергей Алексеевич Христианович, а его старшая сестра Ксения Алексеевна, причём – у нас, в Юшино (ныне – посёлок Совхозный Урицкого района, хотя все местные жители и по сию пору называют его по старинке – А.П.), а не в Санкт-Петербурге. Получается, что сообщая в официальных учреждениях (школе и потом в институте) дату своего появления на свет, Сергей Христианович называл год рождения сестры, но никак не свой (во времена беспризорничества документов у Сергея Христиановича, конечно же, не было, и он их восстанавливал). Почему был назван им год рождения сестры? Версия одна – хотел казаться старше. А вот день своего появления на свет он, наверняка, сказал правильно.

К моему глубокому сожалению, даты рождения Сергея Алексеевича Христиановича в метрических книгах Архангельской церкви за последующие годы (1909 и 1910) мне обнаружить не удалось, и, возможно, он родился действительно в Санкт-Петербурге. Но когда, в 1909 или даже позже? Если судить по фотографии, где сестра Ксения намного выше Сергея, то разница в возрасте у них могла составлять два и даже более лет. Это пока загадка, требующая поисков в других архивах, петербургских.

Да, и одно дополнение по этой записи. Очевидно, что известный политический деятель не только Орловщины, но и России, действительный тайный советник, сенатор Алексей Александрович Нарышкин, и Алексей Николаевич Христианович были друзьями, потому что в крёстные отцы посторонних людей не зовут.

А теперь о второй тайне. Сергей Алексееевич Христианович писал, что все его близкие: отец, мать, сестра умерли в 1920 году в Ростове-на-Дону от тифа.

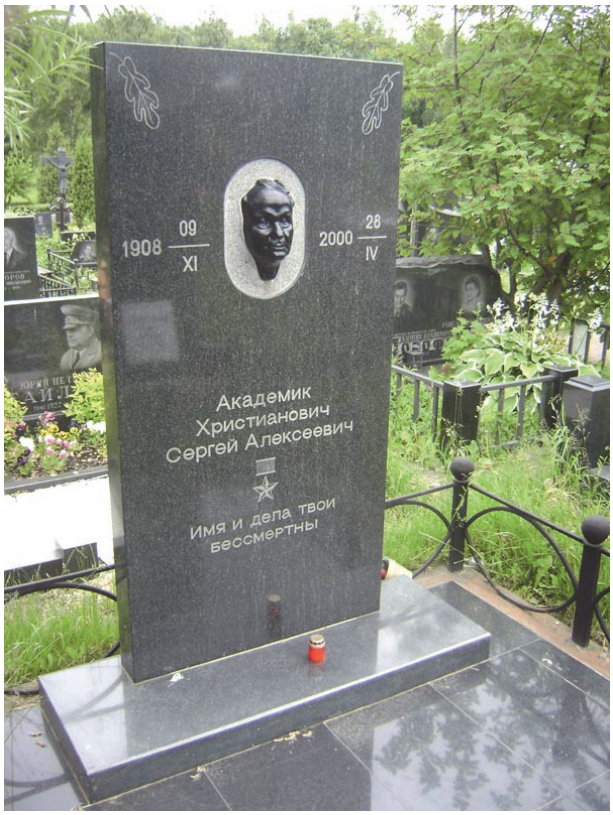
Но в «Книге Памяти» жертв репрессий по Орловской области значится ***Христианович Алексей Николаевич,*** 1870 года рождения, юрисконсульт, арестованный в 1919 году и приговорённый к содержанию в концлагерях до окончания Гражданской войны. Совпадение по имени и профессии – полное, но как мог, в таком случае отец оказаться вместе с семьёй в Ростове? Или его выпустили перед приходом Деникина? А может, Сергей Алексеевич чего-то не знал или не договаривал об этом факте своей биографии?

В любом случае, это необходимо проверить – и, конечно же, через архивы ФСБ. А пока обе загадки – о настоящей дате рождения Сергея Алексеевича Христиановича и о судьбе его отца – остаются неразгаданными.

Наверное, необходимо для разгадки этих тайн использовать одну из любимых поговорок самого САХ (так звали его друзья): *«Чтобы добиться результата, надо настроиться на него».* Что ж, обязательно попробуем настроиться.

Мемориальная доска на Институте теоретической и прикладной механики им. С.А. Христиановича СО РАН

Могила С.А.Христиановича на Троекуровском кладбище Москвы.

Глава шестая.
Такая разная жизнь

Братья Масловы – лакеи трёх императоров

Для начала, уважаемый читатель, я напомню тебе слово, которое ты, почти наверняка, встречал в произведениях русских писателей XVIII-XIX века, и которое в настоящее время приобрело нарицательно-отрицательный смысл. **«Лакей»** - это слуга в господском доме (включая императорские дворцы), трактире, гостинице или любом другом публичном заведении старой России. А вот **«камер-лакей»** прислуживает непосредственно в комнатах царя или царицы.

О представителях этой, достаточно небольшой, группы населения старой России мне писать, пока, не доводилось.

Максим Маслов: из лакеев – в поручики

Но всё когда-то случается впервые, тем более, что имена лакеев Масловых были известны трём российским императрицам и императорам, а одного из них знал даже самозванец Емельян Пугачёв. А совсем недавно, изучая «Ревизские сказки помещичьих крестьян и дворовых людей Орловского уезда за 1782 год» (ГАОО, ф.760, ед.хр.697), я выяснил, что прислуживавшие при императорском дворе Масловы – родные братья, а вовсе не однофамильцы, как писали все исследователи исторических событий эпохи дворцовых переворотов. Впрочем, об этом чуть позже. А пока перейду непосредственно к сути.

9 сентября 1743 года Максим Маслов, сын солдата лейб-гвардии Измайловского полка Венедикта Маслова, именным указом императрицы Елизаветы Петровны был определён лакеем двора Ее Императорского Величества. Должность ответственная, требования к ней предъявлялись жёсткие, и потому уже 11 сентября того же года Максим Маслов был приведен к присяге придворным священником Матвеем Андреевым.

Состоял новый лакей при Комнате Его Императорского Высочества Великого князя Петра Федоровича. Служил на совесть, исправно и запомнился наследнику престола. В Придворном архиве (он находится в Российском Государственном архиве древних актов) сохранились записи, что Максим Маслов не только отпускался «для ево нужд» в орловскую деревню (с 16 января 1751 по 15 января 1752 года и с 16 июня 1755 по 1 января 1756 года), но Великий князь ежегодно жаловал ему 10 рублей на именины, приходившиеся на 21 января. Этой чести удостаивался от Петра Фёдоровича не всякий его слуга.

Последний раз Максим Маслов получил свой «законный» десятирублевый подарок в качестве лакея наследника престола 23 января 1759 года. В том же году указом императрицы Елизаветы Петровны Маслова перевели в армию поручиком (лакея – в офицеры, минуя, к тому же, звание прапорщика – это, конечно, круто! – А.П.).

Однако Великий князь не забыл о своём верном слуге, и 26 июня 1759 года Пётр Фёдорович распорядился *«пожаловать поручика Максима Маслова в подмосковные свои вотчины к смотрению «либерецких каменного и деревянного дворцов»* с жалованьем по 150 рублей в год (считая днем назначения 3 июня 1759 года) под команду коллежского ассесора Степана Федоровича Ушакова – управляющего люберецкими вотчинами великого князя.

Алексей Маслов: «Служил исправно…»

А теперь перейду к другому Маслову, первое упоминание о котором в документах Придворного архива появилось в конце марта 1758 года: *«Марта 29. Комнатному истопнику Алексею Маслову, имяниных денег, которой был имяниник сего марта 17 числа, выдано денег пять рублев».* Чуть ниже подпись: *«Оной пять рублев Алексей Маслов принял и росписался».*

1 сентября 1759 года из комнатных истопников Алексея Маслова произвели в голштинские камер-лакеи с годовым жалованьем в 60 рублей. То есть, он стал ближайшим слугой Великого князя Петра Фёдоровича при так называемом «малом дворе» (двор именовался ещё и «голштинским», поскольку родиной будущего императора было немецкое герцогство Гольштейн – А.П.). Получив повышение, Алексей тут же проявил завидную предприимчивость, продав свой лакейский (ставший не нужным) мундир за приличную сумму в 20 рублей.

То, что служил Великому князю новый камер-лакей «исправно», видно из повышения жалованья ему, зафиксированного в расчётных документах: за два года, с 1760 по 1762, оно выросло с 60 до 100 рублей.

Но получением жалованья жизнедеятельность Алексея Маслова в документах РГАДА не ограничивается. В одном из прелюбопытнейших дел («Тетради записной нанимаемым лошадям, на которых отправляются музыканты и голштинския полковыя и протчия служители во Ораниембом и обратно из Ранибома») с мая 1759 по февраль 1762 года зафиксированы пять его поездок за казенный счет.

Зачем сюда ездил камер-лакей? Конечно, по делам своего господина, Великого князя Петра Фёдоровича, который почти 20 лет провёл в Ораниенбауме, любимой резиденции на южном берегу Финского залива, в 40 верстах к западу от Санкт-Петербурга. В своё время император Пётр I

подарил здешние земли князю Александру Меншикову, выстроившему на них роскошный Большой (Меншиковский) дворец.

Камер-лакей Алексей Маслов, по всей видимости, стал наиболее близок Великому князю Петру Фёдоровичу, продолжая служить ему верой и правдой уже как Императору Российскому. Произошло это после смерти 25 декабря 1761 года царицы Елизаветы Петровны.

Верный до конца…

На российском престоле оказался тогда один из самых непопулярных правителей, который за два десятилетия, проведённых в России, никогда не делал попыток лучше узнать страну, её народ и историю. Пётр III пренебрегал русскими обычаями, вёл себя неподобающим образом во время церковной службы, не соблюдал посты и другие обряды. Новый император вызвал большое возмущение военных, поскольку немедленно заключил мир с Пруссией, войска которой были разгромлены русской армией, занявшей территорию Восточной Пруссии и даже вступившей в Берлин.

Те из читателей, кто смотрел несколько лет тому назад телевизионный сериал «Екатерина», могли получить представление о том, каким он был человеком и правителем. И потому императрице не стоило особого труда убедить своих приближённых и гвардию в том, что следует отстранить собственного мужа от управления страной.

В мае 1762 года двор во главе с императором по обыкновению выехал в Ораниенбаум. Это способствовало окончательным приготовлениям заговорщиков. Верные Екатерине офицеры вывели свои гвардейские полки на присягу «Императрице и Самодержице Всероссийской». Вслед за гвардией в короткое время присягнули Сенат и Синод, а также часть населения. Пётр III проявил большую нерешительность и, пометавшись между Ораниенбаумом и Кронштадтом, подписал отречение от престола.

Один из современников-иностранцев, секретарь датского посольства А.Шумахер, оставил воспоминания о том, как развивались события дальше: *«Вечером столь несчастливого для императора дня 29 июня у него отобрали орден и шпагу, заставили надеть серый сюртук и отвезли в карете с тщательно закрытыми окошками … в Ропшу. Это было собственное имение императора. Следовать за ним разрешили только одному из его камер-лакеев – русскому по имени Маслов – и еще двум русским лакеям. Правда, оба последние, чтобы поскорее от этого освободиться, тотчас же сказались больными…».*

Есть мемуары и других очевидцев тех давних событий, которые подтверждают, что единственным верным из слуг императора Петра III в

Ропше (эту усадьбу в своё время Петру подарила Елизавета Петровна) оказался Алексей Маслов. Но 3 июля 1762 года, когда Маслов вышел в сад, к нему подошли офицер с несколькими солдатами, *«тут же схватили его и засунули в закрытую русскую повозку. В ней его привезли в Санкт-Петербург и там выпустили на свободу»*. После этого никого из верных людей рядом с отрекшимся императором не осталось.

И потому что случилось с Петром III спустя несколько дней – точного ответа нет до сих пор. Версия официальная утверждала, что император скончался от геморроидальных колик, усилившихся от продолжительного употребления алкоголя и сопровождавшихся поносом. Проведённое вскрытие выявило также проблемы с сердцем и кишечником. Однако общераспространённая и гораздо более известная версия утверждает, что смерть Петра была насильственной, и называет несколько имён, причастных к убийству. Чаще других упоминаются Алексей Орлов, Григорий Теплов и Фёдор Волков, у каждого из которых были свои причины избавиться от императора.

Самой Екатерине II убийство мужа дивидендов не приносило, наоборот, угрожало её авторитету. Так что едва ли она была организатором такого деяния.

Орловские следы Масловых

А теперь вернусь к судьбе Алексея Маслова после событий 28 июня – 3 июля 1762 года. Императрица не только не расправилась с очевидцем ропшинского преступления, а скорее, наоборот. Камер-лакей вернулся к месту службы и продолжил исполнять прежние обязанности.

21 февраля 1763 года Екатерина II пожаловала его в кофишенки (смотритель за приготовлением кофе, чая, шоколада – А.П.) с окладом в 200 рублей. Тогда же Алексей надумал жениться, государыня сделала ему подарок, о чем свидетельствует запись в книге выдачи комнатных денег (между 21 и 25 января 1763 года): *«Пожаловано девице Анне Костантиновой, зговоренной в замужество за камор-лакея Маслова…».*

Я писал эту историю, используя сведения из книги Константина Писаренко **«Тайны дворцовых переворотов».** Однако автор сообщил в конце: *«Как сложилась жизнь Алексея Маслова в дальнейшем, неизвестно. Новые поиски помогут найти ответ и на этот вопрос…».*

Но в самом начале очерка я уже упоминал, что в «Ревизских сказках Орловского уезда за 1782 год» я нашёл сведения о Масловых как помещиках деревни Масловой. Поручик Максим Венедиктович Маслов ещё здравствовал, и у него в деревне имелось 4 крепостных крестьянина. Его брата, Алексея Венедиктовича Маслова, записанного как «отставного мундшенка в ранге сухопутного капитана», к этому времени в живых не

было. Имение с пятью крепостными крестьянами числилось за вдовой, Анной Константиновной. Получается, что Алексей Маслов, с момента последней записи в книге выдачи денег Екатериной II, успел ещё «подрасти» в чинах.

Вполне вероятно, что названная деревня получила своё название по моим героям. А поскольку деревня Маслово в Образцовском сельском поселении – всегда была однодворческим селением, то вотчиной лакеев двух императриц и одного императора являлось, несомненно, село Маслово – центр одноименного поселения Орловского района.

«А судьи кто?»

(Михаил Каменский и Аким Апухтин в судьбе Емельяна Пугачёва)

В наше время, когда попсолизация общества достигла апогея, Аллу Пугачёву в народе знают гораздо лучше, чем *«вора и разбойника Емельку Пугачёва».* Но таких колоритных персонажей, каким был знаменитый предводитель массового народного движения в России, забывать грешно, тем более, что Емельян Пугачёв имеет некоторое отношение к нашему краю.

Полководец и его крепость-тюрьма

Фельдмаршал Михаил Каменский

Орловский краевед Г.И. Шабанов, изучая историю Сабуровской крепости, построенной по распоряжению знаменитого полководца Михаила Каменского, расспросил многих местных жителей на предмет того, что они знают о прошлом родного села и крепости. Один из крестьян сообщил ему, показывая на круглую башню: *«А вот здесь Пугачёв был... когда его в Москву везли».* И в доказательство крестьянин обратил внимание Шабанова на ввинченное под самый купол этой башни большое металлическое кольцо. К нему, якобы, прикрепляли цепь, к которой был прикован руководитель крестьянского восстания.

Кольцо это цело и до сих пор,

любой экскурсант, посетив Сабуровскую крепость, может увидеть его, но современные орловские краеведы давно опровергли саму легенду о пребывании Пугачёва в наших краях. Тогда как же зародилась эта красивая история и, главное, почему?

Круглая башня Сабуровской крепости

Мне кажется, всё объясняется просто. Михаил Федотович Каменский, тогда ещё генерал-поручик, а не фельдмаршал, в 1774 году был членом судейской коллегии из 35 человек, созданной Екатериной II для суда над Емельяном Пугачёвым. А уже позже факт участия полководца в судебном процессе над крестьянским предводителем трансформировался в головах местных жителей в легенду, что Каменский построил под Орлом не крепость (от каких врагов она встала вдруг посреди России? – А.П.), а тюремный замок как раз для Пугачёва, которого везли в Москву, и которого надо было очень хорошо охранять во время остановок.

Кроме фельдмаршала Каменского смертный приговор *«вору и разбойнику» («сентенцию»* - так это было названо – А.П.) выносил ещё один наш земляк - Аким Иванович Апухтин, родной брат деда тех

братьев-дворян, о которых я рассказал в одном из очерков *(«Апухтины: «Сражались мы не на постели...»).*

«Казнь Пугачёва» (гравюра с картины А.Шарлеманя)

Два генерала и хорунжий

О болховском помещике Акиме Апухтине, дослужившемся к концу жизни до высоких чинов, нам известно намного меньше, чем о Михаиле Каменском. Историки XVIII века называют четыре разных даты его рождения - в промежутке от 1720 до 1726 года, и три даты его кончины: от 1792 – до 1804 года.

Но и то, что удалось узнать о нём из разных источников, позволяет нам ощутить личность неординарную и разностороннюю. Военную службу Аким Апухтин начал в 1737 году и очень быстро проявил себя как способный специалист в деле снабжения армейских частей продовольствием. За 30 лет он добрался до чина обер-кригскомиссара – старшего военного чиновника по снабжению войск деньгами, обмундированием, снаряжением, ручным оружием, обозным и лагерным снаряжением, госпиталями.

В 1768 году началась очередная русско-турецкая война, которая стала переломным событием в жизни Акима Апухтина. Впрочем, как и в судьбе уже упоминавшихся выше Емельяна Пугачёва и Михаила Каменского. Аким Иванович Апухтин получил в этом году чин генерал-

майора и перешёл в регулярную армию. Такое же звание имел в это время и Михаил Каменский. И оба они, находясь во Второй русской армии под командованием графа Панина, участвовали в осаде турецкой крепости Бендеры в сентябре 1770 года.

Емельян Пугачёв

Вполне возможно, тогда произошла первая встреча двух генералов. И, очень вероятно, с ними обоими мог увидеться хорунжий (в те годы – младший офицерский чин у казаков – А.П.) Емельян Пугачёв, который отличился при взятии Бендер 16 сентября 1770 года и получил благодарность от командира казачьего отряда полковника Кутейникова.

В 1773 году, в ходе продолжавшейся русско-турецкой войны, Михаил Каменский и Аким Апухтин одновременно получили очередной чин – генерал-поручика. В этом же году Апухтин стал членом Военной коллегии, и его подпись красовалась отныне на документах о награждении отличившихся в боях (в том числе, несколько раз в списках был и Михаил Федотович Каменский – А.П.).

Решение единогласное: «Четвертовать...»

Сражения с турками ещё шли, когда Емельян Пугачёв, объявив себя императором Петром III и защитником народа, сумел со своими сторонниками на какое-то время захватить обширные территории на юго-востоке России. Императрица Екатерина II и помещики российские натерпелись страху за тот год, пока длилось пугачёвское восстание.

Схваченного в результате предательства Пугачёва несколько раз допросили, записывая его показания, а по окончании следствия Екатерина II 19 декабря 1774 года определила состав суда. Среди 11 *«персон первых трёх классов»* (имеется в виду «Табель о рангах» - А.П.) оказались и два старых знакомых – генерал-поручики Михаил Каменский и Аким Апухтин.

Первое заседание суда состоялось 30 декабря 1774 года в Тронном зале Кремлевского дворца. Были оглашены и рассмотрены результаты следствия. В этот день Каменский и Апухтин, изучая протоколы допросов

Пугачёва, с удивлением узнали о том, что он – участник Семилетней и русско-турецкой войн, да к тому же, отличившийся при взятии хорошо знакомой им крепости Бендеры.

31 декабря утром в суд доставили Пугачёва. Стоя на коленях, он признал свои преступления, после чего суд единодушно принял решение: *«Емельку Пугачёва четвертовать, голову воткнуть на кол, части тела разнести по четырём частям города и положить на колёса, а после на тех местах сжечь».*

Казнь состоялась 10 (21) января 1775 года на Болотной площади, той самой, отличившейся совсем недавно событиями другого рода. Присутствовали ли на казни Каменский и Апухтин – не известно.

Дальнейшие пути двух земляков-генералов разошлись. Михаил Федотович Каменский ещё долго продолжал военную карьеру, удачно участвуя в битвах и дослужившись при Павле I до фельдмаршала.

«Воровство и предерзости» искоренял

Аким Иванович Апухтин, оставив Военную Коллегию, в декабре 1782 года был назначен Симбирским и Уфимским генерал-губернатором.

Это было время, когда только-только Екатерина II провела административную реформу: появились наместничества и генерал-губернаторства. Генерал-поручик Апухтин стал одним из пионеров на своём посту, главное предназначение которого заключалась в охране юго-восточных границ России. Неспокойствие степи в 1782–1784 годах достигло крайних пределов, «воровство и предерзости» встречались на каждом шагу. И, надо отдать должное Акиму Ивановичу: многое из порученного Императрицей ему удалось сделать за короткий срок, пока в конце 1784 года он не ушёл в отставку. Поселился Апухтин в Москве, где и жил до самой кончины.

Литературу – любил, сына – воспитал

А теперь надо несколько слов сказать об увлечении Акима Ивановича, которое было свойственно многим представителям рода Апухтиных. Он любил литературу, театр, и именно ему принадлежит заслуга ознакомления русского читателя с польской просветительской драматургией, с комедиями в «польском вкусе». Причём, Апухтин переводил исключительно пьесы одного автора, Францишека Богомольца: «Мот, или Расточитель», «Брак по календарю», «Из одной чрезвычайности в другую». Была ли хоть одна из этих пьес поставлена на сцене театра – сведений нет.

Сын Акима Ивановича, Дмитрий Акимович Апухтин, жил в родовой усадьбе в Болховском уезде, дважды избирался болховским уездным

предводителем дворянства. В 1812 году в чине капитана он поступил в ополчение и был назначен командиром батальона в полку князя Гагарина, а затем находился при командире гвардейского корпуса А.П. Ермолове, выполняя его поручения. В сражениях Дмитрий Акимович *«вел себя,* по аттестации Ермолова*, как храбрый и расторопный офицер»*: при Бородине был контужен в ногу и награжден медалью, за битву под Лейпцигом удостоился ордена Анны 3-й степени, за взятие Парижа получил орден Владимира 4-го класса с бантом.

P.S. Возвращаясь к Пугачёвой. Если бы Алла Борисовна спела о своём знаменитом однофамильце, уверен: успех был бы грандиозный.

Братья Архаровы и архаровцы

Когда с 1 марта 2011 года российские милиционеры превратились в полицейских, то во многих печатных и электронных средствах массовой информации развернулось широкое обсуждение по поводу того, как новоявленных стражей порядка будет именовать население, а проще, какие их прозвища (вместо общеизвестного «мент») будут наиболее популярны. Вариантов было предложено много, но достойного и запоминающегося не нашлось.

Между тем, искать-то долго и не надо было, поскольку в русском языке сохранилось и во многих толковых словарях до сих пор это слово имеется – **«архаровец».** Это крылатое выражение современные толкователи расшифровывают так: 1. устаревшее прозвище русских полицейских; 2. (разговорное, просторечное, бранное) - хулиган, буян, озорник, отчаянный, беспутный человек.

Для нас, же, орловчан, даже объяснять не надо, кто это такие, поскольку есть на территории Малоархангельского района (в Дубовицком сельском поселении) два населённых пункта с почти одинаковым названием – село Архарово и деревня Нижнее Архарово. И живут там, естественно, архаровцы. Правда, никто из них не связывает своё самоназвание с тем, что процитировано выше из толкового словаря русского языка.

Однако нынешние малоархангельские архаровцы зря открещиваются от тех, что в словарях прописаны. Не в том плане, что проживающие в настоящее время в селе Архарово и деревне Нижнее Архарово жители все без исключения в полиции служили или озорничали и хулиганили. Нет, конечно, хотя, наверное, есть и такие.

Всё дело в том, что малоархангельские архаровцы и московские полицейские XIX века, прозванные «архаровцами», свои названия и прозвища получили от одной и той же фамилии.

Итак, родились в 40-е годы XVIII века два брата-помещика: старший, Николай Петрович, и младший, Иван Петрович. Оба, естественно по фамилии Архаровы.

Представляли они собой весьма колоритные фигуры царствования Екатерины II и Павла I, и поэтому в преданиях и мемуарах, повествующих о Москве и России вообще последней трети XVIII и начала XIX века, занимают заметное место.

Старший, Николай Петрович Архаров, в чине полковника, был назначен московским обер-полицмейстером. Именно эта должность принесла ему славу лучшего сыщика в Европе. В полицейской службе Николай Петрович нашел свое призвание. Он, как рассказывают современники, знал до мельчайших подробностей, что делается в городе, с изумительной быстротой разыскивал всевозможные пропажи. Несколько раз по случаю серьезных краж во дворце императрица вызывала его в Петербург, и тут обер-полицмейстер оправдывал свою репутацию лучшего сыщика.

Архаров не стеснялся в методах сыска и допросов и, как говорили, *"с помощью самых оригинальных средств обнаруживал самые сокровенные преступления"*. Не было дел, которые бы он не раскрыл. О проницательности его слагали легенды, московские воры боялись Николая Петровича как огня. Говорили, что Н.П. Архаров умел читать на лицах людей и нередко, взглянув на подозреваемого, решал его правоту или виновность. Деятельность Николая Петровича Архарова как московского обер-полицмейстера долго жила в памяти москвичей.

За службу Н.П. Архарова не раз награждали, и он закончил ее кавалером всех российских орденов и в чине генерала от инфантерии.

Иван Петрович Архаров был обязан своей славой старшему брату Николаю, непревзойденному сыщику. Практически повторив всю его жизнь и судьбу, Иван Архаров делал свою военную карьеру исключительно благодаря постоянной протекции суперэнергичного Николая. Тем не менее, младший брат тоже вошел в историю, пусть и не столь ярко, как старший. Но именно деятельность И.П.Архарова на посту военного губернатора Москвы оставила глубокий след в истории столицы: беспечно набранные им полицейские драгуны оказались такими головорезами и так плохо ладили с законом, что в московском быту утвердилось понятие "архаровцы".

Архаровцы ловили не только воров, не гнушались они и добром честных людей. Потому и слово это в русском языке имеет совсем не положительный смысл.

В протоколах заседаний Малоархангельского уездного суда за 1804 год, с которыми мне удалось познакомиться в Государственном архиве Орловской области, встретил я вдруг знакомую фамилию. Генерал от инфантерии и разных орденов Кавалер Иван Петрович Архаров, владелец вотчины в Малоархангельском уезде Орловской губернии, был вынужден судиться с соседом-помещиком, секунд-майором Алексеем Казиным, из-за спорной земли у деревни Синковец.

Судья Воронов просил спорящих представить документы по земле, и чем то дело закончилось, мне выяснить не удалось. Зато совершенно точно стало ясно, что своими названиями село Архарово и сельцо (деревня ныне) Нижнее Архарово современного Малоархангельского района обязаны генералу от инфантерии Ивану Петровичу Архарову.

Впрочем, в большей степени, чем брата, именно его заслуга и в хождении среди народа крылатого словечка «архаровец». Сохранит ли оно актуальность сейчас, в отношении современных полицейских, - время покажет…

Как на Орловщине на медведей охотились

Медведь в краеведческом музее г. Орла

200 лет назад бурый медведь на Орловщине был обычным зверем (пусть и самым большим), и охотились на него так же постоянно, как на волка или лису, но при более серьёзной подготовке. Чучело Мишки в областном краеведческом музее – напоминание о тех, ушедших в легендарное прошлое, временах, когда для любого орловского охотника-помещика было делом чести «завалить» хотя бы одного косолапого.

«Домашний памятник» Николая Левшина

Об одной из таких охот на медведей я с удовольствием

прочитал в журнале «Русская старина» за 1873 год. Автором записок, изданных под заголовком "Домашний памятник", оказался Николай Левшин. И прежде, чем перейти к его рассказу непосредственно о самой охоте, необходимо несколько слов посвятить автору этих незаурядных воспоминаний первой половины XIX века.

Николай Гаврилович Левшин родился в Москве 2-го января 1788 года в известной на Орловщине дворянской семье. Военную службу он начал в лейб-гвардии егерском полку, будучи записан в него, по обычаю того времени, еще с младенчества. В 1805 году Левшин совершил поход в Австрию и принимал участие в сражении 20-го ноября у местечка Аустерлиц, а спустя два года, во время похода в Пруссию, в сражении при селении Ломиттен, был ранен в грудь. За мужество и храбрость в боях Николай Гаврилович был награждён орденом Святой Анны 3-ей степени и золотым оружием «За храбрость».

Последствия ранения сказались позже, и Левшин в 1810 году был уволен со службы с правом ношения мундира. В 1812 году, когда Наполеон двинулся на Россию, отставной военный счел себя обязанным возвратиться в ряды действующей армии. Он поступил в ополчение и находился на службе по 1814 год. За границей Николай Гаврилович обвенчался с Изидорой Августовной Людвиг, дочерью саксонскаго сенатора. Выйдя снова в отставку, он поселился в своем имении, в селе Введенском (Коноплянка тож, Болховского уезда Орловской губернии – А.П.).

Имение в селе Введенском принадлежало ещё его деду и бабке по материнской линии – Петру Петровичу и Екатерине Алексеевне Апухтиным (раньше писали – Опухтины – А.П.). Предки Апухтиных выстроили в этом селе Введенскую церковь. Петр Петрович и Екатерина Алексеевна Апухтины, кстати, были, одновременно, прадедом и прабабкой Ивана Сергеевича Тургенева (по линии отца, Сергея Николаевича – А.П.). Николай Гаврилович в своём «Домашнем памятнике» родственникам посвятил много добрых слов (о писателе Тургеневе в момент написания записок он ещё, конечно, и не подозревал – А.П.). Левшин, постоянно проживая во Введенском, примерно с 1840 года начал вести свои записи. Скончался Николай Гаврилович в 1845 году. Отрывок из его «Домашнего памятника» я и предлагаю читателям.

Маленький адъютант и большие охотники

«Отец мой (Гаврил Федулович Левшин, премьер-майор и коллежский асессор, болховский помещик – А.П.) *был с самых молодых лет и до старости страстный охотник псовый. Как осень начнется, то есть, когда хлеб уже с поля соберут, тут охота начинается; человек 20 псарей*

и около сотни собак всегда готовы на увеселение. Веселье это довольно часто обращалось в горе не малое, ибо когда пропустят зайца, а спаси Боже, лисицу, то тут же всех перепорют их же плетками.

Родитель меня довольно часто бирал на охоту, и я исполнял должность маленького адъютанта; только и доставалось же мне иногда за малейшую неисправность, была беда! словом сказать, все, окружающие родителя, трепетали. Должность моя состояла в том, чтобы я всякую неисправность в сбруе и лошади родительской прежде всех (усмотрел). Собаки своры родительской тоже были под моим ведением. Все охотники радовались сердечно, когда кто из соседей приезживал охотиться с батюшкой, ибо тогда он был веселее и не так взыскателен. Езжали же следующие: Николай Сергеевич Кологривов, который был нраву самого хорошего, добродушный и весельчак. Фигура его была престранная: толщины необъятной, голова и лицо несоразмерно большие и кривой. Он так был толст, что только и была у него одна вороная лошадь, которая в осенний короткий день едва могла ему выслуживать поле, а скакать под ним почти не могла, да он и не хотел рисковать; какой ни был горячий охотник, но скачки боялся, особенно после падения его в овраг с лошадью. Кологривов, наскакавшись тогда, с лошадью упал в овраг лесной, прямо на претолстую колоду; лошадь его на сучьях остановилась мертва, что и спасло седока, ибо он сидел на мертвой лошади невредим до тех пор, пока его, опутав веревками, стащили с лошади прямо вверх из оврага. Когда опасность миновала, то все много хохотали; однако Кологривов долго после того не ездил на охоту, да и лошади другой не мог скоро приискать.

Второй сосед и охотник был из с. Введенского – П.В. Матвеев. Сей не был еще богат, как ныне он сделался; и, помня, что он не потомок славных Матвеевых, не церемонился много, и часто забавлял, бывало, родителя моего сражением с псарем Федотом, по прозванию «Дедюля»...

Третий камрад на охоте был Федор Артемьев Гнездилов, однодворец. Этот был настоящий умный шут, какие всегда в тот век еще бывали при домах феодальных господ. Гнездилов всех умел имитовать очень ловко и передразнивать так похоже, что батюшка всегда много смеялся. Особенно умел отлично представлять богатого соседа, дурака Чулкова, как он умывается и чистит зубы по несколько часов сряду. Этот же Гнездилов был не пьяница, но только не бескорыстный.

Редкое поле происходило без баталии, – большею частию, вся прислуга кулаком глаза утирала и вздыхала. Травили лисиц и волков, даже иногда и медведей, почти ежегодно, но с большой опасностью.

«Лисица» и три медведя

В 1801 году, когда еще казенная засека была точно дремучий лес, медведи осенью выходили всегда кормиться по небольшим лесам и ежегодно приходили они и в леса села Введенского. В сем году пришли три в Плоховский лес, что за Прилепами, прямо против дому. В тот час ловчий и лесник донесли о сем. В несколько минут вся охота была в готовности: люди с ружьями, с рогатинами и батюшка на коне. Обыкновенно пустят в остров гончих собак 70 и более и оне гонят зверей до того, что оне совсем опешают. Народ же и все верховые охотники, окружа лес, стоят на опушке, дабы зверей из лесу не выпускать. Вдруг раздается крик, что убили лисицу на опушке, в кустах против лугу, где протекает река Орс. Батюшка первый прискакал на свалку. Что же увидел? Полумертвого человека. Камердинер Алексей, по прозвищу «лисица», валялся окровавленный. Повар, сидя недалеко от спрятавшегося в кустах камердинера и увидев, что что-то шевелится, ударил во всю силу дубиной и чуть «лисицу» до смерти не убил. Долго был о сем толк большой: с умыслом ли повар хватил так ловко, или в азарте, сгоряча? Впрочем, известно, что этого камердинера-«лисицу» никто терпеть не мог, ибо он был самый злой человек, ябедник и доносчик.

Между тем, за медведями гонялись беспрестанно и ввечеру (это было в половине октября) утомили их и двух убили в лесу, а третий – убежал чрез поле к деревенскому мосту, где стояла коляска,– ибо сама матушка (Марья Петровна Левшина, в девичестве – Апухтина – А.П.) *выехала на травлю, не потому, чтобы она желала забавляться спектаклем, но из беспримерной любви к батюшке, не желая его видеть в опасности из окошек дома. Тут близ самой коляски убили и третьего медведя; лошадей, которые весьма старые были, насилу удержали, а матушка лежала в обмороке; тем и кончилось медвежье побоище. Родитель был чрезвычайно весел, сотрудников приказал перепоить вином, а собак – двойной порцией накормить. Алексей-«лисица» был долго болен и долго ходил с обвязанной головой, а медвежьи шкуры, как значительные трофеи, висели долго напоказ; потом из них сшита была для батюшки шуба, которую он до самой кончины изволил носить. В чужих краях медвежье мясо едят охотно, особенно лапки, как лакомый кусок, – теперь и в России уже покушивают; но в то время, сохрани Бог!.. почему и отдали мясо собакам, а сала надрали более двух пудов и продали в аптеку за сущую безделицу».*

(Описанная Н.Г. Левшиным охота проходила в окрестностях современных села Коноплянка и деревни Прилепы, вдоль берегов речки Орс – это территория Медведковского сельского поселения Болховского района, трудно сейчас вообразить, что сюда заходили медведи, но так было – А.П.)

«Злодей Александр Окатов»

13 июля 1856 года Орловский губернский предводитель дворянства обратился к Орловскому гражданскому губернатору Сафоновичу со следующим посланием: *«Господин Малоархангельский уездный предводитель дворянства довел до сведения моего, что помещик, капитан Окатов, обращается очень строго с крепостными людьми и что во время уборки сена в саду Окатов ударил два раза палкою беременную женщину, бывшую на сносях, которая после этого через пять дней умерла скоропостижно…».*

Далее губернский предводитель дворянства перечислил другие многочисленные жестокости помещика Окатова, на основании чего через неделю губернатор отдал распоряжение, и было заведено «Дело о превышении капитаном Окатовым помещичьей власти».

И хоть медленно вращалось колесо правосудия, но уже через месяц, 20 августа 1856 года штаб-офицер корпуса жандармов майор Житков и старший чиновник особых поручений поручик Кущев прибыли в имение Окатова, в сельцо Грязное, где допросили его крепостных людей. Все опрошенные – Иван Тихонов, Иван Астахов, Андрей Евсеев, Петр Павлов, Павел Поликарпов, Ларион Иванов, Егор Иванов, Александр Григорьев, Федосей Иванов, Михаил Трофимов, Никита Васильев, Иван Гаврилов, Павел Ларионов – жаловались на своего владельца, говорили, что он не дает им хлеба, и поэтому они вынуждены просить милостыню. Кроме того, некоторые из крестьян рассказали о многочисленных случаях физического насилия по отношению к ним и их семьям со стороны помещика.

4 сентября 1856 года майор Житков и поручик Кущев допросили самого Александра Борисовича Окатова. Он показал, что *«по последней ревизии за ним числится 19 душ крепостных крестьян (при сельце Грязном Малоархангельского уезда) и 140 десятин земли при них, но и крестьяне, и земля еще не выделены особо и находятся во владении его родителя – Бориса Тимофеевича Окатова».*

Далее капитан рассказал, что он не женат, находится в отставке, и проживает в доме отца своего, в сельце Грязном, управляя его имением по доверенности.

Пытаясь вызвать у следователей сочувствие к себе, Окатов вспомнил о своей военной службе *«в Драгунском Его Императорского Высочества наследника Цесаревича полку»,* где удостоился *«получить Высочайшее благоволение за ученья и маневры в 1837-ом году при селе Бородино»* (тогда как раз отмечалось 25-летие Бородинского сражения – А.П.). Александр Борисович категорически опроверг все утверждения крестьян о

его жестокости («это вранье»). Следователи добросовестно выслушали Окатова и записали все его показания.

Окатовский пруд

Через несколько дней были опрошены и соседи – помещика. В результате кропотливой работы майор Житков и старший чиновник Кущев с чистой совестью могли доложить начальству о выполненной работе. Итоги её ровно через год (да, такими были сроки расследования и тогда, в середине XIX века – А.П.) подвел император Александр II в своем Указе, направленном Орловскому гражданскому губернатору 16 августа 1857 года.

Мы процитируем этот документ почти без сокращений (он хранится в Государственном Архиве Орловской области, в фонде № 4 – ед. хр. 3108 – А.П.):

«Правительствующий Сенат слушал: «Дело о взятии в опеку имения отставного капитана Окатова» за жестокое обращение с крепостными крестьянами, как своими, так и принадлежащими и отцу его, имением которого он управляет по доверенности…

Собрание Предводителей и Депутатов Дворянства Орловской губернии, смотрев следствие, постановило: принадлежащие собственно отставному капитану А. Окатову имение, в числе 19-и душ, взять в опеку и удалить от управления имением, принадлежащим отцу его, обязав последнего не допускать сына в какие-либо по оному распоряжения и не давать ему в услужение крепостных людей…

…Александр Окатов и отец его, надворный советник Борис Окатов, на оное жалуются Сенату…

…Но, тем не менее, из произведенного следствия усматривается, что А. Окатов позволял себе собственноручно бить по щекам и таскать за волосы своих крестьян, бил их арапником, некоторым мужикам стриг волосы и, по отзывам соседних дворян, основанным на общей молве, известен за человека строптивого и дурно обращающегося с крестьянами.

Двое же из сих дворян, а равно и Предводители и Депутаты Дворянства, обсуждавшие настоящее дело, удостоверили, что сам Окатов несколько лет назад подвергся побоям, нанесенных ему крестьянами за излишнюю с ними строгость.

По сим основаниям, признавая необходимым принять меры к пресечению и предупреждению на будущее время пагубных последствий от дурного управления крестьянами, Правительствующий Сенат, согласно мнению Господина Министра Внутренних Дел, определяет: постановление дворян Орловской губернии утвердить – с тем, чтобы Александру Окатову не дозволено было проживать в своем имении и держать в услужении своих крепостных людей.

Прошения же Александра и Бориса Окатовых оставить без последствий, о чем для исполнения и объявления просителям Начальнику Орловской губернии – с возвращением следственного производства, послать указы, каковым уведомить Господина Министра Внутренних Дел…».

P.S. Помещики в Орловской губернии были разные, в том числе и такие, как Александр Окатов – владелец сельца Грязное, что находится ныне в составе Покровского района.

Садистские наклонности этого помещика вызвали возмущение всех окружающих – и его крепостных крестьян, и соседей – помещиков, и губернского начальства. В конце концов, Окатова наказали – отстранив его от управления имением. Но и только. Что ж, и в XIX веке судейская система благосклонно относилась к нарушителям из числа представителей привилегированных слоёв населения.

Имя же Окатовых сохранилось и по сию пору в той части деревни Грязное, где находится самый старый в нашем районе, двухуровневый каскадный пруд, сооруженный 150 лет тому назад крепостными крестьянами по приказу то ли Бориса Тимофеевича, то ли Александра Борисовича Окатовых.

Так или иначе, в истории Орловской губернии и Малоархангельского уезда оставили Окатовы свой след, - правда, очень своеобразный.

Казаковы: трагедия одной семьи

11 апреля 1853 года околоточный надзиратель Мясницкой части города Москвы Свистунов, обходя свою территорию в целях проверки работы городовых, в одном из не очень заметных уголков Хитрова рынка обнаружил лежащего на тротуаре в бесчувственно-пьяном виде и без верхней одежды человека.

Разбирательство в Мясницком частном доме

После безуспешных попыток разбудить его двое городовых оттащили пьяницу в Мясницкий частный дом (именно так именовался тогда здешний полицейский участок, располагавшийся в одном из самых известных зданий в живописном уголке города – А.П.).

Протрезвев к утру, выпивоха представился дежурному городовому коллежским регистратором Иваном Ивановым сыном Казаковым, помещиком Малоархангельского уезда Орловской губернии. Но вспомнить, как и когда он очутился в районе Хитрова рынка и при каких обстоятельствах потерял или пропил одежду, Казаков не смог.

В камере, в которой помещик провёл ночь, было довольно прохладно, и во время разговора с городовым Тюриным коллежский регистратор непроизвольно клацал зубами. Проявивший сочувствие служащий полиции нашёл в одной из каптёрок старую списанную шинель, которую и предложил бедняге.

А когда Казакова ещё и накормили казённой пищей, то он совсем повеселел, но сразу же, хотя и нерешительно, заикнулся о возможности выпить. Тут всё сочувствие Тюрина разом исчезло, и он отправил протрезвевшего коллежского регистратора в камеру – ждать прихода околоточного надзирателя.

У Свистунова в этот день были и поважнее дела, чем разбирательство с орловским пьянчужкой, и он прибыл в Мясницкий частный дом только после полудня. Разговор околоточного надзирателя с Казаковым был содержательным, хотя и недолгим.

После того, как Иван Иванович поведал о себе, выяснилось, что ему не около 50 лет, как казалось по внешнему виду, а нет ещё и тридцати. Казаков оказался сыном штабс-капитана Ивана Ильича Казакова, владельца нескольких имений в Малоархангельском уезде Орловской губернии. До 1851 года младший Казаков находился на службе в Новосильском уездном суде, откуда уволился в отставку и жил в имении отца в сельце Никольское.

Других подробностей отставной чиновник не сообщил, но через несколько дней вдруг *«подал в Мясницкую часть объявление, в котором известил, что мучимый совестью, он решил довести до сведения начальства об учинённых им преступлениях:*

1. *В нанесении раны кинжалом дворовому человеку родителей его Иосифу, что было в селе Никольском Малоархангельского уезда;*
2. *В покушении на жизнь канцелярского чиновника Ростовцева во время пребывания его в Новосильском уезде».*

Визит к Московскому обер-полицмейстеру

И завертелось дело, длившееся несколько месяцев. Московский обер-полицмейстер Иван Лужин попросил своего орловского коллегу довести информацию до малоархангельского помещика Ивана Ильича Казакова о том, где находится его сын и что с ним случилось.

Ответ из Орла не заставил себя ждать, а уже 24 апреля 1853 года в канцелярию московского обер-полицмейстера Ивана Лужина, которая размещалась в доме N 12 по Столешникову переулку, прибыл и сам Иван Ильич Казаков.

Московский обер-полицмейстер, генерал-майор Свиты его Величества, Иван Дмитриевич Лужин, был известной личностью в Москве. И не только своей близостью к императору, но и дружбой со многими известными деятелями русской культуры первой половины XIX века. Он, к примеру, будучи знакомым Александра Сергеевича Пушкина, выступил его посредником во время сватовства к Наталье Гончаровой. Когда генералу доложили, что к нему на приём со слезами просится какой-то отставной военный, Иван Дмитриевич отказать в этой просьбе никак не мог.

Войдя в кабинет обер-полицмейстера, посетитель представился: «Отставной штабс-капитан и кавалер Иван Ильин Казаков, помещик Малоархангельского уезда Орловской губернии». Лужин, которому уже было известно о происшествии, и который подписывал бумагу для орловского полицмейстера, сразу понял, кто перед ним.

Генерал предложил отставному штабс-капитану присесть, после чего начался долгий, прерываемый короткими паузами (для того, чтобы достать носовой платок и вытереть выступавшие слёзы), монолог Ивана Казакова. Я, уважаемый читатель, передам его в сжатом виде.

Герой Отечественной войны

Род Казаковых (фамилия эта писалась и через «А», и через «О» в разных документах, в «Алфавитном Указателе Дворянских родов Орловской губернии» - как раз через «О» - «Козаковы» - А.П.) был одним

из известных и многочисленных дворянских родов. Предок их, *«пращур родной Леонтий в 7162 году (1654) написан был в орловских десятнях между дворянами и детьми боярскими»*. Имение Казаковых находилось вначале в Новосильском уезде, а потом за службу их верную и в соседних уездах земли они получили, в Малоархангельском, в частности.

Казаковы служили как по военной, так и по гражданской части. **Иван Михайлович**, к примеру, ещё совсем молодым, в 16 лет, принимал участие в Заграничных походах русской армии и отличился во время взятия Парижа, будучи **адъютантом известного земляка – генерала Ермолова** (с Иваном Михайловичем ты, читатель, познакомился в одном из предыдущих очерков – А.П.).

Но и сам рассказчик, Иван Ильич Казаков, тоже повоевал и не на краю битв, а в самом их пекле побывал. Отставной штабс-капитан свой «Формулярный о службе список» генералу Лужину показал, чтобы тот удостоверился, не врёт, мол, провинциал.

Иван Дмитриевич Лужин

Обер-полицмейстер читал документ и только головой качал: «Да, сколько сражений прошёл Иван Казаков!»

Выпущенный из Второго кадетского корпуса в Елецкий пехотный полк прапорщиком 22 февраля 1810 года, за несколько последующих лет он принял участие в следующих сражениях: в августе 1812 года – при селе Заблоце и знаменитом Бородинском, в октябре 1812 года – в ночной экспедиции при селе Покровском и битве у Вязьмы (за отличия здесь подпоручил Казаков стал кавалером ордена Св.Анны 3 степени – А.П.), в апреле 1813 года – при Нассау и Дрездене, в мае того же года – при городе Бауцене, в октябре 1813 года – в трёхдневной кровопролитной битве у Лейпцига (здесь Казаков получил контузию в голову и за отличия в сражении получил звание поручика – А.П.), в декабре 1813 года – при переправе через Рейн,

в январе 1814 года – при городе Майнце, в феврале и марте 1814 года – при городе Реймсе во время взятия Парижа.

В течение 1813-1814 годов поручик Иван Казаков прошёл с Русской армией через Герцогство Варшавское, Силезию, Саксонию, Вестфалию, Баварию, Княжество Бергское Нассау и вступил в столицу Франции.

Служба Ивана Казакова закончилась 21 февраля 1816 года, когда он был уволен *«за раною штабс-капитаном и с мундиром».*

Иван Дмитриевич Лужин и сам воевал – в русско-турецкой войне 1828-1829 и с поляками в 1831 году бился, но при чтении «Формуляра» Казакова его не раз пробивала «белая зависть» - ведь Отечественная война – это совсем другого уровня событие. И потому обер-полицмейстер сразу же проникся симпатией к 60-летнему ветерану, время от времени вытиравшему платочком невольно катившиеся по усам и бороде слёзы.

Мясницкий частный дом

Иван, сын Ивана, алкоголик

Между тем, Иван Ильич продолжал своё повествование. Уйдя со службы военной, он поселился в имении в сельце Никольском и вскоре женился на приглянувшейся ему дочери помещика-соседа из села Корсунского – Александре Рагозиной. Молодые жили дружно, рождались дети. Их оказалось пятеро – три сына и две дочки. Как и обычно, они вначале получили домашнее образование, а потом всех – в порядке старшинства – Казаковы отправляли их в губернский центр.

Проблем особых не было, разве что самый младший и самый любимый – Иван (1825 года рождения) – рос довольно капризным и своевольным ребёнком. Но родители посчитали, что время его исправит. К сожалению, не исправило. Сынок начал выпивать ещё в старших классах Орловской гимназии, а потом – пошло-поехало. В общем, Ивану Ильичу с большим трудом удалось устроить непутёвого – через знакомых – на скромную должность в Новосильскую уездный суд. Но Иван-младший, оказавшись на воле, совсем «с катушек» съехал, и начал пить прямо на рабочем месте. Дело закончилось (и это в 26 лет!) «белой горячкой», когда он с ножом однажды погнался за одним их своих коллег. Тот сумел убежать. Терпение уездного судьи закончилось, и он, хоть и был другом Ивана Ильича, уволил допившегося до «белой горячки» со службы.

Привезли сыночка в Никольское, под присмотр родителей, надеясь, что здесь он одумается. Да куда там! 25 сентября 1852 года, когда младший Казаков в который раз ушёл в многодневный «загул», отец решил отвезти его на лечение. Сын пустился в бега. На его поиски Иван Ильич отправил четверых своих дворовых людей, чтобы отыскали, связали и привезли пьяницу в имение.

Найти-то они его нашли, да Иван Казаков-младший так отчаянно и страшно размахивал вытащенным ножом, что «забоялись» они. А самого храброго, Иосифа, пытавшегося, было, барина уговорить, «белогорячечник» полоснул по руке.

Крестьяне отступили, а Иван Казаков сбежал уже по-настоящему, в Москву. Деньги какие-то у него были (в доме у отца в сейфе вытащил). По пути в большие города, в знакомом ему Новосиле, напившись в кабаке, поссорился с бывшим товарищем, Рословцевым, угрожал его убить. Правда, свалившись в беспамятстве, угрозу не выполнил.

Где и как в Москве провёл несколько месяцев Иван Казаков-младший – одному Богу известно, пока 11 апреля его не нашли мертвецки-пьяным на тротуаре у Хитрова рынка.

Отставной штабс-капитан попросил московского обер-полицмейстера *«отдать ему сына на поруки – это судьба мои грехи*

такая». Поскольку раненый когда-то младшим Казаковым крестьянин Иосиф благополучно выздоровел и претензий не имел, с Рословцевым тоже договорились *(«что с больного взять?»),* то генерал-майор Лужин своё положительное решение на прошении героя Отечественной войны написал.

На следующий день из Мясницкого частного дома уезжала крытая карета с двумя мужчинами примерно одного возраста. Один зябко ёжился, а другой время от времени доставал носовой платок и вытирал стекавшие по усам и бороде слёзы.

Что случилось с двумя Иванами – отцом и сыном Казаковыми – после их возвращения на Орловщину – мне выяснить не удалось.

(История написана на основании документов из фондов Государственного архива Орловской области).

Приложения

«Дело о древнем дворянстве рода штабс-капитана Ивана Ильича Козакова»

(Протоколы Дворянского Депутатского собрания за 1835 год, ГАОО, ф.68, оп.1, ед.хр.13, стр.53-56 оборотная)

1835 года, февраля, 28 дня в Орловском Дворянском собрании слушали выписку из дела о древнем дворянстве рода Малоархангельского помещика, штабс-капитана Ивана Ильича Козакова.

Обстоятельства дела суть следующие: пример-майор Михайла, секунд-майор Алексей и артиллерии штык-юнкер Фёдор Андреевы дети Козаковы, в доказательство дворянского происхождения, представили в сие Собрание 10 декабря 1791 года Всемилостивейше пожалованную в 24 день декабря 1790 года Грамоту за собственноручным подписанием Ея Императорского Величества Государыни Императрицы Екатерины Алексеевны.

В сей грамоте изображено, что Г.г. Козаковы происходят из фамилии издревле благородной, так, что предки их:

пращур родной Леонтий в 7162 году и двоюродный Фома Никитины дети написаны в орловских десятнях между дворянами и детьми Боярскими, которыя разбираны и пересматриваны отправленными из разряда.

Отец их, Андрей Павлов сын, состоял в службе с 1731 года и пожалован за оную чином надворного советника. А как они, Козаковы, на древнее дворянство диплом не имеют, то в воздаяние ревностных заслуг

их и возведены в Дворянское Всероссийской Империи достоинство, чтобы им и потомству их по нисходящей линии в вечные времена всеми теми вольностями, честию и преимуществами пользоваться, которыми и другие дворяне по Императорским правам, учреждениям и обыкновениям пользуются.

Почему Г.г. Алексей, Михаил и Фёдор Андреевы дети Козаковы, как от древняго Дворянства происшедшие и в оном Ея Императорского Величества утверждённые, внесены на основании 82-ой статьи, Всемилостивейше пожалованной Дворянству в 21 день апреля 1785 года, в 6-ую часть Дворянской родословной книгивнесены 24 октября 1793 года.

После чего к роду Г.Г.Козаковых сопричислены показанные ими в своей поколенной родословной росписи двоюродные братья их: Подпоручик Пётр Михайлов и Поручик Андрей Петров с сыновьями Михаилом, Петром и Павлом, и двоюродный племянник, штабс-капитан Иван Ильин, сын капитана Ильи Петрова Козакова;

из родословной же росписи видно, что родной дед Секунд-майора Алексея, пример-майора Михаила и штык-юнкера Фёдора Козаковых Павел Петров имел четырёх сыновей: Андрея, Игнатия, Петра и Михаила.

От Андрея произошли означенные Алексей, Михаил и Фёдор, от Игнатия – Иван, от Петра – Илья, капитан, и Андрей, поручик, и от Михаила – Пётр, подпоручик.

Ныне сын капитана Ильи Петровича Козакова – штабс-капитан Иван Ильич, в поданном в сие Собрание прошении, изъясняя, что как внесение его с сыновьями Николаем, Андреем и Иваном в 6-ую часть Дворянской родословной книги основано токмо свидетельствованием двоюродных братьев его, титулярного советника Михаила и Поручика Петра Андреевых Козаковых, в дополнение представляет:

1. разрядную запись прадеда его, Новосильца Павла Петрова сына Козакова, совершённую у крепостных дел в Новосиле 1707 года, декабря, 21 дня;

2. раздельные акты из Новосильского уездного суда, выданные 1722 года, майя 30 и 1816 года, августа 2 дня за № 633, из коих явствует, что родовым и благоприобретённым имением родного деда его, из дворян коллежского протоколиста, Петра Павловича Козакова, наследовали отец просителя, капитан Илья, и дядя, поручик Андрей Петровы дети Козаковы, а имением Ильи он, штабс-капитан Иван Ильич Козаков с братьями его, штабс-ротмистром Васильем, поручиком Афанасьем, коллежским регистратором Степаном и капитаном Александром Ильиными детьми Козаковыми;

3. свидетельство коллежского асессора Фёдора Фёдоровича Козакова, троюродного брата просителя, их родной прадед – новосилец Павел Петрович Козаков; сыновья его, Николай, Андрей и Иван внесены в ДРК 13 февраля 1829 года.

Родитель просителя, Илья Петрович Козаков, по Указу Государственной Коллегии 1773 года, декабря 15 дня за № 14283, уволен из военной службы в отставку в чине капитана.

Из «Формулярного о службе списка» Ивана Козакова:

значится из дворян, выпущен из второго Кадетского корпуса 1810 года, февраля, 22 дня, в Елецкий пехотный полк прапорщиком, произведён подпоручиком – 1812, апреля 19; поручиком – за отличие при городе Лейпциг 1814, апреля, 21;

***в походах находился 1813 и 1814 годах** в Герцогстве Варшавском, Силезии, Саксонии. Вестфалии, Баварии, в Княжестве Бергском Нассау и во Франции, а во время оных и в действительных против неприятеля сражениях **1812 года**: августа 7 – при селе Заблоце, августа 26 – при селе Бородине, октября 6 – в ночной экспедиции при селе Покровском, октября 22 – при городе Вязьме;*

***1813 года** апреля 25 – при местечке Нассау, апреля 27 – при городе Дрезден, майя 8 и 9 – при городе Бауцен, августа 6 – при местечке Лень, октября 4, 6 и 7 – при городе Лейпцыг, где и получил контузию в голову, декабря 19 – при переправе через реку Рейн;*

***1814 года** генваря 25 – при вылазке неприятеля из крепости Майнца; февраля 28 и марта 1 – при городе Реймс; марта 18 – при городе Париже в действительных сражениях находился.*

За отличие в сражении при городе Вязьма 22 октября 1812 года получил знак отличия Святой Анны 3 класса, а Высочайшим приказом 21 февраля 1816 года уволен от службы за раною штабс-капитаном и с мундиром.

В штрафах и под судом не был и к повышению чинов аттестован достойным.

Прошение о дворянстве сыновей Ивана Ильича Козакова - Николая, Андрея и Ивана было удовлетворено.

«Дело в внесении в Дворянскую родословную книгу Орловской губернии штабс-капитанши Александры Андреевой дочери Казаковой»

(Протоколы Дворянского Депутатского собрания за 1841 год, ГАОО, ф.68, оп.1, ед.хр.18а)

Слушали о внесении в Дворянскую родословную книгу штабс-капитаншу Александру Андрееву Казакову.

С прошением вышел муж, Иван Ильич Казаков – внести жену в 6-ую часть ДРК.

В 1829 году он показал, что женат на дворянке Александре Андреевой дочери, урождённой Рагозиной.

Дети: Николай – 1819, мая 8; Андрей – 1820, ноября 23; Иван – 1824, января 29; Александра – 1825, января 20.

Тёща – подпоручица Татьяна Борисова Рагозина, её муж – подпоручик Андрей Рагозин.

Определили: сопричислить (внести – А.П.) Александру Андреевну Казакову в 6-ую часть Дворянской родословной книги Орловской губернии).

Семейство Козаковых (Казаковых) по метрическим книгам Корсунской церкви

Козаков Иван Ильин, штабс-капитан (был жив до 1850 года) – глава семейства;

его жена Александра Андреева (в девичестве – Рагозина, была жива до 1859г);

их дети:

Николай – (8 мая 1819); Андрей (23 ноября 1820г); Настасья (20 октября 1821г – 28 августа 1830г); Прасковья (4 ноября 1822г); Иван (29 января 1824г); Татьяна (29 января 1824г - 9 августа 1826г); Александра (20 января 1825 года); Вера (18 февраля 1826г – 8 августа 1826г); Илья (14 сентября 1827г – 14 марта 1828г).

О существовании сельскохозяйственной трудовой коммуны в бывшем имении Козаковых

(Копии протоколов Малоархангельского уисполкома и уездной избирательной комиссии по перевыборам в Советы, ГАОО, ф.Р-1327, оп.3, ед.хр.5)

В д.Никольское, бывшем имении Козаковых, после революции была создана 2-ая сельскохозяйственная трудовая коммуна, просуществовавшая до 1925 года. В её состав входили Козаков Николай Константинович (как руководитель, 49 лет в 1924 году – А.П.) и Козакова Ольга Константиновна (37 лет, сестра).

Оба они в 1925 году были лишены избирательных прав.

Дмитровские похитители бриллиантов

18 мая 1843 года в Киеве скончался выдающийся русский военачальник, генерал-адъютант, генерал от инфантерии, участник всех войн с Наполеоном, двух русско-турецких и войны с Персией Афанасий Иванович Красовский. Так закончился земной путь человека, внесшего огромный вклад в военную славу России и нашего края – ведь полководец не только был орловским помещиком и дворянином, но и подолгу проживал в губернском центре и своих орловских имениях. Жена, дети генерала и орловчане, многие из которых хорошо знали Афанасия Ивановича, горько оплакали его смерть.

«Словно мухи тут и там, ходят слухи по углам…»

Не прошло и трёх месяцев после печального события, как Красовские снова оказались в центре внимания, однако на этот раз орловскому дворянскому сообществу пришлось краснеть и даже буквально «сгорать со стыда» за человека, опозорившего славную фамилию. В Орле поползли слухи, что дмитровский помещик Николай Красовский (но не родственник, а просто однофамилец почившего генерала – А.П.) оказался замешан в какой-то «тёмной» истории с пропавшими в Санкт-Петербурге бриллиантами.

А вскоре из Особенной Канцелярии МВД на имя Орловского военного и гражданского губернатора, князя, генерал-майора Петра Трубецкого пришла секретная бумага, которая подтвердила ходившие уже открыто несколько недель разговоры.

Оказалось, что в Санкт-Петербурге летом 1843 года, в течение нескольких недель, работала созданная по Высочайшему повелению Императора Николая I комиссия под председательством начальника 1-го округа Корпуса жандармов, генерал-лейтенанта Даниила Полозова, которая внимательнейшим образом изучала материалы дела *«о прикосновенности отставного статского советника Николая Красовского»* и нескольких лиц из его окружения к *«известной покраже бриллиантов из магазина Брикнера и Шенка»*.

Трое и письмо

Суть дела выглядела в следующем. В начавший набирать популярность в Питере магазин бриллиантов (это было первое специализированное торговое заведение в столице по продаже драгоценных металлов и камней – А.П.) немецких купцов Брикнера и Шенка явились однажды ближе к закрытию крестьяне Николай Шульпин

и Адриан Никитин с «верющим письмом» от отставного статского советника Николая Петровича Красовского. Двух взрослых мужиков сопровождал крепостной мальчик помещика Красовского Варфоломей Терехов.

Зачем тут оказался мальчик – стало ясно позже. А пока Николай Шульпин вручил письмо одному из владельцев магазина – Густаву Брикнеру. Этот немецкий купец был пронырливым и удачливым торговцем, который вскоре создал в столице целую сеть магазинов. Брикнер взял письмо, прочёл его и постарался угодить уже известному ему клиенту, отставному статскому советнику, молодому и симпатичному, не раз бывавшему здесь и приобретавшему то один, то два, а то и три бриллианта. Красовский в своём послании извинялся перед Господами владельцами, что не смог прибыть в магазин лично, поскольку торопится в дальние края, везёт жену на лечение и хочет перед этим порадовать свою Марью Николаевну хорошим «камушком».

Брикнер в течение часа (взмок даже) показывал привередливому доверенному лицу статского советника бриллианты, пока тот, наконец, не выбрал походящее колечко с камнем на пять каратов. Шульпин рассчитался с владельцем сполна ассигнациями, и троица благополучно удалилась.

Пока суть да дело, стал Густав Брикнер собирать в потайной сундучок (сейфа у купцов ещё не имелось) на ночь свои золото-серебро-камни и ахнул: в дальних витринах магазина зияла пустота.

Подсчитал купец всё, что пропало, и понял, что их с напарником практически разорили: украдено было бриллиантов на сумму 16 227 рублей. Бросился Брикнер в ближайший полицейский участок и рассказал в подробностях, дважды теряя сознание, о своей трагедии.

За широкой спиной

Вот так и завертелось это дело. Уже утром к квартире, которую снимали Красовские, приехали представители полиции. Но отставной статский советник и его жена, как выяснилось, покинули Санкт-Петербург ещё вечером. Правда, все их слуги оставались на месте.

Николай Шульпин, Адриан Никитин и Варфоломей Терехов были полицией арестованы, а в квартире Красовских произведён обыск. Как вы понимаете, никаких бриллиантов полиция не нашла. Подозреваемую троицу отвезли в Петропавловскую крепость и подвергли допросу с пристрастием. Однако ни один из допрошенных ни в чём предосудительном не признался: *«Да, в магазине Брикнера и Шенка были, по поручению хозяина и с его письмом, поручение выполнили и ушли, больше ничего не знают».*

И лишь спустя месяц, когда к сидевшему в крепости наравне со взрослыми дворовому мальчику Варфоломею Терехову приехала из Орловской губернии его мать (как она узнала о событиях и как умудрилась добраться до столицы – история умалчивает – А.П.), в расследовании дела о бриллиантах произошёл сдвиг. Под влиянием матери, умолявшей Варфоломея рассказать правду, тот признался во всём.

Оказалось, что когда в магазине Николай Шульпин привередливо выбирал колечко для барыни, Адриан Никитин своей широкой спиной прикрывал обзор для владельца магазина, а Варфоломей быстро и ловко собирал в небольшой холщовый мешочек лежавшие на дальних витринах камни. По выходу из магазина этот мешочек забрал у него Шульпин, который, по возвращении их на квартиру, отдал украденное, как и купленное кольцо, барину. Николай Петрович и Марья Николаевна тут же и уехали, приказав слугам оставаться на месте до своего возвращения.

«Взыскать сполна всю сумму…»

Красовские вернулись в Санкт-Петербург спустя два месяца. Их пригласил к себе и допрашивал лично санкт-петербургский полицмейстер. Супруги ни в чём не признались, заявив, что это оговор и о бриллиантах они слыхом не слыхивали.

А 11 августа 1843 года Министр внутренних дел Российской империи Лев Перовский (кстати, страстный коллекционер драгоценных камней, которых у него было великое множество – А.П.) отправил секретное письмо Исправляющему должность С.Петербургского Обер-Полицмейстера, в котором сообщил, что Император Николай I утвердил Постановление комиссии генерал-лейтенанта Полозова по «Делу о краже бриллиантов». И хотя всех нюансов ни полиции, ни комиссии выяснить так и не удалось, царь *«соизволил утвердить следующий приговор:*

Лев Алексеевич Перовский

1. Взыскать с статского советника Красовского в пользу Брикнера и Шенка сполна всю сумму не

отысканной досель покражи из их магазина, а именно: 16 277 рублей серебром, запретить ему с женою въезд в столицы и оставить под надзором полиции;

2. Если бы впредь часть пропажи сей была отыскана, то продать вещи в пользу здешнего Приказа Общественного призрения;

3. Крестьян Николая Шульпина, Адриана Никитина и дворового мальчика господина Красовского Варфоломея Терехова освободить от заключения и всяких дальнейших по сему делу взысканий, вменив им в наказание содержание их по сие время в крепости;

4. Сверх того, дворового человека Варфоломея Терехова, в предохранение от притязаний помещиков своих, на основании Свода законов из 1842 года, тома XV, статьи 1088, поручить особенному покровительству местного начальства (то есть, фактически, это была защита важного свидетеля от возможного посягательства обвиняемых – А.П.)

О сей Высочайшей воле сообщив генерал-лейтенанту Полозову, для объявления означенным лицам, поручаю Вашему Высокоблагородию взыскать немедленно с Красовского означенную сумму и представив в оную коммисию, сделать обыкновенным порядком распоряжение о высылке его с женою из здешней столицы. О распоряжении этом, я вместе с сим сообщил господину С.Петербургскому Губернатору.

Подлинное подписал Министр Внутренних Дел Перовский».

Болдыжская ссылка

В 20-х числах сентября 1843 года опозоренные (но не арестованные) супруги Красовские прибыли в своё дмитровское имение *Болдыж* (ныне это село, находящееся в 4-ёх километрах к юго-западу от города Дмитровска, называется чуть иначе – Балдыж – А.П.), под надзор местного земского исправника. Отныне, в течение двух с половиной лет, исправник следил за статским советником и его женой, отправляя ежемесячные рапорты об этом Орловскому военному и гражданскому губернатору Трубецкому.

Такие вот, читатель, бриллианты

Бриллианты из магазина Брикнера и Шенка найдены так и не были, а Николаю Петровичу и Марии Николаевне Красовским, после фактической ссылки, в апреле 1846 года Император снова разрешил въезд в столицу. Кстати, к этому времени, пострадавший Густав Брикнер, которому возвратили деньги за украденные камни, отделился от компаньона и, пользуясь нечаянной славой, сумел открыть в Петербурге ещё несколько магазинов, которые стали пользоваться у петербуржцев большой популярностью. В общем, «не было бы счастья, да несчастье помогло». Ну а в дмитровском селе *Болдыж* с тер пор местные крестьяне называли своих помещиков не иначе, как «брильянтовые господа». Правда, в своё имение после вышеописанных событий Красовские больше не приезжали.

Как губернатор Левашов орловчанам подарок сделал

150 лет тому назад рождественские и новогодние праздники для жителей Орла наступили раньше обычного почти на три недели.

Дело в том, что многие из горожан, и не по одному разу, побывали тогда на длившейся 12 дней выставке сельских произведений, проводившейся по случаю дворянских выборов в специально построенном для такого рода мероприятий Манеже (он находился на месте современного стадиона имени В.И. Ленина – А.П.).

О хлебе насущном - и не только

Орловский губернатор Николай Левашов

Торжественное открытие выставки, при большом стечении местной элиты, состоялось 9 декабря 1862 года, в 10 часов утра, после молебна, проведённого ректором Орловской духовной семинарии. И буквально на следующий день Орёл был полон слухами, какие замечательные экспонаты находятся в Манеже и что там надо обязательно побывать, чтобы увидеть всё собственными глазами.

10 дней орловчане – кто пешком, а кто и на санях подкатывал, валом валили на необычное для них зрелище, где сразу в одном месте были представлены продукты труда жителей 12 уездов губернии. А за день до закрытия выставки Манеж почтил своим

присутствием орловский военный губернатор, генерал-майор Николай Левашов.

Николай Васильевич руководил особым комитетом, который готовил выставку, и теперь приехал полюбоваться на творение рук своих. Его встретил распорядитель выставки и секретарь комитета Александр Степанович Тарачков. Бывший преподаватель Бахтина кадетского корпуса и – одновременно – редактор газеты «Орловские губернские ведомости», он был ещё замечательным знатоком-краеведом.

«Ну что, Александр Степанович, проведите меня по выставке и расскажите, что тут, по Вашему мнению и мнению остальных членов комитета, самое замечательное».

«Ваше превосходительство, с большим удовольствием», – с энтузиазмом откликнулся Тарачков и в течение двух часов водил губернатора и его сопровождающих по огромному, в 210 квадратных сажен *(956 квадратных метров – А.П.)* залу Манежа.

В самом начале экскурсии начальник губернии почтительно постоял у портрета императора Александра II, выполненного во весь рост и украшенного драпировкой. По обеим сторонам от него размещены были окаймлённые снопами гербы всех 12 уездов Орловской губернии. Когда же начался собственно осмотр, Левашов с трудом успевал переключать внимание с одного экспоната на другой, удивляясь их разнообразию и количеству.

Одних только производимых в губернии озимых и яровых хлебов, кормовых трав и масличных растений на выставке оказалось представлено 86 образцов. Рядом с самыми обычными сельскохозяйственными культурами соседствовали, к примеру, сарептская горчица и мазия (что это за растение, выяснить я не смог даже при помощи всезнающего интернета – А.П), выращенные в своём хозяйстве государственным крестьянином Елецкого уезда Дмитрием Целиковским.

Генерал-майор Левашов не очень хорошо разбирался во всех этих зёрнах и семенах, но и на него произвело сильное впечатление одно только перечисление продукции, представленной на выставку дьяконом Орловской Сретенской церкви Иваном Мещерским (единственным духовным лицом из 213 участников). Этот служитель Божий зарабатывал на хлеб насущный не только молитвами, он выращивал в хозяйстве озимую рожь, вику, полевой горох, красный клевер, картофель и разводил лошадей крестьянской породы.

Впрочем, Александр Тарачков обратил внимание губернатора и на семена, за выращивание которых комитет выставки предполагал наградить экспонента Золотой медалью:

«Ваше превосходительство, посмотрите, это рожь «Ваза», разведённая помещиком Гутценом в его имении из семян, вывезенных из Лифляндии. Вес одной четверти её – 9 пудов 27 фунтов (примерно 155 килограммов – А.П.). Такого плотного и тяжёлого зерна нет ни у кого у губернии. Кстати, этот помещик – известный в городе врач и первый в Орле шахматист, который с самим мастером Петровым переписывается».

Слегка уставший от зернового обилия, губернатор взбодрился (нет, читатель, ты не угадал, поскольку спиртное на выставке отсутствовало полностью – А.П.), съев пару яблок орловского мещанина Петра Шушпанова, который представил для публики пять собственных сортов, показав ещё и прививки яблонь и груш, выставленных в больших кадках.

Впрочем, когда генерал-майор дошёл до рядов с птицами и домашними животными, всю его усталость как рукой сняло. Что касается кур, канареек, поросят и даже баранов с овцами украинской породы, то можно было представить, что их доставили на выставку на санях, а вот как добрались сюда два огромных туземных быка – было непонятно. Когда же губернатор узнал, что животные по декабрьскому морозу за 50 километров пришли своим ходом, то подумал о выносливости этой скотины.

Завершая осмотр экспонатов, связанных с земледелием и скотоводством, Левашов с огромным любопытством осмотрел коконы шелковичных червей и моток настоящего шёлка, впервые полученного не где-то, а в Орле, в саловом питомнике. А орловский мещанин Павел Овечкин, встретивший губернатора у своих лотков, предложил попробовать произведённые им сахарные пряники и пастилу, все запасы которых здесь, на выставке, уже раскупили у него посетители.

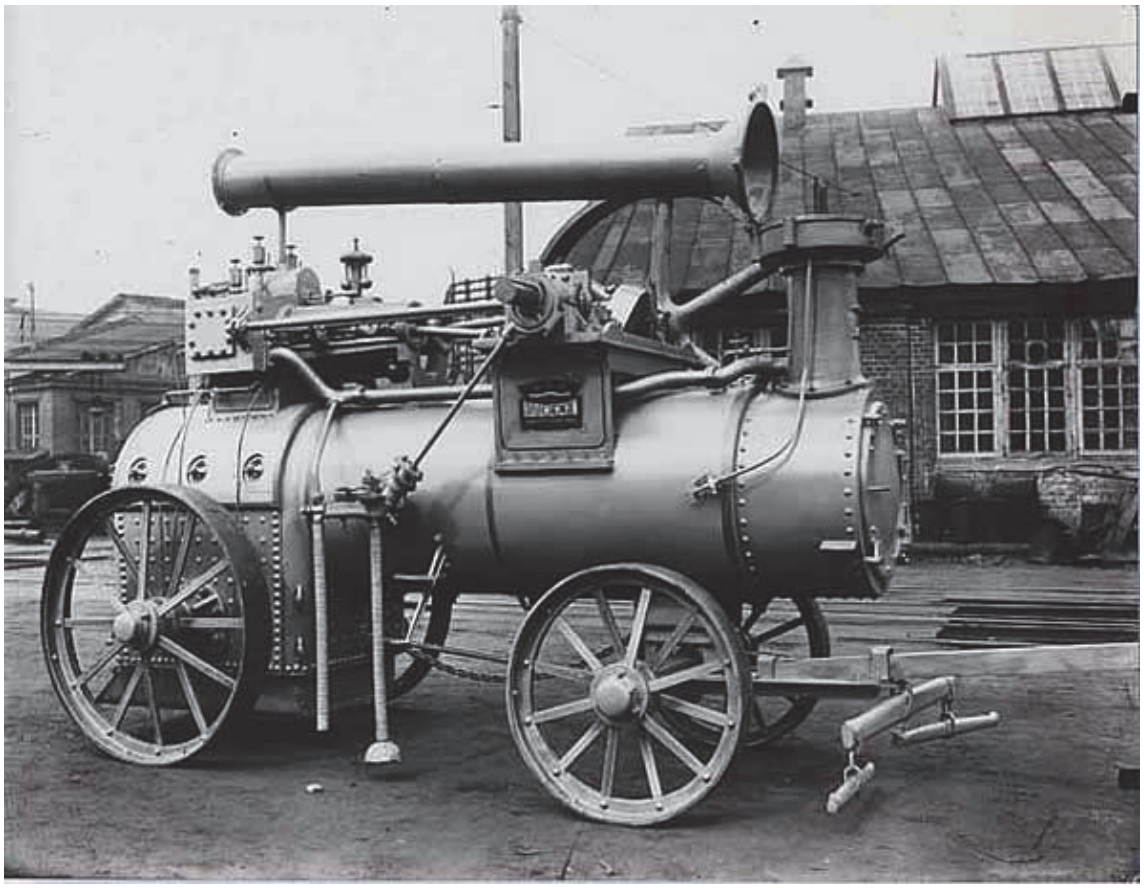
Чугун, хрусталь и мыло как произведения искусства

Что же касается промышленных товаров (хоть выставка и называлась «сельской»), то одних только изделий с чугуно-литейных заводов С. Мальцова и А. Перелыгина было представлено более 350 единиц. Генерал-майор в отставке Сергей Иванович Мальцов на своих землях в Брянском и Жиздринском уездах за несколько лет сумел развернуть такое производство, что спустя несколько лет о его машинах, чугунных и хрустальных изделиях знали по всей России. Он лично поприветствовал губернатора у первой из своих машин – ручной веялки-сортировки, приспособленной к конному приводу (комитет удостоил её Большой серебряной медали), и рассказал не только о ней, а также о локомобилях, молотильных станках, соломорезках, переносных мукомольных мельницах, печах и каминах, чугунной, эмалированной и

хрустальной посуде, представленных здесь же. Мальцов пояснил Левашову, что главные достоинства его машин и другого производимого им товара – качество и умеренные цены.

Рекламный плакат общества Мальцовских заводов

Такие локомобили выпускались заводом Мальцова в г.Людиново

После мальцовского отдела с чугуном и хрусталём губернатор осмотрел другие экспонаты, может быть, не такие эффектные, но не менее интересные. Елецкий купец 1-й гильдии Петров умудрился представить производимые на его мыловаренном заводе три разноцветных сорта мыла в виде пьедестала, на котором стояла тумба, а ней – ваза. Пьедестал был сварен из поташного мыла, тумба – из кокосового, а ваза – из содового мыла. Смотрелось это как настоящее произведение искусства.

Болховский помещик С. Зиновьев и орловский купец 3-й гильдии П. Лапин удивили Левашова новыми материалами для крыш: первый – тонкими осиновыми пластинками, а второй – качественной красной черепицей. Мценский помещик Е.Таубе привёз и выставил всего один предмет, но зато какой: полированная крышка из белого известняка ничуть не уступала аналогичным мраморным, но выглядела ещё живописнее благодаря узорчатой поверхности.

Сергей Иванович Мальцов

А об огромном количестве замечательных предметов быта, представленных на выставке (коврах, холстах, полотнах, скатертях, корзинах, лаптях, кружевах и т.д. и т.п.), губернатор Левашов, подводя итоги своего визита в Манеж, сказал Тарачкову:

«Ну что ж, здесь человеку с некоторым количеством денег можно купить всё необходимое для себя, для хозяйства и для красоты своего жилища, думаю, выставка удалась. Наградите наиболее достойных!»

Торжественное закрытие выставки и награждение отличившихся состоялось 21 декабря 1862 года, в 11 часов утра. Каждый четвёртый участник был отмечен. Кроме двух Золотых, пяти Больших и десяти Малых серебряных медалей, победители в отдельных видах получили восемь денежных призов, пять подарков и тридцать один похвальный лист.

Так что начало новогодних праздников для орловчан удалось 150 лет назад в полной мере.

Братья Рогачёвы
(тайна двух Николаев)

16 октября 1884 года начальник Шлиссельбуржского жандармского управления полковник Погоржинский отправил начальнику штаба корпуса жандармов строевую записку за №477, в которой доносил, что *«во вверенном мне управлении, пешей жандармской команде и по тюремной охране с 8-ое по 15-ое октября ничего особенного не случилось и состояло всё благополучно.*

Казнь революционеров

10 октября был приведён в исполнение приговор военного суда о смертной казни через повешение над арестантами Николаем Рогачовым и Александром Штромбергом внутри тюремной ограды (на большом дворе цитадели, у крепостной стены, обращённой к Ладожскому озеру – А.П.), *о чём своевременно донесено господину товарищу министра внутренних дел, заведующему полицией, командиру отдельного корпуса жандармов и в департамент полиции».*

На уход из жизни 28-летнего Рогачёва и 30-летнего Штромберга жандармский полковник отреагировал так, как и положено служителю Царя и Отечества, без каких-либо эмоций: ***«…ничего особенного не случилось…».***

А действительно, что случилось-то? Ну, двумя революционерами стало меньше, - так заслужили, туда им (в смысле, в ад) и дорога, тем более, что оба клятву нарушили (военные, как-никак), став на путь революционного террора.

А кто они были, защитники интересов народа, не пожалевшие ради него своих молодых жизней? Не буду говорить об Александре Штромберге, выходце из дворян Курской губернии. Поведу речь о нашем земляке Николае Рогачёве.

Два брата

Вообще-то, во всех энциклопедиях и справочниках, упоминаются всегда рядом два брата-революционера Рогачёвых – старший, Дмитрий, и младший, Николай, - из дворян Орловской губернии. Оба (по очереди, с разрывом в шесть лет) учились в Орловской военной гимназии (так с 1865 по 1882 год именовался Бахтина кадетский корпус), потом поступили в военные училища и закончили их.

Дмитрий, прослужив некоторое время в артиллерии, ушёл в отставку в чине поручика и поступил в Технологический институт, где,

«заразившись» революционными идеями, стал активным их пропагандистом, сначала – среди рабочих, а потом среди крестьян.

Вместе с Сергеем Кравчинским они отправились в народ, в Тверскую губернию, где работали косцами и пильщиками, нанимаясь к разным хозяевам. В ноябре 1873 года их арестовали, но они сумели бежать.

В промежутках между походами в деревню Дмитрий Рогачев успевает устроиться рабочим при плавильной печи на Путиловском заводе в Санкт-Петербурге, где вместе с Софьей Перовской ведет пропаганду социализма среди рабочих, а в следующем, 1874-ом, он организует революционные кружки в Пензе и Саратове, работая на пристанях, в волжских артелях, на рыбных промыслах.

Активная пропагандистская деятельность Дмитрия не осталась незамеченной полицией и, когда в августе 1876 года он приехал в Санкт-Петербург, тут же был арестован и помещен в Петропавловскую крепость.

Признанный *виновным в составлении противозаконного сообщества и распространении преступных сочинений,* Дмитрий Михайлович Рогачёв был приговорён в 1878 году к лишению всех прав состояния и к каторжным работам в крепости на 10 лет. Отбывал он наказание на знаменитой своими страшными порядками Карийской каторге, где и умер в январе 1884 года от воспаления лёгких.

Дмитрий Рогачёв

Николай Рогачёв

Николай Михайлович, вовлечённый старшим братом в революционную деятельность, после окончания военного училища отбыл в расположение 28 артиллерийской бригады, а вернувшись в 1880 году в Санкт – Петербург, стал активным членом военной организации недавно перед этим созданной «Народной воли».

Рогачев – младший выполнял очень сложные задания. Например, уже после покушения 1 марта 1881 года, он сумел из квартиры своего товарища Суханова (за квартирой следила полиция) вынести все революционные документы и успешно скрыться.

В течение всего 1881 года, несмотря на то, что большинство народовольцев было арестовано, и ему самому советовали перейти на нелегальное положение, Николай Рогачев объезжал войска в Северо-Западном крае и вел среди них активную революционную пропаганду.

По воспоминаниям народовольцев, «офицерская молодёжь приходила от него в восторг», поскольку Николай Михайлович был чрезвычайно обаятельным человеком, имел приятный, мягкий голос и всею личностью располагал к себе. А если добавить, что он и по внешности выглядя настоящим атлетом, обладал огромной физической силой, то можно понять причины его популярности среди коллег-офицеров.

Но 31 марта 1883 года из-за предательства одного из народовольцев (Дегаева) Рогачев был арестован и заключен в Петропавловскую крепость. Его судили вместе с 14-ю другими народовольцами – членами военной организации и приговорили к повешению по совокупности всех деяний. О том, как и когда ушёл из жизни Николай Рогачёв, я поведал тебе, читатель, в самом начале рассказа.

А теперь - чуть подробнее об истории семейства Рогачёвых. В Государственном архиве Орловской области, в фонде 68 (Дворянское депутатское собрание), мне удалось обнаружить документы, которые позволили существенно её уточнить.

Родословие

Итак, их родной прадед, помещик Новосильской округи, Егор Осипович Рогачёв, владел поместьем в селе Судбищи и деревне Домны. После его смерти в 1815 году имение по наследству перешло к его жене, Пелагее Васильевне, и детям – поручику Фёдору, ротмистру Ермилу и подполковнику Семёну Егоровичам Рогачёвым.

Семён Егорович – дед Дмитрия и Николая, дослужившись до обер-офицерских чинов в 1811 году, ушёл в отставку. Однако с началом Отечественной войны 1812 года Семён Рогачёв поступил в Тульское ополчение, во 2-ой Казачий пехотный полк, батальонным командиром.

Потом перешёл на службу в регулярную армию, где находился в авангарде генерала от инфантерии графа Милорадовича вплоть до 1815 года, когда уже окончательно был уволен с военной службы в чине подполковника.

Вот как раз после его возвращения к мирной жизни в Орловской Палате гражданского суда был подписан раздельный акт по поводу рогачёвского поместья. Однако, по всей видимости, у наследников существовали серьёзные материальные проблемы, поскольку они сообща решили доставшееся им владение продать подпоручице Ефросинье Глотовой. С этого времени у Рогачёвых недвижимости не осталось, однако дворянский титул они сохранили.

Единственный сын Семёна Егоровича, Михаил, родившийся в 1818 году, служил по гражданской линии и в конце 1840 года был уволен с чином коллежского регистратора. За счёт каких источников жил в последующие годы сам коллежский регистратор и его многочисленное семейство, мне пока уточнить не удалось.

В период с 1846 по 1865 год, один за другим, рождались у Михаила Семёновича дети. В Алфавитном Указателе Дворянских родов Орловской губернии их числится шестеро, - сыновья Владимир, Константин, Николай, Дмитрий, Александр и Семён. По каким-то причинам в этот перечень оказались не вписаны ещё трое детей Рогачёва, сопричисленных Дворянским собранием ко дворянству в 1862 году – Пётр, Ольга и Николай.

Два Николая: тайна имени

Да, я не оговорился, написав, что имени Николая нет в перечне, поскольку речь идёт о том Николае, который родился 15 марта 1856 года, между тем как в Алфавитном Указателе Дворянских родов Орловской губернии значится только Николай Рогачёв, родившийся 4 сентября 1850 года.

По всей видимости, первого Николая родители очень любили, и когда он умер (а это произошло незадолго до рождения очередного ребёнка), то родившегося сына снова решили назвать именем того, о ком всё ещё горевали и переживали. Так во второй раз в семействе Рогачёвых сын был назван именем «Николай».

Между тем, в прошлые века, в большинстве случаев, избегали называть детей именами умерших в раннем детстве. Считалось, что в этом случае ребёнок может получить судьбу умершего или никогда не женится. Вот если наречь новорожденного именем умершего деда или бабки, если они были счастливы и удачливы – то это да, можно, особенно если они умерли в глубокой старости.

Николай Рогачёв-первый прожил пять лет, его родной младший брат и полный тёзка был повешен, когда ему шёл двадцать девятый год. Николай Рогачёв-второй так, кстати, и не женился. Что тут – простое совпадение с теми суевериями, которые присущи нашему народу? Не знаю, но, наверное, имя, тем более данное ребёнку в такой ситуации, определило – так или иначе – трагическую судьбу будущего революционера.

А будь он Семёном (по деду), как был назван самый младший из Рогачёвых, - никогда бы не закончилась его жизнь так печально. Да, читатель?

Князья Кугушевы

Почти все населённые пункты Берёзовского сельского поселения Покровского района Орловской области в XVII – XIX веках не знали крепостного права: их жители – потомки служилых людей, посланных царём Алексеем Михайловичем защищать южные рубежи Русского государства.

Деревня княжеского имени

И только в одном населённом пункте, деревне Княжее (Князево, Княжное, Княжое), который расположился на пологом, левом берегу реки Труды, напротив деревни Труды (Теряева), жили со второй половины XVIII века **помещики-землевладельцы Кугушевы**.

Кугушевы - княжеский род, происходящий от Бехана, владевшего в конце XIV века округом и городом Сараклыч (на месте которого возник впоследствии Саровский монастырь). Род Кугушевых внесен в VI части родословных книг Пензенской, Тамбовской и Орловской губерний.

Первое упоминание о Кугушевых в наших краях относится к 1782 году. Именно в это время владелицей земель у деревни Вепринской (современного села Вепринец) названа капитанша, княгиня Агафья Кугушева.

А вот какое упоминание о её сыне, князе Николае Кугушеве, я нашёл в протоколах Малоархангельского уездного суда за 1804 год. Сотский села Ворово Егор Дуров 15 ноября прислал рапорт в этот суд, сообщая, что *«в жолоб водяной мельницы на реке Труды, принадлежавшей князю Кугушеву, попала и умерла от полученных ранений села Дроскова диакона Димитрия Косова девка Пелагея Никифорова».*

От Николая Кугушева имение на реке Труды перешло к его племяннику, Павлу Александровичу Кугушеву. Он не отличался примерным поведением, да и жениться не спешил: жил 10 лет гражданским браком. За это время у него появилось на свет четыре

дочери: Мария, Александра, Агафья и Глафира. Но долгожданный сын Дмитрий, родившийся у Павла Александровича 19 мая 1861 года, наконец-то, сподвиг 52-ухлетнего бывшего ловеласа обвенчаться со своей Александрой. А после рождения пятой дочери, Зинаиды, 5 июля 1865 года он обратился с прошением к Орловскому Дворянскому депутатскому собранию о причислении ко дворянству жены – Александры Николаевны, и всех детей, прижитых как до брака, так и законнорожденных.

К сожалению, с единственным сыном-наследником Павлу Александровичу Кугушеву сильно не повезло.

«Виновен, но заслуживает снисхождения…»

3 февраля 1897 года губернская газета «Орловский вестник» в своей «Хронике» опубликовала следующую информацию:

«31 января Орловский окружный суд по уголовному отделению в городе Малоархангельске, в составе: тов.председателя – А.А. Романовский – Романько, член суда В.А. Федотов-Чёрный, уездный член суда Н.П.Кагальников, при секретаре В.Ф. Сухове и тов. Прокурора В.Ф. Берченко, с участием присяжных заседателей, слушал дело о князе Д.П. Кугушеве, обвиняемом по 1455 ст.уложения о наказаниях.

Защитником подсудимого выступил частный поверенный Селиверстов. Гражданским истцом был крестьянин П.В. Данилов. Экспертами по вопросу о состоянии умственных способностей подсудимого были вызваны директор Орловской психбольницы П.И. Якобий и городовой врач Болховитин. Вход в зал заседания допускался по билетам. ***Вердиктом г.г.присяжных заседателей князь Кугушев был признан виновным, но заслуживающим снисхождения, в том, что 15 ноября 1895 года в сельце Николаевке Малоархангельского уезда выстрелил в Андрееву и Данилова и лишил их при этом жизни, хотя и без обдуманного заранее намерения, в раздражении, но и не случайно, а с знанием последствий своего деяния.*** *Суд постановил:*

Князя Д.П. Кугушева, 34 лет, лишить всех прав состояния и сослать в более отдалённые места Сибири. Приговор сей, по вступлении его в законную силу, прежде обращения его к исполнению, представить, чрез министра юстиции, на усмотрение Его Императорского Величества. Приговор будет объявлен в Орле 7 февраля и о переводе князя Кугушева в Орловскую губернскую тюрьму сделано председательствующим распоряжение».

Так жители Орла и губернии узнали уже официальную информацию о нерядовых убийствах, совершённых не просто дворянином (что и так было ЧП), но лицом княжеской фамилии, хотя и не из самых известных. Об этом двойном убийстве больше года «гудела» вся Орловская губерния.

А теперь некоторые подробности биографии Дмитрия Павловича Кугушева. Некоторое время он пытался сделать военную карьеру, но дослужился всего лишь до чина младшего унтер-офицера, после чего ушёл в запас.

Поселился в одном из своих имений – в помещичьем доме на хуторе близ сельца Николаевка Малоархангельского уезда (исчезнувший к настоящему времени населённый пункт на территории Покровского района – А.П.). Отсюда князь Дмитрий Павлович частенько совершал поездки в дальние края, в том числе, и в свои саратовские имения. Дожив до 34 лет, он так и не женился, ограничиваясь случайными связями, пока не произошли вышеупомянутые события.

«…С собой шутить не позволил»

Всё началось в мае 1895 года, когда князь Кугушев возвращался из очередной свой поездки в Самарскую губернию и, проездом в Орле, посетил публичный дом, где познакомился с проституткой Анной Андреевой. Запала в душу князя продажная красавица, и он увёз её с собою в деревню.

Жили они там вдвоём, совершенно без прислуги. А в октябре князь вызвал в помощь себе и любовнице своего лакея из саратовского имения. Звали его Филимон Данилов, и он верой и правдой служил князю Кугушеву уже 20 лет.

А 15 ноября 1895 года, около 11 часов утра, на хутор князя приехали крестьяне Василий Сампсонов и братья Гревцевы – Иван и Николай. Сампсонов купил на слом у князя его скотный сарай, и братья должны были помочь ему в его разборке и перевозке.

Князь ещё спал, но, разбуженный лакеем Филимоном, пригласил приехавших в дом – «обмыть», по русскому обычаю, сделку. По предварительной просьбе Кугушева, Сампсонов привёз две бутылки портвейна и бутылку водки. Крестьяне пили водку, а князь – портвейн, чем-то закусывали. Кугушев выпил пол-бутылки, но не опьянел, а только «повеселел». Ходил по дому туда-сюда, пригласил из спальни любовницу Анну. Ей предложили гости выпить полстакана вина, она согласилась, после чего князь поцеловал ей руку и проводил в спальню. Оттуда вскоре послышались песни – «Пропадай ты, жизнь молодецкая» и «Конфетка моя леденистая, янтарная, моренистая…».

Князь, по мере опустошения бутылки, несколько раз заходил в спальню, целовал Андрееву и выходил к крестьянам каждый раз взволнованный, даже со слезами на глазах.

Иван Гревцев вздумал было подшутить над ним: «Глаза княжеские, а слёзы, как у мужика». И тут, по словам свидетеля, Дмитрий Павлович так

посмотрел на него, что шутнику стало страшно. Крестьяне почуяли недоброе и попытались уехать. Но Кугушев остановил их словами: «Сидите – ещё будет!»

Потом разговор зашёл о стрельбе, и князь стал хвастаться, какой он стрелок. Зарядил ружьё и несколько раз на крыльце выстрелил. Прошло ещё немного времени, крестьяне разделились – двое курили на кухне, а третий сидел в гостиной. В этой время то ли Анна Андреева, то ли сам Кугушев позвали в спальню Филимона. Тот зашёл, и почти сразу же там раздалось два выстрела, на которые гости не обратили внимания – ведь они не были первыми.

Но тут из спальни в гостиную вышел Кугушев и сказал Ивану Гревцеву: «Идём, посмотришь, как я двух баранов повалил». В спальню следом за князем отправился не только Иван, но и двое других крестьян. Их глазам предстала страшная картина: *«…на полу лежали в луже крови с простреленными в упор и изуродованными лицами мёртвая Анна Андреева и ещё хрипевший Филимон Данилов. Указывая на них, Кугушев сказал: «Это люди, не скотина – я должен буду отвечать за них».*

Последующие события для крестьян разворачивались, как во сне. Николаю Гревцеву князь тут же приказал уезжать и сообщить, куда следует, об убийстве. Николай умчался сломя голову, за ним попытались сбежать и двое других. Но не тут-то было. Однако испуганный Сампсонов умолил Кугушева отпустить его. Тот, обозвав своего покупателя «негодным трусом», позволил ему уехать. А не менее напуганного Ивана Гревцева князь оставил, то кричал на него, то водил в спальню посмотреть на дело рук своих, то поил чаем и вином, то говорил, за что он застрелил любовницу и лакея. И когда после очередного визита в спальню всё ещё хрипевший на полу Филимон Данилов на некоторое время отвлёк князя, сбежал из дома и последний гость. Кугушев тут зарядил ружьё и третьим выстрелом в грудь добил Филимона.

А потом совершенно спокойно съездил к соседу-арендатору Абрамкину, отдал там долг двум рабочим, сообщив им об убийстве, и возвратился домой. Там его уже ждала полиция. Кугушев обратился к уряднику: «Ну, что тут рассуждать? Я убил двух людей – пусть знают князя Кугушева, который с собой шутить не позволит».

Войдя в дом, князь всё рассказал и показал, заявив, что убиты были «холуи и изменники», поскольку Анна Андреева ему постоянно изменяла с соседями – мещанином Абрамкиным и купцом Говоровым, а лакей Филимон ей в этом помогал, приводя любовников в дом.

Правда, в ходе судебного разбирательства выяснить, на самом деле изменяла любовница или это выдумки Кугушева, не удалось. Зато, когда

«горячка» первых часов прошла, убийца стал говорить, что совершенно не помнит, как он совершил убийства.

Пришлось в течение семи месяцев наблюдать за князем нескольким врачам-психиатрам. Они пришли к единодушному мнению, что Кугушев вменяем и только симулирует потерю памяти по этому эпизоду. На самом судебном заседании уже другие врачи подтвердили мнение коллег.

Присяжные заседатели, рассматривая материалы дела, решили, что вина князя Кугушева доказана полностью, он совершил преступление в нормальном состоянии и потому – «Виновен», хотя и заслуживает снисхождения.

Царь Николай II утвердил решение суда о лишении князя Дмитрия Павловича Кугушева всех прав состояния и высылке его в Сибирь… О его дальнейшей судьбе сведений пока найти не удалось.

Русско-французская история

Начало ей положил мой хороший знакомый из Макеевки (Донецкая Народная республика – А.П.), Михаил Василишин, с которым мы уже несколько лет общаемся на почве общей любви к генеалогии: корни у Михаила – орловские, а мои - много лет связаны с Донбассом.

Крестник Императрицы

Прислал мне как-то Михаил письмо о любопытной находке, сделанной им в Донецком архиве, в метрических записях Николаевской церкви города Дружковка за 1911 год. В части первой, «О родившихся», обнаружил он вот такую запись под № 143 (цитирую – А.П.):

«30 апреля 1911 года родился, 2 октября крещён – Александр. Родители: 5-го гусарского Александрийского Ея Величества Государыни Александры Феодоровны полка корнет Иоанн Александров Глебов, православного вероисповедания, и законная жена его Васса Петрова, римско-католического вероисповедания».

Казалось бы, ничего необычного, запись как запись: у какого-то корнета (это младший офицерский чин в кавалерии – А.П.) и его жены, пусть и католички, родился сын. Да, это так, но в соседней графе «Восприемники» (крестные родители – А.П.) оказались вписаны: *«Ея Императорское Величество Императрица Александра Феодоровна и надворный советник Пётр Иоаннов Хмелевский».* По поводу надворного советника – полная ясность: это родной отец Ванды Петровны Глебовой и дед младенца Александра. Но чтобы крёстной матерью у обычного корнета (хотя и служившего в её именном полку) стала жена российского

императора – это точно событие неординарное. К тому же, в последней графе этих сведений о рождении значилось, что *«При записи акта было представлено свидетельство, выданное Канцелярией Ея Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны от 24 мая 1911 года».*

По всей видимости, корнет Глебов сначала получил именной документ о том, что царица даёт согласие стать восприемницей его сына, а уже потом крестил младенца, то есть, Александра Фёдоровна стала крёстной матерью заочно (такое иногда бывало – А.П.). Хотя нельзя отрицать, что императрица посещала полк её имени (он стал именоваться так с декабря 1907 года – А.П.). Но однозначно, что Государыня была знакома с корнетом Иваном Глебовым лично, иначе она не стала бы крёстной матерью для его сына.

Стал я выяснять, кто же такой этот корнет, если царица обратила на него внимание. Глебов оказался довольно известной личностью.

Полковник и георгиевский кавалер

Выходец из орловских дворян, родился он 8 мая 1885 года. Среднее образование Глебов получил в Таганрогской гимназии, а в 1908 году окончил Николаевское кавалерийское училище, откуда выпущен был корнетом в 5-й Александрийский гусарский полк, с которым с тех пор оказались надолго связаны его дальнейшая жизнь и военная карьера. Через полтора года после рождения сына Иван Александрович был произведен в поручики.

Полковник Иван Глебов
(или Иван Виаллат)

В Первую мировую войну он вступил в составе своего Александрийского полка. *«За отличия в делах против неприятеля»* 5 февраля 1915 года Глебов был произведен в штабс-ротмистры. В течение 1915-1917 годов неоднократно отмечался за проявленные в боях храбрость и мужество орденами (Св. Станислава 2-й степени «с мечами и бантом», Св.Анны 4-й степени с надписью «За храбрость», 3-й степени

«с мечами и бантом» и 2-й степени, Св.Владимира 4-й степени – А.П.). 10 марта 1916 года его произвели в ротмистры, а 3 июля 1917 года - в подполковники.

Награждение Георгиевским крестом 4-й степени с лавровой веткой достойно хотя бы частичного цитирования: *«За то, что в период боев с 20 августа по 3 сентября 1917 года он лично руководил всеми боевыми действиями эскадрона, всюду находился на линии передовых цепей и дозоров, разделяя опасности и трудности каждого отдельного бойца…».*

Позднее, в том же 1917 году Глебов занимал должности помощника командира Крымского конного полка и командира 2-го Крымско-татарского полка. В январе 1918 года участвовал в боях в Крыму.

В 1918 году он вступил в Добровольческую армию, командовал эскадроном своего родного 5-го Александрийского гусарского полка, а с 3 мая 1919 года полковник Глебов стал его командиром, оставаясь в должности до октября 1919 года. После поражения Белой Армии эвакуировался из Крыма на корабле «Аю-Даг».

В эмиграции полковник Глебов находился в Югославии. Был командиром 3-го кавалерийского полка, состоял членом Общества галлиполийцев. В 1938 году руководил Высшими военно-научными курсами в Мариборе (ныне – второй по величине город в Словении – А.П.). Дальнейшая судьба белогвардейского офицера из орловских дворян и членов его семьи нам пока не известна.

Из Виаллата – в Глебова за два миллиона

Казалось бы, вот и все: получилась история об одном орловском дворянине, участнике Первой Мировой войны и георгиевском кавалере Иване Глебове, но, оказывается, завесой времени оказалось укрыто не только окончание его жизни, но и самое его начало. Узнать об этом мне удалось благодаря **Mia60** - «долгожителю» сайта ВГД, которая нашла в Российском Государственном Историческом архиве дело, состоявшее из документов, входивших в уничтоженные дела.

Mia60 изучила их все очень подробно, а я сделаю «выжимку» из её почти детективного исследования, стараясь не запутать читателя. Итак, жил себе – поживал и служил в Навангинском пехотном полку орловский дворянин Константин Павлович Глебов, 1825 года рождения. 20 августа 1848 года он женился на наследнице солидного состояния в нескольких губерниях Российской империи Александре Ивановне Гуржеевой. По документам дела и её заявлению, Константин Глебов вёл разгульный образ жизни, и супруга вскоре покинула мужа, получив от него в декабре 1850 года отдельный вид на жительство. За время совместного брака детей у них не появилось.

Александра Глебова, став свободной женщиной, путешествовала по заграницам и, живя в Париже в 1863-1864 годах, познакомилась с французским офицером, подпоручиком гвардейских конных егерей, Францем Ахиллом Виалаттом. 30 марта (11 апреля) 1865 года Александра Глебова родила от него сына, который был признан Ф.Виаллатом и крещён в католическую веру под именем Юлий-Анн-**Александр**-Ахилл. Восприемницей стала сестра роженицы – Анна Ивановна Лишина, дворянка Орловской губернии.

5/18 апреля 1865 года Александра Ивановна Глебова умерла от родильной горячки, и её похоронили на кладбище Монмартр. Франц Ахилл Виалатт, решив спустя некоторое время жениться, отдал своего сына крестной его матери и тётке – Анне Ивановне Лишиной, которая, не имея детей, решила воспитать мальчика. Его привезли в 1868 году в Санкт-Петербург, а в 1875-ом перекрестили в православную веру с наречением имени Александр. При «присоединении к православию» присутствовали супруги Анна Ивановна Лишина (его крестная и родная тётя – А.П.) и Константин Николаевич Лишин.

Александр Францевич Виаллат воспитывался во 2-й Санкт-Петербургской гимназии, которую окончил в 1885 году. Обучался он и в Медицинской академии – тоже под фамилией Виаллат. И так было вплоть до 1891 года, пока он не узнал, что его мать в первом браке была замужем за Константином Глебовым. Александр Виаллат в 1893 году подал прошение в Санкт-Петербургскую Духовную Консисторию о признании его законным сыном Константина и Александры Глебовых. И Консистория (трудно понять, почему-то, в наше время заподозрили бы в деле коррупционную составляющую – А.П.) решила признать его законным сыном пары, которая вместе не жила с 1850 года. Так Александр Францевич Виаллат превратился в Александра Константиновича Глебова и претендента на очень большое (более 2 миллионов рублей – А.П.) наследство своей тёти, Анна Ивановны Лишиной. Другие наследники с таким поворотом дела не согласились, и развернулось многолетнее судебное разбирательство.

В данном случае его результаты нас не очень интересуют, кроме одного-единственного момента: как мог, в таком случае, появиться на свет 8 мая 1885 года Иван Александрович Глебов, если его родной отец в это время ещё звался Виаллатом? Получается, данные о рождении георгиевского кавалера, полковника, орловского дворянина Ивана Александровича Глебова – чистейшей воды фантазия, подлог или мистификация? Вот такая история без ответа, уважаемый читатель. Туман, в котором можно заблудиться…

Любовь и смерть княгини Горчаковой

1 июля 1892 года большое село Городище (Орловского уезда, ныне – Урицкого района – А.П.) гудело, как растревоженный улей. Сюда, в известное в губернии и процветавшее помещичье имение, на венчание и свадьбу одной из дочерей местного владельца, умершего несколько лет назад, графа Евграфа Павловича Камаровского, съехались многие знатные гости. 19-летняя красавица-графиня Анна Камаровская выходила замуж за 22-летнего мичмана 17 флотского экипажа, князя Сергея Васильевича Горчакова.

Венчание. Жизнь в Городище

Поручители по невесте – родной брат, Лейб-гвардии Казачьего Его Императорского Величества полка, хорунжий Павел Евграфович Камаровский, и дядя, генерал-лейтенант, герой русско-турецкой войны 1877-1878 годов, граф Константин Николаевич Ламздорф, блистали военной формой и выправкой.

А моряк-жених, наоборот, пригласил в качестве свидетелей гражданских лиц – отставного гвардии поручика Николая Николаевича Лопухина и Почётного мирового судью из Карачевского уезда Алексея Григорьевича Теплова.

Священник, протоиерей Успенского храма села Городища, Алексей Ампелонский, произнёс все необходимые слова, закончив торжественную венчальную процедуру, и отправил молодых в совместное супружеское плавание.

За свадебным столом и танцами гости говорили о невесте только самые тёплые слова: красавица, умница (закончила Институт Московского дворянства для девиц благородного звания), добрейшая душа, готовая даже любому крестьянину прийти на помощь.

После свадьбы поселились молодые на некоторое время в просторном городищенском доме Камаровских, стали жить-поживать и добра наживать. А на следующий год, 23 июня 1893 года, родился, без какого-либо промедления, у княгини Анны Евграфовны Горчаковой здоровенький сын, которого батюшка Алексий на крещении в Успенской церкви назвал Василием. Крёстными на таинстве стали бабушка младенца, вдова графа Евграфа Павловича Камаровского, Елеонора Ивановна, и двоюродный брат отца новорожденного, специально приехавший в Городище, Сергей Дмитриевич Горчаков.

Братская измена

Спустя пару лет молодая пара с ребёнком покинула гостеприимное село Городище и поселилась в столице. На какое-то время об Анне Евграфовне, Сергее Васильевиче и их сыне забыли в имении

Камаровских, но потом вдруг нехорошие слухи поползли среди орловских помещиков: мол, не любит княгиня Анна своего мужа и изменяет ему. Говорили, что женатый двоюродный брат мужа, Сергей Дмитриевич Горчаков, тот самый, что крестил младенца Василия, ещё на крещении глаз не отводил от молодой матери.

Калужский губернатор, церемониймейстер Двора Его Императорского Величества, князь Сергей Дмитриевич Горчаков

Узнал и муж о слухах, поговорил с женой. Анна Евграфовна отрицать связь не стала, сказала, что замуж вышла «по настоянию маменьки», но не по любви. А вот Сергея Дмитриевича любит по-настоящему, и пусть муж что хочет, то и делает, но она уходит к любимому.

Не добившись от жены извинений и покорности, мичман в отставке обратился к Санкт-Петербургскому епархиальному начальству, которое «громкую измену» рассмотрело. Вот какую запись я нашёл в метрической книге Успенской церкви села Городища: брак супругов Горчаковых, Указом Святейшего Синода от 13 сентября 1901 года расторгнут – *«по причине нарушения княгиней Анной Евграфовой Горчаковой супружеской верности – с добавлением князю Сергею Васильевичу Горчакову права вступить в новое супружество и осуждением графини Анны Евграфовой, урождённой Камаровской, на всегдашнее безбрачие».* Орловская духовная консистория свой Указ по этому делу утвердила 21 декабря 1901 года.

В те годы такое решение было страшным наказанием для женщины. И, вполне возможно, молодая княгиня могла легко сломаться под давлением религиозного и общественного мнения, если бы не решимость человека, ради которого Анна Горчакова круто изменила свою судьбу.

Я не знаю, какие действия и усилия предпринимал Сергей Дмитриевич Горчаков, но ему удалось добиться невероятного. Мало того, что он сам расторг свой брак с первой женой, Софьей Дмитриевной

Голицыной, но ещё и добился отмены решения Святейшего Синода в отношении своей новой избранницы. Наверное, в этом помогло его достаточно высокое положение в свете: в 1898-1900 годы С.Д. Горчаков – управляющий делами архангельского вице-губернатора, в 1903-1904 годы он – олонецкий и херсонский вице-губернатор, а с 1906 года Сергей Дмитриевич занимает уже губернаторские посты – сначала в Вятке, а потом в Калуге (уже в чине действительного статского советника).

Павел Евграфович Камаровский

Константин Николаевич Ламздорф

Во всех ипостасях…

В период шестилетнего калужского губернаторства С.Д. Горчакова он много хорошего успел сделать для губернии. И большую помощь ему в этом оказала новая супруга - любящая, деятельная и энергичная Анна Евграфовна.

Одной из главных заслуг губернатора и его жены, наверняка, можно считать строительство в Калуге народного дома, в котором имелись читальня, зрительный зал с театральной сценой, гимнастический зал и библиотека.

В преддверии 100-летнего юбилея Отечественной войны 1812 года в Калуге было организовано Общество ревнителей о народном благе в

память этой войны. Президентом нового общества стал губернатор Горчаков, а председателем – Анна Евграфовна.

В 1912 году, будучи попечительницей Калужской женской гимназии, княгиня Горчакова добилась создания приюта для «бедных слабых здоровьем учениц» и открытия модных и белошвейных мастерских, в которых могли работать выпускницы Михаило-Архангельского приюта.

Графиня Анна Евграфовна Горчакова, урождённая Камаровская

С началом Первой мировой войны Анна Евграфовна учредила Комитет для оказания помощи воинам Калужской губернии, возглавила Калужский отдел Красного Креста, а в созданном ею Народном доме организовала помощь воинам и их семьям, призвав к этому всех калужан.

И хотя дела общественные занимали львиную долю времени у деятельной губернаторши, но она успевала ещё что-то делать и для души. Первым, достаточно редким среди женщин увлечением Анны Евграфовны были лошади. Она не просто любила их и умела прекрасно сидеть в седле (не уступая профессиональным наездникам), но и разводила рысистых скакунов на своих конных заводах в селе Городище (Орловского уезда Орловской губернии) и селе Барятино (Тарусского уезда Калужской губернии).

Когда в 1912 году в Калуге проходила XX выставка Калужского общества сельского хозяйства, то рысаки княгини получили золотую медаль от него и серебряную медаль Главного управления государственного конезаводства.

Кроме того, Анна Евграфовна сочиняла стихи, писала прозу, опубликовав под псевдонимом «Кось-Кнаегорский» две книги, одна из которых была посвящена её любимым лошадям и называлась «Из конского мира».

Я уже не говорю о том, что княгиня Горчакова была замечательной и любящей не только женой, но и матерью. Кроме первенца Василия, во

втором браке она родила ещё двух детей – Татьяну (в 1902 году) и Дмитрия (в 1906 году).

«Я верю, что Россия спасётся…»

Революцию 1917 года Горчаковы встретили в своём имении Барятино Тарусского уезда Калужской губернии. К этому времени Сергей Дмитриевич уже ушёл с государственной службы, подав прошение об отставке. Но это не спасло ни его, ни супругу от обысков и арестов представителей новой власти.

Бывший губернатор Калужской губернии, будучи дважды арестованным, в конце концов, был обвинён *«в активной борьбе против рабочего класса и революционного движения»* и отправлен в ссылку за Урал, где и скончался в 1927 году. У Анны Евграфовны Горчаковой судьба оказалась ещё более короткой и трагической.

Летом 1918 года её, как бывшую помещицу, должны были выселить из имения в Барятино. Но потом решили оставить как обычную работницу – для обслуживания лошадей национализированного конного завода. Ещё в марте гражданка Горчакова, бывшая княгиня, в письме своей знакомой фактически предсказала свою судьбу: *«...я в недалеком будущем, может быть, буду сидеть в "холодной" за то, что меня обложили контрибуцией в 10000 рублей, которые я не имею, и достать негде, ввиду того, что все*

отняли...Я пока не очень унываю, мне помогает непоколебимая вера в неизреченное милосердие Божие! Я верю, что Россия спасется православием, как предсказал Св. Серафим Саровский... Крепко, крепко целую Вас и да хранит Вас Господь, и поможет во всём. До свидания! Надеюсь! Ваша Кн. Горчакова».

Надежды Анны Евграфовны не оправдались. А вот предсказания сбылись. Её арестовали в сентябре 1918 года как бывшую помещицу и, несмотря на критическое состояние здоровья (сильная степень истощения, малокровие, опухоль и болезненность коленных суставов на почве ревматического страдания – А.П.), держали в заключении несколько месяцев. А 22 декабря 1918 года бывшая княгиня Горчакова была убита часовым, охранявшим её, якобы, *«при попытке к бегству».*

Совсем недавно, на основании Закона Российской Федерации «О реабилитации жертв политических решений» супруги Горчаковы были реабилитированы: Сергей Дмитриевич – в 1993-м, а Анна Евграфовна – в 2011 году.

Орёл в судьбе гетмана Скоропадского

Об этом человеке – море разливанное информации на просторах Интернета, огромное количество книг и статей в периодических изданиях, и потому я не буду подробно перечислять его звания, регалии, заслуги и тому подобное. Остановлюсь лишь на нескольких, как мне кажется, существенных моментах неординарной биографии Павла Петровича Скоропадского.

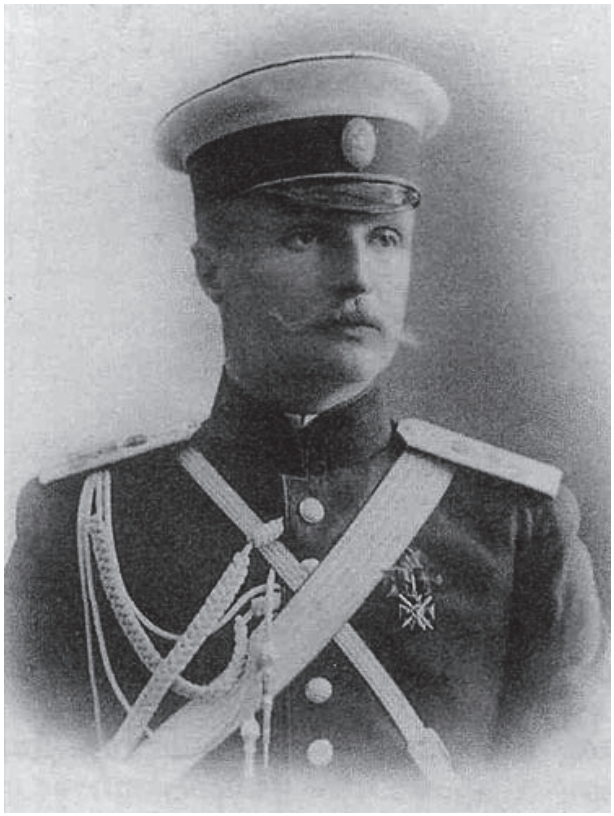
Особа, приближённая к Императору

24 года он прослужил в Российской Императорской армии, пройдя путь от корнета Кавалергардского полка до генерал-лейтенанта, командующего 34-м армейским корпусом в Первую мировую войну. Участвуя в русско-японской войне 1904-1905 годов, был награждён Золотым оружием «За храбрость», а за два десятилетия беспорочной службы удостоился десятка орденов.

Павел Петрович был особой, приближённой к императору (генерал-адъютант Николая II), но, будучи по происхождению из старинного дворянского малороссийского рода (его прапрадед – брат гетмана И. Скоропадского во времена Петра I, пришедшего вместо предателя Мазепы – А.П.), проявил активность вскоре после Февральской революции и быстро стал одним из самых известных военных и

политических деятелей зарождавшегося украинского независимого государства.

Скоропадский первым начал проводить украинизацию частей разлагавшейся царской армии, надеясь, таким образом, повысить их боевой дух, а позже он же формировал украинскую национальную гвардию.

Павел Петрович Скоропадский

Он же - в форме гетмана

Пик деятельности Павла Петровича пришёлся на последние числа апреля 1918 года, когда он устроил государственный переворот, свергнув правительство Центральной Рады и став гетманом – при поддержке немецких оккупационных войск, занимавших к этому времени многие районы Украины.

Немецкая составляющая биографии Скоропадского очень существенна. Так уж вышло, что родился он на территории Германии (3 мая 1873 года – в городе Висбаден земли Гессен – А.П.), в Первую Мировую войну, как русский генерал, храбро воевал с германцами, но в 1918 году, во времена своего гетманства, пользовался их покровительством – до тех пор, пока они не заподозрили в нём слишком большое стремление к независимости.

Поэтому, по свидетельству одного из современников гетмана, лично встречавшегося с ним незадолго до отречения, бывшего депутата

Государственной Думы Н.В. Савича, *"...немцы в последний момент перед эвакуацией выпустили против гетмана и его правительства петлюровские и галицийские банды, желая тем подложить свинью союзникам. ...Они поняли, что ... сам Скоропадский такой же самостийник, как и любой русский человек подмосковного района».*

Брошенный покровителями, Скоропадский 14 декабря 1918 года отрекся от должности гетмана Украины и удалился в эмиграцию. Вплоть до своей смерти Павел Петрович проживал на территории Германии. Скончался бывший гетман Украины 26 апреля 1945 года в монастыре Меттен (Бавария) после ранения, полученного при бомбардировке американской авиацией железнодорожной станции Платлинг близ Регенсбурга, где в этот момент находился Скоропадский. В 50-е годы 20-го века его прах перезахоронили в Оберстдорфе (ныне – известный горнолыжный курорт на юго-западе Баварии, одно из самых красивых мест в Альпах – А.П.).

Семья и дом

А теперь, уважаемый читатель, – о личной жизни Павла Скоропадского и его связи с Орловщиной.

Скоропадский и его жена

11 января 1897 года, 23-летний, тогда ещё поручик, будучи «*адъютантом Кавалергардского Ея Величества Государыни Императрицы Марии Фёдоровны полка»,* взял в жёны 18-летнюю Александру Дурново, представительницу известного в нескольких губерниях России (в том числе и на Орловщине) дворянского рода. Брак состоялся вопреки первоначальной воле отца невесты, генерала от инфантерии Петра Дурново, который хотел для своей единственной и горячо любимой дочери более солидного жениха. Но спустя несколько месяцев генерал смирился, увидев, как нежно молодые относятся друг к другу. Не только красивая, но ещё и умная, начитанная, в меру ироничная, Александра замечательно дополняла мужа. Они пронесли свою любовь через всю их 48-летнюю совместную жизнь.

Шестеро детей родилось у Скоропадских в счастливом браке – Мария, Елизавета, Пётр, Данила, Павел (умер в три года) и Елена. Павел Петрович служил и воевал, и потому всю тяжесть заботы о детях взяла на себя Александра Петровна. В зимнее время года Скоропадские жили, в основном, в Санкт-Петербурге, а на лето уезжали в свои имения в Тростянец или Положки (Черниговская губерния).

Но время от времени Александра Петровна с детьми проживала, как ни удивительно, в Орле, где у Скоропадских был собственный двухэтажный дом на улице Гостиной, напротив городской думы. Как и когда семейство стало орловскими домовладельцами – пока не известно. Скорее всего, недвижимость в губернском городе приобрёл отец Павла – Пётр Иванович Скоропадский. В 1906 году в доме Скоропадских, на втором этаже, находилась первоклассная гостиница «Берлин» (в годы Первой Мировой войны переименованная в «Белград» - А.П.).

Семья Скоропадских

По всей видимости, в один из таких приездов Скоропадским пришлось задержаться в Орле на более продолжительное время. Доказательства этому я нашёл в Государственном архиве Орловской области, в фонде 492 (опись 1, единица хранения 1). Среди десятков

«Свидетельств об окончании гимназий, училищ и других учебных заведений» имеется в фонде *«Выпись из метрической книги за 1899 год под №288, выданная из церкви Святых Праведников Захария и Елисаветы, что при Кавалергардском Ея Величества полку», выданную 31 декабря 1899 года в городе Санкт-Петербурге».*

В ней сказано, что 14 ноября 1899 года у адъютанта Кавалергардского Ея Величества Государыни Императрицы Марии Фёдоровны полка поручика Павла Петровича Скоропадского и законной его жены Александры Петровны, урождённой Дурново, оба православного вероисповедания, родилась дочь Елизавета (вторая по старшинству – А.П.). Восприемниками девочки (крестными отцом и матерью) стали родные дедушка и бабушка – генерал от инфантерии Пётр Павлович Дурново и вдова действительного статского советника Мария Андреевна Скоропадская. В какой именно женской гимназии обучалась в Орле Елизавета Скоропадская – мне пока выяснить не удалось. А вот по времени – это было в период Первой Мировой войны, в которой участвовал Павел Скоропадский.

А потом начались события двух подряд революций, гражданская война в центре России и на её национальных окраинах. Связи между главой семейства и женой с детьми в таких условиях не было никакой. И только когда Павел Скоропадский стал гетманом Украины, он начал энергичные поиски семьи, которые, в конце концов, увенчались успехом.

Адъютант Скоропадского, полковник Зеленевский, в мае 1918 года разыскал Александру Петровну и детей в Орле и настоятельно порекомендовал ей немедленно уехать вместе с детьми из города. Совет был принят, и с большими приключениями – через Петроград – Александра Скоропадская сумела добраться до Киева, где семья, наконец-то, после долгого перерыва, объединилась. Так – уже навсегда – Скоропадские попрощались с Орлом.

Что касается их орловского дома, то в короткий период нахождения в городе деникинцев (13-20 октября 1919 года) в нём находился их штаб. После революции здание занимали Дворец Труда, Торгсин (универмаг).

Во время оккупации Орла гитлеровцами в Доме Скоропадских размещалось одно из их карательных учреждений. Отступая из города в августе 1943 года, гитлеровцы взорвали здание. Долгое время считалось, что от него сохранились только подвал и фундаменты. Но несколько лет назад выяснилось, что значительная часть стен дома Скоропадских, всё-таки, сохранилась, и при восстановлении здания в послевоенный период их лишь достроили новыми элементами – колоннами, портиками и другими в стиле неоклассицизма. В настоящее по адресу улица Гостиная, 4 размещается Орловская банковская школа (колледж).

Гостиница «Берлин» после оккупации г. Орла, 1944 г.
Сейчас на этом месте Банковская школа

Дворец Труда

В назидание потомкам

В заключение, уважаемый читатель, – две цитаты. Вот первая из них:

«…Узкое украинство – исключительно продукт, привезенный нам из Галиции, культуру каковой целиком пересаживать нам не имеет никакого смысла: никаких данных на успех нет, и это является просто преступлением, так как там, собственно, и культуры нет. Ведь галичане живут объедками от немецкого и польского стола. Уже один язык их ясно это отражает, где на пять слов – четыре польского или немецкого происхождения…».

И второе высказывание: *«Насколько я считаю необходимым, чтобы дети дома и в школе говорили на том же самом языке, на котором мать их учила, знали бы подробно историю своей Украины, ее географию, насколько я полагаю необходимым, чтобы украинцы работали над созданием своей собственной культуры,* ***настолько же я считаю бессмысленным и гибельным для Украины оторваться от России, особенно в культурном отношении».***

Не помешало бы современным украинским политическим «деятелям» почаще обращаться к этим мыслям Петра Скоропадского и прочитывать их на сон грядущий – возможно, не возникло бы той кровавой бойни, которую они устроили собственному народу.

Книга о Скоропадских

Как крестьянка помещицей стала
(история одной любви с печальным окончанием)

7 января 2004 года я опубликовал в «Орловском меридиане» историю под названием **«Барышня-крестьянка и рыцарь-помещик, или как любили в старину».** В 2007 году я включил её в свою книгу **«Легенды и были земли Покровской»**, вышедшую в издательстве Александра Воробьёва. В октябре 2013-го очерк под изменённым названием **«Смирновская история»** появился и на сайте «Мастера».

И вот снова, спустя семь лет после последней публикации, я возвращаюсь к этой истории, которая 16 лет назад была для меня просто красивой легендой, а потом вдруг превратилась в реальность, да ещё какую. Но обо всём по порядку: сначала тот самый рассказ, с некоторыми изменениями, а потом – его продолжение и окончание…

История, которую я, уважаемый читатель, хочу тебе рассказать, началась давно, в самом конце XIX века, в большом селе Богородицкое (Успенское и Смирные тож) Малоархангельского уезда. Жил здесь тогда, на самой окраине села (а если точнее, на противоположной стороне большого пруда, **в собственном имении «Орловка»),** один помещик, звали которого Николай Киреевский, и принадлежал он к известному в Орловской губернии дворянскому роду.

На берегу Невады

Отца у этого Николая звали Алексей, и оставил он сыну, в общем-то, небольшое, но крепкое хозяйство, 200 десятин земли и аккуратный, красивый, как игрушка, усадебный двухэтажный дом, стоявший на берегу созданного им же пруда. Военная служба Николаю Алексеевичу Киреевскому никогда не нравилась, но и гражданская как-то не пошла, и потому он крепко осел в своем имении **«Орловка»,** занялся его укреплением и украшением. Прежде всего, Киреевский прочистил и расширил пруд, созданный его почтенным родителем. Протекавший здесь ручей с иностранным именем «Невада» нес воду чистую, как слеза – и в пруде вода этой чистоты не потеряла. Рыба, которую запустил в пруд помещик, была обычная – карп и карась, но в кристально-чистой водной массе красный карась и зеркальный карп казались совсем сказочными, когда на утренней или вечерней зорьке начинали свои рыбьи игры.

Завел себе Киреевский и небольшую лодку, на которой регулярно совершал прогулки по своему водному богатству (часто с парой удочек). Благоустроив пруд, занялся помещик парком: высадил несколько сот деревьев диковинных пород. Они составили три 200-метровые аллеи,

выходившие к дому. Самая нижняя из аллей шла параллельно ручью, впадавшему в помещичий пруд. Уже через несколько лет «аглицкий парк», как называли его местные крестьяне, стал второй, после пруда, местной достопримечательностью, появились в нем и грибы.

Так и жил помещик, ведя хозяйство, занимаясь украшением природы, но затосковал вдруг сильно, и тоска эта долго не проходила. Знал Киреевский, в чем дело, потому что меланхолия злая посещала его время от времени, несмотря на постоянную занятость.

Прекрасная купальщица

Четвертый десяток уже шел Николаю Алексеевичу, а хозяйки имения у него все не было. Ни одна из соседских помещичьих невест, как ни пытались они привлечь внимание непьющего, некурящего, хозяйственного Киреевского, не сумела покорить его сердце.

Богатые его не интересовали – Николай Алексеевич был натурой увлекающейся, романтичной и (что для помещиков являлось большой редкостью) доброй по отношению не только к людям своего круга, но и к крестьянам из соседнего села.

И вот однажды… Шел Николай Алексеевич от дома к пруду – на свое любимое место, искупаться перед сном на вечерней «зорьке» решил. Подходя к берегу, услышал вдруг плеск и энергичные шлепки по воде.

Разозлился помещик – кто это здесь на его месте развлекается? Отодвинул Киреевский рукой ветки куста и хотел, было, уже закричать, чтобы прогнать незваного купальщика, да так и замерла его рука, а приоткрытый рот не издал ни звука.

Спиной к нему на деревянном помосте сидела девушка и, свесив длинные волосы влево, к воде, чем-то их мыла. Уходящее за горизонт медное солнце осветило ее тело, и помещик чуть не вскрикнул от восхищения, а когда она встала и повернулась вполоборота к берегу, Киреевский увидел ее лицо, плечи, грудь – и пропал!

Задохнувшись, он осторожно отпустил куст и услышал, как девушка бросилась в воду и поплыла – вразмашку, быстро, к противоположному берегу. Николай Алексеевич понял, что она – из Смирных. Пару раз после этого он, как вор, наблюдал за нею из-за кустов, когда она приплывала сюда, но никак и ничем не выдал своего присутствия.

Как будто ненароком, к брату наведываясь, побывал Киреевский в селе Смирные и узнал, что его купальщица – не девушка вовсе, а крестьянская жена Ольга Ловчикова, и у нее уже двое детей. Известие об этом душевный жар Киреевского не затушило, а лишь усилило. Спустя неделю, чуть не напугав Ольгу до смерти и дав ей возможность одеться, Николай Алексеевич познакомился с чужой женой.

Обольщать помещик умел – данные для этого у него были как внешние, так и внутренние, недаром соседские помещичьи дочери мечтали о том, когда же он кого-то из них, наконец, выберет в качестве хозяйки имения «Орловка».

Короткое счастье

Вот так, наконец-то, Киреевский нашел свою избранницу – такую, что уже через месяц о его романе узнали в уездном Малоархангельске. Узнали и осудили, пробовали уговорить отказаться, стыдили, но безрезультатно.

Однако если у Николая Алексеевича страдания были только моральные, то Ольгу муж несколько раз бил смертным боем. Но вышедшая замуж по указке родителей, здесь она слушала только свое сердце, и поэтому – с синяками и шишками бежала к пруду, где ее уже ждал любимый барин Николай Алексеевич.

Однако и Киреевский просто развлекаться с чужой женой не собирался. Однажды Николай Алексеевич явился к Ольгиному мужу и предложил ему сделку: он договаривается со священником Успенского храма села Смирные, отцом Василием, и крестьянину Ловчикову разрешат развод, а Киреевский, взяв в жены Ольгу Григорьевну, позаботится о её детях, а мужу – в качестве компенсации – подарит десять десятин земли.

Сделка состоялась – хотя и не сразу. Три года ушло у Николая Киреевского на поездки – в Орел и Малоархангельск. Он сумел убедить всех, что Ольга Григорьевна – это его жизнь, много раз замаливал свой грех прелюбодеяния, стоя на коленях. Но, в конце концов, в Успенской церкви села Смирные, в присутствии всех местных крестьян, Киреевский обвенчался со своей любимой.

Двух детей Ольги Григорьевны Николай Алексеевич воспитывал как своих, а от большой любви родился у них вскоре общий сын Георгий. К сожалению, недолгим оказалось счастье рыцаря-помещика и барышни-крестьянки: Николай Алексеевич Киреевский скоропостижно скончался в 1907 году, не дожив даже до 40 лет. **Хозяйкой имения «Орловка» стала после смерти мужа Ольга Григорьевна.** К своим смирновским соседям, став барыней, она относилась, как и муж, по-доброму. Потому крестьяне ее уважали и любили.

Эту историю любви помещика к крестьянке рассказала мне 25 лет тому назад старейшая жительница покровской деревни Орловка Матрена Павловна Гревцева.

Многое в жизни она повидала и испытала. Когда началась война, и муж ушел на фронт, осталась Матрена одна с малолетними детьми. Немцы оккупировали деревню, где она жила тогда, выгнали ее из дома, и пришлось скитаться по подвалам. А во время освобождения сгорела её

хатёнка (немцы сожгли при отступлении) и несколько месяцев, не имея крыши над головой, ночевала Матрена Павловна в подвалах или просто под телегой – вместе со своими детьми.

Потом был тяжелый труд – копала, носила, косила – и все почти задаром. Только наладилась жизнь – дети выросли и разъехались, умер муж. Нелегкую и длинную жизнь прожила Матрена Павловна Гревцева. И светлым пятном в памяти 85-летней старушки осталась навсегда история любви помещика и крестьянки. Рассказывала Матрена Павловна – лицо светилось, а подробности такие вспоминала, будто вчера все видела.

Хотя и были у меня большие сомнения по поводу правдивости событий, живописно и красочно поведанных мне землячкой, но уж очень душевно и убедительно всё выглядело. Я записал эту, как мне казалось тогда, легендарную историю и опубликовал её в одном из областных изданий. А потом на какое-то время забыл о ней.

Прошло полтора десятилетия, и во время работы с документами Государственного архива Орловской области, когда я выяснял послереволюционную судьбу некоторых малоархангельских помещиков, натолкнулся вдруг на целое ***«Дело о выселении Киреевской Ольги Григорьевны и Балашовой Анны Ивановны…».*** У забытой, казалось, истории о любви помещика и крестьянки нашлось документальное подтверждение.

«…Вполне подходит»

31 декабря 1924 года, когда все нормальные обыватели Малоархангельского уезда вовсю готовились к наступавшему Новому году, в село Смирные Дросковской волости прибыла нежданная грозная комиссия, состав и цель которой я покажу из цитируемого ниже документа ***(«Дело о выселении Киреевской Ольги Григорьевны и Балашовой Анны Ивановны, 31 декабря 1924 - 21 августа 1925, ГАОО, ф.Р-1689, оп.1, ед.хр.52»*** *- А.П.):*

«Мы, нижеподписавшиеся, комиссия в составе члена Дросковского волисполкома тов.Андриянова Н.Н., председателя Смирновского сельсовета Гревцева, милиционера Дросковского волотделения милиции Зверева и окольного Ушакова Илариона Макаровича, на основании распоряжения Малоархангельского УИК от 18.12.24 за № 25 сего года прибыли в село Смирные Дросковской волости в дом к бывшей дворянке Киреевской Ольге Григорьевне и действительно нашли, что упомянутая бывшая дворянка Киреевская вполне подходит под действие вышеупомянутого распоряжения Малоархангельского УИК, а посему признали необходимым составить опись принадлежащего ей имущества, о чём и составлен настоящий акт».

Все члены комиссии добросовестно подписались под этим актом, дополнив его припиской ниже, что при составлении акта присутствовали также члены семейства: Киреевская Ольга Григорьевна – 60 лет, её невестка Ольга Николаевна - 25 лет, дочь Софья - 30 лет и внуки – 8 и 5 лет.

Далее последовала сама опись, в которой было перечислено всё имущество, находившееся в имении Киреевских, в первую очередь, постройки: дом двухэтажный, каменный, под железо крытый – (оценен в 1000 рублей), дом, обложенный кирпичом, крыт железом (оценен в 500 рублей), два амбара (200 рублей), три сарая (300 рублей), лошадь, корова, 4 овцы, 2 поросёнка, 10 кур (старых). Подробнейшим образом члены комиссии переписали все сельскохозяйственные орудия, продукты (муку, рожь, овёс, картофель), мебель, утварь (вплоть до барометра и альбома с фотографиями) и даже одежду (пальто дамское летнее, шинель офицерская синего сукна, платье бархатное).

Пришлось членам комиссии потрудиться несколько часов, но зато по завершении составления «Описи» они с удовлетворением сделали «Заключение», что *«Бывшая помещица Киреевская Ольга Григорьевна - даже крупная помещица, безусловно, подходит под распоряжение УИКа от 18 декабря 1924 года».*

«Слишком суровая и несправедливая мера»

Однако сама «бывшая помещица» не согласилась с такими выводами и 12 мая 1925 года обратилась в Малоархангельский уездный исполнительный комитет (цитирую – А.П.):

«Гражданки села Смирные Дросковской волости
Ольги Григорьевны Киреевской

Заявление

В январе месяце сего года Дросковским ВИК взято на учёт принадлежащее мне с моим семейством имущество, по имеющимся сведениям, данный учёт вызван следствием предполагаемого выселения из бывших усадеб, принадлежавших помещикам, а также, очевидно, и меня подводят под эту рубрику. Считаю нужным довести до сведения Малоархангельского УИК, что я совершенно не помещица, а происхожу из бедных крестьян села Смирных Дросковской волости, в доме помещика я жила с раннего возраста в качестве прислуги, после чего вышла в замужество за крестьянина с.Смирных, от которого имею двое детей, и один сын из них находился в рядах Красной Армии, а ныне - без вести пропавший.

Что же касается последнего периода моей жизни с помещиком Киреевским, последний, эксплоатируя меня как прислугу, использовал как женщину, после чего склонил меня оставить мужа и жить с ним, впоследствии исходатайствовал развод мне с мужем и совершил со мной законный брак…

И, таким образом, не родившись помещицей, я ей и не была, а в наследство от мужа-помещика получила одну нужду, из которой не могла выбиться до Революции.

После Революции из числа 175 десятин принадлежавшей мне земли была наделена нормой земли на имеющихся 12 душ, которую обрабатываю личными трудами своего семейства, также, как и до революции, рабочие силы семьи принимали непосредственное участие в обработке земли, хотя и, безусловно, применялись и наемные рабочие силы.

А посему, на основании вышеизложенного, прошу Президиум УИК ходатайствовать перед Орловским ГИК применить ко мне закон о трудовом крестьянстве и оставить меня с моим семейством в принадлежащем мне доме и при имеющейся норме земли, так как я происхожу, как выше сказано, из бедных крестьян, живу своим личным трудом, кроме того, рабочих мужских рук не имею, кроме двух внуков-пионеров, а один сын погиб в рядах Красной Армии, сама же я престарелых лет, и выселение меня из моего дома повлечёт за собой полную гибель моего семейства, так как кроме имеющегося надела земли, никаких средств к существованию не имею.

Причём, добавляю, что применение меры ко мне, которую применяет Советская власть к помещикам, была бы слишком сурова и несправедлива, так как я и моя семья есть трудовое крестьянство, случайно попавшее в дом помещика.

При сем прилагаю удостоверение Смирновского сельсовета от 4 мая сего года №112 о моём происхождении.

1925 года мая 12 дня.

К сему Ольга Киреевская, а за меня, неграмотную, по моей личной просьбе, расписалась А.Балашева».

К этому заявлению Ольга Григорьевна приложила «Удостоверение», выданное Смирновским сельсоветом о том, то она действительно происходит из крестьян села Смирные.

«Не ходите, девки, замуж». За помещиков

Малоархангельский уездный исполком, разбираясь с заявлением *«бывшей помещицы»,* поручил председателю Дросковского волисполкома М. Кожевникову провести дополнительный опрос гражданки села

Смирные Киреевской. Председатель поручение выполнил и 25 августа 1925 года опросил Ольгу Григорьевну. Выяснилось, что её родной сын от первого брака, *«Петр Иванович Киреевский - Ловчиков состоял инструктором в 1919 году при Смирновском волвоенкомате, в мае 1919 года вступил в Красную Армию, где пробыл год (копия справки от 20 августа 1925 года)».*

Однако эти сведения Ольге Григорьевне не помогли. Более существенными оказались *«Справка Дросковского ВИК»* от 26 августа 1925 года, в которой было сказано, что её сын Георгий Николаевич Киреевский (от второго брака – А.П.) *«бежал с белыми»,* и *«Анкета для заполнения сведений о бывших помещиках, проживающих в бывших их имениях»,* где председатель сельсовета подчёркнул, что Ольга Григорьевна Киреевская к крестьянам до революции относилась – *«деспотически»,* а они к ней - *«ненавистно».* Сама же помещица в настоящее время к Советской власти относится – *«враждебно, с затаённостью».*

Окончательный вывод, который сделали Малоархангельская уездная и Орловская губернская комиссии по выселению бывших помещиков по отношению к Ольге Григорьевне Киреевской и членам её семейства, звучал так: *«…Выселить с конфискацией имущества».* Хорошо хоть – не арестовали. Но куда выехали Киреевские в конце 1925 года, какой оказалась их судьба – выяснить мне пока не удалось.

Вместо заключения

Вот и закончились, дорогой читатель, мои очерки об орловских дворянах. Надеюсь, ты не пожалел затраченного на них времени, ведь судьбы одного или многих представителей разных родов – это часть общей и такой разной истории Орловщины. Я показал лишь малую её часть, но в ней, как в капле воды, отражаются и остальные.

В третьей книге цикла я познакомлю читателей с судьбами орловских купцов, мещан, священников и крестьян. И – уверен – это тоже будет интересно.

Твой автор – Александр Полынкин

Именной указатель к первому и второму тому книги «Кладезь орловских фамилий. Дворянские лица»

Том 1

Амелин Павел Петрович - 234
Аракчеев Алексей Андреевич - 32
Бакарев Владимир Алексеевич – 23, 37, 43
Башкатов Дмитрий Никонорович – 168
Башкатов Иван Дмитриевич - 168
Башкатов Константин Дмитриевич – 166-167
Башкатов Николай Орестович - 169
Башкатов Никонор Иванович – 162-163
Башкатов Орест Дмитриевич – 160, 162, 163, 167
Башкатовы – 3, 159, 164-165, 168-169, 171-176
Белов Алексей Олегович – 3, 143-153, 159, 169-170
Белова Алёна Алексеевна - 144
Бенигсен Георгий Павлович – 139-140
Блэксли Виктор – 142
Бражники – 239-243, 353-354
Вадковский Фёдор – 101
Веневитинов Дмитрий - 102
Вильгурский (Виельгорский) Михаил Юрьевич – 100, 156
Воинова Анастасия Петровна - 231
Волковицкие – 3, 297, 305-316
Врангель Николай Александрович – 136-138
Вревская (Вульф) Евпраксия Николаевна – 79-80
Вревский Александр Борисович – 80-83
Вревский Борис Александрович - 79
Вревский Ипполит Александрович – 39, 75-78
Вревская Юлия Петровна – 75-78
Вревские (семья) – 74
Горшков Н.А. – 36
Грин-Скарятина Наталья Михайловна – 129, 135, 144, 146
Дембская-Скарятина Мария Александровна – 111, 113
Дубровский Файбель Барухов сын (Дубровинский Фёдор Борисович)- 160, 162
Елизавета Алексеевна, русская императрица – 32
Журавский Иван Васильевич - 34
Засс, фон, Андрей Андреевич (Гидеон Генрих) – 33
Зотов Николай Иванович – 36
Иншаков Александр - 64
Иона, архиепископ Тверской – 34
Кантакузина-Сперанская, княжна – 126

Келлер Александр Фёдорович – 140-141
Клейнмихель Пётр Андреевич – 33
Клычков Андрей Евгеньевич – 62, 63, 64, 68, 69
Киреевский Николай Петрович - 157
Корф Карл Фёдорович – 33
Кретов Николай Васильевич – 33
Куракин Александр Борисович (1-ый) – 7, 8, 10, 37, 74
Куракин Алексей Борисович (2-й) – 4, 10, 11-16, 22, 26-29, 34-41, 61-65
Куракин Алексей Борисович (3-й) – 44, 46
Куракин Александр Борисович (4-ый) – 49, 50, 51, 53, 54, 58
Куракин Андрей Иванович (Курака) – 5
Куракин Борис (Леонтий) Александрович – 8, 9, 10
Куракин Борис Александрович – 46, 47, 48, 49, 57
Куракин Борис Алексеевич – 36, 39, 42, 43, 44
Куракин Борис Алексеевич (2-ой) - 44
Куракин Борис Иванович – 4, 6, 7, 8, 39
Куракин Григорий Семёнович – 5
Куракин Иван Борисович - 10, 11, 14, 28
Куракин Иван Григорьевич – 5, 6
Куракин Иван Семёнович – 5
Куракин Степан Борисович - 10
Куракин Фёдор Семёнович – 5
Куракин Фёдор Фёдорович – 5
Куракина (Чичерина) Александра Алексеевна – 36, 86-87
Куракина (Зотова) Елена Алексеевна – 36, 44
Куракина (Апраксина) Елена Степановна – 9
Куракина (Голицына) Елизавета Борисовна - 44
Куракина (Головина) Наталья Ивановна – 14, 21, 35, 65
Куракина (Мусина-Пушкина) Екатерина Алексеевна – 49
Куракина (Олив) София Сергеевна – 49, 50, 54, 55, 56, 57, 58
Куракина Анна Александровна – 54, 55, 56, 57, 58
Куракины, князья – 3, 5, 45
Лилиенфельды – 317-326
Лобанов-Ростовский Яков Иванович – 33
Мацнев Владимир Николаевич – 218-221
Мацнев Иван Михайлович – 194, 204-205
Мацнев Михаил Николаевич – 33, 194, 197, 199-204
Мацнев Михаил Михайлович (4-й) – 194-195, 207
Мацнев Михаил Михайлович (5-й) – 207
Мацнев Назар Софронович – 194
Мацнев Никифор – 211-213
Мацнев Николай Афанасьевич – 34
Мацнев Николай Михайлович – 196-199

Мацнев Родион Николаевич – 214-215
Мацнев Сергей Афанасьевич – 34
Мацнев Софрон Прохорович – 194-195
Мацнев Спиридон Тимофеевич – 195-196
Мацнева Елизавета Васильевна – 214, 217
Мацнева Мария Михайловна – 194
Мацнева Наталья Михайловна – 196-197
Мацнева Емерика Адамовна - 201
Мацневы – 3, 193-194, 202-203, 209-210, 221-224, 339-351
Меньшов Дмитрий Петрович – 270-271
Мишин Владимир Михайлович – 61-63, 65, 73
Мокроусова Алёна – 243-244
Мухортов Аким Фёдорович – 230-231, 246
Мухортов Василий Фёдорович – 230, 231
Мухортов Захар Захарович – 237-238, 246
Мухортов Захар Николаевич – 227-228, 230, 232-235, 238, 246
Мухортов Евграф Акимович – 231-232, 246-247
Мухортов Николай Васильевич – 34, 230, 232, 233, 246
Мухортов Николай Захарович – 237-238
Мухортов Николай Фёдорович – 230
Мухортов Фёдор Акимович – 246-248, 250, 251-253
Мухортов Фёдор Яковлевич – 226-227, 230
Мухортова Авдотья Сергеевна – 231
Мухортова Аграфена Николаевна – 232, 233
Мухортова (Юханцева) Александра Николаевна – 228, 237
Мухортова (Олив) Елизавета Сергеевна – 238, 246
Мухортова (Чиркина) Наталья Дмитриевна – 247, 250, 251-253
Мухортова Ольга Ивановна – 231, 246
Мухортовы – 3, 225, 229, 230, 243, 245, 253-279, 352-353
Мясоедов Григорий Григорьевич – 309-311, 314-315
Норов Пётр Дмитриевич – 39
Озерова Екатерина Петровна - 103
Олив Мария Александровна – 47, 55, 56, 57
Патенков Иван Михайлович - 58
Патенков Михаил Гаврилович - 58
Персиянинов Александр Алексеевич – 29, 43
Персияниновы – 29
Полонская-Василенко Наталья Дмитриевна – 243-245
Прянишников Фёдор Иванович – 203-204
Пуни Леонтина – 134-135
Пушкин Александр Сергеевич – 79-80
Радулович Владимир Владимирович - 297
Радулович Владимир Иванович – 297, 307

Радулович (Чиркина) София Дмитриевна – 297, 307
Римский-Корсаков Андрей Петрович – 100, 154-156, 157
Римский – Корсаков Воин Андреевич – 157
Римский-Корсаков Николай Андреевич - 158
Римская-Корсакова Софья Васильевна – 156-158
Рычков Матвей Николаевич – 43
Скарятин Александр Яковлевич – 89, 107, 110-113
Скарятин Василий Фёдорович - 155
Скарятин Владимир Владимирович – 123-130
Скарятин Владимир Яковлевич – 89, 106, 107-110
Скарятин Григорий Яковлевич – 101, 104-106, 108
Скарятин Дмитрий Дмитриевич - 116
Скарятин Дмитрий Яковлевич – 89, 107, 113-117, 149-152, 163
Скарятин Михаил Владимирович – 131-135
Скарятин Николай Дмитриевич - 116
Скарятин Николай Яковлевич – 89,107, 117-123, 187-192
Скарятин Тихон Яковлевич - 95
Скарятин Фёдор Васильевич – 93
Скарятин Фёдор Дмитриевич - 117
Скарятин Фёдор Яковлевич – 101-103, 106-107
Скарятин Яков Дмитриевич - 116
Скарятин Яков Фёдорович – 34, 89-92, 108, 154-156
Скарятина Анастасия Дмитриевна (Киреевская) – 117
Скарятина (Башкатова) Варвара Дмитриевна – 117, 145, 163
Скарятина Домника Прокофьевна – 114-115
Скарятина (Стахович) Елизавета Дмитриевна – 117
Скарятина (Келлер, Блэксли) Ирина Владимировна – 140-142
Скарятина (Врангель) Мария Владимировна – 136-139
Скарятина (Лобанова-Ростовская) Мария Михайловна - 132
Скарятина (Голицына) Мария Павловна - 108
Скарятина (Щербатова) Наталья Григорьевна – 89
Скарятина Наталья Дмитриевна – 117
Скарятина (Бенигсен) Ольга Владимировна – 139-140
Скарятины (семейство и род) – 3, 89-94, 110, 123, 136, 177-186
Скворцов Александр Егорович – 82-83
Столыпин Аркадий Дмитриевич - 266
Томсен Джордж (Егор) – 36
Тургенев Иван Сергеевич – 227-228, 235
Тургенев Николай Николаевич – 98-100
Тургенева Варвара Петровна - 98
Уваров Фёдор Петрович – 33
Ферзен Павел Карлович – 109-110
Филиппов Фёдор Филиппович - 33

Храповицкий Иван Семёнович - 33
Чекмарёв Валерий Львович -3, 297, 327-338
Чернов Николай Михайлович – 89, 90
Чечирин Павел Петрович – 87-88
Чиркин Александр Дмитриевич – 286-291, 299-304
Чиркин Дмитрий Петрович – 247, 280-283, 284-286
Чиркин Пётр Иванович - 280
Чиркина Марфа Никитична – 280
Чиркина (Мацнева) Наталья Павловна – 283, 284-286
Чиркины – 3, 280-281, 284-304, 355-357
Чичерин Александр Денисович – 85
Чичерин Денис Иванович – 83-85
Чичерины Константин, Павел и Пётр, внуки князя Алексея Борисовича Куракина – 38, 44, 87
Чичерин Пётр Александрович – 83-87
Шредер Николай Иванович – 33
Шувалова (Скарятина) Елена Григорьевна - 112
Щербатов Алексей Григорьевич – 100, 101, 102
Юрьев Иван Гаврилович – 34

Том 2

Апухтины – 261- 265, 337, 401-404
Арнольди (род и семейство) – 207-216
Архаровы – 404-406
Багратион Николай Семёнович – 143-144
Бахтин Александр Николаевич – 310-314
Болдыревы – 178-195
Болотовы – 315-319
Величко Андрей Васильевич – 152-161
Величко Василий Львович – 152
Величко Мария Александровна – 153-155
Вельяминовы-Зерновы (род и семейство) – 4-21
Вениери Николай Александрович – 87
Воейковы – 278-283
Войтяховский Ефим Дмитриевич – 337-340
Гжельские – 138-140
Глебовы – 441-444
Гончаров Фёдор Осипович – 283-287
Гончаровы – 286-287
Горчаковы – 445-450
Данилевский Николай Яковлевич – 363-367
Демидов Дмитрий Алексеевич – 320-323

Демидовы - 320
Дольст, бароны – 151-153
Дубровин Афанасий Иванович – 265-270
Зайончковский Андрей Медардович – 307-310
Зерно Дмитрий Александрович – 4
Злыгостевы – 136-138
Ильинский Дмитрий Васильевич – 287-295
Казаковы – 413-422
Казины – 199-206
Каменский Михаил Федотович – 399-403
Квитницкие – 21-29, 37
Киреевские – 78-83, 457-463
Ковальков Александр Иванович – 344-348
Козаков Иван Михайлович – 270-274
Красовские – 422-426
Кугушевы, князья – 436-440
Лавровы (дросковские) – 173-177
Лавровы (кривцовские) – 161-173
Левашов Николай Васильевич – 427-429
Левшины – 406-409
Лейн, фон – 149-151
Лонгинов Михаил Николаевич – 354-358
Лопухин Иван Владимирович – 340-344
Лясковский Валерий Николаевич – 68-89
Лясковский Николай Эрастович – 69
Лясковская (Щегляева) Анна Сергеевна – 70
Максимов Василий Максимович – 240, 242-243
Масловы – 395-399
Мейеры - 57
Мерзляков Алексей Фёдорович – 9-13
Михаил Николаевич, великий князь – 85-86
Одинцовы – 217-222
Окатов (Акатов) Александр Борисович – 410-412
Олив (род и семья) – 57-67
Оловениковы – 222-240
Павлищев Павел Иванович – 274-278
Петров Василий Петрович – 324-328
Пигарёвы – 116-132, 135-136, 138-139
Плескачевский Роман Станиславович – 27
Пожидаева Аксинья Ивановна – 111-116
Покатиловы – 240-252
Понятовский Август Станислав – 24-25
Потёмкины – 90-99

Пушкин Александр Сергеевич – 348, 351-353, 355-357
Рагозин Николай Васильевич – 5
Римский –Корсаков Николай Андреевич - 270
Римский-Корсаков Николай Петрович – 266-270
Ржевские – 142-145
Рогачёвы – 432-436
Ростопчин Фёдор Васильевич – 326-328
Рутцен, фон, Николай Карлович – 373-377
Рутцены, бароны - 374
Плещеевы – 147-149
Пясецкий Гавриил Михайлович – 382-383
Пясецкий Павел Яковлевич – 377-383
Ратиев Иван Дмитриевич, князь – 385-388
Ратиевы – князья – 384-385
Сабуровы – 257-261
Свербеевы – 64-67
Сибирские, князья – 105-110
Скоропадские – 450-456
Собакины – 100-105
Соболевский Сергей Александрович – 348-358
Соловцов Николай Николаевич – 367-372
Сухово-Кобылин Александр Васильевич – 358-363
Татищев Владимир Сергеевич – 195-199
Троицкие – 252-256
Трубицыны – 110-116, 132-134
Франк Варвара Павловна – 37-41
Христианович Сергей Алексеевич – 388-394
Христианович (род и семья) – 390-391
Цуриковы – 295-302
Чернышёвы – 145-147, 332-336
Шеины – 28-41
Шувалов Иван Иванович – 328-330
Шувалова Татьяна Родионовна - 332
Эрдели Иван Георгиевич – 66-67
Юсуповы – 92-94
Яковлев Николай Матвеевич – 302-306
Яковлевы - 306

Содержание

Мой дорогой читатель! (Вместо предисловия) 3

Глава первая.
«Дети разных народов…»

Светлые лики Корсуни: Вельяминовы-Зерновы 4
Храм, икона Корсунской Матери Божией, усадьба 4
Предводитель дворянства Верейского уезда и его семейство 5
Спасение - в орловских деревнях 6
Под покровительством Корсунской иконы матери Божией 7
Анисья Вельяминова-Зернова и Алексей Мерзляков:
история неразделённой любви 9
Владимир Вельяминов – первый русский учёный-правовед 14
Судьбы военные: Николай и Фёдор Вельяминовы 16
Владимир Владимирович и его замечательное имение 18
Тайна последнего короля
(или зачем польский шляхтич на Орловщине поселился?) 21
Из польской шляхты – в орловские помещики 21
Раз – генерал, два – генерал, три – генерал... 22
Подполковник Квитницкий – тайный слуга короля? 24
Приложение 26
Герой Цусимского сражения 28
На пользу России 28
Капитан Шеин и его «Светлана» 29
Светлая память героям Цусимы 32
Священномученик архимандрит Сергий 33
На службе царю и Отечеству 33
Василий, он же – Сергий... 34
«...Жалею вас и молюсь за вас...» 35
Школа по имени «Светлана» (о сёстрах Шеиных) 36
Место действия – Малоархангельский уезд 36
В память о брате 37
«Совесть не позволяет оставить...» 38
Приложения 40
Мейеры: немецкое семейство на Орловщине 42
Ю.К. Мейер «Записки белого кирасира» 45
Дорога на Кубань 45
Об имении Мейер в селе Кубань 47
О прасолах 50
О сельском хозяйстве 51
О Кубанском винокуренном заводе 53

Об отношениях помещиков и крестьян 53
О том, как отдыхали помещики 54
О 1917 годе 55
О судьбе членов семейства Мейер и их имения 56
О тех, кто служил в имении Мейеров 58
Семейство Олив на Орловской земле 59
Оливы и Куракины 59
Как предводитель дворянства орловских большевиков «обул» 60
Засохшие Оливы 63
Знойная Мара 66
Новосильские помещики Свербеевы 66
Чары Мары 66
Валерий Лясковский – сельский хозяин и общественный деятель 70
Отец и сын 71
Из Москвы – в орловскую деревню 72
Хозяин леса 72
«Работал я усердно…» 74
Валерий Лясковский – деятель культурной и политической жизни Орловщины 75
Его герои 75
Любитель театра и живописи 77
«Отношение моё к Советской власти лояльное…» 78
Валерий Лясковский и братья Киреевские 80
Фамильная Слободка, её владельцы и тараканы 80
С любовью им посаженные и собранные… 81
«В списке значились, но…» 83
Валерий Лясковский и дом для Великого князя 85
Куплен у Хвостова 85
«…Отделали для себя» 86
«Мостовая замощена, фонари установлены…» 87
Борисоглебская, 34 88

Глава вторая.
От князей – до священнических сыновей…

О «прелестной Татьяне» – племяннице Сиятельного Князя Таврического 92
Свадьбу устроила Императрица 92
«Когда бы не распутный нрав…» 94
Орловские драгоценности княгини 96
Воронец, Гнилец и Артек – от князей Потёмкиных 97

Храм Покрова – в память о матери 97
«Всё хорошее, доброе он делал из принципа…» 97
«…А она – от потребности её души и любви к ближнему» 99
Московские и орловские дворяне Собакины 102
Иван Васильевич меняет жену. Попытка №3 102
«Погорел» на чуме 104
Увековеченный Карлом Брюлловым 105
Князья Сибирские:
из Сибири в Персию – через Орловщину 107
Потомок хана Кучума 107
Под Австерлицем трижды ранен… 108
Пострадавший от Боспорского царства 109
Русский полковник – персидский генерал 111
Малоархангельские и ливенские помещики Трубицыны 112
Борьба за наследство 112
Большое семейство и его вотчины 116
Пигарёвы: из Черниговской губернии – на Орловщину 118
Василий Сергеевич Пигарёв – основатель рода 118
Исправник и мировой посредник, коннозаводчик и художник 120
Митрофан и его коты 123
Секретарь Великой Княгини Елизаветы Фёдоровны и внучка великого поэта 124
«Одни сплошные доктора…» 125
«Усадьба была сожжена, имущество разграблено…» 128
Конь-огонь по имени «Карабах» 130
Легенда о Карабахе 131
Приложения 134
От Пигарёвых – к Злыгостевым и Гжельским
(история одного фото) 138
Село Локно и его владельцы 143
На берегах реки Нугрь 143
Боярин Иван Милославский и дворяне Ржевские 144
Князь Багратион и Знаменская церковь 145
«Конфидент» Мусин-Пушкин и другие… 146
«Наполнен век наш суетою…» 146
Генерал-фельдмаршал от флота Иван Чернышёв 147
Богиня и её «Чёрный вран» 149
Генерал фон Лейн и барон Дольст 151
Андрей Величко: от Болховского уезда до Китая 154
Лавровы из Кривцово 163
«Ваш на земле и за гробом…» 164

Командир Лейб-гвардии Финляндского полка 165
На щите: возвращение на родину 167
Мария Александровна Лаврова: на благо орловчан 168
Вместе с другими героями 171
Приложения 173
Лавровы из Дросково 174
Сын священника 174
Студент Медико-хирургической академии 175
В борьбе с жарой, скорпионами и «чёрной смертью» 176
«Социально-опасный элемент» и художник 177
Болдыревы 178
Два Василия: генерал и поручик 178
Первый почётный гражданин Барнаула – орловчанин 179
Роман генеральских детей 182
Умер вовремя 184
«Рыцарь Святого Креста» 186
Из Ленинграда – на Соловки – и обратно 188
«Болдырев – неподражаем…» 190
От Прибалтики – до Китая и Австралии 191
Приложения 194
Орловский банкир Владимир Татищев 196
Званый обед в Воиново 196
Из кавалерийского училища – на «гражданку» 197
Финансовый гений России 198
Встретились после смерти 199
Казины 200
От адъютанта генерала – до генерал-губернатора Восточной Сибири 200
«Лошадей убивал кулаком с одного раза…» 202
А теперь – продолжение истории о покровских Казиных 203

Глава третья.
Под сенью храма Покрова

София из рода Арнольди и её предки 207
«Дело о выселении…» 207
О выселении Арнольди Софьи Константиновны С. Покровское . 207
«Принадлежала к дворянскому пролетариату…» 209
Прошение 210
Не подлежит выселению, но…. 211
Акт от 19 августа 1925 года 211

Арнольди: основатель сельскохозяйственной школы
и несколько генералов 213
**Одинцовы: от Подмосковья – до Орловщины,
от литературы – к жизни 217**
Одинец, боярин Дмитрия Донского 217
Героиня романа Тургенева 218
Приданое для дочери 218
Деревня на берегах Тетерки и Медвежки 219
Ловелас и крестьянка 220
«Определением суда младенец сей… узаконен»… 221
Оловениковы: история рода и одной семьи 222
Находка на заброшенной конеферме 222
1 марта 1881 года 223
Сёстры-революционерки 225
Служилые люди Оловениковы на Покровской земле 227
Генерал-майор Александр Оловеников 228
Как Николай, Анна и Варвара Оловениковы наследство делили 232
Родители и дети одного семейства 233
«Золотой» гимназист из 1917 года 235
«…Подвергнуть надлежащему испытанию…» 235
Из рода дворян Оловениковых 236
«Отличное поведение и отличные успехи в науках…» 237
Покатиловы – знакомые художника Максимова 240
1811 год: первые сведения 240
Штабс-ротмистр Василий Покатилов и его семья 241
Как художник Максимов у отставного майора гостил 242
Земский врач Константин Николаевич Покатилов 244
Владимир Николаевич Покатилов и его семейство 245
После революции и в первые годы Советской власти 246
Троицкие: от фотографии – к радио 252

Глава четвёртая.
Защитники Отечества

Герой Очакова и его последняя битва 257
Сабуровы – родственники царей 257
Генерал Иван Сабуров – герой «времён Очаковских
и покоренья Крыма» 258
Последняя битва генерала 260
Апухтины: «В сраженьях мы не на постели...» 261
В боях с литовцами, турками, поляками и с тушинским вором ... 261
Гавриил Апухтин: военный, предводитель, сенатор, переводчик 262

Александр Апухтин: инженер-генерал-майор и кавалер 263
Андрей Апухтин: из офицеров – в рядовые и обратно 263
Кульмский крест Афанасия Дубровина 265
Римский-Корсаков, но не композитор 266
Друзья-поджигатели 267
Как Вандам получил по мордАм 268
Один день Ивана Михайловича (как орловский прапорщик Козаков Париж брал) 270
Память возвращается... 270
Иван Козаков – настоящий гвардеец 271
Шампанское от генерала Ермолова 272
Из Парижа – в Малоархангельск 273
Упокоившийся во Мценске (генерал Павлищев) 274
Николай Воейков – адъютант генерала Ермолова 278
На службе России: воеводы, послы, стряпчие, стольники 278
Выпускник училища колонновожатых 279
Кавалер ордена Льва и Солнца 280
«Не был, не знал, не слыхивал…» 281
Честь для себя – сохранил, память о себе – оставил 282
Орловский приют генерала Гончарова 283
Родом из Одессы 283
Ранен под Чолоком 284
Командир можайцев и звенигородцев 285
Жена и дети генерала 286
Капитан I ранга Дмитрий Ильинский – герой обороны Севастополя 287
Из села Ломиполоз 288
«Святая Анна» - за спасение моряка 289
Первая бомбардировка, вылазка и орден Святого Георгия 289
Последний подвиг 291
«Похоронен соборне…» 292
Владимир Цуриков: забытый герой 295
Спортсмен-кавалерист 296
«Содействовал уничтожению армии Сулеймана…» 296
Генерал с родины Соловья-разбойника 298
Под покровительством Ильи Муромца 299
Командир 51-го Черниговского драгунского полка 299
Брусилов, Цуриков, Корнилов 301
Командир эскадренного броненосца «Петропавловск» Николай Яковлев 302
Поляк из Орла Андрей Зайончковский 307

Командир 85-го Выборгского пехотного полка 307
«Один из наших лучших военачальников…» 308
Рядом с Брусиловым 309
Александр Бахтин и его «Пантера»
***(рассказ о первом орловском подводнике)* 310**
Из рода Бахтиных 310
Герой «Моонзунда» 311
Прыжок «Пантеры» 312
Севастополь – Соловки – Ленинград – Смоленское кладбище 313

Глава пятая.
Творцы

Болотовы из Гнилого Болота 315
О первом русском агрономе и его сыне 315
Пофилософствовал – и к земле 317
Генерал и первый русский профессор геодезии 318
Дмитрий Демидов – участник открытия Антарктиды 320
Раз Демидов, два – Демидов... 320
На «Востоке» - на юг, к Антарктиде 320
«Счастливое избавление от великой опасности» 321
В память о Демидовых 322
Любимый поэт Екатерины II 324
Пишите оды, господа! 324
«Сомкнул ты очи навсегда»... 325
Тень Ясной Поляны 326
«Ужель та самая Татьяна?» 328
Иван Шувалов – «очень, очень, очень...» 328
Татьяна и её мужья 330
Орловские корни Дня российских студентов 332
Орловский граф Григорий из рода Чернышёвых 332
В деньгах себя не ограничивал… 333
«В гробу я вас видел…» 334
Французские пьесы русского графа 335
Учитель Каменского и Ермолова 337
Апухтин, Чайковский, Войтяховский... Кто ещё? 337
Из бедных шляхтичей – в профессора 338
Основатель хутора «Павлодар» 338
«Кончил жизнь, тоскуя сильно о несчастии своём...» 339
Масон Иван Лопухин 340
Вольные каменщики Орла и их тайные собрания 341
«Делать удовольствие людям...» 342

«Блистающая звезда» Ивана Лопухина 343
Пророк Александр Ковальков 344
Родная кровь: племянник или сын? 345
Полюбивший истину 346
Талант в жертву карьере 347
Сергей Соболевский – мажор XIX века 348
***Часть первая.* Друг Пушкина 348**
«Архивный юноша» 349
Светский жуир и «путеводитель для поэта» 351
Портрет для друга 352
***Часть вторая.* Знакомый губернатора Лонгинова 354**
«Добрый малый» или «сквернейший во всей Руси…»? 354
Их свела вместе память о Пушкине 355
«…Как-то речь я завела, что милее нет Орла…» 357
От отца к сыну: два «Дела» Сухово-Кобылиных
***(орловские связи известного русского драматурга)* 358**
Будьте осторожны с женщинами 358
Как прапорщик с подполковником сражался 361
«Россия и Европа» Николая Данилевского 363
Оберец – Русский Брод – Россия 363
Крым. Мшатка 365
«Соль земли Русской...» 366
Николай Соловцов – основатель театра в Киеве 367
Первым поставил пьесу Чехова 368
«Самый богатый русский частный театр» 369
Кумир Киева 370
«Впервые выступил в Орле…» 371
Киевляне помнят, а мы? 371
Фон Рутцен, он же – Руцын, он же – Рудин
***(о герое романа Тургенева и его орловском прообразе)* 373**
Немец с русской душой 373
«Изобретение Рутцена повергло меня в недоумение...» 374
«Санный паровоз» и судьба его изобретателя 375
Панорама жизни Павла Пясецкого 377
Золотая медаль и орден Почётного легиона – за картину 377
«Проявил незаурядные способности…» 380
Китай, Балканы, Дальний Восток – и далее по списку… 381
Два Пясецких. Путать не рекомендуется… 382
Как орловчанин сокровища Зимнего дворца спас 384
Из Грузии – в Орёл 384
Любитель изящных искусств и полицмейстер 385

«Посланник вечности» 386
Две тайны академика Христиановича 388
Выдающийся учёный-механик современности 388
Орловские корни Христиановича 390
Тайны академика 391

Глава шестая.
Такая разная жизнь

Братья Масловы – лакеи трёх императоров 395
Максим Маслов: из лакеев – в поручики 395
Алексей Маслов: «Служил исправно…» 396
Верный до конца… 397
Орловские следы Масловых 398
«А судьи кто?» (Михаил Каменский и Аким Апухтин в судьбе Емельяна Пугачёва) 399
Полководец и его крепость-тюрьма 399
Два генерала и хорунжий 401
Решение единогласное: «Четвертовать...» 402
«Воровство и предерзости» искоренял 403
Литературу – любил, сына – воспитал 403
Братья Архаровы и архаровцы 404
Как на Орловщине на медведей охотились 406
«Домашний памятник» Николая Левшина 406
Маленький адъютант и большие охотники 407
«Лисица» и три медведя 409
«Злодей Александр Окатов» 410
Казаковы: трагедия одной семьи 413
Разбирательство в Мясницком частном доме 413
Визит к Московскому обер-полицмейстеру 414
Герой Отечественной войны 414
Иван, сын Ивана, алкоголик 417
Приложения 418
Дмитровские похитители бриллиантов 422
«Словно мухи тут и там, ходят слухи по углам…» 422
Трое и письмо 422
За широкой спиной 423
«Взыскать сполна всю сумму…» 424
Болдыжская ссылка 425
Как губернатор Левашов орловчанам подарок сделал 426
О хлебе насущном - и не только 426
Чугун, хрусталь и мыло как произведения искусства 428

Братья Рогачёвы (тайна двух Николаев) 431
Казнь революционеров 431
Два брата 431
Родословие 433
Два Николая: тайна имени 434
Князья Кугушевы 435
Деревня княжеского имени 435
«Виновен, но заслуживает снисхождения…» 436
«…С собой шутить не позволил» 437
Русско-французская история 439
Крестник Императрицы 439
Полковник и георгиевский кавалер 440
Из Виаллата – в Глебова за два миллиона 441
Любовь и смерть княгини Горчаковой 443
Венчание. Жизнь в Городище 443
Братская измена 443
Во всех ипостасях… 445
«Я верю, что Россия спасётся…» 447
Орёл в судьбе гетмана Скоропадского 448
Особа, приближённая к императору 448
Семья и дом 450
В назидание потомкам 453
Как крестьянка помещицей стала (история одной любви с печальным окончанием) 455
На берегу Невады 455
Прекрасная купальщица 456
Короткое счастье 457
«…Вполне подходит» 458
«Слишком суровая и несправедливая мера» 459
«Не ходите, девки, замуж». За помещиков 460

***Вместо заключения* 462**

Именной указатель к первому и второму тому книги «Кладезь орловских фамилий. Дворянские лица»

Том 1 463
Том 2 467

500-00

Научно-популярное издание
12+

Александр Михайлович Полынкин

КЛАДЕЗЬ ОРЛОВСКИХ ФАМИЛИЙ

Книга вторая.
Дворянские лица

Технический редактор: С.А. Ветчинников
Дизайн обложки: А.В. Трудников

Подписано в печать 09.07.2021 г. Формат 60×84 1/16
Печать ризография. Бумага офсетная. Гарнитура Times
Объём 30,0 усл. печ. л. Тираж 100 экз. Заказ № 150

Лицензия ПД № 8-0023 от 25.09.2000 г.
Отпечатано с готового оригинал-макета в авторской редакции
в ООО Полиграфическая фирма «Картуш»
г. Орел, ул. 2-я Посадская, 26. Тел.: (4862) 44-51-46.
E-mail: kartush@orel.ru www.kartush-orel.ru

ISBN 978-5-9708-0928-0